

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ

*Из истории
международных связей
русской литературы*

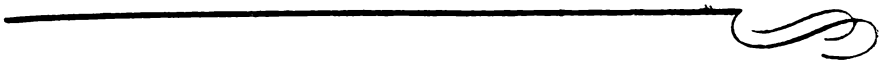

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 6 7

Ответственный редактор
академик *М. П. АЛЕКСЕЕВ*

7-2-2
162—67

Ю. Д. Левин

**АНГЛИЙСКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ЖУРНАЛИСТИКА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА**

Восприятие иностранной журналистики в русской литературе XVIII века является одной из наименее изученных областей нашего литературоведения. Не установлен самый объем заимствований, определение которого затрудняется, в частности, принятым в XVIII веке способом публикации переводов в большинстве случаев без ссылки на источник. В результате даже в самых солидных исследованиях по истории русской литературы этого периода переводные произведения нередко воспринимаются как оригинальные и соответственно интерпретируются.

Установление английских источников связано с особыми трудностями. Основными иностранными языками, распространенными в России XVIII века, были французский и немецкий. Французский язык, который стал в Европе XVIII века международным языком политики, науки и культуры, являлся в России необходимым элементом дворянского образования. Распространению немецкого языка способствовали выходцы из Германии и прибалтийских областей, подвизавшиеся во всех сферах политической и культурной жизни при Петре I и его преемниках. Английским языком владели лишь немногие наиболее просвещенные деятели русской культуры, такие, например, как А. Д. Кантемир.¹ Поэтому английские литературные произведения в XVIII веке перелagались на русский язык главным образом через посредство французских, немецких, а иногда даже и иных переводов, и соот-

---

¹ См.: М. П. Алексеев. Английский язык в России и русский язык в Англии. «Уч. зап. ЛГУ», № 72, сер. филол. наук, вып. 9, 1944, стр. 87. — Х. Грасгоф в новейшем исследовании о Кантемире указывает, что его знание английского языка было «недостаточным» (unzureichende); см.: H. Grasshoff. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966, S. 249.

ветствующие русские анонимные публикации имеют нередко вводящие в заблуждение (хотя, несомненно, справедливые) обозначения: «перевод с французского», «перевод с немецкого» и т. п. или даже ссылку на немецкий или французский журнал, на немецкого или французского писателя (Галлера, Мерсье и др.).²

В некоторых ранних работах по истории русской журналистики XVIII века уже встречаются указания на заимствования из английских журналов, но все эти указания, как правило, относятся лишь к тем сравнительно немногим статьям, которые содержат прямые ссылки на английские источники.³ Первым исследованием, в котором объем и характер журнальных материалов английского происхождения выяснялись на основании изучения первоисточников и сопоставления их с русскими переводами и переделками, была статья В. Ф. Солнцева «„Всякая всячина“ и „Спектатор“. (К истории русской сатирической журналистики XVIII века)».⁴ При всех своих достоинствах работа эта методологически несовершенна и к тому же ограничена узкими рамками: выясняет отношение одного русского журнала к одному английскому. Тем не менее она до сих пор сохраняет свое значение и неизменно учитывается при изучении журнала «Всякая всячина», хотя некоторые положения ее оспариваются.⁵

После Солнцева В. Ф. Лазурский, автор обстоятельной монографии о журналах Стиля и Аддисона,⁶ намеревался исследовать влияние этих журналов на русскую литературу. Однако помимо небольшой заметки, связанной с полемикой вокруг статьи Солнцева,⁷ он ничего не опубликовал на эту тему. Недавние поиски

---

² Ср.: П. Р. Заборов. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. В сб.: Международные связи русской литературы, М.—Л., 1963, стр. 69.

³ См., например: (В. А. Милютин). Очерки русской журналистики, преимущественно старой. 1. Ежемесячные сочинения, журнал 1755—1764 годов, статья первая. «Современник», 1851, т. XXV, № 1, отд. II, стр. 34—36; (Н. Колупанов). Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 26—27, 56, 69, 71; см. также немногочисленные ссылки в кн.: А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к Историческому розысканию о них. СПб., 1898, стр. 70 («Бродяга»), 247 («Зритель»).

⁴ ЖМНП, 1892, ч. ССLXXIX, № 1, отд. II, стр. 125—156. — Солцев также перечислял заимствования из «Spectator» в русских журналах, предшествовавших «Всякой всячине» (стр. 130—132). Однако в этом случае он указывал только статьи, содержащие ссылки на источники.

⁵ См.: например: Н. П. Автономов. «Всякая всячина». (Сатирико-нравоучительный журнал 1869—1870 гг.). Опыт исследования. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1913, кн. 2 (245), отд. II, стр. 8, 41—46; П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 220—221.

⁶ В. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона, тт. I—II. Одесса, 1909, 1916.

⁷ В. Лазурский. «Le Spectateur» и «Всякая всячина», «Русский библиофил», 1914, № 8, стр. 23—27. См. ниже, стр. 55, примеч. 147.

соответствующих материалов в рукописном наследии ученого остались безрезультатными.

Попытку охарактеризовать вклад английской журналистики в русскую литературу XVIII века сделал американский профессор Эрнест Д. Симмонс в своей книге «Английская литература и культура в России».⁸ Но его работа, содержащая немало произвольных утверждений, не может считаться удовлетворительной. Самая проблема влияния рассматривается здесь механически при почти полном игнорировании внутренних потребностей русской литературы. Приложенная Э. Симмонсом библиография переводов из английских журналов хотя и претендует на полноту, однако учитывает немногим более сотни статей, что никак не соответствует истинному положению вещей; к тому же она изобилует множеством ошибок.⁹

Польский ученый Рышард Лужны посвятил специальную главу своей недавно опубликованной книги «Из истории русской сатирической журналистики эпохи Просвещения» (1962) восприятию в России английских сатирико-нравоучительных журналов до 1766 года.¹⁰ Не довольствуясь прямыми ссылками в русских статьях XVIII века и сведениями, почерпнутыми из предшествующих русских работ (книга Э. Симмонса им не учитывается), Лужны обратился к первоисточникам, благодаря чему установил происхождение ряда статей в русских журналах и сборниках 1760-х годов. Автору удалось убедительно показать ту роль, которую играли английские журналы в русской литературе рассматриваемого периода.

Правда, Р. Лужны ограничился только журналами Стиля и Аддисона, оставив в стороне других английских эссеистов, и число его новых атрибуций сравнительно невелико. Тем не менее самая постановка проблемы выгодно отличает его исследование от отечественных работ, где игнорирование вопроса об иностранных источниках стало некоей дурной традицией. Если более ста лет назад, например, А. Н. Афанасьев мог написать о статьях в «Опытах трудов Вольного российского собрания» (1774, ч. 1), что это «две главы, переведенные из *какого-то иностранного сочинения*»,¹¹ то и в наши дни определение источников ведется под-

---

⁸ E. J. Simmons. English literature and culture in Russia. (1553—1840). Harvard university press, Cambridge Mass., 1935. pp. 102—133 (ch. V. English literature in the eighteenth-century Russian journals). — В 1965 году автор переиздал свою книгу, но не внес в нее никаких дополнений и изменений.

⁹ См. ниже, стр. 84.

¹⁰ R. Ł u ż n y. Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym okresu Oświecenia. Warszawa—Kraków, 1962, str. 27—79 (II. U początków rosyjskiej prozy satyryczno-moralnej).

¹¹ А. Афанасьев. Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой. «Отечественные записки», 1860, т. СХХІХ, № 3, отд. I, стр. 184 (курсив мой, — Ю. Л.).

час на том же уровне.¹² А в статье В. Н. Кубачевой «„Восточная“ повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века»¹³ сделана даже попытка подвести «теоретическую базу» под игнорирование иностранных источников. Автор пишет: «... в работе не всегда проводится различие между повестями оригинальными и переводными: во-первых, потому, что очень часто невозможно <!> установить источник тех повестей, которые печатались анонимно и без каких бы то ни было пояснений; во-вторых, потому, что в XVIII веке переводились на русский язык обычно произведения вполне <!> соответствовавшие идеологическим воззрениям переводчика и читательской аудитории, на которую он рассчитывал».¹⁴ Конечно, мысль о том, что идейная направленность переводимого произведения соответствует мировоззрению переводчика, в общем справедлива, хотя В. Н. Кубачева сформулировала ее с излишней категоричностью. Но следует ли из этого, что исследователю должен быть безразличен источник заимствования? Скорее — наоборот.

К чему приводит такая принципиальная установка, можно убедиться на следующих страницах работы, где исследовательница, в частности, утверждает, что распространенные в России повести «Видение Мирзы», «Обидаг» и «Видение Феодора, пустынноика Tenerифского» по своей направленности «относятся к эпохе более ранней, чем XVIII век; их идеология противоположна духу века Просвещения».¹⁵ Если бы В. Н. Кубачева выяснила, что их авторами были Джозеф Аддисон и Сэмюэль Джонсон, крупнейшие деятели английского Просвещения, она смогла бы лучше разобраться в самих повестях и правильнее оценить их идеологическое содержание.¹⁶

Мы остановились на работе В. Н. Кубачевой не потому, что она хуже других. Напротив, статья эта интересна и по постановке темы и по многим справедливым наблюдениям. Но именно исследуемый в ней вопрос сделал указанный недостаток более очевидным. Потому что совсем не безразлично, чья «восточная» по-

---

¹² См., например: Т. П. Чернышева. Московский журнал 1764 г. «Доброе намерение». «Уч. зап. Моск. гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина», т. ХСVIII, 1959, стр. 50. — Беспечность Т. П. Чернышевой доходит до того, что она даже не пытается выяснить, кто автор опубликованной анонимно в кратком изложении знаменитой философской повести Сэмюэля Джонсона «Расселас, принц Абиссинский» (Описание истории Абиссинского принца Расселия. «Доброе намерение», 1764, апрель, стр. 167—192), хотя и пишет об этом произведении (ук. соч., стр. 52).

¹³ XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 295—315.

¹⁴ Там же, стр. 296.

¹⁵ Там же, стр. 301.

¹⁶ В. Н. Кубачева также ошибается в определении первой «восточной» повести, появившейся на русском языке. Это не «Желатели» («Ежемесячные сочинения», 1755, ч. II; см.: В. Н. Кубачева, ук. соч., стр. 301), но «О краткости человеческой жизни» («Примечания на Ведомости», 1731, 30 декабря, ч. CIV) — самый ранний перевод «Видения Мирзы».

весть переводится: Вольтера, Джонсона или, скажем, Виланда, не говоря уже о необходимости разграничить оригинальные произведения и переводные.

Конечно, установление источников русских журнальных статей XVIII века — дело весьма трудное (хотя и не невозможное). Но это не основание для того, чтобы от него отказываться. Более того, пока это не будет сделано с достаточной мерой полноты, до тех пор наши исследования русской журналистики XVIII века будут лишены подлинной научной достоверности.

Настоящая работа ставит целью определить объем и характер заимствований из английских просветительских журналов в русской литературе XVIII века. В центре нашего внимания находятся статьи, почерпнутые из журналов типа «Зрителя» Стиля и Аддисона и последующих аналогичных изданий Джонсона, Хоксуорта и др. Учитываются также аналогичные материалы (нравоучительные очерки и повести), извлекавшиеся из *magazines* — ежемесячных изданий сложного состава, тогда как политические и научные статьи, заимствованные из этих журналов, как правило, не рассматриваются. Результаты работы по установлению английских источников русских статей отражены в прилагаемой библиографии.

* * *

Передовая русская литература XVIII века развивалась под воздействием просветительских идей. Русское просветительство — явление сложное и противоречивое, во многом отличное от просветительства в западноевропейских странах, где оно являлось идеологией восходящей буржуазии. В России буржуазные отношения только начинали складываться, и выходы из буржуазии никак еще не могли «выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества».¹⁷ Тем не менее передовая русская литература XVIII века при всем индивидуальном отличии ее деятелей и отдельных направлений объединяется некоторыми общими чертами, просветительскими по своей сущности. Эти черты: «стремление улучшить социально-политическое и культурное положение народа, которое всеми признавалось то в большей, то в меньшей степени неудовлетворительным, и вера в то, что „слово“, „пропаганда“ могут оказать в этом отношении решающее воздействие».¹⁸

Сочинения западноевропейских просветителей, философские, научные, публицистические, художественные, играли в России

---

¹⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1938, стр. 16.

¹⁸ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. В сб.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века, М.—Л., 1961, стр. 18.

XVIII века чрезвычайно важную роль. И это было закономерно, ибо одна из основных задач русского просветительства состояла в защите «европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России».¹⁹ К тому же литература Просвещения, по мысли и ее создателей и воспринимающей среды, была вненациональна, космополитична, поскольку она признавала единственным мерилом всего существующего разум и «естественную природу» человека, которые считались едиными для всего человечества. Это обстоятельство содействовало распространению просветительских сочинений, английских, французских, немецких и других, за пределами их стран, во всем цивилизованном мире. С другой стороны, «всеобщность» рационалистических идей и принципов, их не только вненациональный, но и внесловный, внесоциальный (внешне, разумеется) характер делали приемлемыми одни и те же произведения и в Англии XVIII века, где буржуазная революция уже произошла, и во Франции, находившейся накануне революции, и в России и Германии, где феодализм еще не исчерпал своих возможностей. Просветителям важна была не оригинальность и самобытность, а истина, которая признавалась универсальной.

Англия была той страной, где европейское Просвещение делало первые шаги. В результате двух революций XVII века — народной революции 40-х годов и переворота 1688 года, прозванного буржуазными историками «славной революцией», — установилась социальная система, исходный пункт которой «был компромиссом между поднимающимся средним классом и бывшими крупными феодальными землевладельцами».²⁰ Политическая власть оставалась в руках аристократии, которая, однако, обязывалась соблюдать интересы буржуазии. Задачи, стоявшие перед английскими просветителями, были направлены не на свершение революции (как во Франции, например), а на доведение буржуазной революции до конца. Поэтому свойственные просветительской идеологии вообще рационализм как оценка мира и человека с точки зрения законов разума и оптимизм как вера в природную доброту человека и его благую судьбу в будущем приводили в Англии, где, по словам Энгельса, «буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов», не к революционным, а к реформистским выводам. Рациональными и разумными в конечном счете признавались уже существующие мир, государственный строй, общественная структура; считалось, что они нуждаются не в коренном переустройстве, а лишь в исправлении, в устранении «неразумных» частных. Тенденции утверждения реально

---

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

²⁰ Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, 2-е изд., стр. 309.

существующей действительности сильны в английском Просвещении, особенно раннем.

Решающее значение придавалось нравственному совершенствованию человека посредством воспитания. Крупнейший английский философ-просветитель Джон Локк выпускает педагогический трактат «Мысли о воспитании» (*Some thoughts concerning education, 1693*), в котором намечает пути духовного формирования гармонически и всесторонне развитого человека, свободного от схоластических догм и религиозного фанатизма. В то же время Локк был убежденным противником атеизма. Учение Локка оказало огромное влияние на английскую просветительскую литературу.²¹

К числу наиболее значительных ранних английских просветителей принадлежат Ричард Стиль (1672—1729) и Джозеф Аддисон (1672—1719), основная заслуга которых состояла в создании сатирико-нравоучительных журналов, подготовивших английский реалистический роман XVIII века.²² В 1709 году Ричард Стиль, журналист, редактировавший правительственную «Лондонскую газету», начал выпускать трижды в неделю сатирические листки под заглавием «Болтун» (*The Tatler*). Позднее к нему присоединился Аддисон, и они издавали журнал до 1711 года. На смену «Болтуну» пришел «Зритель» (*The Spectator*), издававшийся ими обоими ежедневно в 1711—1712 годах; в 1714 году Аддисон выпустил под тем же заглавием еще несколько десятков номеров. Стиль также с Аддисоном издавал журнал «Опекун» (*The Guardian, 1713*) и самостоятельно — «Англичанин» (*The Englishman, 1713—1714*).

Основу каждого номера составлял обычно очерк (*essay*),²³ а в конце, независимо от очерка, помещалась текущая информация — всевозможные объявления о театральных и прочих зрелищах, о торгах, о вышедших книгах; иногда сообщались и политические новости. Содержание очерков было весьма разнообразно: рассуждения, отвлеченные и более конкретные, на самые различные темы философии, этики, литературы, повседневной жизни, бытописательные сценки, аллегорические «видения», новеллы, действительные и мнимые письма читателей и т. д. Цель их была двоякая: культурно-просветительная и нравственно-

---

²¹ См.: K. MacLean. *John Locke and English literature of the eighteenth century*. New Haven, 1936.

²² См.: А. А. Елистратова. *Английский роман эпохи Просвещения*. М., 1966, стр. 31—45.

²³ Слово *essay* (буквально: «опыт») имело в английской литературе XVII—XVIII веков широкое и разнообразное употребление и прилагалось к философским и эстетическим трактатам, дидактическим поэмам, нравописательным очеркам. То же название было присвоено и отдельным номерам сатирических журналов. О применении и эволюции термина см.: W. L. MacDonald. *Beginnings of the English essay*. Toronto, 1914 (*University of Toronto studies, Philol. ser.*, № 3).

воспитательная. С одной стороны, они приобщали к культуре сравнительно широкие круги читателей, давая им популярные сведения из разных областей знаний, с другой стороны (и это была основная их цель), они внушали основы просветительской морали. Последователи Локка Стиль и Аддисон показывали буднично-практическое приложение его этического учения. Они говорили об оздоравливающем воздействии природы на человека, с рационалистических позиций трактовали бога и нравственность и в то же время нападали на атеистов. Они высмеивали маскарады и карнавалы, модные танцы и суеверные предрассудки, алхимию и астрологию. Они критиковали «неразумные» общественные установления, решали практические вопросы образования и проповедовали идеи братства и равенства людей. Исаак Бикерстаф и Зритель — вымышленные лица, от имени которых писались журналы «Болтун» и «Зритель», — являлись «цензорами нравов» своего времени. При этом Стиль и Аддисон стремились облечь проповедуемые ими нравственные принципы в живую доходчивую и привлекательную форму, «оживить мораль остроумием и смягчить остроумие моралью». Умеренность взглядов издателей, которые были убеждены в кардинальной «разумности» общественных порядков, установленных «славной революцией», обусловила сравнительно безобидный юмористический тон журналов.

Популярность журналов Стиля и Аддисона показала, что авторы верно угадали потребность времени. Особенным успехом пользовался «Зритель», который только в XVIII веке был переиздан 54 раза в виде полного комплекта (текущая информация в этих переизданиях изымалась). В Англии возникло огромное множество подражаний, из которых наиболее известными были журналы крупнейшего английского критика XVIII века Сэмюэля Джонсона (1709—1784): «Скиталец» (The Rambler, 1750—1752), «Досужий» (The Idler, 1758—1760), особенно первый из них, а также «Искатель приключений» (The Adventurer, 1752—1754), издававшийся Джоном Хоксуортом (Hawkesworth, 1715?—1773) с участием Джонсона.²⁴

Пример журналов Стиля и Аддисона был подхвачен не только в Англии, но и на европейском континенте: в Германии, Франции, Голландии, Италии, Польше.²⁵ Известности английских журналов за пределами родной страны способствовали иноязычные

²⁴ См.: А. Г. Ингер. Из истории английской журналистики XVIII века (50-е годы). «Уч. зап. Читинск. гос. пед. инст.», вып. IX, Обществ. и гуманитар. науки, Чита, 1963, стр. 129—153.

²⁵ См. перечень журналов в кн.: M. Kawczyński. Studien zur Literaturgeschichte des XVIII. Jahrhunderts. Moralische Zeitschriften. Leipzig, 1880, SS. 9—43. — Библиографию литературы об английских периодических изданиях XVIII века, в том числе и об их влиянии на континенте, см.: K. K. Weed and R. P. Bond. Studies of British newspapers and periodicals from their beginning to 1800. A bibliography. «Studies in philology», extra ser., 1946, December, № 2.

переводы. «Зритель» был переведен на французский, немецкий, голландский, итальянский и другие языки. Из этих переводов наиболее был распространен самый ранний — французский, озаглавленный «Зритель, или Новый Сократ, показывающий безыскусный портрет нравов этого века» (*Le Spectateur, ou le Socrate moderne, où l'on voit un portrait naïf des moeurs de ce siècle*). Заглавие весьма характерно: оно свидетельствует, что современники придавали журналу широкое значение, считали, что он изображает нравы не одной страны, а всего «века».

Французский перевод сперва появился в Голландии, где в это время находилось большое число французских эмигрантов-кальвинистов.²⁶ Издание началось в 1714 году и со временем достигло восьми томов, включивших перевод 551 из 635 очерков «Зрителя» Стиля и Аддисона; к ним были добавлены 10 номеров, заимствованных из продолжения журнала (№№ 636—698), выпускавшегося Вильямом Бондом в 1715 году (так называемый «девятый том „Зрителя“»).²⁷ В таком 8-томном виде французский перевод многократно издавался на протяжении XVIII века в Голландии, Франции, Германии и Швейцарии. Эти издания свидетельствуют о международном успехе и популярности «Зрителя», поскольку, как мы уже отмечали, французский язык стал в это время общепонимаемым языком политики и культуры.

С французского перевода был сделан и немецкий перевод, издававшийся с 1719 года во Франкфурте и Лейпциге под заглавием «Спектатёр, или Благоразумные размышления над развращенными нравами нынешнего мира» (*Der Spectateur, oder vernünftige Betrachtungen über die verderbten Sitten der heutigen Welt*). Хотя немецкий переводчик и заявлял во вступлении, что перевод сделан с английского, но отбор и нумерация очерков, текстуальные отклонения, само название *Spectateur* (а не *Spectator*), наконец, иллюстрации (портрет Стиля на фронтисписе первого тома), — все свидетельствует о том, что источником служил французский перевод.²⁸

²⁶ См.: L. Reynaud. *Histoire générale de l'influence française en Allemagne*. Paris, 1914, p. 409.

²⁷ См.: J. Crossley. Volume ninth of the «Spectator». «Notes and queries», ser. 1., v. VI, № 156, 1852, October 23, pp. 381—382; W. Graham. *The beginnings of English literary periodicals. A study of periodical literature. 1665—1715*. New York, 1926, p. 73.

²⁸ Подробнее о «Der Spectateur» см.: M. Blassneck. *Frankreich als Vermittler englisch-deutscher Einflüsse im 17. und 18. Jahrhundert*. Leipzig, 1934, SS. 57—67 (*Kölner anglistische Arbeiten*, Bd. XX). Кавчинский (M. Kawczyński, *op. cit.*, S. 19) и Мильберг (E. Milberg. *Die deutschen moralischen Wochenschriften des XVIII. Jahrhunderts*. Meissen, 1880, S. 6) не упоминают этого издания «Der Spectateur» в перечне немецких нравоучительных журналов, но приводят менее пространное заглавие трехтомного нюрнбергского издания 1719 года: *Der Spectateur, oder Betrachtung über die verdorbenen Sitten der Welt*. До 1719 года немецкие читатели могли знакомиться с очерками «Зрителя» и «Болтуна» по переводам-переделкам, печатавшимся в пер-

Немецкий «Спектатёр» пользовался известной популярностью до 1739 года, когда он был вытеснен новым, полным переводом, который был сделан уже с английского оригинала женой Готшеда при возможном участии литераторов круга Готшеда и озаглавлен уже по-немецки «Зритель» (*Der Zuschauer*).²⁹

На французский язык были также переведены «Опекун» (под заглавием «Новый ментор») в 1723 году³⁰ и «Болтун» в 1724 году.³¹ Первый перевод послужил оригиналом для немецкого перевода 1725 года «Верный наставник».³²

В России первым из английских журналов стал известен, по-видимому, «Зритель». Причем знакомились с ним главным образом по французскому и немецкому переводам, поскольку английский подлинник был доступен лишь немногим.³³

В самом раннем свидетельстве об известности «Зрителя» в России упоминается французский перевод. 4 декабря 1725 года П. Д. Апостол — сын миргородского полковника, будущего гетмана Запорожского войска Д. П. Апостола, находившийся при петербургском дворце в качестве заложника, — записал в дневнике, что он был с отцом у князя А. Д. Меншикова и купил у него за 10 рублей различные французские книги, среди которых названы и три тома «*Le Spectateur*».³⁴

По-видимому, тогда же, т. е. в середине 1720-х годов, был сделан первый русский перевод из «Зрителя» (№ 139), озаглавленный «Параллель. Между Людовиком 14-м и Петром Алексе-

---

вом немецком «моральном» журнале «Разумник» (*Der Vernünftler*, Hamburg., 1713; см.: K. J a s o b y. Die ersten moralischen Wochenschriften Hamburgs am Anfange des achtzehnten Jahrhunderts. Wilhelm-Gymnasium zu Hamburg. 7. Jahresbericht. Schuljahr 1887—1888. Hamburg, SS. 6—22).

²⁹ См.: E. E. M i l l e r. «Der Zuschauer». 1739—1743. «Modern Language Notes», v. XLVI, 1931, January, № 1, pp. 35—38.

³⁰ *Le Mentor moderne, ou Discours sur les moeurs du siècle; traduit de l'anglois du Guardian de Mrs. Addison, Steele et autres auteurs du Spectateur*, tt. I—III. La Haye, 1723.

³¹ *Le Babillard, ou le Nouvelliste philosophe. Traduit de l'anglois, par A. D. L. C. Amsterdam, 1724.*

³² *Der getreue Hofmeister, sorgfältige Vormund und neue Mentor oder einige Discurse über die Sitten der gegenwärtigen Zeit, welche unter dem Namen des Guardian von Herrn Addison, Steele und andern Verfassern des Spectateur, aus dem Englischen übersetzt von Ludwig Ernst von Faramund. Leipzig, 1725.* — О том, что этот перевод сделан, несмотря на указание на титуле, не с английского оригинала, а с французского перевода, см.: М. В l a s s n e c k, op. cit., pp. 71—75.

³³ В библиотеке А. Д. Кантемира, например, содержались следующие английские журналы начала XVIII века в лондонских переизданиях 1730-х годов: «The Freethinker», «The Talter», «The Spectator», «The Freeholder», «The Guardian» (В. Н. А л е к с а н д р е н к о. К биографии князя Кантемира. «Варшавск. унив. изв.», 1896, кн. III, стр. 34—35, №№ 488—490, 498, 502).

³⁴ Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725—май 1727 г.). «Киевская старина», 1895, т. L, июль—август, стр. 126. — На это свидетельство обратил внимание еще Алексей Веселовский (см.: Западное влияние в новой русской литературе. 2-е изд. М., 1896, стр. 104).

евичем, царем Московским, касающийся славы»; перевод этот сохранился в рукописи.³⁵

В «Зрителе» № 139, выпущенном впервые 9 августа 1711 года, Петр I и Людовик XIV, величайшие современные государи Европы, противопоставлялись как воплощения истинной славы и ложной, суетной. Политическая подоплека этого очерка была довольно сложной. Франция и ее король как основные противники Англии в войне за испанское наследство (1701—1713) неоднократно подвергались нападкам на страницах «Зрителя», хотя издатели его, как правило, старались держаться в стороне от политических бурь.³⁶ Идеализированная характеристика Петра потребовалась ее автору Стилю главным образом для того, чтобы в противоположность ему развенчать ненавистного Людовика XIV. В то же время это прославление русского царя было обусловлено, с одной стороны, неизмеримо возросшим его международным авторитетом после полтавской победы, а с другой — оппозиционной настроенностью вига Стиля по отношению к торийскому правительству, которое, будучи напугано усилением России, плело сеть политических интриг, направленных против нее.³⁷

Несмотря на свою явную антифранцузскую направленность, «Зритель» № 139 был включен во французское издание (t. III, disc. 1), хотя, по-видимому, не без некоторых колебаний со стороны составителей.³⁸ Обнаруженный нами русский перевод был сделан с французского, как показывают его заглавие³⁹ и текст.⁴⁰

---

³⁵ Архив АН СССР, Лен. отд., р. II, оп. 1, № 205, лл. 17—19 об. — Основанием для датировки рукописи служит филигрань с изображением четырех якорей, образующих прямой крест. Бумага с такой филигранью изготовлялась первой русской бумажной фабрикой, построенной Петром I около Дудергофа. С. А. Клепиков (Филиграни и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, стр. 76, № 869) относит ее распространение к 1721—1727 годам. Н. П. Лихачев (Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II. СПб., 1899, стр. 424) указывает, что этот знак «наиболее употребителен в последние годы царствования Петра Великого». В. И. Малышев, знакомившийся с рукописью по нашей просьбе, также относит ее к 1720-м годам на основании характера скорописи.

³⁶ См.: В. Ф. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона, т. II, стр. 282—292.

³⁷ См.: Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. 1950, стр. 69—90; M. S. Anderson. Britain's discovery of Russia. 1553—1815. London, 1958, pp. 56—63.

³⁸ Это можно заключить из того, что перевод вошел не во II том французского издания, где помещены в порядке последовательности 70 очерков «Зрителя», отобранных из №№ 89—207, а в III том. Причем рядом с этим переводом помещены еще два ранее пропущенных очерка: № 180 (t. III, disc. 2) и № 200 (t. III, disc. 3), также направленные против Людовика XIV.

³⁹ Французское заглавие: *Parallèle de Louis XIV et d'Alexowitz, Czar de Moscovie, sur le chapitre de la gloire.* — Ни английский оригинал, ни немецкий перевод 1725 года заглавий не имели.

⁴⁰ Ср., например, английский оригинал: «Peter Alexovitz of Russia, when he came to years of manhood... turned his thoughts upon himself and people

Имя русского переводчика нам неизвестно. Очевидно, однако, что он был связан с Академией наук. Его, разумеется, мало заботили политические мотивы, побудившие Стиля написать свой «эссе». Ему было важно ознакомить соотечественников с таким примечательным свидетельством европейского признания, которое получил Петр. Он опустил общие рассуждения в конце очерка и поставил точку там, где было окончено сравнение Людовика и Петра.

Вполне вероятно, что перевод не предназначался для печати, и цель переводчика ограничивалась информацией, адресованной к сравнительно узкому кругу заинтересованных лиц, быть может, еще при жизни Петра. Рукопись находилась при Академии наук и в декабре 1747 года во время пожара в Академии была спасена вместе с некоторыми другими бумагами библиотечным помощником Андреем Богдановым и сохранилась до наших дней.⁴¹

1 февраля 1731 года секретарь Академии наук И.-Д. Шумахер в письме к В. К. Тредиаковскому интересовался его переводческой работой. В числе произведений, пригодных для перевода, были названы и «разговоры нашего любезного Зрителя» (*discours de notre cher Spectateur*, — письмо написано по-французски).⁴² Эти слова показывают, что «Зритель» не только был известен к этому времени в России, но уже успел стать «любезным» настолько, что возникла потребность в переводе его «разговоров».⁴³

Неизвестно, откликнулся ли Тредиаковский тогда на предложение Шумахера, но впоследствии, в конце 30-х или в 40-х годах XVIII века он перевел тот же 139-й номер «Зрителя», озаглавив его: «Из книги, называемая Спектатор. Сравнение между Людовиком XIV и Петром Алексеевичем, российским императором, в рассуждении славы».⁴⁴ Перевод этот был также сделан

---

with sorrow. Sordid ignorance and a brute manner of life this generous prince beheld, and contemned from the light of his own *genius*». Французский перевод: «Lorsque Pierre Alexowitz eut atteint l'âge de raison . . . par la seule force de son génie, il tourna les yeux sur lui-même et fut pénétré de douleur à la vue de l'ignorance profonde et de la grossièreté brutale, où son peuple vivoit». Русский перевод: «Когда Петр Алексеевич достиг же лет совершенных . . . единою токмо силою разума своего обрати очи свои на самого себе и уязвися болезнию на виде глубочайшие глупости и намерзлое обхождение, в котором народ его живет».

⁴¹ Публикацию ее см. ниже, стр. 80—81.

⁴² П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 27.

⁴³ Употребление термина *discours* позволяет полагать, что Шумахер понимал французский перевод журнала.

⁴⁴ Архив АН СССР, Лен. отд., р. II, оп. 1, № 206, лл. 197—200 об. — Обнаружить этот перевод нам помог И. З. Серман, которому мы приносим свою благодарность. Ранее рукопись находилась в Библиотеке Академии наук, где ее нашел Пекарский и впервые упомянул в печати (История имп. Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 26). Датируется предположительно по филигранным «Комерц коллегии», распространение которой С. А. Клепиков (Филигранны и штемпели, стр. 51, № 309) относит к 1738—1746 годам.

18

Параболъ. Мѣръ образнаго 14 Кипрора
акѣнѣвскѣмъ царемъ Московитинъ
Касавшася слави,

Свѣтъ ступитъ котораго побѣждаетъ
славно и часть дурнаго. Но, любя къ
пѣ, и божи снѣ находима въ ринцахъ,
ноное есть истинна ии великому доору
или великому снѣ. Когда же доипае тамо
имѣтъ снѣ божиго части, то снѣ
разны ихъ дѣлаетъ высоко мѣрию. Не же
трапо величина: не же ли же натуралное
снѣиетъ ихъ. Лтому припадитъ то мѣру
снѣиетъ величине рѣстныя намѣренія.

Два величия славно превосходяща
имѣтъ свѣтъ въ Европѣ, есть лбога
14. король французскѣмъ Кипрора акѣнѣвскѣмъ
императорѣ русскѣмъ. Нопое же проиасе
не невеста есть Осклаво надѣстатъ
Кипринки: а снѣ немалое мѣро имѣтъ
десетѣ когда мѣрнуть, снѣ снѣ дѣло

Первый русский перевод из «Зрителя» (№ 139), 1720-е годы.
Архив Академии наук СССР.

Изъ Книги называемой

(X) Снотворитель.

СПЕЖТІА ПІОРЪ

Сравненіе между Аурожіею XIX. и Петербургомъ въ отношеніи
аэрономіи въ Россіи. Петербургъ въ отношеніи
въ нѣмъ классъ.

I. РІТЪБ.

Peri Gloria radices auri, atque etiam propra-
datur: ficta omnia celeriter, tanquam fluvius,
descidunt, nec stimulum potest quidem esse
obstantium.

Ціцет. о долготѣ. Кн. II. гл. II.

Толка:

Пустыя слава и честолюбіе, и честолюбіе
всегда уклоняется, но ни въ прѣдвѣдѣ, —
и прѣдвѣдѣ, не можетъ долго существовать,
и Чаша своего пропадаетъ, какъ цыганъ.

Изъ этихъ стрекотаній, которыми
бодураются Человѣковъ, нѣтъ только сла-
вѣ, какъ желаніе славы. (Ѣдъ наипрѣ-
образъ дѣйствительна въ Снотворитѣ, но по-
тому, и бываетъ истинною или сабою
великаго добра, или сабою великаго зла.
~~Снотворитель~~ ^{Котора} возмущеніе нѣтъ въ ней и нѣтъ
иное утѣшеніе, ~~тоже~~ духъ и становитъ
болѣе высокомернаго, и нежелаетъ болѣе

с французского перевода, но в отличие от своего предшественника Тредиаковский перевел статью полностью.

Цели Тредиаковского очевидны. Сторонник просвещенного абсолютизма, он всегда видел в Петре идеал монарха, воспевал его в своих стихотворениях («Элегия о смерти Петра Великого», «Похвала Ижерской земле и царствующему граду — Санкт-Петербургу»), ставил в пример последующим царям («Приветственная ода Елизавете»). И передавая по-русски идеализированную характеристику государя, который «сам оставил свой трон, дабы... уведомиться о всех науках, полезных обществу», и «чрез свой труд, искусство и храбрость получил себе бессмертную славу», Тредиаковский как бы выступал с уроком царям. Такой же смысл впоследствии он вкладывал в перевод «Аргениды» Барклая, где изображенный идеал монархии становился обличением монархии Елизаветы.⁴⁵ Показательно, что перевод Тредиаковского не был опубликован, хотя несомненно предназначался для напечатания. Наследники Петра I, как известно, весьма ревниво относились к восхвалениям покойного императора, не без основания видя в них укор себе. Возможно, что и содержащееся в переводе осуждение суетного тирана Людовика XIV, его хитрых министров и развращенного двора было истолковано расширительно и также воспрепятствовало опубликованию перевода.

Перевод Тредиаковского интересен для нас еще в одном отношении. Сопоставление его с предшествующим анонимным переводом, весьма корявым и неуклюжим, показывает, насколько развился и усовершенствовался русский литературный язык за отделяющие их 15—20 лет, причем в этом прогрессе немалая была заслуга самого Тредиаковского.

«Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексиевичем...», как отмечалось, не увидело света.⁴⁶ Но к этому времени в русской печати уже появилось несколько других переводов из английских журналов и в первую очередь из «Зрителя».

* * *

В 1728 году в Петербурге начали выходить «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (ниже в тексте и ссылках: «Примечания»). Первоначальное их назначение заключалось в комментировании официальных известий, печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях». Оба издания выпускались Академией наук. В первом номере «Приме-

---

⁴⁵ См.: Л. В. Пумпянский. Тредиаковский. В кн.: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 245.

⁴⁶ Публикуется ниже в прилож. I, см. стр. 81—83.

чаний» за 1729 год в обращении к «благосклонному читателю» издатель (Г. Ф. Миллер) указывал, что задача журнала «публичные ведомости нашим читателям толь лутче и вразумительнее изъяснять». Помимо исторических, генеалогических и географических сведений предполагалось также «из разных частей натуральной, церковной и ученой истории многое прибавлять, что мы нашим читателем приятного и полезного изыщем».⁴⁷ Просветительские задачи издания особенно отчетливо были сформулированы в обращении к читателю 1731 года. Говоря, что журнал сообщает «о деяниях мирских и примечания достойных приключениях» и разъясняет «о искусствах и науках то, что человеческому роду полезнее есть», издатель добавлял: «То может тебя к разуму, сие же к наукам приводит; то есть тебе во известие, сие в научение, но обое к твоему удовольствию склоняется».⁴⁸ Это соединение «приятного и полезного», науки с удовольствием было характерно именно для просветительских взглядов, поскольку просветители считали, что познание истины приносит человеку счастье.⁴⁹

В начале обращения 1829 года упоминались предшественники «Примечаний» — «моралические понеделные писма» и отмечалось, что почти все они «от некоторого времени остановлены»: «Патриот устав от ревнования. Хулителницы перестали хулить. Аспектатор, который в рассуждении превращенных нравов и обычаев человеческих боле всех свои дела продолжал, однако ж напоследок ослепел. А как долго Бидерман роптать будет, время покажет».⁵⁰ Здесь перечислены важнейшие немецкие нравоучительные журналы этого времени, созданные по образцу изданий Стиля и Аддисона: гамбургский «Патриот» (*Der Patriot*, 1724—1726) и лейпцигские журналы Готшеда «Разумные порицательницы» (*Die vernünftigen Tadlerinnen*, 1725—1726) и «Честный человек» (*Der Biedermann*, 1727—1728).⁵¹ Даже говоря об «Аспектаторе», автор имел в виду немецкий перевод журнала, изданный в 1719 году, что явствует из

---

⁴⁷ «Примечания», 1729, ч. 1, 4 января, стр. 2.

⁴⁸ Там же, 1731, ч. 1, 4 января, стр. 2.

⁴⁹ Отметим, что в дальнейшем некоторые русские журналы XVIII века стремились соединить эти два понятия в своем заглавии, например: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». «Полезное увеселение», «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», «Полезное с приятным», «Собрание новостей... кои могут служить к знанию пользе и увеселению людей всякого сословия», «Приятное и полезное препровождение времени» и др.

⁵⁰ «Примечания», 1729, ч. 1, стр. 1—2. — Все эти названия снабжены пояснительными сносками: «Патриот, ревнитель о пользе отечества»; «Хулителницы, которые все недобродетели хулят»; «Аспектатор: зритель или рассуждатель о всяких делах»; «Бидерман, честной человек, також де о добрых и злых делах рассуждающий. Сии суть такие книги и писма, которые под сими званиями издаются» (там же).

⁵¹ См.: М. Kawczyński, *op. cit.* SS. 19—20; E. Milberg, *op. cit.* SS. 6—7.

слов: «в рассуждении превращенных нравов», явно подсказанных немецким заглавием (см. выше, стр. 11).

Ориентация на немецкие журналы была закономерной. «Примечания», как и «Санкт-Петербургские ведомости», издавались Академией наук, большую роль в которой играли немецкие ученые («Санкт-Петербургские ведомости» выходили параллельно на русском и немецком языках). Редактором обоих изданий был Г. Ф. Миллер. Но немецкие журналы, на которые ориентировалась «Примечания», в свою очередь создавались по английскому образцу, следовательно, косвенным образом «Примечания» испытывали английское воздействие.

Одной из особенностей, объединявшей «Примечания» с западными нравоучительными журналами, была необязательность злободневности, благодаря чему материал, помещенный в журнале, не устаревал и продолжал интересовать читателей на протяжении многих лет.⁵² «Примечания» тоже переиздавались (правда, в сокращенном виде) — в 1765—1766 годах в Москве и в 1787—1791 в Петербурге; последнее издание было осуществлено Академией наук.

Первоначально издатель намеревался ограничить содержание «Примечаний» (в отличие от западных образцов) лишь такими материалами, в которых содержатся положительные сведения из той или иной области знания, необходимые для пояснения «Ведомостей», и предупреждал читателей, «чтоб от нас так имянуемые резонеры или рассуждения не ожидать, какие на других местах со оными примечаниями сообщать обыкновенно есть».⁵³ Однако по мере того как «Примечания», несмотря на заглавие, подчеркивающее их связь с «Санкт-Петербургскими ведомостями», все более обособлялись от газеты, превращались в самостоятельный журнал, становилось ясным неудобство такого ограничения, ибо для просветителя образование и воспитание неразрывно связаны, а внушить читателям некие этические принципы невозможно без «так имянуемых резонеров или рассуждений». И уже в 1731 году издатель нарушил первоначальное решение. Поводом послужило опубликование в семи частях «Примечаний» цикла статей о времени, его разделении и измерении, о часах и календарях. Сообщение одних фактических сведений об этом показалось издателю недостаточным, и он специально оговорил в обращении к читателю нововведение: «...надеемся, что в том никакой досады не учиним, когда в некоторых впредь последующих полулистах наших примечаний о сем деле (времени, — Ю. Л.) нечто пространнее рассуждать станем и объявим, как разные народы вселенныя оное время разделяют... причем також де не

⁵² См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 23.

⁵³ «Примечания», 1729, ч. I, стр. 2.

оставим многие полезные вещи к подлинному познанию времени сообщить, а особливо и о полезном употреблении оного некоторые рассуждения приложить».⁵⁴

Так был впервые на русском языке опубликован очерк из «Зрителя» и вообще из английского моралистического журнала. Публикация была озаглавлена: «О полезном употреблении времени; переведено из аглинской книги, Спектатор именуемой, из второй части четвертый разговор» (1).⁵⁵ Нумерация показывает, что источником как этого, так и опубликованных впоследствии «разговоров» из «Спектатора», служил французский или немецкий перевод (соответствующий английский очерк идет под № 93). В дальнейшем эти очерки публиковались уже безотносительно к содержанию предшествующих номеров «Примечаний». За пять лет — с 1731 по 1735 год — были напечатаны 12 очерков из «Зрителя», один из «Болтуна» и три из «Опекуна»: в 1731 — 9, в 1732 — 4, в 1733, 1734 и 1735 — по 1.

Публиковавшиеся очерки имели двойкий характер: нравоучительный и религиозно-философский. Впрочем, философские рассуждения обычно приводили также к нравоучительному назиданию. Упомянутый выше очерк, принадлежавший перу Аддисона, имел своей целью разъяснить читателям, какие занятия полезны с точки зрения просветительских принципов, а какие бесполезны или вредны. Автор осуждает праздное времяпрепровождение. Особенно ополчается он против карточных игр и поражается, как могут разумные люди сидеть по двенадцать часов сряду, тасуя и раскладывая карты и думая лишь о разных фигурах, образуемых красными и черными пятнышками. Он дает советы, как разумно заполнить время, которое кажется «пустым местом». Первый способ — «рачение к добродетели»: «неученых обучать, нищим помогать и печальных утешать», второй — мысленное соединение с богом и, наконец, — «какие полезные и не неприятные забавы чинить»: беседы с друзьями, занятия искусствами, садоводством и особенно чтение книг. Просветительский характер этих рекомендаций очевиден.

Борьбе с одним из наиболее распространенных пороков, препятствующих овладению культурой, посвящен «Перевод из аглинского Татлера... О чрезмерном питии» (9). Здесь показаны пагубные следствия пьянства, вред, который наносят пьяницы окружающим и себе, вплоть до того, что «сами себе убийцами бывают». Причиной пьянства объявляется неразумие: «... тот, ко-

---

⁵⁴ Там же, 1731, ч. 1, стр. 4 (курсив мой, — Ю. Л.).

⁵⁵ Здесь и дальше курсивные цифры в скобках являются ссылками на номера записей «Материалов к библиографии английской журналистики в русских переводах XVIII века», публикуемых ниже в виде прилож. II (стр. 84—109).

торый разума не приемлет, всему тому виновен, что от недостатка разума рождается».

С культурой поведения в обществе связан «Перевод LXI разговора из I части Спектатора» (5), представляющего собою характерологический этюд о рассеянности («задумчивости» — в русском переводе) и написанного под влиянием Лабрюйера.⁵⁶ Этот очерк имеет для нас особый интерес. В качестве средства от рассеянности автор⁵⁷ предлагает внимательно относиться ко всему, что человек видит или слышит, ибо из всего можно извлечь какое-то поучение. И поясняя свою мысль примерами, он, между прочим, говорит, что способен следить с тем же вниманием за кукольной комедией или оперой (т. е. пустыми зрелищами, по его понятиям), что и за «Гамлетом» или «Отелло». В русском переводе это звучало следующим образом: «...и я при смотреии куколных игор или оперы с таким же вниманием быть могу, как при показании преизрядных Гамлетовых и Отелоновых комедий». Так шекспировские пьесы были впервые названы в русской печати за 17 лет до первого печатного упоминания имени самого драматурга.⁵⁸

Переводы XLII и XLVIII «разговоров» «из II части аглинского Спектатора» (3, 4) были посвящены рассуждениям о добром нраве, т. е. также имели целью воспитание общественных эмоций. Здесь говорилось, что помимо трудностей, с которыми сопряжена человеческая жизнь по своей природе, люди «еще всякими мерами тщатся, чтоб им между собою самим себя мучить». Тогда как можно облегчить тяготы жизни, если бы каждый «друг другу приятством, любовию и соболезнованием вспомоществовать хотел». Прославление добронравия сочеталось с поповедью благотворительности.

Близок к этому по духу «Перевод из Спектатора, часть V, разговор 10» (11), в котором развивается мысль о том, что «благатством пороки, а скудостию добродетель закрывается» и что «средний путь между обоими сими состояниями ... есть наилучший и надежнейший к просвещению разума и к получению добродетельного жития».

Сатирические, юмористические и бытописательные очерки не привлекали издателя «Примечаний». Единственный очерк, в котором имеются элементы сатиры, — это «О смешном суеверии безумных людей. Переведено из аглинского Спектатора VII разговор» (2). Здесь вначале дана бытовая картинка — посещение

⁵⁶ См.: В. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона, т. I, стр. 209—210.

⁵⁷ Юстес Баджел (Budgell) — близкий Аддисону литератор. О нем см.: В. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона, т. I, стр. 98—100.

⁵⁸ См. нашу заметку «О первом упоминании пьес Шекспира в русской печати» («Русская литература», 1965, № 1, стр. 196—198).

семейства приятеля, где все происшествия, сообщения и сны истолковываются как дурные предзнаменования. Однако основу очерка составляют рассуждения о нелепости суеверий. Единственное средство «от сих печальных предвозвещений и ужасов» — упование на бога: «...я о милости и защищении оного высочайшего существа обнадежен, которое приключения определяет и над будущим владевает... Подлинно знаю, что всемогущий бог все сие прежде знает и что он меня и при последнем часе утешать и содержать не оставит», — заключает «Спектатор».

Эта концовка весьма показательна для направленности и английского, и русского журнала. Стил, Аддисон и их единомышленники как идеологи английского феодально-буржуазного компромисса были не только лично верующими людьми, но и пропагандистами религии. Однако вера, которую они проповедовали на страницах своих изданий, не была незыблемо-догматическим и нетерпимым христианством средневековья. Они всячески избегали касаться христианских догматов и мифологии. Основные положения их религии состояли в признании вечного и всемогущего бога, бессмертия души и связанных с этим незыблемых нравственных законов. Они не были создателями какого-либо оригинального вероучения, но стремились, как и большинство английских просветителей, особенно ранних, создать некое «очищенное», согласованное с разумом христианство, которое, с одной стороны, не препятствовало бы распространению просвещения, а с другой — оберегало бы устои классового общества. Их религия, проникнутая терпимостью, в равной мере противостояла как суеверию и религиозному фанатизму, так и религиозному свободомыслию, деизму и атеизму.

Эти принципы «просвещенной» религии, видимо, пришлись по душе издателю «Примечаний». Недаром половина помещенных здесь очерков из «Зрителя» посвящена религиозно-нравственным вопросам. Три из них содержали рассуждения о бессмертии души. Это «Перевод LX разговора из 5-ой части аглинского Спектатора» (10), «Перевод разговора аглинского Спектатора о бессмертии души» (12) и «Перевод LVI разговора VI книги аглинского Спектатора. Письмо к Спектатору о бессмертии души» (14).

Первый представлял собою письмо священника, находящегося на одре болезни и рассуждающего о смерти. При этом он приводил отрывок из трактата английского проповедника Вильяма Шерлока (Sherlock) «Практическое рассуждение касательно смерти» (A practical discourse concerning death, 1689), смысл которого: «Смерть отверзает наши очи и делает, что мы в зело дальнем проспекте новый отвсюды славою окруженный мир увидим, в который мы до тех пор ни однажды заглянуть не можем, пока от уз телесных не разрешимся». В конце письма приводился французский сонет Ж. де Барро «Grand Dieu, tes jugemens sont remplis d'équité», сопровождаемый русским силлабическим рифмо-

ванным переводом («Боже! коль твои судьбы правости суть полны!»), который, возможно, был выполнен Третьяковским.⁵⁹

Однако подобные чаяния загробной жизни не были характерны для Стиля и Аддисона. Их вера носила практический характер. Уверенность в бессмертии души должна была служить стимулом к нравственному совершенствованию здесь, в земной жизни. Именно эта мысль развивалась в следующем из названных очерков, принадлежавшем Аддисону. Стремление души к совершенству, к которому она приближается, но никогда достигнуть не может, есть, по его утверждению, доказательство ее бессмертия. Кроме того, это стремление делает душу угодной богу: «Сие Богу не может неприятно быть, когда он видит, что его творение ежедневно лучше и ему самому всегда подобнее становится».

Близкое рассуждение содержится в последнем из трех перечисленных очерков. «Сие понятие будущия вечности, которое душе человеческой есть природное, непреодолимо доказывает, что она на то определена, чтоб ей быть оныя причастною; а особливо, что она как к добродетелям, так и к порокам есть способна; и что она такие силы имеет, которые бесконечно умножаться могут, и что чрез оных доброе или злое употребление она благополучною или несчастливою во всю вечность может учиниться». Очерк завершался прозаическим переводом монолога Катона о бессмертии души из трагедии Аддисона «Катон» (действие V, явление 1). Впоследствии этот монолог пользовался в России известной популярностью и неоднократно переводился на русский язык прозой и стихами.

Из религиозно-моралистических очерков «Зрителя» в «Примечаниях» были также напечатаны: «Перевод из Спектатора, часть V, разговор XI» (13), представлявший собою рассуждение о «средствах», с помощью которых «вера в наших сердцах утверждается и вкореняется», и «Перевод XVI разговора из V части аглинского Спектатора. О действиях надежды вообще, а особливо оныя, которая основана на благочестии» (15). В последнем утверждалось, что «оная жизнь есть наисчастливейшая, которая исполнена надежды, а особливо когда оная надежда твердо основана и когда то, чего надеются, есть толь высокого существа, что употребление онога надевшегося человека благополучным учинить может».

Особо следует остановиться на очерке «О краткости человеческия жизни. Переведено из аглинского Спектатора. Часть II. Разговор 36» (8). Это написанная Аддисоном аллегория, известная под названием «Видение мирзы» (The vision of Mirza; в «Примечаниях» — «Явление мирцы»). Рассказ ведется от имени не-

---

⁵⁹ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 66.

коего багдадского мирзы, которому предстало аллегорическое видение человеческой жизни в образе моста посреди моря, который состоял из семидесяти целых и около тридцати разрушенных арок. По этому мосту двигалась толпа, постепенно редевшая, так как люди проваливались в отверстия и исчезали в потоке. Далее мирза увидел картину загробной жизни. Алмазная гора делила океан на две части. Одна часть, окутанная черными облаками, была скрыта от взоров; другая была усеяна множеством островов, обитатели которых вкушали вечное блаженство. Сопровождающий мирзу гений убеждает его не бояться смерти, которая приведет к такой блаженной жизни, но он отказывается открыть тайну мест, скрытых облаками, и исчезает.

Видение ясно раскрывает цели Аддисона. Его не интересует изображение загробных мучений, наказывающих пороки, ибо ему недостаточно пассивного отстранения от греха, отказа от «мирской суеты». Ему нужна активная добродетель, «труды», имеющие целью обретение загробного блаженства.

«Видение мирзы» пользовалось необычайным успехом у издателей русских журналов. В течение XVIII века оно печаталось в разных переводах по крайней мере еще семь раз. Когда в 1765—1766 отдельные номера «Примечаний» переиздавались в Москве под названием «Примечания о разных материях», в переиздание были включены три очерка из «Спектатора», (111—113) и среди них «явление мирзы».

Таковы были статьи журналов Стиля и Аддисона, напечатанные в «Примечаниях». Переводы из «Зрителя», судя по номерам, как мы уже указывали, делались с французского и немецкого переводов. Те статьи, которые мы имели возможность сопоставить с немецким текстом (2, 5), несомненно имеют источником этот перевод. Относительно остальных можно было только установить, что они ближе к французскому тексту, чем к английскому.⁶⁰

* * *

Следующий русский научно-популярный и литературный журнал, также издававшийся Академией наук, — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», (1755—1764; далее — «Ежемесячные сочинения»), еще шире использовал английские моралистические журналы. «Ежемесячные сочинения» были созданы по инициативе Ломоносова, но редактором их стал

---

⁶⁰ Р. Лужны (Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym... , str. 40—41) утверждает, что переводы из «Зрителя» в «Примечаниях» делались с французского перевода, но ему, видимо, остался неизвестным немецкий перевод «Der Spectateur».

Г. Ф. Миллер.⁶¹ Перед изданием стояли отчетливо просветительские задачи. Как указывал первый историк журнала, «главная цель Миллера состояла в том, чтобы развить в русской публике любовь к чтению и распространить в ней полезные сведения по всем отраслям человеческого знания».⁶²

По сравнению с «Примечаниями», которые издавались в виде часто выходивших (дважды в неделю) листков и в этом отношении были сходны со «Зрителем» и подобными журналами, «Ежемесячные сочинения» представляли совершенно иной тип периодического издания. Это была уже книжка, включавшая несколько (обычно 5—6) статей на различные темы. Образцом служили ежемесячные и ежеквартальные европейские периодические журналы многообразного содержания вроде английских *magazines*.⁶³

Выше мы видели, как Миллер постепенно пришел к публикации статей из журналов Стиля и Аддисона. Это был первый опыт, как и сами «Примечания» являлись первым опытом русского журнала.⁶⁴ В «Ежемесячных сочинениях» опубликование моралистических статей было предусмотрено с самого начала. В предпосланном первому номеру журнала «Предупреждении» Миллер указывал, что наряду с научными сочинениями и стихотворениями здесь будут печататься и «другие пиитические сочинения, которые не требуют, чтоб написаны были стихами, а именно: нравоучительные притчи, сны, повести и подобные тому описания. Изображенные таким простым слогом пиитические вымышления не меньше полезны, коль и приятны. Того ради намерены мы временем сообщать и такие сочинения; а притом чаем, что и переводы всяких полезных и приятных материй, взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям».⁶⁵

⁶¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 77—84.

⁶² В. А. Милютин. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. 1. Ежемесячные сочинения, журнал 1755—1764 годов, статья первая, стр. 15.

⁶³ В этой связи представляется совершенно неверным утверждение американского профессора Эрнеста Симмонса, что для «Ежемесячных сочинений» основным образцом несомненно является английский журнал типа «Зрителя» (E. J. Simmons. English literature and culture in Russia, p. 104). Отметим, что сам Миллер, перечисляя «иностранные журналы равного с нашим намерения», из английских изданий назвал следующие: «Месячная Мисцеллания, или Храм учения», «Лондонская Мисцеллания, или Собрание достопамятнейших сочинений», «Магазин для дворянства», «Универсальный магазин», «Британский магазин», «Путешественный магазин» («Ежемесячные сочинения», 1755, генварь, стр. 13).

⁶⁴ Возможно, что резкое сокращение числа статей из английских журналов в «Примечаниях» 1733—1735 годов (по одной статье в год), а затем совершенное их отсутствие было связано с тем, что в 1733—1743 году Миллер путешествовал по Сибири (см.: В. А. Милютин. Очерки русской журналистики... статья первая, стр. 6).

⁶⁵ «Ежемесячные сочинения», 1755, генварь, стр. 8—9.

Однако следует иметь в виду, что эти нравоучительные «пиитические вымышления», составлявшие то, что условно можно назвать «литературным отделом» журнала, занимали подчиненное место, ибо главная задача журнала состояла в популяризации научных знаний. С другой стороны, моралистический материал черпался не только из английских журналов, но также из французских и немецких; правда, английские журналы использовались чаще других.⁶⁶

Миллер был приверженцем «просвещенного абсолютизма» и придерживался умеренно просветительских взглядов, которые отстаивал, однако, робко и нерешительно. Позиция журналов Стиля и Аддисона, стремившихся искоренять общественные пороки, не посягая на политический строй, его вполне удовлетворяла. Кроме того, такое чтение приходилось по вкусу читателям «Ежемесячных сочинений». Как справедливо отмечал В. А. Милютин, «наполняя беллетристическую часть своего журнала переводами из Аддисона, Миллер вполне сообразовывался с вкусами и потребностями своих читателей, любивших по преимуществу статьи дидактического содержания, и вовсе еще незнакомых с дидактическими произведениями иностранной и в особенности английской литературы».⁶⁷

За десять лет существования «Ежемесячных сочинений» в них были напечатаны 31 очерк из журналов Стиля и Аддисона: 5 из «Болтуна», 19 из «Зрителя» и 7 из «Опекуна». К ним нужно добавить 5 очерков из «Зрителя» Бонда, 4 из журнала С. Джонсона «Скиталец», один из сходного по характеру сборника Оливера Голдсмита «Гражданин мира». (The citizen of the world, 1762), а также 8 очерков из английских ежемесячников: «The Universal Magazine» — 5, «The General Magazine» — 2, «The Gentleman's Magazine» — 1. По годам опубликования эти 49 статей распределялись следующим образом. Сперва они появлялись сравнительно редко: 1755 — 2, 1756 — 1, 1757 — 2, 1758 — 2. Но после того как журнал с 1758 года стал называться «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», т. е. наличие переводного материала было подчеркнуто в заглавии, статьи английского происхождения стали печататься более или менее регулярно: 1759 — 6, 1760 — 11, 1761 — 8, 1762 — 13. В последние два года, когда журнал выходил под названием «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», число их опять сократилось: 1763 — 2, 1764 — 2.

Характер статей примерно тот же, что и в «Примечаниях». Прежде всего это нравоучительные рассуждения, имеющие своей целью внушить читателям основные этические принципы. К их числу относится «Письмо о том, что собственно высоко почитать надлежит» (39), в котором сделана попытка определить крите-

⁶⁶ См.: В. А. Милютин. Очерки русской журналистики..., статья первая, стр. 34—43; статья третья, «Современник», 1851, т. XXVI, № 3, отд. II, стр. 3—9.

⁶⁷ Там же, статья первая, стр. 35.

ри того, что составляет истинную славу человека. Правда, автор находит их за пределами земной жизни: «...мы должны почитать себя токмо по таким вещам, которые почитают высочайшие существа (т. е. ангелы, — Ю. Л.) за честные...».

Гуманистические принципы просветительской морали выражены в «Переводе из аглинского Спектатора из 6 части № 404» (27), где говорится, что «натура не делает ничего напрасно» и провозглашался принцип: «следуй природе». Те, кто стремятся к тому, к чему «натура их никогда не назначала», смешны и нелепы. С другой стороны, перевод из «аглинского Спектатора № 408» (32) призывал к тому, чтобы сдерживать страсти разумом, ибо в человеке борются ангельская и скотская природа. Однако это не было требованием аскетического подавления страстей. Напротив, подчеркивалось, что если страсти совсем истребить, можно «утушить свет душевный».

Близок по содержанию «Перевод из аглинского Спектатора № 447» (31), посвященный рассуждению «о достопамятном действии обыкновения (привычки, — Ю. Л.) на человеческую натуру», т. е. о том, как можно приучить себя к «порядочному роду жития», в котором благодаря привычке «труды наши пременяются в увеселения наши». Наконец, очерк из «Опекуна» «О доброй совести» (50) рассказывал о моральном воздаянии, обретаемом добродетельным человеком на земле. «Сие (добрая совесть, — Ю. Л.) удерживает в нас беспрестранное увеселение и бодрость и награждает нас изобильно всякие сетования и печаль, которые иногда на нас нападать могут».

Основным принципам поведения в обществе были посвящены две статьи из «Опекуна», напечатанные в том же 1762 году: «Правила, каким образом с людьми обходиться» и «Описание во всем приятного человека» (48, 51). Особенный интерес представляла вторая статья (принадлежавшая Стилю). Под именем «приятного человека» (в подлиннике: a true fine gentleman) «разумеется тот, кто не только полезен обществу, но и к забаве и украшению компании совершенно способен». «... Должен он одарен быть всем достоинством и высокою стию духа, кои по натуре в человеке быть могут. Надлежит, чтоб он был просвещен, мыслил без предрассуждения, рассуждал основательно и довольное имел понятие о науках... Надлежит ему быть твердо и неустрашиму, не иметь беспорядочных страстей, быть искренну, жалостиву и милостиву. Что же касается до его нравов, то он скромнен без стыдливости, свободен в обхождении без нахальства, весел без наглости». Для того чтобы обладать всеми этими достоинствами, недостаточно «натуральных преимуществ», т. е. врожденных дарований, «требуется еще и рачительное воспитание», включающее изучение наук, знакомство с обычаями всех состояний, путешествия, «дабы просветить свой разум, приобрести большее знание, научиться политическому состоянию и

преимуществам иностранных государств, сделаться к отправлению важных дел способным и благонравным и освободить себя от всех национальных предрассуждений, которыми всякая земля наполнена». К этому добавлялось еще обучение языкам и телесные «экзерциции» и соблюдение «пристойности в одежде». Таков был просветительский кодекс нравственности, преподнесенный русским читателям «Ежемесячными сочинениями». Необходимость просвещения доказывалась и в «Размышлениях о происхождении человеческого разума, науками и художествами исправляемого» из «The Universal Magazine» (23).

Однако разностороннее воспитание и образование предназначалось только для мужчин, и в этом сказывалась ограниченность как английского,⁶⁸ так и официального русского просвещения. Женщине проповедовался отказ от земных благ во имя ближнего. В переводе из «аглинского Спектатора № 449» (32) как пример качеств, «которые достойны, чтоб подражал им женский пол», рассказывалось о Фиделии, отдавшей свою молодость уходу за больным отцом, и утверждалось, что она «так чинит себя способно, чтоб получить себе честь на сем свете».

На страницах «Ежемесячных сочинений» нашла себе место характерная для английских журналов проповедь среднего состояния и довольства своим уделом. Ей был посвящен новый перевод «из аглинского Спектатора № 464» (32) — очерка, который уже печатался в «Примечаниях» (11), и «О напрасном желании того, что не нужно», из «Скитальца» (46).⁶⁹ В последнем доказывалось, что «как благополучие, так и добродетель состоят в посредственности»; рассуждение на эту тему завершалось назидательной притчей о двух индийских пастухах Гамете и Рашиде.

В сфере социально-экономических отношений статьи из английских журналов отстаивали буржуазные добродетели. Так, в очерке «О добром совете и честном богатстве» из «Болтуна» (56) противопоставляются два купца: Павл, богатый и щедрый, и скупец Авар. Первый «достоин называться общим добром государства», ибо его торговля помогает обществу, второй же «собирает свои сокровища во вред общества». «Одним словом, Павл сущей гражданин, а Авар тиран в обществе». В то же время в журнале появлялась и сатира на купцов. Такой характер носит «Перевод из шестой части аглинского Спектатора, № 450» (29), представляющий собою письмо-исповедь купца Ефрема Куколева (в оригинале — Ephraim Weeds), который ухитрялся извлекать прибыль из всех несчастий своих ближних.

---

⁶⁸ См.: J. Heinrich. Die Frauenfrage bei Steele und Addison. Eine Untersuchung zur englischen Literatur- und Kulturgeschichte im 17./18. Jahrhundert. Leipzig, 1930.

⁶⁹ Этот очерк «Скитальца» № 38 был без ссылки на источник перепечатан в «The Universal Magazine» 1752 года и уже оттуда переведен для русского журнала, что было указано в подзаголовке.

Как в «Примечаниях», так и в «Ежемесячных сочинениях» издатель почти не обращал внимания на сатирические очерки, рисовавшие бытовые сценки и подготавливавшие в этом отношении реалистическую прозу. Лишь элементы бытописания можно встретить в таких очерках, как «О рассеянии мыслей» (57), известном нам уже по «Примечаниям» (5), или «Преображение Фиделия в зеркало» (25), в котором осмеивается страсть женщины смотреться в зеркало, или «Перевод 23 листа аглинского Тадлера» (sic!) (53), где рассказывается назидательная история о женщине, пускающей в ход притворные обмороки, чтобы добиться от мужа исполнения своих желаний.

Несравненно больше намерениям и вкусам редактора соответствовали всевозможные нравоучительные аллегорические сновидения и притчи, которыми он заполнял страницы своего журнала. В первый же год издания было опубликовано «Путешествие жизни человеческая» (16)⁷⁰ — довольно мрачное аллегорическое видение, заимствованное из «Скитальца» и изображавшее жизнь в виде плавания по «житейскому морю», где человека на каждом шагу подстерегают опасности, грозящие потопить его корабль, самая страшная из которых — «хлябь невоздержания». Видение заканчивалось следующим «уещеванием»: «Не зевай напрасно на других, находясь сам в таковых же бедственных обстоятельствах. И не так будь безумно безопасен и спокоен, будучи сам с ними равномерной опасности подвержен». (Заметим попутно, что Джонсон, живший в период кризиса просветительского мировоззрения, в значительной мере отошел от оптимизма своих предшественников).

Спустя два года в «Ежемесячных сочинениях» было напечатано «Явление Мирзы» (19) — новый перевод упоминавшегося выше аллегорического видения из «Зрителя» № 159. А в 1760 году журнал предложил своим читателям «Явление, виденное Феодором, пустынноиком Teneriffским, и по смерти его найденное в его пещере» (37), которое было заимствовано из немецкого сборника «Светские рассказы» (*Gesellschaftliche Erzählungen*),⁷¹ но первоисточник его был английский. Оно было

⁷⁰ Перевод, подписанный С. П.***, принадлежал С. А. Порошину, в то время кадету Сухопутного шляхетного корпуса (см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 104—105). Рукопись с несколькими стилистическими поправками Г. Ф. Миллера и его резолюцией «Внести в сочинения м-ца маиа 1755» хранится в Архиве АН СССР (р. II, оп. 1, № 217, лл. 255—260 об.). Этот наиболее ранний из известных нам переводов из «Скитальца» не учтен в статье английского исследователя Д.-С.-Г. Симмонса «Самюэль Джонсон „на берегах Волги“», где первым назван перевод, опубликованный в 1759 году (24; см. сб.: Международные связи русской литературы, стр. 164—165).

⁷¹ Eine Erscheinung, welche Theodor, der Einsiedler von Teneriffa gehabt hat. *Gesellschaftliche Erzählungen für die Liebhaber der Naturlehre, der Haushaltungswissenschaft, der Arzneykunst und der Sitten*, Tl. I. Hamburg, 1753, SS. 257—272.

написано Джонсоном для педагогического трактата «Наставник» (The Preceptor), составленного Робертом Додсли и изданного в 1748 году, и в том же году оно появилось в «The Gentleman's Magazine».

В этом «явлении» проявилась вся двойственность английской просветительской морали. Силами, которые помогают человеку найти путь к благополучию, были объявлены одновременно «благорассуждение», т. е. разум (в английском подлиннике: reason) и «благочестие» (religion), а главным врагом, сбивающим с истинного пути — «обыкновение» (habits), которое отдаёт человека во власть «похотей» и «страстей». Тем самым в образе «обыкновения» автор, с одной стороны, осуждал проявления рутинности и застоя, но, с другой стороны — проявлял и традиционное христианское недоверие к естественным побуждениям человеческой природы.

Весьма близка к этим видениям и по своей морали, и по художественным особенностям заимствованная из «Скитальца» аллегорическая «восточная» повесть «Обидах и пустынный» (18). Здесь человеческая жизнь уподоблялась однодневному путешествию, во время которого искушение нередко уводит человека со стези добродетели. Однако человек всегда имеет возможность исправить свои заблуждения. Пустынный советует Обидаху «не отчаиваться, но помышлять, что, хотя день прошел и сила исчерпнута, однако... обращение никогда надежды не лишится и истинные старания не остаются без помощи, что странник может, наконец, опять возвратиться по всем своим заблуждениям на истинный путь, и что тот, кто просит от Вышнего силы и храбрости, всегда обретет, что всякая опасность и затруднение должны пред ним исчезнуть».

Все эти четыре аллегории пользовались в России популярностью и неоднократно переиздавались в разных переводах. «Обидах» печатался в течение XVIII века 9 раз, «Видение мирзы» — 8, «Видение Феодора» — 5 и путешествие по морю житейскому — 4.

Из других аллегорических «видений» в «Ежемесячных сочинениях» печатались: «Перевод восемьдесят первого листа аглинского Татлера» (20), содержащий описание храма славы, «Басня о молитвах» (26) из «Зрителя». В последней изображен Юпитер, слушающий обращенные к нему мольбы, и обличается суетный и свекорыстный характер «человеческих желаний, к высочайшему существу приносимых». Взятый из двух номеров «Болтуна» «Сон о правосудии» (43, 44) содержал социальную критику. Он показывал, какое произошло бы перераспределение материальных и моральных благ, если бы «законным владетелям все богатства и имени... по правильному требованию каждого тотчас возвращены были», а «все чины и достоинства» достались «особам великих заслуг, особенного разума и совершенства».

В апрельском выпуске 1761 года было помещено сразу два «сна». «Сон о пороках и жалобах человеческих» (41) из «Зрителя» изображал, насколько люди становятся несчастнее, если они, избавившись от собственного бремени, берут на себя бремя другого, и приводил к заключению, что не следует «негодовать на собственное свое нещастие, ниже завидовать благополучию других, для того что человеку невозможно исправно рассуждать о бедствиях соседа своего». О том, что даже в душах добродетельных людей гнездятся пороки, повествовал «Сон о искре грехов, находящейся в сердце человеческом» (42).

По жанру близок к снам аллегорический «Разговор между любовью и разумом» (45), взятый из «Зрителя», Вильяма Бонда.

Особое пристрастие питал Миллер к всевозможным рассуждениям философского характера с религиозным уклоном. Значительное число таких «эссеев» было почерпнуто из английских журналов. Рассуждение «О различности животных и прочих тварей» (35) было посвящено многообразию животного мира, распространенного по всей вселенной и восходящего от низших тварей до человека, который занимает среднее положение между низшими созданиями и богом. Он, «с одной стороны, приобщен Ангелам и Архангелам, существо бесконечного совершенства может почитать за своего отца и высочайшие чины духов за своих братьев, с другой стороны, к тленью сказать может, *ты мой отец, а к червю, ты мой брат*».

Следует иметь в виду, что религиозный характер таких рассуждений отнюдь не означал их соответствия ортодоксальному христианству, в частности православию. Ссылки на бога могли сопутствовать развитию новых идей. Они отражали лишь непоследовательный компромиссный характер просветительской идеологии, но не являлись выражением реакционности. Отметим, что в упомянутой только что статье высказывалось предположение, что жизнь существует и на других планетах, и в этой связи делалась ссылка на автора «Разговора о множестве миров», т. е. Фонтенеля. Между тем самая идея множества миров считалась в России безбожной, и в 1756 году после опубликования в журнале «Размышления о величестве божием, поколику оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается».⁷² синод в специальном докладе Елизавете⁷³ указывал, что в «Ежемесячных сочинениях» «некоторые и переводы и сочинения находятся, многие, а инде и бесчисленные миры быти утверждающие, что и Св. Писанию и вере христианской крайне противно есть и многим неутвержденным душам причину к натуралезму и безбо-

---

⁷² «Ежемесячные сочинения», 1756, ноябрь, стр. 407—438.

⁷³ П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. Сборник статей, читанных в Отделении русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. II, № 4, СПб., 1867, стр. 44.

жую подает», и требовал конфисковать журнал, а также перевод сочинения Фонтенеля, сделанный А. Д. Кантемиром.

В рассуждении «О силе новости» (40) из «Зрителя» интерес человека к новизне был объявлен одним из основных стимулов, обуславливающих любовь к жизни, к познанию, а также помогающих обретению мудрости и веры в вечное бытие души. Подобный психологический уклон имеет и другая статья «О снах» (34), в которой сны рассматриваются как проявления человеческой души, доказывающие, что «она от вещества не зависит». Во всех этих статьях тесно переплетаются философия как наука о наиболее общих законах бытия и мышления, этика и религия. В то же время та религия, которую исповедовали создатели «Зрителя», не только отличалась терпимостью, но и не препятствовала (в известных пределах, разумеется) развитию науки. Это особенно ясно обнаруживается в переводе статьи Аддисона «О познании Творца по анатомии» (36), где анатомическое исследование человеческого тела представлено как богоугодное дело, ибо оно рассматривает «творение премудрого и всемогущего существа». Самый прогресс в науке приветствуется, потому что «как свет сделался просвещеннее в сей науке, то учиненные изобретения подали новые случаи, чтоб удивляться изъявлению промысла при изображении человеческого тела».⁷⁴

Необходимо также учитывать разницу в общественном звучании подобных статей в Англии и России, обусловленную различными уровнями социально-политического развития этих стран. То, что в Англии являлось попыткой церкви использовать достижения науки для укрепления своего престижа, в России могло служить средством пропаганды науки и обхода церковной цензуры. Именно такой смысл, на наш взгляд, имело напечатание заимствованной из «Опекуна» статьи епископа Беркли «Сравнение притягательной силы в больших телах света с оною, которая усматривается между душ человеческих» (52). Статья эта способствовала распространению среди, условно говоря, «широкого» круга русских читателей общих представлений об открытом Ньютоном законе всемирного тяготения.⁷⁵

Против религиозного аскетизма и отшельничества, расторгающего связи человека с обществом, была направлена заимствованная из «Скитальца» статья «О разности благочестия и суеве-

---

⁷⁴ В настоящем обзоре мы опускаем почерпнутые из английских ежемесячных журналов собственно научные и научно-популярные статьи, такие, например, как: «Примечания о прежнем и нынешнем числе жителей на нашем земном круге» (22); «Рассуждение о состоянии человека в младенчестве» (28— об особенностях детского возраста); «Некоторые правила, до здравия касающиеся, и наблюдения для разного возраста в жизни» (33) и т. п.

⁷⁵ О распространении известности Ньютона в России см.: М. И. Радовский. Ньютон в русской научной литературе. В его кн.: Из истории англо-русских научных связей. М.—Л., 1961, стр. 61—113.

рия» (24),⁷⁶ в которой утверждалось: «Благочестие не состоит в наблюдении печального уединения. Се то темное учение суеве- рия, которым сия неприятельница человеческого сообщества ста- рается разорвать союз дружбы и любви, коим польза всякой особы крепко соединена с пользою всего общества».

При таком пристрастии к дидактическим сочинениям «эссеи»- повести не находили себе места на страницах «Ежемесячных со- чинений». Только «Перевод из аглинского Спектатора лист 11» (54) содержал в качестве иллюстрации к утверждению, что женщины лучше мужчин в нравственном отношении, печальную историю индианки Ярико, проданной в рабство своим любовни- ком англичанином Томасом Инклом, которому она прежде спасла жизнь. История эта, заимствованная Стилем из книги Ричарда Лигона (Ligon) «История Барбадоса» (1657), получила благода- ря «Зрителю» широкую общеевропейскую известность. Ее исполненный чувствительности сюжет был переосмыслен в русле сентименталистских идей как пример нравственного пре- восходства дикарки над цивилизованным христианином, и на этой основе в Англии, Германии, Франции, Швейцарии было написано немало стихотворных, прозаических и драматических произведе- ний, которые в свою очередь переводились на другие языки.⁷⁷ В России XVIII века Инкл и Ярико, помимо «Ежемесячных со- чинений», еще два раза появились в русской печати, на чем мы остановимся ниже.⁷⁸

Журналы Стиля, Аддисона и Джонсона старались не касаться политических вопросов, и это, видимо, вполне устраивало Миллера. Лишь одна статья, взятая из английского журнала, имела поли- тический характер, что, вероятно, было вызвано особыми обстоя- тельствами. Мы имеем в виду «Колбертову речь к Лудвигу XIV, в которой показаны причины, для чего Франция не может преодо- леть Соединенных Нидерландов» (49). В этой речи, по всей види- мости вымышленной, министр Людовика в ответ на недоуменный вопрос короля, как он, великий монарх, не может покорить малень- кую страну, объяснял, что сила государства зависит от состоя-

---

⁷⁶ Статья принадлежала Элизабет Картер, писательнице круга Джонсона. В предыдущем номере «Ежемесячных сочинений» (1759, май, стр. 470—475) была помещена посвященная ей статья: «Известие о некоторой ученой девице в Англии» (см.: Д.-С.-Г. Симмонс. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги», стр. 164—165).

⁷⁷ См.: L. M. Price. Inkle and Yarico album. Berkeley, 1937; см. также: W. Bates. Inkle and Yarico. «Notes and Queries», ser. 3, v. IX, 1866, April 28, pp. 341—342; B. Bissel. The American Indian in English literature of the eighteenth century. New Haven, 1925 (Yale studies in English, v. LXVIII), pp. 138—140, 197—198.

⁷⁸ Указания Прайса на то, что перевод 11-го номера «Зрителя» опублико- вался во «Всякой всячине» № 14 (см.: L. M. Price, op. cit., p. 156) не верно, оно основано на ошибке, допущенной Э. Симмонсом в его книге «English literature and culture in Russia» (стр. 128).

тельности подданных, что небольшая, но благоденствующая страна экономически и в военном отношении сильнее большого разоренного государства. Кольбер убеждал короля: «чтоб Ваше величество бóльшую половину своего войска распустили и подданным дали некоторое отдохновение... Оставьте войну и старайтесь о приращении купечества. Чрез сие сделается вы сильнейшим государем, а подданные ваши обогатятся. Чрез 20 лет в состоянии будут давать больше податей с меньшим трудом, нежели как ныне со всякою строгостию с них получить можно». В заключение сообщалось, что «вольность сего министра королю нимало не была противна. Король усмотрел из того достоинство сего мужа и вскоре после того поручил в его смотрение все купечество и мануфактуры».

Опубликование такой статьи в мае 1762 года, по-видимому, было связано с современными политическими событиями. Петр III, занявший в декабре 1761 года после смерти Елизаветы российский престол, отказался от участия в семилетней войне, заключил в конце апреля 1762 года мирный трактат с Фридрихом II, перед которым благоговел, и вернул Пруссии все русские завоевания. Миллер же, вероятно, счел этот момент удобным для того, чтобы внушить царю мысль о необходимости развития в мирных условиях торговли и промышленности и использовал для этой цели «Колбертову речь».

Относительно переводчиков, сотрудничавших в «Ежемесячных сочинениях» и поставлявших статьи из английских журналов, мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Мы уже указывали, что перевод из «Скитальца» «Путешествие жизни человеческия» принадлежал кадету С. А. Порошину. Известно также, что переводная статья из «Опекуна» «О человеческом милосердии, оказуемом подлейшего рода к животным» (17) была прислана в 1755 году из Лондона бароном И. И. Черкасовым (1732—1811), будущим флотоводцем, который в то время обучался в Англии.⁷⁹

В «Ежемесячных сочинениях» начинал свою деятельность Г. В. Козицкий (1725?—1775), впоследствии секретарь Екатерины II и номинальный издатель «Всякой всячины».⁸⁰ В 1756 году Козицкий вернулся в Петербург из Германии, где он обучался в Лейпцигском университете, и был назначен учителем в высший латинский класс при академической гимназии, а в 1757 году в «Ежемесячных сочинениях» появился его перевод «Явления Мирзы», подписанный инициалами «Г. К.» и сделанный скорее

⁷⁹ Статья была подписана инициалами «Б. И. Ч.» (т. е. барон Иван Черкасов). См. рецензию Л. Н. Майкова на «Историческое розыскание» А. Н. Неустроева: ЖМНП, 1876, ч. CLXXXVI, № 7, стр. 143; см. также: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 99.

⁸⁰ Об участии Козицкого в «Ежемесячных сочинениях» см.: П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов, стр. 37—38.

всего с немецкого перевода. О других переводах Козицкого сведений не сохранилось.

По-видимому, наибольшее число переводов статей из английских журналов принадлежало В. И. Лебедеву (1716—1771), товарищу Ломоносова по Словено-греко-латинской академии в Москве, который затем воспитывался при Академии наук, а в сентябре 1740 года поступил в академические переводчики.⁸¹ Лебедев много переводил для «Ежемесячных сочинений», хотя точно установить долю его участия не представляется возможным. Относительно статей из журналов Стиля и Аддисона достоверно известно, что ему принадлежит в 1761 году: «Письмо о том, что собственно высоко почитать надлежит», «О силе новостей», «Сон о пороках и жалобах человеческих», «Сон о искре грехов» и «Сон о правосудии» (39—43), но, несомненно, что он перевел больше. Переводил он, вероятно, с немецкого.⁸² Следы этого видны в его переводах. Так, например, в «Сне об искре грехов» имя William передано «Вильгельм», фамилия Freelove — «Фрейлиб» и т. п. Подобные германизмы встречаются и в переводах, принадлежность которых Лебедеву не доказана. Так, в «Басне о молитвах» на месте английского tutor стоит «Гофмейстер», в письме Ефрема Куколева church переведено «кирка». Сопоставление текста показывает, что статьи из «Зрителя» переводились с немецкого перевода, но не со старого «Der Spectateur», а с нового «Der Zuschauer».⁸³

* * *

В 1759 году в Петербурге начали издаваться первые русские частные журналы — ежемесячник «Трудолюбивая пчела» и еженедельник «Праздное время, в пользу употребленное». Значение этих изданий в истории русской журналистики состояло прежде всего в том, что они показали возможность существования периодических органов без правительственной опеки и чиновничьего руководства. По их примеру начали возникать частные издания в Москве и в Петербурге.⁸⁴ И «Трудолюбивая пчела» и «Празд-

---

⁸¹ См. о нем там же, стр. 21—28.

⁸² В академической гимназии он обучался лишь классическим и немецкому языкам (там же, стр. 27). С этих языков сделаны его переводы, изданные в виде отдельных книг. См.: Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828. №№ 3098, 3210, 3253, 3702, 5754, 9499.

⁸³ Р. Лужны (Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym... , str. 49—50), изучив тексты нескольких русских переводов (в том числе и одного, принадлежащего Лебедеву, — «Сон о искре грехов»), пришел к выводу, что они ближе к английскому оригиналу, чем к французскому переводу (Le Spectateur, ou le Socrate moderne), но исследователь не учитывал при этом «Der Zuschauer».

⁸⁴ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 128.

ное время...» помещали на своих страницах переводные очерки английского происхождения.

«Трудолюбивая пчела» (1759) издавалась А. П. Сумароковым и, несмотря на сотрудничество других литераторов, журнал отражал общественные и литературные идеи и позицию своего издателя. Как известно, Сумароков, отстаивавший незыблемость дворянских прерогатив (хотя и ограниченных «законными» рамками), видел цель своей деятельности в воспитании и просвещении дворянства, чтобы оно было достойно занимаемого им руководящего положения в обществе. Он сам переводил для своего журнала произведения европейских просветителей: «О разумении человеческом по мнению Локка», «Пришествие на нашу землю и пребывание на ней Микромегаса. Из сочинений г. Вольтера».⁸⁵

В «Трудолюбивой пчеле» были помещены четыре статьи из «Зрителя», переведенные с французского. Наконец-то впервые в русской печати появился перевод № 139, правда, в виде небольшого отрывка, в котором говорилось только о Петре I. Этот отрывок «Части III из I речи Смотрителя» (59) был переведен самим Сумароковым, который, вероятно, как и предшествовавшие ему Тредиаковский и анонимный переводчик, помышлял не только о прославлении Петра, но и о назидании его наследникам. Им он ставил в пример государя, кто, «не думая о почтениях, которые ему принадлежали», «сам сошел с престола своего обрести истинный путь, препровождающий ко славе, и уставить себя во всех знаниях, обществу полезных, чтобы поострить к оним почтенных своих подданных». «Кто другой кроме ево ставил бы себя малым, имея самодержавную власть, доколе б не научился истинному власти своей употреблению?».

С этими строками перекликается то место в «Слове похвальном о Петре Великом», где Сумароков восклицал, намекая на роскошь, господствующую при царском дворе: «Не в великолепии ищут великие государи величества, не в великолепии искал ево и ТЫ, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ. ТВОЕ великолепие было попечение о государстве, едино украшение и сияние венца; ибо все прочее пустой только блеск».⁸⁶

Другие очерки из «Зрителя» переводил для «Трудолюбивой пчелы» близкий Сумарокову И. А. Дмитревский, впоследствии прославившийся как замечательный трагический актер. Однако выбор, несомненно, принадлежал издателю журнала. Еще в мартовском выпуске была опубликована «Речь XVIII из втория части Смотрителя» (58). Этот очерк, посвященный доказательству бессмертия души, уже известен в русском переводе по «Примечаниям» (12). Но Сумароков счел нужным повторить его, ибо его привлекало *рационалистическое* обоснование вечной жизни, утвер-

⁸⁵ «Трудолюбивая пчела», 1759, май, стр. 259—263; август, стр. 455—475.

⁸⁶ Там же, октябрь, стр. 586—587.

ждение бессмертия как следствия разумности человеческого духа. Впоследствии в «Димитрии Самозванце» он провозгласит устами Пармена, выражающего идеи автора, что разум дан человеку богом и благодаря этому дару «разумный человек о боге здраво мыслит».⁸⁷

Рационалист в вопросах религии, Сумароков был убежденным противником мистицизма, суеверий и религиозной нетерпимости.⁸⁸ Поэтому он поместил в журнале «Речь LV из второй части Смотрителя» (60) — страстное обличение религиозного фанатизма. Приятно видеть, говорил автор очерка (Аддисон), человека, который ревностно старается для пользы людей, «но когда он употребляет колеса и виселицы, каторги и темницы, заключает тех, которых ему понравится называть еретиками; описывает их имена; разоряет их дома и осуждает их сжигать, чтобы души их спасти, тогда я не могу удержаться, чтоб не сказать велегласно, какое бы он хорошее мнение о своей вере не имел, что она тщетна, а другое негодно или паче бесчеловечно».

Когда во втором полугодии издания «Трудолюбивой пчелы» в ней стали преобладать сатирически-злободневные статьи, притчи и эпиграммы, содержавшие нападки на лихоимство судей, взяточничество и недобросовестность подьячих и т. п., т. е. материалы, тесно связанные с русскими социальными условиями, английские журналы утратили интерес для издателя. Только в сентябрьском выпуске была помещена «Речь XXVII из второй части Смотрителя» (61), представлявшая собою сравнительно безобидную сатиру на женские юбки на китовом усе.

* * *

Значительно большее место занимали английские «эссеи» в еженедельнике «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760), издававшемся при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе силами преподавателей и воспитанников корпуса.⁸⁹ Журнал этот выходивший в виде 16-страничных выпусков in octavo, каждый из которых включал обычно одно-два произведения дидактического содержания, больше приближался к типу европейских моралистических журналов, чем «Ежемесячные сочинения» и «Трудолюбивая пчела». Переводной материал в «Праздном времени» намного превосходит оригинальный. Переводы из европейских журналов,

⁸⁷ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова, ч. IV, М., 1781, стр. 71.

⁸⁸ См.: Г. А. Г у к о в с к и й. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 137.

⁸⁹ См.: Д. Д. Ш а м р а й. Об издателях первого частного русского журнала. (По материалам архива кадетского корпуса). В сб.: XVIII век, М.—Л., 1935, стр. 377—385.

особенно французских и немецких, культивировались в Шляжетном корпусе. Именно оттуда, как уже отмечалось, поступил в «Ежемесячные сочинения» первый перевод из «Скитальца» Джонсона. В предисловии к этой публикации редактор заметил, что «молодые дворяне в Кадетском корпусе... побуждены были оказать силу свою в переводах... Искусство их в немецком и французском языках являет, с каким прилежанием юношество в сем благоучрежденном училище всему тому, что совершенному кавалеру прилично, наставляемо бывает».⁹⁰

Собственный журнал дал возможность литераторам Шляжетного корпуса регулярно публиковать свою переводную продукцию.

Точное число очерков английского происхождения, помещенных в «Праздном времени», не может быть установлено, поскольку источники печатаемых статей сообщались только в первый месяц издания журнала. В дальнейшем обычно указывались языки, с которых делались переводы. Причем в числе этих языков не было английского, так как английские очерки попадали в журнал лишь через посредство иноязычных переводов.⁹¹

Нам удалось установить 19 очерков английского происхождения, занимающих примерно одну десятую объема четырех частей «Праздного времени»: 15 из «Зрителя», 2 из «Скитальца» и по 1 из «The Universal Magazine» и «The Gentleman's Magazine»; по-видимому, в действительности английских статей больше.

Следует еще отметить, что, проходя через посредствующий перевод, английские очерки иной раз подвергались значительным переработкам. Так, например, переведенная с немецкого статья «Человеческая жизнь подобна опасному путешествию» (67) открывается рассуждениями на четырех страницах о том, что «человек в делах своих есть смеху достойнейшая тварь», не имеющими отношения к английскому источнику. Только после этого приводится почерпнутое из Сенеки уподобление человеческой жизни путешествию и говорится: «Аглинский писатель Рамблер⁹² учинил уже о сем Сенекином мнении некоторые рассуждения и подал мне причину к следующим размышлениям». И далее излагается описание из «Скитальца» № 102 (океан жизни), но не в форме видения, как это было в оригинале, а как развернутая метафора.

Когда просматриваешь тома «Праздного времени», поражает унылое его однообразие, особенно в первый год существования. Из всего богатого и многообразного содержания «Зрителя» издателя русского журнала извлекали в основном лишь дидактические

---

⁹⁰ «Ежемесячные сочинения», 1755, май, стр. 404.

⁹¹ Так же и памфлет Свифта «Исполнение первого из пророчеств мистера Биккерстафа» (1709), помещенный в «Праздном времени» под заглавием «Письмо», был подписан: «Переведено с французского» («Праздное время», 1759, ч. II, 30 октября, XL, стр. 278—283).

⁹² Эти слова показывают, что переводчик не знал о существовании журнала «The Rambler».

рассуждения, преимущественно абстрактные, мало связанные с конкретной социальной практикой, такие как: «О скорости времени» (62), «О привычке» (63), «Рассуждение о добром употреблении страстей» (69), «О надобности, чтоб мы каждую наималейшую часть времени употребляли в свою пользу» (72), и т. п. В последнем очерке, например, тема которого казалось бы допускала изображение общественного быта, в действительности не содержится ничего, кроме самых общих рассуждений и риторических восклицаний вроде: «Как скоры те шаги, которыми проходит время!», «Какой неизреченный ужас должны почувствовать бессмысленные смертные, которые проводили свое время в пороках, когда всеобщий огонь возымеет свое начало!» и т. д.

Издаваемый кадетским корпусом журнал стоял на охранительных позициях по отношению к феодальному государству. В связи с этим политическая борьба, сатира, особенно личная, не одобрялись издателями.⁹³ Против личной сатиры выступали и ранние английские просветители (причины этого будут рассмотрены ниже). Поэтому для осуждения авторов «поносительных писем» журнал использует очерк «Зрителя» № 23, которому дает название: «Лукавые и коварные люди суть язва обществу» (66) и патетически возглаголяет: «Что может быть вреднее и человеческому благополучию опаснее поношения чести ближнего? Поносительные письма, изображающие остроуму разума подобны ядовитым стрелам, коих язвы бывают неисцелимы... О коль вреднее таковой обществу бывает, если он кроме злобы человек порочный!»⁹⁴ Ядовитые его стрелы уязвляют тогда тех, кои от оных в наибольшей безопасности быть должны».

Это выступление против сатиры «на лица» предвосхищало борьбу, которую будет вести Екатерина II в журнале «Всякая всячина».

Но даже и благонамеренный дворянский журнал, каким было «Праздное время», не мог оставаться в стороне от просветительских веяний эпохи, и он помещает очерк из «Зрителя» под простым заглавием: «О желании имеющем людьми к славе, о справедливом употреблении оной и о тщетных приписуемых ими себе титулах» (71), в котором доказывалось, что истинное достоинство состоит не в титулах, но в добродетели. Правда, статья была весьма умеренной. Она утверждала, что «основателям великих фамилий приличествуют сии титулы и присвоены им по спр-

⁹³ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 125—126; В. Г. Березина и др. История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1963, стр. 35.

⁹⁴ Сопоставление с французским переводом, с которого был сделан русский, показывает, что русский переводчик, передавая это предложение, опустил «гражданское общество» как термин, не применимый в царской России: «Si, avec de l'esprit et de la malignité, un homme est d'ailleurs vicieux, c'est une des créatures les plus malfaisantes qu'il puisse y avoir dans la Société civile» (Le Spectateur, ou le Socrate moderne... v. I, p. 107. Курсив мой, — Ю. А.).

ведливости», но далее добавлялось: «... в рассуждении их потомства случается часто, что бывают они только знаками внешней великости, а не персональной заслуги».⁹⁵

По-видимому, издатели «Праздного времени» постепенно начали сознавать, что чистая дидактика не способна привлечь читателей. Поэтому в 1760 году предпочтение оказывается сюжетным очеркам «Зрителя», рассказам на дидактическую тему. К их числу относятся: «Похождение Констанции и Феодосия, кои не могли вступить друг с другом в супружество, приняли в одном месте монашеский чин» (73), «О худом воспитании больших сыновей дворян, живущих в деревне с примером хорошего воспитания сына Евдокса и дочери Леонтина» (74), «Письмо о неверности мужа» (75), «Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного герцога Бургундского» (79). Все эти статьи подписаны: «Переведено с французского П. П.», т. е. они принадлежали перу преподавателя кадетского корпуса Петра Пастухова, который в 1760 году был издателем журнала. Он же перевел и «Сон» (78) — аллегорическое видение из «Зрителя», которое убеждало довольствоваться своим уделом и смиренно сносить удары судьбы (спустя полгода это видение будет переведено с немецкого для «Ежемесячных сочинений» — 41).

* * *

Пример петербургских частных журналов вызвал, как известно, подражание в Москве. В 1760—1764 годах при Московском университете одно за другим возникают периодические издания. В журналах М. М. Хераскова и участников его кружка («Полезное увеселение», 1760—1762; «Свободные часы», 1763) переводы из английских журналов не играют сколько-нибудь существенной роли. В июне 1761 года в «Полезном увеселении» под заглавием «Сон» (81, 82) печатались два связанных между собою сатирических очерка из «Зрителя», в которых описывалось анатомирование головы петиметра и сердца кокетки. Оба перевода принадлежали С. Г. Домашневу, будущему директору Академии наук.

Зато значительное место занимают переводы из английских журналов в «Добром намерении» (1764), издании, выпускавшемся сотрудниками херасковских журналов, но не участниками его кружка.⁹⁶ Все эти переводы принадлежат перу М. Пермского, од-

---

⁹⁵ Русский переводчик допустил небольшие, но характерные изменения: во французском тексте первая половина фразы не имеет такой категоричности; там сказано «d'ordinaire» («обычно», «большей частью»), во второй же половине стоит не «часто», но «trop que se sont plutôt» («слишком часто») (Le Spectateur, ou le Socrate moderne... v. III, p. 61).

⁹⁶ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 128.

ного из немногих русских знатоков английского языка своего времени.

Михайло Пермский (ум. 1770), уроженец Петербурга, учился в Александро-Невской семинарии и в 1758 году был послан в Англию в качестве дьячка при посольской церкви. Как указывал Н. И. Новиков, он, «обучась там совершенно аглинскому языку, возвратился в 1760 году в Россию и был студентом в Московском университете».⁹⁷ Одновременно он преподавал в университете английский язык. В 1765 году по окончании им университета, его приняли в морской кадетский корпус на должность учителя английского языка. Здесь он выпустил в 1766 году «Англинскую грамматику», «толковый, хотя и не оригинальный учебник», как характеризует ее М. П. Алексеев.⁹⁸ По свидетельству Новикова, Пермский «много перевел с аглинского на российский язык полезных сочинений».⁹⁹

В херасковских журналах полной подписью Пермского обозначен лишь один перевод: письмо к «Спектатору», напечатанное в «Свободных часах» (85). Кроме того, подпись «С. М. П.» под помещенным в том же журнале рассказом «Похождение червонца» (85а) может быть раскрыта как «Студент Михайло Пермский». Р. Лужны установил, что последнее произведение является переводом «Болтуна» № 249, где рассказывается о злоключениях шиллинга.¹⁰⁰

Это, видимо, были первые опыты начинающего переводчика, деятельность которого развернулась в «Добром намерении». Здесь Пермский занимал уже ведущее положение. В первом полугодии 1764 года он вдвоем с издателем журнала В. Санковским полностью обеспечил «Доброе намерение» литературными материалами. В это время Пермский переводил исключительно статьи из английских журналов. Только в августовском и сентябрьском выпусках появились его переводы с латыни,¹⁰¹ после чего фамилия его исчезает со страниц журнала.

⁹⁷ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. Избр. соч., М.—Л., 1951, стр. 334. — О пребывании Пермского в Англии см. также: В. Н. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. 1. Варшава, 1897, стр. 422, 424, 435.

⁹⁸ М. П. Алексеев. Английский язык в России и русский язык в Англии, стр. 90.

⁹⁹ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря, стр. 334.

¹⁰⁰ R. Ł u ż n y. Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym okresu Oświecenia, str. 61. — Т. П. Чернышева в статье «Московский журнал 1764 г. „Доброе намерение“» (стр. 48) утверждает, что Пермский помещал свои переводы также в «Полезном увеселении» и «Собрании лучших сочинений» (1763), но исследовательница не называет эти переводы и не сообщает источник своих сведений. Единственный обнаруженный в «Собрании лучших сочинений» перевод из английского журнала «О излишнем желании» (83) подписан студентом Володимиром Золотницким.

¹⁰¹ Речь некоторого крестьянина, пришедшего от реки Дуная, говоренная к римским сенаторам. Перевел с латинского студент М. Пермский. «Доброе

Из английских журналов в «Добром намерении» было заимствовано 25 статей: 9 из «Зрителя», 2 из «Опекуна», 1 из «Искателя приключений», 10 из «The Universal Magazine» и 1 из «The Gentleman's Magazine» (источники 2 статей установить не удалось¹⁰²). Впрочем, по-видимому, Пермский, помимо «Зрителя» и «Опекуна», использовал только «The Universal Magazine», где нередко перепечатывались статьи из других журналов, в частности и те, которые попали в «Доброе намерение».¹⁰³ Отметим также, что первый русский сокращенный перевод «Расселаса» Джонсона (101), подписанный «Перевел из аглинского журнала с. М. Пермский», был сделан на основании изложения и отрывков, публиковавшихся в «The Universal Magazine».¹⁰⁴

Основные сотрудники «Доброго намерения» были разночинцами, и направление этого издания было демократичнее, чем в журналах кружка Хераскова. «Доброе намерение» ориентировалось на более широкий круг читателей.¹⁰⁵ Это обстоятельство отразилось на содержании журнала, в частности на помещенных в нем английских материалах. И хотя они тоже имеют моралистический характер, однако Пермского в первую очередь привлекают очерки, в состав которых входит некая новелла или аллегорическое повествование. При этом он обращается к оригиналом весьма вольно: отсекает то, что ему кажется излишним, неинтересным. Так, например, «История о некотором купце» (98) представляет собою рассказ об Инкле и Ярико из «Зрителя» № 11, освобожденный от предшествующих рассуждений; «Письмо к приятелю о расточении и сребролюбии» (99) — это сюжетная аллегория о борьбе двух тиранов — «расточения» и «сребролюбия», занимающая вторую половину «Зрителя» № 55; «Описание жизни госпожи Даубины» (т. е. д'Обинье — история г-жи де Ментенон) — краткое изложение №№ 46—48 «Опекуна» и т. д. Содержание новелл самое разнообразное: тут и трагический случай из современной англий-

намерение», 1764, август, стр. 372—383; сентябрь, стр. 401—418; Письмо некоторого философа к его приятелю о том, что в древние времена государи и прочие знатные всегда любили разумных людей. Перевел с латинского с. М. Пермский. Там же, сентябрь, стр. 419—428.

¹⁰² На английское их происхождение указывают подписи: «Из аглинского журнала».

¹⁰³ Так, переведенное под заглавием «Сон» (95) видение «The temple of Virtue» печаталось сперва в «The Gentleman's Magazine» (v. XXVII, 1757, June, pp. 261—265), а затем в «The Universal Magazine» (v. XX, 1757, supplement, pp. 300—305), а очерк из «Искателя приключений» № 32 (в русском переводе — «Всяк жребием своим доволен быть должен» — 110) перепечатывался под заглавием «On the absurdity of hoping to derive content from any other source than that of religion» («The Universal Magazine», v. XX, 1757, June, pp. 254—256).

¹⁰⁴ См. ниже, в приложении «Указатель английских статей» стр. 107 («The Universal Magazine», XXIV—XXV). Об этом переводе Пермского см.: Д.-С.-Г. Симмонс. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги», стр. 167.

¹⁰⁵ См. Т. П. Чернышев в а. Московский журнал 1764 г. «Доброе намерение», стр. 39, 56.

ской жизни («Тайны своей никому открывать не должно», 102), и «исторический» рассказ об императоре Карле, помиловавшем любовника своей дочери («Не должно иметь зверского сердца», 87), и «восточная» повесть («О правосудии, которое самым делом с строгостию исполнять должно», 107), и притча («Письмо к приятелю, находившемуся в несчастии», 96). Разумеется, все эти повествовательные произведения имеют откровенный дидактический смысл, который обычно еще подчеркивается заглавием. Переводил Пермский и нравописательные «письма к Спектатору» с жалобами на женщин, моды и т. д.

* * *

Стремление сделать дидактику привлекательной, сочетать назидание и развлечение, отчетливо проявившееся в «Добром намерении», наиболее последовательно было осуществлено Л. И. Сичкаревым в переводном сборнике «Забавный философ» (1766).

Лука Иванович Сичкарев (1741—1809) обучался философии в Киевской духовной академии, в 1757 году перешел в петербургскую Академию наук, а в 1762 году стал учителем иностранного языка в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе.¹⁰⁶ В дальнейшем он служил переводчиком при Медицинской коллегии, учителем истории, географии и слога в Российском инженерном корпусе, переводчиком при Синоде. В конце своей служебной карьеры Сичкарев стал прокурором Синода. Полагают, что он переводил с греческого, латинского, немецкого, английского, французского, итальянского и польского языков главным образом научные и богословские сочинения и исторические документы. «Забавный философ» — это единственная из переведенных им книг, которую можно отнести к числу художественных.

Полное заглавие книги гласило: «Забавный философ, или Собрание разных остроумновымышленных повестей, удивительных свиждений и замысловатых для увеселительного наставления опытов». Источником для нее послужил «Приятный наставник» (The Pleasing Instructor), сборник моралистических очерков и стихотворений из английских журналов, составленный Анной Фишер, женой ньюкаслского печатника Томаса Слака.¹⁰⁷ Сборник был впервые выпущен в Ньюкасле в 1756 г. и затем неоднократно пере-

---

¹⁰⁶ Сведения о том, какой язык преподавал Сичкарев, разноречивы. В «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (т. II, М., 1845, стр. 165) указан немецкий язык; в «Известии о некоторых русских писателях», составленном И. А. Дмитревским, — английский (см.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 142).

¹⁰⁷ См.: Д.-С.-Г. Симмонс. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги», стр. 165. — Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность г-ну Д.-С.-Г. Симмонсу за помощь в определении журнальных первоисточников произведений, помещенных в «Забавном философе».

издавался с некоторыми изменениями. Сичкарев, по-видимому, пользовался первым изданием.

В сборник «Забавный философ» вошли 35 очерков из «Зрителя», «Болтуна», «Опекуна», «Скитальца», «Искателя приключений», «Света» (*The World*), «*The Gentleman's Magazine*» и других журналов и сборников. Некоторые из них уже были известны к тому времени в других русских переводах, но таких было сравнительно немного (315, 323, 325—327, 338, 343, 348).¹⁰⁸ Остальные же появились на русском языке впервые.

В «Предуведомлении» переводчик отмечал дидактическую направленность этих произведений; он указывал, что они, «представляя наставления свои в приятных уму человеческому изображениях», «могут весьма много способствовать благоуспешному исправлению нравов». Впоследствии при переиздании сборника в 1784 году под заглавием «Зритель мира и деяний человеческих» Сичкарев подчеркнул эту мысль еще сильнее, указывая, что авторы, которых он переводил, стремились «чрез такое привлекательное нравоучение возжечь наипаче в сердцах юношеских неугасимый светильник добродетели», чтобы те могли «протекать во всю свою жизнь путь звания своего непреткновенно» и «возбуждаться к усердному общественных и домочадственных обязанностей исполнению».¹⁰⁹

Попадающиеся большинство очерков, помещенных в «Забавном философе», имеет сюжетное построение, но при этом все они носят сугубо нравоучительный характер. Это — аллегории, сновидения, притчи, «восточные» повести, которые в сущности являются теми же притчами, только облеченными в условно восточное одеяние. Реалистическое изображение быта не интересовало ни английскую составительницу, ни Сичкарева.

Нравственный кодекс, проповедуемый в сборнике, характерен для английских просветителей и уже знаком по предшествующему изложению. Признание бытия бога и загробной жизни служит авторам средством для проповедования вполне земных общественных добродетелей. Человек должен быть социально активным, приносить пользу окружающим его. «Неприятна та жизнь богу, которая бесполезна обществу» (317), — таково характерное название одного из очерков, в котором доказывается, что «добродетель состоит не в праздности и выгоде, но в трудолюбии и подвиге». «Составляющее жизнь нашу время не должно измеряемо быть годами, но пользою произведенных в нем дел», утверждается в очерке «О праздности» (349).

---

¹⁰⁸ Сам Сичкарев считал, что только три очерка из его книги представляют собою повторный перевод (325, 326, 348), и ссылался на соответствующие публикации «Ежемесячных сочинений» (16, 43, 44).

¹⁰⁹ Зритель мира и деяний человеческих. Перевел с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1784, стр. 10—11 нenum.

В сборнике проповедуется «удовольствование своею в свете частию» (316), утверждается «справедливость провидения в раздаянии богатства» (323) и в то же время провозглашается необходимость благотворительности как средства компенсировать имущественное неравенство («Сарацаново видение, или Взаимная любовь и похвальное благотворение», 321) — требование, весьма характерное для английских просветителей.

Для социальных воззрений Сичкарева показательным включение в «Забавного философа» «перуанской повести» «Исправленное белством высокоумие» (318), в которой рассказывается, как высокомерный дворянин был посрамлен простым презираемым корзинщиком, который во время трудных испытаний, выпавших на долю обоих, проявил большие человеческие достоинства. Повесть доказывает, что ценность человека определяют не «возвышенные чины», «но единственно душевные его дарования». Таким образом, не посягая на существующий строй, «Забавный философ» содержал все же умеренную социальную критику.

В упоминавшееся уже переиздание сборника 1784 года под названием «Зритель мира и деяний человеческих» Сичкарев включил новый очерк «Благоразумный владелец» (378). Произведение это заслуживает того, чтобы на нем остановиться специально. Хотя оно было помещено в разделе переводов (в отличие от «Забавного философа» в «Зрителе мира» содержались и оригинальные русские стихотворения), однако нам не удалось обнаружить его источник ни в сборнике «Приятный наставник», ни в просмотренных английских журналах. Можно предположить, что под видом перевода с английского Сичкарев опубликовал собственную социальную утопию. В очерке рассказывается о некоем владельце, управляющем «одним округом некоторой Европейской области». Он заботится о совершенствовании земледелия, ободряет художества и исправляет нравы. «Из уст его исходит не прещение горделивого властителя, но благоуветливость просвещенного законодателя и кротость чадолюбивого отца». В случае неурожая он обеспечивает своим подданным необходимые средства к существованию. Подати и «излишние работою обременения» уничтожены. В округе имеются дома, где трудолюбивые бедняки могут заработать себе на жизнь, а также «странноприимницы» для немощных и сирот. В то же время для праздношатающихся и распутных предусмотрены смирительные дома, куда, однако, не помещают бедняков, обнищавших вследствие какого-либо несчастья. В каждом уезде имеется нужное число врачей; лекарства раздаются бесплатно, за счет правительства.

Имеющиеся училища предназначены для распространения нужных знаний; в них зато не учат «бесполезным школьным спорам и безрассудному гонению за веру».

Владелец награждает подданных, отличившихся трудом и добродетелью и бесчестит нерадивых (они обязаны носить позорную

белую шляпу). На всенародных собраниях каждый может свободно говорить владельцу, «что он почитает полезным для общего блага; и Владелец склоняется всегда на мнение гражданина, который проникнул наилучшим образом в пользу общества».

Каково бы ни было происхождение этого очерка, несомненно, что он соответствовал социальным идеалам Сичкарева. В нем соединились просветительское представление о просвещенном монархе, идеализация некоторых форм английской системы общественного призрения (работные дома)¹¹⁰ и отзвуки русского крепостного права (правитель является владельцем подданных). Сичкарев, видимо, рассчитывал, что его утопия найдет отклик в русском обществе. Недаром в конце очерка выразилось пожелание, чтобы этот пример имел больше подражателей.

Свои переводы Сичкарев стремился сделать более доступными русским читателям и, как сам признавался, «переменял... все то, что было с нашими обыкновениями несходно».¹¹¹ Так, в одном из очерков он изъясил распространенную в Англии, но мало известную в России молитву и заменил ее цитатой из *Виргилия* (319). В очерке «О свойствах божиих, или Украшенное звездами небо» (337) он, переводя описание луны, исключил упоминание сходного описания у *Мильтона*; в очерке «О праздности» (349) переименовал английские имена *Джон Тротт* и *миссис Фиджет* на *Высокококов* и *Вертопрахова* и т. п.

Переиздание «Забавного философа» под заглавием «Зритель мира» свидетельствует о том, что сборник имел успех у читателей.

* * *

Как мы видели, до 1760-х годов из английских журналов (или из их французских и немецких переводов) в России заимствовались почти исключительно дидактические материалы (рассуждения, притчи, аллегории). В 60-е годы появляется интерес к повествовательным «эссеям», приближающимся по своему характеру к новелле, правда, с неизменным дидактическим выводом — моралью. Сатирико-нравоописательные «эссеи», сыгравшие такую роль в подготовке английского реалистического романа XVIII века, появлялись в русских переводах сравнительно редко. Первым русским журналом, обратившим на них преимущественное внимание, был еженедельник 1769 года «Всякая всячина», продолжавшийся в 1770 году под заглавием «Барышек Всякой всячины».

Журнал этот издавался анонимно; его редактором считался один из секретарей *Екатерины II*, руководитель «Собрания, ста-

¹¹⁰ См.: Ch. A. Ellwood. Public relief and private charity in England. University of Missouri studies, v. II, № 2, 1903, pp. 12—14; J. L. Hammond and B. Hammond. The village labourer. 1760—1832. London, 1924, pp. 122—124.

¹¹¹ «Забавный философ», стр. 14 нenum.

рающегося о переводе иностранных книг» Г. В. Козицкий. Но ни для кого не было секретом, что во главе редакции стояла сама императрица.¹¹² Издание журнала было звеном в проводимой императрицей политике «официального просветительства», попыткой путем непосредственного разговора с «любезными согражданами» воздействовать на общественное мнение, повести его за собой в нужном направлении. «Я вижу бесконечное племя всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети», — провозглашалось в открывавшем журнал «поздравлении с новым годом». И далее следовало: «... вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут».¹¹³

Журналы были той модной одеждой, которую должна была иметь крепостническая Россия, чтобы занять подобающее место в кругу просвещенных европейских держав, и ориентация «Всякой всячины» на западные образцы была закономерной. В научной литературе давно уже отмечалась зависимость этого журнала от «Зрителя». Еще Н. Н. Булич указал, правда, довольно неопределенно, что английский журнал служил для русского образцом.¹¹⁴ А. Н. Афанасьев же считал, что иностранные журналы влияли лишь на «форму и тон статей» русских сатирических журналов, а содержание почерпалось из «своей собственной жизни».¹¹⁵ Вопрос был поставлен на строго научную почву только в упоминавшемся уже исследовании В. Ф. Солнцева «„Всякая всячина“ и „Спектатор“ (К истории русской сатирической журналистики XVIII века)».¹¹⁶ Солнцев тщательно сверил тексты журналов и установил наличие во «Всякой всячине» большого числа переводов из «Зрителя» как буквальных, так и переработанных. Причем все эти статьи печатались под видом оригинальных.

При всей ценности работы Солнцева он, однако, явно преувеличил роль «Зрителя», когда писал: «Почти все статьи „Всякой всячины“, признаваемые важными для истории быта и нравов общества Екатерининской эпохи, заимствованы из английского журнала».¹¹⁷ А главное, исследователь подходил к вопросу механически и, установив, что та или иная статья восходит к «Зрителю», он вообще отрицал возможность ее связи с русской жизнью. Между тем обычно переводное произведение в той или иной

¹¹² См. П. П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863, стр. 1—6; Е. Шумпгорский. Государыня-публицист. «Русский архив», 1890, № 1, стр. 5—52.

¹¹³ «Всякая всячина», 1769, Поздравление с новым годом, лл. 2 об.—3.

¹¹⁴ Н. Н. Булич. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 217.

¹¹⁵ А. Н. Афанасьев. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. М., 1859, стр. 5—6.

¹¹⁶ ЖМНП, 1892, ч. CCLXXIX, № 1, отд. II, стр. 125—156.

¹¹⁷ Там же, стр. 156.

мере решает задачи литературы, на язык которой оно переведено. Для литературы XVIII века, когда широко практиковались переводы-переделки и приспособления, это обстоятельство особенно существенно.¹¹⁸

Хотя конкретные заимствования из «Зрителя» не отмечались во «Всякой всячине» и даже маскировались, однако издатели русского журнала не скрывали своей ориентации на иностранный образец. «В Аглинском зрителе очень немало соли, — говорится в одной из статей, — а Всякая всячина на него походит: так для чего же не быть и в ней чему полезному для общества?»¹¹⁹

«Периодические листы» типа английских *periodical essays* и их европейских подражаний, уже издавались в России («Праздное время, в пользу употребленное»). Но только во «Всякой всячине» была сделана попытка создать литературное обрамление, изобразить некое общество, подобное клубу «Зрителя», группирующееся вокруг «сочинителя» журнала.¹²⁰ Этот сочинитель в нескольких номерах давал описание «о себе и товарищах», занимающихся «составлением журнала», причем первая страница «Всякой всячины» № 1 довольно точно воспроизводила начало первого номера «Зрителя» (114). Правда, литературная рамка «Всякой всячины» не так разработана и не так последовательно выдерживается как в английском журнале, а «описание» не достигает яркости и подробности характеристик «Зрителя».¹²¹

В самой форме изложения «Всякая всячина» также следует за «Зрителем». Почти каждый номер состоит из одной статьи, она дается чаще всего в виде письма к издателям (подчас подлинного), за которым следует ответ. Таким образом должно было создаваться по образцу «Зрителя» живое непринужденное общение — беседа издателей с читателями.

Близки «Зрителю» цели и задачи, декларируемые «Всякой всячиной», — «исправляти нравы и вкореняти в сердца добродетель... легким и приятным образом».¹²² Журнал обращался к частному быту и нравам современников. Не случайно в одном из последних его номеров указывалось: «Его («сочинителя» «Всякой всячины», — Ю. Л.) рассуждения... мы довольно разумеем, чтоб видеть, какие были забавы и нравы у Российского народа».¹²³ По-

---

¹¹⁸ Н. П. Автономов в работе «„Всякая всячина“. (Сатирико-нравоучительный журнал 1769—1770 г.). Опыт исследования» [Чтение в имп. Обществе истории и древностей российских, 1913, кн. 2 (245), отд. II, стр. 43—44] показал, что редакторы и переводчики русского журнала брали из «Зрителя» только то, что подходило к условиям русской жизни.

¹¹⁹ «Всякая всячина», 1769, № 19, стр. 53.

¹²⁰ См. там же, №№ 1, 2, 4, 147, стр. 1—5, 9—12, 399—400; «Барышек Всякой Всячины», 1770, № 163, стр. 462—464.

¹²¹ См.: В. Солнцев. «Всякая всячина» и «Спектатор», стр. 135.

¹²² «Всякая всячина», 1769, № 110, стр. 289. — Характерно приведенное здесь обращение к издателю «Всякой всячины»: «господин нравоучитель».

¹²³ Там же, № 147, стр. 399.

казательно, что этот номер, оценивающий значение «Всякой всячины» в настоящем и будущем, представлял собою приспособленный к русским условиям перевод отрывка из «Зрителя» (135).

Но «Всякая всячина» не ограничивалась подражанием типу журнала, созданного Стилем и Аддисоном. Как показал В. Солнцев, свыше 20 номеров (из общего числа 174) представляют собою перевод и переделку очерков «Зрителя».¹²⁴ Это обстоятельство было замечено еще современниками и использовалось в полемических целях «Трутнем» и другими оппозиционными журналами. Например, в письме, помещенном в журнале «И то, и сию», содержался намек: «Все не знающие других языков люди благодарят вас от искреннего сердца, выключая некоторых полуученых господ, стихов и прозы писателей».¹²⁵

«Всякая всячина» не раз отвечала на подобные нападки. В одном из опубликованных писем передавался спор двух людей, из которых один утверждал, что русский журнал «не что иное как повторение зрителей, новых Менторов, пустомель и Мисанфропов»,¹²⁶ а другой отвечал ему на это: «положим, что в сих новых листках и выбранное есть из других, что до того нужды, только бы хорошо было и выбрано бы было со вкусом? Пчела со всяких цветов мед собирает. . .».¹²⁷ А в статье «Нельзя на всех угождать» говорится: «Скажут, что не мы правила выдумали. О сем и спора нет. Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает: легко узнать оные можно: осмелимся сказать, что почти все переводы здесь внесенные слабее настоящих сочинений».¹²⁸ Полемика о переводах продолжается в следующем письме: «Дурной книги переводчик хорошею сделать не может, ни хорошей дурною; одни только слова и слог, а не мысли в переводчиковой власти. Здравому же рассуждению всегда лучше следовать, нежели модам».¹²⁹

Екатерину II привлекала занимаемая английским журналом позиция «зрителя человечества», никогда не вмешивающегося непосредственно «в практическую сторону жизни», не обсуждающего не только общественных недостатков, но и проступков отдельных лиц, — позиция, связанная с своеобразием политической и эконо-

¹²⁴ В. Солнцев указывает на 26 номеров журнала. Ниже мы включили в библиографию только 24 из них, поскольку №№ 18 и 145, приведенные Солнцевым, имеют слишком отдаленное сходство со статьями «Зрителя».

¹²⁵ «И то, и сию», 1769, неделя 45. См.: В. Солнцев, ук. соч., стр. 134.

¹²⁶ В примечании к этому месту указывается: «Аглинские и французские периодические листы». Из французских журналов здесь назван «Le Misanthrope», из английских — «The Spectator», «The Guardian», «The Tatler». Однако судя по упоминанию «нового Ментора» («Le Mentor moderne» — название французского перевода «The Guardian»), английские журналы были известны издателям во французском переводе (см.: В. Солнцев. «Всякая всячина» и «Спектатор», стр. 135).

¹²⁷ «Всякая всячина», 1768, № 37, стр. 103.

¹²⁸ Там же, № 111, стр. 295.

¹²⁹ Там же, № 112, стр. 296.

мической жизни послереволюционной Англии. В эпоху политического застоя, когда коррупция достигла небывалых размеров и политическая борьба выродилась в демагогическую партийную шумиху, издатели «Зрителя» Стиль и Аддисон с разочарованием отходят от нее, видя единственную возможность воздействовать на общественную жизнь страны путем влияния на нравы и просвещение широких слоев современников.

Однако почерпнутые у английских просветителей морально-просветительские задачи Екатерина II подчиняла своим политическим целям; стремления, понятные и отчасти правомерные в условиях послереволюционной Англии, в феодально-крепостнической России принимали явно охранительный характер.

«К чему служат законы, когда нравы испорчены?»¹³⁰ Таков девиз «Всякой всячины». В одном из номеров автор письма к сочинителю, опровергая утверждение своих сограждан, «что правосудия нет», задает вопрос «Где же теперь болячка, на которую жалуются... 1. В законах ли? 2. В судьях ли? 3. В нас ли самих?», и в заключение делает вывод: «...нигде больше несправедливости и несправосудия нет, как в нас самих. Любезные сограждане! перестанем быть злыми, не будем имети причины жаловаться на несправосудие».¹³¹

«Всякая всячина» неуклонно противостоит попытке расширить круг объектов критики, искать их за пределами морали и быта. «Писателю писма от 26 марта 1769 года», в котором говорится не только о «слабостях человеческих», но и о «недостатках разных в свете государств», указывается, что «часть материй в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента», и рекомендуется «человеколюбие и кротость присвокупить ко прочим своим знаниям».¹³²

Показательны объекты, которые подвергаются осмеянию в статьях «Всякой всячины», в той или иной форме заимствованных из «Зрителя». Это — поведение светских женщин (116, 121, 129, 130, 134), их злоупотребление косметикой (125, 128, 136), ссоры супругов (126, 132), пьянство (120), суеверия (115), невоспитанность молодежи (119), условность светского языка (128), суетность визитеров (133), развязность в церкви (117, 128), пустые занятия некоего помещика (137) и т. п. Критика подобных социальных явлений ни в коей мере не посягает на существующий строй.

В подавляющем большинстве случаев статьи, заимствованные из «Зрителя», подвергались сокращению, обработке в той или

¹³⁰ Там же, 1769, № 4, стр. 9; см. также № 29, стр. 83—85.

¹³¹ Там же, № 108, стр. 277, 280; см. также попытку оградить от критики подъячих (там же, № 60, стр. 160). А. Незеленов (Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889, стр. 80) пришел к заключению, что «Всякая всячина» «снисходительно относилась к взяточничеству и несправосудию».

¹³² «Всякая всячина», 1769, № 52, стр. 139—140.

иной мере, нередко перелагались «на русские нравы», иногда отрывок из «Зрителя» вставлялся в оригинальную статью.¹³³ При переделках понятия и наименования, связанные с английским бытом и историей, или устранялись, или заменялись соответствующими русскими понятиями и наименованиями. Так, собор св. Павла превращался в Кремлевский дворец и исключалось рассуждение о вигах и ториях (128); действие переносилось в Замоскворечье, школьный учитель (*maitre d'école*) превращался в пономаря, а битва при Альманце — в памятную русским Цорндорфскую баталию (115); английская продавщица чая Ребекка преобразовывалась в лавочника Гостиного двора Фоку Денголюбова (121), пикты и бретонки — в русских и татарок (136); модная болезнь спин (во французском переводе: *mal de gate* — болезнь селезенки) именовалась по-русски «матка» и т. п. В письме дядюшки, жалующегося на племянниц, вставлена фраза: «Я бы им отвечивал кулаком; но я болен: да сверьх того сии девки таковы, чтоб они сами меня съездили в рожу» (119), как заметил В. Солнцев, «вероятно, для того, чтобы придать переводу более русский колорит».¹³⁴ По-видимому, исходя из русских обычаев, возраст юной девицы, желающей поскорее выйти замуж, увеличен с 13 лет на 14 (122).

Займованные статьи, как правило, значительно упрощались; из них устранялись побочные рассуждения, ссылки на античных авторов и другие частности. Были сокращения и более принципиального, идейного характера. Так, при переводе статьи «Подчиненные и окружающие тех, кои в первых должностях находятся. . .» (124) (эта одна из более острых социально статей «Всякой всячины» посвящена вопросу о нравственности чиновников), из нее было изъято место, в котором коррупция чиновников объясняется недостаточной осмотрительностью вышестоящих властей при их назначении.¹³⁵

Опиралась «Всякая всячина» на «Зрителя» и в журнальной полемике. Замысел Екатерины возглавить сатирическую журналистику, как известно, потерпел неудачу. Сатирические журналы, появившиеся вслед за ее начинанием, «доброе поколение всякия всячины», на которое она рассчитывала, вступило в ожесточенный спор с «прабабкой» прежде всего по поводу сатиры.¹³⁶

Екатерине II подходила позиция, занятая по этому вопросу Аддисоном и Стилем. Недаром статьи «Всякой всячины», имев-

¹³³ См.: В. Солнцев. «Всякая всячина» и «Спектатор», стр. 141—144.

¹³⁴ Там же, стр. 137.

¹³⁵ «Je suis persuadé que cette corruption vient surtout de ce qu'on met dans les Charges les premiers qui s'offrent eux-mêmes, ou ceux qui passent pour être subtils et rusez; au lieu qu'on de devoit les destiner qu'à ceux qui ont été bien élevez, et qui se sont appliquez à l'Etude et à la Vertu» (*Le Spectateur, ou le Socrate moderne. . .*, t. V, p. 93).

¹³⁶ Подробное изложение и анализ журнальной полемики см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 156—225.

шие полемическую направленность, неоднократно заимствовались из «Зрителя».

Как мы уже указывали, политическая умеренность Стиля и Аддисона обусловила и преобладание в их журналах мягкого «джентльменского» юмора. «Существенное качество в сатире есть добродушие», заявлялось в статье о сущности сатиры («Болтун», № 242). В первых же номерах «Зрителя» его авторы заявляли, что журнал будет рассматривать преступление, «как оно является в целом разряде людей, а не как оно случайно попадает в индивидууме» («Зритель» № 16).¹³⁷ Решительное неприятие «сатиры на лица» в «Зрителе» было связано с борьбой против пасквилей, получивших широкое распространение в атмосфере партийных склок и дрязг, которые характерны для политической жизни Англии начала XVIII века. Следует также иметь в виду, что личная сатира, используемая обычно в антиправительственных выступлениях, в послереволюционной Англии стала оружием феодальной аристократии, нападавшей на правительство справа. Поэтому ранние английские просветители были решительными противниками «сатиры на лица».¹³⁸ Даже Свифт, неоднократно выступивший с памфлетами против того или иного политического деятеля, декларативно отрицал личную сатиру и в программной поэме «Стихи на смерть доктора Свифта» (1732) писал о себе:

Всем людям мнил он дать урок,
Казня не имя, но порок,
И одного кого-то высечь
Не думал он, касаясь тысяч.¹³⁹

В России же борьба с «сатирой на лица» получила характер защиты царского самодержавия от какой-либо критики слева. «Всякая всячина» не устает ратовать против подлинной боевой сатиры, за благодушный беззубый юмор, апеллировать к «духу кротости и снисхождения». Журнал публикует подобострастное письмо одного из своих корреспондентов, который заверяет, что «наставления» «Всякой всячины» писаны «не едко, но приклонительно, не с бранью, но с ласканьем и ободрением».¹⁴⁰ Систематически отстаи-

¹³⁷ Отметим, что Стиль не сразу пришел к такому взгляду. В начале издания «Болтуна» он еще сочувственно относился к «сатире на лица» (см.: В. Ф. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона, т. I, стр. 243—246).

¹³⁸ См.: В. Д. Рак. Теория сатиры в журналах Аддисона и Стиля. «Уч. зап. ЛГУ», № 276, сер. филол. наук, вып. 54, 1959, стр. 3—29. — Теоретические споры вокруг сатиры в Англии отражены в статье: J. M. Dгарег. The theory of the comic in XVIII century England. «Journal of English and Germanic philology», v. XXXVII, 1938, pp. 207—223.

¹³⁹ Дж. С в и ф т. Памфлеты. М., 1955, стр. 265.

¹⁴⁰ «Всякая всячина», 1769, № 104, стр. 268.

вается абстрактная сатира на порок и решительно отрицается сатира «на лица», в которой оппозиционно настроенные журналы, «Трутенъ» Новикова и другие, видели возможность активного вмешательства в общественную жизнь. «Мы себе за правило предписали, не делить на особ, но единственно на пороки».¹⁴¹ Эта заповедь многократно варьируется в статьях «Всякой всячины».

Стремясь прекратить полемику, принимавшую острые формы, журнал призвал «по праву старшинства» «поколение Всякия всячины» «отложить все домашние распри и только единственно упреждаться довольствовати читателей приятными и полезными задатками».¹⁴² А в следующем номере, в статье под заглавием «Мой взор обращен к истине одной» (118) был опубликован сокращенный перевод из «Зрителя» — о дурных и хороших шутках. Дурная шутка «рассуждениями своими. . . падает всегда на особы. Она задирает порочного, а не пороки; писателя, а не сочинения». Ее «родословие» — «Ложь—Вздор—Бешенство—Сумасбродство»; тогда как «родословие» хороших шуток — «Правда—Здравое Понятие—Ум—Веселость».

Отвечая в одном из номеров на письмо читателя, «Всякая всячина» подчеркивала: «Ко справедливой же, вежливой и веселой критике мы первые пристанем, и сами оную напечатаем для опыта великого нашего беспристрастия».¹⁴³ И в следующем номере помещен перевод отрывка из большого рассуждения «Зрителя», направленного против памфлетистов — «Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потаенно поносить человека. . .» (123).

Переделка статьи из «Зрителя», напечатанная во «Всякой всячине» № 103 — «Некогда читал некто следующую повесть» (127) была прямо направлена против новиковского «Трутня». В ней утверждается, что подобный журнал представляет собою собрание сплетен, утоляющих «жажду и жадность ко новизнам». Новиков ответил в «Трутне» исключительно смелой пародией на статьи «Всякой всячины», в которой с необычайной резкостью и откровенностью обличал императрицу и ее политику. В этой пародии он также издевался над манерой «Всякой всячины» приспосабливать переводы к русской обстановке, выдавая их за свои произведения: «Этот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского Смотрителя и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: *и мы, яблока, пльвем. . .*».¹⁴⁴

Принципиальное значение имел и отрывок из «Зрителя» о задачах сатирико-нравоучительного журнала, помещенный во «Вся-

---

¹⁴¹ Там же, № 49, стр. 134.

¹⁴² Там же, № 35, стр. 98.

¹⁴³ Там же, № 73, стр. 195.

¹⁴⁴ «Трутенъ», л. XX (Сатирические журналы Н. И. Новикова М—Л, 1951, стр. 120). — Здесь сказалось отрицательное отношение Новикова к подражаниям и заимствованиям вообще.

кой всячине» № 123: «Два есть у меня рода читателей» (131). Чтобы привлечь большее число людей, утверждалось здесь, журнал должен сочетать нравоучение и забаву, ибо «если мы хотим быть свету полезны, то мы должны с ним поступати, сколько можем по мере, как он есть, а не по тому, как желательно, чтоб он был».

Таким образом, стремясь укрепить свои позиции в полемике, имевшей для нее первостепенное значение, «Всякая всячина» неоднократно прибегала к помощи «Зрителя», приспособлявая его статьи к своим потребностям.

В. Ф. Солнцев считал, что «„Всякая всячина“ не ограничивалась перекапыванием на свой салтык статей славного Английского Смотрителя; подражание и заимствование шло гораздо далее. Оно выражалось как в выборе предметов, которые предавала осмеянию „Всякая всячина“, так и в тоне и манере ее сатирических нападок...».¹⁴⁵ И далее Солнцев приводил перечень тем, которые, по его мнению, были подсказаны «Зрителем»: воспитание детей, жизнь помещиков, галломания и др. Нам представляется, что в данном случае Солнцев истолковал как внешнее воздействие то, что в действительности было обусловлено сходством некоторых социальных явлений в обеих странах.

Вообще сочинители «Всякой всячины» ориентировались на «Зрителя» лишь до тех пор, пока это соответствовало их идеологическим задачам и политическим интересам. Наглядным примером этого может служить отношение русского журнала к английским клубам в статье «Изо Франции поехал я в Англию...».¹⁴⁶

Авторы «Зрителя», особенно Аддисон, немало писали о клубах, этом характерном явлении социальной жизни Англии. Они добродушно посмеивались над чудачествами, которые культивировались в некоторых клубах, гневно осуждали антиобщественные выходки (например, клуб могоков — «Зритель» № 324), но в принципе одобряли такого рода учреждения, считая, что они соответствуют природе человека как животного общественного, и приветствовали те клубы, которые объединены любовью к обществу, а не фракционной обособленностью («Зритель» № 9). Статья же «Всякой всячины» имеет целью вообще дискредитировать клубы или, как они названы здесь, «собрания». Вся деятельность клубов, происходящие в них дебаты, представлены как глупость и нелепость, ибо люди, собирающиеся там, «прямого вида вещи не понимают». В этом проявилась характерная для русского самодержавия враждебность ко всяким проявлениям общественной жизни и страх перед свободой слова.

---

¹⁴⁵ В. Солнцев. «Всякая всячина» и «Спектатор», стр. 148.

¹⁴⁶ «Всякая всячина», № 18, стр. 49—51. В. Ф. Солнцев (ук. соч., стр. 136) считал, что статья эта есть извлечение «из разных статей „Спектатора“»; нам это мнение представляется неосновательным.

Статьи «Всякой всячины», заимствованные из «Зрителя», переводились с французского перевода, как явствует из сличения текстов.¹⁴⁷

* * *

Хотя «Всякая всячина» и прекратила свое существование в 1770 году, Екатерина II и связанные с нею литераторы продолжали интересоваться английскими журналами. Вообще время ее царствования отмечено в России определенным увлечением Англией и английской культурой, которая противопоставлялась культуре французской.¹⁴⁸ В этом увлечении было два аспекта. С одной стороны, к английской, а также и немецкой литературе обращались предшественники и основоположники русского сентиментализма в поисках противодействия французскому классицизму и рационализму, которые уже утрачивали свое безоговорочное влияние на европейские умы. Но был и другой аспект, официальный. Франция, которая при Людовике XIV была оплотом абсолютизма, к середине XVIII века становилась рассадником либеральных идей, весьма опасных в глазах сторонников самодержавия, в том числе и тех, которые стремились придать ему внешний вид просвещенной монархии. И они обращали свои взоры к Англии, к английским мыслителям, проповедовавшим смирение, довольство судьбой и социальный мир. По мере того, как Екатерина переставала заигрывать с французскими просветителями, ее симпатии к Англии возрастали. Драматург по преимуществу в своей литературной деятельности, она обращается к английской драматургии, переделывает «Виндзорских кумушек» и «Тимона Афинского» Шекспира, превращая их в назидательные комедии («Вот какво иметь корзину и белье», «Рассточитель»),¹⁴⁹ принимается за переработку «Школы злословия» Шеридана.¹⁵⁰

¹⁴⁷ Первоначально об этом писал В. Ф. Солнцев (ук. соч., стр. 134—135). Утверждение Солнцева оспаривал В. П. Семенников, считавший, что во «Всякой всячине» сотрудничал Л. И. Сичкарев, владевший английским языком (см.: В. П. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914, стр. 10—12). Однако В. Ф. Лазурский в специальной статье «„Le Spectateur“ и „Всякая всячина“» («Русский библиофил», 1914, № 8, стр. 23—27) путем сопоставления соответствующих английского, французского и русского текстов пришел к заключению: «Редактор или сотрудники „Всякой всячины“ компилировали статьи из „Спектатора“ по французскому переводу одного из амстердамских изданий» (стр. 27).

¹⁴⁸ См.: М. П. Алексеев. Английский язык в России и русский язык в Англии, стр. 87—88; E. J. Simmonds. English literature and culture in Russia, pp. 73—101.

¹⁴⁹ См.: А. С. Булгаков. Раннее знакомство с Шекспиром в России. В сб.: Театральное наследие, 1, Л., 1934, стр. 52—57; М. П. Алексеев. Первое знакомство с Шекспиром в России. В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, стр. 34—36.

¹⁵⁰ Сохранился отрывок 1787 года — «Вольное переложение, с аглинского» (Екатерина II, Соч., т. III, СПб., 1901, стр. 377—386).

В 1786 году в Петербурге была издана брошюра с параллельным немецким и русским текстом и двуязычным заглавием: «Obidah, eine morgenländische Erzählung. Обидаг, восточная повесть, с немецкого на российский язык переведенная Семеном Великим, прилежным к наукам юношею» (408). Знакомство с содержанием брошюры не оставляет никаких сомнений, что это два перевода притчи С. Джонсона, помещенной в «Скитальце» № 65 и уже издававшейся в русских переводах по крайней мере четыре раза (18, 177, 338, 373). Семен Великий (ум. 1794) был побочным сыном цесаревича Павла Петровича (будущего императора Павла I), т. е. внуком Екатерины. Детские годы он провел при императрице, а затем в 1780 году был отдан в Петровскую школу.¹⁵¹ Екатерина, заботившаяся о нравственном воспитании своих внуков и стремившаяся ему способствовать (впоследствии она написала две нравоучительных сказки для Александра и Константина), в данном случае ограничилась лишь рекомендацией текста, помещенного в немецком переводе дидактического сочинения Роберта Додсли «Наставник, или Всеобщая система воспитания» (1748),¹⁵² с тем чтобы Семен Великий перевел его на русский язык и усвоил благочестивую мораль притчи.

Два года спустя перевод Семена Великого, читавшийся в «обыкновенном собрании» Шляхетного сухопутного кадетского корпуса, был вторично отпечатан в типографии корпуса, на этот раз без немецкого текста (409).¹⁵³

Но издание одного лишь из номеров джонсоновского журнала было для Екатерины недостаточно. Есть косвенные указания на то, что она распорядилась о полном переводе «Скитальца». Во всяком случае сведения об этом дошли в 1784 году через Вильяма Тука, капеллана английской колонии в Петербурге, до самого Джонсона и настолько восхитили его, что он неоднократно упоминал это обстоятельство в разговорах и письмах в последний год своей жизни.¹⁵⁴ Однако в печати перевод «Скитальца» не появился, и

¹⁵¹ О нем см.: Д. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). 2-е изд. СПб., 1883, стр. 67—69; Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 105—106.

¹⁵² Der Lehrmeister, oder ein allgemeines System der Erziehung, Bd. I. Leipzig, 1762, SS. 48—54. — Этот перевод дважды переиздавался с добавлениями: 1765—1767; 1782—1783. «Обидаг» был введен в «Наставника» немецким переводчиком; в английском оригинале (The presceptor, containing a general course of education), первое издание которого вышло в 1748 году, т. е. за два года до опубликования притчи в «Скитальце», в соответствующем месте находится некое «Видение» (A vision), не имеющее с ней ничего общего.

¹⁵³ Несмотря на то, что притча об Обидахе была широко распространена в XVIII веке и первоисточник может быть установлен вполне определенно, упомянутое издание 1786 года до последнего времени представляло собою своего рода литературоведческую загадку. См. нашу заметку «Кто автор „восточной“ повести „Обидаг“?» («Изв. Акад. наук СССР», сер. литер. и яз. 1966, т. XXV, вып. 5, стр. 431—433).

¹⁵⁴ Этот эпизод подробно изложен в статье Д.-С.-Г. Симмонса «Сэмюэль Джонсон „на берегах Волги“» (стр. 161—164).

нет никаких сведений, что он был осуществлен хотя бы частично.

Не был также издан и русский перевод «Зрителя», который намечался Собранием, старающимся о переводе иностранных книг на русский язык. Это Собрание, учрежденное Екатериной II в 1768 году, должно было осуществлять систематический перевод и издание художественных и научных произведений античных и западноевропейских писателей. Оно просуществовало до 1783 года, когда ответственность за переводное дело была передана Российской Академии, и издало за 15 лет существования свыше ста названий.¹⁵⁵ Английские сочинения составляли сравнительно небольшую часть, причем в большинстве своем они переводились с французских и немецких переводов. Это были: «Путешествия Гулливеровы» Свифта, «Амелия», «Деяния господина Ионафана Вида Великого» и «Приключения Иосифа Андревса» Филдинга, «История о государствовании Карла Пятого» и «История о Америке» Робертсона, «Истолкование английских законов» В. Блекстона. В момент прекращения деятельности Собрания 88 сочинений находились на руках у переводчиков; среди них был и «Аглинский Зритель».¹⁵⁶ К сожалению, документы не сохранили имени переводчика. Так же неизвестно, был ли завершен перевод и какова судьба его рукописи. Вероятнее всего, что она была утрачена, как и другие неизданные рукописи Собрания.¹⁵⁷

Из приближенных Екатерины II несомненный интерес к английским журналам, особенно к «Зрителю», проявляла Е. Р. Дашкова. Выдающаяся деятельница официального просветительства, директор Академии наук с 1783 года и первый президент основанной в том же году при ее участии Российской Академии, Дашкова была известна своими англофильскими настроениями. Она посетила Лондон, Оксфорд и Бат во время первого своего путешествия по Европе (1769—1771) и писала в путевых заметках: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях».¹⁵⁸ В 1776—1780 годах Дашкова жила в Великобритании, преимущественно в Эдинбурге, где обучался в университете ее сын,

---

¹⁵⁵ См. В. П. Семеновников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913.

¹⁵⁶ Там же, стр. 89, № 79, см. также: М. И. Сухомятинов. История Российской Академии, вып. 1. Сборник Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. XI, № 2, СПб., 1874, стр. 352, № 35.

¹⁵⁷ См.: В. П. Семеновников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, стр. 24.

¹⁵⁸ Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям. Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, ч. II, 1775, стр. 106.

и ее салон посещали такие деятели английской культуры, как Робертсон и Адам Смит.¹⁵⁹

По возвращении из первого путешествия Дашкова участвует в основании Вольного российского собрания при Московском университете и помещает в «Опыте трудов» собрания свои переводы с английского.¹⁶⁰ В их числе был и опубликованный в 1775 году «Перевод из аглинского Смотрителя о шутке» (143). Выбор статьи («Зритель» № 35) показателен. В сокращенном виде она уже публиковалась во «Всякой всячине» (118), где была одним из выступлений в полемике о сатире (см. выше, стр. 53). Печатаемая полная перевод, Дашкова как бы возвращалась к этой полемике, чтобы вновь провозгласить правило: «ополчаться против пороков людских вообще, а не в особенных лицах», и призвать к «войне с поносителем и ругателем». Поскольку оппозиционная сатирическая журналистика к этому времени уже прекратилась не без содействия правительства, то возражений ждать было неоткуда, и последнее слово, таким образом, оставалось за официальной точкой зрения, снова сформулированной словами «Зрителя».

Переводы из этого журнала публиковались и в другом официальном издании, инициатором которого была Дашкова как директор Академии наук, — «Собеседнике любителей русского слова» (1783—1784). Екатерина II, деятельно сотрудничавшая в журнале и помещавшая в нем свои фельетоны «Были и небылицы» — образчики «высочайше дозволенной» сатиры, — стремилась использовать журнал для воздействия на умы подданных и истолкования явлений внутренней жизни в нужном для нее направлении.¹⁶¹ Кроме того, журнал должен был объединить, направить в нужное правительству русло творчество лучших российских литераторов, и первоначально предполагалось публиковать в нем «только одни подлинные российские сочинения». Это сообщало «предупреждение» к первой части «Собеседника», указавшее также, что «переводы, какого бы они рода ни были, помещены здесь не будут».¹⁶²

Тем не менее правило было нарушено в двух последних частях журнала, где появились четыре статьи из «Зрителя». Правда, первые две статьи, опубликованные в XV части, были стыдливо озаглавлены: «Подражание аглинскому Зрителю» (174), хотя в действительности это был перевод,¹⁶³ а статья в XVI части «Некото-

¹⁵⁹ См.: М. Р. Алексеев. Adam Smith and his Russian admirers of the eighteenth century. In: W. R. Scott. Adam Smith as student and professor. Glasgow, 1937, pp. 424—431.

¹⁶⁰ См.: А. Афанасьев. Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. «Отечественные записки», 1860, т. СХХIX, № 3, отд. 1, стр. 184—185.

¹⁶¹ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 332—335.

¹⁶² «Собеседник любителей русского слова», 1783, ч. I, стр. 3.

¹⁶³ В упомянутом «Предупреждении» указывалось, что, помимо оригинальных произведений, в журнал можно присылать и «подражания сочинениям, изданным на других языках».

рые рассуждения о смехе» (176) не содержала ссылки на источник, однако заглавие четвертой статьи: «Нечто из аглинского Зрителя» (175) недвусмысленно указывало на ее переводной характер.

Три из опубликованных переводов имели в той или иной мере актуальный смысл. Первый из них (174, часть первая) обличал суетность светской жизни. «Благополучие истинное, — провозглашалось здесь, — есть враг пышности и шума и любит уединение». Частично тот же очерк («Зритель» № 15) уже публиковался в свое время во «Всеякой всячине» (116). Н. А. Добролюбов в своем исследовании «Собеседника» относил эту статью к материалам журнала, направленным против галломании.¹⁶⁴ Статья «Нечто из аглинского Зрителя» осмеивала стихотворное трюкачество, выражавшееся в составлении стихов в виде всякого рода графических фигур. Возможно, что издатели «Собеседника» подразумевали какие-то близкие явления в русской поэзии. Известно, что подобными трюками в 1760-е годы занимался поэт сумароковской школы А. А. Ржевский.¹⁶⁵ «Некоторые рассуждения о смехе», осуждавшие стремление людей к осмеянию своих ближних, согласовывались с общей тенденцией екатерининских журналов.

Можно предположить, что включение в «Собеседник» упомянутых переводных статей было вызвано недостатком материалов, приведшим в итоге к прекращению журнала вообще. Вероятно также, что они были извлечены из перевода «Аглинского Зрителя», который подготовлялся Собранием, старающимся о переводе иностранных книг.

Две из трех публикаций (174, 176) подписаны инициалами В. С. По нашему предположению, это Василий Прокофьевич Светов, который уже подписывался так в другом органе Академии — «Академических известиях» (1779—1781).¹⁶⁶ Светов был переводчиком Собрания,¹⁶⁷ и ему могли поручить перевод «Зрителя». Правда, нет сведений, что он знал английский язык, но переводы, публиковавшиеся в «Собеседнике», сделаны явно с французского.¹⁶⁸

---

¹⁶⁴ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 71.

¹⁶⁵ См., например, его притчу «Муж и жена» (Поэты XVIII века, т. I. «Библиотека поэта», м. серия, 3-е изд., Л., 1958, стр. 330—331).

¹⁶⁶ См.: А. Н. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, стр. 266; Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 411.

¹⁶⁷ В. П. Семеновиков. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг..., стр. 9, 37, 40, 44, 62, 88.

¹⁶⁸ Н. А. Добролюбов (Полн. собр. соч., т. I, стр. 59) высказывал предположение, что анонимное «Нечто из аглинского Зрителя» принадлежит Е. Р. Дашковой. Это предположение, которое впоследствии со ссылкой на Добролюбова повторил Л. Н. Майков (Очерки из истории русской литературы, стр. 415), представляется нам неосновательным, поскольку Дашкова знала английский язык и сделала бы свой перевод с оригинала, как это было уже в «Опыте трудов».

В последнем литературно-научном журнале Академии наук — «Новых ежемесячных сочинениях» (1786—1796) английские статьи не играли существенной роли. В ста двадцати одной части, выпущенной за десять лет их существования, нам удалось обнаружить только девять статей из английских журналов. Бессистемность и эклектичность «Новых ежемесячных сочинений»¹⁶⁹ сказалась и в этом случае; статьи заимствованы из шести разных английских журналов: «The Universal Magazine», «Скиталец», «Болтун», «Досужий», «Зритель» и «Праздношатающийся» (The Lounger). Семь из статей (205—209, 211, 213) появились на русском языке впервые, причем последняя из них, «Жизнь дворянина Лонжера», так и осталась единственным в русской литературе переводом из сравнительно мало известного шотландского журнала 1785—1787 годов.

Преимущественно использовались «восточные» повести (206, 207, 210, 211) и аллегории (208, 212). Мораль, которую они проповедуют, характерна для позднего английского Просвещения, в частности для Джонсона, автора четырех из повестей (207, 209—211). Истинное счастье не дано человеку. Добродетель не получает вознаграждения в обществе. Тем не менее человек должен быть активным в своей добродетели во имя высшей справедливости и вечного блаженства. В этом отношении характерен финал повести «Абузаид» (207), герой которой заявляет в конце: «Вижу я ныне тщету усилий честного человека, желающего приобрести всеобщее благоволение. Впредь буду довольствоваться деланием блага и избеганием зла, не заботясь о мнениях человеков; и стану только о сем стараться, чтобы заслужить благость того существа, коему единому можем мы надеяться приятными учинить себя, тщаясь ему быть угодными».

Несомненный интерес представляет заимствованная из «Досужего» статья Джонсона «О переводах», (209), представляющая собою беглый набросок истории перевода в Европе. Основная идея статьи состоит в том, что перевод — одно из сильнейших средств развития науки и культуры — получал развитие в те периоды, когда «каждый народ искал перед другим в учености получить преимущество» и «учение почитали за наиприятнейшее упражнение ума, а преложения книг за наилучшие облегчительные средства».

Шесть из статей английского происхождения в «Новых ежемесячных сочинениях» подписаны их переводчиками, однако никаких иных сведений о Павле Петрове, В. Поленове, графе Санти¹⁷⁰ и Пармене Лепехине найти не удалось.

---

¹⁶⁹ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 346.

¹⁷⁰ Вероятно, сын Франца Санти (1683—1758), пьемонтца по рождению, обер-церемониймейстера при дворе Петра I и Елизавете (о нем см.: «Русский архив», 1866, стлб. 273—284).

В сатирических журналах 1769—1774 годов, появившихся вслед за «Всякой всячиной», статьи английского происхождения — явление сравнительно редкое. Правда, многие из этих журналов построением своим походят на английские сатирико-нравоучительные «периодические листы». Но такой тип издания давно уже стал общеевропейским, к тому же в России он был окончательно утвержден «Всякой всячиной». Поэтому говорить в этой связи об английском влиянии нет оснований.

Малое число английских статей в этот период объясняется в основном двумя причинами. Одни издания, такие как сатирические журналы Н. И. Новикова («Трутень», 1769—1770, «Пустомеля»,¹⁷¹ 1770, «Живописец» 1772, «Кошелек», 1774), М. Д. Чулкова («И то, и сию», 1769), Ф. А. Эмина («Адская почта», 1769), стремившиеся к непосредственному участию в социально-политической борьбе, активно высказывавшиеся по злободневным вопросам, обычно избегали переводов и переделок. В «Живописце», например, прямо подчеркивалась независимость от зарубежных изданий. В одном из напечатанных в журнале писем к Живописцу некий «доброжелатель» заявлял: «... всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся».¹⁷²

Другие журналы, вроде «Смеси», заимствовали материалы из французских изданий.¹⁷³

Отдельные статьи английского происхождения, обнаруженные во второстепенных журналах 1769—1774 годов, весьма «законопослушных» по своей ориентации, — в «Ни то, ни сию» (1769) и «Трудолюбивом муравье» (1771) В. Г. Рубана, покорно следовавшего указаниям правительственных изданий,¹⁷⁴ или «Вечерах» (1772—1773) М. М. Хераскова, — имеют случайный характер (140—142). Все они печатались без ссылок на источники.

Зато два «письма» в сатирическом журнале «Полезное с приятным» (1769), издававшимся преподавателями Сухопутного шля-

¹⁷¹ Н. М. Петровский в рецензии на книгу В. П. Семенникова «Русские сатирические журналы» («Издв. Отд. русск. яз. и слов. имп. Акад. наук», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 272) указывал, что название «Пустомеля», вероятно, подсказано Новикову английским «The Tatler», которое именно так переводилось в это время на русский язык, в частности во «Всякой всячине» (см. выше, стр. 49).

¹⁷² «Живописец», ч. II, л. 22. Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 455 (курсив мой, — Ю. Л.).

¹⁷³ См.: В. Солнце в. Смесь, сатирический журнал 1769 года. СПб., 1893.

¹⁷⁴ См.: Г. А. Гук ов с к и й. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 264, 283.

хетного кадетского корпуса И. Ф. Румянцевым и И. А. де-Тейльсом,¹⁷⁵ содержали прямые ссылки на «Аглинского Смотрителя». Первое из них, «Письмо о женском уборе» (138) — сатира на модные прически, представляет собою сокращенный перевод «Зрителя» № 98. Несмотря на это, журнал «И то, и сию» в ответе «К сочинителю письма о женских уборах, которое напечатано в кадетском журнале под № XIV», заявлял в конце: «Прощай, сударь, и впредь не обманывай нас переводами из Англиского Смотрителя, а лучше подписывай свое имя; но полно, ты и так не спрятался, тебя все знают, а собливо Прелеста».¹⁷⁶ Вероятно, в перевод были введены какие-то непонятные нам теперь намеки, делавшие его злободневным в России и заставлявшие читателей воспринимать его как оригинальное произведение.

Второе, «Письмо об обманчивом виде» (139) — жалоба некоего щеголя на обманувшую его кокетку, хотя и напоминает по манере аналогичные письма из «Зрителя», однако непосредственный источник его установить не удалось. Возможно, что оно как раз и является псевдопереводом.

* * *

Выше уже указывалось, что в годы издания сатирических журналов Новиков, как правило, не помещал в них переводов, в том числе и английских статей.

Однако его симпатии к английской общественной мысли были засвидетельствованы в статье «Живописца» «Английская прогулка», одной из наиболее важных для направления журнала. Здесь говорится, что опубликованный незадолго до этого антикрепостнический памфлет — «Отрывок путешествия в *** И*** Т***» написан «в аглийском бкусе», поскольку «там дворяне критикуются так же, как и простолюдины».¹⁷⁷ В то же время содержащаяся в «Прогулке» тенденция ограничить резкость «Отрывка» показывает, что Новиков с понятием «английского» связывал известную умеренность в политической борьбе. Вниманию к Англии способствовала и борьба Новикова с галломанией. При этом он, однако, остерегался от неразборчивого увлечения всем английским, в результате чего пороки выдаются за добродетель и «английскую грубость» именуют «благородною великостию духа».¹⁷⁸

---

¹⁷⁵ В. П. Семенников. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках, стр. 21—23.

¹⁷⁶ «И то, и сию», 1769, неделя 11, стр. 5 вenum. — На это место указал П. Н. Берков (История русской журналистики XVIII века, стр. 240).

¹⁷⁷ «Живописец», ч. 1, л. 13 (Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 329).

¹⁷⁸ Там же.

Обращение Новикова в середине 1775 года к масонству, несомненно, усилило его интерес к английской культуре. С одной стороны, масонские ложи в России первоначально организовывались по английскому образцу и в дальнейшем поддерживали регулярные связи с западными масонскими организациями, особенно с английскими и немецкими.¹⁷⁹ С другой стороны, умеренно либеральному направлению масонства, к которому принадлежал первоначально Новиков, был довольно близок социально-этический комплекс, отстаивавшийся английскими просветителями: проповедь гуманности и братства людей, требование нравственного усовершенствования и для этой цели — углубленного самопознания, признание веры наряду с разумом и одновременная борьба как с атеизмом, так и с религиозным фанатизмом, и т. д.

Интерес к английскому Просвещению отразился и на книгоиздательской деятельности Новикова. Среди книг, выпущенных им с 1766 по 1793 год, около 60 произведений английских авторов, что намного превышает число английских сочинений, подготовленных Собранием, старающимся о переводе иностранных книг. Новиков издавал произведения Локка, Попа, Свифта, Филдинга, Смолета, Голдсмита, Стерна, Юнга, Блекстона и др.¹⁸⁰

«Утренний свет» (1777—1780) и «Московское ежемесячное издание» (1781), которые издавал Новиков-масон, были, по выражению П. Н. Беркова, «так сказать, левый фланг масонской журналистики».¹⁸¹ И в обоих изданиях переводы из английских журналов играли немаловажную роль.

Уже в предисловии к «Утреннему свету» Новиков заявлял о своем отказе от сатиры, особенно личной, и обещал «давать восчувствовать... наказание единым токмо порокам, и не особам».¹⁸² На смену обличению приходило нравоучение. И это проявилось в переводных статьях. Из английских журналов заимствуются не сатирические очерки, а моралистические видения, «восточные» повести и аллегории. Вновь переводится «Видение Мирзы» (147), печатавшаяся на русском языке уже в четвертый раз. Повесть «Бозальдав» (145), попавшая в журнал кружным путем, через шведский перевод, проповедовала покорность провидению, ибо пути судьбы неисповедимы. В «Коразмине» (148) доказывалась необходимость благотворительности. В одном случае мораль даже была вынесена в заглавие. «Простирать желанья свои превыше необходимостей есть наипаснейшая суетность» (146), — так был назван перевод «Скитальца» № 38. Заимствованная из того же журнала статья «Гнев» (150), в которой говорилось о том, что человек обычно изливает свой гнев на «тех, коих судьба или при-

¹⁷⁹ См.: E. J. Simmons. English literature and culture in Russia, p. 95.

¹⁸⁰ См.: А. В. Западов. Английские авторы в изданиях Н. И. Новикова. В сб.: Русско-европейские литературные связи, М.—Л., 1966, стр. 74—83.

¹⁸¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 314

¹⁸² «Утренний свет», 1777, ч. 1, сентябрь, стр. XV.

рода ему подвластными учинила», содержала элементы социальной критики, сочетавшейся с проповедью нравственного совершенства и владения своими страстями.

«Московское ежемесячное издание» по своей политической остроте заметно выделяется из журналов Новикова второго периода его деятельности. Здесь писатель вновь пытался вторгаться в жизнь, использовать сатиру в борьбе с социальными пороками.¹⁸³ Правда, сатира эта довольно отвлеченна и неконкретна, тем не менее она отличала «Московское издание» от «Утреннего света», из которого изгонялся смех, ибо считалось, что он не соответствует серьезным задачам журнала.¹⁸⁴ И этот поворот сразу же отразился на характере переводных английских статей. В «Московском издании» мы находим лишь одно нравоучительное «видение» в духе тех, что появлялись в «Утреннем свете». Это «Салаг, или Опасность от привычки» (167) — извлеченная из «The Universal Magazine» переделка известного уже русским читателям «Видения пустытника Феодора» С. Джонсона (см. выше, стр. 29—30).¹⁸⁵ Зато первой статьей первой части «Московского издания» был взятый из «Болтуна»¹⁸⁶ «Разговор господина Бикерштафа с своим духом хранителем» (166) — сатира на пороки дворян, в которой изображались: светская кокетка, злословящая своих ближних, сквернослов, постоянно поносящий своего слугу, картежник, в голове которого нет «никаких следов силы размышления». Другая сатирическая статья, «О поединках» (168), остроумно осмеивавшая под видом восхваления обычай драться на дуэлях, имела несомненно злободневный характер и в России. Против пьянства было направлено «Письмо» (169). Две последние статьи заимствованы из журнала «Свет», в известной мере противоположного изданиям Джонсона. Создатели его стремились воспитывать читателей не проповедами, но остроумием и иронией. Автором статей был граф Честерфилд (1694—1773), аристократ, политический деятель, литератор-дилетант и светский остро слов, чье творчество по своему характеру противостояло проникнутому религиозным духом тяжеловесному и педантическому морализированию Джонсона. Конечно, статьи Честерфилда, предназначенные для

¹⁸³ См.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 419—425.

¹⁸⁴ См.: А. Незеленов. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875, стр. 289—290.

¹⁸⁵ Помимо прямых перепечаток статей из других английских журналов (см., например, 46), «The Universal Magazine» также печатал заимствованные статьи в переделанном виде, причем в этих переделках главным образом изменялись имена действующих лиц. Другим примером подобной переделки может служить напечатанная в «Детском чтении» 1785 г. «Восточная сказка» (182), которая является переводом помещенной в «The Universal Magazine» переделки «Искателя приключений» № 76.

¹⁸⁶ В подписи к статье было ошибочно указано: «Из 13 части аглинского Спектатора», и это указание некритически повторено А. И. Незеленовым (Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг., стр. 295).

печати, были свободны от аристократического цинизма, присущего опубликованным посмертно письмам к сыну, которые стяжали ему известность. Тем не менее появление его статей в «Московском издании» красноречиво свидетельствует о широте взглядов издателя и светском характере журнала. Обе статьи переведены Андреем Брянцевым, одним из студентов Московского университета, привлеченных Новиковым к участию в журнале.

«Зритель» был представлен в «Московском издании» «историческим» анекдотом «Приключения Эгингарда и Эммы» (171), известным уже русским читателям по «Доброму намерению» (87) и отрывком из № 26, посвященным размышлению на кладбище и включенным в статью «Христианин у гробов».¹⁸⁷ Статья эта, — по-видимому, переводная, хотя источника ее нам не удалось обнаружить, — по своему содержанию примыкает к тем материалам, которые помещал в журнале соредактор Новикова А. М. Кутузов, один из идеологов московских масонов, писатель-сентименталист, переводчик и пропагандист Юнга.¹⁸⁸ К статьям, связанным с религиозной направленностью «Московского издания», принадлежит и прозаический перевод «священной эклоги» Попа «Мессия» (170), формально связанной с «Зрителем», в 378-м номере которого она была впервые опубликована.

Займствования из английских журналов играли некоторую роль и в тех, условно говоря, «популярных» периодических изданиях, которые издавал Новиков: «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (1779) и «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время» (1782—1786). Желая придать этим изданиям занимательный характер, Новиков использовал нравоучительные повести Хоксуорта, печатавшиеся в «Искателе приключений». Такова «Повесть о Евгение, или Торжество добродетели над честолюбием» (164) с продолжением «Боневолус» (165), принадлежавшая к числу наиболее серьезных произведений в «Модном издании». По своей дидактической идее — осуждение дуэлей и связанных с ними ложных понятий о чести — повесть была актуальна для своего времени¹⁸⁹ и перекликалась со статьей «О поединках» (168) в «Московском ежемесячном издании». Переводчик или редактор предпослал «Повести о Евгение» специаль-

¹⁸⁷ «Московское ежемесячное издание», 1781, ч. II, июнь, стр. 91—102 (отрывок из «Зрителя» — стр. 91—92).

¹⁸⁸ См.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, стр. 424—425. О Кутузове см.: Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, Л., 1950, стр. 81—116. — О переводах Кутузова из Юнга см.: П. Р. Заборов. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. В сб.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма, М.—Л., 1964, стр. 277.

¹⁸⁹ См.: Вл. Семеновичев «Модное ежемесячное издание», журнал 1779 года. «Русский библиофил», 1913, № 6, стр. 11—12.

ное рассуждение, направленное «против сего обыкновения, оставшегося в нас от первобытного нашего состояния, когда мы еще в дикости жили», из-за которого гибнут «невинные люди» и «заслужившие отечеству», и нарушаются «божеские и человеческие уставы».

Другая повесть Хоксуорта «Флавилла, или Жалостные действия легкомыслия» (172) появилась в «Городской и деревенской библиотеке», где также было опубликовано «Справедливое решение» (173) — «восточная» повесть из «The Universal Magazine».

Показательно, что в издававшейся Новиковым «Вечерней заре» (1782) — реакционно-мистическом органе масонов-розенкрейцеров, где он, по мнению новейших исследователей, не принимал участия как автор и редактор,¹⁹⁰ статьи из английских просветительских журналов исчезают совершенно. Зато в «Покоящемся трудолюбце» (1784—1785), который продолжал «Вечернюю зарю», но не носил столь резко выраженного мистического и богословского характера, мы вновь встречаем английские статьи. Журнал этот, заполнявшийся в основном произведениями студентов Московского университета, хотя и доказывал в своих программных статьях, что человеку в его стремлении к истине недостаточно разума и необходима вера, однако утверждал в то же время, что одна вера без разума слепа и не может руководить человеком.¹⁹¹ Отсюда борьба с суеверием и религиозным фанатизмом, проводившаяся на страницах журнала, особенно в «Письме к издателям Покоящегося трудолюбца» (ч. IV). К «письму» примыкает и статья «О мнимом усердии в религии» (179) — перевод «Зрителя» № 185 (другой перевод этого номера публиковался уже в «Трудолюбивой пчеле», 60). Статья эта, обличающая порочную основу фанатизма, полностью отвечала взглядам редакторов журнала, и они не только напечатали ее без каких-либо ссылок на источник, но и специально приспособили к русским условиям. Так, после рассуждения о том, что ревностные защитники «православия» (в оригинале: orthodoxy) готовы дружить с порочными единоверцами, но не желают иметь дела с приверженцами иной религии, хотя бы и добродетельными, сделана характерная вставка: «Упорные наши раскольники¹⁹² не могут ничего съесть или выпить с нами без зазрения совести; также многие наши простолюдины за великое беззаконие по-

---

¹⁹⁰ См.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, стр. 449—454; П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 410—411.

¹⁹¹ См.: А. Незеленов. Николай Иванович Новиков, издатель журнала, стр. 369—373; С. Тимофеев. Студенческий журнал прошлого века. «Русская мысль», 1889, № 12, отд. II, стр. 111—112.

¹⁹² Выражение «наши раскольники» побудило А. И. Незеленова (Николай Иванович Новиков, издатель журналов, стр. 410) отнести статью к числу «несомненно оригинальных» сочинений. Между тем С. П. Тимофеев (Студенческий журнал прошлого века, стр. 113) определил, что она имеет «западный первообраз».

ставляют быть вместе и участвовать в делах с иноверцами, как то особливо с армянами, турками и даже с лютеранами и римско-католиками, хотя впрочем и в самых преступлениях своим единоверцам сообщниками быть часто не отрекаются».

Другие статьи английского происхождения (177, 178, 180, 181) не имеют такого принципиального характера и при всей своей моралистической направленности скорее относятся к материалам «Покоящегося трудолюбца», имеющим целью развлечение читателей.

В последнем из журналов, издававшихся Новиковым, «Детском чтении для сердца и разума» (1785—1789), целая серия английских статей появилась в самом конце его существования. Исследователи уже отмечали, что история этого журнала распадается на два периода. В первый период, 1785—1786 г., «Детское чтение» «осуществляло программу, развернутую Новиковым, и являлось коллективным органом, одушевленным одним мировоззрением и одной целью». Напротив, в 1787—1789 годы журнал «разрешал задачи, интересующие редакторов — Петрова и Карамзина — интересы в первую очередь литературно-художественные и постепенно отходил от педагогики и детей».¹⁹³

Инициатором печатания английских статей был, очевидно, Александр Андреевич Петров (ум. 1793), журналист и переводчик, в прошлом сотрудник «Утреннего света», «обожатель англичан», по словам его друга и соредактора Н. М. Карамзина.¹⁹⁴ Возможно, что он и переводил эти статьи, если не все, то значительную их часть. По крайней мере доказана принадлежность ему перевода повести «Обидаг» (194).¹⁹⁵

Двенадцать из тринадцати английских статей сосредоточены в двух частях «Детского чтения» — XVII и XX. В их отборе не чувствуется какой-либо системы и педагогической направленности, если только не считать дидактизма, вообще присущего английской журналистике XVIII века. По своему характеру они весьма разнообразны, рядом с сюжетными произведениями (185, 190) печатаются абстрактные рассуждения (191, 192), аллегории (183, 193) соседствуют с научно-популярными очерками (184, 189), правда, проникнутыми религиозным духом. Встречается этнографическое описание (187), пословицы (186). Наряду с широко распространен-

¹⁹³ Е. П. Привалова. «Детское чтение для сердца и разума» Новикова — первый русский детский журнал. Тезисы канд. дисс. (1943). Цит. по: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 426.

¹⁹⁴ Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Соч., т II, СПб., 1848, стр. 674.

¹⁹⁵ См.: Е. П. Привалова. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума». В сб.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 260. — Атрибуция основывается на идентичности данного перевода с текстом повести «Обидаг», входящей в состав дидактического сочинения «Учитель, или Всеобщая система воспитания» (ч. 1, М., 1789, стр. 58—62), переведенного А. А. Петровым (398).

ными изданиями («Зритель», «Скиталец», «The Universal Magazine») используются и такие малоизвестные в России журналы как «The Town and Country Magazine» и «The New London Magazine». Переводы делались не только с немецкого языка («Обидаг», например), но и с английского подлинника. В статье «Рассуждение о анатомии» (184) в нескольких случаях для уточнения приводятся в скобках английские выражения.

* * *

Из прочих русских периодических изданий конца 1770—1780-х годов большее внимание статьям из английских журналов уделяли «Санкт-Петербургский вестник» (1778—1781) и «Зеркало света» (1786—1787), «политическое лицо» которых, по выражению П. Н. Беркова, «достаточно бесцветно и литературная позиция совершенно невыразительна».¹⁹⁶

Редактор «Санкт-Петербургского вестника» Г. Л. Брайко проявлял явный интерес к Англии и английской литературе. Еще в 1772 году он перевел с французского для Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, посвященный Англии том «Землеописания» известного немецкого географа А. Ф. Бюшинга — «Королевство английское, или Великобритания и Ирландия». В журнале печатался отрывок из «Сентиментального путешествия» Стерна,¹⁹⁷ рекомендовалось переводить «хорошие и полезные романы, сочинения Рихардсона, Филдинга, Голдсмита»,¹⁹⁸ сообщалось о смерти «славнейшего аглинского актера» Гаррика,¹⁹⁹ приводились анекдоты о Честерфилде.²⁰⁰

Вообще Г. Л. Брайко испытывал несомненное пристрастие к Честерфилду, недаром он поместил переводы четырех его сатирических статей, печатавшихся первоначально в журналах «Свет» и «Здравый смысл» («Common Sense», 1737—1743). Объектами их сатиры являются пороки, распространенные в высшем свете: цинизм («Честный человек новейшего вкуса», 154), чревоугодие («Рассуждение о высоком вкусе...», 155), пьянство («Изображение пьяницы», 161), приверженность к старине («Переменившийся свет», 151).

---

¹⁹⁶ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 313—314.

¹⁹⁷ Отрывок из аглинской книги «Yorick's sentimental journey». Иориково чувственное путешествие чрез Францию и Италию, сочиненное г. Стерне. Б. Арндт. «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. IV, июль, стр. 24—32.

¹⁹⁸ Ф. «Тысяча и один день, персидские сказки...». «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, апрель, стр. 319.

¹⁹⁹ Перечень иностранным новостям. «Санкт-Петербургский вестник», 1879, ч. III, февраль, стр. 170—171.

²⁰⁰ Анекдоты. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. II, октябрь, стр. 289—291; 1779, ч. III, апрель, стр. 300—302.

В отборе нравоучительно-развлекательных материалов из английских журналов можно обнаружить известную восприимчивость «Санкт-Петербургского вестника» к сентименталистским веяниям. Так, явно «чувствительный» характер носят повести из «Искателя приключений» («Чудный Кричтон», 153; «Рассуждение о сострадании», 162). Тем более это можно сказать об истории Инкла и Ярико, которая попала в «Санкт-Петербургский вестник» в пересказе Геллерта (160), значительно усилившего ее эмоциональную насыщенность.

Стремление журнала «в просвещении стать с веком наравне» проявилось, между прочим, в заимствовании из выходившего одновременно шотландского журнала «Зеркало» (The Mirror, 1779—1780) «Опыта о сновидении» (158), статьи, доказывавшей нелепость верования в пророческое значение снов и стремившейся дать им естественно-научное объяснение. Это, однако, не помешало редактору напечатать в той же части «Вестника» «Сон Каразана» (156) из «Искателя приключений», в сюжете которого центральное место занимает пророческое видение.

Иной характер носили статьи из английских журналов, печатавшихся в «Зеркале света», которое издавали П. И. Богданович и Ф. О. Туманский. Это почерпнутые из «Зрителя» и «Опекуна» рассуждения на этические темы: «Корыстолюбие и нега» (196), «О правосудии» (197), «О чести» (198), «О счастье» (199), «О употреблении времени» (200) и «О препровождении времени в распространении своих познаний» (201). В некоторых статьях рассуждение сопровождалось притчей. Все они появились с марта по апрель 1786 года, т. е. в то время, когда в издании журнала принимал участие П. И. Богданович (до мая 1786 года). В дальнейшем удалось обнаружить лишь одно заимствование из «Зрителя» — «Сила обхождения» (202), отличное от предшествующих публикаций, потому что это — сюжетное произведение (рассказ о молодой жене, коварно обманувшей доверившегося ей старого мужа).

Два года спустя пять упомянутых нравоучительных статей в тех же переводах были напечатаны в альманахе «Цветник, или Собрание рассуждений о таких предметах, от коих зависит спокойствие и благополучие жизни и коими занимались самые знаменитые века нашего писатели: Аддисон, Свифт, Галлер, Мерсие и проч.» (394—397). Издатель альманаха, обозначенный на титульном листе инициалами «П. Б.», был Петр Иванович Богданович — в прошлом переводчик Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, и издатель «Академических известий» (1779—1781) и «Нового Санкт-Петербургского вестника» (1786).²⁰¹

²⁰¹ См.: В. П. Семенников. 1) Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, стр. 9, 86; 2) Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 21—22.

П. И. Богданович имел в Петербурге типографию, в которой печатал свои переводы.²⁰² В отличие от большинства переводчиков его времени, он владел, помимо французского и немецкого языков, также и английским.²⁰³ Вполне вероятно, что именно он перевел статьи из английских журналов для первой части «Зеркала света», в издании которой принимал участие.²⁰⁴

Отдельные произведения из английских просветительских журналов встречаются в различных сборниках занимательного чтения, которые во множестве появляются в 1780-е годы. Правда, английских произведений несравненно меньше, чем французских и немецких, и переводятся они по большей части с посредствующего перевода. По вполне понятным причинам привлекаются в основном повествовательные произведения, сочетающие название с занимательным сюжетом, причем преимущественно это — повести из «Искателя приключений» (387—390, 392). Одна из них, «Мелисса» Хоксуорта, даже издается в 1780 году отдельной книжкой (407).

* * *

В русской периодической печати 90-х годов XVIII века несомненный интерес к английской просветительской журналистике проявляли три последовательно выходивших, связанных между собою преемственностью московских издания: «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791—1793), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798) и «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799—1801). В них обнаружено сорок две публикации из различных английских журналов.

Эти русские издания принадлежали к сентименталистскому направлению. Редакторами их были: последователь Н. М. Карамзина В. С. Подшивалов (1765—1813) и П. А. Сохацкий (1765—1809), оба в прошлом участники масонских журналов Новикова «Вечерняя заря» и «Покоящийся трудолюбец», в которых начал утверждаться сентиментализм. Вообще связь русского сентиментализма с масонством несомненна, недаром из масонов вышли многие деятели нового литературного направления.²⁰⁵

---

²⁰² См.: Н. Сторожевский. Дело о П. И. Богдановиче, типографшике и переводчице «Монтюглевой» истории математики. «Киевская старина», 1891, т. XXXV, ноябрь, стр. 308; см. также: В. Е. Бучневич. Записки о Полтаве и ее памятниках. Изд. 2. Полтава, 1902, стр. 336—337.

²⁰³ Он перевел и издал: «Размышления аглинского пресвитера Додда в темнице» (СПб., 1784); в «Собрании» ему был поручен перевод «Опыта о человеческом разуме» Локка; в «Новом Санкт-Петербургском вестнике» он помещал переводы произведений В. Гамильтона, Дж. Литтлтона.

²⁰⁴ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. IV. М., 1966, стр. 136.

²⁰⁵ См.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Л., 1950, стр. 132.

Произведения английских сентименталистов и преромантиков играли существенную роль в журналах Подшивалова и Сохацкого: здесь постоянно встречаются переводы из Стерна,²⁰⁶ Томсона,²⁰⁷ Грея,²⁰⁸ Юнга,²⁰⁹ Макферсона²¹⁰ и др.

Одновременная публикация статей из английских просветительских изданий, как правило, не противоречила основной ориентации русских сентименталистских журналов, поскольку между Просвещением и сентиментализмом, особенно английским, не было непроходимой границы. Отдельные сентименталистские мотивы можно встретить даже в журналах Стиля и Аддисона. А скептицизм Джонсона расчищал место для чувствительности Голдсмита и Стерна.

Половина английских журнальных статей в изданиях Подшивалова—Сохацкого заимствована из «Зрителя». Вообще этот журнал пользовался несомненным авторитетом в глазах издателей. «Аглинский Спектатор один в своем роде», — заявляли они.²¹¹ Статьи, почерпнутые ими из «Зрителя», это — преимуще-

²⁰⁶ Потерянный чемодан. Отрывок чувствительного путешествия. «Чтение для вкуса», 1791, ч. I, стр. 26—39; Тримов катихизис. С французского Д. Я. «Приятное и полезное», 1794, ч. II, стр. 43—46; Мертвый осел. (Из Yorick's sent. jourн.). С англ. Дсн. «А. Десницкий». Там же, 1797, ч. XVI, стр. 294—297; Из нового Йорика. С англ. перевод Н. «Хлюстина». Там же, ч. XVIII, стр. 241—245; Красоты Стерна. Перевод с аглинского Я*** Г*** «Я. А. Галинковского». «Иппокрена», 1800, ч. V, стр. 193—224, ч. VI, стр. 673—680, ч. VII, стр. 117—141, 513—525, 529—544; Отметим также подражание Стерну M. de Goüy: Отрывки из нового Йорика. «Приятное и полезное», 1794, ч. II, стр. 363—401. — Библиография, приложенная к статье В. И. Маслова «Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв.» (Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 339—376) учитывает не все из названных публикаций.

²⁰⁷ Дамон и Музидора. Отрывок из Томсоновых времен года. «Чтение для вкуса», 1793, ч. XII, стр. 28—35; Томсон. Неподражаемый гимн. К четырем временам года. Гимн уединению. «Иппокрена», 1800, ч. VII, стр. 3—13. См. также: В. Г. Джемсу Томсону, на его Времена года. Там же, стр. 159—160.

²⁰⁸ Ода: Нешастие. Из стихотворений г. Грея. «Чтение для вкуса», 1792, ч. V, стр. 4—7; Сын Меланхолии. Элегия Греева, написанная на деревенском кладбище. «Перевел» к. Петр Козловский. «Иппокрена», 1799, ч. II, стр. 3—12. Напасть. Из Грея. Пер. П... Льв...ь «Львов». Там же, 1800, ч. VI, стр. 150—153; Элегия, писанная на сельском кладбище. Грв. Там же, стр. 440—448.

²⁰⁹ Дух Юнгов. «Составил и перевел» И. «Дмитриев». «Приятное и полезное», 1796, ч. IX, стр. 241—245, 289—296; ч. X, стр. 3—8; ч. XI, стр. 3—11, 81—89, 113—117; П. Шалимов. Подражание Юнгу. Идея, почерпнутая из его плача Ночь VIII. Там же, 1798, ч. XVII, стр. 225—236; Эраст, или Добродетельный богач. Из Юнга к. П. Ш-в «кн. П. И. Шаликов». Там же, ч. XVIII, стр. 277—280; Средство не страстишься смерти. Из Oeuvres d'Young. Перевела М-я Б... «М. А. Боске». «Иппокрена», 1799, ч. IV, стр. 389—396; Нарцисса. Из Oeuvres d'Young. М...я Б...е «М. А. Боске». Там же, стр. 401—410. Юнгу было посвящено анонимное стихотворение «Мысли о смерти и вечности» («Чтение для вкуса», 1791, ч. III, стр. 118—124).

²¹⁰ См.: В. И. Маслов. Оссиан в России. (Библиография). Труды Пушкинского дома АН СССР, вып. L, Л., 1928, №№ 10, 16—20, 27, 32—35.

²¹¹ «Чтение для вкуса», 1793, ч. XII, стр. 247.

ственно разного рода рассуждения и сюжетные произведения (анекдоты, повести). Сатирические очерки попадают крайне редко. Некоторые очерки, опубликованные в новую эпоху, приобретают иное осмысление. Так, например, письмо бантамского посланника из «Зрителя» № 557, осмеивавшее условность и несоответствие реальности обычных формул светского языка, будучи озаглавлено в «Иппокрене»: «О характере европейцев» (303), получило обобщающий смысл и становилось обличением живости цивилизованного общества. Письмо «Нечто о садах» (285), рассказывающее о человеке, который придавал своему саду вид «натуральной дикости», было напечатано в свое время классицистом Аддисоном как образец чудачества. В конце XVIII века оно являлось выражением нового эстетического идеала, требовавшего приближения к природе, и т. д.

Одной из важнейших публикаций «Чтения для вкуса» был цикл статей Аддисона из «Зрителя», «О удовольствиях воображения» (226—229) — сочинения, которое сыграло важную роль в становлении английской эстетики XVIII века, исходившей из сенсуализма Локка. Появление этих статей в русском переводе было несомненно связано с научными интересами Подшивалова, преподававшего эстетику и являвшегося одним из первых теоретиков литературы в России.

Значительное место в сентименталистских изданиях занимали очерки, повести и аллегории из журналов С. Джонсона и Хоксуорта. Видимо, близка была русским издателям их мораль, требовавшая активной добродетели и стоицизма, ибо авторы не видели возможности справедливого воздаяния здесь на земле. Перевод из «Скитальца» № 190 был озаглавлен: «Делай добро и удаляйся зла, но презирая мнения людей и без тщетного искания любви их» (295), и эта сентенция могла служить заглавием и для других подобных апологов, таких как «Видение дервиша Алмета» (220) или «Альмамулин» (313). Имеющая аналогичный смысл притча из «Искателя приключений» № 38 была напечатана в «Чтении для вкуса» с риторическим вопросом в заглавии: «Может ли быть приятна божеству жизнь, бесполезная человеческому обществу?» (219). И через четыре года та же притча, но в пересказе Мерсье, появилась в «Приятном и полезном» под названием «Абезайд» (289а). Также в двух вариантах был напечатан рассказ из «Скитальца» № 38, проповедующий умеренность желаний: «Лама и Zenит» (225) — в «Чтении для вкуса» и «Цена умеренности» (306) — в «Иппокрене». Тщету надежд на счастье доказывала повесть «Десять щастливых дней царя Сегеда» (288).

Повестьвательные произведения, извлекаемые из английских журналов (если это не аллегории и близкие к ним по своей сущности «восточные» повести), имеют обычно чувствительное содержание. Герои от избытка эмоций бросаются друг другу на шею, падают в обморок, льют потоки слез. Таковы безымянная «Пс-

весть», взятая из «Света» (222), «Торжество невинности», и «Флорио и Леонила» — из «Зрителя» (283, 287), «Истинные друзья» — из «The Universal Magazine» (296).

«Исторический» рассказ из «Зрителя» № 491 о Ринзольте, коварном наместнике бургундского герцога Карла Смелого, который обесчестил добродетельную женщину и убил ее мужа, за что понес заслуженную кару, этот рассказ, известный уже русским читателям по «Праздному времени» (79) и «Покояющемуся трудолюду» (181), был представлен в «Приятном и полезном препровождении времени» в переводе с сентиментальной переработки Геллерта, написанной таким слогом: «Карл читает (жалобы обесчещенной женщины, — Ю. Л.), и глаза его наполняются слезами, славнейшими для него слезами, нежели для добродетели, которой служат они свидетельством. Государи! какая похвала! Карл читает, и из глаз его катятся слезы!..» (289).

Значительный интерес в этой связи представляет небольшой рассказ «Зара»,²¹² хотя формально он и не связан прямо с английскими журналами. Зара — это имя карибской женщины, которую продал в рабство англичанин Струмсон, ее любовник, спасенный ею прежде от справедливого мщения ее соплеменников. Сюжет этот, идентичный сюжету истории Инкла и Ярико, был заимствован автором не из «Зрителя» № 11 или вдохновленных им произведений, но из знаменитой в свое время «Истории двух Индий» (*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes*, 1770) французского историка и философа-просветителя Г.-Т. Рейналя, который в свою очередь почерпнул его из первоисточника — «Истории Барбадоса» Лигона.²¹³

Рассказ подписан «Даур. Номох.», т. е. «Даурец Номохон». Это — псевдоним Николая Смирнова, крепостного писателя, личности несомненно выдающейся. Сын дворового человека, управляющего именьями князей Голицыных, он получил хорошее домашнее образование, а затем «приватно» посещал Московский университет, куда не мог быть официально зачислен как крепостной. Вскоре отец оторвал его от занятий и заставил заниматься хозяйственными делами. Тяготясь ими и остро ощущая свое подневольное положение, Смирнов решил в 1785 году бежать за границу, чтобы завершить там свое образование, но был схвачен в Петербурге и приговорен уголовным судом к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей, клеймению и каторжным работам. Екатерина II заменила приговор отдачей в солдаты. Смирнов был направлен в Тобольскую воинскую команду, а в 1794 году переведен в Кударнскую крепость (Забайкалье).

²¹² «Приятное и полезное», 1795, ч. V, стр. 357—360.

²¹³ См.: L. M. Price. *Inkle and Yarico* album, pp. 59—61.

Уже в Тобольске он начал печататься в местном журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», в котором, в частности, поместил переводы из любимого им Юнга. Находясь в Забайкалье, Смирнов стал посылать свои произведения в «Приятное и полезное препровождение времени». Здесь он и принял свой псевдоним, образовав его от названия местности (Даурия) и монгольского слова «номохон», означающего «смирный».²¹⁴

Нетрудно понять, чем привлекла история карибской девушки, проданной в рабство, крепостного интеллигента, человека, который писал о себе на следствии: «... унижающее имя холопа представляло мне рабство тяжелою цепью меня угнетающе».²¹⁵ Он сообщал одному из друзей по поводу своего рассказа: «Это ни сочинение, ни перевод. Я читал „Реналеву Историю обеих Индий“ и нашел в ней анекдот этот, в шести или семи строках замыкавшийся. Он столько поразил меня, что я закрывши книгу, написал его по-русски, но ничего не заимствуя от Реналея, кроме основы».²¹⁶

Рассказ написан в сентименталистском духе. Зара названа «чувствительной»; она обладает «сердцем, имеющим вождем одну природу». «Невинная и отверзтая ее душа» противостоит «корыстолюбию и лютости» Стрюмсона. Однако, когда, описывая продажу Зары в рабство, автор восклицал: «я дрожу от ужаса и злобы, пишуци сие», эта фраза, несомненно, была не простым следованием сентименталистской поэтике, но выражением его сокровенных чувств.

Публикуя рассказ, Подшивалов снабдил его послесловием, в котором привел цитированный выше отрывок из письма автора и, «не унижая отечественного произведения», напомнил читателям, «что сия же самая история есть в аглинском Спектаторе и в творениях бессмертного Геллерта, под именем „Инкла и Ярико“».²¹⁷

Существенной публикацией нового направления явилась статья в «Иппокрене» «Поэма Оссиана» (308) из журнала «Зеркало», переведенная И. И. Татищевым с французского перевода руссоиста Л.-С. Мерсье. В ней рассматривался вопрос о древности оссиановских поэм и о связи их «с суровостию грубого века, в котором предполагается, что сей поэт жил».

Шотландский журнал «Зеркало», упомянутый уже выше, был сентименталистским органом. Во главе его стоял известный писатель-сентименталист Генри Мэккензи (Mackenzie, 1745—1831),

---

²¹⁴ См.: «Приятное и полезное», 1794, ч. IV, стр. 319. — Сведения о Н. Смирнове почерпнуты из неопубликованной статьи М. Г. Альтшуллера «Крепостной поэт Николай Смирнов».

²¹⁵ К. В. Сивков. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. «Исторический архив», 1950, т. V, стр. 291 (здесь опубликованы показания Смирнова в Тайной экспедиции в 1785 году).

²¹⁶ «Приятное и полезное», 1795, ч. V, стр. 361 (курсив мой, — Ю. Л.).

²¹⁷ Там же.

испытавший несомненное влияние идей Руссо. «Зеркало» не пользовалось известностью в России. Помимо двух названных, удалось обнаружить только один перевод из него, напечатанный во II книге «Пантеона иностранной словесности» (1798) Н. М. Карамзина. «Пантеон» был задуман как издание, широко и многообразно представляющее античную и западноевропейские литературы, но препоны, чинимые павловской цензурой, позволили Карамзину осуществить свои планы лишь частично.²¹⁸ Особое внимание уделял он тому, чтобы возбудить интерес в читающей публике. «... Перевожу иное из журналов, малоизвестных, единственно для новости; посредственное неизвестное лучше очень хорошего известного», писал он И. И. Дмитриеву 18 августа 1798 года.²¹⁹ Из «Зеркала» Карамзин перевел «Историю Ла-Роша» (405), печальную повесть Мэккензи о швейцарском пасторе, который потерял единственную дочь и нашел утешение в «сердечной» религии. «Щастлив, щастлив тот, кто никогда не сомневался в истинах религии!» — этим восклицанием завершается повесть.

Другое английское произведение, напечатанное в следующей книге «Пантеона», — «Как не завидно величие людей!» (406), представляло собою рассуждение Голдсмита о тщете мирской славы. Впервые оно появилось в недолговечном журнале «Пчела» (1759), хотя Карамзин, очевидно, почерпнул его из собрания сочинений английского писателя.

Таковы английские журнальные публикации, переводившиеся в русских сентименталистских изданиях.

* * *

Все рассмотренные выше русские журналы выходили в столицах — Петербурге и Москве. Провинциальная печать возникает во второй половине 1780-х годов. В первом провинциальном издании «Уединенный пошехонец» и его продолжении «Ежемесячное сочинение», вышедших в Ярославле в 1786—1787 годах, не обнаружено статей из английских журналов. Нет их и в первом сибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (Тобольск, 1789—1791), хотя переводные материалы занимают здесь значительное место, и в частности среди них были напечатаны: отрывок из «Ночных размышлений» Юнга²²⁰ в переводе Н. Смир-

²¹⁸ См.: М. Погодин. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. 1, М., 1866, стр. 278—281.

²¹⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 98—99.

²²⁰ Смерть Нарциссы, дочери славного Юнга. Перевод Н. Смирнова. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1789, ч. I, декабрь, стр. 1—22. — Этот перевод не учтен в упоминавшейся статье П. Р. Заборова «„Ночные раз-

нова, извлечения из английских научных сочинений.²²¹ Зато в следующем тобольском журнале, «Библиотеке ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793—1794), статьи из «Зрителя» заняли центральное место.

«Библиотека», как и «Иртыш», издавалась на средства приказа общественного призрения. Редактором ее был Панкратий Платонович Сумароков (1765—1814), родственник известного поэта; он происходил из культурной дворянской семьи и получил хорошее образование. В 1785 году его обвинили в подделке денег, лишили дворянского звания и сослали в Сибирь. В Тобольске, куда он был направлен, развернулась его литературная деятельность. По словам В. П. Семенникова, Сумарокова «в значительной степени принадлежит честь насаждения в Сибири литературной и издательской деятельности».²²² Первой книгой, изданной в Сибири, была английская повесть «Училище любви», которую Сумароков перевел с французского в 1789 году.²²³ Деятельное участие принимал он в организации и издании «Иртыша».²²⁴

«Библиотека» по своей направленности представляла собою умеренное просветительское издание. Каждая часть журнала состояла из пяти разделов, указанных в заглавии: ученого, эконо-

мышления“ Юнга в ранних русских переводах». Другой неучтенный перевод: Рассуждение о жизни, смерти и бессмертии человекoв, или Жалоба на жизнь, смерть и бессмертие, то есть половина первая ночи. В сб. Цветы любoмудрия, или Философические рассуждения... Переведено из книг, Choix Littéraire называемых, А. В. Олешевым. СПб., 1778, стр. 39—48.

²²¹ Каким образом познаем мы расстояния... Взято из оснований Ньютоновой философии. П. С. Сумароков. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1789, сентябрь, стр. 34—48; Краткие исторические известия о разных происшествиях, древних и новых времен, касательно происхождения народов, их исповеданий, законов, обычаев, наук, нравoучений и прочих примечания достойных вещей. Из сочинений лордов Каймеса и Гравинна. Перевел с немецкого Г. Фр. Там же, 1790, февраль, стр. 1—11; март, стр. 1—11; апрель, стр. 1—11; май, стр. 1—12; июнь, стр. 1—21; июль, стр. 1—22; август, стр. 1—19; 1791, март, стр. 1—21; апрель, стр. 1—21; июнь, стр. 1—21; июль, стр. 1—19; август, стр. 1—21; сентябрь, стр. 1—24; октябрь, стр. 1—20; Выписка из сочинений лорда Гома об изящных науках. Там же, февраль, стр. 38—51; май, стр. 1—23.

²²² В. Семенников. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX века, «Русский библиофил», 1911, № 7, стр. 25.

²²³ См.: А. И. Дмитриев-Мамонов. Начало печати в Сибири. Изд. 3-е. СПб., 1900, стр. 5.

²²⁴ О П. П. Сумарокове см.: <А. П. Сумароков>. Жизнь П. П. Сумарокова. В кн. Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832, стр. VII—XXXII; А. С-ов <А. П. Сумароков>. Записки отжившего человека. «Вестник Европы», 1871, № 8, стр. 691—728; А. Кондратьев. Панкратий Сумароков. (Жизнеописание основателя первого в Сибири журнала 1765—1814). «Новый журнал для всех», 1914, № 6, стр. 43—45; М. Г. Альтшуллер. Тобольский поэт и журналист. «Сибирские просторы», вып. 1 (9), Тюмень, 1963, стр. 180—191.

мического (здесь помещались всякого рода рецепты и хозяйственные советы), нравоучительного, исторического и увеселительного. Эти разделы заполнялись почти исключительно переводами. В журнале печатались произведения французских просветителей: Монтескье, Вольтера, Даламбера, Бюффона, Руссо.

Раздел нравоучительных статей почти на три четверти составлялся из «эссеев» «Зрителя». «Библиотека» опубликовала их больше, чем любой другой русский журнал. Одна сатирическая сказка из «Зрителя» попала и в увеселительный раздел («Гюльпа и Шалюм», 252).

Отличается «Библиотека» от других журналов и выбором материалов. Аллегорические сновидения, так часто переводившиеся на русский язык, встречаются здесь очень редко: знаменитое «Видение Мирзы» (255) и два других подобных (238, 275) теряются в общем потоке сатирико-нравоучительных рассуждений и писем. Этические вопросы в их повседневном, бытовом приложении – вот то, что больше всего интересует издателя.

Круг этих вопросов довольно обширен и затрагивает различные аспекты духовной культуры. Здесь говорится о том, как рационально использовать время и тем самым «делать должное употребление из нашей жизни» (234); параллельно приводится рассуждение «О худом употреблении времени большей части людей» (242). Доказывается, «что качества разума и сердца предпочтительнее красоте лица» (245), что «прямо великим» делает человека только добродетель (236). Следуя за «Зрителем», «Библиотека» ведет двойную борьбу против «заблуждений суеверных людей» (237) и против «безбожников» (267). Кроме того, русский журнал заботится не только о духовном благополучии читателей, но публикует и гигиеническую статью «О том, что движение и воздержность суть два главнейшие предохранительные средства от болезней» (244).

Сатирическим нападкам подвергается праздность, пустота и суетность светской жизни (231, 273), невоздержанность (243), неумение вести себя в обществе (271, 272, 274), празднословие (260), пьянство (239), неопрятность (262). Несколько статей-писем осмеивают семейные неурядицы, проистекающие от неразумия и невоспитанности супругов (240, 249, 257, 280). Порицается дурное обращение господ со слугами (251) и т. п.

Соответственно большое место занимают статьи из «Зрителя», посвященные вопросам воспитания вообще и, в частности, воспитания юношества. В первой же части «Библиотеки» раздел нравоучительных статей открывается «Рассуждением о действиях доброго и худого воспитания» (230), где доказывается, что только «воспитание выводит наружу добродетели и дарования доброго ума, который бы без сей помощи не показался таковым, каков есть». И далее эта тема развивалась в статьях: «Письмо о воспи-

тании юношества», (241),²²⁵ «О худом воспитании сельских дворян» (246), «О добром и худом воспитании девиц» (253) и других (276, 279). (Мы не останавливаемся на том нравственном кодексе, который утверждали эти статьи, потому что он уже неоднократно рассматривался выше).

При переводе статьи несколько русифицировались с целью приблизить их к русской действительности и сделать более доходчивыми, однако эти изменения не затрагивали их содержания. Так, например, придавалось русское звучание именам: светский щеголь *Sharely* (франц. *Belair*) превращался в Миловзора (233), пьяница *Funnel* (франц. *Lentonnoir*) в Воронкина (239) и т. п.; благодаря таким заменам в русском переводе оказались: Иван Горемыкин (250), Бормотулин (248), девица Самолюбова, аристократка Вертопрахова, адвокат Замыслов, помещик Деревенщиков, азартный игрок Кипетков (272) и другие подобные. Неизвестная в России средневековая поэма «Одиннадцать тысяч дев» заменена «Тилемахидой», (233). Там, где в оригинале говорилось, что правила не создают хороших поэтов, переводчик уточнял: «ни творца Россияды, ни певца Фелицы, ни творца Сорены» (248).

В статье «Добродетель делает человека прямо великим» (236) приводятся записи одного помещика, который творит втайне добрые дела. В «Зрителе» одно из таких дел состояло в том, что в связи с неурожаем он уменьшил на одну пятую часть ренты, получаемую со своих арендаторов. Переводчик передал это место так: «Уступил *мужикам моим* в сем же году пятую часть положенного на них *оброка*» (курсив мой, — Ю. Л.), чем совершенно изменил характер социальных отношений и превратил свободных арендаторов в крепостных.

Можно заметить и приспособление переводов к уровню культуры читателей. Мало известный римский император Антонин Пий заменяется Марком Аврелием и Титом вместе (260). Если в «Зрителе» признаком образованности одного из персонажей служит то обстоятельство, что он свободно говорит по-латыни, то в «Библиотеке» вместо латыни указан французский язык и т. п.

Хотя одна из статей содержит указание: «Перевод с аглинского» (231), однако в результате сверки текстов установлено, что и эта статья и другие переводились с французского «Нового Сократа». Вполне вероятно, что переводы делал сам Сумароков, который, по свидетельству его сына, еще в юношеские годы «узнал совершенно французский язык и мог на нем изъясняться и писать так же легко и свободно, как на природном».²²⁶ Впрочем, возможно, переводчиков было несколько и Сумароков помогал

²²⁵ В справочнике «Русская периодическая печать (1702—1894)» (М., 1959, стр. 90) эта статья ошибочно названа «оригинальной».

²²⁶ Стихотворения Панкратия Сумарокова, стр. IX.

учителя Тобольского главного народного училища, прежде со-трудничавшие в «Иртыше».²²⁷

Подведем некоторые итоги. Исследование показало, что восприятие в России XVIII века английской просветительской журналистики было несравненно более широким, чем считалось до сих пор, причем осуществлялось оно как прямым путем, так и косвенно, через иноязычные переводы и переделки, преимущественно французские и немецкие. Статистика в этом отношении достаточно красноречива. По полученным нами далеко не полным данным на русский язык переводились в той или иной мере два десятка английских периодических «эссеев» и ежемесячных журналов. Свыше трехсот отдельных номеров или статей, извлеченных из них, послужили материалом для более чем четырехсот публикаций в пятидесяти с лишним русских периодических и неперiodических изданиях. Примерно одна пятая всех английских статей публиковалась в русских переводах дважды, одна десятая — от трех до девяти раз. Эта последняя группа произведений, пользовавшихся наибольшей популярностью, состоит главным образом из близких друг другу в жанровом отношении «восточных» повестей, видений и аллегорий. Вообще в России XVIII века проявлялся преимущественный интерес к нравоучительному аспекту английской журналистики, а не к сатирическому.

Из всех английских периодических изданий XVIII века наибольшей популярностью в России пользовался «Зритель», переводы из которого составляют больше половины всех учтенных нами публикаций. Умеренные просветительские идеалы его издателей находили отклик в относительно широких кругах русского культурного общества XVIII века, а вследствие двойственного компромиссного характера их социального мировоззрения статьи из «Зрителя», «Болтуна» и «Опекуна» могли использоваться русскими изданиями различной направленности, как прогрессивными, так и стоявшими на охранительных позициях.

Со временем все большее значение приобретают позднепросветительские журналы Джонсона и Хоксуорта («Скиталец», «Досужий», «Искатель приключений»), хотя переводы их статей количественно не столь многочисленны. Их скептицизм и проповедь стоицизма становились созвучными настроениям многих русских читателей в условиях начавшегося в царствование Екатерины II кризиса феодально-крепостнического государства.

Говоря о влиянии английской просветительской журналистики, следует также иметь в виду, что разработанные Стилем и Аддисоном жанр и форма периодических «эссеев» также были восприняты в России, однако образцами для русских издателей чаще являлись не непосредственно английские журналы, а их немецкие или французские подражания.

²²⁷ См.: А. И. Дмитриев-Мамонов. Начало печати в Сибири, стр. 14—16.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ «ЗРИТЕЛЯ» № 139¹

1. АНОНИМНЫЙ ПЕРЕВОД 1720-х ГОДОВ

Паралель. Между Людовиком 14-м
и Петром Алексеевичем, царем Московским,
касающихся славы

От всех страстей, которые возбуждают человек, несть жарчайшей яко любовь к славе, а болши сие находитца в принцах; и оное есть источник или великому добру или великому злу, когда же воспитание тамо имеет свою большую часть, то скорые разумы их делають высокомерными, нежели прямо высокими: и ежели же натуральное склонение их к тому приводит, то могут сочинить великие и честные намерения.

Да великие человека превосходящие ныне от всех в Европе, суть Людовик «14», король Французский и Петр Алексеевич, император Российский. Но понеже прославление не всегда есть основано на действе истинны: я чаю, немалое можно иметь веселие, когда рассудить славу сих двух монархов, и смотреть, что тамо есть суетного, погibelного и лживого. И что находитца надежного, вечного и нужнейшего. Людовик был окружен от младенчества своего министрами высокомерными и лукавыми, которые тшилися содержать за ноисилнейший знак разума их силу в разорении Государства и которые смешали бесчестные дела с истинною честию. И оной молодой Монарх, испорчен бывши оными начатками, скоро влюбился в тщеславие, также учини себе предлог нападение, злость и убивства, чему последовала неправедная война, которая чают быть наученная, или от самого себе. И как скоро положили сие намерение оной власти своей тиранской, тогда возобновили искусства и науки образом в свете найтщивейшим, дабы все ученые и умные люди всего государства были закуплены, и вытерпели, а болши б хвалили мучение всему роду человеческому, и все то, что двор французский потом созидал на оном же своем первом основании погibelное в себе самом. И подобно первому, лакомство чрезмерное к богатству, суетные и великолепные экипажи, уничтожение бедности и забвение стыда наиприятнейшими добродетелями учинилися всей нации, великодушная любовь женская обратилася во обхождение неистовое между всеми, любовь же человек в токмо наружная или обхождение лживое. И тогда, когда они следовали тем принципам, тогда неверности королевские и поврежденные обычаи подданных ево служили в приклад лживый, во что Франция облекла и всех соседей своих. И тако Людовик «14» ослеплен сиянием своим неистинным дойде от роскошей молодости своей в лицемерие старости. Оттуду произросло что невоспретил, когда вознесли статуи ево в честь великих дел, храбрости и великодушия его, ниже воспретил такожде, дабы похвалили, посреди двора его плавающа в богатстве и слабости.

Когда Петр Алексеевич достиже лет совершенных, император будучи такого великого государства и государь самовладелетельный в ыменях и в жизниа такому множеству подданных своих, единою токмо силою разума своего обрати очи свои на самого себе и уязвися болезнию на виде глубочайшей глупости и намерзлое обхождение, в котором народ его живет. Намерелся оное исцелить как наискорые, не посылая послов к народам, иде же заимствуетца и от многих других политики. Но он сам, оставя престол свой, для познания истинного пути, который производит в славу и известну быти о всех искусствах нужных всему народу, дабы в них употре-

¹ См. выше, стр. 12—17.

бить тщание своих честных подданных, искусства же механические с достоинством первые виды тягостных его изыскательств и, ревнуя такому славному своему намерению, ездил тайным образом в чужих краях, и чужда имел себе от всех честей, которые бы мог получать, и не думал иного токмо о искусствах мира и войны. И тако оный великой Государь чрез свой труд и обучение и храбрость достиг себе славу бессмертную; древние воины ничем могут сравниться ему, и ниже един обретается, который бы так беспорочен был, кто так иной отлучался от престола своего ради обучения и лутчего наполнения, кто так что он уничтожал себе, бывши так великим, дондеже получить мог желаемое свое.

Ежели бы рассудили все поступки ево, то обрящет некоторое чудо, и ежели восхотят сочинить хвалу ему, то незнамо, откуда начать или чем окончат. Могут сказать о некоторых принциах в смысле метафорическом, что они суть господа страстям своим, а о нем истинно. Но он с какою охотою и милостию не написал ли себя в число салдат своих, когда начал собирать армию свою, чтоб ни один от них не пожелал опередить мимо истинного пути, который им показал, но и сам производитель им был. И тако оный прещедрый монарх научился побеждать и изрядно победою владычествовать. Он дает страх и трепет во время баталии, он же самая сладость, получивши победу над неприятелем. Надлежит ли почитать добрыми политиками оные недостойные вымыслы французские, а славные дела московские происходили за барбарские. Никак: барбария не знает истинныя чести, и полагает иное вместо ее. Принц неправедный есть недостойн и барбар. Но токмо государи милостивые иже бывают храбрые и обходительные.

Архив АН СССР, Лен. отд.,
р. II, оп. 1, № 205, лл. 17—19 об.

2. ПЕРЕВОД В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Из книги называемыя СПЕКТАТОР*

Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексеевичем
русским императором в рассуждении славы

I. Речь

Vera gloria radices agit, atque etiam propagatur: ficta omnia celeriter, tanquam flosculi decidunt, nec simulatum potest quidquam esse diuturnum.

Цицер. О должност. Кн. II. Гл. 12.

То есть:

Истинная слава глубоко вкореняется, и ежедневно возрастая, умножается; но все что притворное, — и прикрашенное, не может долго пребывать, и так скоро пропадает, как цветки.

Из всех пристрастий, которые возбуждают человек, нет толь горячия, как желание славы. Сие каким образом действует в государях; то потом и бывает источником или самого великого добра, или самого великого зла.

* Смотритель (здесь и ниже подстрочные примечания В. К. Тредиаковского, — Ю. Л.).

Когда воспитание имеет в ней излишнее участие; тогда дух и становится больше высокомерным, нежели вознесенным. Но когда природная склонность несет их к ней; то они в состоянии бывают начинать великие и благородные намерения. Ныне находятся два токмо человека из самых великих во всей Европе, приемля сие имя по общему всех разумению, а именно Лудовик XIV король французский, да Петр Алексиевич российский император. Но понеже прославление не всегда бывает основано на добродетельных действиях; то я рассуждаю, что не может быть неприятно, рассмотреть славу обоих сих монархов, и отделить все что тщетное, погибающее и лехкомысленное, от того, что в ней находится твердое, долго пребывающее и важное.

Лудовик был окружен, с самого своего младенчества, министрами высокомерными и хитрыми, которые полагали наиславнейший знак силы в странстве обладания, и которые неосновательно сливали, мешая совокупно, слух славы с истинною честью. Молодой монарх, будучи прельщен сими правилами, вкоренил в себя способно суетную славу, и восприял все намерения к нападенню, к граблению, к убийству и ко всем оным законопреступным несправедливостям, которые следуют за неправедною войною, к которой его приводили или которую он сам начинал. Как скоро зделан план сея тираническая силы; то ободрены науки и знания самым щедрым образом, дабы благоразумные и самые искусные люди в государстве, будучи подкуплены сею приманкою, терпели, или лучше, дабы хвалили убийство всего прочего человеческого рода. Все что французский двор построил потом на сем первом основании, порочном в себе самом, было с ним сходно. Оказание богатства, суетная pompa в убранстве, презрение к нищете, и забвение мерности стали быть любимые добродетели всему народу. Великодушная любовь к жене превратилась в щегольскую волокиту за всем женским полом, а дружба между людьми была токмо простая наружность, или согласие для бездельных корысти. — При общем следовании сим правилам, нарушение верности в Государе и поврежденные нравы в подданных, послужили вместо сетей, которыми заплела Франция всех своих соседей. Сим образом Лудовик XIV, будучи ослеплен ложным сиянием, перешел от мотовския молодости, к суверной своей старости. От сего происходит, что ему угодно было, дабы ставили статуи в честь великих его дел, его храбрости, и его великодушия, и дабы приносил ему похвалу весь двор потопший в роскоши и в неге.

Когда ж Петр Алексиевич достиг до надлежащего возраста; то коль ни был он император в наипространнейшей земле, коль ни владел самодержавно, и имел власти в имени и в животе многочисленных своих подданных, одною токмо силою своего разума обратил он очи на себя самого, и был пронзен болезнию видя глубокое неразумие и угрюмую грубость, в которой народ его обращался. Восприяв твердое намерение искоренить как наискорее все оное, не послал он послов к тому народу, у которого большая часть других народов заняли учтивство; но сам оставил свой трон, дабы познать истинный путь, который приводит к славе, и уведомиться о всех науках полезных обществу, чтоб приложить к ним способность чесных своих подданных. Механические науки были основательно первую вещью многотрудных его изысканий; а возбудившись сим славным намерением, отправился он неведомый в чужие земли, в которых будучи выше всех небольших честей, которые бы там мог получать, думал токмо научиться наукам мира и войны. Таким способом великий сей государь, чрез свой труд, искусство и храбрость получил себе бессмертную славу. Древние герои не могут с ним сравняться, еще и нет ни одного, которого бы он не затмевал. Кто когда другой, кроме его, отдался от престола, чтоб научиться похвальнее на нем сидеть. Кто когда другой кроме его, думал о себе, что он мал, имея наиверховнейшую власть, пока еще он не познал истинного в том употребления?

Когда рассматриваются все его поступки, то находится, что он есть некоторый род чуда; а ежели желается сочинить ему похвалу, то неизвестно, от чего ей положить начало, и чем ее окончить. Можно бы сказать

о некоторых государях, метафорическим разумом, что они владеют своими страстями: но о нем можно сие проповедать самым делом. С коликою благостию вписывал он самого себя в росписи своим солдатам, когда он набирал армию, дабы никто из них не помышлял его упредить в том подвиге, на который он их призывал, и в котором он им был сам предводителем? Сим образом великодушный сей Монарх научился побеждать, и обращать победу в доброе употребление. Был он страшен во время сражения; но получив верьх на сражении, являлся самою Тихостию.

Того ради, должно ли называть доброю политикою недостойные ухищрения во французе, а славные труды в россианине почитать за варварские? Никак: варварство не знает истинныя чести, или приемлет все иное вместо ее. Неправедный государь есть подл и варвар; но добрый токмо государь есть храбр и учтив.

Хотя человеки сильно любят все, что им угодно по их поврежденному мечтанию; однако истинна всегда пребудет на своем месте. И понеже слава есть токмо тень добродетели; то первая не может не исчезнуть в небытность другия. Но не с великим ли старанием должно хранить праведные о ней мнения? и не крайнее ли искусство надлежит нам употреблять к питанию самыя малыя склонности, которая к ней нас несет? Оный молодой вестминстерский школьник, который некогда сказал, что он не может ни спать ни играть для знамен и штандартов повешенных в зале сея аббатции, достоин не получать больше ни одного удара ферулею.*

Посмотрим теперь, какая есть мысль, которую нам объявляет Оратор римский об истинной славе.** Мы ею пользуемся, говорит он, ежели нас любит народ, ежели он нам верит, и ежели удивляясь нам думает нас быть достойных чести. Сие согласно было с состоянием республики; но чтоб иметь о том праведную мысль в нашем правлении, то надобно будет присокупить ко всем сим преимуществам некоторую беспристрастность и общую холодность по всему другому, кроме токмо что в милости государевой любви. Кажется мне, что наш герой долженствовал бы пользоваться великим богатством, силою весьма великою, многою честью, командою над армиями и твердою славою: но богатство, сила, честь, команда и слава не должныствовали бы нимало быть ему любезны, ежели бы при всем том не имел он любви к своему Государю. По моему рассуждению, он бы должен был к народу быть склонным, для того что он бы был фаворит, и быть фаворитом, потому что он бы был к народу склонен. Ежели бы я не боялся произвесть сей характер далее надлежащего, и чрез то уяснить оной пустым; то я бы хотел иметь ему самодержавство вне государства, а чтоб он почитал оное токмо за пустой титул без милостивого призрения от своего государя. Такой человек обретается токмо в мысли и ежели бы он имел самые высокие чины, не приводя никого в зависть; то бы он не преминул быть исполнен славы без всякого страха попасть когда в немилость. Вознесение его и бескорыствование принесли бы ему бессмертную славу.

Надобно мне здесь остановиться, чтоб не досадить некоторым находящимся в свете людям. Но ежели сии рапсодии*** могут небыть соблудности от того рока, которому подвержено все, что не чрезвычайное и не важное; то я скажу, что сие неискусные изображения о славе зделаны в августе месяце сего 1711 года, когда герцог де Малбург имел оный достопамятный поход, в который ему удалось взять французские линии без пролития крови.

Архив АН СССР, Лен. отд. р. II,
оп. 1, № 206, лл. 197—200 об.

* Лопатка, которою бьют в школе по рукам.

** Summa igitur et perfecta gloria constat ex his tribus: si diligit multitudo; si fidem habet; si cum admiratione quadam honore dignos putat. Цицер. о должност. Кн. II, гл. 9.

*** Разные собрания из многих, совокупно соединенные.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ АНГЛИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XVIII ВЕКА

Работа над приведенной выше статьей затруднялась недостатком соответствующих библиографических материалов. «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева, за небольшим исключением, почти не фиксирует даже тех сравнительно немногих ссылок на английские журналы, которые содержатся в русских периодических изданиях XVIII века. Единственный перечень русских переводов из английских журналов XVIII века, содержащийся в исследовании американского профессора Э. Д. Симмонса «Английская литература и культура в России»,¹ как уже указывалось выше, неудовлетворителен и по своему объему, и по качеству выполнения. Помимо статей, указанных в работе В. Солнцева «„Всякая всячина“ и „Спектатор“», Э. Д. Симмонс, как правило, учитывал, да и то не полностью, лишь те статьи, которые содержат прямые ссылки на английские журналы. Кроме того, число ошибок в библиографических описаниях здесь настолько велико, что практически ни одно из сведений, сообщаемых Э. Д. Симмонсом, нельзя принимать без проверки.²

Р. Лужны, исследовавший русские переводы XVIII века английских периодических эссе, помимо известных ранее, выявил около двух десятков очерков, заимствованных из журналов Стиля и Аддисона.³ Однако и эти сведения были неполны. К тому же они доходили только до 1766 года.

В результате автору настоящей статьи пришлось произвести самостоятельные библиографические разыскания. А учитывая недостаточность существующих указателей периодики, он был вынужден в основном параллельно просматривать русские и английские издания — способ столь же трудоемкий, сколь и мало продуктивный. При этом просмотр ограничивался комплектом английских журналов XVIII века, имеющимся в ленинградских библиотеках.

Поэтому приведенный ниже библиографический перечень ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту. Впрочем, такая полнота вообще вряд ли достижима, особенно если учесть, что, как уже указывалось, большая часть статей английского происхождения публиковалась в XVIII веке в России либо без всяких ссылок на источник, либо с дезориентирующими ссылками на посредствующий язык, журнал или автора. Тем не менее составитель полагает, что и в таком виде работа представляет интерес как посильный вклад в сводную библиографию русской переводной литературы XVIII века, которая может быть создана только объединенными усилиями многих исследователей.

¹ E. J. Simmons. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge, Mass., 1935, pp. 127—129.

² Укажем хотя бы на то, что к числу английских журналов Э. Д. Симмонс отнес гамбургский «Der Patriot», ссылка на который (без артикля, разумеется) содержалась в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» (1759, ч. I, стр. 61, 68). «Перевод из Смотрительницы» (т. е. из французского журнала «La Spectatrice»), напечатанный в «Свободных часах» (1763, октябрь, стр. 579—584), он произвольно определил как «The Spectator» № 411, и т. п.

³ R. Ł u ż n y. Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym okresu Oświecenia. Warszawa—Kraków, 1962, str. 59—63, 70—71.

Библиография учитывает материалы русской печати XVIII века,⁴ восходящие по своему происхождению к английским журналам⁵ независимо от того, какие промежуточные этапы проходили эти материалы, прежде чем они появились на русском языке. В тех случаях, когда в качестве источника указаны сатирико-нравоучительные периодические «эссеи», как «Зритель», «Скиталец» и т. п., можно считать, что это действительно первоисточники. Ссылка же на ежемесячники (*The Universal Magazine*, *The Gentleman's Magazine* и др.) такой уверенности не дает, поскольку издания этого типа содержали как первопечатные публикации, так и перепечатки из других английских журналов (см., например, ниже: 46) и переводы иностранных произведений, причем в обоих последних случаях обычно без ссылок на источник. Не исключена возможность поэтому, что для некоторых произведений, источником которых назван тот или иной английский ежемесячник, при дальнейших разысканиях будет найден иной, более ранний источник.⁶

Помимо полных переводов, в библиографии учитываются также сокращенные переводы и переделки, что специально отмечается. Однако сведения этого рода нельзя считать исчерпывающими, поскольку полной сверки русских текстов с английскими не производилось.

Наконец, в библиографии указываются статьи, имеющие в заглавии или подписи неопределенную ссылку на «английский журнал», но конкретного источника которых установить не удалось.

В каждой библиографической записи приводятся: 1) полное заглавие и подпись публикации, а также примечание, содержащее данные об источнике (обозначается звездочкой *); если удалось установить инициалы и фамилию переводчика, отсутствующие в подписи, или раскрыть его криптонимы, эти сведения приводятся в угловых скобках; 2) сведения о публикации: год, месяц или часть, страницы для периодических изданий; часть и страницы для непериодических изданий; 3) краткая ссылка на английский источник (выделенная полужирным шрифтом): для периодических «эссеев» указываются названия (обычно сокращенно) и номер; для ежемесячников — название, номер тома (римские цифры), страницы (арабские цифры). Это — минимальные данные для определения источника; полные сведения о нем читатель может получить в «Указателе английских статей», являющемся в сущности библиографическим перечнем английских статей, которые переводились на русский язык в XVIII веке.

Публикации группируются по изданиям, в которых они появились. Последние в свою очередь составляют три раздела: периодические издания

⁴ За пределы XVII века выходят только несколько публикаций в «Иппокрене» 1801 года (308—314), включенные для того, чтобы представить полностью этот журнал, издававшийся на рубеже веков.

⁵ Помимо этого, в библиографии попутно отмечены: две статьи из издававшегося в Германии на английском языке журнала «*The British Mercury*» (217, 218), очерк из сборника «*Moralities*» (1753), напечатанный в переводном сборнике «Забавный философ» (339); переиздание: 374), поскольку это последнее издание расписано полностью.

⁶ Так, например, первоначально было предположено, что для трех историй, имеющих один сюжет (Абенакизец. Нравоучительная повесть. «Утренний свет», 1780, ч. VIII, стр. 172—176; Повесть о диком абенакизце. «Небылицы в лицах, или Собрание увеселительных повестей...», М., 1793, стр. 76—80; Абенак. Американская повесть. «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. XIX, стр. 151—156), первоисточником служит английская публикация: Abenaki, or Paternal love: a North American tale («*The Universal Magazine*», 1769, v. XLV, September, p. 130—131). Однако обнаружение еще одного русского перевода, появившегося раньше указанной английской статьи (Великодушные дикого человека. Повесть. Переведено из Берлинского Магазейна Ф. Л. «Ни то ни сию в прозе и стихах», 1769, л. 14, 30 мая, стр. 105—108), показывает, что и русские и английская публикации восходят к одному общему источнику.

(1—314), непериодические сборники и альманахи (315—406) и отдельные издания (407—409). Деление изданий XVIII века на периодические и непериодические в известной мере условное, поскольку четкая граница между ними не всегда может быть проведена. Внутри разделов порядок хронологический (журналы располагаются по первому году издания).

Библиография снабжена следующими указателями.

1) Указатель английских статей, расположенных по журналам. Статьи из «The Adventurer», «The Guardian», «The Idler», «The Lounger», «The Mirror», «The Rambler», «The Spectator», «The Tatler», «The World», не имевшие первоначально заглавий и многократно переиздававшиеся, обозначаются только порядковым номером. Авторы этих статей указаны по собранию: The British essayists, with prefaces historical and biographical by A. Chalmers, F. S. A. London, 1823, 38 vols. Для статей в ежемесячниках (magazines) сообщаются: номер тома (римские цифры), год, месяц и страницы журнальной публикации и заглавие.

2) Алфавитный указатель русских журналов и сборников.

3) Хронологический указатель — по годам русских публикаций.

4) Алфавитный указатель русских переводчиков.

Во всех указателях ссылки даются на номера библиографических записей.

Условные сокращения

A.	— The Adventurer	и. у.	— источник не установлен
G.	— The Guardian	пер.	— переделка
GM.	— The Gentleman's magazine	сокр.	— сокращенный перевод
I.	— The Idler	част.	— перевод или переделка части статьи
M.	— The Mirror		
R.	— The Rambler		
S.	— The Spectator		
T.	— The Tatler		
UM.	— The Universal magazine		
W.	— The World		

I. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ
И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ В «ВЕДОМОСТЯХ» (СПб., 1728—1731);
ПРИМЕЧАНИЯ НА «ВЕДОМОСТИ» (1732—1742)

1. О полезном употреблении времени; переведено из английской книги, Спектатор именуемой, из второй части четвертый разговор. — 1731, 8 февраля, ч. XI, с. 41—44. **S. 93**
2. О смешном суеверии безумных людей. Переведено из аглинского Спектатора VII разговор. — 1731, 19 апреля, ч. XXXI, с. 123—126. **S. 7**
3. Перевод XLII разговора из II части аглинского Спектатора, — 1731, 19 июля, ч. LVII, с. 233—236. **S. 169**
4. Перевод XLVIII разговора из II части аглинского Спектатора. — 1731, 30 августа, ч. LXIX, с. 281—284. **S. 177**
5. Перевод LXI разговора из I части Спектатора. — 1731, 30 сентября, ч. LXXVIII, с. 317—320. **S. 77**
6. Перевод из аглинского Гуардиана при случае основанного от герцогини де Ментенон монастыря, Сент-Сир называемого. *The Guardian. Tom I, № 46. р. 187 seqq. — 1731, 14 октября, ч. LXXXII, с. 333—336. **G. 46 (част.)**
7. О житии герцогини де Ментенон. — 1731, 18, 21, 25, 28 октября, чч. LXXXIII—LXXXVI, с. 337—352. **G. 46—48**

8. О краткости человеческой жизни. Переведено из аглинского Спектатора Часть II. Разговор 36 — 1731, 30 декабря, ч. CIV, с. 423—426. S. 159
9. Перевод из аглинского Татлера. Часть IV, нум. 241. стр. 226 и следующие. О чрезмерном питии. — 1732, 21 февраля, ч. XV, с. 57—64. T. 241 (част.)
10. Перевод LX разговора из 5-й части аглинского Спектатора. — 1732, 3 апреля, ч. XXVI, с. 129—132. S. 513
11. Перевод из Спектатора, часть V, разговор 10. — 1732, 21 сентября, ч. LXXVI, с. 335—338. S. 464
12. Перевод разговора аглинского Спектатора о бессмертии души. — 1732, 28 декабря, ч. CIV, с. 417—420. S. 111
13. Перевод из Спектатора, часть V. Разговор XI. — 1733, 26 марта, ч. XXV, с. 97—100. S. 465
14. Перевод LVI разговора VI книги аглинского Спектатора. Письмо к Спектатору о бессмертии души. — 1734, 2 декабря, ч. 96, с. 385—388. S. 628
15. Перевод XVI разговора из V части аглинского Спектатора. О действиях надежды вообще, а особливо оных, которая основана на благочестии. — 1735, 25 декабря, ч. 102 и 103, с. 399—404. S. 471

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ, К ПОЛЬЗЕ И УВЕСЕЛЕНИЮ СЛУЖАЩИЕ
(СПб., 1755—1757); СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ, К ПОЛЬЗЕ
И УВЕСЕЛЕНИЮ СЛУЖАЩИЕ (1758—1762); ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
И ИЗВЕСТИЯ О УЧЕНЫХ ДЕЛАХ (1763—1764)

16. Путешествие жизни человеческой. Переводил С. П.*** «С. А. Порошин». — 1755, май, с. 404—413. R. 102
17. О человеческом милосердии, оказуемом подлейшего рода к животным. Переведено из аглинской книги, называемой The Guardian, том I, нум. 61. Барон» И. «И.» Черкасов». — 1755, октябрь, с. 372—379. G. 61
18. Обидах и пустынный. Повесть восточная. Переводил А. «А.» Нкартов». — 1756, сентябрь, с. 276—282. R. 65
19. Явления Мирзы. Лист 159 аглинского Зрителя. Г. «В.» Козницкий». — 1757, апрель, с. 345—353. S. 159
20. Перевод восемьдесят первого листа аглинского Татлера. — 1757, декабрь, с. 503—515. T. 81
21. Размышления о удовольствии. Из аглинского Универсального магазейна на месяц февраль 1753 года. — 1758, август, с. 182—187. UM. XII, pp. 71—72
22. Примечания о прежнем и нынешнем числе жителей на нашем земном круге. Из аглинского Универсального магазина на июль месяц 1752 года. — 1758, сентябрь, с. 282—285. UM. XI, pp. 36—37
23. Размышления о пресвосходстве человеческого разума, науками и искусствами исправляемого. Из аглинского Универсального магазина на генварь месяц 1752 года. — 1759, март, с. 243—249. UM. X, pp. 1—4
24. О разности благочестия и суеверия. — 1759, июнь, с. 526—536. R. 44
25. Превращение Фиделия в зеркало. Переведено из аглинского Спектатора лист 392. — 1759, октябрь, с. 348—352. S. 392
26. Басня о молитвах. Из аглинского Спектатора, из 5 части № 391. — 1759, октябрь, с. 353—359. S. 391
27. Перевод из аглинского Спектатора из 6 части № 404. — 1759, октябрь, с. 374—380. S. 404
28. Рассуждение о состоянии человека в младенчестве. Переведено из аглинского Универсального магазина 1752 году, генварь, стр. 4. — 1759, ноябрь, с. 426—455. UM. X, pp. 4—13
29. Перевод из шестой части аглинского Спектатора, № 450. — 1760, генварь, с. 73—83. S. 450
30. Древние времена лутче ли нынешних. Из аглинского Универсального магазина 1755 февраль, стран. 54. — 1760, февраль, с. 145—157. UM. XVI, pp. 54—57

31. Перевод из аглинского Спектатора, № 447. — 1760, февраль, с. 178—186.
S. 447
32. Три перевода из аглинского Спектатора из 6 части № 408, 449 и 464. —
1760, март, с. 221—240. S. 408, 449, 464
33. Некоторые правила, до здравия касающиеся, и наблюдения для разного
возраста в жизни. Переведенные из генерального аглинского магазина
августа месяца 1754 году. — 1760, март, с. 255—261. **The General Magazine**
34. О снах. Из седьмой части аглинского Спектатора, № 487. — 1760, май,
с. 454—461. S. 487
35. О различности животных и прочих тварей. Из седьмой части аглинского
Спектатора № 519. — 1760, май, с. 462—470. S. 519
36. О познании творца по анатомии. Из седьмой части аглинского Спектатора
№ 543. — 1760, май, с. 471—478. S. 543
37. Явление, виденное Феодором, пустынноиком Teneriffским, и по смерти
его найденное в его пещере. Из книги *Gesellschaftliche Erzelungen*, том I,
стран. 257. — 1760, сентябрь, с. 252—275. **GM. XVIII**, pp. 159—163
38. Описание купечества в Китае. Из нового общего магазина аглинского фев-
рала месяца 1755 году. — 1761, март, с. 255—260. **The General Magazine**
39. Письмо о том, что собственно высоко почитать надлежит. Перевод
из восьмой части аглинского Спектатора, № 621 «В. И. Лебедева». — 1761,
март, с. 261—264. S. 621
40. О силе новости. Перевод из восьмой части аглинского Спектатора, № 626
«В. И. Лебедева». — 1761, март, с. 265—273. S. 626
41. Сон о пороках и жалобах человеческих. Перевод из восьмой части аглин-
ского Спектатора № 558 «В. И. Лебедева». — 1761, апрель, с. 463—472.
S. 558, 559
42. Сон о искре грехов, находящейся в сердце человеческом. Перевод из
восьмой части аглинского Спектатора, № 587 «В. И. Лебедева». — 1761,
апрель, с. 473—478. S. 587
43. Сон о правосудии. Из аглинского Тадлера, лист 100 «перевод В. И. Ле-
бедева». — 1761, май, с. 513—523. T. 100
44. Продолжение сна о правосудии, сообщенного в мае месяце сего года
из аглинского Тадлера, лист 107. «Перевод В. И. Лебедева». — 1761,
сентябрь, с. 278—287. T. 102
45. Разговор между любовью и разумом. Переведено из аглинского Спекта-
тора. IX тома, лист 683 и след. — 1762, январь, с. 71—90. S. 683—686
46. О напрасном желании того, что не нужно. Из аглинского Универсального
магазина на месяц апрель 1752 года. — 1762, февраль, с. 272—280. R. 38
(Английская статья перепечатывалась: **UM. X**, pp. 155—157)
47. О утешении христианина верою и блаженством. Переведено из аглинского
Спектатора IX тома лист 668. — 1762, февраль, с. 287—291. S. 668
48. Правила, каким образом с людьми обходиться. Переведено из аглинского
Гвардиана, часть I, лист. 24. — 1762, май, с. 566—574. G. 24
49. Колбертова речь к Лудвигу XIV, в которой показаны причины, для чего
Франция не может преодолеть Соединенных Нидерландов. Перевод из
аглинского Гвардиана, лист 52. — 1762, май, с. 575—586. G. 52
50. О доброй совести. Из аглинского Гвардиана, лист 135. — 1762, июнь,
с. 647—653. G. 135
51. Описание во всем приятного человека. Переведено из аглинского Гвар-
диана, лист 34. — 1762, июль, с. 61—66. G. 34
52. Сравнение притягательной силы в больших телах света с оною, которая
усматривается между душ человеческих. Перевод из аглинского Гвардиана
лист 126. — 1762, август, с. 184—191. G. 126
53. Перевод 23 листа аглинского Тадлера. — 1762, сентябрь, с. 283—287.
T. 23 (част.)
54. Перевод из аглинского Спектатора лист 11. — 1762, ноябрь, с. 469—476.
S. 11
55. Речь умирающего к своим приятелям. Из аглинского Гвардиана, лист. 93. —
1763, декабрь, с. 548—551. G. 93 (част.)

56. О добром совете и честном богатстве. Из английского Татлера лист 25 — 1764, генварь, с. 71—76. **T. 25** (част.)
57. О рассеянии мыслей. Перевод из английского Спектатора, лист 77.— 1764, март, с. 256—261. **S. 77**

ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА (СПб., 1759)

58. Речь XVIII из вторья части Смотрителя. Переводил с французского перевода Иван Дмитриевский. — 1759, март, с. 180—187. **S. 111**
59. Части III из I речи Смотрителя. Переводил А. <П.> С<умароков>.— 1759, апрель, с. 229—231. **S. 139** (част.)
60. Речь LV из вторья части Смотрителя. Переводил с французского перевода И. Д<митревский>. — 1759, август, с. 498—505 **S. 185**
61. Речь XXVII из вторья части Смотрителя. Переводил с французского перевода И. Д<митревский>. — 1759, сентябрь, с. 542—549. **S. 127**

ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ, В ПОЛЬЗУ УПОТРЕБЛЕННОЕ (СПб., 1759—1760)

62. О скорости времени. *Спект<атор>. Часть II. Расс<каз> V. — 1759, ч. I, 16 генваря, с. 29—35. **S. 93**
63. О привычке. *Спект<атор>. Часть IV. Расс<каз> LXXII. — 1759, ч. I, 16 генваря, с. 36—42. **S. 447**
64. Письмо к издателям еженедельных листов от одной красавицы. — 1759, ч. I, 6 февраля, с. 85—92. **R. 130**
65. О действиях доброго и худого воспитания. — 1759, ч. I, 13 марта, с. 163—168. **S. 215**
66. Лукавые и коварные суть язва обществу. Переведено с французского. — 1759, ч. I, 29 мая, с. 339—346. **S. 23**
67. Человеческая жизнь подобна опасному путешествию. Переведено с немецкого. — 1759, ч. I, 5 июня, с. 351—365. **R. 102** (пер.)
68. Храм добродетели. Переведено с французского. — 1759, ч. II, 3 июля, с. 1—13. **GM. XXVII**, pp. 261—265
69. Рассуждение о добром употреблении страстей. Переведено с французского. — 1759, ч. II, 16 октября, с. 241—250. **S. 224**
70. Тщетная надежда людей бывает обыкновенно началом их несчастий. Переведено с французского. — 1760, ч. III, 5 февраля, с. 89—94. **S. 282** (част.)
71. О желании имеющем людьми к славе, о справедливом употреблении оной и о тщетных приписуемых ими себе титулах. Переведено с французского. — 1760, ч. III, 22 апреля, с. 239—245. **S. 219**
72. О надобности, чтоб мы каждую наималейшую часть времени употребляли в свою пользу. Переведено из аглинского универсального магазина. — 1760, ч. III, 29 апреля, с. 254—259. **UM. XI**, pp. 201—203
73. Похождение Констанции и Феодосия, кои, не могши вступить друг с другом в супружество, приняли в одном месте монашеский чин. Переведено с французского П. <И.> П<астуховым>. — 1760, ч. III, 3 июня, с. 333—342. **S. 164**
74. О худом воспитании больших сыновей дворян, живущих в деревне с примером хорошего воспитания сына Евдокса и дочери Леонтина. Переведено с французского П. <И.> П<астуховым>. — 1760, ч. III, 17 июня, с. 371—378. **S. 123**
75. Письмо о неверности мужа. Переведено с французского. П. <И.> П<астуховым>. — 1760, ч. III, 24 июня, с. 379—384. **S. 322**
76. Письмо. Переведено с французского. — 1760, ч. III, 24 июня, с. 385—389. **S. 499**
77. Письмо о матерях, кои не хотят кормить сами детей своих. Переведено с французского. — 1760, ч. IV, 12 августа, с. 96—101. **S. 246**

78. Сон. Переведено с французского. П. «И.» П<кастуховым>. — 1760, ч. IV, 9 сентября, с. 160—169. S. 558, 559
79. Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного герцога Бургундского. Переведено с французского. П. «И.» П<кастуховым>. — 1760, ч. IV, 9 сентября, с. 170—175. S. 491
80. Письмо. Переведено с французского И. Л. — 1760, ч. IV, 30 сентября, с. 203—211. S. 653

ПОЛЕЗНОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ (М., 1760—1762)

81. Сон. Переводил С. «Г.» Д<омашнев>. — 1761, июнь, № 23, с. 193—196. S. 275
82. Сон. Переводил С. «Г.» Д<омашнев>. — 1761, июнь, № 25, с. 209—213. S. 281

СОБРАНИЕ ЛУЧШИХ СОЧИНЕНИЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗНАНИЯ
И К ПРОИЗВЕДЕНИЮ УДОВОЛЬСТВИЯ (М., 1762)

83. О излишнем желании. Перевел студент Володимер Золотницкий. — 1762, ч. II, № 5, с. 279—289. R. 38

СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ (М., 1763)

84. О неблагодарности. — 1763, октябрь, с. 600—615. UM. XII, pp. 308—313
85. «Господин Спектатор!». Перевел с аглицкого Михайла Пермский. — 1763, октябрь, с. 621—623. S. 196
- 85а. Похождение червонца. С<тудент> М<ихайло> П<ермский>, — 1763, ноябрь, с. 661—668. T. 249 (пер.)

ДОБРОЕ НАМЕРЕНИЕ (М., 1764)

86. «Г. Спектатор!». (В оглавлении: Письмо к Спектатору). — 1764, январь, с. 16—18. S. 212 (сокр.)
87. Не должно иметь зверского сердца. Перевел с аглинского Михайло Пермский. — 1764, январь, с. 19—23. S. 181 (част.)
88. Письмо к Спектатору. — 1764, январь, с. 38—39. S. 175 (част.)
89. Осторожность женского пола. — 1764, январь, с. 40—43. S. 198 (част.)
90. Нет совершенного человека в свете. — 1764, январь, с. 43—45. S. 183 (част.)
91. Сколь великое действие имеет совесть в человеке! Перевел студент Михайло Пермский. — 1764, январь, с. 45—47. UM. XXIII, pp. 345—347
92. Государство славы и довольства. — 1764, февраль, с. 65—71. UM. XXIV, pp. 35—37
93. Награждение добродетели, бывшей в беспокойстве. — 1764, февраль, с. 71—91. UM. XXIV, pp. 177—184
94. Женская библиотека. М. Пермский. — 1764, февраль, с. 91—94. S. 92 (сокр.)
95. Сон. — 1764, март, с. 113—127.
96. Письмо к приятелю, находившемуся в нещастии. Переведено из аглинского журнала. — 1764, март, с. 127—128. н. у.
97. Письмо к Спектатору. — 1764, март, с. 129—131. S. 175 (част.)
98. История о некотором купце. Переведено из Спектатора. — 1764, март, с. 131—135. S. 11 (част.)
99. Письмо к приятелю о расточении и сребролюбии. Из Спектатора. — 1764, март, с. 135—138.
100. В чем состоит человеческое благополучие? Перевел из аглинского журнала с<тудент> М. Пермский. — 1764, март, с. 138—144. UM. XXIV, pp. 367—368

101. Описание истории Абиссинского принца Расселия. Перевел из аглинского журнала с<тудент> М. Пермский. — 1764, апрель, с. 167—192. УМ. XXIV, pp. 238, 240—245, 355—356; XXV, pp. 25—27
102. Тайны своей никому открывать не должно. Из аглинского журнала. — 1764, май, с. 209—217. УМ. XVIII, pp. 161—163
103. Известие о пожаре, случившемся в городе Каире на 1755. — 1764, май, с. 225—228. УМ. XVIII, pp. 89—90
104. Описание разоренного города Балбека. Из аглинского журнала перевел с<тудент> М. Пермский. — 1764, май, с. 228—233. УМ. XXI, pp. 28—32 (сокр.)
105. Описание жизни некоторого славного мужа из Флоренции, называемого Маглиабек, где показывается, что учение и труды без награждения не бывают. — 1764, июнь, с. 261—267. УМ. XXIV, pp. 75—77
106. Письмо к приятелю, где объявляется, что часто люди непристойные свои поступки называют своим званием и должностью. Переведено из аглинского журнала. — 1764, июнь, с. 267—273. н. у.
107. О правосудии, которое самым делом с строгостию исполнять должно. Из аглинского журнала. — 1764, июнь, с. 273—278. G. 99
108. Описание жизни госпожи Даубины. Перевел с аглинского студент Михайло Пермский. — 1764, июнь, с. 279—286. G. 46—48 (сокр.)
109. Взаимная между различными народами ненависть происходит от суеты. Переведено с аглинского. — 1764, июль, с. 305—311. УМ. XXV, pp. 6—8
110. Всяк жребием своим доволен быть должен. Перевел с аглинского с<тудент> М. Пермский. — 1764, июль, с. 329—335, август, с. 353—357. A. 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ
В «ВЕДОМОСТЯХ» (частичное переиздание, М., 1765)

- 110a. О полезном употреблении времени; переведено из аглинской книги, Спектатор именуемой, из второй части четвертый разговор. — 1765, ч. V, с. 24—30. S. 93
- 110b. О смешном суеверии безумных людей, переведено из аглинского Спектатора 7 разговор. — 1765, ч. XXV, с. 297—302. S. 7

ПРИМЕЧАНИЯ О РАЗНЫХ МАТЕРИЯХ (СПб., 1766)

111. Перевод 61 разговора из I части Спектатора. — 1766, февраль, с. 3—10. S. 77
112. О краткости человеческой жизни, переведено из аглинского Спектатора. Часть II. Разговор 36. — 1766, февраль, с. 11—18. S. 159
113. Перевод 42 разговора из II части аглинского Спектатора. — 1766, февраль, с. 40—48; март, с. 3—8. S. 169, 177

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА (СПб., 1769); БАРЫШЕК ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ (СПб., 1770)

114. «Часто случалось мне приметить...» — 1769, № 1, с. 1—3. S. 1 (част.)
115. «Ездил я недавно обедать за Москворечье...» — 1769, № 6, с. 17—22. S. 7 (пер.)
116. «Когда я был во Франции...» — 1769, № 14, с. 41—42. S. 15 (част.)
117. «Господин сочинитель! Прошу вас, уймите злоупотребление...» — 1769, № 27, с. 80. S. 460 (част. сокр.)
118. Мой взор обращен к истинне одной. — 1769, № 36, с. 98—101. S. 35 (сокр.)
119. «Господин сочинитель! У меня есть две племянницы...» — 1769, № 45, с. 124—127. S. 242 (пер.)
120. «До рук наших дошло...» — 1769, № 57, с. 150—152. S. 569 (част.)
121. «Господин сочинитель! Давно мне хочется к вам писать». — 1769, № 65, с. 172—174. S. 336 (част. пер.)

122. «Государь мой. Мне четырнадцать лет минуло 10 января». — 1769, № 71, с. 190—192. S. 625 (част.)
123. «Ничто так не подло и уничтожения достойно...» — 1769, № 74, с. 195—197. S. 23 (част.)
124. «Подчиненные и окружающие тех, кои в первых должностях находятся...» — 1769, № 75, с. 197—200. S. 469 (сокр.)
125. «Третьего дни, когда мы собрались...» — 1769, № 91, с. 237—239. S. 41 (част. пер.)
126. «Великое множество есть мужей...» — 1769, № 94, с. 246—247. S. 479 (част.)
127. «Некогда читал некто следующую повесть» — 1769, № 103, с. 265—267. S. 452 (част. пер.)
128. «Есть один мне знакомый человек...» — 1769, № 109, с. 281—288. S. 50 (сокр.), 557 (част.)
129. «Несколько тому лет назад, я помню...» — 1769, № 117, с. 309—311. S. 53 (част. пер.)
130. «Жена мне сказывала, что женщины все еще мною недовольны...» — 1769, № 122, с. 324—327. S. 66 (пер.)
131. «Два есть у меня рода читателей». — 1769, № 123, с. 327—328. S. 179 (част.)
132. «Женщины от природы суть веселее мужчин». — 1769, № 131, с. 345—350. S. 128 (сокр.)
133. «Недавно нашел я летописец четвертого на десять века...» — 1769, № 137, с. 364—368. S. 193
134. «Вчерашний день случилось мне быть в беседе...» — 1769, № 139, с. 373—375. S. 38 (пер.)
135. «Лишь бы человек был с достоинствами...» — 1769, № 147, с. 398—400. S. 101 (част. пер.)
136. «Не однажды я уже объявил войну белилам...» — 1770, № 158, с. 454—455. S. 41 (част. пер.)
137. «Был я недавно в деревне у одного дворянина...» — 1770, № 170, с. 481—483. S. 108 (пер.)

ПОЛЕЗНОЕ С ПРИЯТНЫМ (СПб., 1769)

138. Письмо о женском уборе. *Взято из второй части аглинского Смотрителя. — 1769, 4 полумесяц, с. 30—32. S. 98
139. Письмо о обманчивом виде. *Взято из аглинского Смотрителя. — 1769, 5 полумесяц, с. 14—16. S. (?)

НИ ТО НИ СИО В ПРОЗЕ И СТИХАХ (СПб., 1769)

140. Омар, восточная повесть. Переведена Ф. Лазинским. — 1769, 23 мая, л. 13, с. 97—103. I. 101

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ (СПб., 1771)

141. Разговор Рассудка и Любви. Переведено с французского Н. <Н.> Б<антыш->К<аменским> — 1771, № 19, с. 144—152; № 20, с. 153—159; № 21, с. 161—168. S. 683—686

ВЕЧЕРА (СПб., 1772—1773)

142. Происхождение и должность критики. Перевод. — 1772, ч. II, веч. 22, с. 169—171. R. 3 (част.)

ОПЫТ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО РОССИЙСКОГО СОБРАНИЯ (М., 1774—1783)

143. Перевод из аглинского Смотрителя о шутке <Е. Р. Дашковой>. — 1775, ч. II, с. 145—151. S. 35

144. Из аглинского писателя. День не протекает без печали и всякая радость смешана с оскорблением. — 1775, ноябрь, с. 71—91. R. 204, 205

УТРЕННИЙ СВЕТ (СПб., М., 1777—1780)

145. Бозальдав, восточная повесть. *Переведена с шведского языка. — 1777, ч. I, октябрь, с. 162—170. A. 76
146. Простирать желания свои превыше необходимостей есть наипаснейшая суетность. — 1778, ч. II, январь, с. 77—94. R. 38
147. Видение Мирзы. — 1778, ч. III, август, с. 285—297. S. 159
148. Коразмин. — 1778, ч. IV, октябрь, с. 141—147. A. 132
149. Нахальство и вежливость. Нравоучительная аллегория. — 1778, ч. IV, октябрь, с. 175—179. UM. XIV, p. 8
150. Гнев. — 1778, ч. IV, октябрь, с. 184—192. R. 11

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВЕСТНИК (СПб., 1778—1781)

151. Переменившийся свет. (С аглинского милорда Честерфильда). — 1778, ч. II, октябрь, с. 252—257. W. 197
152. Справедливое решение. Нравоучительная повесть. (The universal magazine). — 1778, ч. II, ноябрь, с. 353—360. UM. XVI, pp 223—227
153. Чудный Кричтон (Journal anglois). — 1778, ч. II, декабрь, с. 445—453. A. 81
154. Честный человек новейшего вкуса. (Из сочинений лорда Честерфильда). (С аглинского). — 1779, ч. III, март, с. 199—208. Common Sense 14
155. Рассуждение о высоком вкусе в пище и пышном изобилии столов. (Из сочинений графа Честерфильда). — 1779, ч. III, апрель, с. 269—277. Common Sense 54
156. Сон Каразана. Восточная повесть. Перевел М. К<остин> — 1780, ч. V, апрель, с. 272—279. A. 132
157. Защищение женских уборов. Перев. М. К<остин>. — 1780, ч. V, апрель, с. 279—288. S. 433—435 (пер.)
158. Опыт о сновидении. Из Зеркала, периодического сочинения, ныне издаваемого в свет в Единбурге. Перевел И. Т. — 1780, ч. V, май, с. 340—354. M. 73, 74
159. Мысли о переселении душ (из Gentl. mag.). — 1780, ч. VI, июль, с. 17—24. GM.
160. Инкл и Ярико, повесть г. Геллерта. — 1780, ч. VI, сентябрь, с. 180—183. S. 11 (част. пер.)
161. Изображение пьяницы, из сочинений лорда Честерфильда. — 1780, ч. VI, сентябрь, с. 187—193. W. 92 (част.)
162. Рассуждение о сострадании. — 1780, ч. VI, ноябрь, с. 346—356. A. 110
163. Туфли. Повесть, взятая из аравийского сочинителя Аднауб Моуазер. — 1781, ч. VII, июнь, с. 448—453. UM. XLVII, pp. 238—240

МОДНОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ (СПб.—М., 1779)

164. Повесть о Евгение, или Торжество добродетели над честолюбием. — 1779, ч. I, январь, с. 29—55. A. 64—66
165. Боневолус; продолжение повести о Евгение. — 1779, ч. I, январь, с. 55—59. A. 70 (част.)

МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ (М., 1781)

166. Разговор господина Бикерштафа с своим духом хранителем. (Из 13 части аглинского Спектатора). — 1781, ч. I, январь, с. 1—9. T. 13 (част.)

167. Салаг, или Опасность от привычки. Восточная сказка. — 1781, ч. I, февраль, с. 114—126. **UM. XIV**, pp. 197—203
168. О поединках. Перевел с аглинского языка Андрей Брянцев. — 1781, ч. II, май, с. 42—54. **W. 113**
169. Письмо. Перевел с аглинского языка Андрей Брянцев. — 1781, ч. II, июнь, с. 139—149. **W. 92**
170. Мессия, священная еклога наподобие Поллиона Вергилиева, сочиненная на аглинском г. Попе. Перевод с французского. — 1781, ч. III, ноябрь, с. 203—208. **S. 378**
171. Приключения Эгингарда и Эммы. — 1781, ч. III, ноябрь, с. 227—230. **S. 181** (част.)

ГОРОДСКАЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ БИБЛИОТЕКА (М., 1782—1786)

172. Флавилла, или Жалостные действия легкомыслия; английская повесть. Сочинение Иоганна Гавковорта. — 1782, ч. IV, с. 283—316. **A. 123—125**
173. Справедливое решение. Нравоучительная повесть. С немецкого перевел А. Ексипов?). — 1782, ч. IV, с. 335—344. **UM. XVI**, pp. 223—227

СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА (СПб., 1783—1784)

174. Подражание аглинскому Зрителю. В. <П.> С<ветов?>. — 1784, ч. XV, с. 107—121. **S. 15, 56**
175. Нечто из аглинского Зрителя. — 1784, ч. XVI, с. 16—24. **S. 58** (сокр.)
176. Некоторые рассуждения о смехе. В. <П.> С<ветов?>. — 1784, ч. XVI, с. 27—35. **S. 47** (сокр.)

ПОКОЯЩИЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦ (М., 1784—1785)

177. Обидах и пустынный. Восточная повесть. — 1784, ч. I, с. 188—194. **R. 65**
178. Несчастье от туфлей. — 1784, ч. I, с. 210—216. **UM. XLVII**, pp. 238—240
179. О мнимом усердии в религии. — 1784, ч. II, с. 48—55. **S. 185**
180. О сострадании. Перевел с немецкого Петр Молчанов. — 1784, ч. II, с. 179—187. **A. 110**
181. Наказанная наглость. Переводила княжна Ек. Г<олицына>. — 1785, ч. IV, с. 210—213. **S. 491** (сокр.)

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА (М., 1785—1789)

182. Восточная сказка. — 1785, ч. I, с. 61—67. **UM. L**, pp. 63—65
183. Сновидение. *Сия пиеса переведена с английского языка из Спектатора. — 1789, ч. XVII, с. 17—25. **S. 501**
184. Рассуждение об анатомии. *Переведено с английского языка из Спектатора. — 1789, ч. XVII, с. 134—141. **S. 543**
185. Благотетельность. Персидская повесть. *Переведена из английского журнала The Town and Country Magazine. — 1789, ч. XVII, с. 163—174. **The Town and Country Magazine**
186. Восточные пословицы. *Переведены из английского журнала The Universal Magazine. — 1789, ч. XVII, с. 175—176. **UM.**
187. Малабарское празднество, описанное очевидцем. *Взято из английского журнала The New London Magazine. — 1789, ч. XVII, с. 177—185. **The New London Magazine**
188. О Генрихе Велби, странном человеке, который среди Лондона вел пустынную жизнь целых 44 года. *Из английского журнала The Universal Magazine. — 1789, ч. XVII, с. 186—190. **UM. LXXIX**, pp. 172—173
189. О нервной системе. *Взято из английского журнала The Universal Magazine. — 1789, ч. XVII, с. 193—196. **UM. LXXIX**, p. 178

190. Действие совести. — 1789, ч. XX, с. 29—32. **UM. XXIII**, pp. 345—347
191. О гневе. (Из английского периодического издания Бродяга). — 1789, ч. XX, с. 85—94. **R. 11**
192. О стыдливости. (Из английского Спектатора). — 1789, ч. XX, с. 97—101. **S. 373**
193. Описание жилища Надежды. (Из английского периодического издания Бродяга). — 1789, ч. XX, с. 101—110. **R. 67**
194. Обидаг. Восточная повесть. <Перевод А. А. Петрова>. — 1789, ч. XX, с. 149—156. **R. 65**

ЗЕРКАЛО СВЕТА (СПб., 1786—1787)

195. «В Лондонском магазине показаны следующие достоверные примеры долголетия. . .» — 1786, ч. I, № 5, 5 марта, с. 99—101. **The London Magazine**
196. Корыстолюбие и нега. — 1786, ч. I, № 6, 15 марта, с. 133—135. **S. 55**
197. О правосудии. — 1786, ч. I, № 8, 26 марта, с. 175—178. **G. 99**
198. О чести. — 1786, ч. I, № 8, 26 марта, с. 178—182. **G. 161**
199. О счастии. — 1786, ч. I, № 9, 4 апреля, с. 199—202. **G. 31 (част.)**
200. О употреблении времени. — 1786, ч. I, № 10, 12 апреля, с. 223—228. **S. 93**
201. О препровождении времени в распространении своих познаний. — 1786, ч. I, № 11, 16 апреля, с. 240—246. **S. 94**
202. Сила обхождения. — 1786, ч. III, № 44, 30 октября, с. 140—143. **S. 198 (част.)**

ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ И ЗАБОТ (СПб., 1786—1787)

203. Нечаянная встреча. Истинная английская история. — 1786, ч. I, № 18, 28 октября, с. 205—208; № 19, 4 ноября, с. 210—212. **G. 159**
204. Конрад. Немецкая повесть. *The Universal Magazine. — 1787, ч. II, № 42, 14 апреля, с. 122—128; № 43, 21 апреля, с. 129—132. **UM. LXXVIII**, pp. 260—264

НОВЫЕ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ (СПб., 1786—1796)

205. Лествица добродетелей и пороков, показующая нравственное их сношение с благоволением. Взято из аглинского ежемесячного сочинения под заглавием Universal Magazine, May 1787. — 1788, август, ч. XXVI, с. 52—67. **UM. LXXX**, pp. 254—257
206. Ардостан. Перевел с французского Павел Петров. — 1792, май, ч. LXXI, с. 73—78. **UM. XLVIII**, pp. 285—286
207. Абузайд. Восточная повесть. С французского пер(евел) В. Поленов. — 1792, август, ч. LXXIV, с. 36—46. **R. 190**
208. Явление Ираклию, или Одобренная добродетель. Перевел с французского граф Санти. — 1792, ноябрь, ч. LXXVII, с. 70—75. **T. 97 (част.)**
209. О переводах. Перевел с немецкого Пармен Лепехин. — 1795, ноябрь, ч. CXIII, с. 79—85. **I. 68**
210. Омар, повесть аравийская. Перевел с немецкого Пармен Лепехин. — 1795, декабрь, ч. CXIV, с. 54—60. **I. 101**
211. Гелаледдин из Тавриса. Персидская повесть. Перевел с немецкого Пармен Лепехин. — 1796, март, ч. CXVII, с. 32—39. **I. 75**
212. Скупость и роскошь. Спектатор. — 1796, июль, ч. CXXI, с. 60—63. **S. 55 (част.)**
213. Жизнь дворянина Лонжера. С аглинского. — 1796, июль, ч. CXXI, с. 75—82. **Lounger 11 (част.)**

214. Чудная ярмонка. — 1788, ч. II, неделя XVII, 10 августа, с. 58—64.
S. 511

БЕСЕДУЮЩИЙ ГРАЖДАНИН (СПб., 1789)

215. Пустые бредни о духах. Перевел с аглинского Семен Бобров. — 1789, ч. III, октябрь, с. 178—186. S. 12
216. Краткое описание жизни Виллама Питта, графа Четамского, с присовокуплением к оной точного изображения ужасного предшества кончины сего весьма знаменитого в государственных делах мужа. Переведено с аглинского. — 1789, ч. III, ноябрь, с. 245—277. UM. LXIX, pp. 57—64

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ (М., 1891—1892)

217. «Известия, опубликованные о любопытном опыте доктора Гарвуда...» Из British Mercury, № 1, Jan. 1, 1791. — 1791, ч. II, кн. 1, апрель, с. 56—59. The British Mercury
218. «Некоторые молодые господа, бывшие в гостях...» Из British Mercury, Jan., 1791. — 1791, ч. II, кн. 1, апрель, с. 62—63. The British Mercury

ЧТЕНИЕ ДЛЯ ВКУСА, РАЗУМА И ЧУВСТВОВАНИЙ (М., 1791—1793)

219. Может ли быть приятна божеству жизнь, бесполезная человеческому обществу? Восточная повесть. — 1791, ч. I, с. 143—155. A. 38
220. Видение дервиша Алмета. Восточная повесть. — 1791, ч. I, с. 155—167. A. 114
221. Сравнение пуншу с обращением. Перевод с аглинского. — 1791, ч. I, с. 257—264. I. 34
222. Повесть. — 1791, ч. III, с. 189—213. W. 4, 5
223. Сновидение одного пустытника Tenerифского, найденное в его убежище. — 1791, ч. III, с. 330—367. GM. XVIII, pp. 159—163
224. О индейцах. *Взято из одного аглинского журнала. — 1792, ч. V, с. 319—345. н. у.
225. Лама и Зенит. Сказка. — 1793, ч. IX, с. 303—306. R. 38 (част. пер.)
226. О удовольствиях воображения. Б... — 1793, ч. X с. 484—507. S. 411—413
227. Продолжение о удовольствиях воображения. Б... — 1793, ч. XI, с. 183—199. S. 414, 415
228. Продолжение о удовольствиях воображения. Б. — 1793, ч. XII, с. 3—28. S. 416—418
229. О удовольствиях воображения. Окончание. С аглинского Б**. — 1793, ч. XII, с. 207—226. S. 419—421

БИБЛИОТЕКА УЧЕНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ, УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ В ПОЛЬЗУ И УДОВОЛЬСТВИЕ ВСЯКОГО ЗВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ (Тобольск, 1793—1794)

230. Рассуждение о действиях доброго и худого воспитания. — 1793, ч. I, с. 111—118. S. 215
231. Сон. Перевод с аглинского. — 1793, ч. I, с. 125—131. S. 275
232. Письмо к аглинскому Зрителю о свойствах некоторых людей, которые хвалятся своими недостатками или не смеют признаваться в добрых своих качествах. — 1793, ч. II, с. 77—81. S.
233. Рассуждение о влюбленных, кои требуют советов, не имея ни малого намерения оным следовать. — 1793, ч. II, с. 82—87. S. 475

234. Рассуждение о истинных способах предохранять себя от скуки и делать должное употребление из нашей жизни. — 1793, ч. II, с. 105—112. S. 93
235. Перевод из аглинского Зрителя о свойстве друга моего господина Гонейкомба и рассуждение о разных родах педантов, встречающихся в свете. — 1793, ч. II, с. 113—118. S. 105
236. Добродетель делает человека прямо великим, письмо к аглинскому Зрителю. — 1793, ч. II, с. 118—123. S. 622
237. Рассуждение о заблуждениях суеверных людей, а наипаче о толкователях снов. *Взято из аглинского Зрителя. — 1793, ч. III, с. 117—125. S. 505
238. Сон. — 1793, ч. III, с. 126—136. S. 524 (част.)
239. О пьянстве и его действиях. — 1793, ч. III, с. 137—142. S. 569
240. Письмо некоторой госпожи к Зрителю о вспыльчивости и добросердечии ее мужа. — 1793, ч. III, с. 143—145. S. 563 (част.)
241. Письмо о воспитании юношества. — 1793, ч. III, с. 156—168. S. 337
242. О худом употреблении времени большей части людей. — 1793, ч. III, с. 168—177. S. 317
243. Рассуждение о том, что молодые люди, ищущие единых забав, и старики, сожалеющие, что не могут уже вкушать оных, суть равно презрения достойны. — 1793, ч. IV, с. 127—136. S. 153
244. О том, что движение и воздержность суть два главнейшие преохранительные средства от болезней. — 1793, ч. IV, с. 136—145. S. 195
245. Рассуждение о том, что качества разума и сердца предпочтительнее красоте лица. — 1793, ч. IV, с. 145—155. S. 33
246. О худом воспитании сельских дворян. Пример хорошего воспитания в сыне Евдокса и в дочери Леонтина. — 1793, ч. IV, с. 165—177. S. 123
247. Письмо о мнимых больных. — 1793, ч. IV, с. 177—186. S. 25
248. О свойстве человека, приятного в обществе и другого тому противного. — 1793, ч. V, с. 103—109. S. 386
249. Рассуждение о браке с изображением Ераста, Летиции, Блондины и Щелкокера. — 1793, ч. V, с. 119—128. S. 506
250. Перевод из аглинского Зрителя. — 1793, ч. V, с. 137—148. S. 136
251. О худых поступках некоторых господ с их слугами. Перевод из Зрителя. — 1793, ч. V, с. 148—157. S. 137
252. Гюльпа и Шалюм. Китайская сказка. — 1793, ч. V, с. 217—228. S. 584, 585
253. О добром и худом воспитании девиц. — 1793, ч. VI, с. 117—125. S. 66
254. Рассуждение о некоторых дворянах, проматывающих без причины свое имение и входящих в неоплатимые долги. — 1793, ч. VI, с. 125—131. S. 82
255. Первое видение Мирзы о краткости жизни человеческой. — 1793, ч. VI, с. 132—143. S. 159
256. Перевод из Зрителя. — 1793, ч. VI, с. 150—161. S. 142
257. Письмо к Зрителю. — 1793, ч. VI, с. 162—167. S. 296 (част.).
211 (част.), 205 (част.).
258. Письмо одной девицы к Аглинскому Зрителю. — 1794, ч. VII, с. 111—117. S. 625
259. «Недавно получил я следующее письмо...» — 1794, ч. VII, с. 118—123. S. 627
260. Свойства двух немилосердых говорунов и одного скромного ученого мужа. — 1794, ч. VII, с. 123—130. S. 675
261. Письмо одного опекуна о некоторой девушке, его питомству вверенной, с приобщением рассуждения о кровосмешении. — 1794, ч. VII, с. 130—138. S. 691
262. Рассуждение об опрятности. Из Зрителя. — 1794, ч. VII, с. 141—149. S. 631
263. О том, что добродетель состоит в подражании богу. — 1794, ч. VII, с. 149—154. S. 634

264. «Я получил сию минуту письмо от одного дворянина...». — 1794, ч. VII, с. 154—158. S. 591
265. «Г. Зритель!». — 1794, ч. VII, с. 158—160. S.
266. Свойство кавалера Рогера Коверли и его домашних. — 1794, ч. VIII, с. 105—121. S. 106, 107
267. Рассуждение о безбожниках и каким образом их наказывают. — 1794, ч. VIII, с. 121—126 S. 389 (част.)
268. О том, что женщины предпочитают забавных и шуточных мужчин тем, кои одарены здравым смыслом. — 1794, ч. VIII, с. 131—140. S. 128
269. О разных свойствах женщин. По мнению греческого стихотворца Симонида. — 1794, ч. VIII, с. 141—151. S. 209
270. Туфли Абу-Каземовы. Сказка. — 1794, ч. VIII, с. 219—228. UM. XLVII, pp. 238—240
271. О веселом духе, который должно иметь в деревне и в городе. — 1794, ч. IX, с. 91—99. S. 424
272. О свойствах разных людей, кои достойны быть помещенными в выше-помянутую больницу. — 1794, ч. IX, с. 99—109. S. 429
273. Письмо Кларинды к Зрителю. — 1794, ч. IX, с. 115—125. S. 323
274. О новых свойствах некоторых членов той беседы, о коей говорено было в девятой части сей книги в сей же статье. — 1794, ч. X, с. 93—101. S. 440
275. Сновидение о заблуждениях человеческих. — 1794, ч. X, с. 101—112. S. 460 (част.)
276. Что люди имеют в свете драгоценнейшего, как детей своих? — 1794, ч. X, с. 118—126. S. 431
277. О следствиях неги и скупости. — 1794, ч. XI, с. 83—91. S. 55
278. О девицах нерешимых в рассуждении бракосочетания. — 1794, ч. XI, с. 92—98. S. 89
279. Пример чадолюбивого отца, с некоторыми примечаниями о добром и худом воспитании детей. — 1794, ч. XI, с. 106—115. S. 192
280. Описание ревности и различных разрядов ревнивых мужей. — 1794, ч. XII, с. 95—120. S. 170, 171
281. Письмо к Зрителю о лукавицах и о свойствах некоторых из них. — 1794, ч. XII, с. 125—134. S. 187

ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ (М., 1794—1798)

282. Труд. С аглинского М. Вшсл <М. М. Вышеславцев>. — 1794, ч. I, с. 77—79. W. 143 (част.)
283. Торжество невинности. Из Спектатора. С аглинского М. Ш. — 1794, ч. I, с. 129—139. S. 375
284. Оттуда ж — анекдот. М. Ш. — 1794, ч. I, с. 139—141. S. 349 (част.)
285. Нечто о садах. Письмо к Спектатору. С аглинского М. Ш. — 1794, ч. I, с. 237—245 S. 477
286. Воспитание. Из Спектатора А. <И. И. Дмитриев>. — 1794, ч. I, с. 307—314. S. 215
287. Флорно и Леонила. (Из Спектатора). С аглинского А. Савин. — 1794, ч. II, с. 33—42. S. 123 (част.)
288. Десять счастливых дней царя Сегеда. Из периодического сочинения The Rambler — М. Ш. — 1794, ч. II, с. 81—100. R. 204, 205
289. Ринзольт и Люция. Из Геллерта — А. Л... н <А. Ф. Лабзин>. — 1794, ч. IV, с. 93—99. S. 491
- 289а. Абезайд. Из Мерсье — К... С... а <Е. П. Свинына> — 1795, ч. V, с. 310—334. A. 38
290. О препятствиях на пути благополучия. (Из Бродяги г-на Джонсона). Фед<ор> Загор<ский>. — 1795, ч. V, с. 364—373. R. 165 (пер.)
- 290а. Идиллия. О свойстве идиллий. *Вольный перевод из Ричарда Стиля, аглинского писателя... — 1795, ч. VII, с. 89—96. G. 32

291. Опасность высокомерия и педантизма. Восточная повесть. Ч. «Н. М. Карамзин?». — 1795, ч. VIII, с. 13—18. I. 75
292. Аллегория. (Из Джонсонова Бродяги). С аглинского — Ф. Загорский. — 1795, ч. VIII, с. 315—324. R. 22
293. Сновидение, из Джонсона, Ф. Загорский. — 1796, ч. IX, с. 257—266. R. 44
294. Жизнь — путешествие. С аглинского Н. «Хлюстин». — 1798, ч. XIX, с. 45—46. S. 289 (част.)
295. Делай добро и удаляйся зла, но презирая мнения людей и без тщетного искания любви их. С аглинского Н. «Хлюстин». — 1798, ч. XIX, с. 81—89. R. 190
296. Истинные друзья. Восточная повесть. С аглинского Павел Андреев. — 1798, ч. XIX, с. 129—139, 145—151. UM. XI, pp. 24—29
297. Царство спокойствия и царство славы. Аллегорическая повесть. С английского Н. «Хлюстин». — 1798, ч. XX, с. 241—248. UM. XXIV, pp. 35—37

МУЗА (СПб., 1796)

298. Сон. (Из аглинского зрителя). Н. Анненский. — 1796, ч. II, июнь с. 204—215. S. 558, 559

ЧТО-НИБУДЬ ОТ БЕЗДЕЛЬЯ НА ДОСУГЕ (СПб., 1798)

299. Видение Tenerifского пустытника. «Перевод Н. П. Осипова» — 1798, суббота 18, с. 275—288, суббота 19, с. 289—303. GM. XVIII, pp. 159—163

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖУРНАЛ (СПб., 1798)

300. Аглинская аллегория о происхождении Критики, степень и звания, должествующие учинить ее почтенною. — 1798, ч. IV, ноябрь, с. 141—144. R. 3 (част.)

НОВОСТИ (СПб., 1799)

301. Алкандр и Септимий. История, взятая из сочинений доктора Голдшмита. Перевод с французского Т. В. — 1799, кн. 1, май, с. 81—92. The Bee 1

ИППОКРЕНА, ИЛИ УТЕХИ ЛЮБОСЛОВИЯ (М., 1799—1801)

302. О смехе и насмешках. Из аглинского Зрителя. П-ъ Б-къ. — 1799, ч. I, с. 88—92. S. 249 (част.)
303. О характере европейцев. Изображено в письме Бантамского посланника в царствование Карла II. С немецкого Акм. Нхмв «А. Н. Нахимов». — 1799, ч. II, с. 273—277. S. 557 (част.)
304. Педантизм. (Из Спектатора). (С французского. Sans Souci). — 1800, ч. V, с. 241—245. S. 105 (част.)
305. Видение Мирзы, представляющее картину человеческой жизни; из Спектатора. С аглинского переводчик Галатеи. — 1800, ч. V, с. 401—412. S. 159
306. Цена умеренности. Восточная повесть. С английского Н. — 1800, ч. VI, с. 257—260. R. 38 (част.)
307. Мессия, священная эклога, писанная в подражание Виргилиеву Полиону. — 1800, ч. VII, с. 20—26. S. 378
308. Поэма Оссиана. (Переведено с аглинского сочинения, названного «Зеркало»). Из Мерсье. Ив. Татищев. — 1801, ч. VIII, с. 76—89. M. 13
309. Неудовольствие состоянием. Аглинский Зритель. — 1801, ч. VIII, с. 321—332. S. 558, 559

310. Люди, как они есть. Аглинский Зритель. — 1801, ч. VIII, с. 337—344. S. 564
311. Нечто об я и мой. Аглинский Зритель, пиеса 562. — 1801, ч. VIII, с. 345—352. S. 562
312. Польза размышления о вседеприсутствии божием. Из аглинского Спектатора. К. «Кириченко» Остромов. — 1801, ч. X, с. 49—59. S. 571
313. Альмамулин. Восточная сказка. Подражание. — 1801, ч. X, с. 65—84. R. 120 (пер.) G. 93 (част.)
314. О бессмертии. (Из Аддисона, Gardien, vol. II, № 93.) К. Пр. В. Пр. — 1801, ч. X, с. 161—164. G. 93 (част.)

II. СБОРНИКИ И АЛЬМАНАХИ

ЗАБАВНЫЙ ФИЛОСОФ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ
ОСТРОУМНОВЫМЫШЛЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ, УДИВИТЕЛЬНЫХ СНОВИДЕНИЙ
И ЗАМЫСЛОВАТЫХ ДЛЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОГО НАСТАВЛЕНИЯ ОПЫТОВ.
ПЕРЕВЕЛ С АГЛИНСКОГО ЛУКА СИЧКАРЕВ. СПб., 1766

315. Свет сей, или видение Мирзы — с. 1—12. S. 159
316. О удовольствовании своею в свете частию. Философское рассуждение и баснь — с. 12—24. W. 143
317. Неприятна та жизнь богу, которая бесполезна обществу. Восточная повесть — с. 24—40. A. 38
318. Исправленное бедствием высокоумие. Перуанская повесть — с. 40—53. GM.
319. О препровождении и употреблении времени. Философское рассуждение и сон — с. 54—64. G. 158
320. О том, что не можно сыскать в свете сем совершенного благополучия и что спокойной жизни наслаждение зависит от собственного нашего произволения и рассуждения. Восточная повесть — с. 64—78. A. 114
321. Сарацаново видение, или взаимная любовь и похвальное благотворение — с. 79—91. A. 132
322. Сила человеческих пристрастий — с. 92—104. T. 82
323. О справедливости Провидения в раздаянии богатства — с. 104—109. S. 464
324. О почитании себя щастливым или нещастным. Философское рассуждение и аллегория — с. 110—118. W. 126
325. Видение правосудия — с. 119—133. T. 100
326. Продолжение видения правосудия — с. 134—148. T. 102
327. Сила воспитания и привычки — с. 148—159. S. 447
328. О двух противных между собою пороках — с. 159—163. W. 95 (част.)
329. Наказанная неблагодарность. Восточная повесть — с. 163—183. GM.
330. О благовременном избрании себе в жизни состояния и о пребывании в оном — с. 183—202. R. 19
331. О избрании себе по соизволению временного или вечного благополучия — с. 203—210. S. 575
332. Повесть о Сентоне, показывающая, что следствия худых действий происходят часто от худых мыслей — с. 211—222. G. 148
333. О воздержности — с. 222—233. S. 195
334. О притворстве — с. 234—244. S. 38
335. О красоте и угрождающей приятности — с. 244—256. S. 33
336. Истинное к сохранению здравия средство — с. 256—262. н. в.
337. О свойствах божиих, или Украшенное звездами небо — с. 262—275. S. 565
338. Повесть о Авидане, показывающая, что в добром намерении не должно никогда отчаяваться — с. 275—288. R. 65
339. О избегании опасных, от маловажных споров происходящих следствий, или разновидности щита стороны — с. 288—293. Moralities

340. Благополучие и нещастие. Аллегория — с. 293—306. W. 84
 341. О болезни — с. 306—311. G. 132 (част.)
 342. О неиспытанных судьбах божиих. — с. 311—323. A. 76
 343. О безрассудных прошениях и ненасытных желаниях человеческих — с. 323—331. S. 391
 344. Строение воздушных замков — с. 331—336. S. 535 (част.)
 345. О неостающемся никогда без награждения благотворении — с. 336—339. н. у.
 346. Непреоборимая бедствием добродетель, представленная в повести о Аманде — с. 339—351. S. 375
 347. О истине и справедливости — с. 351—360. S. 352 (част.)
 348. Океан жизни — с. 360—374. R. 102
 349. О праздности — с. 375—384. S. 316

НОВАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА, ИЛИ ОТБОРНЫЕ ПОВЕСТИ...
 ПЕРЕВЕДЕННЫЕ С ФРАНЦУЗСКОГО... В НОВЕГОРОДЕ
 Е. (С.) Х(АРЛАМОВЫМ), 2 тт., СПб., 1779—1781

350. Гильпа и Эгалум, сказка китайская, выбранная из аглинского Смотрителя — т. I, с. 434—440. S. 584, 585

ОТ ВСЕГО ПОМАЛЕНЬКУ, ИЛИ СОБРАНИЕ ФИЛОСОФИЧЕСКИХ,
 ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫХ... МАТЕРИЙ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА,
 2 чч. СПб., 1782—1786

351. Письмо от Анны де Булен к Генриху VIII — ч. I, с. 42—46. S. 397 (част.)
 352. Мессия, священная эклога, из сочинений господина Попия — ч. II, с. 3—7. S. 378

ЗРИТЕЛЬ МИРА И ДЕЯНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ.
 ПЕРЕВЕЛ С АГЛИНСКОГО ЛУКА СИЧКАРЕВ. СПб., 1784

353. Свет сей, или Видение Мирзы — с. 3—11. S. 159
 354. О благополучной жизни — с. 11—21. W. 143
 355. Неприятна та жизнь богу, которая бесполезна обществу. Восточная повесть — с. 21—34. A. 38
 356. Исправленное бедствием высокоумие. Перуанская повесть — с. 34—45. GM.
 357. О препровождении и употреблении времени. Философское рассуждение и сон — с. 45—53. G. 158
 358. О том, что не можно сыскать в свете сем совершенного благополучия и, что спокойной жизни наслаждение зависит от собственного нашего произволения и рассуждения. Восточная повесть — с. 53—64. A. 114
 359. Сарацаново видение, или Взаимная любовь и похвальное благотворение — с. 65—74. A. 132
 360. О почитании себя щастливым или нещастливым. Философское рассуждение — с. 75—82. W. 126
 361. Видение правосудия — с. 82—103. T. 100, 102
 362. Сила воспитания и привычки — с. 104—112. S. 447
 363. О благовременном избрании себе в жизни состояния и о пребывании в оном — с. 112—127. R. 19
 364. О избрании себе по соизволению временного или вечного благополучия — с. 128—134. S. 575
 365. О сохранении благоденствия чрез приличное употребление дарований — с. 134—142. S. 404
 366. О воздержности — с. 142—151. S. 195
 367. Истинное к сохранению здравия средство — с. 152—156. н. у.
 368. О свойствах божиих, или Украшенное звездами небо — с. 156—166. S. 565

369. О неиспытанных судьбах божиих — с. 166—175. **A. 76**
 370. О безрассудных прошениях и ненасытных желаниях человеческих —
 с. 175—181. **S. 391**
 371. Океан жизни — с. 182—193. **R. 102**
 372. О праздности — с. 193—200. **S. 316**
 373. Повесть о Авидане, показывающая, что в добром намерении не должно
 никогда отчаиваться — с. 201—211. **R. 65**
 374. О избегании опасных следствий, от маловажных споров происходящих,
 или Разновидные шита стороны — с. 211—214. **Moralities**
W. 84
 375. Благополучие и нещастие — с. 214—224.
 376. О болезни — с. 225—228. **G. 132 (част.)**
 377. О истине и чистосердечии — с. 229—235. **S. 352 (част.)**
 378. Благоразумный владелец — с. 236—239. **н. у.**
 379. Строение воздушных замков — с. 239—243. **S. 535 (част.)**
 380. О неостающемся никогда без награждения благотворении — с. 243—
 245. **н. у.**
 381. Непреоборимая бедствием добродетель, представленная в повести
 о Аманде — с. 245—255. **S. 375**
 382. Наказанная неблагодарность. Восточная повесть — с. 255—271. **GM.**
 383. О притворстве — с. 271—279. **S. 38**
 384. О красоте и приветливости — с. 279—288. **S. 33**
 385. Сила человеческих пристрастий — с. 288—297. **T. 82**
 386. Решенье четырех вопросов в храме бессмертия — с. 298—301. **н. у.**

УЕДИНЕННЫЙ КАБИНЕТ, ИЛИ СОБРАНИЕ ДЛЯ ПРИЯТНОГО
 И ПОЛЕЗНОГО ЧТЕНИЯ... ПЕРЕВЕДЕНО С ФРАНЦУЗСКОГО
 И. <Г.> Р(АХМАНИНОВЫМ). СПб., 1787

387. Омар. Восточная повесть — с. 112—125. **A. 76 (пер.)**

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОТЕКА АРАБСКИХ, ТУРЕЦКИХ, КИТАЙСКИХ,
 АНГЛИНСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ, ПАСТУШЕСКИХ, ВОЛШЕБНЫХ
 И ДРУГИХ ПОВЕСТЕЙ И АНЕКДОТОВ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ
 ИНОСТРАННЫХ КНИГ, 2 чч., М., 1788

388. Наказанные желания. Восточная повесть — ч. I, стр. 27—52. **A. 72, 73**
 389. Флавила, или Ветренность. Англинская повесть — ч. I, с. 98—141.
A. 123—125
 390. Амурат, или глас совести. Восточная повесть — ч. I, с. 184—209.
A. 20—22

ОТРАДА В СКУКЕ, ИЛИ КНИГА ВЕСЕЛИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ, 2 чч., М., 1788

391. «В одном аглинском журнале, называемом Lady's Magazine, описано сле-
 дующее происшествие...» — ч. I, с. 225—232. **The Lady's Magazine**

ПОЛЕЗНОЕ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА
 И ДЛЯ ВСЯКОГО ВОЗРАСТА... СОБРАНО ИЗ ЛУЧШИХ
 ИНОСТРАННЫХ СОЧИНИТЕЛЕЙ <Я. И. БЛАГОДАРОВЫМ>. М., 1788

392. Амурат, или Глас совести — с. 1—24. **A. 20—22**
 393. Дервиш — с. 356—357. **S. 289 (част.)**

ЦВЕТНИК, ИЛИ СОБРАНИЕ РАССУЖДЕНИЙ... КОИМИ ЗАНИМАЛИСЬ
 САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕКА НАШЕГО ПИСАТЕЛИ АДДИСОН, СВИФТ,
 ГАЛЛЕР, МЕРСИЕ И ПРОЧ. ИЗД. П. <И.> Б(ОГДАНОВИЧ) СПб., 1788

394. О препровождении времени — с. 1—33. **S. 93, 94 (сокр.)**
 395. О счастья — с. 60—87. **G. 31 (конец посторонний)**

396. О правосудии — с. 105—114.
397. О чести — с. 115—125.

G. 99
G. 161 (сокр.)

УЧИТЕЛЬ, ИЛИ ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ...
(СОСТАВИТЕЛЬ Р. ДОДСЛИ). ПЕРЕВОД С ТРЕТИЯГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
(А. А. ПЕТРОВА)... 3 чч. М., 1789

398. Обидаг. Восточная повесть — ч. I, с. 58—62. R. 65
399. Сновидение Феодора, пустытника на острове Тенерифе, найденное в его пещере — ч. III, 518—529. GM. XVIII, pp. 159—163

НАСТАВНИК, ИЛИ ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ... СОЧИНЕНИЕ
АНГЛИНСКОЕ В ДВАНАДЕСЯТИ ЧАСТЯХ. (СОСТАВИТЕЛЬ Р. ДОДСЛИ)
С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РОССИЙСКИЙ ПЕРЕЛОЖЕНО
(М. И. ВЕРЕВКИНЫМ). 12 чч. СПб., 1789—1792

400. Обидаг. Восточная повесть — ч. I, с. 147—158. R. 65
401. Сновидение Феодора, пустытника на острове Тенерифе, найденное в его пещере — ч. XII, с. 14—46. GM. XVIII, pp. 159—163

ЗАБАВА В СКУКЕ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ АНЕКДОТОВ...
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО, 2 чч., М., 1793

402. Превращение Фиделия в зеркало — ч. I, с. 99—106. S. 392

НЕБЫЛИЦЫ В ЛИЦАХ, ИЛИ СОБРАНИЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ ПОВЕСТЕЙ
И ЗАБАВНЫХ СКАЗОК В СТИХАХ И ПРОЗЕ...
ИЗБРАНЫ ИЗ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ. М., 1793

403. Проклятые туфли — с. 83—92. UM. XLVII, pp. 238—240

ЗРЕЛИЩЕ ДЕЯНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ, ИЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ
УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ... 2 чч., М., 1795

404. Удивительное действие совести и чудное открытие собственного злодеяния — ч. I, с. 74—80. UM. XXIII, pp. 345—347

ПАНТЕОН ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ, кн. I—III, М., 1798

405. История Ла-Роша, переведенная из английского журнала The Mirror. (Перевод Н. М. Карамзина) — кн. II, с. 1—32. M. 42—44
406. Как не завидно величие людей! (Из Голдсмита) (Перевод Н. М. Карамзина) — кн. III, с. 241—248. The Bee 6 (част.)

III. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

407. Мелисса, аглинская повесть Ивана Гавковорта, переведена с немецкого языка. М., 1780, 28 с. A. 7—8
408. Obidah, eine morgenländische Erzählung. Обидаг, восточная повесть, с немецкого на русский язык переведенная Семеном Великим, прилежным к наукам юношею. СПб., 1786, 15 с. R. 65
(Параллельный немецкий и русский текст)
409. Обидаг. Восточная повесть, читанная в обыкновенном собрании имп. Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. (Перевод С. Великого). СПб., 1788, 8 с. (Тот же русский перевод, что и в № 408). R. 65

УКАЗАТЕЛЬ АНГЛИЙСКИХ СТАТЕЙ

THE ADVENTURER (London, №№ 1—140, 7 XI 1752—19 III 1754)

7, 8 (Hawkesworth) — 407 20—22 (Hawkesworth) — 390, 392 32 (Hawkesworth) — 110 38 (Hawkesworth) — 219, 289a, 317 355 64—66 (Hawkesworth) — 164 70 (Hawkesworth) — 165 72, 73 (Hawkesworth) — 388	76 (J. Warton) — 145, 342, 369, 387 81 (Johnson) — 153 110 (Hawkesworth) — 162, 180 114 (Hawkesworth) — 220, 320, 358 123—125 (Hawkesworth) — 172, 389 132 (Hawkesworth) — 148, 156, 321, 359

THE BEE (London, №№ 1—8, 6 X—24 XI 1759)

1 (Goldsmith) — 301	6 (Goldsmith) — 406

THE BRITISH MERCURY (Hamburg, 1787—1791)

- 1791, January — 217, 218

COMMON SENSE (London, №№ 1—342, 5 II 1737—20 VIII 1743)

14 (Chesterfield) — 154	54 (Chesterfield) — 155

THE GENERAL MAGAZINE OF ARTS AND SCIENCES (London, 1755—1765)

- H. y. — 33, 38

THE GENTLEMAN'S MAGAZINE (London, 1731—1907)

XVIII, 1748, April, p. 159—163. The Vision of Theodore, the Hermit of Teneriffe, found in his Cell (John- son) — 37, 223, 299, 399, 401	XXVII, 1757, June, pp. 261—265, The Temple of Virtue, a Dream (J. Fordyce) — 68, 95 H. y. — 159, 318, 329, 356, 382

THE GUARDIAN (London, №№ 1—175, 12 III—1 X 1713)

24 (Steele) — 48 31 (Budgell) — 199, 395 32 (Steele) — 290a 34 (Steele) — 51 46 (Steele) — 6, 108 47, 48 (Steele) — 7, 108 52 (Steele) — 49 61 (Pope) — 17 93 (Wotton) — 55, 314	99 (Addison) — 107, 197, 396 126 (Berkeley) — 52 132 (Steele) — 341, 376 135 (Addison) — 50 148 (Steele) — 332 158 (Addison) — 319, 357 159 (Addison) — 203 161 (Addison) — 198, 397

THE IDLER (London, №№ 1—103, 15 IV 1758—5 IV 1760)

34 (Johnson) — 221	75 (Johnson) — 211, 291
68 (Johnson) — 209	101 (Johnson) — 140, 210

THE LADY'S MAGAZINE (London, 1770—1847) }

- H. y. — 391

THE LONDON MAGAZINE (London, 1732—1785)

- H. y. — 195

THE LOUNGER (Edinburgh, №№ 1—101, 5 II 1785—6 I 1787)

- 11 (Henry) — 213

13 (Cullen) — 308
42—44 (Mackenzie) — 405

73, 74 (Beattie) — 158

MORALITIES: OR ESSAYS, LETTRES, FABLES, AND TRANSLATIONS BY SIR
H. BEAUMONT <J. SPENCE> (London, 1753)

339, 374

THE NEW LONDON MAGAZINE (London, 1785—1792)

H. y. — 187

THE RAMBLER (London, №№ 1—208, 20 III 1750—14 III 1752)

3 (Johnson) — 142, 300	67 (Johnson) — 193
11 (Johnson) — 150, 191	102 (Johnson) — 16, 67, 348, 371
19 (Johnson) — 330, 363	120 (Johnson) — 313
22 (Johnson) — 292	130 (Johnson) — 64
38 (Johnson) — 46, 83, 146, 225, 306	165 (Johnson) — 290
44 (Eliz. Carter) — 24, 293	190 (Johnson) — 207, 295
65 (Johnson) — 18, 177, 194, 338, 373, 398, 400, 408, 409	204, 205 (Johnson) — 144, 288

THE SPECTATOR (London, №№ 1—555, 1 III 1711—6 XII 1712;
№№ 556—635, 18 VI—20 XII 1714)

1 (Addison) — 114	108 (Addison) — 137
7 (Addison) — 2, 1106, 115	111 (Addison) — 12, 58
11 (Steele) — 54, 98, 160	123 (Addison) — 74, 246, 287
12 (Addison) — 215	127 (Addison) — 61
15 (Addison) — 116, 174	128 (Addison) — 132, 268
23 (Addison) — 66, 123	136 (Steele) — 250
25 (Addison) — 247	137 (Steele) — 251
33 (Hughes) — 245, 335, 384	139 (Steele) — 59
35 (Addison) — 118, 143	142 (Steele) — 256
38 (Steele) — 134, 334, 383	153 (Steele) — 243
41 (Steele) — 125, 136	159 (Addison) — 8, 19, 112, 147, 255, 305, 315, 353
47 (Addison) — 176	164 (Addison) — 73
50 (Addison) — 128	169 (Addison) — 3, 113
53 (Hughes) — 129	170, 171 (Addison) — 280
55 (Addison) — 99, 196, 212, 277	175 (Budgell) — 88, 97
56 (Addison) — 174	177 (Addison) — 4, 113
58 (Addison) — 175	179 (Addison) — 131
66 (Hughes) — 130, 253	181 (Addison) — 87, 171
77 (Budgell) — 5, 57, 111	183 (Addison) — 90
82 (Steele) — 254	185 (Addison) — 60, 179
89 (Addison) — 278	187 (Steele) — 281
92 (Addison) — 94	192 (Steele) — 279
93 (Addison) — 1, 62, 110a, 200, 234, 394	193 (Steele) — 133
94 (Addison) — 201, 394	195 (Addison) — 244, 333, 366
98 (Addison) — 138	196 (Steele) — 85
101 (Addison) — 135	198 (Addison) — 89, 202
105 (Addison) — 235, 304	205 (Addison) — 257
106 (Addison) — 266	209 (Addison) — 269
107 (Steele) — 266	211 (Addison) — 257

- 212 (Steele) — 86
 215 (Addison) — 65, 230, 286
 219 (Addison) — 71
 224 (Hughes) — 69
 242 (Steele) — 119
 246 (Steele) — 77
 249 (Addison) — 302
 275 (Addison) — 81, 231
 281 (Addison) — 82
 282 (Steele) — 70
 289 (Addison) — 294, 393
 296 (Steele) — 257
 316 — 349, 372
 317 (Addison) — 242
 322 (Steele) — 75
 323 (Addison) — 273
 336 (Steele) — 121
 337 (Budgell) — 241
 349 (Addison) — 284
 352 (Steele) — 347, 377
 373 (Budgell) — 192
 375 (Hughes) — 283, 346, 381
 378 (Pope) — 170, 307, 352
 386 (Steele) — 248
 389 (Budgell) — 267
 391 (Addison) — 26, 343, 370
 392 (Steele) — 25, 402
 397 (Addison) — 351
 404 — 27, 365
 408 — 32
 411—421 (Addison) — 226—229
 424 (Steele) — 271
 429 (Steele) — 272
 431 (Steele) — 276
 433—435 (Addison) — 157
 440 (Addison) — 274
 447 (Addison) — 31, 63, 327, 362
 449 (Steele) — 32
 450 (Steele) — 29
 452 (Addison) — 127
 460 (Parnell, Steele) — 117, 275
 464 (Addison) — 11, 32, 323
 465 (Addison) — 13
 469 (Addison) — 124
 471 (Addison) — 15
 475 (Addison) — 233
 477 (Addison) — 285
 479 (Steele) — 126
 487 (Addison) — 34
 491 (Steele) — 79, 181, 289
 499 (Addison) — 76
 501 (Parnell) — 183
 505 (Addison) — 237
 506 (Budgell) — 249
 511 (Addison) — 214
 513 (Addison) — 10
 519 (Addison) — 35
 524 (Dunlop, Montgomery) — 238
 535 (Addison) — 344, 379
 543 (Addison) — 36, 184
 557 (Addison) — 128, 303
 558, 559 (Addison) — 41, 78, 298, 309
 562 (Addison) — 311
 563 — 240
 564 — 310
 565 (Addison) — 337, 368
 569 (Addison) — 120, 239
 571 (Addison) — 312
 575 (Addison) — 331, 364
 584, 585 (Addison) — 252, 350
 587 — 42
 591 — 264
 621 — 39
 622 — 236
 625 — 122, 258
 626 (Grove) — 40
 627 — 259
 628 (Bland) — 14
 631 — 262
 634 — 263

THE SPECTATOR (London, №№ 636—698, 3 I—3 VIII 1715)

- 653 (Bond) — 80
 668 (Bond) — 47
 675 (Bond) — 260
 683—686 (Bond) — 45, 141
 691 (Bond) — 261
 H. y. — 139, 232, 265

THE TATLER (London, №№ 1—271, 12 IV 1709—2 I 1711)

- 13 (Steele) — 166
 23 (Steele) — 53
 25 (Steele) — 56
 81 (Addison) — 20
 82 (Steele) — 322, 385
 97 (Addison) — 208
 100 (Addison) — 43, 325, 361
 102 (Addison) — 44, 326, 361
 241 (Steele) — 9
 249 (Addison) — 85a

THE TOWN AND COUNTRY MAGAZINE (London, 1769—1796)

H. y. — 185

- X**, 1752, January, p. 1—4. Reflections on the value of human reason improved by the study of the arts and sciences — 23
 — p. 4—13. Observations on the infant state of man — 28
 — April, p. 155—157. On the vanity of desiring more than necessary — 46
XI, 1752, July, p. 24—29. Rustan and Mirza. An eastern tale — 296
 — p. 36—37. Historicus. Observations on the difference between the number of inhabitants which are now to be found on the earth, and those of former ages — 22
 — November, p. 201—203. On the necessity of improving every moment of our time — 72
XII, 1753, February, p. 71—72. Reflections on pleasure — 21
 — suppl., p. 308—313. An essay on the nature and consequences of ingratitude — 84
XIV, 1754, January, p. 8. Impudence and Modesty. An allegory — 149
 — May, p. 197—203. The dangerous consequences of bad habits, and of chusing reason instead of religion, for our guide — 167
XVI, 1755, February, p. 54—57 — 30
 — May, p. 223—227. Korem and Zendar — 152, 173
XVIII, 1756, February, p. 89—90. Relation of the late fire at Grand Cairo — 103
 — April, p. 161—163 — 102
XXI, 1757, July, p. 28—32. The ruins of Balbec — 104
XXIII, 1758, suppl., p. 345—347. On conscience, relatively to the wise conduct of providence in punishing guilt — 91, 190, 404
XXIV, 1759, January, p. 35—37. The kingdoms of Fame and Content — 92, 297
 — February, p. 75—77. The life of superior Magliabechi — 105
 — April, p. 177—184. The charms and reward of virtue in distress — 93
 — May, p. 238. An account of the History of Rasselas, Prince of Abissinia; p. 240—245. The History of Imlac; suppl., p. 355—356. Of the folly of associating with young men of spirit and gaiety, and the deceptions we are subject to in fancying some men wise and happy — 101
 — suppl., p. 367—368. On man's happiness — 100
XXV, 1759, July, p. 6—8. Of the reciprocal contempt of nations proceeding from their vanity — 109
 — p. 25—27. A glimpse of pastoral life, the danger of prosperity, and the happiness of solitude, with the history of a hermit — 101
XLVII, 1770, November, p. 238—240. Adventures of a pair of slippers — 163, 178, 270, 403
XLVIII, 1771, June, p. 285—286. Ardostan — 206
L, 1772, February, p. 63—65. The Contemplant — 182
LXIX, 1781, August, p. 57—64. Memoirs of the life of William Pitt, earl of Chatham, with an exact representation of the awful prelude to the death of that celebrated statesman — 216
LXXVIII, 1786, May, p. 260—264. Conrade; a German tale — 204
LXXIX, 1786, October, p. 172—173. A remarkable account of Henry Welby, esq., a very singular and extraordinary character, who lived forty-four years the life of a hermit, in the city of London — 188
 — p. 178. A curious account of the nervous system — 189
LXXX, 1787, May, p. 254—257. Scale of the virtues and vices that mark the moral obligations to benevolence (Bruce) — 205
H. y. — 186

THE WORLD (London, №№ 1—209, 11 I 1753—30 XII 1756)

- 4, 5** (E. Moore) — 222
84 (W. Duncombe) — 340, 375
92 (Chesterfield) — 161, 169
95 (Moore) — 328

- 113** (Chesterfield) — 168
126 — 324, 360
143 (Moore) — 282, 316, 354
197 (Chesterfield) — 151

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

- Барышек Всякой всячины — 136, 137
Беседующий гражданин — 215, 216
Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая, увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей — 230—281
Вечера — 142
Всякая всячина — 114—135
Городская и деревенская библиотека — 172, 173
Детское чтение для сердца и разума — 182—194
Доброе намерение — 86—110
Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах — 55—57
Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие — 16—20
Забава в скуке или Собрание разных анекдотов — 402
Забавный философ, или Собрание разных остроумновымышленных повестей — 315—349
Зеркало света — 195—202
Зрелище деяний человеческих, или Изображение удивительных происшествий — 404
Зритель мира и деяний человеческих — 353—386
Избранная библиотека арабских, турецких... и других повестей — 388—390
Иппокрена, или Утехи любословия — 302—314
Исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» — 1—8
Исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» (переиздание) — 110а, 110б
Лекарство от скуки и забот — 203, 204
Модное ежемесячное издание — 164, 165
Московский журнал — 217, 218
Московское ежемесячное издание — 166—171
Муза — 298
Наставник, или Всеобщая система воспитания — 400, 401
Небылицы в лицах, или Собрание увеселительных повестей — 403
Ни то, ни сию в прозе и стихах — 140
Новая сельская библиотека, или Отборные повести... — 350
Новости — 301
Новые ежемесячные сочинения — 205—213
Опыт трудов Вольного российского собрания — 143
Ог всего помаленьку, или Собрание философских, нравоучительных... материй — 351, 352
Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления — 391
Пантеон иностранной словесности — 405, 406
Покоящийся трудолюбец — 177—181
Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста — 392, 393
Полезное с приятным — 138, 139
Полезное увеселение — 81, 82
Праздное время, в пользу употребленное — 62—80
Примечания на «Ведомости» — 9—15
Примечания о разных материях — 111—113
Приятное и полезное препровождение времени — 282—297
Санкт-Петербургский вестник — 151—163
Санкт-Петербургский журнал — 300
Свободные часы — 84—85а
Собеседник любителей российского слова — 174—176
Собрание лучших сочинений к распространению знания и к производству удовольствия — 83
Собрание новостей — 144
Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие — 21—54
Трудолюбивая пчела — 58—61
Трудолюбивый муравей — 141
Уединенный кабинет, или Собрание для приятного и полезного чтения — 387
Утренние часы — 214
Утренний свет — 145—150
Учитель, или Всеобщая система воспитания — 398, 399
Цветник, или Собрание рассуждений... — 394—397
Чтение для вкуса, разума и чувствований — 219—229
Что-нибудь от безделья на досуге — 299

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1731 — 1—8	1777 — 145
1732 — 9—12	1778 — 146—153
1733 — 13	1779 — 154, 155, 164, 165
1734 — 14	1780 — 156—162, 407
1735 — 15	1781 — 163, 166—171, 350
1755 — 16, 17	1782 — 172, 173, 351
1756 — 18	1784 — 174—180, 353—386
1757 — 19, 20	1785 — 181, 182
1758 — 21, 22	1786 — 195—203, 352, 408
1759 — 23—28, 58—69	1787 — 204, 387
1760 — 29—37, 70—80	1788 — 205, 214, 388—397, 409
1761 — 38—44, 81, 82	1789 — 183—194, 215, 216, 398—400
1762 — 45—54, 83	1791 — 217—223
1763 — 55, 84—85 ^a	1792 — 206—208, 224, 401
1764 — 56, 57, 86—110	1793 — 225—257, 402, 403
1765 — 110 ^a , 110 ^b	1794 — 258—289
1766 — 111—113, 315—349	1795 — 209, 210, 289 ^a —292, 404
1769 — 114—135, 138—140	1796 — 211—213, 293, 298
1770 — 136, 137	1798 — 294—297, 299, 300, 405, 406
1771 — 141	1799 — 301—303
1772 — 142	1800 — 304—307
1775 — 143, 144	1801 — 308—314

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Андреев П. — 296	Лебедев В. И. — 39—44
Анненский Н. И. — 298	Лепехин П. И. — 209—211
Бантыш-Каменский Н. Н. — 141	Молчанов П. С. — 180
Благодаров Я. И. — 392, 393	Нартов А. А. — 18
Бобров С. С. — 215	Нахимов А. Н. — 303
Богданович П. И. — 197—201, 394—397	Осипов Н. П. — 299
Брянцев А. М. — 168, 169	Пастухов П. И. — 74, 75, 78, 79
Великий С. И. — 408, 409	Пермский М. — 85—110
Веревкин М. И. — 400, 401	Петров А. А. — 194, 398, 399
Выщеславцев М. М. — 282	Петров П. — 206
Голицына Е. М. — 181	Поленов В. — 207
Дашкова Е. Р. — 143	Порошин С. А. — 16
Дмитревский И. А. — 58, 60, 61	Рахманинов И. Г. — 387
Дмитриев И. И. — 286	Савин А. — 287
Домашнев С. Г. — 81, 82	Сантис — 208
Есипов А. — 173	Светов В. П. — 174, 176
Загорский Ф. — 290, 292, 293	Свиньина Е. П. — 289 ^a
Золотницкий В. Т. — 83	Сичкарев Л. И. — 315—349, 353—386
Карамзин Н. М. — 291, 405, 406	Сумароков А. П. — 59
Кириченко-Остромов К. — 312	Татищев И. И. — 308
Козицкий Г. В. — 19	Харламов Е. С. — 350
Костин М. — 156, 157	Хлюстин Н. — 295, 297
Лабзин А. Ф. — 289	Черкасов И. И. — 17
Лазинский Ф. — 140	

ВОЛЬТЕР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XVIII ВЕКА

Среди французских просветителей, оказавших наибольшее воздействие на русскую общественную мысль и литературу XVIII века, центральное место, несомненно, принадлежит Вольтеру. Один из величайших мыслителей и писателей Франции, он на протяжении многих десятилетий был и для русских людей, по выражению одного из современников, «альфой и омегой всякого знания и всякой премудрости». Вольтера читали в подлиннике, переводили, о нем писали, у него учились, ему подражали; у него было множество русских истолкователей, единомышленников, последователей, а также друзей и знакомых, состоявших с ним в переписке и приезжавших к нему в Ферней.

Именно эти личные связи Вольтера с представителями образованного русского общества и привлекли к себе в первую очередь издателей, литераторов, историков: еще в самом начале прошлого столетия была у нас издана (в переводе) переписка «фернейского патриарха» с Екатериной II и его письма к И. И. Шувалову и «некоторым другим российским вельможам».¹ Обширный цикл русских вольтеровских публикаций появился во второй половине XIX века, когда в сравнительно короткий срок увидели свет многие письма Вольтера к его русским корреспондентам² и письма

¹ *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Волтером*. СПб., 1802; *Исторические записки о достопамятных и важнейших происшествиях, касающихся до жизни г. Волтера, писанные им самим, с присовокуплением писем его к некоторым знаменитым российским вельможам*. М., 1807 (в издании 1808 года вторая часть озаглавлена: *Письма г. Волтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773*).

² *Mémoires de la princesse Daschkoff*, v. III. Paris, 1859, pp. 247—249; «Русский архив», 1864, № 1, стр. 31—41; *Архив кн. Воронцова*, кн. 5, т. 1, М., 1872, стр. 445—457; *Сборник имп. Русского исторического общества*, т. XV, 1875, стр. 618—639; *Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел*, вып. 2, М., 1881, стр. 71—79.

к нему А. П. Шувалова, И. И. Бецкого, А. Р. Воронцова и др.³ Интенсивное выявление материалов такого рода продолжалось и позднее.⁴ Одновременно публиковались также воспоминания русских путешественников об их встречах с «фернейским отшельником»,⁵ и на этой двойной основе — вновь обнаруженных мемуарных и эпистолярных текстов — возникали любопытные исторические этюды о русских «учениках» и поклонниках Вольтера.⁶

Между тем при всей важности подобных разысканий они в сущности затрагивают лишь один и притом второстепенный аспект первоначальной истории «русского Вольтера», основное содержание которой составляет, конечно, восприятие и усвоение в России XVIII века вольтеровского творчества, а также его воздействие на русскую культуру.

Первому из названных вопросов и посвящена настоящая работа, целью которой, следовательно, является изучение ранних русских переводов из Вольтера и некоторых ранних откликов на события его жизни и литературную деятельность, появившихся в русской печати.⁷ Что же касается второго — несравненно более

³ «Русский архив», 1886, № 6, стр. 145—156.

⁴ М. Р. А л е х е е в. Voltaire et Schouvaloff. Fragments d'une correspondance franco-russe au XVIII siècle. Odessa, 1928; «Revue de littérature comparée», 1931, № 2, р. 271; В. С. Л ю б л и н с к и й. Наследие Вольтера в СССР. «Литературное наследство», т. 29—30, М., 1937, стр. 3—200; Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. Публ., ввводн. статьи и примеч. В. С. Люблинского. М.—Л., 1956.

⁵ Mémoires de la princesse Daschkoff, v. II. 1859, pp. 8—10; Записки графа А. Р. Воронцова. «Русский архив», 1883, № 2, стр. 270—271; ср.: Архив кн. Воронцова, кн. 5, ч. 1, стр. 63—65.

⁶ Д. Ф. К о б е к о. Ученик Вольтера. Граф А. П. Шувалов. (1744—1789). «Русский архив», 1881, № 2, стр. 241—290; L. P i n g a u d. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886, ch. II; Л. Б. М о д з а л е в с к и й. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков... В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева, Изд. ЛГУ, 1947, стр. 174—184; Л. В. К р е с т о в а. С. П. Румянцев — писатель и публицист (1755—1838). В сб.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма, М.—Л., 1964, стр. 91—98.

⁷ Основная литература вопроса: Энциклопедический лексикон, т. XI. СПб., 1838, стр. 416—418; Д. Д. Я з ы к о в. Вольтер в русской литературе. В кн.: Под знаменем науки. Сборник в честь Н. И. Стороженко. М., 1902, стр. 696—714; E. N a u m a n t. La culture française en Russie. (1700—1900). Paris, 1910, ch. IX; В. В. С и п о в с к и й. Из истории русской мысли XVIII—XIX вв. (Русское вольтерьянство). «Голос минувшего», 1914, кн. I, стр. 105—131; К. Н. Б е р к о в а. Вольтер. 1931, стр. 207—219; К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер. М.—Л., 1946, стр. 60, 69—70, 351, 385, 387—388, 469—470; П. Н. Б е р к о в. Из русских откликов на смерть Вольтера. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева, Изд. ЛГУ, 1947, стр. 197—201; М. В. Н е ч к и н а. Вольтер и русское общество. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 59—93; M. N e t c h k i n e. Voltaire en Russie «Annales historiques de la Révolution française», 1953, juillet—septembre, № 132, pp. 193—216; М. П. А л е к с е е в. Библиотека Вольтера в России. В кн.: Библиотека Вольтера. М.—Л., 1961, стр. 7—67; V. A. T u m i n s. Voltaire and the rise of Russian drama. In: Studies on Voltaire and the eighteenth century, ed. by Besterman, v. XXVII. Les Délices—Genève, 1963, pp. 1689—1701; В. С. Л ю б л и н с к и й. Петербург-

сложного и менее разработанного вопроса, то он заслуживает специального рассмотрения в другом месте.

I

Первым русским писателем, обратившимся к творчеству Вольтера, был, как известно, Антиох Кантемир. Один из образованнейших людей своего времени, владевший многими иностранными языками, он внимательно следил за современной западноевропейской литературой. В его обширной библиотеке наряду с книгами по филологии, истории, философии, географии, медицине и точным наукам, наряду с произведениями древних авторов (Гомер, Еврипид, Анакреонт, Цицерон, Овидий, Гораций, Сенека) и великих писателей нового времени (Данте, Петрарка, Тассо, Ариосто, Боккаччо, Сервантес, Мильтон, Монтень, Паскаль, Корнель, Буало, Расин) были также сочинения его современников — Попа, Метастазιο, Лесажа, Ж.-Б. Руссо, Прево, Нивеля де ля Шоссе и других.⁸ С целым рядом писателей — итальянских, английских, французских — Кантемира связывало и личное знакомство: последние двенадцать лет его жизни прошли в Лондоне и Париже, где он находился в качестве русского дипломатического представителя («резидента»)⁹.

Вольтер не принадлежал к числу друзей русского поэта. Высказывания о нем Кантемира (впрочем, немногочисленные) свидетельствуют скорее об обратном. Еще в начале 1730-х годов (лондонский период), возможно, под воздействием Паоло Ролли, автора полемических «Замечаний», направленных против «Опыта об эпической поэзии» Вольтера,¹⁰ Кантемир весьма критически отзываясь о его «Истории Карла XII», а несколько позднее — о его намерении заняться философией Ньютона.¹¹ Между тем дошедшая до нас переписка Кантемира с Вольтером имеет характер ученый и деловой и выдержана в почтительных, но далеко не дружеских тонах.¹²

ские друзья и недруги Вольтера. В сб.: Русско-европейские литературные связи, М.—Л., 1966, стр. 96—104; см. также набросок доклада «Вольтер в России» П. А. Картавова (ГПБ, Архив П. А. Картавова, № 15, 13 лл.).

⁸ См.: В. Н. Александренко. К биографии князя Кантемира. «Варшавск. унив. изв.», 1896, вып. II, стр. 1—24, вып. III, стр. 25—46.

⁹ См.: В. Н. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. I. Варшава, 1897; M. Ehrhard. Le prince Cantemir à Paris. (1738—1744). Paris, 1938; М. П. Алексеев. Монтескье и Кантемир. «Вестн. ЛГУ», № 6, сер. обществ. наук, 1955, стр. 55—78.

¹⁰ См.: V. Boss. Kantemir and Rolli-Milton's «Il Paradiso perduto». «Slavic Review», 1962, September, pp. 446—447.

¹¹ См.: Ф. Я. Прийма. Антиох Кантемир и его французские литературные связи. «Русская литература. Тр. Отд. нов. русск. лит. ИРЛИ АН СССР», вып. 1, М.—Л., 1957, стр. 20—21.

¹² См.: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. 136—142; Ф. Я. Прийма. Антиох Кантемир и его фран-

И тем не менее знаток и вдумчивый ценитель литературы Кантемир не смог равнодушно пройти мимо такого поэта, как Вольтер. На это указывает и наличие в его библиотеке (помимо «Истории Карла XII» и «Основ философии Ньютона») собрания сочинений Вольтера, а также трагедии «Меропа», и в особенности — сделанный им незадолго до смерти перевод на русский язык стихотворения «Два рода любви» («Les deux amours»).

Впервые это стихотворение появилось в «Mercure de France» (июнь 1725); в 1733 году оно было там опубликовано вновь, а впоследствии часто включалось в собрание сочинений Вольтера. Вошло оно и в «Oeuvres de M. de Voltaire» 1740 года (контрафакция амстердамского издания 1738—1739 гг.), где его и обнаружил Кантемир, по-видимому с сочувствием относившийся к галантному жанру и кстати сам отдавший ему дань сочинением мадригала на французском языке.¹³ В письме из Парижа к гр. М. Л. Воронцову от 6 (17) октября 1743 года он «для забавы» своего покровителя привел текст этих «изрядных стишков» и их поэтический перевод под названием «Стихи Волтеровы о двух любвях к госпоже де***» (т. е. маркизе де Рюппельмонд).¹⁴ Правда, по сообщению комментатора, «стихи эти приложены на особом листке и не рукою князя Кантемира». Но в его эпистолярной практике это случай не редкий, а, кроме того, о принадлежности перевода Кантемиру убедительно свидетельствует его стихотворный метр.

Десятисложник Вольтера передан в переводе Кантемира с помощью тринадцатисложного силлабического стиха, которым написаны все его сатиры, «Петрида», басни и т. д. Более того, самое построение каждого стиха в точности соответствует правилу, изложенному им в «Письме Харитона Макентина» (1743). По мысли Кантемира, стих состоит из двух полустиший, причем первое непременно должно иметь или мужское, или дактилическое окончание.¹⁵ В конце жизни Кантемир следует этому правилу с большой тщательностью. Исходя из этой точки зрения, он перерабатывает стихи, написанные ранее, и создает новые, среди которых и перевод стихотворения о «двух любвях».

Что же касается соотношения перевода с подлинником, то за исключением нескольких деталей, он довольно точен. Лишь последнее двустишие, весьма лаконичное у Вольтера, передано

дузские литературные связи, стр. 21—29. Ср.: Новые тексты переписки Вольтера, стр. 306; Voltaire's Correspondence, v. IX, Les Délices—Genève, 1954, pp. 29, 103—104. — Об этом см. подробнее: Н. G r a s s h o f f. A. D. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966, SS. 193—195.

¹³ Об этом см.: G. Lozinskij. Le prince Antioche Cantemir, poète français. «Revue des études slaves», 1925, t. 5, pp. 238—243.

¹⁴ Архив кн. Воронцова, кн. 1, М., 1870, стр. 371—372.

¹⁵ См.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956, стр. 414—415, 439—441.

Кантемиром несколько тяжеловесно, с добавлением «от себя» двух объяснительных строк:

Сея богини готов следовать я зная.
Она мною властвовать самовластно сильна
И подвластным ей мое сердце склонно быти,
Но для тебя лишь одной хочу ей служитьи.

Ср.:

Voilà le Dieu que mon coeur veut pour maître,
Et je ne veux le servir que pour vous.¹⁶

Перевод Кантемира предназначался для одного человека и в лучшем случае мог стать достоянием узкого круга людей. Погребенный среди бумаг огромного архива, он до 1870 года оставался неизвестным даже специалистам. Но его историко-литературное значение несомненно: то была первая и в целом удачная попытка «преложить» на русский язык одно из сочинений еще мало известного тогда в России «господина де Вольтера».

Во многом сходной оказалась также судьба другого раннего русского перевода из Вольтера, автором которого был М. В. Ломоносов. «Вольтерова муза» и самая личность его не вызывала особой симпатии русского поэта. Однако за творчеством «фернейского отшельника» он внимательно следил, что подтверждается целым рядом фактов. Так, несколько сочинений Вольтера фигурирует в двух из четырех дошедших до нас списков книг, составленных Ломоносовым;¹⁷ по крайней мере одно из названных там произведений — комедия «La femme qui a raison» — находилось в его личной библиотеке;¹⁸ на Вольтера Ломоносов ссылался в «127 заметках по физике»¹⁹ и т. д.

Характерным свидетельством этого настороженного, подчас смешанного с раздражением и даже возмущением интереса к Вольтеру является отзыв Ломоносова (в письме И. И. Шувалову от 3 октября 1752 г.) о его стихотворном послании кардиналу Джироламо Квирини, незадолго до того появившемся в свет.²⁰

¹⁶ Здесь и далее цитаты из произведений Вольтера даются по изданию Л. Молана: *Voltaire, Oeuvres complètes, Nouvelle édition, Garnier frères, Paris, 1877—1885, 52 vv.*

¹⁷ См.: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961, стр. 428, 431.

¹⁸ Там же, стр. 343—344.

¹⁹ Там же, стр. 134—135.

²⁰ Ввиду того, что в первой публикации письма (Я. К. Грот. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову. В кн.: Материалы для истории русского образования. Прилож. к I тому «Зап. имп. Акад. наук», СПб., 1862, стр. 23) и при его перепечатке в Полном собрании сочинений Ломоносова в десяти томах (М.—Л., 1950—1957; т. 6, стр. 524) слова эти ошибочно

«Не могу преминуть, — писал он, — чтоб вашему превосходительству не прислать Волтеровой музы нового исчадия, которое объявляет, что он и его государь безбожник, и то ему в похвалу приписать не стыдится перед всем светом. Приличнее примера натти во всех Волтеровых сочинениях невозможно, где бы виднее было его полоумное остроумие, бессовестная честность и ругательная хвала, как в сей панегирический пасквиле, которую, на ваше пронизательное рассуждение отдав, с глубоким почитанием непременно пребываю».²¹

Неприятнь Ломоносова обнаруживается здесь с предельной ясностью. Но вместе с тем весьма показательно и упоминание обо «всех Волтеровых сочинениях». Разумеется, это не означает знакомства русского поэта со всем, что к тому времени вышло из-под пера Вольтера, но опровергать это утверждение совершенно тоже едва ли возможно. По-видимому, Ломоносов действительно знал многое из написанного Вольтером, причем источником его осведомленности были как печатные издания, так и списки, имевшие широкое распространение на протяжении всего XVIII века. К списку восходил и единственный перевод Ломоносова из Вольтера.

Речь идет о стихотворении «Au roi de Prusse», написанном не позднее ноября 1756 года. Это произведение долгое время оставалось неизданным, да и принадлежность его Вольтеру вызывала сомнения. В немалой степени этому способствовал и сам Вольтер, всячески пытавшийся доказать свою полную непричастность к «кровавым стихам», направленным против его бывшего покровителя и «друга».²² Но несмотря на все его старания, современ-

отнесены к стихотворению «Au roi de Prusse» («On dit que tout prédicateur...»), приводим несколько извлечений из послания к кардиналу Квирини:

Eloigné des murs de Sion
Je gémiss en bon catholique.
Hélas, mon prince est hérétique
Et n'a point de dévotion.
Je vois avec componction
Que dans l'inférieure séquelle
Il sera près de Cicéron
Ou d'Aristide, ou de Platon
Ou vis à vis de Marc Aurele...
Mais surtout que je suis fâché
De le voir toujours entiché
De l'énorme et cruel péché
Que l'on nomme la tolérance.
Pour moi je frémis quand je pense
Que le musulman, le payen,
Le quacre, le luthérien,
L'enfant de Genève et de Rome
Chez lui tout est reçu si bien
Pourvu que l'on soit honnête homme.

(Voltaire's Correspondence,
v. XX, 1956, pp. 165—166).

²¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 473—474.

²² См.: Voltaire's Correspondence, v. XXX, 1958, pp. 194, 207—209 (письма №№ 6361, 6374, 6375).

ники неизменно связывали стихотворение с именем Вольтера. Во всяком случае, когда М. Л. Воронцов, посылая перевод Ломоносова в Париж Ф. Д. Бехтееву, поинтересовался, является ли Вольтер его автором («При сем же для любопытства вашего посылаю недавно полученные здесь вирши, якобы от господина Вольтера сделанные и чрез господина Ломоносова на русские переложенные; а правда ли, что оные от Вольтера сочинены, о том вы лутче сведать можете»),²³ тот ответил весьма решительно: «Оные действительно сим славным стихотворцем сочинены, и мы их здесь уже с полтора месяца имеем».²⁴

Стихотворение Вольтера сразу же стало известно в Петербурге, и вскоре к нему обратился Ломоносов. При переводе русский поэт стремился по возможности точно следовать оригиналу. Он не внес в текст сколько-нибудь существенных изменений, не считая вольной передачи нескольких строк — в одном случае²⁵ и пропуска двух стихов — в другом.²⁶ По-видимому, он в основном был согласен с Вольтером и рассматривал это «преложение» как свой ответ на вероломство Фридриха II, как выражение собственных патриотических чувств.²⁷ По всей вероятности, именно так стихотворение было воспринято в русских читательских кругах, где оно, подобно оригиналу во Франции, распространялось в списках, — очевидно, не без успеха. Не случайно, что М. Л. Воронцов столь поспешно сообщил ломоносовский перевод в Париж.

Заключительная «встреча» писателей состоялась позднее, в связи с работой Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом». Начиная с 1757 года Ломоносов деятельно участвовал в подготовке материалов по истории и географии России, которые затем при содействии И. И. Шувалова пересылались Вольтеру.²⁸ В числе других он высказал также немало критиче-

---

²³ Письмо от 21 декабря 1756 года (Архив кн. Воронцова, кн. 33, 1887, стр. 212).

²⁴ Письмо от 17 января 1757 года (там же, кн. 3, 1871, стр. 237).

²⁵

La Chicane à tes pieds avait mordu l'arène,
Et ce monstre chassé du palais de Thémis,
Du timide orphelin n'excitait plus les cris.

(Ср. М. В. Ломоносов,
Полн. собр. соч., т. 8, стр.
616).

²⁶

Tu n'es plus ce héros, ce sage couronné
Entouré des beaux-arts, suivi de la victoire.

(Ср. М. В. Ломоносов,
Полн. собр. соч., т. 8, стр.
617).

²⁷ Об этом подробнее см.: И. Э. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 80—81.

²⁸ Показательно, что именно к этому периоду (1758) относится рекомендация Ломоносова (в проекте регламента академической гимназии) — для овладения французским языком «читать и толковать... в стихах — Мольера, Расина и Вольтера» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 303, 495).

ских суждений о рукописи первого тома вольтеровского труда. Однако воспользовались некоторыми из этих замечаний, Вольтер, как известно, в целом отнесся к ним довольно пренебрежительно, что, конечно, не могло не обидеть Ломоносова. Во всяком случае, в подготовке второго тома «Истории» он никакого участия не принимал.²⁹

К 1760 году, когда закончился этот эпизод, имя Вольтера было уже сравнительно хорошо знакомо русской читающей публике, причем главным источником такого рода информации служила периодическая печать. Правда, первоначально это был петербургский журнал на французском языке.

* * *

7 февраля 1755 года в канцелярию Академии наук было представлено «доношение» следующего содержания: «Намерение я имею издавать здесь в Санкт-Петербурге всякую неделю печатный лист на французском языке под именем Хамелеон Литерер, в котором вносятся имеют такие сочинения, которые не будут касаться ни до чего того, чтобы противно быть могло закону церковному и гражданскому; но то только одно, что служит к пользе и увеселению охотникам к наукам. Того ради канцелярию Академии наук покорно прошу, дабы приказано было кому надлежит принимать от меня присылаемые в печать листы всякую неделю, которых имеет выходить по триста экземпляров на Любской бумаге. А я имею все сие производить на мой собственный кошт и платить буду помесечно. О сем доносит Le C. de L.»³⁰ Далее следовала подпись — «Chevalier Dulussy» и ее перевод — «шевалье Дюлюссий».

Теодор-Анри Чуди (1720—1769), известный также под именем кавалера Дюлюсси или де Люсси, прибыл в Петербург в конце 1753—начале 1754 года. Вскоре он обратил на себя внимание И. И. Шувалова и сделался его личным секретарем. В 1755 году при несомненном содействии своего всемогущего покровителя он предпринял издание журнала на французском языке

---

²⁹ См. письма Ломоносова № 52, 55, 62 (Полн. собр. соч., т. 10); см. также: E. Smuglo. Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand». Prague, 1929; Ф. Я. Прийма. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера. В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 170—186; Л. Ланжевен. Ломоносов и французская культура XVIII в. В кн.: М. В. Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.—Л., 1965, стр. 48—49; Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова. Источники вольтеровской «Истории Петра». «Французский ежегодник. 1964», М., 1965, стр. 274—278.

³⁰ М. Н. Попова. Теодор-Генрих Чуди и основанный им в 1755 году журнал «Le Caméléon littéraire». «Изв. АН СССР», сер. VII, Отд. гуманитар. наук, 1929, № 1, стр. 23.

«Le Caméléon littéraire»; первый выпуск которого помечен 5 января 1755 года. Сначала журнал был рукописным; лишь с шестого номера, после выполнения всех необходимых формальностей (к их числу относилось и приведенное выше «доношение») «Le Caméléon littéraire» стал печататься (тиражом в 312 экз.) в академической типографии, причем впоследствии были отпечатаны и первые пять номеров, распространявшихся в списках.

Журнал выходил на протяжении года (его последний, 49-й выпуск датирован 14 декабря 1755 года). За это время на его страницах было опубликовано около двухсот сочинений самых разных жанров — художественных произведений, в прозе и стихах, речей, философских рассуждений, ученых статей, хроникальных сведений, загадок и т. п. Большое внимание уделялось в журнале литературным событиям и спорам, в особенности происходившим во Франции, которая, естественно, больше других стран интересовала кавалера де Люсси. Но писать о французской литературной жизни 1750-х годов значило в первую очередь, конечно, писать о Вольтере, который был наиболее значительной ее фигурой, вызывавшей и самые сильные восторги, и самые жестокие нападки. С одним из таких антивольтеровских выступлений и было связано первое упоминание имени писателя в «Le Caméléon littéraire».

Речь шла о полемике Вольтера с Лораном-Ангильвелем де Лабомелем (1727—1773).³¹ Возникшая на рубеже 40—50-х годов, эта полемика особенно обострилась после выхода в свет «Века Людовика XIV» (1753), на который Лабомель ответил потоком критических суждений, время от времени переходивших в откровенную брань; причем все эти замечания без ведома Вольтера были включены в расширенное (франкфуртское) издание его труда (1753). Вольтер не заставил себя долго ждать: в том же году он опубликовал «Дополнения к Веку Людовика XIV», направленные главным образом против Лабомеля, а уже в апреле следующего года Лабомель напечатал свой ответ — 24 письма к Вольтеру, в которых всячески поносил противника, называя его сочинение «сатирой, доведенной до нелепого», «лживой филиппикой» и «грязной инвективой».³²

5 января 1755 года «Le Caméléon littéraire» напомнил читателям о споре Вольтера с Лабомелем. При этом журнал старался по возможности сохранить объективность и не обнаруживать сочувствия ни одной из сражавшихся сторон. Он даже отдавал

---

³¹ См.: Ch. Nisard. Les ennemis de Voltaire. Paris, 1853, pp. 319—400; Л. С. Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII века). «Французский ежегодник. 1959», М., 1960, стр. 106—108.

³² Lettres de Monsieur de la Beaumelle à M. de Voltaire. Londres, 1763, p. 9; см.: A. Taphanel. La Beaumelle à Copenhague. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1895, pp. 201—220.

должное стилю Лабомеля. Но все его симпатии, несомненно, принадлежали Вольтеру. «Не вам цензорским тоном критиковать произведения Аруэ...», — писал он, имея в виду заключительные письма Лабомеля, где он весьма решительно расправлялся едва ли не со всем творчеством Вольтера. — По сравнению с г-ном де Вольтером вы — то же, что одна геометрическая точка по отношению к 1000».³³ И далее настойчиво советовал ему соблюдать осторожность, нападая на Вольтера, который в конце концов всегда одержит верх: слишком уж велико его превосходство по части ума, знаний, заслуг и таланта.³⁴

Вскоре журнал опять обратился к Вольтеру, но на этот раз уже в иной связи. Теперь его внимание привлёк вновь разгоревшийся старый спор Вольтера с Кребильоном, восходивший ещё к концу 1740-х годов, когда «в ответ» на «Семирамиду» Кребильона (1747) Вольтер создал собственную трагедию на тот же сюжет, противопоставив тем самым новаторское понимание трагедийного жанра обветшалым драматургическим принципам своего престарелого литературного врага. Следующим этапом этой весьма напряженной полемики была постановка вольтеровского «Ореста» (1750), явившегося ответом на «Электру» Кребильона (1708). Затем последовал «Спасенный Рим, или Катилина» (1752), противопоставленный «Катилине» Кребильона (1748). На этом, однако, война не прекратилась. В 1754 году Кребильон завершил свою последнюю трагедию «Триумвират, или Смерть Цицерона», а вскоре стало известно, что Вольтер готовится принять и этот вызов.³⁵

Подобное событие не могло пройти мимо издателя «Le Caméléon littéraire». «Из Парижа пишут, — сообщил журнал 12 января 1755 года, — что в ближайшее время гг. Вольтер и Кребильон оба собираются представить на рассмотрение Французского театра новые трагедии на один и тот же сюжет, хотя и по-разному озаглавленные. Г-н де Кребильон назвал свою пьесу „Триумвират“, Вольтер — „Смерть Цицерона“. Публика с нетерпением ожидает эти сочинения. Созданные рукой мастера, они могут оказаться в равной мере прекрасными, хотя и каждое в своем роде».³⁶ Не обнаруживая собственного отношения к участникам этого литературного сражения, «Le Caméléon littéraire» ограничился лишь общим замечанием об огромной пользе таких «состязаний ума и таланта», особенно в тех случаях, когда «оба аглета обладают приблизительно одинаковой силой».³⁷ «Человеческое воображе-

³³ «Le Caméléon littéraire», 1755, р. 4.

³⁴ Там же; см.: S. L e n e l. Un ennemi de Voltaire: La Beaumelle. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1913, pp. 101—132; 1914, pp. 641—675; 1916, pp. 163—210.

³⁵ Об этом см.: К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер, стр. 358—363.

³⁶ «Le Caméléon littéraire», 1755, р. 38.

³⁷ Там же.

ние, — аргументировал он свою мысль, — почти безгранично и может варьировать один и тот же сюжет на тысячу разных ладов». ³⁸ Но эти ожидания оправдались лишь отчасти. Пьеса Кребиллона, представленная 23 декабря 1754 года, большого успеха не имела, и даже в весьма сочувственной рецензии на первый спектакль, напечатанной в «Mercure de France», Луи де Буасси уподобил талант драматурга свету угасающего солнца. ³⁹

Ориентируясь на подобные высказывания, «Le Caméléon littéraire» 9 февраля известил читателей, что новая пьеса Кребиллона «холодна и совсем не интересна» («Гора родила мышь»). ⁴⁰ Когда же эта трагедия была напечатана, точка зрения журнала несколько изменилась. «Как много недостатков, — восклицал автор статьи, — но как много и красот!». ⁴¹ Однако от безоговорочного восхищения трагедией он был по-прежнему далек, в душе несомненно сочувствуя Вольтеру.

Позднее, «Le Caméléon littéraire» выступает в поддержку Вольтера по самым разным поводам. Так, в связи с попытками писателя внести некоторые изменения во французскую орфографию журнал поместил «Апологию», в которой, между прочим, говорилось: «Выдающиеся заслуги господина де В<ольтера> общеизвестны, но в пользу его орфографии я решаюсь выступить отнюдь не в силу моего восхищения великим человеком. Можно быть превосходным поэтом, хорошим историком, талантливым философом и притом не знать досконально орфографических правил. Это сфера грамматиста. И в таком случае господин де В<ольтер> все равно был бы великим человеком. Следовательно, мною руководит не пристрастность и не предубеждение, и убедить меня может лишь очевидность фактов. Именно так и обстоит дело с новой методой, защиту которой я предпринимаю». ⁴²

Другим поводом явилось вольтеровское «Рассуждение о древней и новой трагедии», предпосланное «Семирамиде». Изданное в 1748 году, это рассуждение уже давно перестало быть литературной новинкой. Однако придавая ему большое значение и вместе с тем не без оснований считая, что в России оно доступно немногим, кавалер де Люсси подробно изложил его в одной из статей своего журнала. По его мнению, это предисловие Вольтера давало точное представление о прогрессе драматического и театрального искусства со времен античности, по справедливости оценивая достижения каждой из эпох, в том числе и новейшей, т. е. XVIII века. ⁴³

³⁸ Там же.

³⁹ P. Crébillon, Oeuvres, t. 3, Londres, 1785, p. 256.

⁴⁰ «Le Caméléon littéraire», 1755, pp. 129—130.

⁴¹ Там же, стр. 293.

⁴² Там же, стр. 169—170. Об этом см.: A. François. Histoire de la langue française cultivée dès origines à nos jours, t. II. Genève, 1959, pp. 32—33.

⁴³ «Le Caméléon littéraire», 1755, p. 336.

По-видимому, столь откровенное сочувствие Вольтеру в конце концов вызвало недовольство каких-то его противников во Франции, но возможно также и в России, хотя число последних едва ли могло быть особенно велико. Пытаясь опровергнуть обвинение в «слепом патриотизме» и доказать свою беспристрастность, кавалер де Люсси сам выступил с критикой Вольтера, впрочем весьма умеренной и осторожной. Певец Генриха IV и автор «Заиры» был, с его точки зрения, недобросовестным историком. По всей вероятности, это нелестное высказывание относилось к «Анекдотам о царе Петре Великом» (1748), где было приведено немало фантастических сведений и резко отрицательных суждений о жизни и деятельности русского царя. «Имя Петра — наставительно замечал по этому поводу автор статьи, — слишком уважаемо и священо, чтобы осмеливаться говорить о нем что-либо, не соответствующее правде».⁴⁴ Но обвинения в вольтеромании не прекратились, и вскоре кавалеру де Люсси снова пришлось вступить в объяснения со своими критиками. Констатируя с сожалением, что издание журнала оказалось столь трудным делом, он категорически отвергал все подобные упреки. Признание достоинств «Смерти Цицерона», пояснял он свою позицию, отнюдь не означает восторженного одобрения вольтеровского творчества вообще: «Меня трогает истинно прекрасное и коробит от лживого и пошлого, первым я восхищаюсь, ко второму — беспощаден».⁴⁵ И далее иронически восклицал: «Ну что ж! Отныне я стану утверждать, что „Катилина“ лучше „Спасенного Рима“, что „Радамист“ — выше „Заиры“. Мне не поверят, но что же делать, в таком случае я не буду говорить вообще, это слишком опасно».⁴⁶

Однако своего обещания кавалер де Люсси не сдержал. Имя Вольтера с сочувствием упоминается в «Le Caméléon littéraire» и в дальнейшем, а в выпусках от 12 октября и 14 декабря 1755 года охарактеризована трагедия «Китайский сирота», незадолго до того (20 августа 1755 г.) представленная на сцене Французского театра, но разбор этот не был завершен из-за прекращения журнала.

Таким образом, за сравнительно недолгое время своего существования «Le Caméléon littéraire» в значительной степени способствовал знакомству русских читателей с Вольтером. И хотя журнал не напечатал ни одного вольтеровского сочинения и даже число цитат из них было не очень велико, представления об этом самом знаменитом из современных французских писателей благодаря журналу расширялись и углублялись. Впервые с такой полнотой русской образованной публике стали доступными сведения

---

⁴⁴ Там же, стр. 146—147.

⁴⁵ Там же, стр. 305—306.

⁴⁶ Там же, стр. 306.

о ранних и только что созданных произведениях Вольтера, о его эстетических принципах, о его участии в современных общественно-литературных спорах. Теперь, когда имя Вольтера приобрело в России несколько большую известность, появилась возможность познакомить с его творчеством и тех, кто читает по-французски с трудом или не читает вовсе. Иными словами, «Le Caméléon littéraire» в какой-то мере подготовил первые русские переводы из Вольтера, появившиеся на страницах «Ежемесячных сочинений», первого академического журнала, рассчитанного на сравнительно широкий читательский круг.

Мысль о необходимости подобного издания принадлежала Ломоносову, который впервые высказал ее в письме к И. И. Шувалову от 3 января 1754 г.⁴⁷ 23 ноября того же года вопрос был предложен на рассмотрение Академической конференции, которая одобрила представленный проект и после длительных дебатов определила характер издания и выработала его программу.⁴⁸ В январе 1755 года первая книжка журнала появилась в свет.

Открывалась она пространным предуведомлением, автором которого был академик Г.-Ф. Миллер, бессменный редактор журнала с момента его основания до 1765 года. «Пользу ученых журналов и подобных тому записок, — писал Миллер, издаваемых в почтовые дни, понедельно и помесечно, выхвалять, кажется, нет нужды. Все европейские народы в том согласны и доказывают сие бесчисленными примерами... Такое полезное дело ныне... к общему удовольствию учреждено паки. Члены Академии, ничего так не желая, как чтоб Российскому государству и народу трудами своими приносить действительную пользу и сколько возможно возбудить во всех удовольствие, какое производит знание наук, всеми силами стараться будут заслужить себе похвалу у читателей».⁴⁹ Программа журнала была весьма разнообразной. В нем предполагалось печатать «всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут»:⁵⁰ ученые известия, статьи по прикладным дисциплинам, «экстракты», из летописей, старинных грамот и архивных дел, наконец беллетристические произведения всевозможных жанров (стихотворения, нравоучительные притчи, сны, повести и «подобные тому описания»).

«Изображенные таким простым слогом (т. е. прозой, — П. З.) пиитические вымышления, — пояснял свою точку зрения Миллер, — не меньше полезны, коль и приятны. Того ради намерены

⁴⁷ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 498.

⁴⁸ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 77—86. См. также: П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. Сборник статей, читанных в Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, СПб., 1867, т. II, № 4, стр. 3—9.

⁴⁹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, генварь, стр. 3—5.

⁵⁰ Там же, стр. 5.

мы временем сообщать и такие сочинения, а притом чаем, что и переводы всяких полезных и приятных материй, взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям. Довольно, ... когда все, взятое из тех книг, содержать будет очевидную пользу».⁵¹ К «материям» этого рода и относились философские повести Вольтера «Мемнон, или Человеческая мудрость» (1747), «Задиг, или Судьба» (1748) и «Микромегас» (1752), помещенные в «Ежемесячных сочинениях» 1756—1759 годов.

Их увлекательность, остроумие и вместе с тем злободневная «философичность» вполне отвечали задачам журнала, целью которого было не только учить, но и развлекать, а точнее — развлекать и учить одновременно. Правда, до русского читателя они доходили отнюдь не в первоизданном виде: при переводе текст их подвергся всякого рода изменениям и исправлениям, в которых отчетливо отразились и требования редактора «Ежемесячных сочинений», и вкусы привлеченных им переводчиков, а также их познания во французском и русском языках.

Первым по времени был напечатан перевод «Микромегаса» (январь 1756), автором которого иногда называют Александра Романовича Воронцова.⁵² Сходство этого перевода — по языку и манере — и перевода вольтеровского «Мемнона», опубликованного несколько позднее с прозрачной криптонимической подписью А. В., отчасти подтверждает эту мысль, но для окончательного решения вопроса недостает более точных данных. Впрочем, кто бы ни был автором этого перевода, его одаренность несомненна: им удачно переданы не только многие смысловые нюансы, но и некоторые особенности вольтеровского стиля.

По всей вероятности, наибольшую трудность для переводчика представляла французская естественнонаучная терминология, которой обильно уснащена и авторская речь, и речь обоих «космических» героев. Правда, в целом ряде случаев он мог опереться на сложившуюся или, точнее, складывавшуюся тогда традицию, у истоков которой стоял Ломоносов.⁵³ Однако далеко не каждый встретившийся у Вольтера термин был переводчику понятен и тем более не всегда ему был известен его русский эквивалент. Поэтому термины, переведенные до него, он подчас переводил заново — с большим или меньшим успехом. Так, наряду с упо-

---

⁵¹ Там же, стр. 8—9.

⁵² См.: П. Н. Берков. 1) История русской журналистики XVIII века, стр. 118; 2) Письмо к г. В. ... М. В. Ломоносова. В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.—Л., 1962, стр. 13.

⁵³ Об этом см.: С. М. Бурдин. Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественнонаучной терминологии. «Уч. зап. Ташк. гос. пед. инст. им. Низами», Филол. сб., вып. 2, Ташкент, 1954, стр. 49—154. — О естественнонаучной терминологии предшествующего периода см.: Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.—Л., 1966.

треблявшимися ранее «микроскопом», «осью», «обращением солнца» и т. п. в переводе «Микромегаса» присутствуют и новые варианты таких уже введенных в научный обиход терминов, как «материя» (*matière*) — «телесное существо»; «протяжение» (*étendue*) — «распространение»; «непроницаемость» (*imprégnabilité*) — «непроницательность» и др. По-видимому, сколько-нибудь ощутимых результатов это словотворчество не принесло, но самый эпизод весьма характерен: поиски переводчика повести Вольтера свидетельствовали о неустойчивости русской научной терминологии тех лет и в равной мере о настоятельной потребности, которая в ней ощущалась в связи с развитием отечественной науки и литературы.

Что же касается «исправлений», вольтеровского текста, то их в переводе было сравнительно немного. Примером сознательного смягчения подлинника может служить замена лаконичного, но достаточно резкого выпада писателя против ненавистных ему инквизиторов («...ils apprirent de fort beaux secrets qui seraient actuellement sous presse sans messieurs les inquisiteurs qui ont trouvé quelques propositions un peu dures») порицанием обскурантизма вообще («...спознали они многие сокровенные правды, которые действительно бы отданы были в печать, есть ли бы не было у нас таких господ, коим некоторые предложения могли бы показаться противными»).⁵⁴ Не исключена также возможность, что переводчика смутило самое слово «inquisiteur» (инквизитор), которое он затруднялся точно передать.

В другом случае он, тоже намеренно, поправил Вольтера, заменив «*état de Moscovie*» оригинала «Российским государством». Тем самым он как бы указывал на то, что имеются в виду не минувшие времена, не допетровская Русь, но современная Россия.⁵⁵ В сущности поправкой было и завершение греческой цитаты из Аристотеля, которую Вольтер только обозначил.⁵⁶ Между тем упоминание знаменитого труда Фомы Аквинского «*Summa totius theologiae*» (у Вольтера он на французский лад назывался «*La Somme de saint Thomas*») переводчик исключил вовсе как непонятное читателям, а возможно и ему самому.⁵⁷

Были в переводе и другие пропуски и исправления, а также неточности и просто ошибки. К числу последних относится, в частности, перевод фразы «*les matelots jurèrent*» (речь идет о реакции матросов на оглушивший их голос Микромегаса) — «матросы клялись» вместо единственно возможного в данном контексте «матросы начали браниться» («*juger*» означает и «браниться», и «клясться»), создающего должный эффект в сочетании с пред-

---

⁵⁴ «Ежемесячные сочинения», 1756, генварь, стр. 41.

⁵⁵ Там же, стр. 32.

⁵⁶ Там же, стр. 58.

⁵⁷ Там же, стр. 60.

III.

МИКРОМЕГАСЪ ПОВѢСТЬ ФИЛОСОФСКАЯ

ГЛАВА I.

Путешествіе жителя Звѣзды Сіріа
въ планету Сатурна.

На одной изъ планетъ, имѣющихъ печеніе свое вкругъ звѣзды Сіріа, былъ нѣкто молодой весьма разумной человекъ, котораго я имѣлъ честь знать въ послѣдней его прѣѣздѣ на нашъ малой муравейникъ; назывался онъ Микромегасъ, имя весьма приличное людямъ великаго роста, ибо онъ вышиною былъ восемь миль. Восемью милями разумю я дванцать чептыре тысячи Геометрическихъ шаговъ, каждой шагъ по пяти футовъ.

Алгебраики, люди всегда обществу полезные, тотчасъ вычислишь могутъ, и найдутъ что когда господинъ Микромегасъ, житель земли Сіріа, ростомъ дванцати чептырехъ тысячъ шаговъ, сочиняющія сто дванцать тысячъ Французскихъ футовъ, а мы обитатели сея земли не болѣе пяти футовъ, въ окружности же нашего земнаго шара только девять тысячъ миль, то слѣдовательно найдутъ они [говорю я], что тому

«Микромегасъ» Вольтера. «Ежемесячные сочинения», январь 1756 г.

шествующими словами «священник стал читать молитвы, отгоняющие наваждение». ⁵⁸

Три месяца спустя в «Ежемесячных сочинениях» появился новый перевод из Вольтера — «Мемнон, желающий быть разумным», принадлежавший юному Александру Романовичу Воронцову (1741—1805), впоследствии видному государственному деятелю, другу и покровителю Радищева. ⁵⁹ В этом переводе, в общем очень точном и гладком, обнаруживается вместе с тем и весьма характерное для русской переводческой практики XVIII века стремление очистить текст от двусмысленностей, фривольных описаний и сомнительных намеков, стремление, в какой-то мере обусловленное, конечно, и вмешательством цензуры. Так или иначе, но из «Мемнона» были изъяты едва ли не все «безнравственные» места: рассуждение героя о женщинах, некоторые детали свидания Мемнона с дамой ⁶⁰ и даже намек на дурные болезни, как тогда считалось, завезенные в Европу из Америки. ⁶¹

Все эти тенденции с отчетливостью проявились и в анонимном переводе «Задига» (1759). Подобно «Микромегасу», но в значительно большей мере, повесть эта подверглась сокращению. Это объяснялось желанием освободить ее от «беспозелных» длиннот, но чаще — соображениями «нравственного» характера. По этой причине была почти целиком выпущена глава «Диспуты и аудиенции», сильно пострадала подробно рассказанная у Вольтера история обольщения престарелых жрецов молодой вдовой по имени Альмона, посвященная главным образом описанию ее прелестей, а фраза «...Cador appaisa l'affaire par le moyen d'une fille d'honneur à laquelle il avait fait un enfant et qui avait beaucoup de crédit dans le collège des mages» зазвучала так: «...Кадор, друг Задигов, вывел его из напасти чрез предстательство брата своего, которой был в числе жрецов». ⁶²

Между тем одну замену переводчик произвел из опасений явно иного рода. Слова «Le grand-veneur et le premier eunuque ne doutèrent pas que Zadig n'eût volé le cheval du roi et la chienne de la reine, ils le firent conduire devant l'assemblée du grand Desterham qui le condamna au knout et à passer le reste de ses jours en Sibérie», вызывавшие у русского читателя особенно мрачные ассоциации, в переводе отчасти утратили свою пугающую конкретность: «Князюшей и главный евнух не сумневались в том, чтоб Задиг не украд королевскую лошадь и королевскую сучку. Они велели его

---

⁵⁸ Там же, стр. 52.

⁵⁹ См. автобиографическое «показание» самого А. Р. Воронцова: «... à 12 ans j'étois familiarisé avec Voltaire, Racine, Corneille, Boileau et d'autres littérateurs françois». (Архив кн. Воронцова, кн. 5, ч. 1, 1872, стр. 13).

⁶⁰ «Ежемесячные сочинения», апрель, стр. 330, 332.

⁶¹ Там же, стр. 333.

⁶² «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1759, генварь, стр. 153 (такое название было дано журналу с 1758 года).

отвести в собрание великого Дестергама, где осудили его высечь кнутом и вечно сослать в ссылку».⁶³

В то же время некоторых слов переводчик по недостатку осведомленности не понял и или перевел описательно (*éragneul très petite* — «невеличка», *maison de ville* — «собрание главного правления», *cirque* — «округ») или совсем опустил (*théurgite, gangaride, judiciaire* применительно к астрологии и т. п.).

Таким образом, трансформация, которую под пером русских переводчиков в силу тех или иных причин претерпела во второй половине 1750-х годов философская повесть Вольтера, была довольно значительной. Уничтожение «длиннот», замены, сделанные в нравственных и политических целях, сознательное и невольное исправление слов и выражений, неточности и даже грубые ошибки, — все это, разумеется, в немалой степени искажало вольтеровский текст. Однако это преимущественно касалось лишь частных и основного звучания произведений не нарушало. При всех погрешностях переводы, опубликованные в «Ежемесячных сочинениях» и их продолжении, давали сравнительно верное представление об этих замечательных образцах французской философской беллетристики, в которых обсуждались злободневнейшие вопросы современной общественной жизни. Не случайно, что вскоре одна из этих повестей была переведена повторно А. П. Сумароковым и напечатана в его журнале «Трудолюбивая пчела».⁶⁴

* * *

Перевод Сумарокова назывался «Пришествие на нашу землю и пребывание на ней Микромегаса. Из сочинений г. Вольтера». Уже в самом этом заглавии содержался своего рода вызов: с первых же строк подчеркивалась полная независимость «преложения» Сумарокова от перевода «Ежемесячных сочинений». Так же поступал он и во многих других случаях, пренебрегая очевидными удачами предшественника ради сохранения или, быть может, демонстрации собственной самобытности. Более того, во вводной заметке Сумароков не только поспешил сообщить читателям, что «сей перевод учинен того перевода прежде, который внесен в Академические издания», но и весьма прозрачно намекнул, что предшественник использовал его перевод.⁶⁵ Однако это едва ли

⁶³ Там же, стр. 68.

⁶⁴ «Трудолюбивая пчела», 1759, август, стр. 455—475.

⁶⁵ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова, ч. IX. Изд. 2. М., 1787, стр. 258. (В дальнейшем: Сумароков).

справедливо. «Гораздо близкое сходство» переводов, о котором писал Сумароков, было скорее плодом его воображения, чем реальным фактом.

Действительно, обнаружить в этих переводах сколько-нибудь значительное сходство нелегко. Между тем их различия не вызывают особых сомнений. В то время как в переводе 1756 года было сделано лишь несколько небольших сокращений, Сумароков почти полностью изъясил из вольтеровской повести три первые главы, попутно уничтожив и самое деление на главы, в известной степени теперь утратившее смысл. Перевод изобилует тяжеловесными оборотами и ошибками, которые кажутся нарочитыми, поскольку автору уже существовавшего перевода в основном удалось избежать их. Стремясь во что бы то ни стало сохранить оригинальность, Сумароков перевел «excellent» как «предорогой», хотя в «Ежемесячных сочинениях» значилось «изрядный»;⁶⁶ «cercle polaire» превратился у него в «круг конца земляной оси» (в «Ежемесячных сочинениях» — «полярный круг»);⁶⁷ фразу «on ne sait jamais dans le monde le dessous des cartes» он передал буквально: «по картам никто не ведает, где то на свете место» (в «Ежемесячных сочинениях» — «в сем свете люди никогда всего подробно не знают»);⁶⁸ слово «animalcule» непосредственно связал с латинским «anima» (душа) и перевел его «душевник», тогда как в «Ежемесячных сочинениях» стояло более правильное «зверок»⁶⁹ и т. д.

Но в одном отношении эта демонстративная независимость оказалась плодотворной: более чуткий, нежели его предшественник, к сатирическому звучанию повести, Сумароков восстановил или, точнее, сохранил некоторые исчезнувшие в переводе 1756 года «острые» места. Это прежде всего два антивоенных высказывания Вольтера (перевод Сумарокова появился в разгар Семилетней войны) — о битвах, «где победа сводится к захвату двух деревушек, которые тотчас же приходится снова отдать врагу»,⁷⁰ и «бесчеловечных сиднях», которые, «не выходя из своих кабинетов, отдают в часы пищеварения приказ об убийстве миллионов людей и потом заставляют торжественно благодарить за это бога». Последнюю фразу Сумароков понял по-своему и придал ей отсутствующий у Вольтера неприличный оттенок.⁷¹ Не побоялся он и сохранить в своем переводе такое вольтеровское за-

⁶⁶ Там же, стр. 261 (ср. «Ежемесячные сочинения», 1756, январь, стр. 47).

⁶⁷ Там же, стр. 262 (ср. «Ежемесячные сочинения», 1756, январь, стр. 47).

⁶⁸ Там же, стр. 262 (ср. «Ежемесячные сочинения», 1756, январь, стр. 47).

⁶⁹ Там же, стр. 273 (ср. «Ежемесячные сочинения», 1756, январь, стр. 60).

⁷⁰ Ср. там же, стр. 264.

⁷¹ Ср. там же, стр. 270.

мечание, как «supposez-vous d'ailleurs qu'il soit plus difficile de produire un argument qu'un enfant?»⁷² и игривую ссылку на «доктора Свифта».⁷³

Подобная смелость не означала, что «Трудолюбивая пчела» была свободна от цензурного надзора. Яростное сопротивление Сумарокова не могло избавить журнал от постоянных придирок приставленных к нему цензоров. Но все же это был частный журнал, издававшийся лично Сумароковым, который, несмотря на все «неисчислимые ... по академии препятствия», почти в каждом выпуске помещал одно или несколько произведений сатирического жанра.⁷⁴ В их числе и попал на страницы «Трудолюбивой пчелы» сумароковский перевод «Микромегаса», неточный, неуклюжий, но — по сравнению с более ранним — дополненный рядом злободневных деталей.

Сумарокову принадлежит и другой перевод из Вольтера, впервые напечатанный в 1781 году: начало «Заиры» (до слов «ne vous souvient-il pas que vous fûtes chrétienne?»).⁷⁵ Не лишенный некоторых вольностей и ошибок, этот небольшой стихотворный фрагмент (быть может, часть неосуществленного замысла «приложить» трагедию полностью) относительно точно передает дух и стиль оригинала. По-видимому, для Сумарокова этот перевод представлял несравненно меньшую трудность, чем предыдущий. Философская повесть вообще и в особенности «Микромегас» с его ученой лексикой и обилием фразеологизмов были для него областью довольно чуждой, трагедия же, напротив, была его родной стихией. Недаром в своей переводческой деятельности он, помимо Вольтера, обращался еще к Корнелю и Расину;⁷⁶ между тем «Микромегас» так и остался его единственным и не слишком удачным опытом такого рода.

Переводы эти далеко не отражают, впрочем, того глубокого и сочувственного интереса к Вольтеру, который сопутствовал Сумарокову на протяжении почти всей его жизни. Когда и где познакомился он с творчеством Вольтера, неизвестно. Возможно, что это произошло еще в Сухопутном шляхетном корпусе (1735—1740), но, несомненно, не позднее 1740-х годов. Во всяком случае, появившаяся в начале 1748 года «Епистола о стихотворстве» свидетельствует о его уже основательном знакомстве с сочинениями французского писателя, главным образом с его драматургией.

---

⁷² Ср.: там же, стр. 265.

⁷³ Там же, стр. 268.

⁷⁴ См.: В. Березина. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759). «Вопросы журналистики», вып. II, кн. 2, Изд. ЛГУ, 1960, стр. 3—37; Д. Д. Шамрай и П. Н. Берков. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. В кн.: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 399—406.

⁷⁵ Сумароков, ч. I, стр. 296—299.

⁷⁶ Там же, стр. 289—294, 300—302, 305—306.

Наследник лучших традиций минувшего столетия, Вольтер в представлении Сумарокова прежде всего автор «образцовых» трагедий, среди которых он выделяет две, особенно его пленившие, — «Меропу» и «Альзиру»:

«Меропа» без любви тронула всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ее нашел богатство Геликона.
«Альзира», наконец, Вольтерова корона.⁷⁷

Лишь Вольтера ставит он наряду с Расином, «великим стихотворцем» и «преславным трагиком французским», искусство которого «всякую похвалу превосходит». Близки между собой и характеристики обоих писателей, данные в авторских примечаниях к эпистоле, хотя о Вольтере Сумароков говорит и более подробно, чем о Расине, и даже с большим чувством: «Вольтер, великий стихотворец и преславный французский трагик, лучшие его трагедии суть: „Альзира“, „Меропа“, „Брут“ и „Марианна“. „Генриядя“, героическая его поэма, есть некое сокровище стихотворства. Как „Генриядя“, так и трагедии его важностью, сладостью, остротой и великолепием наполнены. Склад его летуч, слова избранны, изъяснении пронизательны, а все то купно показывает в нем великого стихотворца».⁷⁸ В своем пояснении Сумароков недаром вспоминает «Генрияду»: тем самым он как бы подчеркивает многогранность вольтеровского гения, отличающую его и от Расина, и от «великого» Корнеля.

Опубликованная незадолго до выхода в свет «Двух эпистол» первая трагедия Сумарокова «Хорев» (1747) также несет на себе следы увлечения ее автора Вольтером. Речь идет, однако, не о связях сумароковской трагедии с французским классическим театром,⁷⁹ но лишь о частном случае использования русским поэтом вольтеровского текста. Как известно, в уста героини «Хорева» Оснельды Сумароков вложил особенно восхитившие его слова из 7-й сцены II акта трагедии «Меропа»:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, la mort est un devoir.

В русском переводе этим двум строкам соответствовали три или, по крайней мере, две с половиной:

Жестокой, дай мне смерть! Я смерти не боюсь;
Когда погибло все, когда надежды нет,
Жизнь бремя, и одна она покой дает.⁸⁰

⁷⁷ Там же, стр. 342.

⁷⁸ Там же, стр. 350.

⁷⁹ Об этом см.: Г. А. Гук овский. О сумароковской трагедии. «Поэтика», вып. I, Л., 1926, стр. 67—80.

⁸⁰ А. П. Сумароков. Хорев. СПб., 1747, стр. 57.

У Сумарокова столь незначительная деталь не вызывала, по-видимому, ни малейшего беспокойства. Между тем, Тредиаковский, пытаясь в «Письме... от приятеля к приятелю» (1750) совершенно «уничтожить» творчество своего литературного врага, не только обратил на эту деталь внимание, но даже посвятил ей многословное рассуждение в духе ученого педантизма.

Прежде всего Сумароков уличался в литературном воровстве («Что же до сей трагедии „Хорева“, она вся на-все выбрана из многих французских трагедий, как Корнелиевых, так Расиновых и Вольтеровых, хотя, впрочем, все ее существенное основание есть Расинова „Федра“. Читающие французские трагедии могут сами сличить и видеть: мне ежели б сие делать, то б мое рассмотрение впятеро увеличилось против авторовых сочинений») ⁸¹ и в то же время — в искажении одного из обворованных драматургов, которое объяснялось «авторовым самым малым искусством». ⁸² «Я токмо предложу одно здесь похищение из Волтеровы трагедии, названна „Меропа“, — писал Тредиаковский. — Праведное солнце! Как же оно изгажено авторовым переводом! Удивительно, учит автор в эпистоле о русском языке как переводить, а сам ни шкиля, как говорят, не умеет! Не бесстыдное ль то тщеславие? Надобно поистине железное иметь чело». ⁸³

Отвечая Тредиакову на критику, где он «кроме брани ни чего не нашел», ⁸⁴ Сумарокову остановился и на этом эпизоде, однако в подробности входить не стал, ограничившись лишь указанием на «типографскую погрешность»: «От Вольтеровых двух стихов, которые я почти перевел и положил в трагедию „Хорева“, в пружестокую г. Т. вступил ярость, делает протчие восклицания и протчие неистовствы, а дело все состоит, что в печати не в том месте поставлена запятая. Удивительно мне, что он пуще этого не привязался к стиху, который у меня в трагедии над оными двумя поставлен.

Жестокой, дай мне смерть? Я смерти не боюся,

после первого полустигшия знак вопрошения не надобен, и это только опечатка». ⁸⁵

Этот лаконизм был скорее всего признанием частичной правоты Тредиаковского: смысл вольтеровского двустигшия Сумароков передал довольно точно, но оно получилось у него громоздким, тогда как Крицитиондиусу — Тредиаковскому в том же «Письме» удалось его «преложить» дважды и оба раза более или менее искусно.

⁸¹ Сборник матер. для ист. имп. Акад. наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 485.

⁸² Там же, стр. 486.

⁸³ Там же, стр. 485.

⁸⁴ Сумароков, ч. X, стр. 93.

⁸⁵ Там же, стр. 104. Об этом см.: И. З. Серман. Русская литература XVIII в. и перевод. В кн.: Мастерство перевода. 1962, М., 1963, стр. 346—348.

Подобную обиду Сумароков забыть не мог. Однако перерабатывая в 1760-е годы «Хорева», он не пожелал все же вступить с Тредиаковским в состязание и предпочел пожертвовать заимствованными у Вольтера стихами, опустив их — быть может, не без колебаний — совсем.⁸⁶

Подобная «отмена» могла, конечно, иметь и какой-то другой, непонятный нам смысл, но в любом случае она не означала охлаждения Сумарокова к Вольтеру. Напротив, в 50—60-е годы его преклонение перед французским поэтом все возрастает, побуждая его к подчас весьма решительным действиям. Примером может служить его публичная ссора с Фужре де Монброном, которая случилась в Москве, в декабре 1753 или в начале 1754 года.⁸⁷

Если верить Сумарокову, изложившему этот эпизод в статье «О пребывании в Москве Монброна» (как непосредственный участник события, он едва ли мог быть вполне беспристрастен), столкновение произошло главным образом из-за Вольтера. Автор «Перелицованной Генриады», Монброн, очевидно, внушал Сумарокову неприязнь еще задолго до их встречи: восторженному ценителю героической поэмы Вольтера такая «перелицовка», по всей вероятности, казалась надругательством над этим «сокровищем стихотворства», неслыханным кощунством. Недаром в статье он несколько раз с глубоким презрением упоминал о «превращенной Генрияде», а изложив историю своей ссоры с Монброном, заметил, что «от автора превращенной Генрияды... больше разума и лучшего поведения и ожидать было невозможно».⁸⁸

Однако дело было не только в этом. «Как скоро, — пишет Сумароков, — Монброн въехал в Москву, неумолкну стал кричать: 1. Что господин Вольтер не доброй человек, а доказывал тем, что он его не знаю при каком дворе хотел сделать кавалером, почитал, ласкал его, будто опасался себе удара от превращения „Генрияды“, а потом не только не исполнил своего обещания, но и звать его перестал. Однако, прочет „Превращенную Генрияду“, кто автора ее почитать станет? 2. Что г. М. Даржанс крайней невежа и здравого рассуждения не имеет и о всем рассуждает по наслышке» и т. п.⁸⁹

Сумароков был в достаточной мере возмущен всеми пунктами этого обвинения, но в особую ярость его привели монброновы «враки» относительно Вольтера и его друга маркиза д'Аржанса (Jean-Baptiste Le Boyer d'Argens, 1704—1771), философа и писателя, находившегося тогда при прусском дворе⁹⁰ (именно там, по

⁸⁶ См.: Сумароков, ч. III, стр. 41.

⁸⁷ Об этом см. подробнее: P. N. Berkov. Fougeret de Monbron et A. P. Sumarokov. «Revue des études slaves», 1960, t. 37, pp. 29—38.

⁸⁸ Сумароков, ч. X, стр. 153.

⁸⁹ Там же, стр. 150.

⁹⁰ См.: G. Desnoiresterres. Voltaire et la société française au XVIII siècle, v. IV. Paris. 1870, pp. 3—30.

собственному признанию, Монброн «на смерть» поссорился с ним, а также, вероятно, и с Вольтером).⁹¹ Все эти разговоры «о бездельствах Вольтера и г. маркиза Даржанса и невежестве последнего», полагал Сумароков, имели целью «искоренить» его к ним почтение. Но достигнуть своей цели Монброну не удалось (Сумароков сообщил об этом кратко, как о чем-то не подлежащем обсуждению), и тогда, стремясь задеть русского писателя возможно больнее, он попытался приписать ему самому клеветническое заявление, что «г. Вольтер окрадывает стихотворцев».

По-видимому, нечто подобное, хотя и в значительно более мягкой форме, Сумароков действительно говорил, имея в виду «Амелию» Вольтера (1752), которая отдаленно и, быть может, случайно напоминала трагедию «Синав и Трувор», переведенную в 1751 г. на французский язык.⁹² Но столь злонамеренной интерпретации своих слов он не ожидал и потому был принужден изложить в статье свои мысли о литературном заимствовании: «... подражание ни которому стихотворцу бесславия не приносит. Я и сам из сочинений г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелия не таясь заимствовал, что и из одной моей трагедии, которая на французской переведена язык, всем довольно видно, а говорил я только то, что одна из новых г. Вольтера трагедий с одной моей трагедией очень сходна. Из сего не следует, что я возвышал себя и поносил г. Вольтера, которого трагедии по достоинству их похвалу себе у всей Европы заслужили».⁹³ В дальнейшем спор этот принял более личный характер, но и тогда Сумароков продолжал твердо помнить, что перед ним — не просто «шалун»-обидчик, а противник, надругавшийся над великим творением «преславного» Вольтера.

Во второй половине 1750-х и особенно в 60-е годы вольтеровские ориентации Сумарокова приобретают еще большую отчетливость. Наконец, в 1769 году он обращается к французскому писателю с письмом. Этого случая Сумароков, видимо, ждал уже давно. Едва ли ему, почитавшему Вольтера больше всех современных поэтов, не приходила раньше в голову мысль высказать ему свои суждения о его творчестве и обменяться с ним мнениями о драматической поэзии. Ощущал он, конечно, и потребность сообщить Вольтеру о себе — первом российском драматурге, хотя и считал не без оснований, что Вольтеру уже известна отчасти его деятельность на театрально-драматическом поприще. (Об этом он недвусмысленно заявлял в письме к Екатерине II от 3 мая

---

⁹¹ См.: Р. Н. Берков. Fougeret de Monbron et A. P. Sumarokov, p. 31. — Красноречивым свидетельством разрыва Фужре де Монброна с Вольтером служит его стихотворное «Послание к г-ну Ф. де Вольтеру», помеченное августом 1753 года (Épître à M. F. de Voltaire pendant son séjour à Mayence au retour de Berlin).

⁹² См.: Р. Н. Берков. Fougeret de Monbron et A. P. Sumarokov, p. 36.

⁹³ Сумароков, ч. X, стр. 151.

1764 года: «...сколько я России по театру услуги сделал, и вся Европа ведаёт, а особливо Франция и Волтер»⁹⁴ В самом начале 1769 года эта возможность завязать «личные» отношения с Вольтером представилась. Направляясь через Ферней в Италию,⁹⁵ кн. Ф. А. Козловский незадолго до отъезда посетил тяжело больного Сумарокова, и тот передал ему письмо для вручения «фернейскому патриарху».

Письмо это не сохранилось, но в какой-то мере его содержание можно реконструировать на основании вольтеровского ответа, помеченного 26 февраля (н. ст.) 1769 года, текст которого Сумароков позднее полностью воспроизвел в предисловии к трагедии «Дмитрий Самозванец». «Милостивый государь, — писал Вольтер, — ваше письмо и ваши сочинения служат веским доказательством того, что гений и вкус присущи всем народам. Люди, полагавшие, что поэзия и музыка могут существовать лишь в теплых странах, сильно заблуждались. Если бы климат имел столь большое значение, Греция все еще порождала бы Платонов и Анакреонтов, подобно тому, как она родит те же плоды и цветы; в Италии были бы Горации, Вергилии, Ариосто и Тассо; между тем в Риме нет ничего, кроме религиозных процессий, а в Греции — ничего, кроме палочных ударов. Совершенно необходимы, следовательно, монархи, которые любят, понимают и поощряют искусства; они преобразуют климат и возвращают розы среди снегов».⁹⁶ Далее следовали похвалы Екатерине II, Ф. А. Козловскому и вообще всем «русским вельможам», посетившим фернейского отшельника в его уединении, а уже затем собственно ответы на вопросы Сумарокова, в которых «под видом сомнений» русский писатель высказывал свои мысли о Корнеле и Расине, Кино и Мольере, наконец, о французской комедии, как ему казалось, пришедшей в упадок с появлением «слезного жанра».⁹⁷

На первый взгляд, эти суждения относились лишь к французской литературе. В действительности же они в равной, если не в большей степени, касались России. При всем его интересе к французской культуре Сумарокова, разумеется, в первую очередь волновала судьба отечественного театра, и в частности русской комедии, в которой к середине 60-х годов наметился ряд новых тенденций. Главным их выразителем явился В. И. Лукин, который противопоставил «правильной» комедии Сумарокова и «развлека-

---

⁹⁴ См.: «Русская беседа», 1860, т. II, кн. 20, стр. 233.

⁹⁵ См. письмо Екатерины II к Вольтеру от 8 (19) декабря 1768 года: «Гвардии моей поручик, князь Козловский, поставляя за особливую себе милость быть отправленным в Ферней, за что я им и довольна» (Переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером, ч. I, стр. 43).

⁹⁶ *Voltaire's Correspondence*, v. LXXI, 1962, p. 113.

⁹⁷ Об этом см.: J. Patouillet. Un épisode de l'histoire littéraire de la Russie. La lettre de Voltaire à Soumarokov. «Revue de littérature comparée», 1927, № 3, pp. 438—458.

тельной» драматургии А. А. Волкова, И. И. Кротова и других выработанный им — не без воздействия иностранных образцов — новый тип «серьезной» комедии «из русской жизни».⁹⁸ По собственному признанию, Лукин стремился удовлетворить и любителей «веселых комедий», тех, что «по-французски *pièces d'intrigues et farces* называются», и одновременно ту «весьма малую часть партера», которая предпочитает комедии «характерные, жалостные и благородными мыслями наполненные», в манере Детуша и Лашоссе.⁹⁹ Сумарокову деятельность Лукина причиняла немало огорчений. С раздражением наблюдая успех его пьес, он отчетливо сознавал, что время его собственных комедий прошло, но вступить с автором «Мота» в творческий спор не решался и ограничивался ламентациями, вроде тех, которые содержались в его письме к Вольтеру. Поддержка «фернейского патриарха» ободрила его, но, конечно, воспрепятствовать распространению «пакостного рода слезных комедий» не смогла. Вот почему два года спустя после того, как письмо было написано, Сумароков, воспользовавшись удобным случаем, напечатал его, включив в качестве самого сильного аргумента в свою пользу в рассуждение о публике и драме, предпосланное его трагедии «Димитрий Самозванец».

Объектом его язвительной критики оказался, впрочем, не Лукин, а Бомарше или, точнее, Николай Пушкинов, русский переводчик его драмы «Евгения» («*Eugénie*», 1767). Впервые представленная на московской сцене 18 мая 1770 года эта пьеса — весьма типичный образец французской «серьезной комедии» — имела «великий успех». «Удовольствие публики, — писал в предуведомлении переводчик, — изъяслялось неумолкным почти рукоплесканием при каждом представлении. Пример сей показывает ясно, что вкус к зрелищам, вкус столь похвальный и полезный, час от часу больше у нас умножается».¹⁰⁰ Всячески понося московских зрителей и зрительниц, «скарредный» перевод «Евгении» и «переводчика оныя драмы» «какого-то подъячего, который до небес сие рукоплескание возносит, соплетая зрителям похвалу и утверждая вкус их» («Подъячий, — сокрушался он, — стал судиею Парнаса и утвердителем вкуса московской публики!»),¹⁰¹ Сумароков с помощью Вольтера пытался убедить читателей в собственной правоте. Однако и эта непрестанная апелляция к Вольтеру, и возмущенно-обиженный тон предисловия, и издевательский разбор «Евгении» свидетельствовали о том, что Сумароков поставил перед собой неразрешимую задачу: приостановить развитие классиче-

---

⁹⁸ См.: П. Н. Берков. Владимир Игнатьевич Лукин. 1737—1794. М.—Л., 1950, стр. 31—60.

⁹⁹ Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 11.

¹⁰⁰ Евгения, комедия в пяти действиях, сочиненная г. Бомарше. М., 1770, стр. VII.

¹⁰¹ Сумароков, ч. VII, стр. 62.

ской комедии, «запретить» ее обновление, уже давно назревшее и исторически необходимое, — в этом ему не могли помочь ни брань, ни угрозы, ни сам «господин Вольтер».

Как указывалось, письмо Вольтера было напечатано лишь в 1771 году.¹⁰² Но известно о нем стало значительно раньше. Вероятно, Сумароков не пропускал случая упомянуть об «ответе г. Вольтера» в разговоре с друзьями и недругами, вспоминал он об этом и в стихах, преследуя, конечно, не только литературно-эстетические цели. Самый факт существования такого письма и особенно обнаружившееся в нем полное единство воззрений русского и французского поэтов наполняли гордостью сердце Сумарокова, видевшего в этом письме некоторую защиту от клеветы врагов, недоброжелательства соперников и «гневных репримандов» невежественного начальства.

Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое, —

горестно восклицал он, возмущенный «скаредным» исполнением 30 января 1770 г. на московской сцене, вопреки его воле, «Синава».¹⁰³ Эти стихи он привел и в «жалостном» письме к Екатерине II от 1 февраля 1770 года, тщетно пытаясь положить конец преследованиям «гонителя художеств и наук» — московского генерал-губернатора гр. П. С. Салтыкова.¹⁰⁴ Упомянулся Вольтер и в другом письме Сумарокова к Екатерине II (от 4 марта 1770 года), в котором он снова просил о «покровительстве и защите» и вообще жаловался на свою участь («Одна „Меропа“ принесла Вольтеру много казны, а я, кроме голой чести, от моих драм ничего не имею»),¹⁰⁵ а также в целом ряде его стихотворений последних лет жизни, где имя Вольтера фигурировало главным образом лишь как синоним великого поэта.¹⁰⁶

Только одно его сочинение этого времени содержит довольно подробную характеристику вольтеровского творчества. Это так называемое «Мнение во сновидении о французских трагедиях», написанное в форме послания к Вольтеру и, может быть, действительно для него предназначавшееся.¹⁰⁷

«Мнение во сновидении» представляет собой разбор шести величайших французских трагедий XVII века («Цинна» и «Родо-

¹⁰² Русский перевод письма впервые появился в журнале «Утра», 1782, июль, л. 3, стр. 89—92.

¹⁰³ Сумароков, ч. IX, стр. 93.

¹⁰⁴ «Русская беседа», 1860, т. II, кн. 20, стр. 244.

¹⁰⁵ Там же, стр. 248.

¹⁰⁶ Сумароков, ч. IV, стр. 364, 369.

¹⁰⁷ Г. А. Гуковский (G. G u k o v s k i j. Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs. «Revue des études slaves», 1927, t. 7, №№ 1—2, p. 78) датирует это сочинение периодом между 1759 и 1768 годами, но возможна и более поздняя дата: после 1774 года Сумароков совершенно отошел от драматургии и театра, а именно это сообщает он в начальной фразе «Мнения» (Сумароков, ч. VII, стр. 327).

гуна» Корнеля, «Митридат», «Ифигения в Авлиде», «Федра» и «Гофолия» Расина)¹⁰⁸ и четырех лучших, с точки зрения Сумарокова, трагедий Вольтера — «Брут», «Заира», «Альзира» и «Меропа».

На первый взгляд все это сочинение — нескончаемый поток дифирамбов. Но это не так. Восторженный почитатель и последователь французских драматургов, Сумароков выступает здесь и в другой роли: он не только восхищается, но и критикует, но и спорит (правда, всегда с несвойственной ему сдержанностью), да и самые восторги его подчас довольно точно аргументированы. Характеризуя трагедии Вольтера, Сумароков в особенности не скупится на похвалы — хорошо, весьма хорошо, отлично, прекрасно, весьма прекрасно, несравненно, писано самую Мельпомену, достойно бессмертного Вольтерова имени и т. п. Но притом ему отнюдь не безразлично, как оценить ту или иную сцену, тот или иной монолог: «прекрасным» он не назовет то, что ему кажется «весьма прекрасным», равно как и то, что всего лишь «хорошо».

Многие из этих оценок с трудом поддаются расшифровке, но иногда смысл их вполне очевиден, в ряде же случаев Сумароков снабдил их пояснениями. Так, приведя слова Аронса («Брут», акт I, сцена 2), с которыми тот обращается к консулам и сенату («*Témoins de leurs exploits...*»), Сумароков с сочувствием отметил неожиданное «вторжение» в его речь Брута и динамизм их последующего диалога: «Брут прервал Аронсову речь по-вольтерски. Все явление достойно Вольтера и муз самих. Сие явление не одну забаву приносит, и не одни цветы, но пользу и плоды. Франция, Европа и Парнас должны много Вольтеру за нововведенный вкус и к удовольствию сердца и разума нашего».¹⁰⁹

В 1-й сцене II акта его внимание привлек другой вольтеровский прием — «ложный поворот» драматического действия — «род искусства авторского, дабы любопытство зрителей умножено и сердце после сильнее поражено было».¹¹⁰ Наконец, в III акте его восхитило, даже потрясло патетическое объяснение Тита и Тулли (сцена 5). Не случайно, что именно в этой связи он еще раз отметил свою творческую зависимость от «французского Софокла». Восхищение Сумарокова прежде всего относилось к «эстетическим» новшествам: республиканский пафос трагедии не вызвал у него столь же сочувственного отклика. Но он все же попытался стать на объективную позицию, с сожалением констатируя, что

---

¹⁰⁸ В характеристике обеих трагедий Корнеля проявилось знакомство Сумарокова с вольтеровскими комментариями к Корнелю. Однако соглашаясь с Вольтером, Сумароков каждый раз подчеркивает независимость собственных суждений (Сумароков, ч. VII, стр. 328, 330). См.: R. Lowenstein. Voltaire as an historian of seventeenth-century French drama. «The John Hopkins studies in romance literatures and languages», v. XXV, 1935, ch. II.

¹⁰⁹ Сумароков, ч. VII, стр. 350.

¹¹⁰ Там же.

из-за политических распрей «сия драма не столько имеет успеха, сколько она достойна».¹¹¹ Впрочем, добавлял он далее, «„Брут“ когда-нибудь может войти больше в моду в Париже; ибо из монархии республики делаются»,¹¹² и оказался пророком: 17 ноября 1790 г. «Брут» был с триумфальным успехом поставлен на сцене Театра наций, и это событие было воспринято современной критикой как «полное торжество свободы» на театральных подмостках.¹¹³

«Заира», хотя Сумароков и пытался ее переводить, не относилась к числу самых любимых его произведений. Отсюда сравнительно сдержанный тон и некоторая односторонность его суждений об этой пьесе. Все они в сущности посвящены одной теме: отношению Вольтера — автора «Заиры» к христианской религии. Не замечая философского пафоса трагедии или намеренно от него отвлекаясь, Сумароков видит в ней лишь проповедь и утверждение христианства. При этом он всячески клеймит «беззаконников», которые кощунствовали в течение всего спектакля («Мнение» написано от лица зрителя, присутствующего на «театральных представлениях парижских»), иными словами — действов, «сих заблужденных людей от естественного богопочитания, которые не приемлют священного писания».¹¹⁴ Самого же Вольтера Сумароков к действиям, разумеется, не причислял, возможно, по незнанию, но скорее всего — стремясь защитить писателя от тяжких обвинений. «Вы сделали великое, по общему христианскому мнению, дело, — писал он, — хотя и думают безбожники, что вы сею прекрасною трагедиею отвлекаете людей от истинного богопочитания и уже зараженных людей еще заражаете. Ежели бы вы были действов, так бы я в вечном остался неведении, ради чего вы сию трагедию сочинили. А зная, что вы христианин, ведаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу ко христианству верность».¹¹⁵

В 1747 году, с большой похвалой отзываясь о «Меропе», Сумароков высшим достижением Вольтера в трагедийном жанре («Вольтеровой короной») назвал все же другую его трагедию — «Альзиру». Теперь акценты несколько переместились: умудренный многолетним опытом драматического поэта, он отдает пальму первенства «Меропе», видимо, покорившей его «античной» простотой сюжета и построения, силой и глубиной психологического конфликта. «Вся Европа ее (т. е. «Альзиру», — П. З.) похваляет, и все потомство вечно похвалить будет».¹¹⁶ И все-таки «„Альзира“, „Цинна“ и „Аталиа“... должны уступить первенство „Меропе“ и „Федре“». Сии две трагедии будут вечною честью своим авторам

¹¹¹ Сумароков, ч. VII, стр. 350.

¹¹² Там же, стр. 353.

¹¹³ См.: К. Н. Державин. Вольтер, стр. 331; см. также: К. Н. МсКее. Voltaire's «Brutus» during the French revolution. «Modern Language Notes», 1944, v. LVI, № 2, pp. 100—106.

¹¹⁴ Сумароков, ч. VII, стр. 353.

¹¹⁵ Там же, стр. 353.

¹¹⁶ Там же, стр. 355.

и Мельпомене, и вечною славою Франции, Европе и всему роду человеческому». ¹¹⁷ Правда, в обеих трагедиях он усматривает ряд погрешностей, в «Альзире» — повторение в 3-й и 4-й сценах IV акта, а также «злочестивость» одного из стихов (акт V, сцена 3), в «Меропе» — два эпизода, когда доведенная до отчаяния героиня «сердится на богов» и против них «говорит дерзко». «Я добродетельных людей никогда против богов говорить не заставляю», — пояснил Сумароков свою мысль, и при этом сам предлагал возможное оправдание подобной дерзости («но сие принадлежит, может быть, только до вкуса»). ¹¹⁸

Все наблюдения такого рода тонут, однако, в массе самых высоких эпитетов и прочувствованных слов. «Нечего отличать: все прекрасно в сей трагедии (речь идет о «Меропе», — П. З.) по сие время», — в этом возгласе слышится удивление, почти растерянность человека, который, пытаясь выступить в роли «бесстрастного» судьи, как бы невольно оказывается «слагателем хвалы».

Впрочем, для удивления не было особых причин: на протяжении почти трех десятилетий Сумароков хранил неколебимую, трогательную верность своему французскому «совместнику», которому, по его словам, был еще больше должен, нежели Расину. ¹¹⁹ Современники иронизировали над чувствами «русского Вольтера», ¹²⁰ а иногда без достаточных оснований обвиняли его в слепом подражании тем или иным шедеврам вольтеровского театра, ¹²¹

¹¹⁷ Там же, стр. 356.

¹¹⁸ Там же, стр. 355.

¹¹⁹ Там же, стр. 351; см.: И. А. Дмитриевский. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову. СПб., 1807, стр. 14, 37.

¹²⁰ См. «высказывания» героя комедии Н. П. Николаева «Самолюбивый стихотворец» (1775) Надмена, иными словами — Сумарокова:

... Надуты так собой, таких высоких мер,
Что думают Расин, Корнелий, я, Вольтер,
Не превосходят их, и их не больше славны...

(Русский театр, или Полное собрание всех русских театральных сочинений, ч. XV, СПб., 1787, стр. 82).

... И думаешь, что ты Надмен... или Вольтер.

(Там же, стр. 90).

Был в Греции Гомер достойнейший предмет.
А в Риме, например, Овидий, Плавт, Виргилий,
И им подобные, которые позже жили,
Но с таких один остался лишь Вольтер
И я. Тут лести нет, я не высоких мер.

(Там же, стр. 110—111).

Впрочем, эти насмешки над непомерным тщеславием Сумарокова не означали отрицательного отношения Николаева к его творчеству [см.: А. А. Чебышев. Н. П. Николаев. (Историко-литературный очерк). Воронеж, 1891, стр. 49—53].

¹²¹ См. стихотворную реплику И. И. Хемницера в связи с представлением сумароковской «Семиры»:

«Семиру», говорят, сегодня представляли,
Которую творец «Синава» сочинил.

но едва ли кто-нибудь из них сомневался в том, что деятельность Сумарокова в немалой степени способствовала усилению интереса русской читающей публики к Вольтеру. Особенно существенную роль она сыграла в 1740—50-е годы, когда число почитателей Вольтера и пропагандистов его творчества в России было еще сравнительно невелико. В последующие десятилетия Сумароков оказался лишь одним из многих: увлечение Вольтером приобрело у нас в это время поистине необычайную интенсивность и широту.

II

Вольтерьянство (или, как тогда говорили, «волтеризм») явилось следствием и одной из характернейших черт русского просветительства. По мере того как складывалось это движение, постепенно охватившее едва ли не все области умственной жизни, укреплялся и авторитет Вольтера. В начале же 1760-х годов этому в значительной степени способствовало так называемое «официальное просветительство» Екатерины II, стремившейся завоевать поддержку передовых мыслителей Западной Европы и создать у них иллюзию существования в России просвещенного абсолютизма. Отныне имя «прорицалища нашего века, славного Вольтера»¹²² постоянно присутствует на страницах русской печати, о Вольтере теперь говорят почти все, хотя, разумеется, степень знакомства с его творчеством в разных общественных кругах и просто у разных людей была различной: для одних деятельность Вольтера служила вдохновляющим примером, для других «волтеризм» был всего лишь данью моде (недаром впоследствии Пушкин назовет Вольтера «умов и моды вождь»)¹²³.

В период 60—80-х годов на русском языке впервые зазвучал не один десяток вольтеровских сочинений — памфлетов, исторических трудов, поэм, повестей, трагедий и комедий. Перед русскими переводчиками стояла нелегкая задача: они пытались познакомить русского читателя не только с «фернейским патриархом» — некоронованным властелином Европы, но и с Вольтером времени «Генриады» и «Эдипа», причем в русскую литературу

Мне слышалось, ее «Меропой» называли,
Котору в русское он платье нарядил.

(И. И. Х е м н и ц е р, Полн.
собр. стихотворений, М.—Л.,
1963, стр. 219).

¹²² «Живописец», 1773 (изд. второе) л. 3, стр. 17.

¹²³ Любопытное раннее свидетельство этого увлечения Вольтером в угоду моде находим в стихотворении Василия Санковского «Ученый и преученый»:

... Вольтера же люблю и много почитаю,
Но чтоб не замарать, его я не читаю,
Названия твержу его преславных дел,
Над коими сей муж трудился и потел.

(«Доброе намерение», 1764, февраль, стр. 62).

одновременно вводились образцы самых разных литературных жанров. Это не означало, конечно, что на протяжении трех десятилетий интерес к Вольтеру — философу, историку, поэту, драматургу — оставался неизменно равномерным. В силу потребностей общественной и литературной жизни внимание к одним его произведениям подчас ослабевало и даже замирало, между тем как к другим — усиливалось чрезвычайно. Именно так обстояло, в частности, дело с комедийным творчеством Вольтера, которое приобрело у нас довольно большую известность в самом начале 1760-х годов, на короткое время несколько заслонив даже его «высокую» драматургию, поэзию и прозу.

Это увлечение вольтеровской комедией, на первый взгляд довольно неожиданное, было, однако, фактом вполне закономерным: основанный незадолго до того (1756) русский драматический театр нуждался в расширении репертуара, в особенности комедийного, который насчитывал к тому времени всего несколько названий. Незамедлительно пополнить театральный репертуар — подобным стремлением и было продиктовано создание целого ряда русских переводов иностранных пьес, главным образом французских, и в их числе — комедий Вольтера. Не случайно первое знакомство в России с Вольтером-комедиографом произошло благодаря Петру Семеновичу Свистунову (1732—1808), участнику «кадетских» спектаклей и вообще большому любителю театра.¹²⁴

Характеризуя деятельность Свистунова, автор «Известия о некоторых русских писателях» («Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater», 1768),¹²⁵ между прочим, писал: «Проза его ... необыкновенно приятна, как свидетельствуют несколько прекрасных переводов его для сцены и по другим частям изящной словесности».¹²⁶ Под переводами для сцены подразумевались «Амфитрион» и «Мещанин во дворянстве» Мольера¹²⁷ и одноактная стихотворная комедия Вольтера «Нескромный» («L'Indiscret»), написанная и впервые представленная в 1725 году.¹²⁸

Действительно, перевод этот довольно удачен, он не только гладок (именно это в основном и имел в виду автор «Известия»), но и точен, насколько может быть точен прозаический перевод стихотворного текста. Остроумная зарисовка светских нравов,

---

¹²⁴ См.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов. М., 1953, стр. 81, 99, 100.

¹²⁵ Об этом сочинении и его возможных авторах см.: «Изв. АН СССР», сер. VII, Отд. обществ. наук, 1931, № 7, стр. 937—983.

¹²⁶ Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 136, 152. См. также: И. З. Серман. Комедия Ф. Эмина «Ученая шайка». В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 219—220.

¹²⁷ См.: П. И. Рулин. Русские переводы Мольера в XVIII веке. «Изв. по русск. яз. и словесн. АН СССР», т. I, кн. 1, 1928, стр. 240, 242.

¹²⁸ См.: «Библиографические записки», т. I, № 7, 1858, стр. 208—209.

«Нескромный» должен был звучать вполне злободневно и на русской сцене. По-видимому, Свистунова смущало лишь одно: существование в пьесе Вольтера географических названий и реалий, которые в глазах русского зрителя могли придать ей специфически французский колорит. Поэтому при переводе он изъясил из текста упоминания Франции и провинции Мэн (в слове «Mansseau»),¹²⁹ Париж заменил просто «городом»,¹³⁰ а несколько слов, выражавших чуждые русскому сознанию понятия, перевел более чем приблизительно, например, «le bâton» (т. е. маршальский жезл) как одну из первых должностей в государстве,¹³¹ «compaigneur» — «друг мой»¹³² и т. п. Однако подобных разъяснений было немного. Еще меньше встречается в этом переводе замен, вызванных непониманием тех или иных деталей оригинала — слова «miniature» (у Свистунова — «красота»)¹³³ или выражения «J'en apprendis là de belles» (у Свистунова — «так-то поступают наши красавицы»).¹³⁴ В целом это был добросовестный перевод без всяких попыток «склонить» пьесу на русские нравы, хотя и с отчетливо обозначенной тенденцией ослабить и без того не слишком сильный ее национальный колорит. Впрочем, и это свое намерение переводчик не довел до конца: в «русской» пьесе фигурировал король.

Перевод «Нескромного», подобно прочим переводческим опытам П. С. Свистунова, был сделан для театра, но, по всей вероятности, сценического воплощения не получил. Во всяком случае, «Драматический словарь» об этом не говорит ни слова.¹³⁵ Не вполне ясна также сценическая судьба перевода комедии «Шотландка». Несомненным успехом увенчалась лишь третья попытка такого рода. Речь идет о комедии «Нанина, или Победенный предрасудок», которая не только часто ставилась на русской сцене, но и

---

¹²⁹ См.: Нескромной, комедия сочинения г-на Вольтера. СПб., 1760. стр. 8, 42.

¹³⁰ Там же, стр. 7.

¹³¹ Там же, стр. 14.

¹³² Там же, стр. 15.

¹³³ Там же, стр. 49.

¹³⁴ Там же, стр. 54.

¹³⁵ *Драматический словарь*. М., 1787, стр. 91. — Комедия того же названия была представлена в 1795 году на сцене петербургского Деревянного театра [см.: *Архив дирекции имп. театров*, вып. I (1746—1801), отд. III, СПб., 1892, стр. 163], но идет ли здесь речь о пьесе Вольтера и тем более о переводе Свистунова, неизвестно. Об успешном исполнении «Нескромного» по-французски на театре кадетского корпуса «благородными детьми разных домов» (1775) и воспитанницами Смольного института (1776) см.: «Собрание новостей», 1775, декабрь, стр. 87—88; «Санкт-Петербургские ведомости», 1775, 15 декабря, № 100; 1776, 5 января, № 2; «Московские ведомости», 1775, 18 декабря, № 101; 1776, 22 января, № 7. — Смолянками исполнялась также комедия Вольтера «Блудный сын» (см.: П. Н. Берков. *Материалы для биографии А. Н. Радищева*. В сб.: *Радищев*. Л., 1950, стр. 240).

«всегда публикою во время представления была зрима с удовольствием».¹³⁶

Интерес к названным комедиям был не случаен. Наряду с «Блудным сыном» (1736), «Нанина» (1749) и «Шотландка» (1760) составляли вершину вольтеровского комического театра, что было обусловлено остротой их общественной проблематики и в особенности их художественной новизной. В этих крупнейших комедиях Вольтера получила наиболее отчетливое воплощение выдвинутая им впервые еще в предисловии к «Блудному сыну» мысль о необходимости комедии серьезной и смешной, забавной и трогательной одновременно. Развивая эту мысль в предисловии к «Нанине», Вольтер указал и на тот «гнусный и отвратительный жанр», которому трогательная комедия должна была противостоять. Речь шла, конечно, о «слезной» драме.

Своих воззрений писатель не изменил и позднее: почти то же самое он повторил в предисловии к «Шотландке». Однако несмотря на неизменность его эстетической программы, комедии эти значительно отличаются одна от другой: «Нанина» еще тяготеет к традиционной французской комедии начала века, «Шотландка» в какой-то мере приближается к «буржуазной драме» английского типа.¹³⁷ Английское воздействие ощущается в выборе ее сюжета и в художественной структуре и даже в языке.¹³⁸ Недаром Вольтер выдал «Шотландку» за сочинение эдинбургского пастора Юма, «родственника и друга знаменитого философа Юма, который с такой смелостью и прозорливостью заложил основы метафизики и морали». Впрочем, раскрыть подобную мистификацию не составляло особого труда. Для этого достаточно было одной самой краткой реплики Фрелона, в котором соотечественники Вольтера немедленно узнали его заклятого врага, редактора сборников «*Année littéraire*» аббата Эли-Катрин Фрерона (1719—1776).

Хотя фигура продажного писаки и клеветника должна была вызвать весьма злободневные ассоциации и у русского читателя, самое имя Фрерона ему почти ничего не говорило, а следовательно, и авторство Вольтера могло ему остаться неизвестным. Во всяком случае, даже переводчик «Шотландки»¹³⁹ Александр Про-

¹³⁶ Драматический словарь, стр. 86.

¹³⁷ Об этом см.: Em. Deschanel. Le théâtre de Voltaire. Paris, 1888, pp. 312—321; К. Н. Державин. Вольтер, стр. 354.

¹³⁸ Это отчетливо понял Гримм, который в связи с постановкой «Шотландки» писал: «Настало время нового жанра, более естественного и правдивого, чем наша обычная комедия» (Grimm, Diderot, Raynal, Meister. Correspondance littéraire, philosophique et critique, t. IV. Paris, 1878, p. 276).

¹³⁹ Название русской комедии «Вольный дом, или Шотландка» точно соответствует французскому изданию 1760 года («Café, ou l'Écossaise»). В дальнейшем пьеса всегда печаталась под сокращенным названием «L'Écossaise».

тасов нигде Вольтера не упомянул. Правда, он не назвал и мнимого переводчика этой «английской комедии» на французский язык — Жерома Карре. На титульном листе русского издания в отличие от оригинала значилось лишь имя автора (тоже мнимого) — господин Гум (т. е. Юм).

Перевод Протасова давал читателям довольно точное представление о комедии Вольтера. Отчасти этому способствовали простота ее языка и тот факт, что по образцу английских драм XVIII века «Шотландка» была написана прозой. Так или иначе, но Протасов превосходно справился со своей задачей, почти без всяких искажений передав «реалистичность» и лаконизм вольтеровского стиля.¹⁴⁰

Поднялась ли эта пьеса на театральные подмостки, неизвестно. В «Драмматическом словаре» сведений об этом нет, зато автор словаря отмечает огромный успех трехактной комедии того же названия («Шотландка, или Вольный дом. Комедия в трех действиях, сочинение известного повсюду гремящего автора г. Волтера, переведена на российской язык... Представляется на российских театрах многократно. Она я комедия много имеет в себе вкуса и расположения театра»)¹⁴¹. Возможно, что речь идет о двух разных переводах, но вполне вероятно, что второй перевод — лишь переработка первого, сокращенный его вариант. Допустимо также, что под «Шотландкой, или Вольным домом» в данном случае подразумевалась недошедшая до нас комедия Б. Е. Ельчанинова «Награжденная добродетель». По свидетельству, которое содержится в «Известии о некоторых русских писателях», пьеса Ельчанинова «есть подражание „Шотландке“ Вольтера. Она очень хороша, и автор на верное всегда пользовался бы одобрением публики, если б в пьесе его не было излишней изысканности».¹⁴² Героиня комедии, подобно вольтеровской Линдане, «сирота, благородная, очень добродетельная, но нежность ее слишком искусственна и часто впадает в слезливость. Остальные характеры хорошо схвачены и тщательно обработаны, так что Ельчанинов мог бы поспорить с подлинником Вольтера».¹⁴³ О театральном успехе «Награжденной добродетели», впервые поставленной осенью 1764 г.¹⁴⁴ и заслужившей, как и другая комедия Ельчанинова «Наказанная вертопрашка» (1767), похвалу и одобрение «знающих» и «беспристрастных» людей, сообщает также Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря» (хотя «Награж-

---

¹⁴⁰ Примером сознательного искажения текста может служить замена «короля» — «кардиналом» (Вольный дом, или Шотландка. М., 1763, стр. 32).

¹⁴¹ Драмматический словарь, стр. 159.

¹⁴² Материалы для истории русской литературы, стр. 139.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ См.: М. Н. Лонгинов. Русский театр в Петербурге и Москве. (1749—1774). Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, 1873, т. XI, № 1, стр. 20.

денную добродетель» он смешивает с «Награжденным постоянством» Лукина).¹⁴⁵ Несомненно одно: в том или ином виде «Шотландка» получила в России XVIII века широкую известность. Что же касается протасовского перевода, то даже если пьеса эта и не поднялась на театральные подмостки, свою историческую роль она все-таки сыграла, подготовив русского читателя и зрителя к восприятию комедий Лукина.

Пьесу «Нанина, или Побезженный предрассудок» перевел Ипполит Федорович Богданович. Хотя в 1766 году, когда появился этот перевод, Богданович не достиг еще двадцати трех лет, это было уже не первое его обращение к Вольтеру. В 1763 году на страницах журнала «Невинное упражнение» он опубликовал три своих перевода из Вольтера — фрагмент «О коммерции», поэму «На разрушение Лиссабона» и мадригал «Кто б ни был ты таков».

Первый из названных переводов воспроизводил десятое письмо из цикла «Философских писем об Англии» («Lettres philosophiques sur l'Angleterre»), изданных Вольтером вскоре после его второго пребывания в этой стране и вышедших сначала в английском переводе (1733). Французское же издание их появилось в следующем году, но было немедленно запрещено парижским парламентом и осуждено на сожжение:¹⁴⁶ один из ранних образцов французской просветительской мысли, книга Вольтера с неотразимой убедительностью обнаруживала преимущества социального, политического и государственного устройства Англии по сравнению с существующим во Франции режимом и воспринималась как горячий призыв к преобразованию. Противопоставляя французскому «рабству» английскую свободу и «мудрую смелость мысли», Вольтер демонстрировал это на примерах из самых разных сфер социально-политической и духовной жизни: положение в обеих странах религии, система управления, законодательная и исполнительная власть, наука, философия, литература. Особый раздел он посвятил торговле, составляющей одну из основ могущества Англии, но презираемой во Франции, где знатное происхождение ценится значительно больше, чем деятельность коммерсанта, способствующая процветанию страны.¹⁴⁷

Этот упрек звучал весьма актуально и для других европейских монархий «старого типа», в том числе и для России. Недаром в одном только журнале «Невинное упражнение», выходившем на протяжении всего лишь полугода, тема эта затрагивалась по крайней мере десять раз, причем в сочинениях самых разных литературных жанров. В февральском выпуске журнала была по-

---

¹⁴⁵ См.: Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, стр. 511.

¹⁴⁶ Об этом см.: A. V a c h m a n. *Censorship in France from 1715 to 1750: Voltaire's opposition*. New York, 1934, pp. 101—105.

¹⁴⁷ См.: Ch. D é d e u a n. *Voltaire et la pensée anglaise*. Paris, 1956.

мещена сатира на невежд, в которой, между прочим, содержались и такие строки:

О вы, что ничего не знали никогда,
Но знающими слыть желаете всегда;
Вступаетесь во все и все решите смело,
Входить, во что не зная, безумных только дело.
Вы мните знатностью почтение найти
И по одним чином учеными прослыть. . .
Прилично ль мыслить вам, что вы от всех отменны
И естеством одни вы знанием почтенны,
Что с вами никогда не будет тот сравнен,
Не так коль знатно кто, как вы, во свет рожден».¹⁴⁸

Напечатанная в мартовском номере епистола начиналась словами:

Кто гордость роскоши ногами попирает,
Доволен малым кто, свободен тот бывает.¹⁴⁹

В апрельском выпуске приводилась соответствующая мысль Ювенала («Если ты своим поведением и своими делами заслуживаешь звание честного и почтенного человека, тогда ты благородный»)¹⁵⁰ и затем излагалась история «девицы Марфы Пронзиды», которая «не пожелая вступить не в равный с своим родом брак, скончалась на восьмьдесятм году девицею», а «последние сорок лет своей жизни препроводила она в беспрестанном расказывании о знатности и древности Пронзидов, их дела, достоинства, чины и браки»¹⁵¹ и т. д.

Сходным образом звучат и заключительные слова названного письма Вольтера, кстати, как и весь фрагмент, весьма точно переданные Богдановичем: «Я не знаю, кто больше нужен государству, господин ли щегольски напудренный и знающий точно, в котором часу король просыпается, в котором часу ложится почивать и приемлющий на себя величавый вид, исправляя должность невольника в передней у министра, или купец, который, обогащая свою землю, посылает из своего кабинета повеления в Сурат и Каир и вспомоществует благополучию света».¹⁵² Это была еще одна вариация на все ту же излюбленную участниками журнала тему «равенства всех состояний». Однако при несомненной злободневности письма «О коммерции», наиболее значительным выступлением Богдановича на страницах «Невинного упражнения» явился его перевод «Поэмы о гибели Лисабона».

О знаменитой поэме Вольтера (1756), посвященной лисабонскому землетрясению 1755 года, Богданович мог узнать из самых разных источников, в первую очередь иностранных, но вместе

¹⁴⁸ «Невинное упражнение», 1763, февраль, стр. 57—58.

¹⁴⁹ Там же, март, стр. 132.

¹⁵⁰ Там же, апрель, стр. 165.

¹⁵¹ Там же, стр. 170.

¹⁵² Там же, февраль, стр. 88—89.

с тем и русских. Поэму «О злополучии Лиссабоны», — в числе особенно примечательных произведений Вольтера, «славного писателя нынешнего века и великого стихотворца», — упомянул, в частности, С. Г. Домашнев в опыте «О стихотворстве», напечатанном в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение»,¹⁵³ деятельным участником которого был Богданович.¹⁵⁴ Несколько месяцев спустя в четвертой части за 1762 год журнала «Собрание лучших сочинений» его издатель И.-Г. Рейхель поместил перевод вызванного этой поэмой резко критического «Письма господина Руссо к господину Волтеру» (1756),¹⁵⁵ предпослав ему не менее критические «Примечания» собственного сочинения. В них он доказывал ошибочность воплощенных в поэме философских идей и утверждал, что «г. Волтер в царстве стихотворцев всегда пребудет первейшим стихотворцем, поелику же историк, физик и философ и в наш и в последующий век от часу меньшим казаться будет».¹⁵⁶ По мнению Рейхеля «никто из волтеровых противников нагость философии с большим успехом не показал, как г. Руссо из Женевы».¹⁵⁷ И хотя он хорошо знал, что и «г. Руссо великие противоречия находит в ученом свете» и не считал возможным «умолчать» о его «погрешностях», в данном случае он все же больше сочувствовал Руссо. Впрочем, в существо спора он особенно не вникал: целью его было «примером столь славных мужей показать, с каким благоразумием сочинения славных мужей читать должно и в какие опасности наше юношество вдается, ежели все без размышления читает, что в книгах славнейших мужей и новейших сочинителей находится, ибо чем новейшие многие сочинители суть, тем изобильнейшие суть дерзновенными и безрассудными мнениями, тем скуднейшие основательною и полезною истиною».¹⁵⁸

Однако хотя Рейхель и выражал точку зрения «официальной науки»,¹⁵⁹ обращение к «Поэме о гибели Лиссабона» в 1763 году,

¹⁵³ «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 230.

¹⁵⁴ Краткая характеристика творчества Вольтера, содержащаяся в опыте С. Г. Домашнева, отчасти перекликается с соответствующим пояснением Сумарокова к «Епистоле о стихотворстве». Как и Сумароков, Домашнев особенно высоко оценивает «Генриаду», а также трагедии «Альзира» и «Меропа». Однако сведения, сообщаемые здесь, отличаются, конечно, от приведенных у Сумарокова: помимо «Разговора о человеке» («Discours sur l'homme», 1734—1737), Домашнев называет произведения французского писателя, появившиеся на протяжении 1750-х годов — «Поэму о естественном законе» и трагедию «Танкред». К Вольтеру восходит и целый ряд суждений Домашнева об «английском стихотворстве», а также о Корнеле (см.: Н.-В. Harder. Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Tragödie. 1747—1769. Wiesbaden, 1962, SS. 119—120).

¹⁵⁵ «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», ч. IV, 1762, стр. 235—273.

¹⁵⁶ Там же, стр. 232.

¹⁵⁷ Там же, стр. 232.

¹⁵⁸ Там же, стр. 234.

¹⁵⁹ См.: И. З. Серман, И. Ф. Богданович — журналист и критик. В кн.: XVIII век, сб. 4, М.—Л., 1959, стр. 90—93.

когда вольтерьянство стало поощряемой свыше общественной тенденцией и даже модой, не было актом гражданского мужества. Одновременно в «Невинном упражнении» печатался по частям трактат Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой, если и не возглавлявшей, как это принято считать, все издание, то во всяком случае игравшей в нем первостепенную роль.¹⁶⁰ Гельвецианские идеи можно обнаружить и в других материалах, помещенных в журнале. И все же среди оригинальных сочинений и переводов, в наибольшей степени отмеченных печатью философского свободомыслия, поэма Вольтера резко выделяется силой заключенного в ней протеста против «мирового зла», своим богоборческим пафосом, кстати с большим мастерством воссозданным в переводе:

Нешастливый народ! Плачевная страна,
Где всех ужасных язв жестокость собрана!
О, жалость вечная, воспомянь слезно!
Обманутый мудрец, кричишь ты: все полезно;
Приди, взгляни на сей опустошенный град,
На сей нещастный прах отцов и жен и чад...¹⁶¹

Правда, в ряде мест Богданович смягчил фразеологию Вольтера и, кроме того, опустил предисловие и почти все примечания к поэме, в которых Вольтер уточнял и развивал отдельные, с его точки зрения, особенно важные суждения и мысли. Однако число подобных смягчений незначительно. Что же касается примечаний, то, опуская их, Богданович ни разу не забыл известить об этом читателя, как бы отсылая его к оригиналу.¹⁶² В целом же перевод «Поэмы о гибели Лисабона» явился большой удачей молодого поэта, который, по всей вероятности, сознавал это и сам: в 1773 году он перепечатал этот перевод (в сильно сокращенном виде) под названием «Философические мысли г. Волтера».¹⁶³ В 1801 году поэма была опубликована вновь в сборнике «Правдолюбец, или Карманная книжка мудрого» (вместе с «возражением на оную, писанным Жан-Жаком Руссо»)¹⁶⁴ Именно тогда о переводе Богдановича с сочувствием отозвался Карамзин, отметивший, между прочим, что многие стихи перевода «не уступают красоте и силе французских».¹⁶⁵

---

¹⁶⁰ Ср. П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 144.

¹⁶¹ «Невинное упражнение», 1763, апрель, стр. 173.

¹⁶² См.: И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л., 1957, стр. 241—244.

¹⁶³ Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. СПб., 1773, стр. 46—47.

¹⁶⁴ Правдолюбец, или Карманная книжка мудрого. СПб., 1801, стр. 1—18. См.: «Журнал российской словесности», 1805, ч. I, № 3, стр. 136.

¹⁶⁵ Сочинения Карамзина, т. VII, М., 1820, стр. 177. — Цитируя поэму и замечая, что «такие стихи, написанные молодым человеком двадцати лет, показывают редкой талант для стихотворства», Карамзин прибавлял: ... неко-

Окрыленный удачей, Богданович напечатал вскоре на страницах того же «Невинного упражнения» еще один перевод из Вольтера, несравненно более скромный по своему значению, — «Надпись к статуе амура» («Inscription pour une statue de l'amour dans les Jardins de maisons»), которую он слегка распространил и переосмыслил, превратив в нечто вроде мадригала (под таким названием — вместе с двумя другими аналогичными сочинениями — перевод и был напечатан),¹⁶⁶ а спустя два года сделал попытку завоевать с помощью Вольтера театральные подмостки, избрав для этой цели его комедию «Нанина».

Созданная в период наибольшего успеха драматических произведений Лукина, «Нанина» Богдановича (1765)¹⁶⁷ отчасти приемыкает к разработанному этим драматургом-новатором жанру комедий-«преложений», но во многом и отличается от него. Стремясь вслед за Лукиным «не столько красоту и силу чужестранного писателя показывать, сколько исправлять пороки»,¹⁶⁸ Богданович все же относится к переводимому тексту несравненно более бережно. «Прелгая» стихи Вольтера в прозе, впрочем весьма изящной, он старается при этом по возможности не отступать от оригинала — и в целом, и в деталях. В отличие от Лукина он сохраняет специфически французские титулы героев комедии (баронша Орм, маркиза Ольбан) и не наделяет их русскими именами, правда, за исключением одного — садовника Блеза. Зато Блез не только стал у него Власом, но и заговорил языком русского крестьянина, языком выразительным и ярким, в особенности на фоне безупречно правильной речи образованных персонажей комедии, включая в их число и воспитанную в доме графа Нанину. Весьма показателен в этом отношении разговор Власа с графом и баронессой, в котором он, робя и запинаясь, сообщает господам о своем намерении жениться на Нанине:

торые из них может осудить только набожный, строгий христианин, а не критик; но и в первом случае должен отвечать Вольтер, а не Богданович» (стр. 178). См. также: М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 22.

¹⁶⁶ «Невинное упражнение», 1763, июнь, стр. 300. — Почти одновременно, словно соревнуясь с Богдановичем, эту же надпись более точно и с более точным заглавием перевел А. А. Ржевский:

Кто б ни был ты таков, се обладатель твой.
Есть, был иль будет он владети над тобой.

(«Свободные часы», 1763,
№ 6, стр. 357).

Позднее (1798) она привлекла также внимание И. И. Дмитриева (см.: Н. Карамзин. И. Дмитриев. Избранные стихотворения. Л., 1953, стр. 448) и А. П. Бенитского (1807) (см.: Поэты-радищевцы. Л., 1935, стр. 690, 828—829). См. также: «Еженедельник», 1792, № 5, стр. 80.

¹⁶⁷ См.: Г. Геннадн. Автобиография И. Ф. Богдановича. «Отечественные записки», 1853, кн. IV, стр. 185.

¹⁶⁸ Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, стр. 116.

Граф. Что ты?

Влас. Я, миласливый асударь, пришел вашей милости покутиться об моей некоторой нужде.

Граф. Ну, о чем?

Влас. Не во гнев вашей милости, я хочу жениться...

Граф. Хорошо, я с радостью позволяю. Мне твое намерение очень нравится, и я тебе помогу; я люблю, когда у меня женятся. Ну, да невеста твоя хороша ли?

Влас. А! Миласливый асударь, не нагляделся бы на ей...

Граф. Разве она тебе сказала о любви своей?

Влас. Пра любовь свою, судырь? Да... Нет, судырь... Она совсем пра то обьевила, а дала только мне намеки, что ей также... не противна, судырь. Потому что она часто около меня вьется, и все ко мне сама забегает; всегда говорит так ласкава, так ласкава. Очинь... очинь приветлива, судырь, называет мене дружочик мой, а инажды скажет: милинькай дружочик, помаги мне зделать пучок цветов, штоб был по нраву моему милому господину, ана так вашу милость называет, судырь, и как станит вязать пучок, уж так смотрит умильно, так прелестно, памилуй бог, судырь, и неведать а чом кабы запечалитца. Над цветами, кабы сама себе не знает, пригорюнитца, кабы што у ей кручинная на сердца лежит, судырь, все вздыхает жалобно гляючи, и все так гляючи, судырь, да, судырь, гляючи... ги... ги... Уж вити видно по тому, судырь.

Граф. Влас, поди... Боже мой! и я ей нравлюсь...¹⁶⁹

В какой-то мере это «фонетическое» воспроизведение средствами орфографии особенностей «мужицкой» речи (к тому же утрированное ради комического эффекта) было подсказано Богдановичу самим Вольтером: языковая характеристика Блеза ощущается довольно отчетливо, несмотря на стихотворный текст.¹⁷⁰ (Эта традиционная черта французской классической комедии восходит еще к середине XVII века, ее родоначальником считается Сирано де Бержерак, отдал ей дань и Мольер, но особенно сильно она проявилась в творчестве Дюфрени, Данкура и Мариво).¹⁷¹ Однако в большей степени Богданович следует здесь русской традиции, не столь давней, но к тому времени уже достаточно очевидной, и прежде всего художественным открытиям Лукина.¹⁷² У Вольтера

¹⁶⁹ Нанина, или Побежденное предрассуждение. Комедия в трех действиях. Переведена с французского. СПб., 1766, стр. 15—18.

¹⁷⁰ См., например:

. . . Ah! la voici. Madame la baronne
En ma faveur vous a parlé, mignonne.
Ouai, elle écrit sans me voir seulement.

(Acte II, scène 5).

Ha, ha, ha, ha qu'elle est bien attrapéel
Elle n'a là qu'un chiffon de papier;
Moi, j'ai l'argent, et je m'en vais payer
Philippe Hombert; faut servir sa maîtresse.
Courons.

(Acte II, scène 6).

¹⁷¹ Об этом см.: F. Deloffre. Une préciosité nouvelle. Marivaux et le marivaudage. Etude de langue et de style. Paris, 1955, pp. 175—185; J.-B. Ratermanis. Etude sur le comique dans le théâtre de Marivaux. Paris—Genève, 1961, pp. 16—18.

¹⁷² См.: П. Н. Берков. Владимир Игнатьевич Лукин, стр. 52—53; Г. П. Князькова. Лексика народной разговорной речи в комедии и коми-

«окраска» речи едва намечена, лишь обозначена скупыми, хотя и точными штрихами; в пьесе Богдановича она достигает большой интенсивности, придавая «русский» колорит не только фигуре Власа, но и всему произведению в целом.

После 1766 года в литературных занятиях Богдановича наступает перерыв: до начала 1769 г. он находится в Дрездене в качестве секретаря русской миссии при саксонском дворе. Лишь вернувшись на родину, он возобновляет журнальную, переводческую, а позднее и писательскую деятельность, которую уже не прекращает до конца 1780-х годов. Но среди его довольно многочисленных переводов этих лет творчество Вольтера занимает предельно скромное место. Это всего лишь одно произведение — стихотворное послание «Екатерине II, российской императрице» (1771), написанное в поддержку России в ее войне с Турцией. Перевод, сравнительно точный, был под названием «Стихи г. Волтера, в России переведенные» напечатан в журнале «Вечера» и по существу явился и своеобразным откликом русского поэта на военную кампанию конца 1760-х—начала 1770-х годов.¹⁷³ В 1773 г. Богданович опубликовал этот перевод снова под другим заглавием и в несколько измененном виде: хотя со времени его появления прошел только год, Богдановичу многое уже показалось сомнительным и неудачным. Он изменил ряд выражений и слов, иногда приближаясь к подлиннику, иногда, напротив, отдаляясь от него. Главное же «преобразование» заключалось в перестановке отдельных строк и даже «строф» — с целью «логизировать» французское стихотворение. Так, описание страждущей под турецким игом Греции у Вольтера прерывалось словами благодарности, обращенными к Екатерине II. Богданович перенес их в конец, присоединив к финальному «воззванию»:

Екатерина, мстя за россов и за честь,
По человечеству явила всем услугу, —
Во обществе и я благодарю за месь,¹⁷⁴
Ревнуя в чувствии всему земному кругу.

ческой опере 60—70-х годов XVIII века (материалы и наблюдения). В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, стр. 139—151; см. также: Р. К. Превратухина. Лексика и фразеология комедии В. И. Лукина «Задумчивой». «Уч. зап. Шахтинск. пед. инст.», т. II, вып. 5, 1958, стр. 159—215.

¹⁷³ И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы, стр. 244—245. — Аналогичный характер имел перевод двух других антитурецких сочинений Вольтера — «Traduction du poème de Jean Plokof... sur les affaires présentes» (1770) и «Le Tocsin des gois» (1771). Первое было издано в 1771 году под названием «Поема о нынешних делах, или Увещения о восприятии против турок оружия» (переиздано в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов; по той же причине другой перевод этого сочинения, сделанный Иваном Лафиновым, был напечатан в журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1790, июнь, стр. 58—64), второе — в 1779 году («Новое издание, называемое Набат на разбуждение королей»).

¹⁷⁴ Ср. «Вечера», 1772, вечер 23, стр. 180 («Я, так как человек, благодарю за месь»).

Сверши, монархия, сверши твои дела:
Конечно божество тебе преднаписало,
Чтоб к страху ты привесть и к разуму могла
Султана и невежд, которые мыслят мало.¹⁷⁵

В то же время сопоставление угнетенной Греции с папским Римом теперь показалось Богдановичу ненужным уклонением от темы, и он уничтожил его совсем.¹⁷⁶ Опустил он и почти все примечания Вольтера, не без оснований считая, видимо, что напоминать русскому читателю события еще не оконченной войны совершенно излишне.

В дальнейшем интерес к Вольтеру у Богдановича ослабевает, и о былом его увлечении творчеством «фернейского патриарха» время от времени напоминает лишь «Нанина», которая с успехом ставится то на казенной сцене, то «на многих домашних театрах». Очевидно, именно по этой причине пьеса в 1788 году выходит вторым изданием (в точности воспроизводящим первое),¹⁷⁷ а за год до того удостоивается сочувственного отзыва в «Драматическом словаре».¹⁷⁸

После 1765 года новых переводов вольтеровских комедий на русском языке не появлялось: потребность в комедийном репертуаре была уже не столь острой, да и художественные ориентации к этому времени несколько изменились. Комедии Вольтера теперь все чаще предпочитают драматургию Дидро. Около 1764 года в русском переводе выходит комедия «Побочный сын» с любопытным предисловием переводчика — Евстигния Харламова, который настойчиво рекомендовал читателям этот «новый род драматического стихотворства, новые забавы им предвещающий».¹⁷⁹ В 1765 году в переводе С. Глебова появляется «Отец семейства», а год спустя — снова «Побочный сын». Тогда же к Дидро обращается Б. Е. Ельчанинов. По свидетельству Н. И. Новикова, он перевел и обе комедии великого просветителя, и «речи его о драматическом искусстве».¹⁸⁰ Ни один из названных опытов Ельчанинова не увидел свет (и не сохранился), но комедии, по-видимому, ставились на сцене, «речи» же распространялись в списках. Вскоре начали появляться и отечественные произведения «во вкусе дидеротовом» (отчасти к ним принадлежит, например, фонвизинский «Бригадир»).¹⁸¹

¹⁷⁵ Лира, или Собрание разных в стихах сочинений. . . , стр. 44.

¹⁷⁶ «Вечера», 1772, вечер 23, стр. 181; ср.: Лира, или Собрание разных в стихах сочинений. . . , стр. 42.

¹⁷⁷ Нанина, или Победенное предрассуждение, комедия в трех действиях. Переведена с французского. Изд. 2. М., 1788.

¹⁷⁸ Драматический словарь, стр. 86—87.

¹⁷⁹ Дидро. Побочный сын, или Испушени добродетели. Комедия в пяти действиях и простою речью писанная. <1764>.

¹⁸⁰ Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 139.

¹⁸¹ См.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. М.—Л., 1961, стр. 127—135.

В этой атмосфере широкого увлечения «серьезным жанром» комедийное творчество Вольтера естественно отходит на второй план, хотя интерес к нему в театральных кругах не пропадает. И по той же самой причине пьеса Вольтера, в которой обнаруживается наиболее сильное воздействие Дидро, в это время была переведена на русский язык дважды. Речь идет о его «драматическом сочинении» «Сократ» (1759).

Драматическим сочинением Вольтер назвал свою пьесу не случайно. В его понимании «серьезный жанр», в котором он на этот раз выступал, к драматургии имел лишь косвенное отношение. «Сократа» он рассматривал скорее как драматизованный памфлет. В предисловии к нему, написанном от имени мнимого переводчика, голландца Фатема, в качестве автора «Сократа» фигурировал Джеймс Томсон. Это мистифицирующее утверждение избавляло Вольтера от возможных обвинений в распространении «пагубных» идей. Имя «покойного г-на Томсона» прикрывало вольтеровский антиклерикализм и внешне смягчало заключенную в драме проповедь политической и религиозной терпимости. С целью мистификации Вольтер изложил даже «творческую историю», или точнее предысторию «Сократа». Он сообщил, в частности, о сомнениях Аддисона, который будто бы собирался трактовать эту тему до Томсона, но отказался — ввиду ее неактуальности в стране, где никого не преследуют за убеждения и где терпимость столь необычайно способствовала росту населения и народного благосостояния. Иносказательный смысл этих слов был вполне очевиден, но «покойный г-н Томсон» опять-таки придавал им совершенно невинный характер.¹⁸²

Мнимо английским происхождением «Сократа» объяснил Вольтер и некоторую необычность или во всяком случае нетрадиционность его художественной манеры. При этом он ссылался на «методу Шекспира», мастерски рисовавшего людей разного состояния, смело выводившего на сцену народ, изображавшего человеческую жизнь в самых различных ее проявлениях.¹⁸³ Отдавая безусловное предпочтение трагедии с ее ничем не нарушаемой величавостью («le sublime continu») Вольтер допускал существование и другого, «смешанного» жанра. Шекспир упоминался здесь не без оснований. Однако в не меньшей степени этого заслуживали английские драматурги XVIII века (Мур и Лилло) и, конечно, Дидро, тем более, что в его «Рассуждении о драматической поэзии» (1758) в качестве желательного сюжета серьезной (фило-

---

¹⁸² R. M. Davis. Thomson and Voltaire's «Socrate». PMLA, 1934, № 2, pp. 560—563.

¹⁸³ Об отношении Вольтера к Шекспиру см.: H. Lion. Les tragédies et les théories dramatiques de Voltaire. Paris, 1895, ch. II.

софской) драмы была названа «Смерть Сократа» и там же приводился ее возможный эскиз.¹⁸⁴

Впрочем, этим планом Вольтер воспользовался лишь отчасти. Вместо «зрелища самого трогательного, чтения самого поучительного и сладостного»,¹⁸⁵ о котором мечтал Дидро, он создал остро сатирическое произведение, полное обличительных тирад и злободневнейших политических намеков. Кстати, именно насыщенность «Сократа» аллюзиями и побудила Вольтера скрыться под очередным псевдонимом и отказаться от мысли увидеть пьесу на театральных подмостках.¹⁸⁶

В русских литературных и читательских кругах эта особенность «драматического сочинения» Вольтера сколько-нибудь сильного интереса и отклика вызвать не могла. Выведенные в пьесе заклятые враги Вольтера, «антипросветители» генеральный прокурор Жоли де Флери, аббат Ноннот, Абраам-Жозеф де Шоме, Гийом-Франсуа Бертье в России были тогда малоизвестны. Но просветительский пафос «Сократа», его социальный и нравственный смысл (равно как и его художественное своеобразие) оказались близки русской читающей публике. На это указал и один из переводчиков драмы, некто Н. К. в посвящении гр. И. Г. Чернышеву. Н. К. сознавал, что переводит «сочинение такого содержания, где правда и беспристрастие души, где просвещение разума от предрассудков освобожденного изображается, а злоупотребление и невежество суть осмеяны и презренны».¹⁸⁷ Отчетливое понимание вольтеровского замысла в сочетании с незаурядным переводческим умением и помогли Н. К. создать превосходное для того времени «преложение» «Сократа», что особенно очевидно при его сравнении с предшествующим, выполненным в 1774 году.¹⁸⁸

Автор его Евдокия Федоровна Болтина (урожденная княжна Голицына)¹⁸⁹ достаточно хорошо владела французским языком и поняла оригинал не хуже, чем ее «соперник». (Неточности, пропуски, отдельные искажения смысла неоднократно встречаются у них обоих). Отличительная особенность второго из этих перево-

---

¹⁸⁴ См.: В. Бахмутский. Вольтер и буржуазная драма. (К вопросу об отношении Вольтера к эстетической теории Дидро). «Вопросы литературы», 1958, № 4, стр. 179—205; Н. А. Сигал. Вольтер. М.—Л., 1959, стр. 95—97; см. также: N.-L. Torrey. Voltaire's reaction to Diderot. PMLA, 1935, № 4, pp. 1107—1143.

¹⁸⁵ Д. Дидро, Собр. соч., т. V, Изд. «Academia», 1936, стр. 351. См.: Н. Mølberg. Aspects de l'esthétique de Diderot. København, 1964, ch. IV.

¹⁸⁶ См.: G. Desnoiresterres. Voltaire et la société française au XVIII siècle, v. V, Paris, 1873, pp. 483—484.

¹⁸⁷ Сократ, драма, сочинение г. Томпсона, из дел г. Волтера. СПб., 1780, стр. 2.

¹⁸⁸ Сократ, драма, с французского на русский язык перевела***. М., 1774 (часть тиража вышла под названием «Аглая»).

¹⁸⁹ Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. I. Берлин, 1876, стр. 102—103.

дов в ином. В нем ощущается настойчивое стремление передать стилистическое своеобразие «Сократа» — невысказанное в «настоящей» трагедии, но вполне уместное в «трагедии мещанской», сочетание очищенной, сглаженной речи (Аглая, Софроним) и речи обыденной, разговорной (Ксанטיפпа, Дрикса). У Е. Ф. Болтиной эта обыденность почти не передана, живую речь здесь, как правило, заменяет изящный, но невыразительный пересказ. Между тем Н. К. старается воспроизвести не только лексику, но и фразеологию, и даже интонацию — и часто достигает успеха. В этом нетрудно убедиться, сопоставляя оба русских «переложения» одной из наиболее колоритных в языковом отношении сцен — разговора Ксанטיפпы, жены Сократа, с любовницей Анитуса — Дриксой (акт II, сцена 5) или даже несколько их реплик и слов. «Eh bien! madame Xantippe, voilà comme vous êtes maîtresse chez vous!», — в интерпретации Е. Ф. Болтиной эта фраза приобретает несвойственную разговорной речи обстоятельность и гладкость («Ну, госпожа Ксанטיפпа, вот как ты можешь повелевать в своем доме!»); между тем у Н. К. она звучит почти по-вольтеровски лаконично и резко: «Так-то, госпожа Ксанטיפпа, такая-то ты хозяйка в доме».¹⁹⁰ Далее Дрикса говорит о том, что «проклятый Сократ» похищает у нее («m'enlève») молодого красавца (т. е. Софронима), которого она намерена на себе женить. На первый взгляд, Е. Ф. Болтина передает эти слова точнее («Сей проклятый Сократ похищает у меня...»). Однако лексически и интонационно к Вольтеру значительно ближе текст Н. К.: «Проклятый твой Сократ вырывает у меня кусок из роту...».¹⁹¹ Точно так же обстоит дело и с возгласом Ксанטיפпы «Que voulez-vous que j'y fasse?» (речь идет о Сократе). Е. Ф. Болтина переводит дословно и потому бесцветно («Что ж вы хотите, чтоб я с ним делала?»); Н. К. добавляет «от себя» два слова, и возглас получает весьма характерную окраску, вполне отвечающую духу подлинника: «Что прикажешь с таким уродом сделать?».¹⁹² Еще более очевидно это на примере реплики, которую Ксанטיפпа бросает вслед уходящей Дриксе: «Mon dieu, je crains que tous ces gens-là ne jouent quelque tour à mon mari» — «Боже мой! я страшусь, чтоб все сии люди не сделали какого несчастья моему мужу» (Е. Ф. Болтина); «Ахти, чтоб эта сарынь не накутила мужу моему хлопот» (Н. К.). Нейтральное «все сии люди» не соответствует презрительному «tous ces gens-là» в то время как «сарынь» передает этот оттенок очень точно¹⁹³ и т. д.

К сожалению, не сохранилось свидетельств о восприятии перевода Н. К. в современных читательских кругах. Характеристика

¹⁹⁰ Сократ. СПб., 1774, стр. 26 (ср.: Сократ. СПб., 1780, стр. 53).

¹⁹¹ Там же, стр. 27 (ср.: Сократ. СПб., 1780, стр. 54).

¹⁹² Там же (ср.: Сократ. СПб., 1780, стр. 55).

¹⁹³ Там же (ср.: Сократ. СПб., 1780, стр. 55).

«Сократа» в «Драмматическом словаре» (правда, более чем лаконичная) относится только к «преложению» Болтиной: «Сократ. Драмма в трех действиях, переведена с французского языка, напечатана при Московском университете в 1774 году. Сия пиеса должна быть уважаема в рассуждении материи, в ней находящейся, и точности перевода».¹⁹⁴ По-видимому, сглаженность перевода вполне соответствовала вкусам автора «Драмматического словаря». В силу же каких причин он совсем не упомянул перевод 1780 года, неизвестно. Возможно, опыт Н. К. возмутил его своей чрезмерной реалистичностью. Но даже и в этом случае он едва ли обошел бы молчанием вторичное издание на «русском языке» произведения, внушавшего ему такое сочувствие. По всей вероятности, он просто не знал об этой книге и даже не мог предположить, что в столь короткое время появились два разных перевода одного и того же (и притом отнюдь не самого знаменитого) драматического сочинения Вольтера.

Вершиной творчества Вольтера-драматурга в представлении его современников (и едва ли не всех последующих поколений) была трагедия, составившая особую эпоху в истории французской общественной мысли, литературы и театра. Насыщенная актуальным политическим и философским содержанием, новаторская по своей художественной манере (хотя и не порывавшая с традицией минувшего столетия), вольтеровская трагедия на протяжении всего XVIII века оказывала огромное воздействие на умы и чувства людей во многих странах мира — от Англии¹⁹⁵ до Швеции,¹⁹⁶ от Германии¹⁹⁷ до Италии,¹⁹⁸ от Испании¹⁹⁹ до России.

* * *

В русских театральных и читательских кругах интерес к высокой драматургии «славного Волтера» проявился сравнительно рано. Помимо дифирамбических суждений Сумарокова, об этом свидетельствует, например, исполнение еще в 1746 году французской труппой «Альзиры» (комедии «Алджир», как именовалась она в камер-фурьерском журнале),²⁰⁰ в 1750-х годах каде-

¹⁹⁴ Драмматический словарь, стр. 131—132.

¹⁹⁵ H. L. Bruce. Period of greatest popularity of Voltaire's plays on the english stage. «Modern Language Notes», 1918, v. XXXIII, № 1, pp. 20—23.

¹⁹⁶ K. R. G. Strömberg. La tragédie voltairienne en Suède. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1916, pp. 107—119.

¹⁹⁷ H. A. Korff. Voltaire im literarischen Deutschland des XVIII. Jahrhunderts, Heidelberg, 1917, Bd. I, Kap. III.

¹⁹⁸ E. Bouvy. «Zaïre» en Italie. «Bulletin italien», 1901, t. I, pp. 22—28.

¹⁹⁹ G. Moldenhauer. Voltaire und die spanische Bühne im 18. Jahrhundert. Philologisch-philosophische Studien. Festschrift für Eduard Wechsler. Jena—Leipzig, 1929, SS. 115—131.

²⁰⁰ «Журналы церемониальный, банкетный, камер-фурьерские и путевые 1746 года», стр. 17.

тами (на французском языке) «Эдипа»,²⁰¹ а позднее «Магомета». ²⁰² Весной 1763 года в Москве «кавалерами при дворе» была поставлена «Заира» (по сообщению С. Порошина, в этом спектакле «князь Петр Васильич Хованской Люзиньяна представлял весьма хорошо, а графиня Варвара Александровна Бутурлина ... была Заира и всем чрезвычайно понравилась»).²⁰³ Год спустя, отмечает тот же Порошин, «Заиру» сыграли в Петербурге актеры французской придворной труппы ²⁰⁴ (в 1765 году ими же был представлен «Магомет»).²⁰⁵ В письме от 23 марта (3 апреля) 1772 года Екатерина II известила Вольтера об исполнении этой же трагедии воспитанницами Смольного института.²⁰⁶ Наконец, спустя три года постановку той же трагедии на петербургском придворном театре «для удовольствия публики и не менее для собственной похвальной забавы» осуществило «некоторое благородное общество, имеющее вкус, охоту и таланты к театральным представлениям». Участники спектакля «аплодированы были всею публикою, для которой роздано было полторы тысячи билетов».²⁰⁷

Имеются и другие, довольно многочисленные свидетельства все нарастающего внимания русских людей к трагедийному творчеству Вольтера.²⁰⁸ Однако и в совокупности своей все эти факты лишь очень неполно отражают процесс, происходивший в русском обществе и литературе тех лет.²⁰⁹ В частности, трудно допустить, что до конца 1760-х годов существовал лишь один русский перевод из Вольтера — трагического поэта, а именно — фонвизинская «Альзира» (1762). Между тем каких-либо иных материалов такого рода не обнаружено, и этот ранний литературный опыт великого драматурга оказывается одной из наиболее ценных иллюстраций к первоначальной истории «русского Вольтера».²¹⁰

²⁰¹ Н. В. Дриз е н. Любительский театр при Елизавете Петровне (1741—1761). «Исторический вестник», 1895, т. LXI, стр. 710.

²⁰² См.: «Русская Талия на 1825 год», стр. 18.

²⁰³ С. А. П о р о ш и н. Записки. СПб., 1881, стр. 14—15.

²⁰⁴ Там же, стр. 14.

²⁰⁵ Там же, стр. 411.

²⁰⁶ Переписка императрицы Екатерины II с господином Волтером, ч. II, стр. 106.

²⁰⁷ «Собрание новостей», 1775, ноябрь, стр. 25—26; «Санкт-Петербургские ведомости», 1775, 27 октября, № 86; «Московские ведомости», 1775, 6 ноября, № 89; см. также: «Северная пчела», 1860, № 259, стр. 1075—1080.

²⁰⁸ О постановке семи трагедий Вольтера («Аделаида Дюеклен», «Альзира», «Заира», «Китайский сирота», «Магомет», «Танкред», «Эдип») на французском языке в Петербурге, в 1780—90-е годы см.: Архив дирекции имп. театров, вып. 1, отд. III, СПб., 1892, стр. 179, 180, 187, 188, 190, 193, 194, 204, 205, 208.

²⁰⁹ См., например: С. А. П о р о ш и н. Записки, стр. 9, 117, 249, 550 и др.

²¹⁰ Среди книг, «означенных к переводу» в Собрании, старающемся о переводе иностранных книг, значатся и «лучшие драматические сочинения из ... Вольтера ... стихами» (В. П. С е м е н н и к о в. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783. СПб., 1913, стр. 89). Однако об этих переводах ничего не известно.

В «Чистосердечном признании», подводя итог своей жизни, Фонвизин писал об «Альзире» с некоторым смущением, как о «грехе юности», едва достойном упоминания: «...признаюсь, что будучи недоволен переводом, не отдал его ни на театр, ни в печать».²¹¹ Но и в этом его «финальном» сочинении-исповеди, и особенно в одном из его писем к сестре, Ф. И. Аргамаковой, прощаются все же ноты удовлетворенности этим трудом. В «Чистосердечном признании» он отмечает, что благодаря успеху «Альзиры» «начал иметь некоторое мнение» о собственном даровании «и был замечен с хорошей стороны».²¹² В письме же к сестре он просит прощения за то, что еще не прислал ей экземпляр (список) своего перевода, и не без гордости сообщает причину: «Третьего дня после обеда был я у графа Г. Г. Орлова и вручил ему один. Он меня весьма благодарил. Тут же случился и граф Федор Григорьевич, которому я другой экземпляр принужден был отдать. На ямской же почте, конечно, и к тебе, матушка, пришлю».²¹³

Таким образом, и современники, и сам Фонвизин рассматривали его «Альзиру» отнюдь не как безоговорочную неудачу.²¹⁴ Пьеса расходилась в многочисленных списках, с интересом читалась и положила начало известности будущего драматурга. При этом поводов для огорчения было, конечно, вполне достаточно: в переводе имелись неточности и ошибки (наиболее грубая из них вызвала даже ироническую стихотворную реплику А. С. Хвостова),²¹⁵ двенадцатисложный стих Фонвизина не отличался ритмической четкостью и т. д. Но вместе с тем это был первый получивший сколько-нибудь широкое распространение русский перевод вольтеровской трагедии вообще и «Альзиры» в частности, и притом перевод, не лишенный серьезных литературных достоинств. Фонвизин добросовестно следовал оригиналу, пытаясь по возмож-

²¹¹ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, т. II, М.—Л., 1959, стр. 94.

²¹² Там же.

²¹³ Там же, стр. 328.

²¹⁴ Даже через много лет после создания перевода Фонвизин продолжал испытывать к «Альзире» особый, «личный» интерес. В апрельском письме 1778 года из Парижа он сообщил: «В прошлый понедельник открыты были все театры. Мы с женою предпочли видеть „Альзиру“» (Д. И. Фонвизин, Собр. соч., т. II, стр. 447). Выдающийся литературный памятник, письма Фонвизина из-за границы представляют большую ценность и по содержащемуся в них обширному вольтеровскому материалу. С замечательной живописностью и обстоятельностью писатель воссоздает в них, между прочим, пребывание Вольтера, «этого чудотворца», в Париже весной 1778 года, его увенчание на шестом представлении «Ирины», посещение им французской Академии и т. д. (там же, стр. 440—442, 447—448, 469—472). Об этом см.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин, гл. VII.—Упоминания Вольтера в других сочинениях Фонвизина многочисленны (см.: Д. И. Фонвизин, Собр. соч., т. I, стр. 234; т. II, стр. 102—103, 370, 535).

²¹⁵ См.: П. А. Вяземский. Фон-Визин. СПб., 1848, стр. 332.

ности переводить «стих в стих», а главное — в том же стилистическом ключе.²¹⁶ Особенно примечательно весьма умеренное использование им славянизмов и прочих атрибутов «высокого штиля», тем более что ими до краев наполнен второй перевод той же трагедии, осуществленный почти четверть столетия спустя.

Его автору Петру Матвеевичу Карабанову (1764—1829), по видимому, казалось, что переводит он предельно добросовестно и точно: от вольтеровского текста он отступал лишь изредка, и снабжал его собственными разъяснениями, словом, почти ничего не привносил в этот текст от себя. Но старательно «прелагая» пьесу Вольтера «российскими стихами», Карабанов как бы переносил ее в другую тональность; в его истолковании «Альзира» приобретала черты русской трагедии «сумароковского толка».

Даже в 1780-е годы подобная интерпретация Вольтера производила тягостное впечатление. И. А. Крылов откликнулся на выход перевода в свет язвительным четверостишием, которое положило начало «антикарабановским высказываниям» в русской поэзии, сопутствовавшим творцу «российской „Альзиры“» почти до конца его дней:

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть,
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что точно грешникам по смерти мука есть.²¹⁷

Однако Крылов все же выразил для того времени крайнюю точку зрения (возможно, отчасти продиктованную и личной неприязнью). Прямо противоположной, но тоже крайней была и точка зрения журнала Ф. Туманского «Зеркало света», поместившего хвалебный отзыв о самой трагедии и ее русском переводе. (Впрочем, в какой-то мере и это суждение было вызвано привходящими обстоятельствами: Карабанов деятельно участвовал в издании Туманского). «О сочинении и расположении сея трагедии, — писал журнал, — говорить нет надобности, если токмо предуведомить читателей, что она есть произведение г. Вольтера и исполнена красот, свойственных дарованиям и образу мыслей великого сего мужа. Что касается и до перевода российскими стихами, то надобно отдать честь трудившемуся в переводе г. Карабанову, что он многие красоты подлинника изобразил на российском языке счастливо, и желательно, чтобы продолжал свое трудолюбие, подав опытами весьма хорошую о своих дарованиях надежду».²¹⁸

---

²¹⁶ Подробнее об этом см.: А. Станкевич. «Альзира» Вольтера в переводе Фон-Визина. «Русский архив», 1887, № 10, стр. 304—312.

²¹⁷ «Русский архив», 1863, № 12, стр. 895.

²¹⁸ «Зеркало света», 1786, ч. 2, № 26, стр. 165—166. — Здесь же «для примера» приводился перевод первой и седьмой сцен III действия трагедии (стр. 166—168).

По всей вероятности, истина находилась посредине. Традиционная «красноустроенность» по-прежнему считалась отличительной чертой трагедийного стиля, но в столь преувеличенном виде уже тогда казалась слишком архаичной. Российский «прелатгатель» знаменитой французской трагедии не уловил перемен, происходивших в «русском языке».

Вскоре, однако, и он до какой-то степени это осознал. При подготовке второго издания (1798) Карабанов, не упуская случая восполнить пропуски и выправить ошибки, подверг перевод особенно серьезной переработке по линии обновления его языка. Так, «славенское» «днесь» он заменил не столь возвышенным «теперь»,²¹⁹ «зрак» — «взглядом»²²⁰ и соответственно «зрети» — «видеть»,²²¹ «яви» — «открой», «спасть» — «спасти»²²² и т. д. Некоторое обновление претерпел также поэтический синтаксис Карабанова: в тексте 1798 года значительно меньше инверсий. Разумеется, это «пересоздание» трагедии было лишь частичным; в ряде же мест Карабанов не только не облегчил стиль произведения, но, наоборот, сообщил ему тяжеловесность, отсутствовавшую в первоначальной редакции.²²³ И все-таки даже столь скромная

219

Мой сын, вручи ты мне забытых пленных сих,
Задержанных тобой днесь во стенах градских.
(Альзира, или Американцы.
Трагедия, соч. г. Вольтера.
СПб., 1786, стр. 5).

Ср.:

Мой сын, вручи ты мне неважных пленных сих,
Которых задержал теперь в стенах градских.
(Альзира, или Американцы.
Перевод, противу прежнего
издания, в 1786 году, во
многих местах исправленный.
СПб., 1798, стр. 4).

220

Поверь, не пустим их зрак гордый свой стремить. . .
(Изд. 1786 г., стр. 5).

Ср.:

Доверь, не пустим их свой гордый взгляд стремить. . .
(Изд. 1798 г., стр. 4).

221

Чтоб гнусным зрети в сих краях жаров безмерных. . .
(Изд. 1786 г., стр. 6).

Ср.:

Чтоб гнусным видеть в сих краях жаров безмерных. . .
(Изд. 1798 г., стр. 5).

222

. . . Вещай, яви дорогу,
Как спасть ее. . .
(Изд. 1786 г., стр. 75).

Ср.:

. . . Вещай, открой дорогу
Спасть ее. . .
(Изд. 1798 г., стр. 59).

223

И сам от дочерних очей он мрак отгнал.
(Изд. 1786 г., стр. 9).

Ср.:

И дщери своая он мрак очей разгнал.
(Изд. 1798 г., стр. 8).

реформа сыграла свою роль: в этом исправленном виде «Альзира» была поставлена на сцене — «прежде на городском театре и потом в Гатчине (т. е. при дворе, — П. З.) и имела большой успех».²²⁴

Правда, в дальнейшем пьеса ставилась довольно редко — «один только раз в два или три года», но встречалась она с сочувствием, по крайней мере в проклассических кругах. Об этом убедительно свидетельствует рецензия на спектакль, состоявшийся 17 апреля 1806 г., причем восхищение анонимного критика вызвало не только «прекрасное произведение Вольтера», но и карабановский перевод. «Что касается до перевода „Альзиры“ — писал он, — то посоветуем г. переводчикам из стихов в стихи брать его в образец! Нельзя не подивиться, с какой точностью переложил г. Карабанов стихи Вольтеровы, и как умел удержать силу и красоты подлинника».²²⁵

Однако с течением времени, по мере эволюции художественных вкусов, критика заметно охладевала и к самой трагедии, и к переводу. В рецензии 1811 года имя Карабанова вообще не упоминалось,²²⁶ а выпущенное им в том же году третье издание трагедии с утешительным подзаголовком: «противу первых в некоторых местах исправленное» (кстати, это соответствовало действительности: текст 1811 года отличался от предшествующего несколько большей «современностью» языка и отработанностью перевода) не вызвало никаких откликов, за исключением четырех стихов в послании А. Ф. Воейкова к Д. В. Дашкову, по смыслу и тону сходное с приведенной выше эпиграммой Крылова:

Вот здесь Альзира слезы льет:
Ее свирепый нрав Гусманов
Не мучит так, как перевод,
Который сделал Карабанов.²²⁷

Если издание 1786 г. явилось все же событием русской литературной,²²⁸ а вторая редакция — театральной жизни, перевод

---

²²⁴ П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 136; См. также: Архив дирекции имп. театров, вып. I, отд. III, стр. 150.

²²⁵ «Любитель словесности», 1806, ч. II, № 4, стр. 79; № 5, стр. 161. — Здесь же фрагмент из трагедии (д. V, явл. 7) «вместе с оригиналом» (стр. 79—82).

²²⁶ «Вестник Европы», 1811, ч. LX, № 21, стр. 151—152.

²²⁷ См.: «Современник», 1857, т. LXII, № 3, стр. 88 (отд. IV).

²²⁸ На это указывает и статья об «Альзире» в «Драматическом словаре» (стр. 16—17): «Трагедия в пяти актах, знаменитое сочинение г. Вольтера, предложена стихами на российской язык некоторыми любителями драмм; известно просвещенному свету, что сия трагедия почитается короною великому сему сочинителю; к чести переводчиков сказать можно, что не уронена в стихах важность сочинения». Хотя имена этих «любителей драмм» не названы, можно предполагать, что имелись в виду Фонвизин и Карабанов. Приведенная заметка интересна главным образом своими заключительными

1811 г., пусть даже «в некоторых местах исправленный», выглядел как очевиднейший анахронизм. Посредственный стихотворец — «беседист», находившийся на консервативных литературных позициях,²²⁹ «болван болванов ... раздутый Карабанов», по определению К. Н. Батюшкова (1813),²³⁰ не внушал симпатий новому поколению ни как переводчик, ни как оригинальный поэт.

Хотя почти тридцатилетняя жизнь русской «Альзиры» в какой-то мере была искусственно растянута, три издания трагедии свидетельствовали все же о значительном интересе в России к этому произведению Вольтера. В определенном смысле о том же самом говорит и творческая история перевода трагедии «Меропа»: Василий Иванович Майков взялся за его осуществление даже не зная французского, как, впрочем, и вообще «чужестранных» языков.²³¹ Но это немаловажное препятствие не помешало ему отдать дань восхищения творчеству «фернейского отшельника», с которым он мог быть знаком по весьма многочисленным переводам, не столь распространенным, но достаточно выразительным отзывам в русской печати, а также благодаря его общению с крупнейшими драматическими актерами тех лет — Ф. Г. Волковым и И. А. Дмитриевским, дружеским отношениям с участниками херасковского кружка — Д. И. Фонвизиным и И. Ф. Богдановичем, наконец, близости с таким горячим почитателем Вольтера, как Ф. А. Козловский.²³² Существенную роль в обращении Майкова к переводу именно этой вольтеровской трагедии, несомненно, сыграл и Сумароков, в конце жизни (как известно) ставивший «Меропу» выше всех прочих театральные сочинения своего французского «совместника», а в представлении Майкова — и друга.²³³

«Пиит и русския трагедии отец», Сумароков служил ему высочайшим образцом в собственном драматургическом творчестве (перу Майкова принадлежат трагедии «Агриопа» и «Фемист и Иеронима», которые, кстати, почитались современниками «из лучших, сочиненных на российском языке»).²³⁴ Примером Сумарокова вдохновлялся он, трудясь над «преложением» «Меропы». Трагедия Вольтера существовала для Майкова лишь в виде дословного прозаического перевода-подстрочника, и, заново конструируя ее «по

строками, в которых содержится одобрение стихотворного перевода поэтических произведений.

²²⁹ См.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 351.

²³⁰ К. Н. Батюшков, Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1964, стр. 150—151.

²³¹ См.: Материалы для истории русской литературы, стр. 69.

²³² См.: Л. Н. Майков. О жизни и сочинениях В. И. Майкова. В кн.: Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова. СПб., 1867, стр. XIV, XXI, XXII.

²³³ «Он был Волтеру друг, честь Росския страны...» (Надгробная надпись Александру Петровичу Сумарокову). В кн.: Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова, стр. 155.

²³⁴ «Собрание новостей», 1775, сентябрь, стр. 124—125.

всем правилам театра», он, естественно, больше думал о своем русском предшественнике и старшем современнике, чем о «далеком» Вольтере.

Однако при этом, а, может быть, именно поэтому Майков старался по возможности нигде не отступать от исходного текста: он понимал, что в противном случае его трагедия уже не будет иметь к Вольтеру почти никакого отношения. При всем их внешнем сходстве, при близости содержания русская «Меропа» лишь отдаленно напоминает французскую. Перевод с перевода в данном случае приводил к сильному искажению оригинала, по существу часто превращаясь в его стихотворный пересказ. Правда, количественное соотношение строк перевода и подлинника постоянно колеблется: иногда русский текст лишь несколько подробнее французского, но подчас он разрастается чрезвычайно, почти вдвое.²³⁵ Такую трансформацию претерпели, в частности, монологи Меропы из I (сцена 1) и IV (сцена 2) актов (в первом вместо 30 строк — 44, во втором вместо 19 — 31), рассказ Нарбаса о спасении им Эгиста (действие V, сцена 3) и многие другие.²³⁶ Впрочем, и в тех местах, где подобная диспропорция отсутствует, это, как правило, все же не означает, что Майкову удалось достигнуть хотя бы приблизительного соответствия строк. Эквилинеарность оказывается ложной: она является следствием сокращения «преложенного» в стихи русского подстрочного перевода.²³⁷

Итак, нет сомнений: «Меропа» В. И. Майкова была лишь очень слабым подобием трагедии Вольтера. Она в значительно большей степени давала представление о поэтических способностях русского писателя, нежели о знаменитом творении «фернейского

²³⁵ На это обратил внимание А. П. Могилянский в статье «„Ольга“ трагедия Я. Б. Княжнина» (XVIII век, сб. 3, стр. 501).

²³⁶ Ср.:

Je sens que je vais prendre un inutile soin.
Mon désespoir m'aveugle; il m'emporte trop loin:
On détrône le fils, on outrage la mère.
Polyphonte, abusant de mon triste destin,
Ose enfin oublier jusqu'à m'offrir sa main.
(Acte II, scène 1).

Но есть ли тщетны с ним все будут разговоры!
Отчаянье мое, мой дух во мне мятет!
Напрасно я хочу во тьме сей видеть свет:
Ты знаешь, сколь мое смущенье не напрасно,
Ты видишь, Евриклей, беду мою днесь ясно,
Ты видишь, на какой все идет здесь конец:
Завистные глаза прельщает сей венец,
Который моему доваает только сыну;
Злодей, употребля во зло мою судьбину,
Держает до того свой долг ко мне забыть,
Что хочет он теперь моим супругом быть.

(Меропа, трагедия господина
Вольтера. Переложена в стихи
из русских прозы Васильем
Майковым. М., 1775, стр.
19—20).

²³⁷ Ср. первую реплику Меропы в 4-й сцене V акта.

патриарха». Однако сюжет трагедии, последовательность изображенных в ней событий и комплекс воплощенных в ней общественно-философских идей отныне стал доступен русскому читателю. В этом главным образом и состоит историческая заслуга Майкова — переводчика Вольтера.²³⁸ Не удивительно, что трагедия его никогда не ставилась на сцене и не переиздавалась.²³⁹

Иначе сложилась судьба русского перевода трагедии «Магомет, или Фанатизм», осуществленного графом П. С. Потемкиным (1743—1796) в середине 1770-х годов. Он был создан для театра, неоднократно ставился на московской, а затем петербургской сценах и удержался в репертуаре до самого конца XVIII века.²⁴⁰ На сцене московского Знаменского театра (1776—1780) исполнителями трагедии явились И. И. Калиграф (Магомет), по свидетельству Н. И. Ильина «чудесно одаренный природою для ролей царей, тиранов и всех, кои называются первыми ролями», великий русский актер И. А. Дмитревский (Сеид) и его ученик В. П. Померанцев, по сообщению того же Ильина «чрезвычайно хорошо» сыгравший чуждую ему «героическую» роль Зопира.²⁴¹ В дальнейшем Дмитревский обратился к этой роли сам. По-видимому, он «занимал» ее в петербургских спектаклях 1795—1798 годов; в ней он появился и в день своего прощания со сценой, 3 января 1799 года.²⁴²

Столь прочный театральный успех «Магомета» отчасти может быть объяснен, конечно, «важностью» (по определению «Драмматического словаря») ²⁴³ его содержания. В значительной мере этому способствовало, видимо, и антимусульманское звучание трагедии: в эпоху русско-турецких войн появление на «российском театре» лжепророка-лицемера, честолюбца, тирана и его жестоких и коварных сподвижников-насадителей ислама вызывало у зрителей множество злободневных ассоциаций. Между тем в глазах властей подобное «оформление» придавало пьесе «благонамеренность», которой она на самом деле была совершенно лишена.

Однако в неменьшей степени успех «Магомета» в России был обусловлен высокими литературными достоинствами его перевода. В «преложении» Потемкина французская трагедия не утратила ни одной из наиболее существенных черт ее художественного свое-

---

²³⁸ По всей вероятности, Майков собирался также сделать перевод еще одной вольтеровской трагедии — «Марнамна», но замысел его остался неосуществленным. См.: Л. Н. Майков. О жизни сочинениях В. И. Майкова, стр. XXVII.

²³⁹ См.: Драмматический словарь, стр. 79.

²⁴⁰ Об исполнении «Магомета» на сцене Петровского театра см.: О. Чаянова. Театр Маддокса в Москве. 1776—1805. Труды гос. театрального музея им. А. Бахрушина, т. 1. М., 1927, стр. 242.

²⁴¹ Н. Ильин. Театральное поприще г-на Померанцева. «Амфион», 1815, февраль, стр. 109—110.

²⁴² См.: П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 124.

²⁴³ Драмматический словарь, стр. 77.

образия. Напряженность действия, неожиданная подчас острота драматических ситуаций, обилие зрелищных эффектов, динамизм и взволнованность речи героев — все это передано в русском «Магомете» с большой рельефностью и впечатляющей силой.²⁴⁴ При этом Потемкин по возможности нигде не жертвовал точностью перевода: в русском тексте всего несколько купюр и замен, да и те не касаются, как правило, наиболее значимых мест оригинала.

В отличие от других переводов Потемкина «Магомет» был опубликован лишь после его смерти. По-видимому, первоначально его вполне удовлетворял успех «на театре»; позднее же напуганный, подобно многим вольнодумцам прежних лет, революционными событиями во Франции, он вообще отказался от мысли увидеть этот свой труд в печати.²⁴⁵ Издание 1798 года (кстати, единственное новое издание Вольтера в павловское время), несомненно, готовилось без его участия: слишком уж много в нем погрешностей и ошибок. Впрочем, все они были исправлены при вторичном издании — двенадцать лет спустя.²⁴⁶

К 1770-м годам относится русский перевод еще одной трагедии Вольтера. Речь идет о «Заире», «предложенной» А. Л. Дубровским и напечатанной в 1779 году.

Это было не первое обращение Дубровского к Вольтеру. Еще в 1756 году в журнале «Ежемесячные сочинения»²⁴⁷ в его переводе появился диалог «О славе. Разговор с китайцем» («De la gloire, ou Entretien avec un Chinois»), позднее включенный в состав «Философского словаря», в качестве иллюстрации к статье «Gloire». Маловыразительный с точки зрения собственно переводческой, этот опыт Дубровского важен как самое раннее проявление в русской литературе интереса к китайской теме у Воль-

---

²⁴⁴ См., например, монолог Пальмиры из второй сцены пятого акта:

Чья милость! Чей закон! О, небо, что внимаю!
Лжец веры! Злобный тигр! Тебя я проклиною.
Тиран моих родных! Обиды смертной сей
Не досгавало к злу мне в бедности моей,
Вот, боже, тот пророк, кого святым мы чтим.
Вот царь, которого мы столь боготворим.
Чудовище! пример жестоких кровопийц!

(Магомет, трагедия в пяти действиях. Перевод с французского. СПб., 1798, стр. 83).

²⁴⁵ «Отрекаясь от прошлого», П. С. Потемкин в конце жизни, между прочим, писал, что «прах Вольтера, Руссо, Рейналя и Дидро заслуживает всемирного проклятия» (см.: Русский биографический словарь. «Плавильщики—Примо». СПб., 1905, стр. 681).

²⁴⁶ Очевидно, за изданием 1810 года наблюдал младший сын переводчика С. П. Потемкин. Но этим его роль и ограничивалась. Указание П. Каратыгина на то, что С. П. Потемкин «вновь перевел „Магомета“ Вольтера, вероятно находя перевод своего отца неверным или устарелым» [П. П. Каратыгин. Граф Павел Сергеевич Потемкин (Биографический очерк). «Исторический вестник», 1883, т. XIII, август, стр. 366], ни на чем не основано.

²⁴⁷ «Ежемесячные сочинения», 1756, сентябрь, стр. 303—307.

тера, которая была одним из значительных аспектов его общественно-философской мысли.²⁴⁸ Перевод «Заиры» увидел свет двадцать три года спустя, но и он не составил события в русском переводческом искусстве. Недаром, характеризуя деятельность Дубровского в своем словаре, Н. И. Новиков отметил лишь, что «преложение» сделано «весьма не худо».²⁴⁹ Такое определение было довольно точным: выполненный александрийским стихом, без сколько-нибудь существенных купюр, перевод Дубровского давал русскому читателю удовлетворительное, хотя и очень общее представление об этом шедевре французской драматической поэзии.²⁵⁰ Что же касается воспроизведения деталей и нюансов, то Дубровский, по-видимому, даже не ставил перед собой подобной цели. В противном случае он едва ли столь часто подменял бы вольтеровский текст более или менее вольными вариациями на «заданную» Вольтером тему. Так, «malheur» превратилось у него в «бездонну пропасть бед», «Dieu de mon père» — в «боже правды мира», восклицание Заиры «Où suis-je, malheureuse? o tendresse! o douleur!» зазвучало по-русски: «Где я? Закон! Любовь! Что делать мне велишь?», и т. п. К числу «свободных вариаций» отнесли и некоторые фигурировавшие в русской трагедии географические названия, вроде «Харайтон» вместо французского «Charente», «Богин» вместо «Vovine» и фантастического «Меска» (из французского «mosquée» — мечеть), а также имя собственное Кроакан — из французского «croissant» (полумесяц).²⁵¹

У современников перевод Дубровского вызывал раздражение. Так, Н. П. Николев в «Письме к Федору Григорьевичу Карину»²⁵² горестно сокрушался о судьбе «изнеженного французского дитяти», которое русский «прелогатель» нарядил в «дерюжную порфиру», сокрушался, вспоминая о том,

... как некий наш Катин
 Изранил, изъязвил Волтера переводом;
 Каким красавица соделана уродом!
 Ах! не Заира то, мамочка наших стран,
 А пламенной герой, кулашный наш буян;
 Ни смыслу, ни стиха, ни жалостно, ни сладко,

²⁴⁸ Об этом см.: К. Н. Державин. Китай в философской мысли Вольтера. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексева. Изд. ЛГУ, Л., 1947, стр. 86—114.

²⁴⁹ Материалы для истории русской литературы, стр. 35.

²⁵⁰ Любопытное свидетельство знакомства с «Заирой» задолго до появления перевода Дубровского см. в журнале «Полезное с приятным» (1769, 4-й полумесяц, стр. 14—15).

²⁵¹ Заира. Трагедия господина Волтера. Перевел с французских российских стихами А<дриан> Дубровский. СПб., 1779, стр. 30, 31, 35, 52.

²⁵² Творения Николая Петровича Николева, т. IV. СПб., 1797, стр. 169—170. См. также: В. И. Сантов. Федор Григорьевич Карин. СПб., 1893, стр. 9.

Но коротко сказать, все безобразно, гадко!
На что ж переводить, коль дару нет на то?
На что преобразовать бессмертное в ничто?

Показательно, что в «Драмматическом словаре», посвятившем «Заиру» пятнадцать прочувствованных строк, о переводе Дубровского не сказано ни слова.²⁵³ Ничего не говорится там и о театральной ее судьбе (в России): хотя, принимаясь за свой перевод, Дубровский, несомненно, думал и о постановке трагедии на отечественной сцене, этого не случилось, и — одно из замечательнейших событий в истории французского театра — «Заира» в ее русской интерпретации оказалась «пьесой для чтения», своего рода «книжной драмой». То же самое произошло с двумя другими трагедиями Вольтера — «Брут» и «Смерть Цезаря».²⁵⁴ Однако на сей раз это навряд ли противоречило намерениям переводчика. Не обладая даром стихотворца, артиллерийский капитан Василий Иевлев и не стремился передать поэтическое достоинство оригинала. Свою задачу он видел в ином: как можно полнее, без искажений донести до русского читателя их политическое звучание, их общественный пафос.

Конечно, общественно-философское содержание трагедий, уже «явившихся во чертах российского языка», не оставляло равнодушными русских людей 1760—1770-х годов. Едва ли они были в состоянии пройти мимо обличительных тирад против «суеверия» («Магомет»), против монархов — «невольников страстей» («Заира») и «просвещенных варваров», истребляющих дикие племена («Альзира»), мимо глухих политических аллюзий, содержащихся в «Меропе». Но в трагедиях, к которым обратился Иевлев, политическая тенденция обнаруживалась с необычайной даже для Вольтера очевидностью и силой. Дело, впрочем, было не столько в самой тенденции, сколько в характере воплощенных здесь идей. Под непосредственным впечатлением от пребывания в Англии, стране, где «царит любовь к свободе», Вольтер придал своим «римским трагедиям» отчетливое антиираническое звучание, и этот благородный пафос (кстати, обеспечивший им огромный успех в революционный период²⁵⁵) не мог не встретить отклика в России екатерининских времен.

Отец, посылающий на казнь сына, который изменил республике; сын, убивающий отца из ненависти к деспотизму, — подобные ситуации не могли не вызвать глубокого сочувствия у тех, кто мечтал о «вольности» и грядущем «претворении» «тьмы рабства во свет», как не могли не внушать им «священного трепета» заключительные слова Брута («Сына моего уже больше нет? ... До-

²⁵³ Драмматической словарь, стр. 59—60.

²⁵⁴ См. там же, стр. 28—29, 131.

²⁵⁵ См.: К. Державин. Театр французской революции. М.—Л., 1937, стр. 103, 120, 134.

вольно и того, что Рим сохранил свою вольность... Пойдем и принесем благодарение богам») ²⁵⁶ и особенно центральный монолог убийцы Цезаря, носившего то же имя: «Какая подлость! о небо! какой стыд! Вот подпоры горестного моего отечества! Вот наследники Горация и Декия! и ты, мститель законов, ты, кровь моя, ты, Брут! Праведные боги! Вот до какой степени ниспало величество римское! Каждой лобызает с трепетом руку, налагающую на него оковы. Цесарь лишает нас и самой добродетели; и я ищу здесь Рима, но уже больше его не вижу... Трепещи, Цесарь, трепещи, тиран! вот твой смертельный удар... или я погибну, или Рим избавится от сего тирана. Я вижу, что Рим имеет еще добродетельные сердца, требующие мстителя, которого во мне находят; они поощряют сию душу, сию медлящую руку, и требуют крови. Рим! ты будешь успокоен». ²⁵⁷

Неслучайно переводческими опытами В. Иевлева заинтересовался Н. И. Новиков: в 1783 г. он издал «Брута», а четыре года спустя перепечатал «Смерть Цесареву», ранее (1777) напечатанную в Петербурге, в типографии Сухопутного шляхетного корпуса. Вообще на протяжении 1780-х годов у Новикова появилось довольно много «политических» трагедий. Среди них — «Гофолия» и «Эсфирь» Расина, «Гипермнестра» Лембера, «Катилина» Кребильона и, наконец, «Юлий Цезарь» Шекспира, изданный в переводе Н. М. Карамзина в 1787 году, т. е. почти тогда же, что и «Смерть Цезаря» Вольтера. ²⁵⁸

Это одновременное появление двух драматических произведений, сюжетно столь близких (Вольтер широко использовал три первых акта шекспировской трагедии) и столь различных в художественном отношении, весьма показательно как признак важных перемен, наметившихся в сфере литературно-эстетических вкусов, но в особенности как свидетельство все большего распространения в русском обществе и литературе свободолобивых и оппозиционных настроений и идей. ²⁵⁹

Именно сюжетное сходство и обусловило общую печальную судьбу названных сочинений. 23 апреля 1794 года, в период жесточайшего политического гнета, сменившего официальное просветительство прежних лет, по распоряжению главнокомандующего в Москве кн. А. А. Прозоровского оба они были отложены

---

²⁵⁶ Брут, трагедия, из сочинений г. Волтера. Переведена с французского Василием Иевлевым. Иждивением Н. Новикова и компании. М., 1783, стр. 122.

²⁵⁷ Трагедия Смерть Цесарева. В трех действиях с французского на Российский язык переведена артиллерии капитаном Василием Иевлевым. М., 1787, стр. 23—24.

²⁵⁸ Об этом переводе см. подробнее: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. М.—Л., 1965, стр. 72—75.

²⁵⁹ См.: В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Политические идеи русской классицистической трагедии. В сб.: О театре. Под общей ред. С. С. Данилова и С. С. Мокульского, вып. I. М.—Л., 1940, стр. 116—120.

в число вредных книг, причем уничтожение трагедии Вольтера явилось личной «заслугой» Прозоровского: незадолго до того он указал на нее цензорам, как на книгу, которая «весьма недостойна существовать».²⁶⁰

Но это был уже совсем иной этап в истории общественной мысли и, следовательно, — «русского Вольтера», а до тех пор «на российском языке» успели появиться еще две трагедии «фернейского патриарха» — «Китайский сирота» в переводе Василия Нечаева (1788) и «Эдип», перевод которого осуществил Алексей Иванович Голицын (1791).

Оба эти стихотворных перевода были выполнены в традиционной для русской переводческой практики XVIII века «пристойной» манере, иными словами довольно точно, без грубых искажений воспроизводимого текста, который иногда лишь слегка сокращался, но также и без всяких попыток передать стилистическое своеобразие оригинала. Впрочем, некоторая «унылость» и монотонность этих переводов едва ли могла особенно помешать распространению и усвоению выраженных в них политических и философско-этических идей. Нравственное перерождение — под воздействием высокой культуры и морали покоренного им народа — жестокосердного «дикаря» Чингиз-хана в добродетельного и великодушного «просвещенного монарха»,²⁶¹ равно как и тиранические и антиклерикальные реплики, а подчас и целые тирады, вложенные в уста героев «Эдипа»,²⁶² воспитывали русских читателей, побуждали их к мучительным раздумьям, «нежелательным» сопоставлениям и печальным выводам относительно порядков, господствовавших в их собственной стране.

И все же в самом выборе для перевода именно этих трагедий заключалась уже изрядная доля «благоразумия». В сравнении со «Смертью Цезаря» их содержание было вполне невинным. Бесстрашный артиллерии капитан Василий Иевлев исчез со сцены, уступив место людям или не столь вольнолюбивым, или более осторожным.

---

²⁶⁰ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 2. М., 1898, стр. 56.

²⁶¹ Вместе с тем этот перевод несомненно представляет собой дань увлечения «китайщиной», весьма характерного для многих сфер русской культуры последней трети XVIII века. Об этом см.: М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. В сб.: А. С. Пушкин и Сибирь. Москва—Иркутск, 1937, стр. 108—118.

²⁶² См., в частности, слова Филоктета из 4-й сцены II акта:

Царь подданным своим быть должен яко бог!
А мне ничто монарх и царской сей чертог;
Довольно мы царей с Геркулом побеждали,
Но пренебрегши их короны раздавали.

(Эдип. М., 1791, стр. 24).

Тем не менее рассуждение Эдипа о цареубийстве (сц. 3, д. 1) Голицын все-таки — по понятным причинам — опустил.

Разгром русского свободомыслия, поворот к реакции, естественно, сказались и на судьбе в России вольтеровского театра. Однако с наибольшей отчетливостью и драматизмом этот перелом проявился в истории первого полного собрания всех сочинений «фернейского отшельника», которое было задумано как своего рода итог напряженной, интенсивнейшей деятельности множества русских писателей и переводчиков, продолжавшейся около трех десятилетий — с начала 1760-х до конца 1780-х годов — и охватившей наряду с драматургией Вольтера его поэзию и в особенности прозу.

III

В сознании русских людей XVIII века Вольтер-поэт был по преимуществу поэтом эпическим и в первую очередь автором «Генриады». В литературных кругах героическая поэма Вольтера приобрела сравнительно широкую известность еще задолго до выхода в свет ее первого перевода. Уже в 1748 году о ней в дифирамбических тонах писал Сумароков,²⁶³ а позднее — С. Г. Домашнев.²⁶⁴ Не один десяток строк посвятил ей и Василий Кириллович Тредиаковский в «Предвизъяснении об ироической пииме», предпосланном его «Тилемахиде» (1766). Правда, он не столько восхищался поэмой, сколько полемизировал с ее творцом. В его представлении «Ганриада Волтерова на французском», равно как и «Фарсалия Луканова и Пуническая война Силиева на латинском языке, также Избавленный Иерусалим Тассов на италианском, Лузиада Камоенсова на португальском, Потерянный рай Милтонов на аглинском»²⁶⁵ прямого отношения к жанру героической поэмы не имели. Это было произведение на сюжет из новой истории. Между тем «история, служащая основанием эпической пииме, долженствует быть или истинная или уже за истинную издревле преданная. Однако историческому сему бытию не сродно отнюдь быть взяту, ни древних, ни средних, а только меньше еще новых веков в истории».²⁶⁶ Впрочем, главным объектом этой весьма решительной критики был не Вольтер, а Ломоносов, сделавший попытку создать героическую поэму на национально-исторический сюжет.²⁶⁷ (Не случайно в теоретическом предисловии к «Россиаде» М. М. Херасков называет «Генриаду» «превосходной эпопеей Волтеровой».)²⁶⁸ К Воль-

²⁶³ См. выше, стр. 130.

²⁶⁴ См. выше, стр. 147.

²⁶⁵ В. К. Тредиаковский. Тилемахида, т. I. СПб., 1766, стр. XVI.

²⁶⁶ Там же, стр. XIV.

²⁶⁷ См.: Г. А. Гуковский. Тредиаковский как теоретик литературы. В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 51—52.

²⁶⁸ М. М. Херасков. Избранные произведения. Л., 1961, стр. 180; см. также: «Покоющийся трудолюбец», 1784, ч. 1, стр. 239—240.

теру же Тредиаковский издавна относился с интересом и уважением.

Еще в 1735 году в «Эпистоле от российския поэзии к Аполлину» он (быть может, первый из русских писателей) упомянул Вольтера наряду с великими галлами — Корнелем, Расином, Мольером и Буало («молодой хоть в них Волтер, но весьма чист в слог»),²⁶⁹ а незадолго до смерти осуществил перевод «Опыта о разногласии церквей в Польше», небольшой брошюры, написанной Вольтером в поддержку политики Екатерины II по отношению к Польше («*Essai historique et critique sur les dissensions des Eglises en Pologne*», 1767).²⁷⁰ Однако и в названном «Предъизъяснении» Тредиаковский счел все же своим долгом отметить, что «по многим . . . титлам» автор «Генриады» занимает место «между французскими знаменитейшими писателями»,²⁷¹ тем самым как бы подчеркивая, что его нападки на «Генриаду» обусловлены отнюдь не личной неприязнью, но кровной заинтересованностью в развитии эпического жанра.

Это чрезвычайное внимание к судьбам эпопеи весьма характерно для всего русского XVIII века.²⁷² Недаром из литературно-эстетических произведений Вольтера распространение в России тех лет получил лишь его «Опыт об эпической поэзии» («*Essai sur la poésie épique*», 1728). В 1763 году сокращенный перевод «Опыта» (в его первоначальной редакции) появился в журнале «Невинное упражнение».²⁷³ Автором перевода была Екатерина Романовна Дашкова, впервые выступившая тогда на литературном поприще.²⁷⁴ В 1781 году в виде отдельной книжки вышла в свет

²⁶⁹ В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.—Л., 1963, стр. 391.

²⁷⁰ Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше, сочинен Иосифом Бурдильяном, профессором права общенародного, а с французского переведен Василием Тредиаковским. СПб., 1768. — Хотя брошюра появилась под псевдонимом Жозефа Бурдильона, Тредиаковский, по-видимому, не сомневался в том, что «истинный сея книжки автор есть один из славнейших во всей Европе филолог французский», иными словами Вольтер. В этом его убеждала своеобразная орфография оригинала, «наипаче ж слог самый прозы, также и течение слова исправностию своею, избранностию, дельностию, твердостию, сладостию, краткостию, всеми другими благоудобрениями, с отличною высотой острых мыслей» (стр. 6). Перевод Тредиаковского был переиздан (М., 1787). Два издания выдержал и другой перевод, сделанный В. Ф. Мещерским (М., 1776; СПб., 1778). Первое издание перевода Мещерского удостоилось сочувственного отклика в «Собрании разных сочинений и новостей» (1776, июнь, стр. 49): «. . . книга сия представляет весьма любопытную картину Польши в бывших ее смятениях по причине ссоры. Она сочинена на французском языке господином Вольтером, и сего довольно сказать к ее уважению».

²⁷¹ В. К. Тредиаковский. Тилемахида, т. I, стр. XXXIX.

²⁷² См.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.

²⁷³ «Невинное упражнение», 1763, январь, стр. 13—21; февраль, стр. 51—56; март, стр. 99—111; апрель, стр. 143—155.

²⁷⁴ См.: «Вестник Европы», 1810, ч. XLIX, № 1, стр. 150.

вводная глава «Опыта» (на сей раз в окончательном варианте) — «О различии национальных вкусов».²⁷⁵ В 1787 году фрагмент второй главы был напечатан вместо предисловия к русскому переводу трагедии Шекспира «Ричард III».²⁷⁶ «Опыт о эпических писателях» собирався также переводить Яков Борисович Княжнин в тяжелую для него пору, когда переводческий труд служил ему единственным средством к существованию.²⁷⁷

Деятельный участник Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, Княжнин «преложил» на русский язык несколько комедий Гольдони и целый ряд произведений Корнеля («Смерть Помпея», «Цинна», «Сид», «Родогуна», «Лжец»)²⁷⁸ Что же касается Вольтера, то Княжнину удалось выполнить перевод лишь одного его сочинения.²⁷⁹ Но сочинением этим была «Генриада».²⁸⁰

Княжнин перевел всю огромную поэму Вольтера целиком, без каких-либо изъятий и заметных искажений смысла.²⁸¹ Это свидетельствовало о превосходном знании им французского языка и в меньшей степени французской истории. В противном случае он едва ли сумел бы с такой скрупулезностью «преложить» текст поэмы, столь насыщенной именами исторических деятелей — великих и малых, географическими названиями, всевозможными параллелями, отсылками, намеками и т. п. Однако эта точность была достигнута ценой компромисса: рифмованный александрийский стих оригинала Княжнин заменил тоже двенадцатисложным, но белым стихом.

Сам по себе этот факт был — для русской поэзии — примечательным и новым: права гражданства белый стих получил (да и то не в полной мере) только на рубеже XVIII—XIX веков. Но эпопея Вольтера утратила в новом оформлении значительную долю своей поэтичности, скорее напоминая подстрочник будущего перевода, чем самый перевод:²⁸²

---

²⁷⁵ О эпическом стихотворстве, из сочинений г. Волтера. СПб., 1781. Ссылку на «Опыт» см.: «Растущий виноград», 1785, июнь, стр. 70—71.

²⁷⁶ Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского, трагедия господина Шакеспера. СПб., 1787, стр. 3—5.

²⁷⁷ См. вступительную статью Л. И. Кулаковой к кн.: Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Л., 1961, стр. 9—11.

²⁷⁸ См.: В. П. Семенов. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783. СПб., 1913, стр. 61—62, 81—82.

²⁷⁹ Помимо «Опыта», Княжнин взял для перевода трагедию «Триумврат», но замысел его, по-видимому, реализован не был (см.: В. П. Семенов и др. Собрание... стр. 86).

²⁸⁰ До появления перевода Княжнина русский читатель был знаком с поэмой Вольтера лишь по цитатам из нее в «Наставлениях политических барона Билфелда» (ч. 2, М., 1775, стр. 25, 26, 462; пер. А. Барсова).

²⁸¹ Сокращению подвергся лишь комментарий Вольтера к его поэме, подчас достигавший весьма значительных размеров и изобиловавший подробностями, не представлявшими для русского читателя особого интереса.

²⁸² Характерно, что даже такой сторонник белого стиха, как Радищев, отозвался об этом опыте Княжнина довольно холодно, заметив в «Путе-

Пою владевшего во Франции героя,
Который на престол имел рождением право
И право приобрел на трон себе оружием;
Который чрез беды владети научился;
Гонимый победил и победа простил,
Смирил Иверию, Маенна, заговор;
Был подданных своих отец и победитель...²⁸³

И все же современная печать встретила русскую «Генриаду» сочувственно (впрочем, больше восторгаясь произведением Вольтера, чем опытом капитана Якова Княжнина) и рекомендовала ее читателю:²⁸⁴ стихотворный перевод вольтеровской поэзии в то время был еще явлением довольно редким.²⁸⁵ На протяжении 1760-х годов (за исключением перевода Богдановича) было напечатано лишь одно такое «преложение» — первая «Речь о человеке» («De l'égalité des conditions», 1734), автором которого

шестью из Петербурга в Москву», что «гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод „Генрияды“ не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы» (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1938, стр. 353).

²⁸³ Генриада, героическая поэма в десяти песнях, сочинение г. Волтера. СПб., 1777, стр. 1. — Свой перевод Княжнин посвятил (или, по терминологии тех лет — «приписал») директору Академии наук С. Г. Домашневу, которому был, по-видимому, чем-то лично обязан. Однако в силу не вполне ясных причин (он объяснял это лишь чрезвычайной скромностью Домашнева) посвящение не состоялось, и Княжнину пришлось напечатать стихотворное обращение к Домашневу отдельно. Помимо неизбежных похвал этому «питомцу чистых муз» и «любимцу Аполлона», стихотворение Княжнина содержит весьма лестную характеристику Вольтера («Виргилий Франции»), а также целый ряд самоуничижительных признаний:

Являя Россам днесь его (т. е. Вольтера, — П. З.) я сладость пенья,
Робею, трепещу, страшуся дерзновенья,
С которым предприял сей путь я совершать
И уж желал бы я его не начинать.
На путь оконченный лишь взоры простираю,
Повсюду я цветы увядши обретаю,
Что неискусною пренесены рукой
И слава кроется с гремящею трубой,
Которой звук в стихах Волтеровых вселенна
С вниманьем слушала сим мужем удивленна.
Уже мне слышится ужасный глас хвалы

и т. д.

(«Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, февраль, стр. 174).

При всей традиционности этих формул в них можно уловить и некоторую долю искренности. Вполне вероятно, что Княжнин не только декларирует, но и действительно сознавал, что труд его лишь «списание слабосмертных песней сих» и сильно сомневался в его успехе.

²⁸⁴ «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, май, стр. 396—400; см. также: П. Н. Берков. Из русских откликов на смерть Вольтера, стр. 198.

²⁸⁵ В 1780 году превосходный перевод рифмованным александрийским стихом шестой и девятой песен «Генрияды» появился в «Академических известиях» (май, стр. 85—95; июнь, стр. 197—208).

был Сергей Иванович Глебов, рано умерший одаренный литератор.²⁸⁶

Глебов не только с чрезвычайной тщательностью воспроизвел поэму Вольтера, он попытался также приблизить ее к отечественному читателю, заменив некоторые французские имена (Пьерро, Колен, Перетта) русскими — Сидор, Карп, Агафья, Фрол. Сочетание этих простонародных имен с условными вроде Дамиса, Эглей или Тирсиса и тогда могло показаться странным, но вместе с тем в сознании русских людей эти штрихи сообщали приведенным у Вольтера примерам большую достоверность. Неудивительно, что перевод Глебова надолго сохранил свою привлекательность: четверть века спустя он был перепечатан в журнале «Новые ежемесячные сочинения». По мнению издателя, «перепечатание сих стихов» могло быть приятно публике ввиду редкости «Невинного упражнения» («... как оно не льзя ныне достать»), но также и поскольку перевод Глебова «так удачен, что мало подобных на нашем языке найти можно».²⁸⁷

Вообще из философско-дидактических поэм Вольтера «Речи о человеке» привлекли к себе в России тех лет наибольшее внимание. Незадолго до переиздания глебовского перевода журнал «Что-нибудь» опубликовал прозаическое «предложение» той же самой речи, созданной независимо от уже существовавшего, но весьма сходное по манере исполнения.²⁸⁸ Склонение на русские нравы было в нем доведено до логического предела: вместо «Парижа» в переводе стоял «Санкт-Петербург», правда, с соответствующим пояснением под строкой. Там же была помещена и вторая «Речь о человеке» («De la liberté») в столь же добросовестном, но столь же бесцветном прозаическом переводе.²⁸⁹

Наконец, в 1788 году «Речи» появились отдельной книгой, в переводе И. Г. Рахманинова.²⁹⁰ В выпущенный им томик вошло шесть поэм из семи («О равенстве человеческом», «О вольности», «О зависти», «О умеренности во всем», «О свойствах человеческих», «О истинной добродетели»)²⁹¹ «Речь о наслаждении» («Sur la nature du plaisir») Рахманинов опустил: видимо, даже его отпугнул вольтеровский гедонизм (возможно, впрочем, что он сделал это, опасаясь цензурных затруднений), но и в таком виде рахманиновский перевод «Речей» был несравненно полнее предыдущих.

---

²⁸⁶ «Невинное упражнение», 1763, январь, стр. 5—10; см.: Материалы для истории русской литературы, стр. 30.

²⁸⁷ «Новые ежемесячные сочинения», 1788, ч. XXI, март, стр. 70.

²⁸⁸ «Что-нибудь», 1780, л. XXIV, стр. 1—6.

²⁸⁹ Там же, стр. 6—8; л. XXV, стр. 1—3.

²⁹⁰ О Рахманинове см. ниже, стр. 191—194.

²⁹¹ Философические речи о человеке. Сочинения г. Волтера. СПб., 1788. Воспроизведено в кн.: Сатирический дух г. Волтера, или Собрание некоторых любопытных сатирических его сочинений. СПб., 1789.

И тем не менее потребность в новых переводах не отпала: после Глебова так никто и не предпринял попытки перевести «Речи» в стихах. Вот почему всего через год после выхода в свет труда Рахманинова сибирский литературный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» вновь обратился к этим поэмам, поместив на своих страницах несколько фрагментов из них в стихотворном переводе Ивана Бахтина²⁹² — 10 строк из первой речи, 16 — из четвертой («*De la modération en tout*»)²⁹³ и по четверостишию из шестой («*Sur la nature de l'homme*») и седьмой («*Sur la vraie vertu*»). Вне контекста, эти вырванные наудачу строки больше напоминали сентенции или афоризмы, и лишь указание самого Бахтина на источник возвращало читателей к мысли о Вольтере. Но в отличие от большинства предшественников Бахтин переводил в стихах, и это — в глазах его современников — несомненно оправдывало появление столь заурядных поэтических упражнений в печати. Не следует также забывать, что поместил их журнал, издававшийся в Тобольске.

В силу сходных причин несколько раньше вышли в свет — подряд один за другим — два перевода сатирической поэмы Вольтера «Тактика» («*La Tactique*», 1773). Первый по времени был выполнен в прозе Федором Левченковым, второй — стихотворный — принадлежал перу Ермила Кострова.

Опыт Ф. Левченкова, «Преображенского полку подпрапорщика», открывался посвящением тогдашнему фавориту Екатерины II графу С. Г. Зоричу. «Перевод, предпринимаемый мною сего малого Волтерова сочинения под именем Генеральского мнения о тактике, — писал он, — дерзнул я посвятить Вашему превосходительству в рассуждении двух предметов, а именно, чтобы при благосклонном Вашего превосходительства чтении подать любопытствующему обществу, какое ни есть об оном сведение, а притом и доказать мое усердие и исполнить долг свой пред Вашим превосходительством».²⁹⁴ Но даже цель, столь «благородная», не могла оправдать средств, к которым он прибегнул. Более чем смутно понимая французский текст, с невероятным усилием продираясь через встречающиеся в нем названия и имена, Левченков пошел по весьма сомнительному пути: он очень приблизительно изложил поэму, на каждом шагу отступая от источника, исправляя Вольтера, сокращая, фантазируя, словом искажил произведение до неузнаваемости. «*Le roi brillant qui forma Lentulus*»

²⁹² «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1789, октябрь, стр. 34—36. Перепечатано в кн.: И. Бахтин. И я автор, или Разные мелкие стихотворения. СПб., 1816, стр. 14—17. О Бахтине см.: «Омский альманах», кн. I, Омск, 1939, стр. 142—145.

²⁹³ Перепечатано в журнале «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», Тобольск, 1793, ч. II, стр. 95.

²⁹⁴ Генеральное мнение о Тактике г. Гиберта, сочиненное господином Волтером. СПб., 1777, стр. 3.

(т. е. Фридрих II) превратился у него в «самого толь славного государя, восставленного Лентулом», «Véarnois» (т. е. Беарнец) — в «Берноя», «Trop fortuné badaud» — в «довольно щастливой Богдад», трагедия «L'Orphelin de la Chine» (т. е. «Китайский сирота») — в некую особу женского пола по имени Орфелина (по аналогии с Семирамидой и Меропой), «le peintre heureux des Bourbons, des Bayards» (имеется в виду Ж.-А.-И. Гибер, автор «Опыта о тактике», и трагедии «Connetable de Bourbon») — в «хорошего живописца из Бурбонцов и Баярд», наконец, «l'impraticable paix de l'abbé de Saint-Pierre» (т. е. недостижимый вечный мир по проекту аббата де Сен-Пьера) — в «истину, изъясняющую мир по слову известного нам святого Петра», и т. п.

Перевод Кострова совершенно отменял предшествующий. Он не только вполне точно передавал смысл произведения (за исключением все той же злополучной финальной строки о вечном мире аббата де Сен-Пьера: Костров принял его за римского папу), но и воссоздавал вольтеровский александрийский стих:

На днях прошедших я Каиля навестил,
И для чего? он мой книгопродавец был;
Нередко у него пространные анбары
Хранят безделицы и вздорные товары.
Я книгу новую, сказал он мне, достал,
Для смертных нужную, достойную похвал;
В ней с мудростью цветы красот соединились,
И стоит, чтоб по ней все смертные учились;
Мы счастье чрез нее возможем основать,
Зовется Тактикой, изволь ее принять.²⁹⁵

И тем не менее в следующем году вышел в свет еще один перевод «Тактики». Его автор, подлекарь Дмитрий Огиевский, о своих предшественниках, видимо, не подозревал; иначе он вообще вряд ли отважился бы на это столь непривычное для него дело. Сопоставляя свой перевод с подлинником или, как писал он в посвящении, «сообразуясь красоте слога неподражаемого Волтера», Огиевский не мог не признать, что «больше имел побуждения, нежели оказал успех» и «в рассуждении совершенства» поддежит «общему жребию начинающих упражняться».

По существу в этих немногих вводных словах заключалась довольно точная характеристика переводчиком собственного труда. Оригинальный текст с его обилием исторических имен и географических названий в конечном счете он понял не хуже Кострова, но «красота слога» пропала в его переводе безвозвратно. Исчез лаконизм, исчезла напряженность вольтеровского стиха;

²⁹⁵ Тактика, сочинение г. Волтера, которое преложил в российские стихи инп. Московского университета бакалавр Ермил Костров, ноября 12 дня 1779. М., 1779, стр. 3. В том же 1779 г. появился еще один русский стихотворный перевод из Вольтера — «Разговор. Пегаз и старик» (Dialogue de Pégase et du vieillard, 1773). См.: «Модное ежемесячное издание», ч. IV, декабрь, стр. 84—92.

поэма растворилась в море слов: в среднем на каждую строку Вольтера приходится три, введенных переводчиком от себя — иногда с целью украсить или разъяснить оригинал, но чаще всего — в силу слабого умения «переводить в стихи»:

Я был у Калия в прошедший понедельник,
А сей тщеславия поработенный пленник,
Хоть по наружности порок свой прикрывал:
Он переплетчик был и книги продавал.
Скопивши кой-каких дешевле покупая,
Расчет в количестве бумаге наблюдая,
И в лавке не было (признаться) ничего
Из примечания достойных у него.
Но вдруг мне говорит: «Из новых сочинений
Имеет книгу он преважных упражнений,
Ему по случаю судилось достать,
За редкость щастием то должно почитать.
О пользе говоря, нельзя не согласиться,
Что смертным без нее никак не обойтись,
Источник разума; и что за гладкий слог.
Стараться в ней успеть считают все за долг.
Посредством связи сей, которые успели
Роптать уже на рок причины не имели.
Судьба единственно зависит от нее.
Возьмите. Тактика название ее».²⁹⁶

Наиболее удачным опытом воплощения на русском языке этой поэмы Вольтера так и остался, следовательно, перевод Кострова. Что же касается «преложения» вольтеровской «легкой» поэзии, то здесь особенно преуспел Иван Иванович Виноградов, впоследствии плодотворный писатель и переводчик с французского, немецкого, а также древних языков. Впрочем, обращение к вольтеровским посланиям и экспромтам было для Виноградова чем-то вынужденным, почти случайным. Задумав познакомить русского читателя с появившейся незадолго до того в Льеже подробной биографией «фернейского патриарха» («*Mémoires et anecdotes pour servir à l'histoire de Voltaire*», 1780), он оказался перед необходимостью «преложить» и те довольно многочисленные стихотворные иллюстрации, которые в этой книге приводились: в противном случае ряд мест становился непонятным.

Так возник русский перевод первого детского стихотворения Вольтера «*A Monseigneur, fils unique de Louis XV*» (1706 или 1707), послания к маршалу де Виллару (1721), экспромта «*Mon Henri quatre et ma Zaire*» (1745), послания к маркизу д'Адемару

---

²⁹⁶ Рассуждение о воинском искусстве, сочинение господина Волтера. СПб., 1780, стр. 3—4. Ср.:

J'étais lundi passé chez mon libraire Caille
Qui, dans son magasin, n'a souvent rien qui vaille.
J'ai, dit-il, par bonheur, un ouvrage nouveau,
Nécessaire aux humains, et sage autant que beau.
C'est à l'étudier qu'il faut que l'on s'applique;
Il fait seul nos destins: prenez, c'est la Tactique.

(1757) и некоторых других.²⁹⁷ При очевидном несовершенстве опытов Виноградова²⁹⁸ (всего точнее в них воссоздан ритмический рисунок подлинника) их историческая ценность несомненна: в поле зрения русского читателя попадала еще одна грань поэтического таланта Вольтера.²⁹⁹ В этом отношении они (равно как и перевод небольшой философской сказки «Azolan, ou le Bénéficiaire» с его вольным, басенным метром, довольно верно передающим изящество восьмисложного стиха, использованного Вольтером),³⁰⁰ представляют больший интерес, чем, например, перевод «Естественного закона» («Poème sur la loi naturelle», 1752), сделанный в прозе тем же И. Виноградовым и приложенный ко второму изданию «Жизни славнейшего г. Волтера» (1787).

Читая виноградовский перевод, было трудно, даже невозможно догадаться, что это одна из самых замечательных вольтеровских поэм. Скорее можно было допустить, что переводчик ошибся и вместо поэтического произведения «преложил» огромный философский трактат. Но смысл этого программного сочинения Вольтера-деиста, в котором воплотилась его мечта о единой и универсальной философской религии,³⁰¹ стал доступен русскому читателю с предельной полнотой. Правда, в некоторых экземплярах книги отсутствовала заключительная часть поэмы — «Молитва» («Prière»), но виноват в этом был, разумеется, не переводчик. Едва ли нечто подобное мог сделать и наборщик, по крайней мере сам, по собственному почину. Вероятнее всего предположить в данном случае вмешательство цензора, которого должна была заставить насторожиться уже самая первая строка фрагмента:

O Dieu qu'on méconnaît, o Dieu que tout annonce.³⁰²

---

²⁹⁷ Жизнь славнейшего г. Волтера. Со включением 1) разных анекдотов о сем муже, 2) стихотворных и прозаических сочинений, служащих объяснением оных. СПб., 1786.

²⁹⁸ На появление виноградовских переводов из Вольтера откликнулся эпиграммой поэт-сатирик Д. П. Горчаков. Возможно, однако, что для него это был только повод прославить вольтеровский антиклерикализм:

Не попусту Вольтер монахов ненавидел,
Недаром лил на них ток гнева своего,
Он в жизни, верно, то с досадою предвидел,
Что их воспитанник переведет его.

(Поэты-сатирики конца XVIII—
начала XIX века. Л., 1959,
стр. 165).

²⁹⁹ К этому же циклу примыкает и перевод подписи Вольтера к портрету Лейбница («Лекарство от скуки и забот», 1787, ч. II, стр. 143).

³⁰⁰ «Утра», 1783, июль, л. 3, стр. 53—56.

³⁰¹ Об этом см.: Voltaire's «Poème sur la loi naturelle». A critical edition, by Fr. J. Crowley. University of California Press, 1938, pp. 177—205.

³⁰² См.: «Тр. Гос. Публичной библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. XII (15), 1964, стр. 52.

Не случайно тогда же или несколько позднее к «Молитве» обратился А. Н. Радищев, «преложивший» ее без всяких отступлений рифмованным ямбическим стихом.³⁰³ Перевод этот — лишнее свидетельство глубоких симпатий Радищева к Вольтеру. Сколько-нибудь развернутой характеристики «фернейского патриарха» Радищев не оставил, но он неоднократно с сочувствием отзывался о нем — и в «Путешествии из Петербурга в Москву», где, между прочим, назвал его среди поэтов, которые «читаны будут, доколе не истребится род человеческий»,³⁰⁴ и в философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792), где, иллюстрируя собственную мысль, наряду с другими «бессмертными произведениями» отметил «Меропу» и «Заиру».³⁰⁵ В относящейся к 1801—1802 годам записке «О законоположении» Радищев выделил деятельность Вольтера в качестве одной из примет времени воцарения Екатерины II: «Она вступила на престол, — писал он, — . . . когда Волтер проповедовал терпимость до безголощины, бич гонения воздвиг на суеверие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренных, сокрушал сии бранные исступления».³⁰⁶ Вольтера Радищев вспоминал (и цитировал) в письмах.³⁰⁷ Наконец Вольтеру — автору «Орлеанской девственницы», — посвящена целая строфа его богатой повести в стихах «Бова»:

О Волтер, о муж преславной!
 Если б можно Бове было
 Быть похожу и кое как
 На Жанету, девку храбру,
 Что воспел ты

и т. д.³⁰⁸

В 1793 году «Молитву» Вольтера перевел, или, как он писал, «сочинил с французского диалекта» ярославский дворянин-воль-

³⁰³ Впервые на это обратил внимание Ю. М. Лотман в статье «А. Н. Радищев — поэт-переводчик» (XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 435—436; ср.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1938, стр. 136, 459).

³⁰⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 353; см. также стр. 260.

³⁰⁵ Там же, т. 2, 1941, стр. 55.

³⁰⁶ Там же, т. 3, 1952, стр. 147.

³⁰⁷ Там же, стр. 326, 361, 460, 516.

³⁰⁸ Там же, т. 1, стр. 29—30. — По мнению Л. Б. Светлова («Французский ежегодник. 1962», М., 1963, стр. 421—428), Радищев был также переводчиком сочинения Вольтера «Древние и новые, или Туалет госпожи де Помпаду» («Les anciens et les modernes, ou la Toilette de Madame de Pompadour», 1765). Однако эта вполне правдоподобная атрибуция требует дополнительных доказательств. Отзыв о переводе (довольно сдержанный) см.: «Санкт-Петербургские ученые ведомости», 1777, № 15, стр. 119—120. — Два других перевода того же произведения см. в сборнике «Из сочинений г. Вольтера смесь» и в журнале «Новости русской литературы» (1803, ч. VI, № 40, стр. 209—224).

нодумец Иван Михайлович Опочинин.³⁰⁹ Судя по дошедшим до нас четырём строкам, перевод этот не отличался художественным совершенством, но обстоятельства, при которых он возник, делают его примечательным документом эпохи. Он был включен в текст предсмертной исповеди, написанной после того, как Опочинин, будучи не в силах преодолеть «отвращение к нашей русской жизни», принял решение покончить с собой. Обращаясь «при последнем своем конце» к Вольтеру, он демонстрировал обоснованность, обдуманность своего поступка и «полнейшее спокойствие духа». Вместе с тем выбранный фрагмент точно соответствовал настроению и мыслям переводчика — скептика и атеиста. Хотя он и понимал, что «после смерти нет ничего», что загробная жизнь — «пустая надежда и утешение», смерть не внушала ему страха. Существовать так он больше не мог и не хотел.

Этим в основном и исчерпывается знакомство русских людей XVIII века с поэтическим творчеством «фернейского патриарха». Вообще ни в 70—80-е годы, ни тем более раньше увлечение вольтеровской поэзией не было в России особенно мощным и глубоким. В 1760-е годы доминировал интерес к его театру, позднее же Вольтера-поэта неизменно заслонял Вольтер-прозаик, главным образом автор философских повестей, получивших у нас (как и в других европейских странах) необычайно широкую известность.

* * *

В 1760—80-е годы на русском языке появилось едва ли не все, созданное Вольтером-прозаиком, — от обширных повестей-романов вроде «Кандида», «Вавилонской принцессы» и «Простодушного» до небольших рассказов-памфлетов вроде «Бабабека и факиров». Остро злободневная, охватывавшая широкий круг общественно-философских и политических проблем и вместе с тем увлекательная и доступная по своей художественной манере,³¹⁰ вольтеровская повесть в сравнительно короткий срок покорила русских читателей и в течение многих лет оставалась в центре их внимания, причем возникновение и развитие русского романа, несомненно, лишь стимулировало этот и без того стремительный процесс.³¹¹

---

³⁰⁹ См.: Л. Н. Трефолов. Предсмертное завещание русского атеиста. «Исторический вестник», 1883, январь, стр. 224—226.

³¹⁰ См.: P. Toldo. Voltaire conteur et romancier. «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», 1913, Bd. 40, N. 5/7, SS. 131—185; Л. В. Каган. Философские повести Вольтера. В сб.: Реализм XVIII века на Западе, М., 1936, стр. 98—132; К. Н. Державин. Вольтер, стр. 285—314.

³¹¹ См.: Н. Белозерская. Влияние переводного романа и западной цивилизации на русское общество XVIII века. «Русская старина», 1895, № 1, стр. 125—156; И. Э. Серман. Становление и развитие романа в русской

Одним из наиболее убедительных свидетельств огромного — по тем временам — читательского успеха в России повестей и романов Вольтера служит обилие их переводов и изданий. Так, в 1765 году отдельной книгой вышел «Задиг» («Zadig, ou la Destinée», 1747), а в качестве приложения к нему «Видение Бабукка» («Le monde comme il va. Vision de Babouc, écrite par lui-même», 1749).³¹² В 1788 году книга была переиздана, а спустя семь лет появилась вновь. В 1769 году вышел в свет «Кандид» («Candide, ou l'Optimisme», 1759), выдержавший затем четыре издания (по два в 1779 и 1789 гг.).³¹³ В том же 1769 году в журналах «Смесь»³¹⁴ и «Полезное с приятным»³¹⁵ была напечатана в двух различных переводах «Индийская история» («Aventure indienne», 1766), впоследствии опубликованная еще шесть раз — в сборниках «Из сочинений г. Волтера смесь, содержащая статьи философические, нравоучительные и критические» и «Всячина из сочинений г. Волтера», во второй части Полного собрания сочинений Вольтера (1791), а также на страницах «Новых ежемесячных сочинений» и «Санкт-Петербургского Меркурия».³¹⁶ «Принцесса Вавилонская» («La Princesse de Babylone», 1768) выдержала четыре издания (1770, 1781, 1788, 1789). Трижды переиздавались «Человек с сорока эю» («L'homme aux quarante écus», 1768)³¹⁷ и «Простодушный» («Le Huron, ou l'Ingénu», 1767). В четырех разных переводах распространялись «Мемнон» («Mémnon, ou la Sagesse humaine», 1749) и «Повесть о добром брамине» («Histoire d'un bon bramin», 1761),³¹⁸ в трех — «История путеше-

---

литературе середины XVIII века. В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков. М.—Л., 1959, стр. 85—92.

³¹² Оба произведения в других переводах были напечатаны ранее — первое в «Ежемесячных сочинениях», второе в журнале «Свободные часы» (1763, август, стр. 498—511; сентябрь, стр. 515—531).

³¹³ Кроме того, в 1779 году было допечатано 1000, а в 1787 году еще 306 экземпляров; см.: Сводный каталог русской книги XVIII века, т. I, 1962, стр. 181.

³¹⁴ «Смесь», 1769, л. 3, стр. 17—19. Ранее в том же журнале (л. 2, стр. 9—12) был помещен вольный перевод повести «Les deux consolés» («Утешение в печали»). Об этом см.: «Литературное наследство», т. 33—34, М. 1939, стр. 773.

³¹⁵ «Полезное с приятным», 1769, 12-й полумесяц, стр. 22—26.

³¹⁶ Из сочинений г. Волтера смесь, СПб., 1788, стр. 56—61; Продолжение смеси из сочинений г. Волтера, СПб., 1788, стр. 1—10; Всячина из сочинений г. Волтера. СПб., 1789 (вар. 1 и 2 — см.: Сводный каталог русской книги XVIII века, т. I, стр. 179); Полное собрание ... сочинений г. Волтера, ч. II, Козлов, 1791, стр. 27—32; «Новые ежемесячные сочинения», 1792, апрель, стр. 83—87; «Санкт-Петербургский Меркурий», 1793, ч. III, сентябрь, стр. 217—224.

³¹⁷ Человек в 40 талеров. Сочинение г. Волтера. СПб., 1780 (переиздания 1785 и 1792 гг.); Гурон или Простодушный, справедливая повесть из сочинений г. Волтера. СПб., 1789 (переиздания 1802 и 1805 годов).

³¹⁸ «Мемнон» выходил в 1770, 1781, 1782, 1784 годах, «Повесть о добром брамине» — в 1772, 1780, 1783, 1784 годах.

вий Скарментадо» («Histoire des voyages de Scarmentado», 1756),³¹⁹ в двух — «История Дженни» («Histoire de Jenny, ou l'Athée et le Sage», 1775),³²⁰ и т. д.

За редкими исключениями все эти переводы создавались независимо друг от друга. У их авторов, как правило, не было желания «посрамить» предшественника, вступить с ним в состязание, как это не раз случалось при переводе вольтеровских (и не только вольтеровских) стихов.³²¹ Вообще, по сравнению с «преложением» поэзии и драматургии «фернейского отшельника», перевод его беллетристических произведений давался русским переводчикам со значительно меньшим трудом.

Это не означало, конечно, что перевод «Задига» или «Принцессы Вавилонской», «Кандида» или «Простодушного» осуществлялся без всяких усилий. На пути переводчиков то и дело возникали серьезные препятствия, преодолеть которые им подчас так и не удалось; но ни одно из этих препятствий не оказалось роковым и не заставило их передать повесть Вольтера своими словами или же кратко ее изложить. Однако было бы также неверно думать, что вольтеровскую прозу переводили лишь мастера, тогда как к поэзии обращались ремесленники. Скорее наоборот: Вольтера-поэта «прелагали» Майков и Княжнин, между тем ни И. Л. Голенищев-Кутузов (переводчик «Видения Бабука» и «Задига»), ни С. С. Башилов, «преложивший» на русский язык «Кандида», ни переводчик «Вадиных сказок» («Contes de Guillaume Vadé», 1764) М. И. Попов, ни П. И. Богданович, ни Н. Е. Левицкий, Федор Полунин и Евграф Воронцов не являлись сколько-нибудь выдающимися писателями.³²² Дело было, по-видимому, в относительной прозрачности переводимого материала и соответственно в более скромном и ограниченном характере стоявшей перед ними задачи.³²³

Отсюда не только сравнительно высокий средний уровень этих переводов, но и наличие в некоторых из них целого ряда больших — для того времени — переводческих удач. С этой точки зрения существенный интерес представляют замечательные точная передача Голенищевым-Кутузовым предпоследнего «Задигу» посвящения султанше Шераа (т. е. маркизе де Помпадур), выдержанного в утрированно восточном стиле («Прелесть очес, мучение сердец, свет разума, я не целую праха ног твоих для того, что ты

³¹⁹ «История путешествий Скарментадо» выходила в 1773, 1778, 1784 годах.

³²⁰ Повесть выходила в 1786 и 1788 годах.

³²¹ Об этом см.: Г. А. Гук овский. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы. «Поэтика», вып. IV, Л., 1928, стр. 126—148.

³²² См.: М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965 (по указателю).

³²³ См.: Ю. Д. Левин. Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России). В сб.: Международные связи русской литературы, М.—Л., 1963, стр. 9—19.

никогда не ходишь или что ходишь по коврам иранским и по розам» и т. п.);³²⁴ плодотворное использование С. Башиловым просторечий, преимущественно лексических (например, «ни полушки» вместо «pas une obole», «баба эта была настоящая фурия» вместо «sa femme...c'était une furie», «дал тягу» вместо «prit la fuite»);³²⁵ наконец, попытки М. Попова воспроизвести вольтеровскую интонацию в сказке «Белый и черный» («Государь, говорил он, да увенчает бог все ваши дни славою и великолепием! а зять ваш плут». Ср.: «Monseigneur, dit-il, que Dieu couronne tous vos jours de gloire et de magnificence! votre gendre est un fripon»);³²⁶ Кроме того, при переводе другой сказки этого же цикла («Жанно и Колен») Попов применил остроумный прием (впоследствии прочно вошедший в арсенал употребительнейших переводческих средств), своего рода «словесную пропорцию»: французскому «blason» и «botanique» в русском тексте соответствуют «геральдика» и «гидрография».³²⁷ (Речь идет об обучении наукам юного господина де ля Жаннотьер; кстати, фрагмент этот отчасти использовал Фонвизин в «Недоросле» — в восьмой сцене IV акта).³²⁸

Однако, как уже отмечалось, даже и в этих превосходных в целом переводах было немало погрешностей и ошибок, которые свидетельствовали о далеко не совершенном знании «прелагателями» французского языка. У Голенищева-Кутузова вместо Большой Медведицы (Grande Ourse) фигурирует Великий Медведь,³²⁹ Башилов принял слово «sale» (грязный) за имя собственное и перевел «la sale province de Vestphalie» — «из Салы Вестфальской провинции»,³³⁰ а указание на происхождение одного из второстепенных персонажей «Кандида» из Перигора (Périgourdin) превратилось у него в фамилию («аббат именем Перигурден»);³³¹ Полунин отождествил «Дунай» (Danube) с «Двиной»,³³² причем его не смутило, что путешествие Амазана из Голландии в Рим тем

³²⁴ Задиг, или Судьба, восточная повесть ... сочинение г. Волтера. СПб., 1765, стр. III.

³²⁵ Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет. СПб., 1769, стр. 52, 114.

³²⁶ Вадины сказки, Белой и черной, Жаннот и Колин и о праздниках французских. Сочинение г. Волтера. СПб., 1771, стр. 22.

³²⁷ Там же, стр. 50—51. Ср. перевод М. Г. Спиридова («Трудолюбивый муравей», 1771, № 10, стр. 73—74). В 1779 году обработка этой повести для юношества под названием «Все величия мира сего не стоят единого доброго друга» была помещена в сборнике «Детское чтение, или отборные небольшие повести удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель» (стр. 3—6). Автор обработки — Преображенского полку подпрапорщик Капитон Бочарников.

³²⁸ Об этом см.: «Вестник Европы», 1811, ч. LVIII, № 15, стр. 215.

³²⁹ Задиг, или Судьба, стр. 88.

³³⁰ Кандид, стр. 58.

³³¹ Там же, стр. 102.

³³² Принцесса Вавилонская, сочинения г. Волтера. М., 1770, стр. 101.

самым теряло всякое правдоподобие («Он смотрел на Рейн, Двину, Аппалиские горы в Тироле...»).³³³ Не узнал Полунин и упоминавшиеся в заключительной части «Вавилонской принцессы» сочинения Вольтера — «Кандид», «Простодушный» и «Орлеанская девственница». Из двух первых названий он сделал женские имена (Кандида и Ингена от «Ingénu»), а последнее превратилось у него в «Непорочные приключения чистой Еганны». ³³⁴ П. И. Богданович из слова «certes» (конечно) сделал название племени или народа («Сирты по справедливости были великие люди» вместо «Certes, se furent des hommes véritablement grands»). ³³⁵ Переводчик «Истории Дженни» смешал Швейцарию и Швецию. ³³⁶ Наконец, все переводчики «Мемнона» опустили неизвестное им слово «platanе» (платан), передав это место по-разному, но во всех случаях неточно и т. п.

Наряду с этими невольными, непреднамеренными искажениями текста вольтеровских повестей почти во всех указанных переводах было немало искажений сознательных, вызванных вполне обоснованными опасениями цензурных затруднений. Переводчиков особенно смущала беспощадная критика Вольтером церкви и религии. В переводе «Простодушного», например, исчезли многие подробности обращения героя в христианство (гл. III—IV), целиком вся сцена посещения г-жой де Сент-Ив иезуита (гл. XVI) и даже такие слова, как «Библия», «Новый завет», «божья благодать» оказались замененными их начальными буквами. Точно так же Н. Е. Левицкий в переводе «Белого и черного» вместо слова «монахиня» оставил лишь (впрочем, весьма прозрачное) м***.³³⁷

В силу тех же причин и в переводе 1773, и в переводе 1778 года подверглась сильному сокращению «История путешествий Скарментадо», причем в тексте 1773 года вместо выпущенных отрывков стояли точки.³³⁸ С еще большей отчетливостью эта тенденция проявилась в переводах «Истории Дженни» (оба они относятся к концу 1780-х годов, когда поворот в правительственных сферах к реакции стал уже вполне очевиден). В первом из них полностью отсутствует теологический спор Фрейнда с бакалавром (эту купюру анонимный переводчик оговорил в специальном примечании, гласившем: «Словопрение, которое имел

³³³ Там же, стр. 116.

³³⁴ Там же, стр. 164—165.

³³⁵ Человек в 40 талеров. Сочинение г. Вольтера. СПб., 1780, стр. 96. — Это отметил, между прочим, автор любопытного «Письма к издателю», помещенного в «Журнале российской словесности» (1805, ч. 1, стр. 144).

³³⁶ Эни, или Мудрец и атеист... Из сочинений г. Вольтера. «Городская и деревенская библиотека», 1786, ч. XII, стр. 136.

³³⁷ Из сочинений г. Вольтера смесь, стр. 24(40). См.: Н. П. К а ш и н. Библиографические заметки. В кн.: Отчет имп. Российского исторического музея за 1913 г. М., 1914, стр. 120—123.

³³⁸ «Старина и новизна», 1773, ч. II, стр. 86—99.

бакалавр с Фрейндом и которое в подлиннике находится, не может здесь помещено быть; потому что содержит в себе некоторые подробности аглинской и римской церкви, исповеданию нашему противные»³³⁹), во втором же — вообще все рассуждения на религиозные темы, составляющие основную часть произведения, которое таким образом превратилось в собственно историю моральной деградации, а затем просветления юного Дженни.³⁴⁰

Отдельные изменения вольтеровского текста были продиктованы и соображениями политического характера. Именно этим объясняется, в частности, замена в переводе «Задига» «ссылки в в Сибирь» просто «ссылкой»³⁴¹ (то же самое, как указывалось выше, сделал и предшественник Голенищева-Кутузова — автор перевода, помещенного в «Ежемесячных сочинениях») и, конечно, изъятие из «Кандида» решительно всех упоминаний экс-императора Ивана VI, свергнутого в 1741 г. Елизаветой и в 1756 г. заточенного в Шлиссельбургскую крепость, где, как важный государственный преступник, он продолжал содержаться и при Екатерине II вплоть до его убийства в 1764 году.

И все же несмотря на довольно большое число этих и им подобных ошибок и отмен, они лишь в очень немногих случаях искажали звучание повести или романа в целом. Русский читатель располагал, следовательно, вполне достоверным «преложением» этой части творчества «славного г. Волтера», которая, как, впрочем, и большинство его сочинений, «преизобиловала» (по выражению современного критика) «истинными философиями».³⁴²

Несомненно, «между многими ... остроумия, пронизательности и красноречия исполненными творениями» Вольтера-прозаика в сознании русских людей XVIII века его романам и повестям принадлежало центральное место. Но с усердием «предлагая» их на «природный наш язык», а «через сие» по возможности способствуя исправлению отечественных нравов, русские переводчики не упускали из виду и других его произведений в прозе — историографических трудов, публицистических выступлений, а также всевозможных мелких сочинений, которые обычно извлекались ими из всякого рода сборников смешанного содержания («*Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie*», «*Nouveaux mélanges*» и т. п.) и в особенности из знаменитого «Философского словаря», впервые вышедшего в 1764 году и затем многократно переиздававшегося, причем каждый раз с множеством дополнений.

Некоторые из этих сочинений по своему характеру приближались к вольтеровской повести в разных ее вариантах: повесть-

³³⁹ «Городская и деревенская библиотека», 1786, ч. XII, стр. 80.

³⁴⁰ См.: Из сочинений г. Волтера смесь, стр. 82—156.

³⁴¹ Задиг, или Судьба, стр. 13.

³⁴² «Санкт-Петербургский вестник», 1780, ч. V, июнь, стр. 450.

притча [«Les deux consolés», 1756; «Petite digression» («Aveugles juges de couleurs»), 1766],³⁴³ повесть-обозрение («Eloge historique de la raison», 1774),³⁴⁴ повесть-памфлет («Aventure de la mémoire», 1775),³⁴⁵ другие больше напоминали статьи на злободневный общественно-философский сюжет.³⁴⁶ В них обсуждались и подвергались жестокой критике современное политическое и государственное устройство («Des embellissements de la ville de Cachemire», 1756;³⁴⁷ «Entretiens d'un sauvage et d'un bachelier», 1761;³⁴⁸ «André Destouches à Siam», 1766),³⁴⁹ сословные и религиозные предрассудки (статьи «Cérémonies, titres, prééminence»³⁵⁰ и «Fêtes»³⁵¹ из «Философского словаря»), воспитание («L'éducation des filles», 1761),³⁵² даже состояние врачебной науки («Maladie», статья из «Философского словаря»).³⁵³ В них уточнялись отдельные положения вольтеровской философии («Tuctan et Karpos, ou Entretien du Vacha Tuctan et du jardinier Karpos», 1765;³⁵⁴ «Nature», статья из «Философского словаря»),³⁵⁵ иллюстрировалась его непримиримая ненависть ко всяческому обскурантизму («De l'horrible danger de la lecture», 1765; письмо к А. М. Голицыну от 19 июня 1773 г.),³⁵⁶ наконец, обосновывалась его твердая вера в исторический прогресс и грядущее торжество просветительских идей («Timon, sur le paradoxe que les sciences ont nui aux mœurs», 1750;³⁵⁷ письмо к Руссо от 30 августа 1755 г.³⁵⁸) и т. д.

---

³⁴³ Мелкие повести о добром брамине, двух утешенных... М., 1783, стр. 11—16.

³⁴⁴ О предубеждении во мнимом своем достоинстве. «Полезное с приятным», 1769, 12-й полумесяц, стр. 1—3.

³⁴⁵ Сатирические и философические сочинения господина Волтера. М., 1784, стр. 3—31.

³⁴⁶ Там же, стр. 32—41.

³⁴⁷ О украшении города Кашемира. «Трудолюбивый муравей», 1771, № 23—24, стр. 177—187 (пер. М. Г. Спиридова).

³⁴⁸ Разговор дикого с бакалавром. «Ни то, ни сию», 1769, л. 6, стр. 43—48, л. 7, стр. 49—54; в другом переводе вошло в кн.: Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света. СПб., 1781, стр. 63—79 (перездано в 1790 г.).

³⁴⁹ Андрей Детуш в Сиаме. «Полезное с приятным», 1769, 12-й полумесяц, стр. 4—16.

³⁵⁰ О древних и новых титулах европейских. «Старина и новизна», 1772, ч. I, стр. 5—16; О церемониях или обрядах. Там же, 1773, ч. II, стр. 127—130 (пер. А. Протасова).

³⁵¹ В сб.: Вадины сказки. Белой и черной, Жаннот и Колин и о праздниках французских, стр. 64—68.

³⁵² Сатирические и философические сочинения господина Волтера. М., 1784, стр. 53—59.

³⁵³ Продолжение смеси из сочинений г. Волтера, ч. II, стр. 60—68.

³⁵⁴ Там же, стр. 17—24.

³⁵⁵ Из сочинений г. Волтера смесь, стр. 31—38.

³⁵⁶ Там же, стр. 25—30; Продолжение смеси из сочинений г. Волтера, стр. 33—37.

³⁵⁷ «Санкт-Петербургский вестник», 1780, ч. VI, ноябрь, стр. 337—341.

³⁵⁸ В сб.: Вадины сказки, стр. 69—77.

Ряд таких диалогов и фрагментов был посвящен вопросам веротерпимости и религиозного фанатизма (например, первая часть этюда «Histoire d'Elisabeth Canning et des Calas»).³⁵⁹

Однако с наибольшей силой этот страстный, этот яростный «крик против суеверия» запечатлелся в замечательных выступлениях Вольтера по делу Каласа — в его «Трактате о веротерпимости» («Traité sur la tolérance», 1762), а также в сообщенных им материалах и письмах. Борьба «фернейского отшельника» за оправдание Каласов (а позднее Сирвенон, де ля Барра и Монбальи) сделала его имя известным в широчайших слоях французского общества и упрочила его европейскую славу: отныне он был не только признанным «королем» поэтов и философов, но и мужественным защитником угнетенных.

Трудно допустить, чтобы этот аспект его деятельности уже в 1760-е годы не получил хоть какого-то отражения в русской печати. Но если такие свидетельства и существуют, то их очень немного. По-настоящему с этой стороны Вольтера узнали в России лишь через несколько лет после его смерти. Наиболее ранним источником такого рода сведений явилось «Похвальное слово Вольтеру» Фридриха II, произнесенное им в Берлинской Академии наук 26 ноября 1778 года и опубликованное на русском языке пять лет спустя, хотя «филантропическая» деятельность Вольтера там не столько излагалась, сколько оценивалась.³⁶⁰ В 1786 году в журнале П. И. Богдановича было помещено уже довольно подробное изложение этих событий, причем в связи с делом Сирвена приводилось письмо Вольтера к Дамилавиллю от 1 марта 1765 года.³⁶¹ Наконец, Ефим Васильевич Рознотовский (1737—1792) обратился непосредственно к сочинениям Вольтера, опубликованным в свое время в защиту Каласа, и в 1788 году выпустил их отдельной книгой.³⁶²

Примечательна сама личность переводчика. Горячий почитатель французских энциклопедистов, он всячески содействовал усвоению в России их трудов, в особенности атеистического и антиклерикального содержания, причем использовал для этого различные пути: одни сочинения пересказывал друзьям, другие пере-

³⁵⁹ Продолжение смеси из сочинений г. Волтера, стр. 50—60.

³⁶⁰ Слово похвальное г. Волтеру, соч. ... королем прусским. СПб., 1783, стр. 61—63.

³⁶¹ «Новый Санкт-Петербургский вестник», 1786, стр. 163—183.

³⁶² История сокращенная о смерти Жана Каласа и о Каласах вообще, с приобщением к тому разным писем, представлений и прочего из творений г. Волтера. СПб., 1788. — Любопытно, что именно в 1788 году Д. П. Горчаков в стихотворном письме к Г. И. Шипову («Теперешняя моя жизнь»), говоря о Вольтере, отметил:

Сей века нашего Орфей
Свой редкий дар употребляет
Ко благу общему людей.
(Поэты-сатирики конца XVIII—
начала XIX в., стр. 102).

водил для дальнейшего распространения в списках и лишь очень немногие издал.³⁶³ Среди этих последних и фигурирует «История сокращенная о смерти Жана Каласа», куда, помимо первых двух глав «Трактата о веротерпимости», вошли «Заключение о казни Жана Каласа», свидетельства и обращения, составленные Вольтером от имени вдовы погибшего и ее сыновей Пьера и Доната, письма Вольтера к Даламберу и Эли де Бомону и прочие материалы, относящиеся к этому процессу.³⁶⁴

«Прелагая» Вольтера, Рознотовский не претендовал на изящество стиля: он «всевозможнейше старался соблюсти только смысл знаменитого оною автора в сем приключении». Для осуществления поставленной им себе задачи довольно было перевода просто «верного» и «вразумительного». Он трудился прежде всего «пользы ради» своих «соотчичей» и видел эту пользу в том, чтобы внушить им ненависть к «бесносвятию» (так он передавал слово «fanatisme») и научить их человеколюбию и «благотворению». Вместе с тем Рознотовский хотел, конечно, «воздать хвалу» творцу переводимого сочинения, «великодушному сему защитнику невинности» (аргументируя свою мысль, он опирался, между прочим, на авторитет «покойного короля прусского» и обильно цитировал в собственном переводе его «Похвальное слово Вольтеру»), а также «всем сострадательным сердцам», и в частности «блаженного века нашего мудрым монархам».³⁶⁵ Последнее было не только констатацией некоторых общеизвестных фактов, но и призывом к терпимости и «благотворению» в дальнейшем: несомненно, множество поводов к этому давала и русская действительность тех лет.

Для русских людей 1780—1790-х годов процесс Каласа был, следовательно, событием если и не современным, то во всяком случае достаточно волнующим и поучительным. Но и Вольтер — автор трудов исторических в точном смысле слова — не оставлял их равнодушными, несмотря на то что в их представлении он обращался лишь к «делам давно минувших дней». Правда, ему принадлежали «История Карла XII», «История Российской империи при Петре Великом», «Век Людовика XIV» и «Обзор века Людовика XV», но эти произведения до конца XVIII столетия на русском языке так и не появились,³⁶⁶ хотя «Век Людовика

---

³⁶³ О нем подробнее см.: М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке, стр. 221—223.

³⁶⁴ См.: E. Masmonteil. La législation criminelle dans l'oeuvre de Voltaire. Paris, 1901; E. Nixon. Voltaire and the Calas case. New York, 1961; Н. Н. Полянский. Вольтер — борец за правосудие и за реформу права. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. Изд. АН СССР, стр. 245—283.

³⁶⁵ См.: История сокращенная о смерти Жана Каласа и о Каласах вообще, стр. 3—8.

³⁶⁶ Изданы были лишь две речи Вольтера, тематически примыкающие к этим его трудам: «Надгробное похвальное слово Людовику XV, королю французскому» (СПб., 1782; пер. Д. Ланского) и «Слово похвальное фран-

XIV» (вместе с перечнем французских писателей того времени) привлек внимание И. А. Дмитриевского, а «История Российской империи» — Ф. А. Эмина:³⁶⁷ Дмитриевский, по всей вероятности, своего намерения не выполнил, Эмин же перевод завершил и даже представил в Академическую типографию, однако вскоре печатать его раздумал, предложив вместо того «Российскую историю» собственного сочинения.³⁶⁸

В 1752 году в Лондоне вышел томик вольтеровских сочинений, куда наряду с повестью «Микромегас» были включены «История крестовых походов» («Histoire des croisades») и «Новое построение истории человеческого разума» («Nouveau plan d'une histoire de l'esprit humain»), впоследствии вместе с «Опытом всеобщей истории» («Essai sur l'histoire universelle») составившие — в значительной его части — знаменитый «Опыт о нравах и духе народов». Это напечатанное в Лондоне или же вышедшее в следующем году в Берлине тождественное ему издание и легло в основу ранних русских переводов из историографического наследия Вольтера, сделанных преподавателем Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса И. А. Вельяшевым-Волынцевым (ум. в 1785 г.).³⁶⁹

Первоначально Вельяшев-Волынцев перевел лишь «Историю крестовых походов», но уже в предисловии содержалось обещание, если первый его опыт «понравится обществу», перевести и другой вольтеровский труд. По-видимому, «общество» встретило книгу с интересом и даже волнением: нарисованная Вольтером злоежащая картина многовекового разгула религиозного фанатизма и кровавой резни, конечно, вызывала немало злободневнейших ассоциаций.³⁷⁰ Во всяком случае, вскоре обещанный перевод появился в свет, и русский читатель получил в свое распоряжение не только осмысленную с философских позиций историю Китая и

дузским офицером, умершим на войне в 1741 году» (М., 1787; пер. Н. Неплюева). — О переводе «Истории Карла XII», распространявшемся в списках, см. прилож. II.

³⁶⁷ Об этом см.: В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 86.

³⁶⁸ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 140—141. Кроме того, см.: Д. Д. Шамрай. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова. В кн.: XVIII век, сб. 3, М.—Л., 1958, стр. 471—473.

³⁶⁹ История о крестовых походах, из сочинений г. Волтера. СПб., 1772 (переиздано в 1783 году). — Существует также московское издание 1782 года с приложениями.

³⁷⁰ См., например, характерную, сделанную почерком XVIII века, помету на полях книги (экземпляр Библ. АН СССР, шифр $\frac{1782}{14}$, стр. 101): «вот бешенство рода человеческого». — Ср. также: «Покоющийся трудолюбец», 1785, ч. IV, стр. 68—69: «... Кто бы ни был Волтер, хотя, впрочем, и он в некоторых случаях невинителен, при всем том он один гораздо был полезнее для общества, нежели все полчище пустосвятов»).

Индии, Персии, Аравии и Византии, историю мусульманского движения, завоевания арабами Испании, норманнами — Англии и т. д., но и весьма отчетливое (хотя и предварительное) изложение взглядов Вольтера на историографию и исторический процесс.³⁷¹

Большого читательского успеха книга эта скорее всего не имела. По-видимому, историческое повествование более сосредоточенное, более традиционное тогда привлекало русских читателей сильнее, чем самый глубокомысленный «философический» обзор жизни многих народов и стран в течение веков. По крайней мере, в дальнейшем «Новое расположение истории человеческого разума» не переиздавалось, а вслед за третьим изданием «Истории о крестовых походах» начала выходить отдельными выпусками сухая, почти конспективная «Летопись царствования императора Карла Великого» («Les Annales de l'Empire depuis Charlemagne», 1753),³⁷² впрочем, доведенная лишь до правления Генриха VII, что соответствовало первому тому французского издания 1753 года.

* * *

Таким образом, в сравнительно короткий срок — с середины 1750-х до конца 1780-х годов — на русском языке появилась значительная часть созданного Вольтером: драматургия, поэзия, художественная проза, публицистика, наконец, ряд философских и историографических трудов. Многие десятки переводов и изданий, — подобной известности в России до того времени не получил ни один иностранный писатель. Это сознавали и современники, не раз отмечавшие необычайное распространение печатного Вольтера в столицах и даже в захолустных провинциальных городах.³⁷³ И тем не менее, а, быть может, именно поэтому, все очевиднее становилось, что процесс знакомства русских людей с Вольтером еще далеко не завершен.

С особой отчетливостью обнаружилось это после появления в свет Полного собрания его сочинений в семидесяти томах, предпринятого Панкуком и продолженного Бомарше (édition de Kehl, 1785—1789). Русским переводчикам открылись новые возможности: в их распоряжении оказывалось теперь множество не-

---

³⁷¹ Новое расположение человеческого разума, сочинение г. Вольтера). СПб., 1775.

³⁷² Летопись Империи от Карла Великого до нынешних времен. СПб., 1786—89, восемь выпусков (Перевод П. Е. Турковского).

³⁷³ См.: Вольтеровы заблуждения. . . , ч. 1. Предупреждение к российскому переводу <стр. I—II>; М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, стр. 49; см. также: М. М. Штранге. Русское общество и французская революция. 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 40—42; Л. А. Коган. Крепостные революционеры (XIX век). М., 1966, стр. 53—55.

известных им ранее текстов, к тому же собранных вместе и даже как-то объясненных. Выход этого знаменитого издания, по-видимому, способствовал также возникновению проекта первого русского собрания всех вольтеровских сочинений, издателем которого был один из самых замечательных «вольтеристов» XVIII века, уже упоминавшийся Иван Герасимович Рахманинов (ум. 1807 г.).³⁷⁴

К мысли собрать воедино и издать все творческое наследие его «божества» Рахманинов пришел не сразу — этому предшествовал довольно долгий подготовительный период, на протяжении которого он пробовал силы в переводе разных авторов и набирался опыта в издательских делах. Впервые Рахманинов обратился к Вольтеру еще в 1770-х годах, когда он опубликовал перевод трех его философских диалогов.³⁷⁵ Однако едва ли он сознавал тогда, что с Вольтером будет связана почти вся его дальнейшая жизнь. Лишь с 1784 года Рахманинов сосредоточивается на переводах из Вольтера. Отныне распространение идей «фернейского патриарха» становится смыслом его существования, основной целью всех его усилий.

Задача, которую Рахманинов поставил себе первоначально, была довольно скромной: перевести несколько поэтических произведений, ряд небольших повестей и рассказов, а также статей и фрагментов морально-философского содержания и выпустить их отдельной книгой. При этом он не слишком задумывался над тем, переводились ли выбранные им сочинения на русский язык раньше или нет: большинство существовавших к тому времени переводов, в особенности журнальных, он не знал и, конечно, даже не подозревал, что число их столь велико. Однако и при большей осведомленности Рахманинов, вероятно, не поступил бы иначе. Затерянные в старых периодических изданиях, к тому же выходящих ничтожными (и по тем временам) тиражами, публикации эти были, как правило, недоступны читателю, да и качество некоторых переводов оставляло желать лучшего. Рахманинов же «предлагал» французский текст с чрезвычайной тщательностью, даже скрупулезностью, а главное — он для удобства соотечичей собрал более двух десятков вольтеровских сочинений вместе. По существу это было первое в истории «русского Вольтера» собрание его произведений.³⁷⁶ Именно так осмыслил свой опыт и сам Рахманинов, который, предпринимая следующее, на сей раз трехтомное, издание, назвал его продолжением «прежде изданного перевода». Трехтомное «Собрание сочинений г. Волтера» (1785—1789) включало

---

³⁷⁴ О нем см.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1954; Б. Ф. Мартынов. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.

³⁷⁵ Три разговора из вольтеровых сочинений. СПб., 1777.

³⁷⁶ Речь идет о сборнике: Аллегорические, философические и критические сочинения г. Волтера. СПб., 1784.

уже более сорока повестей, стихотворений и философских этюдов. Однако от предшествующего сборника эта серия отличилась не только объемом, но и по своему составу: из двадцати пяти «аллегорических, философических и критических сочинений» приблизительно треть русскому читателю была известна; в «Собрание сочинений» же вошло всего несколько вещей, опубликованных ранее: «Храм вкуса», «Похождение памяти», «Микромегас», а также (частично) «Поэма о гибели Лисабона».

Это, на первый взгляд, незначительное обстоятельство тем не менее сильно волновало Рахманинова, который здесь, в отличие от первого сборника, по возможности старался соблюсти принцип новизны, хотя и не уведомлял об этом специально. Во всяком случае, перепечатывая из «Аллегорических сочинений» свой перевод «Храма вкуса», он дал понять, что воспроизводит его не механически, ибо в его основу положена усовершенствованная редакция произведения, помещенная в Кельском издании.³⁷⁷ Переработке подверглись и перевод «Похождения памяти», заимствованный из «Сатирических и философических сочинений господина Волтера» (1784), и перевод «Микромегаса» (в таком исправленном виде он был годом раньше выпущен отдельно).³⁷⁸ В еще большей степени правилу, принятому Рахманиновым, противоречило включение им во вторую часть «Собрания сочинений» чужого перевода: почти не впадая стихом, он вынужден был воспользоваться имевшимся переводом «Поэмы о гибели Лисабона», сделанным в 1763 году И. Ф. Богдановичем. Испытывая немалое смущение, Рахманинов счел своим долгом особо оговорить этот досадный для него факт: «Сия поэма в стихах была переведена на российский язык уже давно и помещена в ежемесячных изданиях, и как она переведена столь исправно, что я не мог на себя взять, чтоб перевести ее так хорошо и красноречиво, почему и помещаю здесь оную того самого перевода, надеясь, что г. переводчик, хотя он мне и неизвестен, простит меня в том, что я его перевод помещаю между своим переводом, что может служить более к его же чести, потому что я не находил себя способным перевести оную поэму с толикою исправностию. Примечания же на сию поэму моего перевода».³⁷⁹ Последнее, с его точки зрения, было весьма существенно: тем самым он как бы подчеркивал собственное посильное участие и в этом переводе.

«Собрание сочинений г. Волтера» готовилось долго — не менее шести лет, но за это время Рахманинов сумел значительно расши-

---

³⁷⁷ См.: Voltaire. Le Temple du goût. Edition critique par E. Carcassonne. Paris, 1938.

³⁷⁸ Микромегас, философическая повесть... Новое исправленное издание. СПб., 1788.

³⁷⁹ Собрание сочинений г. Волтера, ч. II, СПб., 1787, стр. 71. — Упомянутые Рахманиновым «ежемесячные издания» — журнал «Невинное упражнение».

рить представление современников о творческом наследии «фернейского патриарха». Благодаря его усилиям русские почитатели Вольтера получили, помимо множества мелких сочинений, «Письма Амабеда», «Уши графа Честерфилда», «Повесть о Велизарии», «Невежественного философа», несколько од («О фанатизме», «О мире 1736 года», «Истинный бог») и т. д.

В 1789 году Рахманинов пополнил эту серию еще одним изданием — сборником «Сатирический дух г. Волтера, или Собрание некоторых любопытных сатирических его сочинений», куда, между прочим, вошли переведенные прозой стихотворная сатира «Бедняк» («*Le pauvre diable*», 1760) и сатирический памфлет в стихах «Русский в Париже» («*Le Russe à Paris*», 1760).

Уже к концу 1780-х годов, следовательно, Рахманинов перевел из Вольтера не меньше, чем все его предшественники вместе взятые по крайней мере за тридцать лет. Но он и не помышляет о покое. Напротив, ободренный благосклонностью к нему читающей публики, он в 1788 году заводит собственную типографию и вскоре приступает к осуществлению нового — несравненно более смелого — замысла. Речь идет о «Полном собрании всех донныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Волтера».³⁸⁰

Размах задуманного дела заставил Рахманинова отказаться от ранее принятого им принципа: до сих пор он, за редкими исключениями, переводил все сам, теперь же понял, что с подобной задачей ему не справиться. Свои опубликованные переводы он рассчитывал положить в основу будущего издания (недаром он назвал его «вторым»), переводить Вольтера он собирался и в дальнейшем, но существенное место в Полном собрании всех сочинений отводилось и чужим переводам. Впрочем, говорить об этом с определенностью трудно: из предполагавшихся двадцати частей в свет вышли только три, четвертая должна была поступить в продажу, а пятая набиралась, когда во исполнение монаршей воли генерал-прокурор Синода Самойлов категорически предписал «как наискорее и без малейшего разглашения ... типографию у Рахманинова запечатать и печатание запретить».³⁸¹

История этого издания — его подготовка, вынужденное перемещение в 1791 году типографии из Петербурга в Казинку (имение Рахманинова неподалеку от г. Козлова), появление в свет первых трех частей (1793), вскоре последовавшее их запрещение, а позднее закрытие типографии и конфискация отпечатанных книг, наконец, мужественное поведение Рахманинова, который с необычайным упорством пытался спасти от гибели свое детище, — детально изучена и не раз уже была рассказана, в том числе и на

³⁸⁰ Об этом издании подробнее см.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. «Тр. Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина», т. VIII, М., 1965, стр. 126—162.

³⁸¹ Там же, стр. 153.

основании архивных данных. Здесь следует лишь отметить, что задуманное Рахманиновым издание явилось не только плодом его собственных усилий, но и результатом нелегкого многолетнего труда целого поколения русских «вольтеристов». Правительственные гонения 1790-х годов, заставившие надолго умолкнуть Радищева и навсегда — Новикова, обрушились и на Рахманинова, лишив его возможности воплотить в жизнь заветную мечту. Издание Полного собрания всех вольтеровских сочинений было прекращено почти в самом начале. Но и тем, что И. Г. Рахманинову удалось совершить, он, несомненно, вписал одну из самых прекрасных и волнующих страниц в историю «русского Вольтера» и, более того, — в историю отечественного Просвещения и национальной культуры своей эпохи.

Приложение I

ИЗ РУССКОЙ СТИХОТВОРНОЙ ВОЛЬТЕРИАНЫ

Почти одновременно с появлением первых русских переводов из Вольтера имя его проникает и в русскую художественную литературу, в частности в поэзию, где вскоре становится едва ли не самым употребительным и бесспорным примером величайшего современного поэта.

На что знать Локка мне, Волтера,
Ньютона, Вольфа и Гомера?
В них счастья нет;
В богатстве лишь оно, и так уж идет свет:
А свету следовать нам должно, —

воскликает анонимный автор «Рассуждения», помещенного в журнале «Полезное увеселение» за 1761 год, иронизируя над утилитарными наклонностями своих непросвещенных «соотчичей».¹

Кто взапуски писать примается с Вольтером
И думает тому в письме он быть примером,
Дурак, —

в свою очередь констатирует автор большого стихотворения, направленного против глупцов, «которые не дают всей жизни нам покою».²

Для автора мадригала, напечатанного в «Новых ежемесячных сочинениях» 1788 года, «вольтеров дар» служит синонимом поэтического таланта вообще.³ В представлении Ивана Бахтина, лишь для Ломоносова и Вольтера, «которому в стихах сам Аполлон наставником быть мнился»,⁴ в поэзии не существует трудностей и т. п.

Однако этими и им подобными упоминаниями не ограничивается отражение интереса русских стихотворцев XVIII столетия к «великану сей эпохи».

¹ «Полезное увеселение», 1761, № 23, стр. 198.

² «И то, и сьо», 1769, июль, 28-я неделя. См. любопытный отклик на это стихотворение: «Трутень», 1769, л. XIV, стр. 111—112.

³ «Новые ежемесячные сочинения», 1788, ч. XIX, стр. 63. См. там же, 1786, ч. III, стр. 108; 1787, ч. VIII, стр. 73.

⁴ «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», 1789, сентябрь, стр. 5.

Ряд переводных и оригинальных стихотворений был посвящен ему непосредственно. Правда, почти все они принадлежали к одному и тому же жанру надписей или подписей к изображению, иными словами, к лаконичному, но одновременно «емкому» жанру «поэтического портрета», весьма распространенному в европейской литературе XVIII и начала XIX века.

Первым по времени русским стихотворным портретом Вольтера явилась переведенная с латинского и, кстати, довольно неуклюжая по языку и манере «надпись» к знаменитой статуе «фернейского патриарха», изваянной в 1772—1776 годах по инициативе его друзей и почитателей скульптором Жаном-Батистом Пигалем.

Изображавшая престарелого писателя, словно античного бога — обнаженным, статуя Пигалья (или, точнее, ее гипсовая модель) вызвала множество толков и споров еще задолго до ее завершения. «Несомненно, — отмечалось в «Correspondance littéraire», — что эта нагота заключает в себе немало противоречий».⁵ В качестве образчика многочисленных критических откликов на статую Пигалья автор апрельской корреспонденции 1771 года и привел сатирическую, по его определению, надпись к ней, отнюдь не переоценивая при этом ее литературных достоинств:

En tibi
Dignum lapide Voltarium,
    Qui
In poesi magnus,
In historia parvus,
In philosophia minimus,
In religione nihil,
    Cujus
Ingenium acre,
Iudicium praeseptis,
Improbitas summa,

Cui
Arisere mulierculae,
Plausere scioli,
Favere profani,
    Quem
Irrisorem hominumque Deumque
Senatus populisque
Phisico-atheus
Aere collecto
Statua donavit.
MDCCLXXI.⁶

Совершенно очевидно, что эта надпись исходила из враждебных Вольтеру кругов: безусловных похвал удаивался лишь создатель «Генриады»; между тем Вольтер-философ и публицист осуждался решительно, без всяких оговорок. Отсюда и вывод, относившийся к статуе: такой человек, как Вольтер, лучшего не заслужил.⁷

Вскоре эта любопытная надпись получила известность и в России — в сравнительно точном, за исключением двух последних строк, переводе. В печать она, однако, не попала, скорее всего из-за ее антивольтеровского звучания, которое могло показаться неуместным в период столь широкого (и притом

⁵ См.: Grimm, Diderot, Raynal, Meister. Correspondance littéraire, philosophique et critique, t.9. Paris, 1879, pp. 15, 45, 88, 285.

⁶ Там же, p. 286.

⁷ Еще один колоритный отклик на это же событие сообщает Г. Денуартер:

J'ai vu chez Pigalle aujourd'hui
Le modèle vanté de certaine statue;
A cet oeil qui foudroie, à ce rire qui tue,
A cet air si chagrin de la gloire d'autrui,
Je me suis écrié: ce n'est pas là Voltaire;
C'est un monstre. . . Oh! m'a dit certain folliculaire,
Si c'est un monstre, c'est bien lui.

(G. Desnoiresterres.
Iconographie voltairienne. Paris, 1879, p. 64; см. также: J. Orieux. Voltaire et la royauté de l'esprit. Paris. 1966, pp. 690—691).

поощряемого сверху) увлечения Вольтером. Распространялась она в списках и в одном из интереснейших рукописных сборников последней трети XVIII века⁸ («Разные стиходействии») дошла до нас — без указания имени переводчика и без каких-либо пояснений:

Изволь посмотреть на Волтера,
Сего истукана достойного,
Который
В стихотворстве был велик,
В истории мал,
В философии того меньше,
В благочестии ничто,
Которого
Разум был остр,
Рассуждение скоро,
Безбожие велико,
Которому
Женщины льстили,
Полумудрецы кадили,
Безбожники служили,
Которого
Бога и людей ругателя,
Упражняющийся в естественных науках
Нечестивый сенат и народ
Удостоил награждением денежным.⁹

Другой, на этот раз уже французский стихотворный портрет Вольтера был создан или, во всяком случае, проник в русскую печать в связи с появлением очередного гравированного портрета Вольтера, выполненного в 1775 году Г. Сент-Обеном по рисунку с натуры Вивана Денона. Своей чрезмерной «реалистичностью» портрет этот вызвал сильное раздражение фернейского отшельника, который даже попытался добиться его изъятия из обращения. «Настоятельно прошу вас, — писал он 20 декабря 1775 года Денону, — прекратить распространение этого эстампа среди публики. Не знаю почему, но вы изобразили меня в виде искалеченной обезьяны с головой набок и одним плечом в четыре раза выше другого».¹⁰ Тем не менее портрет этот привлек к себе внимание, и не только во Франции, но и в России. В разделе «Новости в науках» академический журнал «Собрание разных сочинений и новостей» (его редактором был И. Ф. Богданович), между прочим, сообщил читателям: «Пишут из Парижа, что король в знак милости и благоволения к господину Волтеру, известному в Европе славными своими сочинениями, пожаловал ему достоинство маркиза, так как и землю, ему принадлежащую под именем де Ферне, наименовал маркизство де Ферне. Недавно же в Париже награждиван портрет господина Волтера и внизу оного приложены следующие четыре стиха, сочинения г. Дората:

⁸ См.: Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. Сост. А. И. Артемьев, СПб., 1882, стр. 190. — См. также: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 114—116.

⁹ Цитируется по копии, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (р. II, оп. 1, № 635, лл. 92 об., 93).

¹⁰ Voltaire's Correspondence, v. XCII. Les Délices—Genève, 1964, p. 179 (№ 18675). Об этом см.: В. Ф. Левинсон-Лессинг. Новые материалы по иконографии Вольтера. Ежегодник Гос. Эрмитажа. Западноевропейское искусство, т. I, вып. 2, Л., 1936, стр. 44.

Он молодость провел с приятною Ниноюй,
Он в тридцать лет явил *Виргилия* собою,
Он в зрелом мужестве *Сафокла* нам представил,
И в самой старости талант *Анакреонта*». ¹¹

Подпись эта вполне добросовестно воспроизводила помещенное под портретом французское четверостишие, в котором творческий путь Вольтера как бы делился на несколько сменявших один другой этапов: период духовного созревания и «воспитания чувств», эпическая поэзия («явил *Виргилия* собою»), драматургия («*Сафокла* нам представил») и эпикурейская лирика («талант *Анакреонта*»). ¹²

Сходными по содержанию были и два вольтеровских «портрета», помещенные в сентябрьском выпуске за 1786 год петербургского журнала «*Растущий виноград*» (оба переведенные с французского языка):

Глупцам смеялся сей; военной пел трубою;
На сцене царствовал; в Историй веселил;
Во всех родах себе короны получил;
Но мог бы славен быть вовеки и одною.

Сего в младых став имя славно лет,
Вовеки проживет;
В сем будут вместо порученья
Его враги, его творенья. ¹³

Смерть Вольтера породила множество более или менее развернутых эпитафий. ¹⁴ Но на русском языке из них появилась лишь одна, принадлежавшая перу П.-Д. Экушара-Лебрена — Лебрена-Пиндара, как его называли современники. Анонимный перевод этой патетической эпитафии перепечатывался дважды, сначала в качестве приложения к «Похвальному слову Вольтеру» Фридриха II, ¹⁵ а затем на страницах «Новых ежемесячных сочинений» за 1788 год: ¹⁶

¹¹ «Собрание разных сочинений и новостей», 1776, генварь, стр. 21—22.

¹² Ср.:

Il vit le dernier siècle expirer chez Ninon,
De Virgile à trente ans il ceignit la couronne.
Des lauriers de Sophocle il orna son automne.
Et sema son hiver des fleurs d'Anacréon.

(Воспроизведено в кн.: Voltaire. Documents iconographiques. Genève, 1948, p. 43).

¹³ «Растущий виноград», 1786, сентябрь, стр. 56—57.

¹⁴ См.: J.-M. Quérard. Bibliographie voltairienne. Paris, 1842, pp. 152—153, 157—158.

¹⁵ Слово похвальное г. Волтеру, соч. ... королем прусским. СПб., 1783, стр. 72. Эпиграфом к этому изданию служило следующее любопытное стихотворение:

Какое для наук прекрасно торжество!
На то произвело Вольтера естество,
Да новую собой он даст наукам цену,
Да в нашем веке он сию родит премену,
Чтоб не царю хвала палася от льстеца,
Но царь бы возвещал бессмертье мудреца.

¹⁶ «Новые ежемесячные сочинения», 1788, ч. XXVIII, октябрь, стр. 69. — Эпитафия Вольтеру была напечатана также на страницах издававшегося в Петербурге при деятельном участии Тимолеона-Альфонса Гальен де Сальморана («ученика Вольтера», как он сам себя называл) французского жур-

От горести Парнас и ужаса стени!
Разружьте лиры днесь, о музы оскорбленны.
Ты, коей сто устен и крил им утомленны,
Гласи, что мертв Волтер, рыдай и отдохни!¹⁷

С конца 1770-х годов время от времени начинают появляться и оригинальные сочинения этого рода. К их числу относится, в частности, небольшой цикл «эпиграмм» Ивана Ивановича Хемницера, а также две подписи к портрету Вольтера, авторами которых были П. П. Бекетов и А. Е. Измайлов. Почитатель Вольтера Хемницер отзывался о фернейском отшельнике с глубоким сочувствием:

Все говорят: «Волтер божественно писал».
Я этого не примечаю,
А только знаю:
Волтер божественно перу повелевал.¹⁸

Та же мысль несколько более пространно выражена в его немецком стихотворении «*Mich reizt ein dichterischer Treib*».¹⁹ Однако восхищаясь классическим совершенством вольтеровских творений и призывая «любителей словесных всех наук» внимать и подражать «согласию» его стихов,²⁰ Хемницер без всякого энтузиазма говорит о его «Истории Российской империи при Петре Великом». Вольтера — историка России он обвиняет в намеренном и далеко не бескорыстном искажении истины:

Вольтера все бранят, поносят,
И гнусный на него такой поступок взносят,

нала «*Mercur de Russie*» (об этом журнале см.: «Российская библиография», 1881, № 101, стр. 3—6; «Библиограф», 1885, № 2, стр. 22—25, № 5, стр. 89—93). Выданная за сочинение «крымского татарина», эта латинская эпитафия должна была, по мысли издателей, служить лишним подтверждением того, что память о Вольтере — «самом удивительном гении нового времени», «друге человечества, непримиримом враге суеверия и фанатизма, неутомимом проповеднике терпимости» — драгоценна всем обитателям России — и не только просвещенной столичной публике, но и жителям самых отдаленных и диких областей:

*Maxima Lux Saecli, Gallorum Gloria, Nemo
quem puerum, Nemo credidit esse senem;
tam sibi par semper, quam cunctis celsior unus,
et qui se totum debuit ipse sibi;
hic jacet ille capax culti Voltarius aevi:
nil sibi mors unquam plus licuisse putet,
quid querimur raptum? mens est qua vivitur, annos
ille tot exegit mente, quot orbis habet.*

(«*Mercur de Russie*», 1786,
№ 7—8, p. 62).

¹⁷ Ср.:

*O Parnassel frémis de douleur et d'effroi!
Pleurez, Muses! brisez vos Lyres immortelles;
Toi dont il fatigua les cent voix et les ailes
Dis que Voltaire est mort, pleure et repose-toi.*

(P.-D. E s c o u c h a r d - L e -
b r u n, *Oeuvres*, v. III, Paris,
1811, p. 57).

¹⁸ И. И. Хемницер, Полн. собр. стихотв., М.—Л., 1963, стр. 220.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 240.

Что много он в своей «Истории» нагнал.
Ну, виноват ли он, когда его дарили
И просили,
Чтоб вместо правды ложь он иногда писал?²¹

Ничего удивительного в этих строках нет, Хемницер лишь отдал в них дань распространенной в его время (и на протяжении всего XIX столетия) легенде.²² Примечательно иное: вскоре после ликвидации пугачевского движения, когда отношение к Вольтеру в правительственных кругах заметно охладилось, Хемницер бросает французскому поэту только один упрек — в пагубной склонности к компромиссам, в чрезмерной «покладистости» и «чуткости» к пожеланиям монархов.

«Стихи к портрету г. Волтера» Платона Петровича Бекетова были помещены в «Санкт-Петербургском вестнике», одном из самых интересных частных журналов конца 1770—1780-х годов (в нем, кстати, печатался и Хемницер).²³ Впоследствии видный книгоиздатель и коллекционер, президент Общества истории и древностей российских, Бекетов тогда лишь вступал в жизнь: незадолго до того он был взят из московского пансиона профессора Шадена (где, между прочим, одновременно с ним учился Н. М. Карамзин).²⁴ Определенный в Семеновский полк, но, видимо, не слишком обремененный службой, он начал пробовать силы в литературе, к которой с отроческих лет испытывал большую склонность. В «Санкт-Петербургском вестнике» 1780 года были напечатаны три его литературных опыта — два перевода с французского и уже названное сочинение, посвященное Вольтеру:

Сей зрак, которого невежество страшилось,
Искусство в сих чертах изобразить потщилось.
Се тот, кой дружеством почтен был от царей,
От младости своей до самых поздних дней,
Служил французскому Парнасу украшеньем
И славу приобрел глубокиим ученьем,
Которая о нем по всей земле гремит.
Был мудрый философ и славнейший пиит...²⁵

Несмотря на обусловленный законами жанра лаконизм, деятельность Вольтера получила здесь почти всестороннее освещение: Бекетов не забыл ни его ученых занятий, ни философских трудов. Но наибольшее восхищение юному «любителю муз» внушало все же его литературное творчество и в особенности «Генриада»:

Он славою превзошел Виргилья и Омира,
Когда о Генрике его гремела лира,
Которой был царей премудрейших пример,
Достоин был его воспеть один Волтер.²⁶

Картина, нарисованная Бекетовым, была, однако, совершенно безоблачной; он или не подозревал, или не пожелал сказать о том, что «от царей»

²¹ Там же, стр. 220.

²² Об этом см.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы, стр. 20—25; ср.: Л. Е. Бобров а. Сборник И. И. Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи». — «Уч. зап. Лен. гос. пед. инст. им. Герцена», т. 168, 1958, стр. 17—18.

²³ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 348—354.

²⁴ О Бекетове см.: П. С им о н и. П. П. Бекетов. «Старые годы», 1908, февраль, стр. 104—110; март, стр. 160—165; апрель, стр. 221—237.

²⁵ «Санкт-Петербургский вестник», 1780, ч. VI, октябрь, стр. 283.

²⁶ Там же.

Вольтер был почтен не только «дружеством», но и двукратным заключением в Бастилию, а невежество, хоть и «страшилось» его, но не сдавалось, продолжая «изобличать» и преследовать «великана сей эпохи» до конца его дней.

Четверть века спустя (1806) эту сторону деятельности Вольтера отметил в надписи к его портрету А. Е. Измайлов.²⁷ «Великий Арует» для него и поэт, и философ, и историк, и друг самых почитаемых монархов, но он также воинствующий антиклерикал и мужественный защитник «страждущего человечества».²⁸

Великий это Арует,
Историк, философ, поэт.
Его глупцы критиковали,
Его монахи проклинали,
Его монархи почитали,
Которых почитал весь свет,
Его несчастные любили, прославляли.
Мир праху твоему, великий Арует!²⁹

От переводных стихотворений к оригинальным, русским; от общих характеристик к более детальным, разносторонним и глубоким — такова эволюция стихотворного портрета Вольтера в русской литературе XVIII—первых лет XIX в.³⁰ Дальнейшая судьба этого своеобразного жанра заслуживает специального изучения. Здесь лишь укажем, что ему отдали дань Вяземский и Пушкин.

Приложение II

К ИСТОРИИ РУССКОГО «РУКОПИСНОГО ВОЛЬТЕРА»

Несмотря на исключительное обилие изданий и переизданий, в течение всего XVIII и первых десятилетий XIX века знакомству русских читателей с творчеством «фернейского патриарха» в немалой степени способствовала и так называемая «рукописная книжность». Наиболее ранние дошедшие до

²⁷ О нем см.: И. А. Кубасов. Александр Ефимович Измайлов. СПб., 1901.

²⁸ Несколько раньше (1801) Вольтера — защитника Каласа прославил в «Оде Александру I» С. А. Москотильников:

Злосчастный некогда Калас —
Слепого жертва суеверства! —
Подвигнул муз фернейских глас
Противу лжи, противу зверства:
Великий Генриха певец,

Коснувшись глубины сердец,
Склонил Европу удивленну
Восстать противу общих вол:
Поставить истине престол,
Почтить природы власть священну.

(Поэты-радищевцы.
Л., 1935, стр. 612, 820—821).

²⁹ «Любитель словесности», 1806, ч. IV, стр. 157.

³⁰ К этому же циклу примыкают две французские шарады, помещенные в «Mercure de Russie» (№ 3—4, стр. 113—114), и акrostих А. И. Голицына:

Волюно, Волтер, тебя бранить у нас старухам;
Они не делают подрыв твоим стихам. —
Ликуюшь в славе ты, твой тон приятен слухам,
Ты феникс смысленным ученым всем очам,
Единым квакерам и бородам опасен,
Разить притворство их всегда ты был согласен.

(Сочинения и переводы кн.
А. И. Голицына, ч. III. М.,
1798, стр. 24).

нас списки русских переводов из Вольтера датируются серединой столетия. Особой же интенсивности процесс этот достигает в 1790-х годах. Именно тогда, констатируя повсеместное распространение вольтеровой «заразы», Евгений Болховитинов с огорчением отметил, что «письменной Волтер становится у нас известен столько ж, как и печатной».¹

Впрочем, в данном случае митрополит Евгений едва ли имел в виду всего «рукописного Вольтера» вообще: он протестовал лишь против «самых возмутительнейших и нечестивейших Вольтеровых книг», а между тем на протяжении всего названного периода списывались произведения и относительно «невинные», как правило, уже публиковавшиеся в русской печати, такие как «Задиг», «Кандид» и «Путешествия Скарментадо», «Альзира» и «Заира», «Поэма о гибели Лисабона», «Светский человек» и некоторые другие.

Подобным путем, несмотря на дороговизну книг и ограниченность их тиражей, Вольтер проникал в сравнительно демократические читательские круги и в столицах, и в провинциальной глуши.² С точки зрения официальных властей, ничего предосудительного в этом не было, тем более что сходным образом размножались сочинения самых различных писателей — отечественных и иностранных.

Однако начиная с 1770-х годов русский «рукописный Вольтер» действительно приобретает специфическую окраску: внимание переводчиков, а затем и переписчиков все больше привлекают сочинения, отчасти или вовсе непригодные для подцензурной печати. Среди них — «История Карла XII» — жизнеописание короля Швеции в эпоху русско-шведских войн, ранний «манифест» вольтеровского деизма стихотворное «Послание к Урании», направленная против христианского догматизма повесть «Белый бык», ряд антиклерикальных памфлетов («Обед у графа де Буленвилье», «Катихизис честного человека», «Китайский император и брат Риголе», «Наказ рагузского капуцина») и, наконец, героико-комическая эпопея «Орлеанская девственница», находившаяся в России под цензурным запретом вплоть до 1917 года.

Основным источником знакомства русских людей с этим знаменитым произведением был его анонимный прозаический перевод, выполненный в последней четверти XVIII века и распространявшийся по крайней мере до конца 1830-х годов. Полный и довольно точный, он, однако, не мог удовлетворить читателей, хоть отчасти знакомых с французским оригиналом. Отсюда неоднократные попытки «предложить» поэму в стихах. Подготовительные наброски к такому переводу оставил И. И. Хемницер.³ На рубеже XVIII—XIX веков первую песнь перевел десятисложным стихом Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Известен также анонимный стихотворный перевод первой песни, относящийся к концу XVIII века, и перевод, сделанный восьмисложником в самом начале XIX столетия.⁴ Но наиболее значительный опыт этого

¹ Вольтеры заблуждения... ч. 1, М., 1793. Предупреждение к российскому переводу, (стр. II).

² См.: Л. К. Ильинский. Библиотека Ив. Мих. Хвостова. (К истории библиотек XVIII века). *Sertum bibliologicum* в честь... проф. А. И. Малеина. Пгр., 1922, стр. 352; Подпольная поэзия 1770—1800-х годов. (Публикация Г. Гуковского и В. Орлова). «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 5—10; Н. Н. Розов. Некоторые проблемы изучения истории книги и библиотечного дела в древней Руси. Тр. Гос. Публичной библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. X (13), Л., 1962, стр. 153—154.

³ Частично приведено В. Э. Вацуру в статье «К вопросу о философских взглядах Хемницера» (Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 137—138).

⁴ По свидетельству М. Н. Макарова, «неустанно заботился о переводе вольтеровой „Девственницы“» Ф. Г. Карин, страстный почитатель «чудного помещика фернейского» и «знакомец Дидеротов» (см.: М. Н. Макаров. Карин и Костров. Записка прежних лет. «Маяк», 1840, вып. 1, гл. 3, стр. 135—138). «Орлеанскую девственницу» (а также «Генриаду», «Брута»

Кандидъ

или
Счастливица.

Глава первая.

отъятанъ въ кандинъ Схоташля За
авъ ханнля образовъ оуъ Выгнаичъ
илъ хвоного

въ Схоташля ханнля ханнля Схоташля
оуъ ханнля ханнля ханнля. Схоташля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля
ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля ханнля

«Кандид» Вольтера. Анонимный перевод 1770-х годов. Первый лист.
Музей И. С. Тургенева (Орел).

История
Короля шведскаго
Каролюса XII.
Содержитъ 483 листа в 8-ми
столбцах.

«История Карла XII» Вольтера. Анонимный перевод 1746 год.
Список второй половины XVIII века. Титульный лист.
Библиотека Академии наук СССР.

рода — перевод Дмитрия Владимировича Ефимьева (ум. в 1804 г.), впрочем доведенный лишь до середины одиннадцатой песни. Современники находили его очень удачным; даже александрийский стих Ефимьева, придавший вольтеровской поэме несвойственную ей «важность», казался им «звучным» и «прекрасным». Во всяком случае (в отличие от многих других переводов) он имел сравнительно долгую жизнь: его списывали еще в конце XIX века.⁵

Выявление рукописных материалов, связанных с историей «русского Вольтера», началось уже давно. На некоторые из них указал еще С. Д. Полторацкий,⁶ а затем А. Н. Пыпин в своем «Библиографическом списке».⁷ Позднее ими более других интересовался П. А. Картавов (1873—1941), видный собиратель рукописей и библиофил. В последнее же время ряд русских рукописных переводов, главным образом антиклерикальных сочинений Вольтера был обследован в трудах Института истории АН СССР и Музея истории религии и атеизма.⁸ Но преобладающая их часть не привлекала внимания исследователей. Пробуждению их интереса к этой своеобразной странице русской культуры и должен, по мысли составителя, способствовать приводимый ниже перечень списков русских переводов из Вольтера, обнаруженных в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), в Институте русской литературы (ИРЛИ) и Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ) Академии наук СССР, в Государственном Историческом музее (ГИМ), а также в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ).

и «Поэму о гибели Лисабона»), по словам Жихарева, перевел и Ф. И. Карцев (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 63). Фрагмент трагедии «Эюлима» в его переводе (1785) см.: «Литературная газета», 1840, № 40.

⁵ Труд Ефимьева был продолжен и к 1851 году завершен Ипполитом Васильевичем Стремоуховым. Один из списков его перевода хранится в ЦГАЛИ (ф. 1296, оп. 2, № 8).

⁶ Материалы для словаря русских писателей, собираемые С. Полторацким, т. 1, тетрадь 1. М., 1858, стр. 9. См. также: Гос. Публичная библ., отдел рукописей, ф. 603, № 7.

⁷ А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. «Сб. Общ. любит. российск. словесн. на 1891 год», М., 1891, стр. 216, 244, 245, 546, 547.

⁸ См.: Ю. Я. Коган. Из истории распространения антихристианских памфлетов Вольтера в России в XVIII веке. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 3, М., 1956, стр. 253—277; М. М. Персиц. Русский атеистический рукописный сборник конца XVIII—начала XIX в. Там же, вып. 7, М., 1959, стр. 361—409; Л. И. Емельях. Первый памфлет в России против Библии (из русского «рукописного Вольтера» XVIII века). «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», № 1, Л., 1957, стр. 402—410. См. также: В. Г. Смолицкий и Т. А. Тургенева. Четыре произведения народной сатиры. «Тр. отд. древнерусск. лит. ИРЛИ», т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 50; Л. В. Черепнин. Славянские и русские рукописи Парижской Национальной библиотеки. «Археографический сборник за 1961 г.», М., 1962, стр. 233.

Поэзия

Орлеанская девственница

- Орлеанская дева, проз. перевод, 1787 г., 151 лл. ГБЛ, ф. 299, № 320.
 Девственница орлеанская, проз. перевод, втор. пол. XVIII в., 155 лл. ГПБ, Ф. XV. 44.
- Девственница, проз. перевод, кон. XVIII в., 130 лл. ЦГАЛИ, ф. 1345, оп. 2, № 30.
- Орлеанская дева, проз. перевод, кон. XVIII в., 145 лл. ГБЛ, ф. 152, № 47.
- «Орлеанская девственница», проз. перевод, 1800 г., 179 лл. ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 57.
- Орлеанская дева, проз. перевод, 1800 г., 205 лл. ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 68.
- Орлеанская дева, проз. перевод, кон. XVIII—нач. XIX в., 192 лл. ЦГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 115.
- «Орлеанская девственница», проз. перевод, нач. XIX в., 195 лл. ГБЛ, ф. 218, № 570.
- Девственница, проз. перевод, нач. XIX в., 124 лл. ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 7.
- Орлеанская девственница, проз. перевод, 1835 г., 138 лл. ГПБ, ф. 341, № 419.
- «Начало I песни», стихотв. перевод, втор. пол. XVIII в., 1 л. ИРЛИ, 16033/ХСІХ б. 17.
- Девственница орлеанская, пер. Д. В. Ефимьева (I—XI песни), кон. XVIII в., 95 лл. ГПБ, ф. 341, № 420.
- Орлеанская девственница, I песнь (начало). Пер. Ю. А. Нелединского-Мелецкого, серед. XIX в., 1 л. ГПБ, ф. 603, № 7, л. 125.
- Девственница орлеанская (I—III песни), стихотв. пер., нач. XIX в. 24 лл. ИРЛИ, 4930/XXVI б. 26, лл. 1—24.
- Орлеанская девственница, пер. Д. В. Ефимьева, 1816 г., 124 лл. ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 133.
- «Орлеанская девственница», пер. Д. В. Ефимьева, перв. четв. XIX в., 88 лл. ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 40.
- Орлеанская дева (I—VIII песни), пер. Д. В. Ефимьева, перв. треть XIX в., 43 лл. ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 547, лл. 3—45.
- Девственница орлеанская, пер. Д. В. Ефимьева, 1820-е гг., 159 лл. ИРЛИ, 19.436/СХХХ б. 1.
- Орлеанская девственница (V песнь), пер. Д. В. Ефимьева, 1835 г., 5 лл. ГПБ, ф. 341, № 419, лл. 139—143.
- Девственница орлеанская (I песнь), пер. Д. В. Ефимьева, серед. XIX в., 8 лл. ГПБ, ф. 603, № 230.
- Орлеанская девственница, пер. Д. В. Ефимьева, 1899—1900 гг., 82 лл. ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 132, лл. 114—205.¹
- Генриада, проз. перевод, кон. XVIII в., лл. ГБЛ, ф. 313, № 44.
- Ода о мире, стихотв. пер., 1792 г., 4 лл. ИРЛИ, ф. 141, № 51, лл. 1—4.
- Письмо к Урании, проз. перевод, 1800 г., 4 лл. ИРЛИ, Р. I, оп. 4, № 68, лл. 206—209.
- Письмо к Урании, или Защищение и опровержение, нач. XIX в., 3 лл. ГПБ, ф. 341, № 423.
- «Цикл стихотворений», нач. XIX в., 2 лл. ГБЛ, ф. 218, № 252, лл. 55 и 61 об.

¹ Песнь XI — в переводе Ефимьева и Стремоухова.

«Молитва», пер. Н. А. Львова, 1770-е гг., 1 л. ИРЛИ, 16470/CIV б. 20, л. 23.

Исповедь Волтера пред смертью, перв. треть XIX в., 1 л. ИРЛИ, 4168/XVI б. 62, л. 6.²

Драматургия

Пандора, пер. Д. Н. Блудова, 1798, 36 лл. ИРЛИ, 22619/CLVII б. 8.

Альзира, пер. Д. И. Фонвизина, кон. XVIII—нач. XIX в., 42 лл. ГБЛ, ф. 313, № 2968, лл. 38—79.

Проза

Задик, или Судбина, анонимн. пер., 1757 г., 104 лл. ГПБ, ф. 341, № 415.

Задик, или Судбина (гл. I—VII), анонимн. пер., серед. XVIII в., 17 лл. ГБЛ, ф. 7, № 74.

Кандид, или Оптимизм, анонимн. пер., 1770-е гг., 215 лл. Музей И. С. Тургенева (Орел).³

Белый бык, 1797 г., 29 лл. ГПБ, ф. 341, № 414.

Катихизис честного человека, или Разговор между монахом и честным человеком, втор. пол. XVIII в., 11 лл. ГИМ, Собр. И. А. Вахрамеева, № 247, лл. 44—54.

Разговор Иокт-шина, китайского императора, с иезуитом Риголетом, втор. пол. XVIII в., 10 лл. ГИМ, Собр. И. А. Вахрамеева, № 247, лл. 69—78.

Обед графа де Буленвилье, кон. XVIII в., 28 лл. ГПБ, ф. 341, № 418.

Наказ рагузского капуцynского стража брату, по прозванию вшивому, отходящему в землю обетованную, перв. четв. XIX в., 6 лл. ГБЛ, ф. 178, № 2805, лл. 87—92.

История Карла XII

(перевод 1746 г.)

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., 1760-е гг., 294 лл. ГБЛ, ф. 218, № 699.

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., 1771 г., 103 лл. ГПБ, ф. 905, НСРК, 1921. 54(1—2)—F.

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., 1770—80-е гг., 128 лл. ГПБ, ф. 341, № 417.

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., 1770—80-е гг., 300 лл. ГПБ, ф. 777, № 688.

«История короля Шведского Каролуса XII», 8 чч., 1780-е гг., 122 лл. ГПБ, ф. 341, № 416.

История Каролуса XII, короля шведского, 8 чч., втор. пол. XVIII в., 162 лл. ГБЛ, ф. 344, № 276.

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., втор. пол. XVIII в., 309 лл. ГИМ, ф. 1, № 263.

«История короля шведского Каролуса XII», 5 чч., втор. пол. XVIII в., 145 лл. ГПБ, ф. 359, № 606.

История короля шведского Каролуса XII, 8 чч., втор. пол. XVIII в., 162 лл. БАН, осн. собр. 31.6.1.

² Заключительная часть поэмы «Естественный закон» («Молитва»).

³ Этот «рукописный» «Кандид» упоминается в романе Тургенева «Новь» (гл. XIX), а также в его повести «Фауст» (письмо первое). См.: М. В. Портагалов. По тургеневским местам. М., 1924, стр. 23—24. Фотокопия л. 1 списка, хранящегося в Орле, находится в ЦГАЛИ (ф. 1345, оп. 1, № 114)

История о короле шведском Каролусе XII, 8 чч., втор. пол. XVIII в., 439 лл. БАН, собр. И. И. Срезневского, № 99.

История короля шведского Каролуса XII. 8 чч., втор. пол. XVIII в., 180 лл. БАН, осн. собр. 16.3.5 (Там же: Анекдоты о царе Петре Великом, 10 лл.).

СПИСКИ С ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Поэзия

Почерпнутые мысли из Екклесиаста, пер. М. М. Хераскова, втор. пол. XVIII в., 10 лл. ГИМ, ф. 342, № 132, лл. 1—10.

Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Екклесиаста, пер. Н. М. Карамзина, перв. треть XIX в., 13 лл. ИРЛИ, 3355—ХМ 39, лл. 57—69.

Поэма на разрушение Лиссабона, пер. И. Ф. Богдановича, втор. пол. XVIII в., 6 лл. ГИМ, ф. 342, № 132, лл. 19—24.

Поэма на разрушение Лиссабона (начало), пер. И. Ф. Богдановича, нач. XIX в., 1 л. ГИМ, собр. И. А. Вахрамеева, № 253, л. 18.

Поэма на разрушение Лиссабона (начало), пер. И. Ф. Богдановича, перв. четв. XIX в., 2 лл. ГБЛ, ф. 178, № 2805, лл. 85 об.—86.

Поэма на разрушение Лиссабона, пер. И. Ф. Богдановича, 1830-е гг., 9 лл. ГПБ, ф. 777, № 235, лл. 1—9.

Письмо от г. Волтера к российской императрице Екатерине II, пер. И. Ф. Богдановича, кон. XVIII в., 2 лл. ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 5, лл. 11 об.—12.

Любитель нынешнего света, пер. Д. О. Баранова, 1800 г., 3 лл. ИРЛИ. Р. II, оп. 1, № 582, лл. 293—295.

Драматургия

Нескромной, пер. П. С. Свистунова, втор. пол. XVIII в., 18 лл., ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 854, лл. 27—44.

Альзира, или Американцы, пер. П. М. Карabanова, втор. пол. XVIII в., 42 лл. ГИМ, ф. 342, № 122.

Заира, пер. А. Л. Дубровского, кон. XVIII—нач. XIX в., 38 лл. ГБЛ, ф. 313, № 2968.

Проза

Задиг, или Судьба, пер. И. Л. Голенищева-Кутузова, 1770 г., 80 лл. ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 260.

Задиг, или Судьба, пер. И. Л. Голенищева-Кутузова, 1770—1780-е гг., 45 лл. ГПБ, ф. 777, № 451, лл. 63—107.

Путешествие Скармендатова, самим писанное (фрагмент), пер. И. Г. Рахманинова, нач. XIX в., 2 лл. ГПБ, ф. 341, № 424.

Россия, пер. И. Г. Рахманинова, нач. XIX в., 2 лл. ГПБ, ф. 341, № 425, лл. 1—2.

Проповедь священника Николая, говоренная в храме святотерпимском..., пер. И. Г. Рахманинова, нач. XIX в., 3 лл. ГПБ, ф. 341, № 425, лл. 3—5.

Ничего не знающий мудрец, пер. И. Г. Рахманинова, нач. XIX в., 9 лл. ГПБ, ф. 341, № 425, лл. 5 об.—13.

Андрей Детуш в Сиаме, пер. И. Г. Рахманинова, нач. XIX в., 6 лл. ГПБ, ф. 341, № 425, лл. 13 об.—16.

Натура. Разговор между философом и натурою, пер. И. Г. Рахманинова, 1830-е гг., 3 лл. ГПБ, ф. 777, № 235, лл. 18—20.

*История о короле шведском Каролусе XII
История короля шведского Каролуса XII
Королевский кабинет* *Задиг*

Ю. М. Лотман

РУССО И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII ВЕКА¹

Влияние Руссо на русскую культуру XVIII века, проблема русского руссоизма не были еще предметом специального изучения, хотя в огромном количестве общих работ и частных разысканий отмечалось воздействие произведений женевого мыслителя на русскую литературу и культуру рассматриваемого периода.

Решение вопроса в значительной мере осложнено неопределенностью его постановки. Историко-культурное значение Руссо обычно рассматривается в рамках проблемы «руссоизма» как особого явления европейской культуры конца XVIII—начала XIX века. Однако само понятие «руссоизм» не отличается большой определенностью. Если мы возьмем обобщающие работы ст. капитального труда М. Н. Розанова² до исследований последних лет, то перед нами ясно обнаружится тенденция рассматривать «руссоизм» не как особое типологическое явление европейской культуры, а как сумму в достаточной мере неопределенных признаков. Так, в курсе, прочитанном в Сорбонне, Шарль Дедейан приравнивает проблему литературного воздействия Руссо распространению «чувствительности» (*sensibilité littéraire*), а самую эту «чувствительность» рассматривает как совокупность отдельных признаков («чувство природы», «идея простого и чистого человека»).³ Германа Рёерса все это заставило вообще отказаться от определения руссоизма как исторически данной культурной системы («Руссоизм не является, таким образом, резко отграни-

¹ Работа печатается в сокращении: опущены главы «Руссо и русская комедия и комическая опера XVIII века», «Руссо и русский массовый роман», «Руссо и Крылов», раздел «Руссо и Радищев» значительно сокращен.

² М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII—начала XIX века. М., 1910.

³ Ch. Dédéyan. Rousseau et la sensibilité littéraire à la fin du XVIII siècle [Paris], 1961.

ченным явлением; всегда и везде он остается действенным ферментом духовной жизни в целом. Его воздействие испытывают на себе и Ромен Роллан, и Ламартин, руссоистские мотивы живут в таких взаимно противоположных духовных течениях, как немецкие „буря и натиск“, классицизм и романтизм».⁴

Однако отказ от рассмотрения идей Руссо как целостной структуры особого типа по сути дела приводит к невозможности говорить о его воздействии на последующую традицию европейской мысли, так как очень легко показать, что те или иные «мотивы», которые обычно относились к руссоизму, встречались в европейской (и не только европейской) культуре задолго до Руссо или независимо от него.

Не составляет, например, большого труда отыскать в русской литературной традиции тексты, в которых с той или иной степенью обоснованности будет усматриваться переключка с идеями Руссо. Возьмем, например, отрывок из стихотворения Сумарокова «О люблении добродетели»:

О люты человеки!
Преобразили все златые веки,
В железны времена
И жизни легкости в несосны бремена;
Сокроюся в лесах я темных
Или во крепостях подземных.
Уйду от вас и убегу,
Я светской наглости терпети не могу.⁵

Можно отыскать те или иные тексты, которые удастся связать с «культуром природы», «чувствительностью», проповедью простоты или осуждением городской жизни. Однако все это не продвинет нас в решении проблемы. Видимо, наиболее целесообразным будет следующий путь: предположив, что в истории человеческой мысли на определенном этапе закономерно возникает культурный и идеологический тип, который мы условно обозначаем словом «руссоизм»,⁶ исследователь строит некоторую абстрактную модель этого явления. Созданная таким образом отвлеченная система, видимо, с наибольшей полнотой будет манифестироваться в творчестве Руссо. Однако не следует упускать из виду, что ни одна исторически реальная система не может рассматриваться как простая и безусловная реализация соответствующего абстрактного

⁴ H. Röhrs. Jean-Jacques Rousseau. Vision und Wirklichkeit. Heidelberg, 1957, S. 204.

⁵ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова, т. I. Изд. 2. М., 1787, стр. 233.

⁶ Гипотеза эта подтверждается реальным фактом возникновения типологически «руссоистских» систем явно вне воздействия идей Руссо. О раннем русском «руссоизме» мы писали в работе «Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века» (в кн.: Ж.-Ж. Руссо. Общественно-политические трактаты. В печати); ср. также: Т. Кувабара. Идеи «Общественного договора» на Востоке. «Курьер ЮНЕСКО», 1963, март, стр. 24—26.

типа культуры. Она всегда будет сложнее, противоречивее, включая элементы других структур. Поэтому, вначале разделив понятия исторической реальности и типологической абстракции, мы затем будем использовать второе как средство описания первого (индивидуальность исторического явления — пересечение в одной хронологической и идеологической точке нескольких типологических систем). Затем уже можно будет сделать попытку анализа процесса рецепции — изучения того, как реальное творчество Руссо исторически (а не типологически) превращается в «руссоизм», а этот последний, усваиваясь иными системами культуры, становится неким абстрактным типом целой цепи истолкований, глубоко отличных между собой и часто взаимоисключающих.

Такой подход к задаче, которую мы поставили перед собой, обратясь к теме «Руссо и русская культура XVIII века», заставляет нас предложить хотя бы в грубо приблизительном виде схему понятия «руссоизм». Рассматривая эту часть работы лишь как технически необходимую для дальнейшего изложения, мы не рассчитываем здесь прибавить что-либо существенно новое к обширной литературе, посвященной истолкованию системы Ж.-Ж. Руссо.

* * *

Сама возможность построить стройную систему, которая могла бы быть приложима к сочинениям Руссо, вызвала у исследователей сомнения. Руссо — «красноречивый сумасброд» (Пушкин) — в XVIII веке часто воспринимался как автор парадоксов, уже в силу этого не являющийся создателем системы. В его сочинениях были склонны усматривать собрание высказываний, объединенных не общностью концепции, а чисто негативным отталкиванием от общепринятых суждений. Однако показательно, что эпиграфами к двум большим монографиям о Руссо — книгам М. Н. Розанова и Зофьи Шмидтовой — поставлены его слова, говорящие, хотя и в противоположном духе, о возможности изложить взгляды Руссо как систему.⁷ Руссо сам охотно подчеркивал парадоксальность своих высказываний: «Дюжинные читатели, простите мне мои парадоксы, их приходится делать, когда размышляешь; и что бы вы ни говорили, я лучше желаю быть человеком парадоксов, чем человеком предрассудков».⁸ Однако не следует думать, что парадоксальность исключает системность: наоборот,

---

⁷ «Я писал о разнообразных предметах, но всегда руководствовался одними и теми же принципами» (см.: М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII—начала XIX века); «Vous voulez qu'on soit toujours conséquent: je doute que cela soit possible à l'homme; mais ce qui lui est possible est d'être toujours vrai» (см.: Z. S z m y d t o w a. Rousseau-Mickiewicz i inne studia. Warszawa, 1961).

⁸ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании. СПб., 1913, стр. 71.

чем последовательнее система внутри себя, тем более противоречивой она будет казаться с какой-либо иной точки зрения.

В основе системы Руссо⁹ лежит противопоставление естественного и не-(противо-)естественного. Основная оппозиция «человек (естественное) — общество (противоестественное)» распадается на ряд частных противопоставлений. Естественное приравнивается реальному, существу, осязаемому, а противоестественное — мнимому, кажущемуся, выдуманному. К первым относится все, что свойственно человеку биологически, что составляет его потребности на необитаемом острове или что дано ему при появлении из чрева матери. Естественное присущее человеку приравнивается присущему отдельному человеку, а умозрительная изоляция становится главным средством отделения «естественного» от «неестественного»: Эмилю «нужно ремесло, которое пригодилось бы Робинзону на его острове»,¹⁰ — это обычный для руссоизма критерий нужности. Естественным оказывается прежде всего от природы присущее человеку. Это и истолковывается как реальное в противоположении различным «мнимостям» — чинам, деньгам, гербам. При этом реальностью считается не биологическая реальность каждого отдельного человеческого индивида (к этому вел «реализм» физиократов), а реальность антропологического типа. Человек — проявление рода человеческого, а род человеческий манифестируется в человеке. Таким образом, индивидуализация подхода к человеку в системе руссоизма приводит к генерализации. Одна из основных для Руссо идей, по глубокому замечанию Клода Леви-Стросса в его докладе на юбилейном заседании Рабочего университета и филологического факультета Женевского университета в честь Руссо в 1962 году,¹¹ — «Я есть другой» и «Другой есть я» — основывается на вере в то, что люди, свободные от выдуманных различий, равны между собой: «От природы люди не короли, не вельможи, не куртизаны, не богачи; все рождаются нагими и бедными... Почему короли безжалостны к своим подданным? Потому что не считают себя людьми».¹² Это положение имело многочисленные последствия — от робинзонады как метода социологического мышления до двупланового построения художественного произведения.¹³

---

⁹ Автор опирается в своем понимании Руссо на работы предшествующих ученых, в частности на исследование В. С. Алексеева-Попова, с которым он познакомился в рукописи (в настоящее время печатается).

¹⁰ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль..., стр. 186.

¹¹ Краткое изложение доклада см.: Клод Леви-Стросс. Руссо — отец антропологии. «Курьер ЮНЕСКО», 1963, март, стр. 10—15.

¹² Ж.-Ж. Руссо. Эмиль..., стр. 186.

¹³ Об этой особенности построения просветительской прозы см.: Ю. М. Лотман. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века. В сб.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века, М.—Л., 1961.

Поскольку предполагается, что все, необходимое для счастья, человек — сын природы — получает от природы, а дальнейшая жизнь приносит ему лишь искажения и несчастья, то движение к счастью приобретает характер возврата: для человека — к естественному состоянию детства, для человечества — к естественным условиям общежития. Утвержденная обычаем жизнь взрослых и веками складывавшаяся история человечества — лишь печальный рассказ об утрате счастья, добра и истины.

У антитезы «естественное—противоестественное» был еще один важнейший смысл: поскольку движение к истине мыслилось как освобождение сущности вещей и отношений от живых наслоений, появлялся новый критерий достоинства человека, литературного произведения, социального института — искренность. А сама эта искренность мыслится именно как *освобождение сущности* от социальных отношений. Анализ человеческой души — это последовательное очищение ее от общественных предрассудков, национально-исторических привычек, очищение интуитивной эмоциональной (искренней) жизни от рациональных (социально обусловленных) наслоений; вплоть до очищения человеческой речи от слов, которые, представляя собой отчуждение, в равной мере могут служить и правде и лжи — следовательно, в социальном мире служат лжи. Замечательно рассуждение Руссо о том, что разменная, подчеркнуто неаффецированная речь салона жива и нечужда: «Акцент — душа речи, он придает ей чувство и правдивость. Акцент меньше жжет, чем слово; потому-то, быть может, благовоспитанные люди так боятся его ... Человек, который учился говорить только в дамском обществе, не сумеет заставить себя слушать во главе батальона и не будет импонировать народу в случае мятежа».¹⁴ Противопоставление естественного (человеческого, первичного, искреннего) неестественному (социальному, наслоившемуся, живому) превращалось в антитезу состояния самобытности состоянию отчужденности. Общественное бытие, отчуждая от вещей, явлений, людей их признаки и функции, превращает их из целостных единиц в социальные знаки. Руссо — враг знаков: они порождают обман и уводят человека из мира сущностей в мир фикций, постепенно превращая и его самого в знак: «Знаки заставляют пренебрегать вещами ... из денег родились все химеры мнений».¹⁵ Даже в обучении Руссо предостерегает от географических карт, глобусов: «Заменяйте вещь знаком лишь в тех случаях, когда вы лишены возможности показать ее».¹⁶

Существенной для системы руссоизма является антитеза целостного раздробленному. Человек, втянутый в большую социальную машину, теряет целостность. Внешне, став звеном знаковых

---

¹⁴ Ж.-Ж. Руссо, *Эмиль*... , стр. 50.

¹⁵ Там же, стр. 177.

¹⁶ Там же, стр. 155.

отношений, он «увеличивает» свою индивидуальность: «Так мы держимся за все, цепляемся за все: времена, места, люди, вещи, все, что есть, все, что будет, важно для каждого из нас: наш индивидуум составляет теперь уже меньшую часть нас самих... Сколько государей сокрушаются о потере области, которой они никогда не видали! Сколько купцов поднимут вопль в Париже, если дотронуться до Индии!». ¹⁷ Однако это расширение нашего «я» не увеличивает, а уменьшает его — входя в сложную систему, человек становится дробью: «Когда государство увеличивается, то свобода уменьшается». ¹⁸ Проблема человека-дробь — одна из основных в системе Просвещения — очень существенна и для его частной руссоистской подсистемы. ¹⁹

Противопоставление человека обществу представляло в системе Руссо мощное орудие критики феодальной монархии, равно как и любой другой машины угнетения. Однако идеальное будущее совсем не составляло для Руссо возврата к «естественному» состоянию «отдельности». Избирая уединенного Робинзона в качестве эталона, сравнение с которым докажет противоестественность существующего, Руссо вовсе не стремился после того как произойдет предвиденное им великое крушение феодальной Европы, превратить человечество в собрание пустынножителей. Эмиль воспитывается «человеком» и будет жить в уединении, поскольку ему предстоит столкнуться с обществом глубоко противоестественным: «Общественное воспитание не существует более и не может существовать, потому что там, где нет более отечества, не может быть и граждан. Эти два слова „отечество“ и „гражданин“ должны быть вычеркнуты из современных языков. Я знаю причину этого, но не хочу говорить». ²⁰ В первой половине «Новой Элоизы» герой и героиня сталкиваются с враждебным обществом и изображены как отдельные индивидуумы. Их достоинство определяется силой их страстей. Но во второй, в которой дом Вольмара изображен по всем законам утопии идеального общества, герои теряют самопогруженность, и основой их ценности становится добродетель — способность к общественной морали.

Для того чтобы увязать эти представления со своей системой, Руссо применяет критерий «естественности» и к социальным организациям. Хотя они в целом возникли в результате искажения природных основ человека, но возврат к прошлому невозможен, и социальные структуры могут быть оценены с точки зрения их «естественности» и «противоестественности». В этом случае Руссо повторяет уже на другом — государственном — уровне всю знако-

¹⁷ Там же, стр. 59; ср. в «Холстомере» Толстого.

¹⁸ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. М., 1938, стр. 50.

¹⁹ Ср. парад людей-дробей в «Невском проспекте» Гоголя и оценку художественной функции этого эпизода в кн. Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя» (М.—Л., 1959, стр. 333—335).

²⁰ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль... стр. 15.

мую нам систему антитез. Причем в позиции «человека» выступает правильное, идеальное, договорное государство, а «общества» — государство деспотическое, «неправильное», современное. «Общество» отмечено печатью отчуждения сущности от кажимости, искаженности естественных начал, бюрократизма, раздробленности.

Здоровое общество — это единый организм, «*personne morale*», — оно подобно в этом отношении человеку.²¹ Поскольку справедливое общество — человек, т. е. целое, то входящий в него индивид не может уже быть целым, т. е. человеком — он гражданин, член политического тела; к нему применяется слово «*membre*», которое в системе Руссо никогда не относится к человеку. Общество, суверен получает те верховные права, которые в естественном состоянии присущи человеку, — свободу, самобытность, отдельность (по Руссо, гражданин — патриот, а потому враждебен гражданам других сообществ). Составляющие же общество люди наслаждаются этими правами не непосредственно, а лишь как члены свободного и полноправного целого. Такая сложность политической конструкции, снимавшая разницу между республикой и монархией внутри «естественной» (т. е. обеспечивающей суверену его естественные права) государственной структуры (ср. «Общественный договор», кн. II, гл. 5), позволяет рассмотреть антитезы «человек—общество» и «государство—личность — государство-конгломерат» в качестве конкретных реализаций основного противопоставления «естественного» (свободного) и «противоестественного» (рабского) состояний. Это позволяет уловить единство внешне взаимопротиворечащих положений Руссо — апостола свободы личности и Руссо — предшественника якобинцев, защитника общественной диктатуры,²² автора трактатов «О происхождении неравенства» и «Об общественном договоре», первой и второй половин «Новой Элоизы». Стройность системы Руссо достигалась совсем не единообразием отдельных положений, а общностью основных принципов классификации мира. Ее можно описать и как монолитную структуру, и как соединение нескольких, единых внутри себя, но взаимоисключающих систем, и как собрание красноречивых парадоксов. Эта структурная емкость, сложность организации, с одной стороны, позволяла руссоизму выступать на протяжении длительного периода европейской цивилизации в качестве одной из ведущих культурных идей, а, с другой, обусловила то, что усвоение этих идей неизменно было перетолкованием, интерпретацией, переводом их на язык иных идеологических структур.

---

²¹ J.-J. Rousseau, *Oeuvres complètes*, t. VI, Paris, 1824, p. 40.

²² Видимо, это и есть ответ на вопрос, вынесенный в заглавие книги: Rousseau — totalitarian or liberal? by John W. Chapman. New York, 1956.

Вопрос об усвоении и интерпретации идей Руссо в русской культуре естественно начать с установления круга его произведений, которые оказались в поле зрения русского читателя XVIII века. При этом первым шагом должен быть учет русских переводов сочинений Руссо.²³

Однако не следует забывать, что составление подобного списка еще и отдаленно не дало бы нам картины знакомства с сочинениями Руссо в России XVIII века. Если для английской литературы в те годы перевод (русский, французский) был основным каналом связи с русским читателем, то главное ознакомление с французскими источниками осуществлялось непосредственно. Поэтому если отсутствие перевода не может рассматриваться в качестве свидетельства незнакомства русского читателя с тем или иным произведением, то наличие — акт определенного признания, утверждения ценности текста в глазах русского общества. Тем более интересно отметить, что почти все основные произведения Руссо были переведены в XVIII веке на русский язык. Так, знаменитое «Рассуждение» 1750 года «Способствовало ли восстановление наук и художеств к исправлению нравов» было издано в XVIII веке на русском языке трижды: в 1767 году в переводе П. Потемкина (второе издание в 1787 г.) и в 1792 — М. Юдина; «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» — дважды (в переводе П. Потемкина; 1770 — первое издание, 1782 — второе). В 1770 году П. Потемкин опубликовал перевод «Рассуждение на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям и какие суть те герои и кто оной добродетели не имел». «Об общественном договоре» и «Эмиль» не могли быть переведены по цензурным соображениям.²⁴ Запрещения не достигли, как

²³ Наиболее полная сводка дана в кн.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II. Пгр., 1916, стр. 565—567.

²⁴ Обе эти книги воспринимались как наиболее «опасные». «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах» писали: «Господин Руссо, яко один из славнейших сочинителей нашего времени, великий дар имеет не токмо самые серьезные истины, но и весьма неосновательные мнения представить красноречием своим в прелестном виде; чего ради остерегаться надлежит, чтоб чтением его книг не принять от него того, что закону божию и должностям гражданским противно; как то и для сих причин последние две его книги: „Emile“ et „Contrat Social“ как во Франции, так и в Голландии запрещены» (апрель, 1763, стр. 378—379). В сентябре того же 1763 года Екатерина II писала в «повелении» генерал-прокурору Глебову: «Слышано, что в академии наук продаются такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как например: Эмиль Руссо, Мемории Петра III, Письма жидовские по-французскому и много подобных» (Сб. Русского исторического общества, т. 7, СПб., 1871, стр. 318). К «Эмилю», видимо, в этом перечне относится «против закона», т. е. религии — наиболее опасной в нем представлялась не собственно педагогическая часть, а «Исповедание веры савоярдского vicaria». Изъятие

это всегда бывает в таких случаях, своей цели: произведения эти отлично были известны русскому читателю. С. Глинка вспоминал, что М. И. Полетика «на пятнадцатом году жизни ... читал наизусть почти всего руссова Эмиля».²⁵ Имеется и ряд других свидетельств о широком знакомстве русских читателей XVIII века с «Эмилем». Если запрет объясняет отсутствие полного русского перевода этого произведения Руссо, то тем более интересно указать на ряд попыток его обойти, причем эти частичные переводы с измененными заглавиями свидетельствуют о наибольшем интересе именно к запретному «Исповеданию веры савоярдского викария». Так, около 1770 года появился его перевод — без указания места, года и имени переводчика — брошюра «Размышление о величестве божии, о его промысле и о человеке г. Ж.-Ж. Руссо» (переводчиком был Семен Башилов). В 1801 году появился перевод: «Бытие бога и бессмертие души из Руссова Эмиля» (перевел с французского Ф. Глинка). Широко входили отрывки из «Эмиля» в те антологии сочинений Руссо, которые начали появляться в начале XIX века. «Исповедание веры», видимо, пользовалось популярностью в масонской среде — переводы, изложения и цитаты из него находим в ряде масонских сборников.²⁶

Частичным переводом из «Эмиля» была книга «Эмиль и Софья, или Хорошо воспитанные любовники, из соч. г. Руссо» (перевод П. И. Страхова, 1779); в 1799—1800 годах И. Виноградов выпустил книгу «Эмиль и София» — переработку и продолжение перевода П. Страхова. В 1807 году в Москве появился перевод

французских изданий «Эмиля» из академической лавки было равносильно цензурному запрету на переводы. Что касается «Общественного договора», то прямого запрета на него не последовало. Как мы увидим, доктрина общественного договора и народного суверенитета в этот период еще не находилась в числе абсолютно запретных с цензурной точки зрения. «Общественный договор» был, видимо, в первую очередь неприятен Екатерине осуждением ее захватнической внешней политики. Кончая главу VIII второй книги, Руссо писал: «Русская империя захочет покорить Европу и будет покорена сама. Татары, ее подданные и соседи, станут и ее, и нашими господами. Эта революция кажется мне неизбежной. Все короли Европы согласно работают над тем, чтобы ее ускорить». Екатерина II расценила это как личный выпад и с обидой писала в черновом наброске письма Вольтеру: «У вас во Франции недавно новый Сен-Бернар проповедовал духовный крестовый поход против меня, хотя, как я думаю, он и сам хорошенько не знал за что» (Сб. Русского исторического общества, т. 13, СПб., 1874, стр. 68). Заметим попутно, что Екатерина II превратно поняла смысл этого отрывка Руссо: он совсем не призывал «всех королей Европы» работать над ускорением падения России — он предсказывал гибель европейской цивилизации (и России, которая в результате политики Петра I приобщилась Европе) и грядущее покорение ее Азией. Короли же Европы, по мнению Руссо, ускоряют этот процесс, «цивилизуя», т. е. разрушая каждый свое государство.

²⁵ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 55.

²⁶ См., например: «Молитва и вера Ж.-Ж. Руссо» в сб. «Орган духовный, колыбель мудрых и некоторые другие изящные назидательные вещи» [ОР Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, Ф № 178 (Музейное собр., № 2811, лл. 261—262 об.)].

РАЗСУЖДЕНИЕ,
УДОСТОЕННОЕ НАГРАЖДЕНИЯ
ОТЪ
**АКАДЕМИИ
ДИЖОНСКОЙ**

ВЪ 1750. ГОДУ,

НА

ВОПРОСЪ
ПРЕДЛОЖЕННОЙ СЕЮ
АКАДЕМІЕЮ,

*Что позстановленіе Наукъ и худо-
жествъ способствовало ли ко
исправленію нравовъ?*

сочиненное
ГОСПОДИНОМЪ

Ж. Ж. РУССО.

переводилъ

ПАВЕЛЬ ПОТЕМКИНЪ.

Barbarus hic ego sum, quia non intelligor illis.
OVID.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Уни-
верситетѣ 1768. года.

Трактат Ж.-Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» Перевод П. С. Потемкина. Титульный лист.

«Эмиля» в четырех частях, выполненный «девицей Елизаветой Дельсталь». Можно допустить, что именно невозможность перевести «Общественный договор» обусловила повышенный интерес к близкому к нему по кругу идей произведению Руссо — статье «Политическая экономия» для «Энциклопедии». Русский читатель XVIII века получил два отдельных перевода этого сочинения: по седьмому тому «Энциклопедии» — «Статья о политической экономии или государственном благоустройстве, перев. из Энциклопедии А. И. Лужковым» (1777) и по отдельному женевскому изданию — «Гражданин, или Рассуждение о политической экономии, из соч. г. Руссо» (перевод Василия Медведева, 1787). О популярности этого произведения свидетельствует наличие отрывочных журнальных публикаций и цитирование его в русских источниках XVIII века. Особенно часты ссылки на параллель между Сократом и Катонем.²⁷ Так, опубликованный в «Сборнике разных сочинений и новостей» отрывок «О любви к отечеству, из г. Жан-Жака Руссо» (май, 1776) представляет собой частичный перевод из статьи «Политическая экономия». Этот же отрывок Карамзин вписал по-французски в 1811 году в альбом, составленный им для кн. Екатерины Павловны.²⁸ «Новая Элоиза» в русском переводе появилась в 1769 году (том I, в переводе П. Потемкина, в Москве), а продолжение — вторая часть — в 1792 году в Петербурге (перевод Петра Андреева). Позже, в 1793 году, появилось новое издание первой части в переводе того же П. Андреева. Полный перевод «Новой Элоизы» Александра Палицына (в шести частях) появился в Петербурге в 1803—1804 годах. В десяти частях он был перепечатан в Москве в 1820—1821 годах.

В 1771 году И. Ф. Богданович издал в Петербурге отдельной книгой «Сокращение, сделанное Ж.-Ж. Руссо, женевским гражданином из проекта о вечном мире, соч. г. аббатом де Сент-Пиером». Из эпистолярного наследия Руссо на русский язык были переведены его письмо к Вольтеру и (дважды) четыре письма к Мальзербу — отдельной книгой (Новые письма Ж.-Ж. Руссо, СПб., 1783) и в «Пантеоне иностранной словесности» Карамзина. Письма к Мальзербу уже познакомили русского читателя с замыслом и основным духом «Исповеди». Первые известия об этом сочинении появились в России вскоре после смерти Руссо. В печать они впервые проникли в России в связи с переводом на русский язык брошюры Лебег-Дюпреля (*Le Vègue du Presle*) о последних днях и обстоятельствах смерти Руссо.²⁹ Здесь читаем:

---

²⁷ Сравнение Сократа и Катона как двух типов граждан-патриотов имело уже традицию в русской литературе (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 7, М.—Л., 1952, стр. 306).

²⁸ См.: «Летописи русской литературы и древности», 1852, кн. 2, отд. II.

²⁹ Выписки из уведомления о последнем времени жизни Жак-Жана Руссо, о приключении его смерти и какие по нем остались сочинения, писанного на французском языке г. Любег-Дюпрелем, доктором в Париже и цен-

«Не должно также публике ожидать, чтобы сочинение, именуемое (*Mes confessions*) „Мои исповеди“ скоро было напечатано»,³⁰ но русский переводчик снабдил текст примечаниями, из которых следует прекрасная осведомленность в вопросах рукописного наследия Руссо, его последних сочинений и слухов, вызванных обстоятельствами кончины писателя. Здесь читаем: «Кроме упомянутых господином Лебег-Дюпрелем сочинений должны еще быть некоторые, оставленные Жан-Жаком Руссо в разных руках, потому что получил я недавно книгу образом разговора сочиненную, под названием „Руссо судия Жан-Жака“, напечатанную в Англии (сия книга печатана в Лихфелде на счет господина Бруке Боотби, которому подлинник был оставлен самим Жан-Жаком) с подлинника, собственною рукою Жан-Жака писанного и отданного по напечатании в хранение в Брич Музеум. В конце сего разговора упоминается еще о двух сочинениях: 1-е. О свойствах Жан-Жака и его привычках, второй разговор, 2-е. О разуме и сочинениях, и заключение, третий разговор. Сии два последние разговора отданы были абату Гондолиану, бывшему члену академии, умершему в прошедших месяцах. По смерти его можно бы, кажется, надеяться скоро увидеть в печати сии сочинения. Но беспристрастная публика (как то мне из Парижа пишут) не без причины опасается, чтобы хитрая шайка энциклопедистов-философов не преуспела, или украв, или перекупив оные у наследников, переправить некоторые невыгодные для них места в оправдание своих правил и в опровержение истинной философии».³¹ В этой же брошюре русский читатель мог найти впервые переведенное программное предисловие к «Исповеди». В дальнейшем неполный перевод «Исповеди» появился в 1797 году.³²

Тематически с «Исповедью» связана публикация — «Философические уединенные прогулки г. Ж.-Ж. Руссо, писанные им самим, с присовокуплением сокращенного исповедания веры священника Савоярдского и писем его к Мальзербу, в коих изображается истинный характер и подлинный причины поступков сего славного женеvского философа» (перевод И. Мартынова, 1802).

Если напомним, что переводчики представили русскому читателю Руссо и как драматурга, и как поэта,^{33—34} что был переведен

сором королевским в 1778 году. Переведено с прибавлением некоторых новейших примечаний, с описанием гробницы Жак-Жана и сочиненной ему эпитафии 1780 года, сентября 10 дня. СПб., 1781.

³⁰ Там же, стр. 38.

³¹ Там же, стр. 40—41.

³² Исповедание Ж.-Ж. Руссо, в котором описаны все приключения собственной его жизни, пер. с франц. Д. Болтин, чч. I—II. М., 1797.

^{33—34} См.: Пигмалион, мелодрама из соч. Руссо, представлена российскими придворными актерами на малом театре декабря 7 дня 1791 года, СПб., 1792; В. Майков. Пигмалион, или Сила любви, драма с музыкою в одном действии. М., 1779; Колдун, ворожея и сваха, опера комическая в трех действиях. СПб., 1789; ср. также: Г. Крыжницкий. Влияние Руссо на

ряд второстепенных сочинений Руссо,³⁵ то нельзя не согласиться, что осведомленность русского читателя в сочинениях Руссо была широкой.

Перечень русских переводов из Руссо не исчерпывает того, с чем был знаком русский читатель XVIII века — он показателен в другом смысле, обозначая, что, когда и в каких кругах вызывало наибольший интерес. Другим свидетельством в этой области являются своеобразные обзоры сочинений Руссо, употребляемые как «приложения» к его имени. По ним можно судить, что из обширного наследия французского мыслителя прежде всего приходило на ум тому или иному русскому читателю при упоминании имени Руссо. Эти своеобразные «списки» показательны и также свидетельствуют о хорошей осведомленности. Уже начиная с 1760-х годов имя Руссо почти всегда сопровождается эпитетом «славный».

Для Я. Козельского Руссо в 1768 году — автор рассуждения на вопрос Дижонской академии о пользе наук и «Рассуждения о происхождении неравенства». Эти же сочинения имеет в виду и Сумароков. Для Рейхеля в 1762 году Руссо — автор трактата «О новой музыке, о вредительном втечении знаний в обычаи народов»,³⁶ книги «о происхождении и основании неравности в сообществе человеческом» и «Новой Элоизы».³⁷ В брошюре «Разговор Вольтера с Ж.-Ж. Руссо в царстве мертвых» дается перечень наиболее популярных сочинений Руссо, и русский переводчик (Ив. Краснопольский) не снабжает их какими-либо примечаниями, полагая, что читателю они достаточно известны: «*Вольтер*: Итак, государь мой! надлежало мне, чтобы вам понравиться, объяснить вашу Элоизу, младого Емиля вашего, рассуждение о неравенстве состояний между людьми, Общественный союз и сделать примечания на ваши Горные письма».³⁸ В 1787 году Петр Богданович издал «Слово похвальное Ж.-Ж. Руссо, соч. на французском языке г. а<двоката> Делакруа» (I. V. Delacroix, 1743—1832), где как

Аблесимова. «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Российской Акад. наук», 1917, т. XXII, кн. 2, Пгр., 1918. С. Тучков. Философическая прогулка, из стихотворений женевского гражданина Ж.-Ж. Руссо. «Беседующий гражданин», 1789, июль, стр. 270—275.

³⁵ В 1802 году П. А. Пельский опубликовал книгу «Ефреимский Левит. Соч. Ж.-Ж. Руссо». Руссо писал: «Если „Левит с горы Ефремовой“ и не лучшее из моих сочинений, то оно навсегда останется самым моим любимым» (Ж.-Ж. Руссо, Избр. соч. в трех томах, т. III, М., 1961, стр. 509). В 1810 году в Москве Вл. Измайлов издал «Письма Ж.-Ж. Руссо о ботанике».

³⁶ Сочинения Руссо о музыке вызывали интерес у русских читателей. 31 июля 1815 года Евгений Болховитинов писал Державину, что перевел «Из Руссова музыкального словаря статью „О греческих песнях и разделении оных“» (Сочинения Державина, т. 6, СПб., 1871, стр. 312).

³⁷ «Собрание лучших сочинений к распространению знаний и произведению удовольствия...», ч. IV, 1762, стр. 232.

³⁸ Смерть и последние речи Жан-Жака Руссо с присовокуплением разговора его с Вольтером в царстве мертвых. СПб., 1789, вторая пагинация, стр. 7.

основные сочинения Руссо названы трактаты о науках и о неравенстве, «Новая Элоиза», «Эмиль», «Общественный договор».

Этот список надолго утвердился в сознании русского читателя как основной. При этом интересно отметить, что те, кто будут видеть в Руссо в первую очередь автора этих сочинений, очень скупо или совсем не откликнутся на «Исповедь» (Радищев). Будет иметь место и обратное явление.

Для определения направленности интересов русского читателя Руссо следует, конечно, учитывать осведомленность не только в его сочинениях, но и в обширной антируссоистской литературе. Она также была достаточно широкой. В каталогах русских библиотек XVIII века широко представлены антируссоистские памфлеты, в русских переводах появились «Речь г. Борда о пользе наук и художеств вопреки Ж.-Ж. Руссо» (перевод И. Рижского, 1792), «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий... Вопреки Ж.-Ж. Руссо» (перевод А. Малиновского, 1787), «Анти-Эмиль, или Опровержение образа воспитания и мыслей Ж.-Ж. Руссо, соч. г. Формея» (1798). Рейхель в цитированном выше отрывке отсылает читателей к полемической брошюре «Prédiction tirée d'un vieux manuscrit sur la Nouvelle Héloïse» как к вполне доступному источнику. Вообще полемика вокруг сочинений Руссо ему известна: «Хорошо я знаю, что г. Руссо великие противоречия находит в ученом свете», что «все читатели не хвалили» трактаты Руссо о науках и неравенстве, а «французы недовольны были его письмом противу французской музыки».³⁹ Полемика вокруг произведений Руссо, драматические эпизоды его биографии были хорошо известны в России и вызывали живые отклики. Так, Екатерина II в конфликте Руссо и энциклопедистов стояла на стороне последних и систематически уничижала Руссо, отрицая наличие каких-либо интриг и все относя за счет болезненной мнительности «меланхолика». 17 декабря 1778 года она не остановилась в письме к Гримму перед насмешливым замечанием в адрес недавно скончавшегося писателя (Гримм охотно подхватил этот тон). Она писала: «Вы похожи со своими страхами относительно потери писем на недоброй памяти (de douteuse mémoire) покойного Жан-Жака, который верил, что вся Европа занята измышлением преследований против него, когда никто о нем не думал».⁴⁰ Зато русский переводчик брошюры Лебег-Дюпреля не считал гонения Руссо вымышленными. Он опасался преследований со стороны энциклопедистов и после смерти Руссо. «Смерть сего несчастного и отменного писателя остановила бы и пресекла гонения простых неприятелей: но философы свыше смерти — они стремятся к вечности». «Можно ли, — заключал

³⁹ Собрание лучших сочинений... ч. IV, 1762, стр. 232.

⁴⁰ Сб. Русского исторического общества, т. 23, СПб., 1878, стр. 117.

он, — достойно оплакать сего чувствительного и несчастного человека, сего несравненного писателя, сего друга людей». ⁴¹

Изучая каналы, по которым протекали сведения о Руссо и его произведениях в Россию, не следует забывать и прямых связей. Количество русских знакомых Руссо было, видимо, довольно значительно. Так, например, по воспоминаниям одного из современников, «граф Головкин был большим другом Жан-Жака Руссо». ⁴² Вл. Г. Орлов записывал в дневнике в 1771 году: «Прибыл в Париж еще в мае и прожил там 3 недели. В сие время видел раза 4 или 5 Руссо, посещал много раз Дидерота и был однажды у маркиза Мирабо, также и Даламбера. Руссо любил меня, просил ходить к нему почаще и много ласки оказывал». ⁴³ О поклонении Вл. Г. Орлова Руссо с раздражением писала в своей автобиографии кн. Дашкова: «Он принял все софизмы Жан-Жака Руссо за силлогизмы и усвоил все пассажи этого красноречивого, но опасного писателя». ⁴⁴ Знакомство с Руссо, видимо, воспринималось как определенная характеристика, и кн. Дашкова спешила заверить подозрительную Екатерину, что в бытность в Париже она отказалась от возможности быть ему представленной. ⁴⁵

Однако не только русские вельможи встречались за границей с Руссо. Известный русский законовед Д. Поленов находился в 1765 году в Страсбуре во время приезда туда Руссо. Он восторженно отзывался о Руссо и предпринимал попытки знакомства. ⁴⁶ Можно было бы назвать и ряд других примеров. ⁴⁷

Следует напомнить, что один из основных героев «Новой Элоизы» — господин де Вольмар — также эмигрант из России.

Русское восприятие Руссо в XVIII веке складывалось под влиянием факторов трех типов. 1. Появление каждой книги Руссо вызывало целый цикл откликов, возражений, ответов, и реакция на «Происхождение неравенства» не совпадала с впечатлением от «Новой Элоизы» или «Исповеди». Знакомство с каждым произведением открывало русскому читателю нового Руссо, который, дополняя старого, не совпадал с ним. Между произведениями Руссо и его личностью существовала органическая связь.

---

⁴¹ Выписки из уведомления о последнем времени жизни Жак-Жана... стр. 41—42 и 50.

⁴² «Русский Архив», 1901, кн. I, стр. 375. — А. А. Головкин — сын известного петровского вельможи, постоянно проживавшего в Париже и говорившего, что он вернется в Россию только после отмены двух поговорок: «Без вины виноват» и «Все божие и государево».

⁴³ «Русский Архив», 1908, кн. II, стр. 468.

⁴⁴ Архив кн. Воронцова, кн. 21, М., 1881, стр. 156.

⁴⁵ «Я не захотела с ним встречаться, сударыня, когда мы оба жили в Париже» (Архив кн. Воронцова, кн. 21, стр. 296).

⁴⁶ «Русский Архив», 1865, кн. 3, стр. 582.

⁴⁷ См. М. М. Штранге. Жан-Жак Руссо и его русские современники. В сб.: Международные связи России в XVII—XVIII вв., М., 1966, стр. 345—357.

В «Исповеди» читаем: «Если порой мои выражения неясны, я стараюсь, чтобы мое поведение уточнило их смысл».⁴⁸ Это определило живой интерес русских читателей к жизненному облику Руссо. 2. Внутреннее развитие русской жизни, социальные конфликты, эволюция русской общественной мысли определили динамику интерпретаций. Каждая общественная группа имела «своего Руссо», и, помимо борьбы за и против женеvского философа, мы будем наблюдать стремление различно интерпретировать его идеи, противопоставлять «своего» Руссо — Руссо других группировок. 3. Общеевропейские события второй половины XVIII века органически связаны были с изменением в истолковании Руссо. В этом отношении предреволюционная эпоха не похожа на годы консульства, а 1789 год — на 1793-й.

* * *

Первый этап рецепции Руссо в России был связан с появлением «Рассуждения о науках и искусствах». Вызвавшее бурную реакцию во Франции,⁴⁹ оно не прошло незамеченным в России. Следует иметь в виду, что весь пафос передовой русской культуры первой половины XVIII века заключался в пропаганде науки, вере в благотворную мощь человеческого знания. На этом сходились деятели, весьма в остальном далекие: от Тредиаковского до Сумарокова. Не случайно появление «Рассуждения» Руссо вызвало полемические отклики в России.

И. Э. Серман в книге «Поэтический стиль Ломоносова» высказывает интересное предположение, согласно которому полемическая часть ломоносовского «Слова о пользе химии», защищающая пользу наук, должна быть соотнесена с выступлением Руссо.⁵⁰ Если принять эту гипотезу, то «Слово о пользе химии» — первый в русской литературе отклик на выступление Руссо. При всей заманчивости этого утверждения (автор высказывает его в высшей мере осторожно, не говоря о том, что Ломоносов выступил с ответом Руссо, а лишь отмечая, что в связи с «Рассуждением о пользе наук» вопрос о прогрессе культуры «приобрел неожиданную остроту и стал предметом очень оживленного обсуждения по всей Европе»),⁵¹ с ним нельзя безоговорочно согласиться.

---

⁴⁸ Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч. в трех томах, т. III, стр. 461.

⁴⁹ Полемическая литература, связанная с этим выступлением Руссо, была собрана в издании: «Les avantages et les désavantages des sciences et des arts, considérés par rapport aux mœurs, en plusieurs Discours, Lettres et où le Pour et le Contre sur cette importante matière est débattu à fonds; par M. J.-J. Rousseau et autres savants hommes. Nouvelle édition, t. I—II, à Londres, 1758.

⁵⁰ См.: И. Э. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 25—26.

⁵¹ Там же, стр. 25.

Связать выступление Руссо и Ломоносова не позволяет хронология.

«Слово о пользе химии» было произнесено Ломоносовым 6 сентября 1751 года. Поручение его подготовить Ломоносов получил от К. Разумовского 6 мая 1751 и тогда же, видимо, приступил к работе. По крайней мере в начале августа он уже представил готовый текст в канцелярию Академии.⁵² Руссо опубликовал свой трактат в 1750 году. Однако вряд ли можно полагать, что эта публикация могла привлечь внимание Ломоносова. Выступление Руссо стало фактом общеевропейской культурной жизни и привлекло всеобщее внимание в связи с возникшей вокруг него полемикой — с рядом возражений и ответами Руссо. Между тем выступления в этой связи против Руссо падают на период с лета — осени 1751 до 1753 года. В сентябре 1751 года в «Mercure de France» появился «Ответ» польского короля Станислава на сочинение Руссо (около этого же времени — возражение Готье), в 1751 году Борд произнес в Лионской академии свое возражение, а в 1752 году его напечатал. Руссо отвечал на все эти выступления рядом полемических статей («Письмо г. Рейналю», «Письмо г. Гримму», «Ответ польскому королю», «Последний ответ г. Борду»; это выступление вызвало новую критику Борда, опубликованную в 1753 году). Итогом явилось предисловие Руссо к комедии «Нарцисс» и издание двухтомного свода всех полемических выступлений pro и contra (1753 — первое издание, 1756 — второе). Только в ходе этих споров для современников вырисовывались масштаб и значение выступления Руссо, которое вне их прозвучало бы парадоксальным эпизодом в деятельности провинциальной академии во Франции и вряд ли вызвало бы отклик в России. Русскому читателю осенью 1751 года — без прямой ссылки, — конечно, было невозможно связать эти два события.

Однако сопоставление И. З. Сермана ценно тем, что позволяет реконструировать тот фон, на который для русского читателя тех лет проецировались впечатления от выступления Руссо 1750 года. Следует напомнить, что рассуждения о пользе наук были очень распространены в русской публицистике тех лет. Напомним хотя бы многочисленные выступления Ломоносова, появившуюся в сентябре 1756 года в «Ежемесячных сочинениях» анонимную статью «Рассуждения о пользе феоретической философии в обществе» и в том же журнале — в декабре — переведенную С. Порошиным — «О пользе упражнения в благородных искусствах и в науках», «Письмо о пользе наук» Н. Поповского, «Рассуждение о пользе наук» С. Домашнева («Полезное увеселение», 1761, ноябрь, № 7). Знаменитое «О качествах стихотворца рас-

---

⁵² См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 2, 1951, стр. 678; Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, стр. 182.

суждение» («Ежемесячные сочинения», 1755, май) начиналось с размышлений о падении наук «с упадком Римской империи», «которые паки пришли прошлыми немногими веками в цветущее состояние», т. е. с исходной точки «Рассуждения» Руссо. Однако ни в одном из этих, как и ни в многочисленных других русских сочинениях тех лет на эту тему мы не находим прямой полемики с Руссо, равно как и веских подтверждений знакомства их авторов с шумной дискуссией 1750—1753 годов. Первым, кто сделал полемику с Руссо значимым фактом в истории русской общественной мысли, был А. П. Сумароков.

В трактате 1750 года и в последовавших за ним ответах оппонентам, — особенно в возражении Борду, — уже содержались значительные элементы будущего «Рассуждения о неравенстве», что, видимо, и позволило Сумарокову не дифференцировать своего отношения к этим произведениям.

Г. А. Гуковский, впервые обративший внимание на философскую прозу Сумарокова, относил ее «предположительно к последним годам его жизни».⁵³ При определении даты нужно, как кажется, учесть следующие обстоятельства: в статьях «О новой философической секте», «К добру или к худу человек рождается», «О слове „мораль“» и других имя Руссо упоминается в связи с вопросами отношения к культуре и развитию знаний (в связи с этим возникал спор: движется ли человечество от «золотого века» к деградации или от невежества к прогрессу?) и проблеме врожденной доброты человека и гибельности собственности. — Все это были вопросы, обсуждавшиеся в связи с первыми двумя трактатами и возникшей вокруг них полемикой. Вопросы, связанные с русской дискуссией вокруг «Общественного договора» (вторая половина 1760-х—начала 1770-х годов): проблемы суверенитета, исполнительной власти и ее отношения к суверену, понятия общественной пользы и общей воли, истинной монархии и деспотизма, — не затронуты в названных статьях, хотя живо волновали Сумарокова в конце его жизни. Следы его размышлений над этими вопросами видны, например, в «Димитрии Самозванце». Критерий — каких произведений (и событий) не знает автор — весьма доказателен при определении даты написания. Все это заставляет предположить, что интересующие нас статьи написаны приблизительно в конце 1750-х—начале 1760-х годов. Показательно, что,

---

⁵³ Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М., 1936, стр. 121. — В этой работе Г. А. Гуковский отмечал неприемлемость для Сумарокова идей Руссо: «Если полуаристократический Монтескье подходит к Сумарокову и если последний в 70-х годах готов был мириться и с Вольтером, то Руссо не мог не приводить его в ужас. Руссо — это была революция, это была отмена всех основ мышления Сумарокова» (стр. 120). Тем более необоснованным кажется утверждение того же ученого, что «Сумароков в 1770-е годы не без сочувствия приглядывался к проповеди „Жака Руссо“, как он называл великого женева» (XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 124).

подвергая очень острому обсуждению проблемы морали и обязанностей человека по отношению к социуму, Сумароков ни словом не затрагивает важнейшей для него в дальнейшем проблемы отношения монархии и деспотизма.

Когда мы встречаем в том или ином документе русского происхождения имя Руссо, то не следует забывать, что содержание, стоящее за этим именем, порой превращающимся в местоименное обозначение определенной системы, существенно варьируется по эпохам и направлениям. Так, в 1810—1820-е годы Руссо был «защитник вольности и прав», и вполне логичной казалась такая, например, запись в дневнике Д. Н. Свербеева: «Один из моих университетских товарищей и друзей П. А. Н., изучая любимого своего автора Жан-Жака Руссо, предался всецело его утопиям и пред отъездом моим на службу в Петербург в 1818 году под страхом тайны вручил мне небольшую тетрадку своих юношеских мечтаний об освобождении крестьян».⁵⁴ В 1750-е и начале 1760-х годов Руссо воспринимался в России как критик основных положений рационалистической философии — спасительной силы разума, гибельности не очищенных просвещением страстей человека, веры в науку и цивилизацию. Вопрос о том, движется ли человек (человечество) под влиянием цивилизации от первобытного невежества, рабства и зла к просвещению, добродетели и счастью или имеет место обратное движение — от первоначального невежества, добродетели, счастья и свободы к просвещению, рабству и злу, оказался в центре полемики Сумарокова с Руссо. Проблемы народного суверенитета, договорного происхождения общества, отношения власти и народа в этом споре не обсуждались.

Идеи Руссо для рационалистически мыслящего Сумарокова — не целостное учение, а набор взаимопротиворечащих высказываний. В Руссо он видит релятивиста, склонного к парадоксам. Сумароков выдвигает против Руссо то обвинение, которое многократно повторялось в, очевидно, ему известной полемике вокруг трактата 1750 года: автор — ученый человек — в ученой диссертации доказывает ненужность учености. Следовательно, цель Руссо — не доказать какой-либо составляющий, с его точки зрения, истину тезис, а показать, что самая невероятная идея может быть красноречиво обоснована, и, следовательно, истина вообще не существует. Объявив читателям о появлении «Новой философической секты», Сумароков добавляет: «Система их сия: 1) любить основания рассуждения, и никакого в нем основания не иметь; 2) ни о чем не иметь понятия, полагая, что все на свете сем непонятно; 3) прилепиться всею силою к добродетели и полагать, что ее нет на свете, ибо де все качества, как худые, так и добрые, состоят только в воображении нашем. . . ; надобно учиться,

---

⁵⁴ «Русский Архив», 1871, кн. I, стр. 162.

а науки не надобны. Учиться надобно ради того, что здоровое суждение и опыты доказывают то, что они человека просвещают, а не надобны ради того, что сказал Жан Руссо, это науки вредны, а кто де ему не верит, тот да будет проклят». ⁵⁵ Против сторонников «новой философской секты» выдвигается еще одно обвинение, которое потом будет неоднократно предъявляться Руссо и его последователям, — во вражде к обществу, мизантропии, стремлению к уединению как проявлению человеконенавистничества: «Они в беседах только во время ветра бывают, а в тихое время читают они книгу Жана Руссо, которого они не разумеют, об алмазном веке, в котором люди крайним невежеством украшались». ⁵⁶

Уже спор вокруг первого трактата Руссо обнажил сущность проблемы: Руссо полагал, что человек наделен от природы врожденно доброй натурой. Заканчивая полемическое письмо Г. Филополису (псевдоним Шарля Бонне), Руссо писал: «Я попрежнему чудовище, которое утверждает, что человек по природе добр, а мои противники попрежнему почтенные люди, которые, к всеобщему наставлению, стараются доказать, что природа его делает ни чем иным, как только негодяем». ⁵⁷ Сумароков выступил с опровержением этих, основных для Руссо, тезисов. В статье «К добру или к худу человек рождается» он утверждает злую, антиобщественную природу человека: «Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого другого животного к худу». ⁵⁸ При этом, опираясь на авторитет Локка («О разумении человеческого по мнению Локка»), он доказывает, что врожденных свойств человек не имеет вообще. Однако ссылка на Локка нужна Сумарокову лишь в борьбе с Руссо: то общее, что есть у этих мыслителей, отвергается. Утверждая, что «добродетелью мы должны не естеству нашему, но сей искре божества, которую мы Моралью именуем, и на ней основанной Политике», ⁵⁹ Сумароков склонен делать ударение именно на последней. В статье «К добру или к худу человек рождается» он, полемизируя с идеей склонности людей к добру, подчеркивает взаимную связь морали и политики: «Мораль без Политики бесполезна, Политика без Морали бесславна . . . Ежели бы не было бога, не было бы честности и Мораль не надобна была, а была бы надобна одна Политика. А ежели бы не было бы на свете развращения, не было бы бесчестности и не надобна была бы Политика». ⁶⁰

Эту, чрезвычайно существенную для русской дворянской культуры XVIII века идею Сумароков корректирует в статье «О слове „мораль“». Здесь, полемизируя с «Происхожде-

⁵⁵ Полн. собр. всех соч. . . . А. П. Сумарокова, ч. X, стр. 127.

⁵⁶ Там же, стр. 128.

⁵⁷ J.-J. Rousseau. Oeuvres complètes, t. I, 1825, p. 388.

⁵⁸ Полн. собр. всех соч. . . . А. П. Сумарокова, ч. X, стр. 130.

⁵⁹ Там же, стр. 133.

⁶⁰ Там же.

нием неравенства», он оправдывает существование политики не только развращенностью людей, но и необходимостью противопоставить индивидуалистическим центробежным силам власть государства, разума, знания: «Но пусть Мораль такова будет, какая требуется; следует ли из того, что только едина Мораль миру потребна? Ежели весь род человеческий честен будет, и все ссоры, раздоры, брани, войны и все то, что противу божества и человечества вооружается, пресечется и только (т. е. «столько», «так много», — Ю. Л.) благополучия увидим на свете, что все мы честные будем, мало еще для общия пользы сие благополучие. Потребны будут знания, без которых общества устоять не могут. Общества разрушатся, люди рассеются, и настанет небывалый век, Жаком Руссом похваляемый, человеки странствовать будут по пустыням и, без вспоможения друг другу будучи малосильны, предадутся на снадение зверям и все напоследок исчезнут. Кто как ни честен, но, ежели он бесполезен роду человеческому, достоин презрения».⁶¹

Полемика с Руссо раскрывает интересные стороны внутренней эволюции самого Сумарокова. Рационалист, противник сенсуализма, каким он себя показывает в письмах к Вольтеру, Сумароков — современник Руссо, а не Декарта — вынужден перестраивать свою систему идей. Но он стремится сохранить — на иной гносеологической основе — этику и политику разума и абсолютизма: от Декарта он переходит к Гоббсу и Монтескье. Когда Сумароков пишет: «Спроси христианина, для чего он опасается делать беззакония, спроси ученика Гоббзиева, спроси языческого философа. Первый скажет: боюся бога, другой — боюся начальства, третий скажет — боюся стыда»,⁶² — то вряд ли можно сомневаться, что именно позиция второго представляется ему наиболее здоровой и надежной. Однако в дальнейшем наиболее актуальным окажется поиск гарантий защиты государства не от эгоизма человека, а от деспотизма тирана. Это перенесет для позднего Сумарокова и его учеников весь спор в другую плоскость.

Следующий этап относится к дискуссиям вокруг «Общественного договора». Этот по сути дела не прекращающийся до конца XVIII века спор возникает во вторую половину 1760-х годов. Так, Я. Козельский, выпустивший в 1768 году «Философические предложения», в предисловии еще говорит о Руссо в первую очередь как об авторе трактата о неравенстве. Считая, что Руссо, «бессмертия достойный муж, как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов, он взирает на весь свет прямо философским оком и проповедует ему правоту и истину с прямою философскою вольностью»,⁶³ он дает, с прямой ссылкой на «Рассуждение

⁶¹ Там же, стр. 136—137.

⁶² Там же, стр. 306.

⁶³ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I. М., 1952, стр. 418.

о происхождении неравенства», одно из самых лучших и одновременно сжатых изложений этого произведения в русской философской традиции XVIII века: «...господин Руссо доказывает, что человеческий род в прошествии многих веков отступил вовсе от натурального своего состояния, полезнейшего для него, навъик собственности имения и чрез то познал правоту и неправоту, добро и худо, выдумал много излишних нужд и чрез то научился взаимной зависимости и подверг себя многим несчастьям ... Господин Руссо думает, что полезнее б было для человеческого рода, чтоб не знать ему наук и жить бы натурально».⁶⁴ Однако в тексте находим ссылки на «Общественный договор».

Спор 1760-х годов, в центре которого оказалась полемика вокруг «Наказа», определил несколько весьма различных трактовок Руссо, поставив в центр дискуссии «Общественный договор» и «Эмиля». Отрицательное отношение правительства Екатерины II к идеям Руссо было заявлено в этом споре со всей недвусмысленностью: запрещение «Эмиля», резкий отзыв Екатерины об «Общественном договоре», ее постоянно иронические отзывы о Руссо, конечно, были известны современникам и определили появление таких заметок, как цитированный выше отзыв в «Ежемесячных сочинениях» в апреле 1763 года.⁶⁵ Однако не следует думать, что отдавать должное гению Руссо или выражать сочувствие его идеям в России тех лет непременно означало становиться «в оппозицию к официальной точке зрения», поскольку «Руссо был объявлен в России „опасным“ писателем».⁶⁶ 1760-е годы — не 1790-е, и правительство Екатерины II даже в идеале не ставило перед собой задачи унификации общественного мнения, вполне допуская, что неприятный императрице писатель (Екатерина легко усвоила господствовавший в среде энциклопедистов в эти годы тон иронии в отношении к Руссо) тем не менее может нравиться ее подданным. И если запрет «Эмиля» должен был воспрепятствовать широкому распространению этой книги, то открытые симпатии Руссо со стороны многих видных государственных деятелей — от Бецкого до Г. Орлова — не задевали императрицу. Для того, чтобы не вносить в картину рецепции идей Руссо упрощения, следует отметить, что устойчивая неприязнь

---

⁶⁴ Там же, стр. 412—414. — В 1788 году в «Рассуждении двух индийцев» Козельского [степень оригинальности этого сочинения и отношение его к другой версии (переводу?) его, принадлежащей Максимовичу-Амбодиду, остается неясной] Руссо снова фигурирует как автор ранних трактатов: «Чтение сочинений славного философа Руссо ... заставило меня примечать пользу от наук, и тут я, к удивлению моему, находил несколько сходно с его мыслями, что науки в руках моих приносят мне пользу, а в руках моего ближнего причиняют мне вред» (там же, стр. 554).

⁶⁵ Ср.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 100—101.

⁶⁶ Ю. Я. Коган. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958, стр. 54—55.

Екатерины II к личности и сочинениям Руссо⁶⁷ не определяла исключительно официального курса. Вернее сказать, сама возможность существования в подобных вопросах официального курса еще не подозревалась. Иначе будет непонятно, как в 1766 году Г. Орлов мог приглашать в свои поместья под Петербургом Руссо, предлагая ему в безграничное пользование дворцы и уголья «из признательности за почерпнутое мною в Ваших книгах».⁶⁸

Напомним также, что Руссо не был изгнан из учебных программ вел. князя Павла Петровича. В декабре 1764 года (когда будущему имп. Павлу было 10 лет) С. Порошин записывал: «Государь изволил сесть со мною к учительному столу и смотрели эстампы в сочинениях господина Руссо, которые сего дня купил я».⁶⁹ Запись апреля 1765 года: «Потом со мною читал Вольтеровы сентенции . . . говорили о Бенуа и о Руссо со мною».⁷⁰ В 1784 году, вернувшись с женой из заграничного путешествия, Павел привез Екатерине II в подарок ряд ценных статуй и картин; из современных писателей там были лишь бюсты Руссо и Вольтера.⁷¹

Такой же подарок сделала мать Марии Федоровны, Фредерика-Доротея, своему малолетнему внуку Александру Павловичу. Посылая ему бюсты Вольтера и Руссо, она писала: «Каждый из этих великих людей имел выдающиеся достоинства, но последний (Руссо, — Ю. Л.) в особенности заслуживает уважения (*le dernier surtout en possédait de bien un estimable*)».⁷² Мария Федоровна, дядя которой, принц Людвиг-Евгений Вюртембергский, отказавшийся от фамильных прав и поселившийся в Швейцарии простым

---

⁶⁷ Я. К. Грот имел основания утверждать, что «Руссо не пользовался расположением» Екатерины II (Сб. Русского исторического общества, т. 13, 1874, стр. XVI).

⁶⁸ «Русский Архив», 1869, кн. 3, стр. 583. — Следует отметить, что весьма сомнительно, чтобы Орлов руководствовался здесь подлинным увлечением, — он не владел французским языком (см.: А. Голомбевский. Князь Г. Г. Орлов. «Русский Архив», 1904, кн. II, стр. 394), — правда, это не помешало ему «перевести» 5-ю главу «Велизария» Мармонтеля, — а из произведений Руссо в русском переводе к 1766 году появилось лишь письмо к Вольтеру. Тем более вероятно, что он не сделал бы такого приглашения, если б оно могло навлечь неудовольствие императрицы.

⁶⁹ Записки Семена Порошина. СПб., 1881, стр. 183. — Вероятно, имеются в виду изготовленные художником Гравело под бдительным надзором самого Руссо эстампы к «Новой Элоизе», которые в 1761 году вышли отдельным выпуском. Возможность обсуждения с 10-летним мальчиком гравюр к роману, который тогда считался «вольным», не должна нас смущать. Напомним, что, по словам Н. И. Греча, ссылавшегося на «Записки Порошина», «одинадцатилетнего отрока поощряли в страсти его к фрейлине Чоголовой» (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 142).

⁷⁰ Записки Семена Порошина, стр. 313.

⁷¹ Сб. Русского исторического общества, т. 15, СПб., 1875, стр. 15.

⁷² Е. С. Шумигорский. Имп. Мария Федоровна. «Русский Архив», 1889, № 9, стр. 25.

гражданином, был в оживленной переписке с Руссо,⁷³ не скрывала своего уважения к «женевскому философу».

Количество свидетельств, подтверждающих неоднородность отношения к Руссо в правительственном лагере середины XVIII века, можно было бы еще увеличить. Тем более интересно то, что все же именно отношение к Руссо стало одним из индикаторов общественного размежевания в 1760-е годы.

* * *

Дифференциация в отношении к Руссо была связана с «Общественным договором». Мы уже отмечали, что отсутствие русского перевода не помешало проникновению идей этого произведения в сознание русских читателей. В этом смысле показателен следующий эпизод: в годы павловского царствования рижская цензура обратилась в Совет по поводу пропуска книги «Du Contrat Social ou Principes du droit politique, par J. J. Rousseau», предлагая ее запретить, поскольку «известно, что мнимое равенство во французской революции большей частью из сей книги заимствовано». Однако Совет нашел, что книга может быть пропущена, «яко принадлежащая к сочинениям Руссовым, которых привоз и продажа были равномерно свободны, а потому, конечно, и есть уже она здесь во многих собраниях книжных».⁷⁴

Первое значительное выступление в России против «Общественного договора» — «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Как известно, широко используя сочинения Монтескье и Беккариа, Екатерина II нигде в «Наказе» прямо не цитировала «Общественного договора». В связи с этим, казалось бы, трудно ставить вопрос о политической соотнесенности этих произведений. Однако при ближайшем рассмотрении вопрос рисуется в ином свете. Еще в 1902 году историк права Таганцев очень прозорливо отметил, что несравненно интереснее был бы критический анализ не того, что заимствовано «Наказом», а того, «что при этом заимствовании не взято составительницей наказа». Эта мысль привлекла внимание советских исследователей.⁷⁵ Анализируя отличия текстов Беккариа от их интерпретации в «Наказе», Б. С. Ошерович пишет: «„Наказ“ не зиждется на принципах естественного права, на принципах общест-

---

⁷³ К нему адресовано знаменитое письмо Руссо «Si j'avais le malheur d'être né prince...».

⁷⁴ Г. К. Репинский. Цензура в России при имп. Павле. «Русская старина», 1875, ноябрь, стр. 458.

⁷⁵ Н. С. Таганцев. Русское уголовное право, т. I. 1902, стр. 203; Б. С. Ошерович. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М., 1946, стр. 71; Биографический очерк М. М. Исаева в кн.: Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, стр. 164.

венного договора. Беккариа мог создать свою уголовно-правовую теорию, только исходя из принципов естественного права и общественного договора».⁷⁶

Рассмотренное в свете интересующей нас проблемы, это наблюдение позволяет сделать интересные выводы. Текст Беккариа, созданный под сильным впечатлением идей «Общественного договора», неизменно вызывал в сознании читателей имя Руссо. Так, первый же обличитель Беккариа, монах Факинеи, в брошюре «Заметки и соображения о книге, озаглавленной „О преступлениях и наказаниях“» (конец 1764 или начало 1765 года) называл Беккариа «итальянским Руссо», а его трактат — «истинной дщерью „Общественного договора“».⁷⁷ В сознании русского дипломата Моркова эти две книги также были связаны: донося гр. В. Кочубею в письме от 20 марта (1 апреля 1802 года) из Парижа, что французские власти наводняют Морею революционной литературой, он в качестве доказательства приводит: «Я достал экземпляр сочинений Баккария, напечатанного в греческом переводе, Общественный договор Руссо тоже печатается».⁷⁸ При этом интересно, что в тексте Беккариа прямые и недвусмысленные цитаты из «Общественного договора» часто соседствуют с полемикой против трактата о восстановлении наук.⁷⁹ В этих условиях старательное удаление из цитируемых текстов Беккариа всего, что связывало их с Руссо, не может быть объяснено случайностью — Екатерина II внимательно читала сочинения «женевского философа», относилась к ним с нескрываемой неприязнью и хорошо понимала, какие идеи стоят за тезисами «итальянского Руссо».

Однако в тексте «Наказа» есть и более прямая полемика. Известно, что Екатерина II, охотно повторяя, что она «обокрала» Монтескье, на самом деле существенным образом исказила его идеи (можно полагать, что в подчеркивании этого заимствования был своего рода лукавый расчет): аргументы, которыми Монтескье обосновывал выгоды монархии, она применила для оправдания самодержавия, не являвшегося, по терминологии Монтескье, монархией. Но более того: она, искусно перестроив цитаты из Монтескье, заострила их против наиболее опасных для нее идей «Общественного договора».

---

⁷⁶ Б. С. Ошерович. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли, стр. 71.

⁷⁷ Цит. по кн.: Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях, стр. 84.

⁷⁸ Сб. Русского исторического общества, т. 70, СПб., 1890, стр. 388.

⁷⁹ «Нет поэтому ни одного просвещенного человека, который не любил бы публичных, ясных и полезных договоров об общественной безопасности, сравнивая пожертвованную им малую частьцу бесполезной свободы с суммой всей свободы, пожертвованной другими ... Неверно, что науки всегда приносили вред человечеству. Когда так происходило, это было неизбежным для людей злом» (Ч. Беккариа. О преступлениях и наказаниях, стр. 398—399).

Мы уже отмечали, что Екатерина восприняла конец VIII главы второй книги как призыв к крестовому походу против России и считала, что Руссо «успел» в пропаганде этой идеи.⁸⁰ Однако в «Общественном договоре» мысль о неизбежности падения Русской империи (как и других европейских монархий) подкрепляется пессимистическим взглядом на реформы Петра I. По мнению Руссо, приобщение к европейской цивилизации губительно для России, которой следовало остаться самобытной, а реформа должна была состоять не в изменении национального уклада, а в восстановлении народного суверенитета, что для нации означает сделаться самой собою. Петр «хотел сначала сотворить из своих подданных немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы сделать из них русских».⁸¹

Екатерина II считала этот тезис противоположным целям своей и внутренней, и внешней политики. Первая глава «Наказа» демонстративно начиналась тезисом: «Россия есть европейская держава».⁸² Этот тезис она подкрепила слегка переделанным текстом Монтескье, писавшего, что реформа Петра I «облегчалась тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями».⁸³

Екатерина II в полемике с Руссо сформулировала следующую концепцию деятельности Петра I: просвещенное самодержавие есть лучшая («европейская») форма правления. Петр I освободил Россию от наносной азиатчины (заметим, что Монтескье говорил о завоевании России монголами — Екатерина II заменила это завоеванием Россией восточных областей) и утвердил самодержавие. Если мы будем помнить о двух концепциях деятельности Петра I — Руссо и Екатерины II, — то нам станет ясно многое в дальнейшей полемике по этому вопросу,⁸⁴ в частности стремление Радищева противопоставить (вопреки Екатерине II) Петра-реформатора Петру-самодержцу и, следуя Руссо, провозгласить,

---

⁸⁰ Значительно более правильно понял это место в трактате Руссо Евгений Болховитинов, писавший в 1820 году Анастасевичу: «Руссо некогда пророчил, что из Кавказских гор будет когда-нибудь второе на Европу монгольское нашествие» («Русский Архив», 1889, кн. II, стр. 385).

⁸¹ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 39.

⁸² Наказ ее имп. величества Екатерины Второя... СПб., 1793, стр. 3.

⁸³ Ш. Монтескье, Избр. произв., М., 1955, стр. 417. Ср.: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом и принесены были нам смешением разных народов, и завоеваниями чуждых областей» (Наказ..., стр. 3).

⁸⁴ См.: Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I. СПб., 1912. Из новейших работ сравнительно полный свод литературы см. в статье А. Татаринцева «„Письма к другу“ А. Н. Радищева» («Русская литература», 1966, № 1).

что слава Петра была бы выше, если бы он возродил («утверждая вольность частную») народный суверенитет.⁸⁵

Эти же соображения следует иметь в виду и для осмысления известных слов Карамзина о «жалких иеремиадах», «об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии».⁸⁶ Часто комментируемые слова Карамзина («Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских») ⁸⁷ прямо имеют в виду Руссо. Никто из русских и европейских мыслителей XVIII века, даже из числа критиковавших отдельные стороны петровской реформы, не объявлял ее ложной в принципе. Это сделал только Руссо. Смысл полемического выпада Карамзина во многом прояснится, если вспомним, что для Руссо член гражданского общества уже не может быть человеком — отдельной сущностью и, следовательно, должен стать частью национального организма, который отныне выступает как индивид. Быть человеком и представителем какого-либо народа так же невозможно, как и быть человеком и гражданином одновременно. Человеком в цивилизованном обществе быть уже нельзя, гражданином — пока не восстановлен народный суверенитет — еще невозможно. Но можно и нужно быть французом, англичанином, немцем. В «Новой Элоизе» Руссо писал: «По-моему, хорошо, что они англичане, раз им нет нужды быть людьми».⁸⁸ В «Эмиле» он высказывает еще более определенно: «Раз приходится бороться с природой или общественными учреждениями, надо выбирать, кого делать: человека или гражданина, — так как нельзя сделать разом того и другого. Всякое частное общество, если оно узко и хорошо объединено, становится чуждым большому. Всякий патриот суров к иностранцам: они только люди, они ничто в его глазах».⁸⁹

Именно исходя из этих соображений, Руссо утверждал в «Общественном договоре», что Петр I «помешал» русским «стать когда-либо тем, чем они могли быть». Это и были для Карамзина

---

⁸⁵ В связи с этим станет понятно и вызывающее споры примечание Радищева: «Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли» (Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., стр. 151). Речь идет о возможности «республиканской монархии», о которой писал Руссо, — существования государства народного суверенитета с королем во главе. Радищев скептически относился к этой идее Руссо до начала французской революции. Однако, когда 23 сентября 1789 года Учредительное собрание вотировало статью «Всякая власть исходит от народа и может исходить только от него», а 4 февраля 1790 года Людовик XVI в речи в Национальном собрании признал конституцию, Радищев пришел к выводу, что Руссо был прав и Петр I при желании мог бы стать монархом — слугой суверенного народа.

⁸⁶ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. I, М.—Л., 1964, стр. 417.

⁸⁷ Там же, стр. 418.

⁸⁸ Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч. в трех томах, т. II, 1961, стр. 174.

⁸⁹ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль..., стр. 14.

«жалкие иеремиады». Итак, уже первая глава «Наказа» определила один из основных для русской общественной мысли XVIII века узлов полемики с Руссо.

Однако вопрос об отношении к концепции человека и гражданина в «Эмиле» и «Общественном договоре» еще более остро возник в связи с другими проблемами, затронутыми в «Наказе».

Мысль о народе как носителе суверенитета и государе как его, народа, администраторе прочно связалась в сознании людей XVIII века с Руссо. Гр. Д. А. Гурьев еще в 1816 году убеждал Александра I, что грозные события конца XVIII века — результат того, что «по ложному мнению, посеянному в уме господином Руссо, почтители исполнительную власть просто как подчиненную и обязанную только исполнять повеления власти законодательной».⁹⁰

Однако это «ложное мнение» было в достаточной мере притягательно, и Екатерина II не могла его обойти. В одном из заключительных параграфов «Наказа» она писала о «ласкателях», которые «по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа».⁹¹ Не случайно Радищев в дальнейшем смог, формулируя идею народного суверенитета, в защитных целях укрыться за это положение Екатерины II.⁹²

Для того чтобы понять роль «Наказа» в русской рецепции идей «Общественного договора», необходимо вспомнить его общее место в идейной полемике 1760-х годов. Екатерина была заинтересована в том, чтобы представить свое сочинение как плод философии европейского Просвещения. У нас нет оснований придерживаться этой версии: анализ текста ее не подтверждает. Однако отрицать оригинальность «Наказа» и глубину его связи с идеями просветителей и отрицать его серьезность как правительственной программы — совершенно разные вещи. Это приходится подчеркнуть, потому что часть историков литературы, слишком прямолинейно толкуя известную оценку Пушкиным Комиссии по выработке нового уложения, склонны видеть в «Наказе» лишь попытку обмана общественного мнения, плод самовлюбленности и политического легкомыслия Екатерины II. С этим трудно согласиться. «Наказ» отражал продуманный правительственный курс, которого придерживалась Екатерина II в 1760-е годы, и в этом смысле является серьезным и по-своему ярким документом (это, конечно, не отменяет того, что склонность императрицы к самолюбованию, равно как и другие ее личные особенности, наложили заметный отпечаток на текст документа).

⁹⁰ Сб. Русского исторического общества, т. 90, СПб., 1894, стр. 70.

⁹¹ Наказ..., стр. 168—169.

⁹² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., 1952, стр. 17.

Екатерина II стремилась авторитетом идей просветителей обосновать необходимость самодержавия в России. Одновременно она, не раскрывая, как далеко намерена идти практически в этом направлении, достаточно ясно показывала понимание необходимости реформ социальных отношений между помещиком и крестьянином. Так, в § 261 говорилось о необходимости гарантий крестьянской собственности, в других местах — о невозможности одновременного освобождения большого числа крестьян, о необходимости найти причины, затрудняющие «размножение народа». Посвященная этому глава XI «Наказа» заканчивалась указанием: «Нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих». Щербатов преувеличивал, когда, комментируя эти страницы «Наказа», писал: «Все сие клонится к вольности крестьянской».⁹³ Однако, полагая, что в 1760-е годы между лидерами дворянства и правительством существовало полное единомыслие по вопросу отношения к крепостному праву, мы существенно упрощаем вопрос.

Но если идеологи дворянства очень болезненно реагировали на обсуждение вопроса крепостного права,⁹⁴ то идеи политического ограничения самодержавия находили у них живой отклик. Эта коллизия определила некоторые интересные аспекты отношения к западноевропейским идейным авторитетам. Если авторитет Монтескье использовался и той и другой стороной как средство обосновать свою позицию, то Руссо была отведена роль разрушителя: его выдвигали для опровержения тезисов противной стороны. Особенно широко этим приемом пользовался Щербатов.

Отношение к идее народного суверенитета в кругах дворянских теоретиков было своеобразным: «народ» приравнивался политически активной части граждан — дворянству, которому и приписывался суверенитет. Наиболее сложным было отношение русских читателей к характерной для Руссо антитезе «человек» — «гражданин». Как мы увидим, она не встретила сочувствия ни в каких кругах русского общества. Специфика постановки этой проблемы у Руссо состояла в том, что превращение человека — самодовлеющей отдельной единицы — в гражданина — часть политического тела — возможно, по мнению Руссо, лишь в «нормальном» и «правильном» государстве. Современные Руссо европейские государства таковыми не являются, и поэтому жители их — не «граждане» в терминологии «Общественного договора». «Общественное воспитание не существует более и не может существовать потому, что там, где нет более отечества, не может быть и граждан. Эти два слова — отечество и гражданин — должны быть вычеркнуты из современных языков. Я знаю причину этого,

⁹³ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. 1935, стр. 53.

⁹⁴ Например, М. М. Щербатов считал, что отмена крепостного права «есть такая трудная проблема, что вряд ли в России можно было исполнить» (там же).

но не хочу говорить; она не относится к моей теме».⁹⁵ Поэтому человек, живущий в современном государстве, ни в малой степени не является для Руссо тем идеальным гражданином, который пожертвовал личной свободой во имя общей воли. Это была, как убедительно показал В. С. Алексеев-Попов,⁹⁶ попытка гарантировать идеальное общество от власти буржуазного эгоизма. Однако русская действительность не давала еще оснований для подобных опасений. Зато примеры подавления свободы человека социально-политической системой феодальной монархии были у всех перед глазами. Идея государственной диктатуры не вызывала в те годы у русских читателей Руссо сочувствия даже как идеальная схема. Примененная же к современности, она ассоциировалась с такими сторонами русской жизни, которые не находили безусловного оправдания даже в среде правых теоретиков. Интересна позиция в этом вопросе Екатерины II. Стремясь обосновать позицию либерального абсолютизма и доказать, что самодержавие в России не есть «деспотическая» система правления, Екатерина не могла опереться на концепцию Руссо. Она избрала государственную концепцию Гельвеция и других французских материалистов, согласно которой рожденный для общества человек, вступающий ради собственной пользы в союз с другими людьми, сохраняет и в новом состоянии всю полноту индивидуальной свободы, регулируемой его собственным, разумно понятым, эгоизмом. Екатерина II хотела не оправдывать самодержавное насилие над личностью, а доказать, что насилия нет и самодержавие — наиболее либеральная государственная система. «Какий предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению большего ото всех добра».⁹⁷ Мы еще будем иметь возможность наблюдать, как в сложной истории русской общественной мысли XVIII века разные мыслители будут — часто с противоположных позиций — стремиться прочесть Руссо «по Гельвецию», и Радищев включит этот тезис Екатерины II в свои юридические наброски.⁹⁸

Весьма интересна была позиция Щербатова в этом споре. Он был противником приоритета общей воли над единичной, когда речь шла об отношении правительства и дворянства, и сторонником — при оправдании власти помещика над крестьянином. В соответствии с этим использовались и цитаты из Руссо.

Говоря о природе правительственной власти, Щербатов принимает идею Руссо о ее служебном, административном характере («Государя не есть иное как токмо судии, поставленные для на-

---

⁹⁵ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль... стр. 15.

⁹⁶ В. С. Алексеев-Попов. Мироззрение Руссо. В кн.: Ж.-Ж. Руссо. Общественно-политические трактаты (печатается).

⁹⁷ Наказ... стр. 5.

⁹⁸ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 15.

родного благополучия»⁹⁹). Однако в отношении общего и частного интереса он примыкает к иной концепции: цитатой из «Системы природы» Гольбаха подкрепляется мысль об эгоизме как силе, скрепляющей общество: «Дабы человек был добродетельной, надлежит, чтобы он находил себе пользу последовать добродетели».¹⁰⁰ Показательно, что, даже пытаясь опереться на авторитет Руссо, Щербатов истолковывает его в духе Гольбаха или Гельвеция, вольно или невольно искажая идею «Общественного договора» о противоположности человека и гражданина. Комментируя слова «Наказа» о «предлоге самодержавного правления», он замечает: «Не может быть другого предмету, кроме сего, ни в каком правлении; ибо, говорит Руссо, понеже великие правители первоначально были избраны народами для утверждения их благополучия, то во учинении с ними избранными правителями договора между уступленных прав народ не мог свою естественную вольность уступить (курсив мой, — Ю. Л.), яко вещь такую, без которой его благополучие никак соделаться не может»¹⁰¹ (ср. у Руссо: «Благодаря общественному договору человек теряет свою естественную свободу»)¹⁰². При этом возникает интересный парадокс: демократ и сторонник народного суверенитета, Руссо очень осторожен в рекомендации республиканской формы правления (даже поклонник Руссо Я. Козельский отмечал: «Господин Руссо предпочитает аристократическое правление демократическому, когда в нем начальствующие особы избираются народными головами»)¹⁰³ а Щербатов вступает с ним в полемику, защищая республику тем, что «хотя бы какая и мешкотность воспоследовала, и сия не довольно ли награждается тем, что не страстные, но мудрые и сходственные с обстоятельством дел, решений предприятий последуют».¹⁰⁴ Следует, конечно, не забывать, что Руссо, отказываясь от республики как от политической формы, предъявляющей слишком большие требования к нравственности людей, не отказывается от идеи народного суверенитета. Щербатов же называет республикой то, что в системе Руссо именовалось «наследственной аристократией» и что Руссо считал «наихудшим из правительств».¹⁰⁵

Но отвергая идею «общей воли» в той мере, в какой она может быть использована центральной властью, Щербатов неожиданно прямо ссылается на нее, когда речь заходит о людях, нарушающих законы, т. е. о народе: «Наказания удерживают его

⁹⁹ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 16.

¹⁰⁰ Там же, стр. 31.

¹⁰¹ Там же, стр. 24.

¹⁰² Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 17.

¹⁰³ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 527; Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 60.

¹⁰⁴ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 22.

¹⁰⁵ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 59.

страсти и, так можно сказать, неволею его к благополучию его введут»¹⁰⁶ (ср. у Руссо: «Если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принужден к повиновению всем политическим организмом; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным»)¹⁰⁷. Весьма примечательно зрелище того, как крайне левые тезисы Руссо, ведущие к демократическому экстремизму, становятся формулами экстремизма помещичьего.

* * *

Формирование демократического лагеря в русской общественной мысли XVIII века приходится на последнюю его треть. Процесс этот органически связан с интересующей нас темой. Можно сказать, что процесс восприятия Руссо в России определялся формированием демократических идей и в свою очередь был одним из важнейших моментов этого формирования.

Как мы видели, русский читатель XVIII века был практически знаком с творчеством Руссо в полном объеме. Однако для понимания специфики демократического содержания руссоизма порой мелкие сочинения Руссо давали не меньше, чем его прославленные трактаты. В этом смысле интересна ранняя публикация русского перевода из Руссо — его письма к Вольтеру. Редактор «Собрания лучших сочинений» Рейхель не присоединился к позиции Руссо и предупреждал читателей, что «г. Руссо великие противоречия находит в ученом мире». Публикация Рейхеля привлекала уже внимание исследователей. И. З. Серман остановился на ней как на эпизоде борьбы оптимистической и пессимистической философии в русском XVIII веке.¹⁰⁸

Публикация в «Собрании лучших сочинений» примечательна во многих отношениях: она вводила русского читателя, как указывает И. З. Серман, в самый центр разногласий внутри европейского Просвещения. При этом следует иметь в виду, что современникам, наблюдавшим полемику Руссо и Вольтера или разногласия между ним и энциклопедистами, не всегда возможно было уловить глубокое внутреннее единство позиций спорящих. Если Екатерина II склонна была в борьбе против демократизма Руссо опираться на авторитет Вольтера, то одновременно существовала тенденция противопоставить «злому», насмешливому скептику Вольтеру «доброе» и верующего Руссо.

Рейхель безусловно хотел сослаться на Руссо как на мыслителя, защищающего благодать провидения от скептических нападок Вольтера. Рейхель действительно, по всей вероятности, видел в Руссо «оптимиста», осмысляя его выступление в свете оспаривае-

¹⁰⁶ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 29.

¹⁰⁷ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 16.

¹⁰⁸ И. З. Серман. И. Ф. Богданович — журналист и критик. В кн.: XVIII век, сб. 4, М.—Л., 1959, стр. 92.

мых Вольтером категорий лейбнизианского рационализма. Однако такое толкование далеко не исчерпывало смысл выступления Руссо, которого Екатерина II не без оснований со злобой называла «меланхоликом».¹⁰⁹ Письмо Руссо к Вольтеру было одним из наиболее полных изложений самых основ его системы и бесспорно сыграло роль в переходе русского читателя от аспектного к структурному восприятию его идей.

Антитезе Вольтера: «бессмысленность мирового порядка — осмысленность человеческого разума» Руссо противопоставил свою: «разумность божественного (т. е. естественного) порядка — безумие человеческих установлений». Антитеза Вольтера отрицала божественный промысел и была сильным средством воспитания критического, антиавторитарного мышления; позиция Руссо обосновывала необходимость социальных преобразований. Руссо ссылаясь на Лейбница и Попа, апеллировал к утешающей вере в провидение. Но все это служило ему лишь основой утверждения природного совершенства человека и, следовательно, противоестественности социального зла. Даже в лисабонском землетрясении он видит не зло природы, а зло общества: «Естество не собрало в оном <Лисабоне, — Ю. Л.> двадцати тысяч дворов о шести или семи жильях». Землетрясение «случилось также и в ненаселенных местах». «Но мы о сем не говорим, понеже то никакого вреда не причиняет городским жителям, которых мы одних людьми почитаем ... Должен ли порядок мира перемениться по нашему упрямству? Должно ли естество покорено быть нашим узаконениям?». И вывод: «Бедствия, которым нас натура подвергла, не столь жестоки, как те, которые мы сами себе наносим».¹¹⁰ Таким образом, именно здесь впервые на русском языке была сформулирована — как принцип мировоззрения просветителей — философская антитеза «натура—общество». Путь от заключительного тезиса письма до положения Радищева: «Бедствия человека происходят от человека»,¹¹¹ — представляется вполне органичным.

Однако в этом письме, написанном через год после «Происхождения неравенства», уже чувствуется позднейшее истолкование основной оппозиции. Это — противопоставление истинного общества (где человек обладает вещами, ценностями, благами, а не знаками вещей, ценностей и благ, потому что полностью отчуждает себя от себя, становясь из отдельности членом политического тела, избавляется от всякого отчуждения) обществу, в ко-

---

¹⁰⁹ «Меланхолик» в устах Екатерины II было ругательством. «Мы не любим меланхолических писем», — писала она во «Всякой всячине». Критический пафос Радищева она склонна была объяснять его меланхолическим темпераментом.

¹¹⁰ Собрание лучших сочинений..., ч. IV. 1762, стр. 241, 242—243 и 244.

¹¹¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 227.

гором человек стремится сохранить себя как отдельность, окружив свое «я» знаками общественных отношений, и в результате терзается быть сущностью, превращаясь в придаток социальных фикций. Человек в современном Руссо обществе становится наименее значимой частью своей личности, выступающей как знак определенных общественных отношений: «Сколько бедных погибло при сем несчастливом приключении, желая спасти — один свою одежду, другой свои книги, третий свои деньги (характерен сам набор социальных фикций! — Ю. Л.). Не известно ли, что особа каждого человека сделалась *меньшею частию его самого*? И что почти не стоит труда спастись оную, когда все прочее потеряно».¹¹²

Так, помимо воли издателя «Собрания лучших сочинений», эта публикация поставила перед русской демократической мыслью проблемы, решение которых на многие годы определило основные пути ее развития.

Зачинателем демократической традиции русского руссоизма следует считать Я. Козельского, опубликовавшего в 1768 году книгу «Философические предложения». При этом характерно (это будет свойственно и его последователям), что Козельский рассматривает европейское Просвещение в его единстве. Как наиболее близких себе мыслителей он выделяет Руссо, отдавая ему предпочтение пред всеми прочими, Монтескье, Гельвеция и Шафтсбери. Уже само соединение этих имен свидетельствует, что различия в их позиции не представляются для Козельского значимыми. Пример Козельского интересен для наблюдения того, как читатель видит в тексте элементы, которые являются структурными для его собственной системы, не замечая остального.

Неофит, закладывающий основы русского антифеодального просвещения, Я. Козельский ощущает как релевантные лишь дифференциальные признаки, отделяющие пару «просветительская система — антипросветительская система». Наблюдать, как Козельский не видит противоречий там, где они были очевидны уже Радищеву, тем более поучительно, что сам он — враг противоречий, традиционен для XVIII века убежденный в их несовместимости с истиной. Он пишет: «Возможное есть то, что не заключает в себе противоречия, а невозможное называется то, что заключает в себе противоречие».¹¹³ Тем более интересно, что Козельский не находит существенным противоречия между верой энциклопедистов в науку и разум и отрицанием культуры Руссо. Обе точки зрения противостоят мнению людей, «которые привыкли жить на счет чужого поту».¹¹⁴ Сам же он согласен и с теми, кто говорит: «Не могу понять, как в благоустроенном обществе могут науки,

¹¹² Собрание лучших сочинений... ч. IV, 1762, стр. 242 (курсив мой, — Ю. Л.).

¹¹³ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 447.

¹¹⁴ Там же, стр. 537.

художества и люди потерпеть какой-либо вред», перенося ответственность с «науки» на общественный порядок, и с теми, кто единомыслен с Руссо: «Крепко то держу, что лучше не щадить наук и художеств для людей, нежели людей для наук и художеств».¹¹⁵

Еще более это заметно на примере острого вопроса — идеала государства, построенного на общем благе. Козельский воюет против подавления личности государством, против тех, кто «под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних».¹¹⁶ С этой позиции системы Руссо и Гельвеция выглядят в такой мере однотипными, что прямая полемика между их авторами остается незамеченной. Так, в §§ 370—376 Козельский дает очень точный пересказ концепции общей и частной воли в «Общественном договоре»:

«§ 370. Человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность и неограниченное право ко всему тому, что его искушает и что он постичь может, а приобретает гражданскую вольность и собственность именина. Натуральная вольность каждого человека не имеет других границ, как только его силы, а гражданская вольность ограничена общественною волею. Владение натуральное есть действие силы человеческой или право прежде завладевшего, а собственность именина основана на определении общественной воли...

«§ 372. Человек чрез гражданское состояние вместо потеряния натурального равенства приобретает равенство нравственное и законное и, будучи натурально не равен силою или разумом другому, делается равным по договору и по праву...

«§ 376. Благополучие целого народа состоит в том, когда каждый из его членов теряет малую часть своих удовольствий, чтоб приобрести на место того несравненно большую, потому что все люди в обществе желают именина, чести, славы, покоя, веселья и прочее; и когда они все желать будут того беспредельно, то трудно кому-либо из них быть благополучным; а ежели каждый из них уступит одно какое-либо из своих или по малой части из всех желаний обществу, то чрез то они без изъятия все почти во всех своих желаниях будут удовлетворены и потому благополучны».¹¹⁷

Однако через несколько параграфов Козельский присоединяется к идее философов-материалистов о том, что в разумном обществе совпадение частного и общего интересов безусловно и последний представляет собой лишь арифметическую сумму первых: «Никакого народа нельзя сделать иначе добродетельным, как чрез соединение особенной пользы каждого человека с общею пользою всех».¹¹⁸ Говоря о спасительной силе неискаженного эгоизма, он прямо ссылается на Гельвеция: «Господин Гельвеций пишет, что в рассуждении человеческих пороков надобно жаловаться не на злость человеческую, а на слабость законодатцев,

¹¹⁵ Там же, стр. 538.

¹¹⁶ Там же, стр. 537.

¹¹⁷ Там же, стр. 525—526.

¹¹⁸ Там же, стр. 530.

которые всегда полагали особенную пользу в противность общей пользе».¹¹⁹ Ему, конечно, известно и высказывание Руссо: «...если нет ничего невозможного в том, чтобы частная воля совпадала в каком-нибудь отношении с общей волей, то во всяком случае невозможно, чтобы это совпадение было продолжительным и постоянным, потому что частная воля, по самой своей природе, стремится к преимуществам, а общая воля — к равенству».¹²⁰

* * *

Руссо скончался 2 июля 1778 года. Смерть эта вызвала новое оживление интереса к его произведениям в России.¹²¹ П. Н. Берков уже привлек внимание исследователей к чрезвычайно интересному некрологу, который посвятили памяти Руссо «Санкт-Петербургские ведомости».¹²² При этом явно проявляется тенденция выделить Руссо-писателя в ущерб Руссо-мыслителю. Как наиболее важные сочинения названы «Новая Элоиза» и «Эмиль». Показательна попытка противопоставления чувств автора его идеям — «Новая Геллоиза» «свернула много голов», но «еще несравненно более направила сердца». П. Н. Берков с основанием видит и в тоне некролога, и в утверждении: «Читая его (Руссо, — Ю. Л.) сочинения, нельзя не восчувствовать себя добродетельным»,¹²³ — скрытое противопоставление Руссо Вольтеру. Исследователь сравнивает при этом его с «официальной сухостью» некролога Вольтеру в том же издании.¹²⁴ Появление в дальнейшем русских переводов брошюр Делакура и Лебег-Дюпреля, сочинений типа «Смерть и последние речи Жан-Жака Руссо», свидетельствует об устойчивости интереса к обстоятельствам смерти писателя.

Появление посмертных изданий Руссо вызвало, как мы уже отмечали, у русских читателей напряженный интерес. Причем Руссо — автор «Исповеди» — предстал в новом и неожиданном свете. Мы уже видели, что имя Руссо было исполнено для русского читателя глубокого и отнюдь не однолинейного значения.

¹¹⁹ Там же, стр. 529.

¹²⁰ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 21.

¹²¹ См.: П. Н. Берков. Из русских откликов на смерть Вольтера. В сб.: Вольтер. Статьи и материалы. Л., 1947, стр. 197—201.

¹²² Там же, стр. 200.

¹²³ «Санкт-Петербургский вестник», 1778, 2 августа, № 63, стр. 549 и 550.

¹²⁴ Вывод П. Н. Беркова о том, что подобная интерпретация имела официозный характер, представляется бесспорным. Однако вряд ли она отражала личные симпатии Екатерины II: последовавшая в один год смерть Вольтера и Руссо не изменила ее устойчивых симпатий к первому и антипатий ко второму: в письме к Гримму она перечисляет две тяжелые личные потери 1778 года — смерть Вольтера и лорда Чатама, демонстративно умалчивая о Руссо. 1778 год не внес ничего нового в тон ее недоброжелательно-иронических отзывов о Руссо.

«Исповедь» воспринималась и на фоне его сочинений, и на фоне его трагической биографии, которая к этому времени уже успела обрасти легендами. Это давало простор для значительно более многоплановых истолкований, чем те, которые можно сделать, опираясь только на текст как таковой. Достоинно внимания, что именно с Руссо начинается для русского читателя стремление понять через произведения автора и через автора — произведения. Предметом интереса становится не та или иная авторская идея («интересная», если «истинная»), а структура авторской личности, в которую идеи, действия, чувства входят как ингредиенты.

Для реконструкции восприятия рядового читателя интересны письма, которые писал в октябре 1785 года из Парижа своей матери — кн. Наталье Петровне Голицыной, в будущем знаменитой в пушкинскую эпоху *princesse moustache*, «Пиковой даме», а тогда блестящей светской женщине — 14-летний Д. В. Голицын. Здесь, среди других отзывов о Руссо, читаем: «В своем чтении его произведений я не считал абсолютно необходимым следовать порядку издателей. Мне казалось лучшим самому составить план, и этот план таков: прежде чем читать произведения этого писателя, я хотел бы познакомиться с его личностью. И я принялся за „Исповедь“. Я убежден, что причины многих из идей, кажущихся некоторым странными, можно обнаружить в характере писателя или в некоторых частных обстоятельствах его жизни. И нет никого, кто это подтвердил бы лучше, чем Руссо. Т. н. он дает в этом произведении, если можно так выразиться, ключ для объяснения многих парадоксов и раскрывает события, внушившие ему идеи многих из его произведений. Таким образом, более не следует изумляться его вечным декламациям — большинство из его красноречивых рассуждений против людей находят себе объяснение. Не следует более изумляться и тому, что он написал своего савоярдского викария. Но поговорим собственно о его произведении: „Исповедь“ Руссо — самое оригинальное произведение из всех, когда-либо писанных на каком-либо языке. Здесь он нарицал сам себя. Он начинает с утверждения, что он — единственный в своем роде, что он не похож ни на кого из тех, с кем ему приходилось встречаться. После он продолжает: „Думаю, что я существо иное, чем все остальные“. Уже одна эта фраза доказывает истинность его утверждения. По всей вероятности, он первый имел отвагу посметь говорить таким образом, рискуя навлечь на себя обвинение в эгоизме и тщеславии. И в самом деле, прочтя произведение, нельзя не признаться, что он был прав». Решительно становясь на сторону Руссо, который, по мнению кн. Голицына, стал жертвой гонений потому, что обладал «душой слишком чувствительной, слишком пламенной, чтобы быть счастливым», автор письма упрекает Руссо за отсутствие скромности в описании жизни мадам Варанс. Он ссылается на брошюру Серво (Servau) «Размышления о жизни и творчестве Руссо» и считает, что,

если бы Руссо «представил ее женщиной самой добродетельной, эта ложь ему была бы прощительна».¹²⁵

Таким образом, в письме юноши-Голицына мы сталкиваемся с той интерпретацией «Исповеди», которая будет потом неоднократно повторяться: читателя интересует личность Руссо, его страсти, *единство* его творческого облика. Незамеченным остается требование искренности, истины любой ценой. Как мы увидим, для определенных читательских кругов на первый план выдвигается именно эта задача.

Однако важно подчеркнуть другое: оценка «Исповеди» силой обстоятельств связалась для читателей с необходимостью целостного восприятия идей Руссо. Эпоха построения такого синтетического образа «русского» Руссо падает на 1780-е годы.

Одним из свидетельств того, какой значительной фигурой становится Руссо для русской культуры тех лет, является оформление — наряду с задачей рецепции — отчетливой потребности преодоления идей «руссоизма». Причем преодоление это будет столь же сложным, как и приятие. В одних системах будет преодолеваться демократизм Руссо, в других — его обоснование диктатуры; одни системы будут «снимать» диалектику Руссо, другие — порицать его за однолинейность робинзонад. И если наследие Руссо было мощным фактором формирования русской просветительской идеологии XVIII века, то внепросветительские пути развития русской общественной мысли, среди которых были и исторически весьма значительные, тоже прокладывались в сложном переплетении сближений и отталкиваний от идей «женевского философа».

Противники принципов просветительского мировоззрения обычно обвиняли Руссо в индивидуализме и антиобщественном эгоизме. Это обвинение выдвинула, например, Екатерина II в антируссоистском педагогическом сочинении «Детские разговоры» (1781).¹²⁶ Отрицательное отношение Екатерины II к педагогическим идеям Руссо было устойчивым. В письме г-же Бьельке она признавалась: «Особенно я не люблю емилевского воспитания; в наше доброе старое время думали иначе, а так как между нами есть однако ж удавшиеся люди, то я держусь этого результата».¹²⁷

Большой интерес представляет сложная диалектика отношения масонов к Руссо. Идеи врожденной доброты человека, его естественной свободы, народного суверенитета были решительно чужды масонам, полагавшим человека злым, антиобщественным и рассматривавшим всеобщее благо не как исходную, а как конечную

¹²⁵ РО Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд «Вязёмы», картон № 93, ед. хр. 42, лл. 35 об.—37. — В следующем письме — отзыв о «произведении еще более удивительном — „Руссо перед судом Жан-Жака“» (там же, л. 38). Все письма написаны по-французски.

¹²⁶ Сб. Русского исторического общества, т. 10, СПб., 1872, стр. 82.

¹²⁷ Там же, т. 13, стр. 37.

точку развития. Человек рождается испорченным, его естественные устремления злы и неразумны, но длительное воспитание, самопознание и работа над собой могут преобразить его и в конечном итоге — человечество. Массонская педагогика поэтизировала подчинение, подавление воли как антиобщественного начала и была противоположна педагогическим идеям Руссо.

Поэтому естественным представляется, что масонские издания в основном отрицательно относятся к Руссо. Так, «Утренний свет», касаясь вопроса о дозволенности самоубийства — очень острой проблемы в кругу гражданственных идей XVIII века, упоминал «вредные сочинения Сенеки, Руссо, Гельвеция».¹²⁸

Не забывая Руссо, Новиков в предисловии к «Московскому ежемесячному изданию» явно намекает на него, говоря с осуждением о людях, «от природы великими способностями одаренных», но «по егоизму своему и из-за ложной философии» стремящихся «быть отменными от других людей»¹²⁹ (намек на вступление к «Исповеди»). Прямо полемично против Руссо «Рассуждение Михаила Гисмана о естественных законах».¹³⁰

Однако осуждение русскими масонами в 1780-е годы идей Руссо было отнюдь не прямолинейным: цитаты из «Савоярдского викария» просачивались в масонские сочинения. Острые антипросветительской критики масонов было направлено против Гельвеция, а не Руссо. Последнее обстоятельство связано не только с тем, что на фоне материализма Гельвеция религиозные доктрины Руссо представлялись как более «мирные». Обращает на себя внимание заинтересованность Новикова в переиздании гораздо более широкого круга трудов Руссо, чем те, которые можно было бы связать с религиозными исканиями русских мыслителей. Новиков переиздал «вторым тиснением» все русские переводы основных сочинений Руссо — «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (перевод П. Потемкина, 1782); «Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 г., на вопрос, предложенной сею Академиею, что восстановление наук и художества способствовало ли к исправлению нравов» (перевод П. Потемкина, 1787).

¹²⁸ «Утренний свет», 1778, июль, стр. 163. — Отношение Руссо к проблеме самоубийства привлекало внимание русских читателей. В 1780 году «Академические известия» опубликовали «Письмо Ж.-Ж. Руссо о самопроизвольной смерти (Из «Новой Элоизы»)» (ч. IV, стр. 249—267). Кн. Дашкова зафиксировала в «Записках» свой разговор на эту тему с Екатериной II: «Императрица спросила меня, что это за софизм Руссо (о дозволенности самоубийства, — Ю. Л.), о котором я сейчас упомянула, и в каком из его произведений я его прочла. В „Новой Элоизе“, мадам, он говорит: (далее идет известная цитата из Руссо, — Ю. Л.) ... „Это очень опасный автор“, — заметила ее величество. — „Его стиль способен увлечь и воспламенить молодые головы“» (Архив кн. Воронцова, кн. 21, М., 1881, стр. 296. Оригинал — по-французски).

¹²⁹ «Московское ежемесячное издание», 1781, ч. I, стр. V—VI.

¹³⁰ «Утренний свет», 1780, июль, стр. 175—196.

Кроме того, были изданы новые переводы: «Рассуждение г. Ж.-Ж. Руссо на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям, и которые суть те герои, кто иной добродетели не имели» (перевел П. Потемкин, 1770); «Эмиль и София, или хорошо воспитанные любовники, из соч. г. Руссо» (перевел П. И. Страхов, 1779); «О блаженстве, из творений Ж.-Ж. Руссо» (перевел И. Лопухин, 1781); переделку пьесы Руссо представляет собой «драмма с музыкой» В. Майкова «Пигмалион» (1779). Об интересе к творчеству Руссо свидетельствуют и публикации подражаний ему вроде: «Генриетта де Вольмар, или Мать, ревнующая к своей дочери, истинная повесть, служащая последованием к Новой Элоизе г. Ж.-Ж. Руссо, пер. с французского в Бежецком уезде» (1780).

Среди причин интереса Новикова и масонов в 1780-е годы к творчеству Руссо следует отметить следующее: Руссо не был в отличие от Мабли противником частной собственности. Однако стремление к ее ограничению, ненависть к богатству и проповедь равенства на основе античной добродетели придавали его сочинениям характер утопий.

Между тем интерес масонов к утопическим учениям бесспорен. Не случайно «Утренний свет» опубликовал перевод знаменитых писем XI—XIV из «Персидских писем» Монтескье и крайне интересную статью «О эссеанах».

В письмах Монтескье — картина общества «троглодитов»: сначала гибель их под действием эгоистических страстей, а затем утопически блаженное общество. Новикова, видимо, привлекло к этому отрывку то, что моральное возрождение *предшествует* здесь справедливой организации общества. Тезис Монтескье о «природной злобе»¹³¹ естественных людей звучал для русского читателя как антируссоистский. Однако вся концепция *в целом* воспринималась в отношении к идеям Руссо. Особенно существенной была мысль о том, что, став добродетельными, троглодиты не нуждаются уже в управлении, в государстве. Жизнь, основанная на любви и семейности, и жизнь, основанная на власти и принуждении, — антиподы. Первая подразумевает душевную чистоту, неразделенность собственности и отсутствие имущественных контрастов, любовь и доверие; вторая — страсти, богатство и нищету, ненависть и насилие.¹³²

Не менее интересна в этом отношении статья «О эссеанах». Это коммуна добродетельных, религиозных и героических граждан: «Они презирали богатства, между ними процветала достойная

¹³¹ «Утренний свет», 1778, ноябрь, стр. 209.

¹³² Утопия о жизни троглодитов Монтескье повлияла на Шиллера и через него — вновь на русскую литературу. В связи с этим сюжетом устанавливается прямая связь традиции утопической мысли: Новиков и масоны — поздний Жуковский («Элевзинский праздник») — Достоевский («Братья Карамазовы»).

удивления неразделенность в имениях и во всех выгодах: ибо закон имели, чтобы вступающие в сие общество отдавали все свои богатства в общую казну ... ничего взаимно между собою не покупали и не продавали».¹³³

Не случайно, видимо, среди переводов из Руссо, изданных Новиковым, — «Рассуждение о неравенстве» и «Рассуждение о добродетелях, самонужнейших героям».

Однако любопытно указать еще на одну деталь: среди обширных мероприятий Новикова особое место занимает его помощь голодающим крестьянам — попытка практически осуществить утопию союза сословий, уничтожения социальных контрастов на основе добродетели и взаимного доверия (Новиков не брал расписок за ссуды). Истоки этой идеи изучены недостаточно. Г. П. Макогоненко указывает, что «идея» эта «созрела в самом народе»,¹³⁴ и видит в ней реализацию наказов депутатам в Комиссии 1767 года. Однако поскольку тексты наказов, которые исследователь имеет в виду, не приведены, степень убедительности этого тезиса значительно понижается. Мне приходилось уже указывать на связь плана Новикова с утопической программой, изложенной в «Хризомандре».¹³⁵ Однако вопрос этим не исчерпывается. Идея «общественных магазинов» имела в XVIII веке свою небезынтесную историю.

В статье «Политическая экономия», предназначенной Руссо для «Энциклопедии», в отличие от пропагандируемых физиократами общественных мастерских, он предложил идею общественных хлебных магазинов, считая, что земледелец важнее в общественном смысле ремесленника и более заслуживает покровительства власти. Руссо писал: «Предположим, что для того, чтобы избежать в неурожайные годы голода, решат организовать общественные магазины» и далее излагал план подобной организации.¹³⁶ Сочинение это, как мы уже отметили, дважды в XVIII веке было опубликовано в русских переводах и, конечно, находилось в поле зрения Новикова, а также и А. М. Кутузова, И. П. Тургенева и А. А. Петрова, внесших эту идею в «Хризомандр». Идея Руссо вызвала живые отклики в русском обществе. В 1766 году гр. Роман Воронцов опубликовал в «Трудах вольного экономического общества» статью «О заведении запасного хлеба», где сообщал: «В каждой из своих деревень велел я построить столько житниц, сколько требует число душ того села».¹³⁷ Вольное экономическое

¹³³ «Утренний свет», 1780, апрель, стр. 300—301.

¹³⁴ Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 412.

¹³⁵ Тр. по русск. и славянск. филол., т. VI, «Уч. зап. ТГУ», вып. 139, Тарту, 1963, стр. 290.

¹³⁶ J.-J. Rousseau, Oeuvres complètes, t. XII, 1824, p. 49.

¹³⁷ «Тр. вольного экономического общества», 1766, ч. II, СПб., стр. 8.

общество утвердило за заведение запасных хлебных магазинов с 1767 по 1776 годы специальную золотую медаль.¹³⁸

Однако в самом истолковании идеи хлебных магазинов была любопытная специфика. Воронцов усматривал в ней проявление заботы помещика о беспечных и не способных к самостоятельному ведению хозяйства крестьянах: «Что касается до самой черни, то она сама собою и по своей воле, как уже довольно известно, о своем собственном добре и предохранении себя от бедственного голода не радует».¹³⁹ Руссо видел в магазинах средство покровительства суверена — общей воли — гражданину как своей собственной части. Неслучайно он считал возможным реализацию этой идеи лишь в подлинной республике, приводя в пример идеализируемую им в эти годы Женеву. Во всяком другом государстве, по его мнению, осуществление подобного замысла привело бы лишь к новым злоупотреблениям. Новиков увидел в «хлебных магазинах» средство внегосударственной деятельности, сближения общества добродетельных мудрецов, не являющихся властью, и народа.

Новикова и масонов в 1780-е годы интересовали социально-нравственные аспекты учения Руссо,¹⁴⁰ политическая проблематика «Общественного договора» проходила мимо них. Прямой противоположностью в этом отношении была позиция Фонвизина.

* * *

Истоки идейной позиции Фонвизина органически связаны с той восходящей к Сумарокову традицией, которая исключала сочувствие коренным принципам философии Руссо. Влияние идей французского материализма (Гельвеция, книгу которого «Об уме» Фонвизин с большим уважением цитирует в 1783 году, Дидро, популярного в кружке Лукина—Ельчанинова) преломлялось в сознании передовых русских дворян XVIII века очень своеобразно: философское вольнодумство, скептицизм, порою материализм воспринимались как проявление умственного аристократизма и ни в коей мере не приводили к демократизации общественных идеалов. Свобода понималась как требование политической независимости для просвещенного круга дворян. Пропаганда идей

---

¹³⁸ Там же, стр. 10. См. также: Б. Е. Энгельман. О хлебных запасных магазинах. «Тр. вольного экономического общества», 1794, ч. XIX (XLIX). — После 1812 г. хлебные магазины в духе Новиковских завел в своих поместьях М. А. Дмитриев-Мамонов (см.: Ю. Лотман. М. А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель. Тр. по русск. и славянск. филол., т. II, «Уч. зап. ТГУ», вып. 78, Тарту, 1959).

¹³⁹ Труды вольного экономического общества, 1766, ч. II, стр. 3.

¹⁴⁰ Мы не касаемся более специальной проблемы воздействия Руссо на педагогические взгляды Новикова. Думается, что вопреки высказывавшимся в науке мнениям, влияние это не было значительным.

законности в духе Монтескье была направлена против самодержавия, но ни в малой степени не приближалась к идеям народовластия и требованиям не только социального равенства, но и уничтожения юридической сословности в общественной структуре.

Прежде всего неприемлемой оказалась для Фонвизина руссоистическая мысль о гибельности цивилизации. В «Послании к Ямшикову», видимо, хронологически близком к скептическому «Посланию к слугам моим» (о котором Фонвизин сам писал: «от сего сочинения у многих прослыл я безбожником»),¹⁴¹ руссоизм рассматривается как разновидность невежества (совершенно в духе Сумарокова):

... Без грамоты пинт, без мыслей философ,
Он, не читав Руссо, с ним также согласился,
Что чрез науки свет лишь только развратился.¹⁴²

Сочетание религиозного скепсиса, веры в просвещение и законы, само представление о свободе как политической независимости делали Фонвизина — поклонника Вольтера и Монтескье — глубоко чуждым самым основам концепции Руссо. Однако приступая в конце 1770-х — начале 1780-х годов к построению системы «непременных законов в России», Фонвизин не мог не определить своего отношения к «Общественному договору», равно как и к «Духу законов» Монтескье и «Наказу» Екатерины II — трем основным социально-юридическим концепциям эпохи.

Не углубляясь в вопрос отношения «Рассуждения о непременных государственных законах» к построениям Монтескье и Екатерины II, отметим лишь полемическую противопоставленность всего текста «Наказу». Фонвизин опровергает самую идею безграничности самодержавной власти и, противопоставляя Екатерине свое понимание Монтескье, доказывает, что самовластие несовместимо с общественным благом. Вместо абсолютизма выдвигается принцип законности — неизменных конституционных установлений, ограничивающих произвол монарха. Идея эта глубоко отлична от самых основ «Общественного договора». Однако отвергая принципы народовластия, считая, что высшей организующей силой в обществе является не народ, а закон — воплощение разума, — Фонвизин не прошел мимо идей «Общественного договора». Правда, использовал он их своеобразно.

Дворянская общественная мысль XVIII века давно уже вынашивала концепции устранения тирана. Причем в разных общественных условиях идея эта получала то прогрессивный, либеральный, то консервативный или прямо реакционный смысл. Еще царевич Алексей делал выписки из Барония о случаях справедливого

---

¹⁴¹ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, М.—Л., 1959, т. II, стр. 95.

¹⁴² Там же, стр. 213—214.

устранения и убийства царей.¹⁴³ В дальнейшем идеологи дворянства в XVIII веке неоднократно обращались к этой идее. Большое место она занимала в политических представлениях Сумарокова. Это была та концепция, которую, по записи Пушкина, наиболее отчетливо выразила мадам де Сталь: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation» («Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой»).¹⁴⁴ В «Рассуждении» Фонвизин для обоснования права дворянина-патриота сопротивляться деспотизму всеми средствами, вплоть до свержения тирана, прибегает к аргументации, заимствованной из «Общественного договора» Руссо. Он говорит о добровольно-договорном происхождении власти и о том, что нарушение договора главой государства освобождает «нацию» от всяких обязательств. «В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены (т. е. силой, — Ю. Л.), весьма умно делает, если разрывает». «Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные; ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какую властью она его облакает». ¹⁴⁵ Произведем некоторые текстуальные сопоставления.

Рассуждение о непременных государственных законах

Право деспота есть право сильного: но и разбойник тоже право себе присвоит. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдуманно в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает ... Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому, что я не в силах кому-нибудь сопротивляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? ... Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действия.¹⁴⁶

О б о щ е с т в е н н о м д о г о в о р е

...право сильного. Право, которое, как кажется, может существовать лишь в насмешку, но в действительности возведенное в закон. Неужели нам

¹⁴³ А. В. Петров. Царевич Алексей в его записках из Барония. Историко-литературный сборник, посв. В. И. Срезневскому, Л., 1924, стр. 406—409.

¹⁴⁴ Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 17.

¹⁴⁵ Д. И. Фонвизин. Собр. соч. в двух томах, т. II, стр. 259. — На зависимость этих идей Фонвизина от Руссо впервые указала Ф. Элиашберг в неопубликованной работе «Фонвизин и французское Просвещение XVIII века».

¹⁴⁶ Там же, стр. 262—263.

никогда не объяснят значения этого слова? Сила есть мощь физическая, я не понимаю, какие нравственные последствия могут проистечь от ее применения ... Предположим на мгновение, что это мнимое право существует. Я утверждаю, что из такого предположения может проистечь лишь совершенная путаница... Сила не создает права, повиноваться следует лишь справедливым властям.¹⁴⁷

Логика доказательства, заимствованная у Руссо, создает совершенно иную систему, поскольку носитель суверенитета — народ — заменен «нацией», что в системе Фонвизина означает дворянство — «почтеннейшее из всех состояний», которое должно «корпусом своим представлять нацию».¹⁴⁸ Фонвизин заимствует у Руссо представление о том, что человек, заключая общественный договор, перестает быть единицей и становится частью государства, которое определяется как «политическое тело»¹⁴⁹ (в полном соответствии с терминологией Руссо: «le nom... de république ou de corps politique»)¹⁵⁰ Сейчас этот тезис обращен против самовласти государей, которые должны компенсировать подданным утрату «естественной вольности» обеспечением «вольности гражданской» (одновременно на государя возлагается обязанность не допустить народное восстание — произвольное возвращение «граждан» в состояние дикой вольности).¹⁵¹ Однако в годы французской революции акцент будет перенесен на неизбежность диктатуры общего над частным — государства над народом. В «Выборе гувернера» на вопрос Сеума, «против какого политического правила грешат французы, заводя равенство состояний», Нельстецов отвечает своеобразным переложением учения Руссо о различии между естественной и гражданской свободой: «Необходимо надобно, чтоб одна часть подданных для блага целого государства («Целое государство» — перевод термина Руссо «Corps de l'Etat, — Ю. Л.») чем-нибудь жертвовала, следственно, равенство состояний и быть не может».¹⁵² Мы будем еще сталкиваться с тем, как одни и те же положения Руссо будут в 1790-е годы цитироваться во Франции сторонниками якобинской диктатуры, а в России — диктатуры дворянской государственности.

Фонвизинский тип истолкования идей Руссо: отрицание основных тезисов первых двух трактатов (оно было связано с пред-

¹⁴⁷ J.-J. Rousseau, *Oeuvres complètes*, t. VI, 1824, pp. 9—10.

¹⁴⁸ Д. И. Фонвизин, *Собр. соч.* в двух томах, т. II, стр. 265.

¹⁴⁹ Там же, стр. 260.

¹⁵⁰ J.-J. Rousseau, *Oeuvres complètes*, t. VI, p. 22.

¹⁵¹ Слова о «мужике», «одним человеческим видом от скота отличающимся», который может привести государство «в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели», очевидно, имеют в виду Пугачева. Практически политическая программа Фонвизина в «Рассуждении», видимо, сводилась к установлению твердой системы законов, расширению политических прав дворянства и каким-то мерам по приближению освобождения крестьян — ср. осуждение того, что «люди составляют собственность людей» (*Собр. соч.* в двух томах, т. II, стр. 265).

¹⁵² Д. И. Фонвизин, *Собр. соч.* в двух томах, т. I, стр. 199—200.

ставлением о «естественном» человеке как «злом») и стремление повернуть «Общественный договор» против деспотизма правительства и народной революции — был очень распространен в русской либеральной публицистике 1780-х годов. Так, например, в «Беседующем гражданине» (1789), в «Рассуждении об отношении человека к высочайшему существу, к другим людям и собственно к себе», утверждалось, что «никто кроме его (бога, — Ю. Л.) не имеет всех свойств, дающих право властвовать над другими»,¹⁵³ и в следующем виде излагалась теория договорного происхождения общества: «Власть состоит в праве повелевать. Сие право предполагает некоторые отношения между дающим повеления и теми, которые обязаны их исполнять. Хотя превосходство и необходимость были причиною введения оного, но невозможно положить точно, как и в которое время оное принято. Одни оное приписывают насилию и населяют землю одними только рабами и тиранами. Другие утверждают, что бог непосредственно пренес оное на некоторых людей, которым повелел управлять во имя свое,¹⁵⁴ и именуют сие право божием. Последние, наконец, поставляют началом оному торжественное соглашение, по которому избранные в начальствующих обещаются с благостию и мудростию, а подчиненные быть верными и покорными. Таковое соглашение, которого следы не повсюду усматриваются, сообразно чистейшему просвещению рассудка. Оно есть сильное предохранение противу безначалия (анархия), и жертвующие частию своею естественныя свободы, довольно вознаграждаются за то безопасностию и покровительством».¹⁵⁵

В этой цитате характерно осторожное, но недвусмысленное осуждение как идеи божественного происхождения власти, так и демократического истолкования общественного договора. Он воспринимается в фонвизинском духе — как гарантия против деспотизма и анархии. Очень любопытно осторожное замечание, что это, «сообразное чистейшему просвещению рассудка» политическое устройство «не повсюду усматривается».

В октябре в том же журнале была опубликована статья «Начертание воспитанию благоурожденного юноши», находящаяся в кругу тех же представлений. Считая, что «всегда должно предпочитать общую пользу частной», автор излагает свое понимание концепции Руссо. Первоначально власть принадлежала народу, но он, образовав государство, заключил договор с властью и не имеет права односторонне его расторгать: «Справедливо, что всякая власть первоначально состояла у народа, но по сему самому он не имеет права возвратить себе оную, хотя и почитает

¹⁵³ «Беседующий гражданин», 1789, март, стр. 207.

¹⁵⁴ Ср. в «Общественном договоре»: «Всякая власть — от бога; согласен. Но и всякая болезнь тоже от бога. Значит ли это, что нельзя позвать врача».

¹⁵⁵ «Беседующий гражданин», 1789, март, стр. 205.

себя оскорбленным законодательною властью». Однако это обязательство обоюдно — «с другой стороны, и государи и самодержцы могут преступить границы своей власти, разрушить цель всего правительства и разорить народ своим тиранством и угнетением. Вместо того, чтоб представлять образ высочайшего существа, соделываются иногда наперсниками сатаны. Утверждать, что не можно положить пределов таковому своевольству, значит осудить весь человеческий род на подлейшее рабство и лишить совершенно истинной свободы, благороднейшего преимущества разумной природы». Автор делает из этого выводы совершенно в духе Фонвизина: «Научить в таком случае подлым правилам низкого и беспредельного порабощения есть неслучайно для государя и человечества ... сопротивление и возмущение должно быть неизбежным следствием тиранства и угнетения». ¹⁵⁶ Отказ от идеи «общей воли», составляющей основу «Общественного договора» Руссо, поставил Фонвизина перед необходимостью гарантий выполнения властью ее обязательств. Уже в произведениях 1780-х годов он склонен был считать, что политические законы недостаточны для обеспечения блага людей — их следует дополнять моральным воспитанием царя и подданных. Это приведет — уже в годы Французской революции — к утверждению: «Нигде и никогда не бывали и быть не могут такие законы, кои бы каждого частного человека счастливым делали». ¹⁵⁷

Представление о недостаточности политических преобразований и о необходимости преобразований психологических приобрело в сознании Фонвизина под влиянием болезни черты религиозной экзальтации. Однако само по себе оно представляло (наряду с противоположным направлением — осознанием недостаточности нравственного совершенствования отдельного человека и ростом интереса к социально-политическим преобразованиям) закономерное течение в русской общественной мысли XVIII века, в частности, намечая точки сближения отделившихся в 1770-е годы путей Фонвизина и Новикова. С этим же связано изменение отношения Фонвизина к наследию Руссо — на первое место выдвинулась, заслонив «Общественный договор», «Исповедь».

Показательно изменение отношения Фонвизина к Руссо в письмах из Франции в 1778 году. Вначале он еще не выделяет его из круга энциклопедистов, распространяя и на него свое ироническое отношение к деятельности философов Просвещения. Он пишет сестре 11/12 марта 1778 года: «Руссо твой в Париже живет, как медведь в берлоге ... Мне обещали показать этого уroda. Вольтер также здесь; этого чудотворца на той неделе увижу». ¹⁵⁸ В нравственном разложении предреволюционной коро-

¹⁵⁶ Там же, октябрь, стр. 116—117.

¹⁵⁷ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, т. I, стр. 199.

¹⁵⁸ Там же, т. II, стр. 438.

левской Франции Фонвизин увидел влияние материалистической философии, а в самих философах его в первую очередь заинтересовал их человеческий и нравственный облик. «Все они, исключая весьма малое число, не только не заслуживают почтения, но достойны презрения. Высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер». «Мало в них человеческого... Не могу вам довольно изъяснить, какими скаредами нашел я в натуре тех людей, коих сочинения вселили в меня душевное к ним почтение».¹⁵⁹ И именно это — нравственная высота, совпадение жизни и проповеди — заставляет Фонвизина выделить Руссо и переменить свое к нему отношение. В письме, написанном в августе 1778 года, сообщая сестре слух о самоубийстве Руссо, он пишет: «Итак, судьба не велела мне видеть славного Руссо! Твоя, однако ж, правда, что чуть ли он не всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века. По крайней мере, бескорыстие его было строжайшее».¹⁶⁰ Особенно же потряс Фонвизина замысел «Исповеди» и то бесстрашие, с которым Руссо — автор «Исповеди» — обнажал «без малейшего притворства всю свою душу, как мерзка она была в некоторые моменты, как сии моменты завлекали его в сильнейшие злодеяния, как возвращался к добродетели».¹⁶¹ Жанр этого произведения Фонвизин определил так: «Книга, которую он сочинил, есть не иное что, как исповедь всех его дел и помышлений».¹⁶² Показательно, что начатое им в конце жизни автобиографическое произведение Фонвизин назвал «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». И если в 1778 году в письмах к сестре Фонвизин не без иронии писал «твой Руссо», то в 1784 году в письме к родным фигурирует уже «наш любимый Руссо».¹⁶³

Отношение «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях» к «Исповеди» Руссо — одна из интереснейших проблем русского руссоизма XVIII века.¹⁶⁴

Фонвизин начинает свое «Признание» с оценки «Исповеди» Руссо и с цитаты того места из ее предисловия, которое содержит основную идею всего произведения: «Я хочу, — говорит Руссо, — показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя».¹⁶⁵ Если сравнить фонвизинский перевод с буквалистически точным современным: «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, — и этим человеком буду

¹⁵⁹ Там же, стр. 443 и 443—444.

¹⁶⁰ Там же, стр. 452.

¹⁶¹ Там же, стр. 479.

¹⁶² Там же, стр. 81.

¹⁶³ Там же, стр. 535.

¹⁶⁴ Ряд примечательных соображений по этому поводу см.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин, творческий путь. М.—Л., 1961, стр. 364—366.

¹⁶⁵ Д. И. Фонвизин, Собр. соч. в двух томах, т. II, стр. 81.

я»,¹⁶⁶ — то нельзя не заметить, что Фонвизин резко подчеркнул центральную мысль Руссо.

У Фонвизина — показать людям человека (в данном случае — понятие родовое, т. е. любого, всякого человека, человека вообще) — через одного человека. А из всех людей я для себя наиболее единичен. Следовательно — замысел: всеобщее в единичном, все в одном, потому что в основном все и один одинаковы. И рассказав себе о своем «я» — о том из всех, кого я знаю лучше всех — я расскажу тебе о твоём «ты».

В современном переводе — показать людям («собратьям») одного человека — т. е. меня. У Фонвизина главная антитеза «человек — я». Причем «человек» — синоним «люди» (в такой мере, что «собратья», «подобные мне» — «à mes semblables», Руссо, у Фонвизина вообще опущены). В современном переводе люди («собратья») — антоним одного человека, а один человек и я — синонимы. Текст Руссо: «Je veux montrer à mes semblables un homme dans toute la vérité de la nature; et cet homme, ce sera moi». Он допускает обе интерпретации (в зависимости от того, переводить ли «un homme» как «один человек» или «человек»). Фонвизин подчеркнул одну сторону концепции Руссо — «Я есть другой» (по терминологии Леви-Стросса) и затушевал другую (позже она окажется в центре внимания Карамзина), выраженную словами: «Осмелюсь думать, что я не похож ни на кого на свете». Современный перевод подчеркнул эту сторону, но, прочтя Руссо глазами романтизма, утерял важнейшую мысль: «Я, будучи особым человеком, вместе с тем Человек, представитель Рода Человеческого».¹⁶⁷

Замысел Фонвизина соотнесен с идеей Руссо представлением о том, что достоинство литературного произведения определяется искренностью писателя и методом познания человека средствами интроспекции своего «я». Однако в остальном его замысел противоположен Руссо. Руссо считает человеческую природу источником достоинств. Человеческие недостатки лучше, чем нечеловеческие добродетели. Зло имеет источником социальную структуру — прежде всего систему запретов на то, что Природа разрешает, а сердце предписывает. Возвращение к правде есть именно

¹⁶⁶ Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч., т. III, М., 1961, стр. 9.

¹⁶⁷ Из анализа фонвизинского перевода вытекает сомнительность утверждения Г. П. Макогоненко, что автор «Недоросля» воспринимал «Исповедь» как произведение индивидуалистическое и противопоставлял ей свое «Признание» как исповедь политического борца. Для убедительности этого утверждения Г. П. Макогоненко приходится предположить существование окончания рукописи Фонвизина, которая, по его мнению, отражала борьбу автора с Екатериной и была уничтожена наследниками из цензурных соображений. Противопоставление реального текста Руссо гипотетическому тексту, сам факт существования которого сомнителен, слишком зыбкая почва для антитезы (сказанное не отменяет интереса соображений Г. П. Макогоненко там, где он сопоставляет реальный текст Фонвизина с «Исповедью»).

возвращение, освобождение от условных запретов. Для Руссо, в частности, очень важно освобождение от запретов на искренность. Не случаен эпиграф «Intus et in cute», равнозначный русскому «как облупленный» («в коже и ободранный») — Руссо не считает себя в праве скрывать ничего. Именно потому, что есть вещи, о которых не принято писать, о них следует писать.

Концепция Фонвизина другая: человек рождается с зернами всех пороков и с детства имеет склонность ко злу. Жизнь в современном обществе не есть вхождение в социальную структуру — общество столь эгоистично и раздробленно, что в нравственном смысле структуры не представляет. Структурой является морально-религиозное единство, не присущее человеку по природе («естественная религия» Руссо дана природой), но дающееся в результате моральных усилий. Поэтому путь к истине — не освобождение от запретов, а овладение системой нравственных запретов. Поэтому цель у Фонвизина иная, чем у Руссо, — не рассказать *все о себе*, а рассказать *все о своих грехах*. Эпиграфу Руссо полемически противопоставлено у Фонвизина: «Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых». С этим же связаны осуждение Руссо за его рассказы о чужих проступках и установка сграницить искренность лишь собою.

В настоящей работе не место анализировать структуру произведения Фонвизина, однако нельзя не отметить его смелую попытку в полемике с Руссо синтезировать сатирическую прозу XVIII века с житийной традицией.

* * *

Радищев познакомился с произведениями Руссо¹⁶⁸ еще в юношеском возрасте, причем знакомство с сочинениями «жюневского гражданина» было лишь частью его широкого ознакомления с литературой французского Просвещения. То, что уже тогда в сознании Радищева вперед выдвинулись Руссо, Гельвеций и Мабли, чрезвычайно характерно для его позиции. Само сочетание этих имен свидетельствует, что уже в эти годы речь шла не о пассивном усвоении, а о своеобразном истолковании, внимании активном, избирательном, органически связанном с формированием собственной системы воззрений.

Радищев прошел еще в молодости школу гельвецианского материализма и до конца дней своих считал, «по системе Гельвециевой», что «разум идет чувствованиям в след, или нечто иное

---

¹⁶⁸ О влиянии Руссо на Радищева см.: A. MacConnel, Rousseau and Radiscev, «The Slavic and East European Journal», 1964, v. III, № 3, pp. 253—272. T. Witkowski, Radišev und Rousseau. «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts», Berlin, 1965.

есть, как они».¹⁶⁹ Материалистическое понимание природы человека наложило отпечаток на этику Радищева, определив ряд расхождений его с Руссо. Разница между утверждением Руссо о врожденно доброй природе человека и разделяемым Радищевым тезисом о том, что он по рождению ни добр, ни зол, не была существенной для их общественно-политических воззрений. Оба мыслителя были убеждены в том, что источником зла является не «естество», а несправедливое общественное устройство, оба верили в высокое предназначение природы человека. Антропологическая природа человека, по мнению Радищева, прекрасна. Зло рождается в обществе. Согласно радищевскому представлению о человеке, о его исконной антропологической основе, — это «существо, всесилию и всеведению сопричастное»,¹⁷⁰ наделенное внешним «благолепием», стремящееся и к личному, и к общему благу. Основанному на представлениях сенсуалистического материализма идеалу человеческой личности соответствовал и определенный общественный идеал. Человек рожден для счастья: «Держай желати своего блаженства и блажен будешь».¹⁷¹

Но уже здесь начинаются расхождения между поклонником гельвецианского материализма Радищевым и Руссо: Радищев верит в спасительную силу человеческого эгоизма. Человеческое общество возникает не вопреки индивидуальному эгоизму, а благодаря ему. Человек-эгоист социален, а не антиобществен по своей природе. Стремление человека к личному счастью не противостоит стремлению к нему других людей, ибо все они, живя в одинаковых условиях, подвергаясь одинаковому воздействию среды, имеют сходные представления, сходные потребности и интересы. В свободном от угнетения обществе эгоистическое стремление человека к личному счастью вместе с тем есть и гражданственное стремление к общему благу. «Доколе единомыслие в обществе царствовало, закон не что иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, не что иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание; *ибо каждый в особенности своей не инаго чего желал, как чего желали все...*».¹⁷² Из этого проистекало убеждение в том, что личная польза человека совпадает с нравственными критериями, и стремление связать материальный интерес с общественной моралью. «Всякое действие его (человека, — Ю. Л.) во благе и во зле есть мздоимно», так как «причина к общежитию есть единственна, а именно собственная каждого польза».¹⁷³ Другим следствием изложенной системы являлось убеждение в том, что, заключая об-

¹⁶⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 346.

¹⁷⁰ Там же, т. II, стр. 51.

¹⁷¹ Там же, том III, стр. 29.

¹⁷² Там же, стр. 29 — ср.: «Свою творю, творя всех волю» (курсив мой, — Ю. Л.).

¹⁷³ Там же, стр. 30.

ественный договор, человек сохраняет всю свободу естественного состояния, поскольку его свобода, по Радищеву, не имеет (в отличие от того, как на это смотрел Руссо) антиобщественного характера. «Закон положительный,— писал Радищев в «Опыте о законодательстве», — не истребляет, не долженствует истреблять и немогущен всегда истребить закона естественного».¹⁷⁴

«Гражданин,— писал Радищев в «Путешествии», — становясь гражданином, не перестает быть человеком».¹⁷⁵

Из подобного понимания характера общества закономерно вытекало и представление о «естественном» государственном порядке. Цель государства — счастье граждан: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан».¹⁷⁶ Радищевское понимание природы человека заставляет его верить в народную массу, поэтому идея прямого и непосредственного народовластия находит в нем естественного и страстного защитника: «Собрание граждан именуется народом; соборная народа власть есть власть первоначальная, а потому власть высшая»; исполнительная власть, которую «вверяет народ единому, или многим», находится под прямым и непосредственным контролем народа.¹⁷⁷

В демократической программе Руссо Радищева привлекали бесспорное отрицание всего феодального порядка и идея прямого народовластия, мысль о народе «в соборном его лице» как источнике и носителе суверенитета. Эти представления навсегда вошли в политическое сознание Радищева. Однако различия в понимании природы человека породили и различие в толковании природы общественного договора. Некоторые из этих различий дают основание говорить о большей по сравнению с Руссо революционности мышления и выводов Радищева. Размышляя о механизме политического управления, гарантирующем полноту народного суверенитета, Радищев сначала, подобно Руссо, видел условие его деятельности в малых размерах территории государства. Еще в примечаниях к переводу Мабли он недвусмысленно выразил свое отрицательное отношение к защищаемой Мабли идее народного представительства, отдавая явное предпочтение прямому народовластью, сторонником которого, как известно, был и Руссо. Именно поэтому он в начале 1780-х годов предсказал будущей освобожденной России федеративное устройство (опять-таки высоко ценимое Руссо). Россия рисовалась ему в оде «Вольность» как свободный союз небольших по территории общин, способных осуществлять непосредственное участие всех граждан в управлении.

---

¹⁷⁴ Там же, стр. 10.

¹⁷⁵ Там же, стр. 47.

¹⁷⁶ Там же, стр. 5.

¹⁷⁷ Там же, стр. 10.

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глады, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормилад
Украсят дружба венцем,
На пользу всех ладью направят...¹⁷⁸

Однако в дальнейшем Радищев к этой идее не возвращался и даже резко осудил Руссо в одном из своих черновых набросков за мысль о том, что обширным государствам по природе их свойственна монархия. Здесь он писал, что Руссо «с умствованием много вреда» сделал тем, что, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие».¹⁷⁹ Отказавшись от идеи федерации, Радищев разработал оригинальную теорию защиты народного суверенитета. Он его видит не в существовании парламента (отчуждении суверенитета) и не в возможности всего народа собираться на площади, а в постоянной готовности народа к вооруженному выступлению. Революция превращается в постоянно действующий политический институт. Именно в ходе ее народ осуществляет свой суверенитет. Он отвергает действия той власти, которая не соответствует его интересам, и учреждает новую, сохраняя за собой право сбросить и ее в случае необходимости. Прообразом такой системы Радищев считал древнерусское вече, якобы свободно приглашавшее и изгонявшее князей.¹⁸⁰ Если народ постоянно готов к защите своего суверенитета, то безразлично, как организована исполнительная власть. В этом случае Радищев, как и Руссо, приходивший к аналогичным выводам относительно любой власти, действующей сообразно законам (*legitime*), был склонен и единоличное правление считать республикой. При этом Радищева интересовал вопрос о критериях, которые могут свидетельствовать о нарушении властью первоначального договора и, следовательно, быть достаточным основанием

¹⁷⁸ Там же, т. I, стр. 16.

¹⁷⁹ Там же, т. III, стр. 47. — Необходимо в то же время учитывать, что Руссо рассматривал монархию, как и любую иную форму организации исполнительной власти, как «служителя» народа, единственного и безраздельного обладателя власти законодательной. Но сохранение им самого термина «монархия», отождествлявшегося в глазах Радищева с самовластием, «насилием», не могло не вызвать его негодования.

¹⁸⁰ Ср. у Монтескье в «Духе законов», произведении, Радищеву хорошо известно: «Чтобы заставить своих правителей подчиняться законам, критяне придумали весьма своеобразное средство, а именно — восстание. Часть граждан восставала, возмущалась, обращала в бегство правителей и заставляла их вернуться к частной жизни. Это считалось законным образом действия. Кажется, что учреждение, обращавшее мятеж в средство противодействия злоупотреблениям власти, должно было бы погубить любую республику; но оно не разрушило республики Крита...» (Ш. Монтескье, Избр. произв., М., 1955, стр. 260).

для революции. Решал он его очень интересно. Люди вступают в общество для своего блага, собственная польза отдельного человека — основа общественного договора.

Критерием исполнения государем своих обязанностей является счастье отдельного гражданина. Поскольку (здесь, как было уже отмечено выше, Радищев расходится с Руссо) эгоизм отдельного человека должен совпадать в справедливо устроенном обществе с общенародными интересами и является основой морали, то государство, созданное как орудие общей пользы, не может посягать на счастье даже одного из граждан: «Отъявйй единое из сих прав (имение, честь, вольность или жизнь, — Ю. Л.) у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу».¹⁸¹ Единичный случай угнетения есть свидетельство искажения всего государственного порядка. Радищев выписал «мнение судии Гольма»: «Если человек заключается властью не законною, то сие есть достаточная причина всем для принятия его в защиту . . . Когда свобода подданного нарушается, то сие есть вызов на защиту ко всем английским подданным».¹⁸² Уничтожение несправедливой власти мыслится Радищевым как революционный акт, венцом которого является суд народа — суверенá над мятежником — царем:

Преступник власти, мною данной,
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?

Народная революция и суд над царем утверждаются как своеобразный государственный институт, проявление народного суверенитета. В примечании Радищева к переводу из Мабли читаем: «Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».¹⁸³ «Худое власти народной употребление есть преступление величайшее, но судить о нем может только народ в соборном своем лице»,¹⁸⁴ — писал Радищев в юридических набросках. Суд над царем мыслится как общенародный акт (ср.: «На вече весь народ течет»). Таким образом, система внутренних порядков и установлений демократического государства, создаваемая Радищевым, не только включала, как это было у Руссо, потенциальную возможность революционных выводов и действий народа (при этом лишь в определенных исторических условиях), но и прямо узаконивала народную революцию в качестве гаранта верховенства народа и торжества общих интересов.

Однако другая грань в отличиях позиции Радищева и Руссо раскрывает бóльшую революционность французского мыслителя.

¹⁸¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 15.

¹⁸² Там же, стр. 44.

¹⁸³ Там же, т. II, стр. 282.

¹⁸⁴ Там же, т. III, стр. 10.

Именно потому, что Радищев стоял на почве этики материалистов XVIII века и был убежден в том, что разумно понятый личный интерес полностью совпадает с общественным, он не допускал никакого насилия над личностью, в том числе и революционного. Мысль о том, что общество может диктовать индивидууму свои нормы свободы вопреки его естественным представлениям о счастье, мысль о том, что человек и гражданин имеют разное представление о свободе, была Радищеву органически чужда. Поэтому Радищев не воспринял тех элементов учения Руссо, которые подготавливали теорию революционной диктатуры. Не случайно он в дальнейшем осудил якобинскую диктатуру. В конце жизни в «Песни исторической» он пишет о Сулле:

Нет, ничто не уравнился
Ему в лютоści толикой,
Робеспьер дней наших разве.¹⁸⁵

* * *

Революционные события во Франции изменили отношение к Руссо. Органическая связь между теориями философов XVIII века и революционной практикой Парижа была очевидной и не укрылась от глаз современников. Летом 1790 года в связи с отменой привилегий дворянства во Франции «Политический журнал» опубликовал статью «Руссово полуторжество в Париже. Халдейская комедия. Уничтожение дворянства». В ней сообщениям о заседании национального собрания, отменившего дворянство, и о приветствии А. Клоотса от имени человечества (оно названо «халдейской комедией») предшествует «анекдот» из жизни Руссо. Руссо — поборник равенства. Однажды он зашел в харчевню пообедать: «Руссо садится за стол, ест с удовольствием, и только лишь принявшись за отменно хорошее кушанье, оглядывается назад и видит за столом слугу, который в самое то время хочет взять тарелку и подать чистую: „Человек ли ты?“, — спросил Руссо. — „Да, сударь, без сомнения (Oui, monsieur, sans doute! Oui)“. — „Так скинь ливрею свою и садись со мною! ... Когда ты человек, то ты то же, что и я, ты должен сесть возле меня и мы станем друг другу прислуживать!“».¹⁸⁵ Автор спешит сообщить читателю, что сам он «столь же чувствителен к угнетению народа, где оно есть, как и всякий другой ... но правление не может быть без подчиненности, следовательно, и без подчиненных классов».¹⁸⁷ Обращаясь к событиям в Париже, автор заключает: «Так Руссовы бредни о равенстве

¹⁸⁵ Там же, т. I, стр. 97.

¹⁸⁶ «Политический журнал», 1790, июль, стр. 1087.

¹⁸⁷ Там же, стр. 1089.

всех людей сбылись на самом деле».¹⁸⁸ Однако, злобно замечает он, это «только полуторжество для Руссо»: «дабы Руссо торжество сделать полным, дабы равенства всех людей утвердить на таком основании, национальному собранию надлежало бы истребить все науки и искусства, так же как и дворянство». Автор не сомневается в существовании связи между идеями Руссо и событиями во Франции: «Сколько бы Руссо возрадовался, если бы он был жив и мог радоваться! До сих пор только здесь и там воспитывали какое-нибудь дитя по Руссову образу (à la Rousseau), но поелику с такою любезною скотинкою нельзя было появиться в свете, то сия мода и перестала. А теперь управляет Руссо Франциею!».¹⁸⁹ В русских демократических кругах события во Франции не только усилили интерес к произведениям Руссо, но и способствовали прояснению смысла его идей. В 1793 году сидящий в тюрьме Валаамова монастыря за смелые проповеди в Тобольском соборе друг М. М. Сперанского и И. И. Мартынова П. А. Словоцов писал:

Я часто жалуясь, почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?
Почто он вымыслил гражданские законы
И утвердил почто правительство и троны?
Для счастья, говорят, для счастья только тех,
Которы рвут с нас дань для балов и потех.
Так меркнет гражданин, как слабый свет в тумане,
Потом теряется, как капля в океане.¹⁹⁰

Однако бесспорная резкая поляризация отношения к Руссо в России 1790-х годов не исчерпывает всей сложности картины. Революционные события повысили авторитет сочинений Руссо и у тех читателей, которые были далеки от общественного радикализма. Крах монархии во Франции воспринимался как осуществление предвидений Руссо, и если прежде у него была в определенных читательских кругах репутация красноречивого, экстравагантного «мечтателя», то теперь он начал восприниматься как пророк даже теми, кто предпочел бы, чтобы эти его пророчества не сбывались. В этом смысле интересны часто цитируемые слова Карамзина, который, ссылаясь на «Эмиля», утверждал в 1797 году, что революция еще не закончена: «Французская революция принадлежит к событиям, которые определяют судьбы людей на протяжении многих веков. Новая эпоха начинается: я вижу ее, но

¹⁸⁸ Там же, стр. 1100.

¹⁸⁹ Там же, стр. 1101.

¹⁹⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 404. — Литература о П. А. Словоцове дана в книге: Н. Степанов. П. А. Словоцов (У истоков сибирского областничества). Л., 1935, стр. 41—43. — Проповеди Словоцова в Тобольске в 1793 году (см.: Памятники новой русской истории, т. III. СПб., 1873) несут на себе бесспорный след знакомства с идеями Руссо и Радищева.

Руссо ее предвидел. Прочтите примечание в „Эмиле“, и книга выпадет у вас из рук». ¹⁹¹

Ссылка Карамзина на «Эмиля» интересна и в другом отношении. Реакционный автор заметки в «Политическом журнале» утверждал, что «Мода на воспитание à la Rousseau» «перестала». Говоря о «любезной скотинке», он просто повторяет распространенный в XVIII веке анекдотический рассказ о якобы реальном случае воспитания молодого русского дворянина по системе Руссо. ¹⁹² Анекдот этот позже откликнется в «Моей исповеди» Карамзина. Однако именно в «Эмиле» было опубликовано то пророчество Руссо, свидетелями осуществления которого были его читатели. В «Эмиле» Руссо, советуя знатным и обеспеченным родителям обучать своих детей ремеслу, предупреждал их: «Вы полагаетесь на существующий общественный порядок, не думая о том, что этот порядок подвержен неизбежным революциям и что вам невозможно ни предвидеть, ни предупредить ту, которая заденет ваших детей. Великий станет малым, богатый бедным, монарх подданным . . . „Ремесло для моего сына! Мой сын ремесленник! Сударь, думаете ли вы о том, что говорите?“ — Я думаю об этом больше, чем вы, сударыня, желаящая довести его до невозможности быть чем-нибудь, кроме лорда, маркиза, принца и, может быть, в один прекрасный день, менее чем нуля». ¹⁹³

В нашем распоряжении имеется любопытное свидетельство, позволяющее судить о том, в какой мере события во Франции заставили современников по-новому и значительно более серьезно взглянуть на педагогические рекомендации Руссо. Люди, признававшие свою принадлежность к старому миру, видели в Руссо полномочного и вместе с тем еще понятного, еще такого, с которым «можно договориться» (с Дантоном или Маратом они не могли уже иметь ничего общего), представителя той новой жизни, которая с неизбежностью станет для их детей действи-

¹⁹¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 480. — Цитата извлечена из французской статьи Карамзина, опубликованной в 1797 году в гамбургском журнале «Spectateur du Nord».

¹⁹² В воспоминаниях Дьедоне (в русских источниках — Богдана) Тьебо (D. Thiébeault, 1733—1807) — юриста и писателя, приближенного Фридриха II, близкого знакомого многих русских аристократов XVIII века, а затем чиновника Революции и Империи, — сохранился рассказ В. Д. Долгорукова: «Князь рассказывал мне довольно замечательный анекдот, стоящий того, чтобы быть сохраненным: „В одном семействе, хорошо мне знакомом, . . . было шесть сыновей. Предстояло заняться воспитанием младшего, когда появился «Эмиль» Жан-Жака Руссо. Отец порешил, что лучшего он не может сделать, как последовать указаниям женеvского философа. По окончании же воспитания отец в отчаянии написал этому прославленному писателю, что, приняв его советы о воспитании, он сделал какое-то чудовище из своего последнего сына. Руссо отвечал ему так: «Издавая свою книгу, я мог надеяться, что ее будут читать, но вовсе не воображал, что найдется такой неразумный отец, который последует моим указаниям»» («Русский Архив», 1901, кн. I, стр. 380—381).

¹⁹³ Ж.-Ж. Руссо. Эмиль. . . , стр. 182—183.

тельностью. Падение монархии во Франции в такой мере ошеломило их, что они склонны были верить Руссо, утверждавшему невозможность того, чтобы все «великие европейские монархии существовали еще долго».¹⁹⁴

В письме из Англии 2/13 сентября 1792 года русский посол гр. С. Р. Воронцов писал своему брату Александру Романовичу о плане воспитания сына — того Мишеньки, которого Карамзин в 1790 году назвал в стихах: «Любезный, милый отрок», а Пушкин — позже — «Полумилорд, полукупец»: «Франция не успокоится до тех пор, пока ее гнусные принципы не укоренятся здесь; и, несмотря на превосходную конституцию здешней страны, зараза возьмет верх. Это, как я Вам уже сказал, война не на жизнь, а на смерть между теми, которые ничего не имеют, и теми, которые обладают собственностью, и так как эти последние немногочисленны, то в конце концов они должны будут пасть. Зараза станет всеобщей. Наша отдаленность охранит нас на некоторое время; мы будем последними, но и мы станем жертвой этой всемирной чумы. Мы ее не увидим, ни Вы, ни я, но мой сын увидит ее. Поэтому я решился обучить его какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному, чтобы, когда его вассалы скажут, что они его больше не хотят знать и что они хотят разделить между собою его землю, он смог бы зарабатывать на жизнь свою трудом и иметь честь стать одним из членов будущего Пензенского или Дмитровского муниципалитета. Эти ремесла будут ему более нужны, чем греческий и латинский языки и математические науки».

Но революция в Париже влияла на русскую рецепцию Руссо не только фактом своего существования — каждый ее этап раскрывал перед русским читателем новые грани в сложном и противоречивом наследии «женевского философа». Из всех русских мыслителей и писателей конца XVIII века, пожалуй, именно Карамзин с наибольшей полнотой отразил сложное переплетение различных культурных воздействий в том свете, который бросили на них грандиозные и трагические события конца века.

* * *

В 1815 году Пушкин в юношеском стихотворении «Городок», где, по словам Б. В. Томашевского, господствует система сопоставлений Державин — Горацкий, Дмитриев и Крылов — Лафонтен (как баснописец), Богданович — Лафонтен (как автор «Любви Психеи и Купидона»), Озеров — Расин,¹⁹⁵ поставил рядом два

---

¹⁹⁴ Там же, стр. 182.

¹⁹⁵ Б. Томашевский. Пушкин. Кн. 1. 1813—1824. М.—Л., 1956, стр. 76

имени — Руссо и Карамзин.¹⁹⁶ Для того чтобы понять, почему Пушкину пришло на ум именно это сопоставление, следует подробнее остановиться на значении Руссо в творческой эволюции Карамзина.¹⁹⁷

Начало литературной деятельности Карамзина протекало под сильным влиянием масонских идей. Как мы видели, у русских масонов были определенные точки соприкосновения с Руссо. Но одновременно шло и глубокое отталкивание. Именно в русском масонстве XVIII века зародился тот вековой спор с Руссо, сущность которого сформулировал Достоевский в набросках к «Подростку», сказав о своем герое: «Он ненавидит женовские идеи (т. е. человеколюбие, т. е. добродетель без Христа) и не признает в добродетели ничего натурального».¹⁹⁸ Дилемма «человек по природе зол — человек по природе добр» ставила Карамзина перед необходимостью выбора между масонской философией и руссоиз-

¹⁹⁶ Пушкин, Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, 1937, стр. 99.

¹⁹⁷ Влияние Руссо на Карамзина отмечалось многими авторами. Однако специальных работ на эту тему мне известно лишь две: De Karamzinio Laurentii Sternii et J.-J. Rousseau nostri discipulo. Thesim facultatum litterarum parisiensi proponebat Jules Legras. Paris, 1897; A propos du bi-centenaire. Karamzin et J.-J. Rousseau par le baron de Baye et le marquis de Girardin. Paris, 1912. — Если первая из этих работ — просто поверхностная компиляция, то вторая отличается крайней невежественностью. Так, например, Карамзин назван в ней переводчиком «Генриады» Вольтера, «Путешествия Анахарсиса» Бартеlemi, «Кларисы» Ричардсона (стр. 6). Авторы признаются, что сведения о жизни и творчестве Карамзина почерпнуты из «La Grande Encyclopédie» и из услышанного во время открытия памятника Карамзину в Остафьево летом 1911 года. Об этой курьезной работе можно было бы и не упоминать, если бы в глазах французских исследователей Руссо она не оставалась, видимо, пользующейся научным кредитом. Так, Шарль Дедейан в своем курсе лекций «Руссо и литературная чувствительность в конце XVIII века», опубликованном в стеклографированной серии «Les cours de Sorbonne» (1961), включил ее в небольшое число основных монографий списка рекомендованной литературы. Впрочем, обе работы, видимо, в какой-то мере были полезными для французского читателя, так как содержат некоторое количество цитат из Карамзина.

¹⁹⁸ Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. «Литературное наследство», т. 77, М., 1965, стр. 89. Показательно, что эта характеристика — одна из первых определившихся, когда остальные черты героя еще далеки были от ясности. К этой формуле Достоевский обращался и в дальнейших рукописях: «Так как я честен и совестлив, то я (с атеизмом) хочу откровенно разрушения и злодейства, а не хочу женовских идей» (там же); «женевские идеи сгубили» (там же, стр. 92). Интересно, что один из подзаголовков романа: «Исповедь великого грешника, писанная для себя» (там же, стр. 98) связан для Достоевского не только с полемикой против Руссо, но и с определенным представлением о том, что само требование нравственного обожания — результат разложения личности [«Как Руссо находил наслаждение, загаливаясь, так и он находил сладострастное наслаждение загаливаться перед юношей, даже *развращать его* *полною своей откровенностью*» (курсив мой, — Ю. Л.)], представлением, с которым мы встречались уже у Фонвизина и которое будет очень существенно для «Моей исповеди» Карамзина. Впрочем, рассмотрение чрезвычайно сложного вопроса об отношении Достоевского к Руссо, образ которого проецируется им то на Христа, то на Герцена, — специальная тема.

мом. Перед началом путешествия за границу выбор этот, по-видимому, был сделан. Имя Руссо стало для Карамзина обозначением (в значительной мере условным) идей, уводящих от масонских руководителей к широкому потоку европейского Просветительства.

Разрыв с масонскими воззрениями на природу человека был, однако, не концом, а началом философского самоопределения Карамзина. Рассмотрение источников свидетельствует, что Карамзин, уже в период «Московского журнала» не только был знаком со всем опубликованным тогда наследием Руссо, но и хорошо знал антирусоистскую литературу в разных ее оттенках — от полемики Руссо с клерикалами до споров его с энциклопедистами. Полная осведомленность не отменяет избирательности. Если Радищев, выдвинув в своем сознании «Общественный договор» и «Эмиля», совершенно обошел вниманием «Исповедь», то для Карамзина в период «Писем русского путешественника», видимо, наиболее значительными были начальный и заключительный этапы эволюции женевого философа — влияние «Исповеди», размышления над проблемами культурного прогресса и неравенства ощутительно окрашивают многие места текста. Таким образом, представляется уместным подчеркнуть, что бесспорная для многих исследователей антитеза: «Радищев — сторонник радикальной и Карамзин — консервативно-идиллической интерпретации наследия Руссо», — нуждается в уточнениях.

Для периода «Писем русского путешественника» противопоставление это будет иметь другой вид: Радищева интересует политический человек. Поэтому его привлекают идеи общественного договора, принципы политического равенства людей, защиты человека от насилия. Проблема крепостного права и деспотизма самодержавного правителя его волнует больше, чем контраст между бедностью и богатством. В Руссо он видит борца с угнетением, поборника политического равенства и, хотя сочувственно относится к идее эгалитарной, трудовой собственности,¹⁹⁹ но антагонизм между «свободным» бедняком и богачом, опирающимся на власть денег, а не на насилие помещичьей власти, еще не представляется ему основным общественным конфликтом.

Карамзин, приняв просветительскую идею врожденной доброты человека, разошелся с масонами. Однако он сохранил масонское влечение к всемирным утопическим проектам, их стремление решать экономические вопросы с моралистических позиций, противопоставляя эгоизму денежного века суровую проповедь аскетического равенства. Ограничение богатства филантропией, бедности — общественной помощью, — такова была глубоко утопическая программа масонов, подразумевавшая, однако, необходи-

---

¹⁹⁹ См.: Ю. М. Лотман. Радищев и Мабли. В кн.: XVIII век, сб. 3, М.—Л., 1958.

мость борьбы с нищетой. Вряд ли было случайным совпадением то, что в самом начале «Писем русского путешественника» Карамзин затронул вопрос о «хлебных магазинах», который не мог не вызвать у московских читателей ассоциаций с общественно-филантропической деятельностью Новикова. В Пруссии, сообщал Карамзин, «в прошедший год урожай был так худ, что правительству надлежало довольствоваться народом хлебом из заведенных магазинов».²⁰⁰

Поэтому в наследии Руссо Карамзину раскрылись иные стороны, чем Радищеву: политические концепции Руссо его совершенно не заинтересовали, зато Руссо-психолог и Руссо-социолог, борец с нищетой и богатством, враг плутократии, Руссо, идеалом которого является независимый бедняк, оказался в эти годы близок Карамзину. В сознании Карамзина боролись две концепции. Первая — проповедь гражданских добродетелей, духа древних республик, господства общего над частным, аскетического равенства, основанного на идеале законодательного ограничения богатства. С этой точки зрения экономика предстает как враг, носитель стихии эгоизма, частного интереса, а управление (в данном случае политика принимается, так как в ней Карамзин видит лишь разновидность общественной морали) — противостоящая ей сила, защищающая общий интерес. С таких позиций он проявляет интерес к утопическим учениям Томаса Мора (в «Детском чтении» Карамзин опубликовал апологетическую биографию английского философа, а в «Московском журнале» — сочувственную рецензию на русский перевод «Утопии») и эгалитаризму Руссо. Влияние трактата «О неравенстве среди людей» ощутительно во всем описании Швейцарии в «Письмах русского путешественника». По крайней мере, именно здесь с наибольшей силой подчеркнута связь равенства имущества и гражданской добродетели — основы республиканского устройства. Если Руссо — автор «Исповеди» — определяется эпитетом «печальный» («туда приходил иногда и печальный Руссо говорить с своим красноречивым сердцем»),²⁰¹ то Руссо — враг роскоши, борец против открытия театра в Женеве, получает другое определение: «Строгий, любезный Руссо».²⁰² Интерес к «строгому» Руссо свойствен Карамзину в эти годы не в меньшей степени, чем к «печальному».

Описывая устройство городской республики Цюриха, Карамзин пишет: «Мудрые цюрихские законодатели знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались заградить ей вход в свою республику. Мужчины не могут здесь носить ни шелкового, ни бархатного платья, а женщины — ни бриллиантов, ни кружев, и даже в самую холодную зиму ни-

²⁰⁰ Н. М. Карамзин, Избр. соч. в двух томах, т. I. М.—Л., 1964, стр. 94.

²⁰¹ Там же, стр. 409.

²⁰² Там же, стр. 292.

кто не смеет надеть шубы, для того, что меха здесь очень дороги. В городе запрещено ездить в каретах. . .».²⁰³ Показательно, что именно «Цирихскому юноше» вложил Карамзин в уста песню, в которой любовь к отечеству связана с идеями «строгого» Руссо «Отечество мое! Любовию к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоея готов ее пролить, умру твоим нежнейшим сыном. . . Мы все живем в союзе братском; друг друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает. На что нам блеск искусств, когда природа здесь сияет во всей своей красе. . .».²⁰⁴

Однако в сознании Карамзина в эти годы одновременно существовала и другая, тоже входившая в рамки Просвещения, но глубоко антируссоистская концепция, согласно которой цивилизация, искусства, науки, торговля способствуют свободе, нравственной ценности и счастью человека. В центре его внимания не целое, а отдельная личность, свобода понимается как личная независимость. Всякая регламентация отвергается. Для этой точки зрения характерна апология свободной торговли, свободной организации экономики, гедонизма, оправдываемого совпадением частного и общего интересов. «Человек рожден к общезнанию»,²⁰⁵ «торговля, любящая свободу, более и более сжимается и упадет от теснящей руки сильного»,²⁰⁶ — такие высказывания показывали, что в «Письмах русского путешественника» Карамзин допускал два взаимопротивоположных взгляда на основные этико-социальные вопросы, затронутые Руссо.

Зато идеи «Общественного договора», видимо, Карамзина в этот период не привлекали вообще. Карамзин, конечно, знал в 1790-е годы это произведение, но в «Письмах» оно отразилось только полемически и, что еще более важно, смысл полемики показывает, что Карамзин не «увидел в «Общественном договоре» ничего нового по отношению к ранним трактатам. И здесь в центре оказался спор о цивилизации и прогрессе. Слова Карамзина, сказанные в «Письмах русского путешественника» в защиту реформ Петра I от «жалких иеремиад» тех, кто с сожалением говорит «об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии»,²⁰⁷ неоднократно цитировались и комментировались в исследовательской литературе. Однако не лишен интереса вопрос: кого же Карамзин конкретно имел в данном случае в виду. Карамзин назвал Левека, но он, конечно, знал о том категорическом осуждении реформ Петра I, которое было высказано в «Общественном договоре» и с которым, как мы видели, полемизировала еще Екатерина II. При этом основой спора и здесь была

²⁰³ Там же, стр. 239

²⁰⁴ Там же, стр. 222—223.

²⁰⁵ Там же, стр. 120.

²⁰⁶ Там же, стр. 109.

²⁰⁷ Там же, стр. 417.

оценка цивилизации. Карамзин — сторонник просвещения, единомышленник Бонне в его критике первого трактата Руссо, конечно, не мог в эти годы осудить Петра I.

В эти же годы Карамзин — страстный поклонник художественного метода Руссо: он восхищается «Исповедью» и «Новой Элоизой», перечитывает их, странствуя по мемориальным местам Руссо в Швейцарии. В «Исповеди» его привлекает психологизм. При этом интересно, что, указав на связь «Новой Элоизы» и «Вертера», Карамзин отмечает, что «в нем более натуры».²⁰⁸ К сущности этого мы еще вернемся.

Обычно, говоря о влиянии Руссо на Карамзина, исследователи подчеркивают односторонний характер интерпретации идей французского мыслителя Карамзиным: «Руссо для него — святыня. Но он совсем не хочет видеть Руссо — бунтаря, демократа, учителя Робеспьера, Руссо — автора „Общественного договора“; этого Руссо Карамзин сознательно игнорирует».²⁰⁹ Это мнение, высказанное одним из самых глубоких знатоков русской литературы XVIII века, представляется бесспорным в свете утвердившихся представлений об общественной позиции Карамзина. К сожалению, оно страдает известной неточностью. Никак нельзя сказать, чтобы связь между идеями Руссо и событиями в Париже в начале 1790-х годов укрылась от Карамзина. Против этого свидетельствуют внимательное рецензирование Карамзиным в «Московском журнале» парижских пьес, посвященных Руссо. Постановки эти, бесспорно, свидетельствовали о культе женеvского философа в революционном Париже. Еще более интересен другой факт: в январском номере «Московского журнала» за 1792 год Карамзин поместил краткую аннотацию: «I. „Les Ruines, ou Méditations sur les Revolutions des Empires. par M. Volney“ à Paris, août, 1791; то есть „Развалины, или Размышление о революциях империи, соч. г. Вольнея“. II. „De J.-J. Rousseau etc., par M. Mercier“, à Paris, juin, 1791, то есть „О Жан-Жаке Руссо и проч., соч. г. Мерсьера“. Сии две книги можно назвать важнейшими произведениями французской литературы в прошедшем году».²¹⁰

Аннотацию нельзя истолковать иначе, чем как благожелательное приглашение читателям «Московского журнала» познакомиться с этими произведениями. Содержание же их было таково, что решительно исключало не только положительную оценку, но и простое реферирование в русском подцензурном издании. Тем легче Карамзин мог бы высказать критическое отношение к этим книгам, если бы это входило в его намерения. Книга Вольнея — не только одно из наиболее ярких произведений революционной публицистики первого периода. В ней ясно сказались идеи Руссо

²⁰⁸ Там же, стр. 279.

²⁰⁹ Г. А. Гуковский. Карамзин. В кн.: История русской литературы, т. V, М.—Л., 1941, стр. 75.

²¹⁰ «Московский журнал», 1792, № 1, стр. 150—151.

в том их истолковании, которое отчетливо связывалось с поддержкой революции, хотя одновременно ощущалось влияние этики энциклопедистов и критиковались нападки Руссо на Просвещение. Еще более интересна книга Мерсье. Если Карамзин «не хотел видеть» Руссо — пророка революции, то непонятно, почему он рекомендовал русскому читателю книгу, самое название которой не могло быть процитировано полностью. Вместо скромного «De J.-J. Rousseau etc.» на титуле книги Мерсье стоит: «De J.-J. Rousseau, considéré comme l'un des premiers auteurs de la révolution». Автор неоднократно и прямо говорил о значении деятельности Руссо для революции. Касаясь уничтожения сословных привилегий, он восклицал: «Руссо подготовит этот декрет!».²¹¹ В другом месте автор замечает: «Руссо можно упрекнуть за то, что он ничего не говорил о восстании, этом законном средстве угнетенного народа ... это первое, самое прекрасное и самое бесспорное право оскорбленного народа».²¹² При этом он сочувственно говорит о намерении Руссо написать опровержение на книгу Гельвеция «Об уме» — «книгу опасную во многих отношениях»²¹³ и, ссылаясь на Руссо, предсказывает революции и в других странах Европы: «Надо сплести на развалинах всех бастилий — в Шпандау и в Сибири».²¹⁴

Не лишено интереса, что Карамзин, как и Воронцов, уверовавший в пророческую силу предсказаний Руссо, именно на основании тех же, что и Мерсье, примечаний к «Эмилю» говорил в 1797 году, что революция еще не окончена: «Новая эпоха начинается, я ее вижу, но Руссо ее предвидел. Прочтите одно примечание в „Эмиле“, и книга выпадет у Вас из рук».²¹⁵ Сказанное нельзя, конечно, истолковать как одобрение идей Мерсье. И все же, бесспорно, что позиция Карамзина далека от одностроннего осуждения. Более того, не принимая революции, отрицая самую возможность добиться счастья людей средствами политической борьбы, Карамзин, однако, живо интересовался событиями, в Париже и хотел их понять. У нас нет прямых доказательств, но ряд косвенных свидетельств позволяет предположить, что в эту эпоху у него возрос интерес к «Общественному договору». Именно через призму сочинений Руссо формировалось сложное отношение Карамзина к Робеспьеру.²¹⁶

²¹¹ De J.-J. Rousseau, considéré comme l'un des premiers auteurs de la révolution, par M. Mercier. A Paris, 1791, p. 41.

²¹² Там же, стр. 60—61.

²¹³ Там же, стр. 65.

²¹⁴ Там же, стр. 188. — Шпандау — государственная тюрьма в Пруссии.

²¹⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 480. — Книга Мерсье, видимо, произвела на Карамзина сильное впечатление: в «Вестнике Европы» он опубликовал перевод отрывка из нее.

²¹⁶ См.: Ю. М. Лотман. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века. «Тр. по русск. и славянск. филол.», т. VIII, Уч. зап. ТГУ, вып. 167, Тарту, 1965.

Карамзин не верил в политическую борьбу, скептически относился к спорам ораторов в Национальной ассамблее, явно недоброжелателен был к революционной улице, не мог одобрять казни короля. Но в этих условиях возникновение диктаторской власти уважаемого им «бескорыстного» Робеспьера, который, по словам Н. Тургенева, «внушал ему благоговение»,²¹⁷ могло быть воспринято Карамзиным как ограничение анархического эгоизма «всех» спасительной диктатурой «общей воли». Самая жестокость правительства Робеспьера не пугала Карамзина, если он в ней усматривал попытку взять под контроль правительство стихийное развитие революции (а борьба Робеспьера с Коммуной легко могла быть интерпретирована таким образом). Диктатура добродетельного гражданина мыслилась Карамзиным как антитеза революционной анархии, и в этом смысле оправдывалась самая жестокость. В 1798 году он писал (непосредственным поводом был план работы о Петре I): «Оправдание некоторых жестокостей. Всегдашнее мягкосердечие несовместно с великостью духа. *Les grands hommes ne voyent que le tout.* Но иногда и чувствительность торжествовала».²¹⁸

Явное сочувствие у Карамзина вызывала религиозная политика Робеспьера, истолковываемая через призму «натуральной религии» Руссо.²¹⁹

В 1793 году Карамзин написал «Песнь божеству», указав в примечании (опубликовано в 1794 году): «Сочинена на тот случай, когда безумец Дюмон сказал во французском Конвенте: „Нет бога“». Комментируя это пояснение, В. В. Сиповский писал: «Стихотворение это, по указанию самого Карамзина, выражает тот подъем религиозного чувства, который вызван был дошедшим до поэта известием о том, что Дюмон, член Конвента, произнес речь атеистического содержания».²²⁰ Подобное объяснение мало что объясняет, а между тем вопрос представляет большой интерес: выступление Андре Дюмона, одного из руководителей антихристианского движения и открытого врага Робеспьера, вызвало знаменитую речь последнего в Конвенте (1-й сессии II года — 21 ноября 1793 года) в защиту религии. В ней Робеспьер заявил: «Атеизм аристократичен. Мысль о великом существе,²²¹ бодрствующем над угнетенной невинностью и карающем торжествующее преступление, в высшей мере демо-

²¹⁷ Н. Тургенев. Россия и русские. М., 1915, стр. 342.

²¹⁸ Незданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, ч. 1. СПб., 1862, стр. 202.

²¹⁹ Ср. в письме к И. И. Дмитриеву: «Между тем, любезнейший друг, гуляя и наслаждаясь и говоря с Ж.-Жаком десять раз в день: *O grand Etre!* *O grand Etre!*, — считаю остальные волосы на голове» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 117).

²²⁰ Н. М. Карамзин, Соч., т. I, Пгр., 1917, стр. 423.

²²¹ Это то «*grand Etre*» Руссо, которое любил призывать и Карамзин.

кратична»,²²² А 15 фримера Робеспьеру, в борьбе с его противниками, удалось провести Манифест к народам Европы, в котором цели революции торжественно отделялись от гонения на религию. В этих условиях стихотворение Карамзина менее всего может быть истолковано как проявление традиционной религиозности. Божество Карамзина:

Источник бытия всевечный,
Отец чувствительных сердец, —

скорее напоминает «grand Etre» Руссо, чем церковного православного бога. Показательно, что в то же время Карамзин написал «Молитву о дожде», где божество, которому возносятся молитвы, названо «Мать любезная, Природа».

Мы видим, что связь между идеями Руссо и парижской революционной бурей не укрылась от Карамзина (это не мешало ему заявлять о своем несогласии с якобинской интерпретацией Руссо). Однако понять смысл полемического выступления Карамзина против Руссо в 1793 году можно, лишь учитывая, что его осведомленность и заинтересованность в ходе европейских событий была необычайно высокой. Показателен тон полемики. Одновременно со статьей «Нечто о науках» (написана ранее мая 1793 года), опровергающей критику культуры Руссо, Карамзин в статье «Что нужно автору?» писал: «От чего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? От чего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? . . . От того, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие».²²³ Эта характеристика Руссо является продолжением некоего собирательного портрета идеального писателя, явно составленного с ориентацией на того же Руссо: «Но естли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь в чувствительную грудь твою, если душа твоя может возвыситься до *страсти к добру*; может питать в себе святое, никакими сферами не ограниченное *желание всеобщего блага*: тогда смело призывай богинь Парнасских».²²⁴ В этой ци-

²²² А. О л а р. Политическая история французской революции. М., 1938, стр. 575.

²²³ Н. М. Карамзин, Соч., т. III, СПб., 1848, стр. 372. — Упоминание о «слабостях и заблуждениях» Руссо — намек на «Исповедь»; сочинения, где Руссо «мечтает или запутывается в противоречиях» — политические трактаты. Слово «мечты» в XVIII веке употреблялось и в значении умозрительных свободолюбивых построений. «Мечтать», «мечтательная вольность» — обычные выражения в официозной публицистике. Ср.: «Свобода и равенство — мечты! Сколь они пагубны, доказал славный и несчастный народ, восхитившийся Руссовой книгою „Du contrat Social“» («Отрывки из сочинения одного старинного судьи и его же замечания на известную книгу Руссову „Du contrat Social“». М., 1809, стр. 53—54).

²²⁴ Н. М. Карамзин, Соч., т. III, 1848, стр. 371—372 (курсив Карамзина).

тате нельзя не увидеть скрытого противопоставления личной доброты как положительного качества скептически оцениваемым политическим идеям. Но одновременно личная доброта воспринимается как *сочувствие угнетенным* и *желание всеобщего блага*. И примером такой доброты становится «строгий» Руссо. Карамзин принимает цели европейского общественного движения, но считает, что достижение их возможно не на путях политических столкновений, а через апелляцию к доброте людей. В этом смысле становится ясна и задача статьи «Нечто о науках». Эта статья направлена против тезиса Руссо о вреде наук. Почему же Карамзин решил именно весной 1793 года развернуть эту полемику? Причину он объяснил сам. Он опасался, что тактика революции — ее кровавые акции — будет использована для осуждения неизбежного и спасительного, по мнению Карамзина, движения народов вперед по пути прогресса. В этих условиях он предвидел возможность использования аргументов Руссо для критики любого прогресса, для утверждения, что просвещение вредно, ибо неизбежно приводит к революции. Это те самые идеи и аргументы, которые в начале XIX века были присущи Вяземскому и другим «либералистам» 1820-х годов. Карамзин писал: «„Но Жан-Жак нет уже на свете: на что беспокоить прах его?“ — Творца нет на свете, но творение существует; невежды читают его — самые те, которые ничего более не читают — и под Эгидою славного Женевского Гражданина злословят просвещение».²²⁵

Объяснив так свою задачу, Карамзин остро спорит с аргументами Руссо о вреде наук, но одновременно крайне положительно оценивает деятельность Руссо в целом. Руссо — «человек великий, незабвенный в летописях философии», «Я чту великие твои дарования, красноречивый Руссо! Уважаю истины, открытые тобою современникам и потомству — истины, отныне незагладимые на досках нашего познания — люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою к человечеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы — парадоксами».²²⁶

Таково было отношение Карамзина к Руссо до весны 1793 года, перед тем, как дальнейший ход революции обусловил резкое изменение его отношения к идеям XVIII века. Не будем касаться той смены разочарований, новых упований и вновь разочарований, которые определяли отношение Карамзина к событиям в Париже между 1794—1800 годами. Отметим лишь, что в результате под сомнение были поставлены и добрая природа человека, и его способность, просветив себя, творить добро ближнему. Карамзин все чаще говорит об эгоизме как о неотъемлемом свойстве человека, а идеал правителя видит в цинической практике, в диктаторе Бонапарте, рассчитывающем не на добродетели

²²⁵ Там же, стр. 374.

²²⁶ Там же, стр. 373.

людей, а на силу. В этих условиях начинается последний спор Карамзина с Руссо. На этот раз в центре спора оказывается «Исповедь». Сам принцип *искренности* вытекал из представления о доброте человека и о том, что движение к совершенству есть обнажение истинной сущности. Карамзин теперь убежден, что человек зол, и осуждает искренность. Только притворство может сделать для людей возможным общепитие. Так Карамзин становится защитником «приличий» и «хорошего тона», против которых неоднократно ополчался Руссо.²²⁷ В 1803 году он опубликовал в «Вестнике Европы» статью «Об учтивости и хорошем тоне», в которой отказывался от надежды на подлинное сближение людей. Искренность была бы ужасна, ибо «к несчастью, везде и все эгоизм в человеке . . . учтивость не пугает, не истребляет, но скрывает его». «Вежливость и *хороший тон*, изобретенный ею, есть *взаимное сближение людей*».²²⁸

В этих условиях в центр внимания Карамзина выдвинулась «Исповедь». Еще в 1798 году («Пантеон иностранной словесности», т. III) Карамзин опубликовал переводы писем Руссо к Мальзербу, явившиеся первым изложением замысла «Исповеди». Однако особенно отчетливо этот поворот во взглядах Карамзина проявился в повести «Моя исповедь», своеобразном «Анти-Эмиле». Повесть эта направлена и против «Эмиля», и против «Исповеди» Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а, следовательно, внутренней значительности человеческой личности. Однако трактуя природу человека как врожденно-эгоистическую, злую, Карамзин выступает против подчеркнутого интереса человека к своей личности, против субъективизма, тем самым подымая руку и на собственное творчество предшествующих периодов. Именно в подобном смысле легко могли быть истолкованы слова: «Ныне путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе». Но ведь именно в этом упрекали самого Карамзина его многочисленные критики! Он, однако, пошел еще дальше — и перешел отрицательному герою свои собственные программные заявления 1790-х годов. В «Моей исповеди» этот отрицательный герой оправдывает свою страсть к самопризнаниям, свой интерес к описанию собственных чувств направлением современной ему литературы: «Ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: „Мои опыты“, „Тайный журнал моего сердца“! Что за перо, то и искреннее признание». Но ведь это же те принципы, которые неоднократно декларировал сам Карамзин! В статье «Что нужно автору?» (1793) он писал: «Ты берешься за перо и хочешь быть Автором:

²²⁷ Ср. рассуждения Толстого о «*comme il faut*» в «Юности»

²²⁸ «Вестник Европы», 1803, № 9, стр. 25 и 26 (курсив Карамзина).

спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: „каков я?“, ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего». ²²⁹

Карамзин передал герою «Моей исповеди» и свое любимое выражение: «Весь свет казался мне беспорядочною игрою китайский теней». «Я родился философом — сносил все равнодушно и твердил любимое слово свое: „Китайские тени! Китайские тени!“». Но ведь читатель прекрасно помнил, что еще в 1801 году Карамзин в заключении «Писем русского путешественника» так характеризовал мир в авторском тексте, от своего собственного лица!

Однако главный адресат полемики — все же не собственное творчество. Повесть, как уже отмечалось, направлена против принципов Руссо. И название ее — «Моя исповедь», и слова о том, что «нынешний век можно назвать веком откровенности . . . мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле» ²³⁰ не могли не напомнить читателю об «Исповеди» Руссо. В еще большей мере повесть направлена против «Эмиля». Перед читателем проходит жизнь героя, построенная как повествование о воспитании человека. Учителями героя были «природа», «естественное влечение» и воспитатель-швейцарец — персонаж, который пройдет в дальнейшем через ряд литературных произведений.

Воспитатель в «Моей исповеди» — не только земляк Руссо, он вольнодумец и республиканец. «Я родился в Республике и ненавижу тиранство», ²³¹ — говорит он.

Предоставленный «природе», воспитанный по просветительским рецептам, герой Карамзина вырастает, однако, эгоистом. Человек, по мнению автора, не может почерпнуть основ морали ни в своей природе, ни в своих разумно понятых интересах. Инстинктивные стремления его — антиобщественны. Не менее важно и другое; предоставленный самому себе, отделенный от всего «внеличностного»: морали, религии, народных обычаев, семейных привязанностей — герой обречен не только на себялюбие, но и на неизбежную скуку — жизнь его делается пустой. Человек XVIII века, герой просветительских романов, убежденный в том, что «мораль — в природе вещей», уверенный в добrote и социальности неизвращенного человека, находил опору в самом себе. Именно через собственные «интересы» герой приобщался к народу и человечеству. Вместе с утратой веры в человеческую личность возникает стремление опереться на вне человека лежащие силы —

²²⁹ Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 371.

²³⁰ Там же, стр. 504 — Карамзин прямо вложил в уста своему отрицательному персонажу фразу из знаменитого предисловия к «Исповеди»: «Начну уверением, что натура произвела меня совершенно особенным человеком» (там же, стр. 505). У Руссо: «Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмелюсь думать, что я не похож ни на кого на свете» (Ж.-Ж. Руссо, Избр. соч., т. III, стр. 9—10).

²³¹ Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 506.

прежде всего на традицию, обычай. Человек, оторванный от быта, мыслится как безнравственный и пустой, бессодержательный. Именно стремление заполнить душевную пустоту побуждает героя совершить ту цепь нелепых и безобразных поступков, которая составляет фабулу «Моей исповеди». Герой Карамзина — по сути дела даже не эгоист в понимании XVIII века, ибо не стремится к собственному благу. Убежденный в том, что счастья вообще нет, он хочет лишь развлечений, заполняющих жизнь. Суть же его забав не в том, что они делают ему счастье ценой притеснения других людей, а в циническом удовольствии осмеяния любых нравственных принципов.

Однако Карамзин, отвергнув, подобно Фонвизину, искренность как принцип просветительского психологизма, задумал дать свое положительное решение проблемы «Исповеди». Отвергнув идею «доброты» человека, он решил рассказать о себе «со всеми своими способностями и заблуждениями». Когда-то в «Письмах русского путешественника» Карамзин писал, что «Confessions de J.-J. Rousseau» он предпочитает «всем систематическим психологиям в свете». Сейчас он отвергал в «Исповеди» именно «дух системы».²³² Он решил написать историю своей жизни, не возводя себя к норме человека, наоборот, раскрыв личность как цепь аномалий и отклонений. Так родился «Рыцарь нашего времени» — неоконченный, но интереснейший замысел Карамзина. Полемика с Руссо сочеталась здесь с продолжением его традиции и прямыми переключками эпизодов. Попытка одновременно спорить с Руссо в «Моей исповеди» и продолжать его в «Рыцаре нашего времени» характерна и для позиции Карамзина в те годы, и для задач русской литературы — иными словами, для постановки проблемы, которая станет центральной на новом этапе русской литературы — от Лермонтова до Толстого.

Таким образом, на всем протяжении художественного творчества Карамзина отношение к Руссо было одной из форм определения писателем собственной позиции.

* * *

Мы имели возможность наблюдать сложную историю интерпретации идей Руссо в России. Причем каждое истолкование было связано и со спецификой воспринимающего сознания, и со структурой воспринимаемого материала. Рецепция творчества Руссо в России — перевод идей французского радикального просветителя на язык русской культуры на каждом своем этапе представляет двусторонний интерес: как отражение Руссо в зеркале русской

²³² Ср. в «Чувствительном и холодном»: «Дух системы заставлял разумных людей утверждать многие странности и даже нелепости: так, некоторые писатели и доказывали, что наши природные способности и свойства одинаковы» (Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 618).

культуры оно интересно специалистам по творчеству Руссо — всякий перевод структуры в другую систему знаков раскрывает ее сущность; однако именно в процессе рецепции наиболее тонко раскрывается сущность воспринимающей среды, ее своеобразие — в этом интерес рассматриваемой проблемы для историка русской литературы.

Подобная же двусторонняя значимость характерна и для истории воздействия Руссо-писателя на структуру русской прозы: сложность этого процесса отражает двойное взаимоналожение противоречий Руссо и русской культуры второй половины XVIII века.

С одной стороны, именно творчество Руссо закрепило в сознании русского читателя антитезу противоестественной действительности и «естественной» природы человека. Следствием этого были: двухплановая структура романа,²³³ появление «естественных» героев — младенцев, «робинзонов», добродетельных крестьян, разбойников и как высшая степень удаленности от лжи общества — животных, — вплоть до Задорки Крылова или толстовского Холстомера.

Резкое разграничение «естественного» (положительного) в человеке и социального (отрицательного), отождествление второго с «городским», уродующим и ненужным придавало двухплановому построению романа необычайную силу критики социальных институтов. При этом мог возникнуть роман-утопия о жизни изолированного «естественного» человека,²³⁴ «естественной» патриархальной жизни древних людей античного или библейского мира (в духе «Левита с горы Ефремовой»)²³⁵ — с аналогичными построениями связан и интерес ряда писателей конца XVIII — начала XIX века к Гомеру. Однако возможно было и другое построение — изображалась бытовая реальность, которая лишь проецировалась на некоторые абстрактные нормы человеческих отношений. Так возникал характерный для XVIII века принцип «философской» прозы. Если первый тип философского романа отразил влияние философских трактатов Руссо и «Эмиля», то второй создавался под воздействием «Новой Элоизы».

Не останавливаясь на всей полноте проблемы: «Новая Элоиза» и русские романы XVIII века,²³⁶ сошлемся на один, не лишенный

²³³ См.: Ю. М. Лотман. Пути развития русской просветительской прозы XVIII в. В сб.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века, М.—Л., 1961.

²³⁴ Например: П. Богданович. Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света. Второе тиснение. СПб., 1790.

²³⁵ См. прозаический перевод П. А. Пельского «Ефраймовский левит» (М., 1802); Пельский был также переводчиком радикального романа Дюлорана «Кум Матвей» [см.: Л. С. Гордон. Забытый поэт и переводчик П. А. Пельский (1765—1803). Научн. докл. Высшей школы, Филол. науки, 1963, № 2, стр. 117—127; Петр Захарьин, «Арфаксад», халдейская повесть. Изд. 2. Николаев, 1798, гл. I—IV].

²³⁶ Широкая популярность «Новой Элоизы» у русского читателя XVIII века засвидетельствована многими источниками. Об этом говорят печат-

интереса пример рецепции этого произведения в русской романтической традиции.

Роман Руссо способен повергнуть в недоумение современного читателя противоречием между смелостью, с которой в первой его половине проповедуются свобода чувства, позволяющая автору утверждать, что «падение» его героини не унижает ее в глазах моралиста, и проповедью долга, осуждением свободной страсти — во второй. Действительно, если рассматривать «Новую Элоизу» как роман о свободе любви и женской эмансипации, то позиция Руссо во второй части оказывается робкой и противоречивой. Юлия, которая имела право, нарушив волю родителей, отдаться любовнику, обязана сохранять верность уважаемому, но нелюбимому мужу, должна подавить любовь во имя долга.

Смысл позиции Руссо примечателен: «Новая Элоиза» — также своеобразная «робинзонада». Первая половина романа написана от лица «прав человека». Не связанные с обществом ничем, кроме принуждения, герои живут по законам природы. Сила чувства делает его законным. Вся буря страстей, заключенная в письмах Сен-Прё, — доказательство необходимых прав человека на счастье. Но вторая половина выдвигает совсем другой круг проблем: семья Юлии — робинзонада договорного общества, картина идеала государства (поэтому так подробно описание отношения слуг и господ). Члены его уже не индивиды, а граждане, жертвующие неограниченной свободой во имя общего блага. Руссо показывает и трудность, и возможность существования государства «Общественного договора».

Юлия, идущая в первой половине романа навстречу любви, — права, потому что она человек. Оправдан и Сен-Прё — ее руководитель в этом процессе освобождения личности. Юлия, обуздывающая любовь долгом во второй половине романа, также права, ибо она гражданин. Теперь уже она становится руководителем слишком «человечного» (и, следовательно, слишком слабого) Сен-Прё на пути к добродетели в духе античного героизма.

Таким образом, для того, чтобы принять «Новую Элоизу» полностью, следовало одобрить мораль «Общественного договора», диалектику «человека» и «гражданина», выраженную в трактатах Руссо.

Читатель чаще всего поступал иначе: он «снял» тот пласт структуры романа, который оказывался ему понятным и доступным. В большинстве случаев это приводило к истолкованию «Новой Элоизы» как психологического романа, повествующего

ные переводы романа или отрывков из него, рукописные переводы фрагментов (ср. в ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ФХV.9 перевод программного предисловия к роману), частые упоминания в русских оригинальных романах XVIII века. Так, например, в одном из романов героиня Юлия, прежде чем изменить мужу, «была в спальне и занималась „Новою Элоизою“» («Роман моих ближних». Российское сочинение. М., 1804, стр. 94).

о страстной любви. Так воспринимала роман пушкинская Татьяна, для которой это была «опасна книга», так же истолковывал его Карамзин, который в «Письмах русского путешественника» интерпретировал «Новую Элоизу» как ранний вариант «Вертера» и, естественно, заключил, что в последнем «более натурь». ²³⁷ Сам принцип «философского» романа с позиций психологизма выглядит как нарушающий правдоподобие.

Однако и читатель, принимающий просветительскую двуплановость конструкции прозы, мог не согласиться с романом Руссо, если его не удовлетворяло самое содержание понятия гражданственности как стремления жертвовать частным во имя общего.

Как мы видели, русская демократическая мысль XVIII века была гораздо ближе к гельвецианскому решению этой проблемы, считая, что гражданин не перестает быть человеком, а частное в справедливом целом сохраняет всю нерушимость своих прав. В этом смысле представляет большой интерес роман Н. Эмина «Игра судьбы». Роман и в общем замысле и в деталях (эпизод с оспой) постоянно напоминает читателю «Новую Элоизу»: это переписка героя с другом и героини с подругой. Возможность любовного сюжета сразу же указывается как тривиальная параллель. Подруга пишет героине, поселившейся в деревне со своим шестидесятилетним супругом: «Сделай милость, пошарь, нет ли хоть в округности пригоженького Романа Романыча, да, пожалуй, без предисловия начните ловить друг друга. Я подражу какому-нибудь писателю, он из глупенькой вашей безделки скроит самое модное приключение. Правда, любовных повестей на святой Руси, благодаря просвещению, довольно. Можно ими протопить круглый год клуб и театр». ²³⁸ А героиня в письме к подруге сразу же вспоминает сюжет романа Руссо: «Есть здесь прекрасный Колин, который бы непостоянную и быструю мою Милену в два дни превратил в какую-нибудь Юлию Детанж». ²³⁹

Однако сопоставления с «Новой Элоизой» нужны Н. Эмину скорее для контраста. Сюжет его романа развивается так: влюбленный герой нанимается слугой в дом мужа возлюбленной. За метив взаимную страсть своей жены и камердинера, старик-муж подвергает их чувство испытаниям. В это время героиня заболевает оспой и теряет красоту. Увидев, что и это не охладило любви героя и что, следовательно, перед ним настоящее и глубокое чувство, муж приглашает соперника в свою семью, но не для того, чтобы он, как у Руссо, победив свою страсть, стал другом дома, а чтобы в духе морали Гельвеция—Чернышевского уступить ему жену. Он пишет ему в письме: «Будь супруг сердца супруги моей, будь друг ее супруга». ²⁴⁰

²³⁷ Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. 1, стр. 279.

²³⁸ Н. Эмин. Игра судьбы. СПб., 1789, стр. 58—59.

²³⁹ Там же, стр. 63.

²⁴⁰ Там же, стр. 163.

Это неслыханное до «Что делать?» решение конфликта было абсолютно неприемлемо для русской цензуры, и естественно, что конец первой части (во второй должна была быть реализована эта ситуация) стал его окончанием — продолжение не появилось.²⁴¹ Но оно было бы, конечно, неприемлемо и для Руссо — тем характернее эта русская попытка переосмыслить идеи руссоизма с позиций этики разумного эгоизма.

С другой стороны, Руссо был для русского читателя не только писателем, утверждающим «двуплановость» изображения, соотношение реальности с нормой — он воспринимался и как разрушитель не только существующих литературных норм, но и самого принципа нормативности — писатель, предельно индивидуализирующий изображение человека, живописец страстей, мастер психологизма.

* * *

Идейно-художественное наследие Руссо органически вплелось в развитие русской культуры. Герцен имел основание сказать: «Мы так же пережили Руссо ... как французы».²⁴² Художественная и общественная жизнь России XVIII века постоянно ставила вопрос об интерпретации, развитии или опровержении идей Руссо. При этом достойно внимания, что именно в России воздействие идей Руссо было особенно длительным. Три основных идейно-художественных направления России XIX века были сложно соотнесены с наследием Руссо.

Так, Чернышевский называл Руссо «революционным демократом», а связь идей руссоизма с утопическим социализмом казалась русским читателям XIX века очевидной.²⁴³ Не менее значительным оставалось наследие Руссо для других двух ведущих направлений русской литературы тех лет — связанных с именем Толстого и Достоевского. Фактически здесь речь шла об отношении к основным проблемам европейской демократической мысли нового времени. И этот сложный и многозначительный вопрос русской культуры XIX века не будет понятен вне учета судеб «русского Руссо» в предшествующую эпоху.

---

²⁴¹ Первое издание завершалось пометой «конец первой части», которая во втором была заменена на «конец романа».

²⁴² А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. XVIII, М., 1959, стр. 322.

²⁴³ Третьестепенный литератор Н. Ковалевский писал Погодину в 1852 году: «Помните ли Вы начало „Эмиля“: *Tout est bien sortant des mains de l'Auteur des choses; tout dégénère entre les mains de l'homme...* Часто я задумываюсь над этой глубокой мыслью Руссо. Но более всего поражают меня резкие, но правдивые слова автора „Новой Элоизы“, когда я применяю их к социальным отношениям между мужчиной и женщиной, жестоко извращенным противу естественного порядка. Жорж-Занд — законная наследница Руссо» [О. Р. Библ. СССР им. В. И. Ленина, Ф. № 231 (М. П. Погодина), раздел II, картон 15, ед. хр. 80, л. 33 об.].

Р. Ю. Данилевский

ЛЕССИНГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

История знакомства русских читателей с Лессингом насчитывает два столетия, хотя первое собрание сочинений великого просветителя появилось в русском переводе лишь в начале 1880-х годов. Многие из написанного им было тогда переведено впервые. Но многое было уже известно читателям старших поколений по прежним переводам, по упоминаниям в журналах и, наконец, по многочисленным театральным постановкам.¹ Деятели русской культуры не раз обращались к наследию Лессинга. Однако специфика происходившей в русском обществе XIX века идеологической борьбы определила традиционный интерес передовых деятелей русской литературы прежде всего к Лессингу-теоретику, автору «Литературных писем», «Гамбургской драматургии», «Лаокоона».²

При знакомстве с более ранними этапами восприятия Лессинга в России создается впечатление, что читатели и зрители XVIII века смотрели на него несколько иначе. Вероятно, те из русских современников Лессинга, которые владели западноевропейскими языками, могли познакомиться с его творчеством более полно,³ но тем не менее на протяжении почти полувека он интере-

¹ Ранние переводы произведений Лессинга в России в основном учтены в библиографических трудах В. С. Сопикова (Опыт российской библиографии. Ред., примеч., дополн. и указатель В. Н. Рогожина, ч. 1—5. СПб., 1904—1906) и А. Н. Неустроева (Указатель к повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому разысканию о них. СПб., 1898).

² Проблема восприятия Лессинга в России затронута в работах: В. Каплинский. «Лессинг» Чернышевского. В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Незданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 211—222; Г. Фридлендер. Лессинг. Очерк творчества. М., 1957, стр. 232—234; см. также очерк П. Н. Полевого в кн.: Сочинения Лессинга. т. 1, СПб.—М., 1882, стр. СХIV—СХVI.

³ В 1750-х годах было издано первое немецкое собрание сочинений Лессинга. Его имя нередко встречалось в немецкой периодике, в том числе и в журналах выходивших на немецком языке в России. Например, «St.-Peters-

совал русских читателей в первую очередь как баснописец и драматург. Заметим, что в отношении количества переводов Лессинг далеко уступал тогда Виланду, Геллерту и другим популярным в России немецким авторам.

Первым произведением Лессинга, переведенным на русский язык, была комедия «Молодой ученый». Это — самая ранняя комедия Лессинга, написанная около 1746 года и поставленная на сцене в 1749 году. Русский перевод, сделанный А. А. Нартовым, был издан в 1765 году тиражом в 600 экземпляров.⁴ Это произошло уже после того, как Лессинг прославился на родине и драмой «Мисс Сара Сампсон» (1755) и «Письмами о новейшей немецкой литературе» (1759—1760).

Пьеса с ее жизнерадостной атмосферой, с ее насмешкой над схоластической ученостью вполне отвечала русскому театральному вкусу этого времени.

В середине 60-х годов происходит быстрое обновление русского комедийного репертуара. В год издания перевода «Молодого ученого» на сцене появляются комедии И. П. Елагина, Д. И. Фонвизина, В. И. Лукина. Лучшие русские комедиографы, несмотря на полемику с Сумароковым, развивали принципы сумароковской комедии, стремясь уловить характерные черты отечественной жизни.⁵ Лукин и его современники широко практиковали «преломление на российские нравы» иностранных комедий. Этим способом они приближали комедию к пониманию русского зрителя, и вместе с тем это же заставляло их выбирать среди зарубежного материала сюжеты, интересные и близкие зрителю.⁶

Комедия «Молодой ученый» легко могла быть воспринята современниками как одна из таких пьес, несмотря на то, что «склонение на русские нравы» в переводе Нартова самое минимальное: в явлении 4, например, вместо рыцарских романов упоминается «Бова-королевич» и т. п.; имена действующих лиц — Дамис, Хризандр, Валер — так же условны, как и имена персонажей многих других комедий, шедших на русской сцене. Предпринятое Лессингом-студентом осмеяние ложной учености, отрывающей человека от действительности и превращающей его в шута в глазах окружающих людей, могло найти сочувствие у русской публики. «Представь латынщика на диспуте его, кото-

---

burgisches Journal» (1776, Bd. 1, April, S. 59) сообщал «анекдот» об отношении Лессинга к театральной постановке «Мисс Сары Сампсон».

⁴ Молодой ученый. Комедия в трех действиях, сочинение профессора Лессинга. Перевод А. Н. СПб., 1765, 168 стр., 8 д. л. — А. А. Нартов (1736—1813), впоследствии президент Академии наук, переводил в молодости также Хольберга, Детуша, Лилло.

⁵ См. предисловие П. Н. Беркова к сборнику: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950, стр. 13 и сл.

⁶ См. В. В. Сиповский. Из истории русской комедии XVIII века. (К литературной истории «тем» и «типов»). «Изв. II отд. Акад. наук», г. ХХII, кн. 1, 1917, стр. 233.

рый не соврет без эрго ничего», — наставлял А. П. Сумароков будущих комедиографов еще в 1748 году.

Но изображенный в комедии представитель «свиного племени» схоластов не просто забавен. Персонаж Лессинга пренебрежительно относится к своей национальной культуре, считая служение ей ниже своего достоинства. Такие настроения были нередки в русском дворянском быту, да и в комедиях они порицались и высмеивались часто.⁷

Трудно определить, ставилась ли комедия в переводе Нартова на сцене.⁸ Во всяком случае, имя Лессинга, по-видимому, не вызвало тогда особенного интереса в России. Следующий перевод одной из его пьес появился лишь десять лет спустя. Переводчик и читатели (или зрители) комедии, вероятно, немного знали об авторе. Если Нартов пользовался текстом, напечатанным в четвертой части первого собрания сочинений Лессинга (1754), то он мог познакомиться и с другими его произведениями. Но биографическими данными о Лессинге Нартов, очевидно, не располагал; на титульном листе перевода Лессинг назван профессором — этого звания он никогда не носил. И все же комедия «Молодой ученый» впервые появилась на иностранном языке именно в России, и перевод Нартова долго оставался вообще единственным ее переводом.

Между тем русские читатели 1760-х годов знакомились с другим жанром произведений Лессинга — с его баснями. В журнале преподавателей шляхетного корпуса И. Ф. Румянцева и И. А. де Тейльса «Полезное с приятным» за 1769 год были напечатаны — без упоминания имени автора — переводы пяти басен Лессинга.⁹ Басни были подобраны в соответствии с сатирическим направлением журнала. К басням Лессинга неоднократно обращались затем многие русские журналы, делая среди них выбор то с полемическими, то с педагогическими целями.

В том потоке разнообразных басен, который заполнял русскую литературу второй половины XVIII века, басни Лессинга принадлежали к эзоповской традиции прозаической басни-притчи, напоминающей подчас сжатый памфлет. Эта линия басенного творчества поддерживалась, конечно, далеко не только переводами

---

⁷ Ср. переводы-переделки И. П. Елагина «Русский-француз» (1764), В. И. Лукина «Пустомеля» (1765), комедию Д. И. Фонвизина «Бригадир», созданную в 1760-х годах. Отдаленное сходство с героем Лессинга можно усмотреть в герое более поздней комедии А. И. Клушина «Алхимист» (1793).

⁸ В репертуарном списке В. Н. Всеволодского-Гернгросса (Русский театр второй половины XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1960) данных об этом нет. Правда, О. П. Петерсон сообщал, что комедия игралась московскими студентами и по-немецки, и по-русски, в переводе Нартова, но источник этих сведений не указан (см.: О. Р. Peterson. Schiller in Russland, 1785—1805. New York, 1934, S. 159).

⁹ «Полезное с приятным», 1769, 10-й полумесяц, стр. 28—31; 11-й полумесяц, стр. 15—16.

из Лессинга. Эзоповский сборник басен, изданный Р. Летранжем (в переводе С. Волчкова), много раз переиздавался в течение века; к этому жанру обращались и русские баснописцы (В. Т. Золотницкий).¹⁰ Но басни Лессинга при всей их зависимости от античных авторов были адресованы современникам и чрезвычайно актуальны. Их успеху способствовал и великолепный лапидарный стиль, который лишь в редких случаях удавалось воспроизвести переводчикам. Возможно, знакомство с баснями Лессинга побуждало русских литераторов к самостоятельному творчеству в подобном роде. П. Н. Берков обратил внимание на смелую басню «Лев и козерог», помещенную в журнале «Полезное с приятным».¹¹ Она не имеет аналогий у Лессинга.

Несомненно, басни Лессинга читались и в оригинале (изданы впервые в трех книгах в 1759 году), и в двух французских переводах — 1764 и 1770 годов. «Санкт-Петербургский вестник» указывал в примечании к переводам некоторых из этих басен: «Подлинник немецкий и перевод французский басен г. Лессинга приняты с великим удовольствием; сочинитель их писал в приятной и плавной прозе, некоторые из них любителями поэзии предложены в немецкие стихи».¹²

Журнал Румянцева и Тейльса опубликовал перевод большой басни из третьей книги басен Лессинга — «Спор зверей о преимуществе» («Der Rangstreit der Tiere»)¹³. Басня явно направлена против бесконтрольной государственной власти, опирающейся на насилие. Ее легко можно было истолковать как упрек Екатерине II, незадолго до того фактически упразднившей Комиссию по составлению нового уложения. Ценность басни заключалась еще и в том, что ее сюжет и фигуры зверей восходили скорее к немецкому животному эпосу, чем к античной басенной традиции. Затем последовали в общем верные, хотя и не дословные переводы басен «Ворон», «Павлин и петух» из третьей книги,¹⁴ «Волк» («Der kriegerische Wolf») и «Гусь» из книги первой.¹⁵ Эти басни объединены общей темой — разоблачение показных доблестей и добродетелей, прикрывающих внутреннее ничтожество. Не прихо-

---

¹⁰ Новые нравоучительные басни с прибавлением особливых к ним изъяснений. Сочинены в пользу общества Владимиром Золотницким. СПб., 1763, 146 стр., 8 д. л. — О восприятии немецкой политической басни в русской печати см.: М. Л. Тронская. Басни Пфёффеля в России XVIII в. В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, стр. 136—143.

¹¹ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 241—242 (басня помещена в 7-м полумесяце, стр. 30). — Подобные басни печатались в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» в «Московском журнале» и других изданиях.

¹² «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. II, октябрь, стр. 275.

¹³ «Полезное с приятным», 1769, 10-й полумесяц, стр. 28—30.

¹⁴ Там же, стр. 30—31.

¹⁵ Там же, 11-й полумесяц, стр. 15—16.

дится доказывать актуальность и этой темы для екатерининской России.

Часто обращался к Лессинговым басням один из самых интересных журналов либерального направления — «Санкт-Петербургский вестник», редактором которого был писатель и переводчик Г. А. Брайко. В октябрьском выпуске журнала за 1778 год появились переводы сразу пяти басен из разных книг: «Дух Соломонов», «Сверчок и соловей», «Лев и заяц», «Медведь и слон», «Лисица и аист».¹⁶ Басни сопровождались упомянутым примечанием, в котором добавлялось: «Мы, сообщая здесь для опыта в российском переводе некоторые из басен, просим охотников предложить их в российские стихи».¹⁷ Помещая эти басни, редактор ставил перед собой, таким образом, просветительную цель. Он считал, очевидно, что имя Лессинга заслуживает того, чтобы читатели присмотрелись к его произведениям. В 1780 году к этим басням журнал прибавил переводы еще двух — «Воробей и страус» из первой книги и «Гусь».¹⁸ Выбор басен в «Санкт-Петербургском вестнике», несколько иной, чем в предыдущем журнале: здесь преобладают нравоучительные басни или истолкованные переводчиком как нравоучительные. Судя по языку, все переводы выполнены одним лицом, — возможно, самим редактором журнала.

Призыв журнала, обращенный к русским стихотворцам, нашел некоторый отклик. В сентябре 1780 года в журнале появилось многословное и тяжелосное переложение басни «Дух Соломонов» пяти- и шестистопным ямбом. Автор стихов, как это видно из лексики, пользовался именно прозаическим переводом, помещенным в журнале, и не обращался к подлиннику.¹⁹

В библиографическом отделе «Санкт-Петербургского вестника» также встречалось имя Лессинга. В отзыве о переводе книги Фридриха II «О немецких словесных науках» журнал привел обширную цитату из предисловия к первому французскому изданию басен Лессинга.²⁰ Несколько ранее журнал отметил учебную «Трехязычную книгу» и перепечатал оттуда басню Лессинга «Благодеяния» («Die Wohltaten») в оригинале, а также в русском и французском переводах.²¹

«Трехязычная книга», изданная в 1779 году «под смотрением издателей Вестника», как указывалось на титульном листе, открывалась Лессингом.²² Середину страницы занимал немецкий текст басен, по бокам параллельно помещались русский и французский

¹⁶ «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. II, октябрь, стр. 275—278.

¹⁷ Там же, стр. 275.

¹⁸ Там же, 1780, ч. VI, июль, стр. 37—38.

¹⁹ Там же, сентябрь, стр. 219—220.

²⁰ Там же, 1781, ч. VII, май, стр. 369—371.

²¹ Там же, 1779, ч. III, март, стр. 229—230.

²² Трехязычная книга в пользу российского и иностранного юношества, обучающегося российскому, немецкому и французскому языкам. СПб., 1779 (басни Лессинга на стр. 1—13); (2-е изд. — Рига, 1784).

переводы. Русский перевод носит характер подстрочника, так как книга составлялась с целью обучения языкам и составители старались сохранить порядок слов подлинника. Однако по сравнению с очень похожими переводами басен, которые помещались в журнале, русский язык здесь проще, ближе к разговорному. Кроме «Благодеяний», в книге можно было прочесть в оригинале и переводах «Повесть о старом волке» из третьей книги басен, «Конь и бык», «Полевая мышь (собственно, «хомяк» — *Hamster*) и муравей» из первой книги и басни, уже публиковавшиеся в «Санкт-Петербургском вестнике» за 1778 год.

Басни Лессинга появлялись и на страницах издававшегося Н. И. Новиковым «Детского чтения для сердца и разума». В первый же год издания (1785) там были опубликованы переводы шести басен, выполненные в простом и ясном стиле, рассчитанном на восприятие ребенка. Заново были сделаны переводы басен «Лев и заяц» и «Павлин и петух».²³ Редактор или переводчик, ориентируясь на маленького читателя, слегка препарировал некоторые тексты — добавил краткую сентенцию к басне «Дуб и свинья» (из книги первой),²⁴ опустил строчку о лстецах в басне «Ворон и лисица» (из книги второй) на знаменитый эзоповский сюжет.²⁵ Совпадает с текстом Лессинга и басня «Волк при смерти» (вторая книга, «*Der Wolf auf dem Totbette*»), бичующая лицемерие вельмож.²⁶

Среди переводов «Детского чтения» выделяется «Повесть о старом волке», басня-новелла в семи главках.²⁷ В новиковском издании она звучала совсем иначе, чем в «Трехязычной книге». Это, пожалуй, наиболее близкая к фольклору басня Лессинга, имеющая, кроме того, глубокий политический и автобиографический смысл. Аллегория заслоняется в ней самой фабулой — путешествием стареющего волка от одного пастуха к другому: басня приближается к сказке. Примечательно и то, что ни у Лессинга, ни в переводе никто из героев не осуждается. Вопреки всякой басенной традиции волк способен даже вызвать жалость. Близость к народной поэзии подтверждается и фольклорным именем волка — Изегрим.

Сюжет впервые переведенной в «Детском чтении» басни Лессинга «Дуб и свинья» не имеет прямой аналогии у старых баснописцев и может считаться оригинальным созданием писателя. Любопытна судьба этого сюжета в русской литературе. В 1817 году

---

²³ Первая басня «Лев полюбил одного шутового зайца...» печаталась без названия (1785, ч. II, № 21, стр. 123), вторая — под заглавием «Павлин и курица» (№ 26, стр. 192).

²⁴ «Детское чтение для сердца и разума», 1785, ч. III, № 35, стр. 128

²⁵ Там же, № 36, 160.

²⁶ Там же, ч. IV, № 40, стр. 16. — В этом случае Лессинг в подлиннике ссылается на Эзопа и Федра.

²⁷ Там же, ч. II, № 24, стр. 170—176.

его старательно переложил в стихи В. Васильев, автор сборничка басен.²⁸ Возможно, этот автор, молодой человек, почерпнул свой сюжет прямо из «Детского чтения»: в его стихах сохранена та краткая «мораль», которая сопровождала басню в журнале. Годом раньше басня под № 6 появилась в сборнике Лессинговых басен, изданном В. Папышевым, в довольно верном прозаическом переводе. Эти по крайней мере три перевода могли попасться на глаза И. А. Крылову, написавшему в 1823 году свою знаменитую «Свинья под дубом». Крылов, правда, изменил смысл басни: у Лессинга и его переводчиков свинья обвиняет дуб, который требует благодарности за оброненные желуди.²⁹

Менее значительные издания 80—90-х годов также публиковали басни Лессинга. В «Новом Санкт-Петербургском вестнике» П. И. Богдановича (1786) появились прозаические переводы крупных басен из второй книги — «Юпитер и овца» и «Фурии».³⁰ Неизвестно, почему издатель остановил свой выбор именно на этих баснях, — может быть, из-за их античной тематики, но, вероятнее всего, его привлекла возможность их сентиментально-нравоучительной трактовки.

Журналисты карамзинского направления также интересовались баснями Лессинга. В «Чтении для вкуса, разума и чувствований» В. С. Подшивалова среди переводов, подписанных К*** или В. К.***, была помещена басня «Дух Соломонов».³¹ Свое отношение к басням Лессинга и вообще к этому жанру журнал высказывал следующим образом: «В нынешние времена многие смешные предрассудки имеют себе покровительство и самые пороки не без него ж, почему и нельзя тронуть их, не навлекши на себя неприятелей. При распространившемся сильно нещастном разврате и самый отважный мудрец должен уважать благопристойность, которою оный разврат так, как личиною, прикрывается. — Для сего служит басня. Ее можно почесть срединою между вольностию все говорить и между малодушным молчанием. Она есть умягченная сатира».³²

Из этих слов видно, что журнал Подшивалова рассматривал басню как литературное выражение компромиссных взглядов. В соответствии с этим истолковано и творчество Лессинга. Он, по

²⁸ Басни В. Васильева. М., 1817, стр. 15.

²⁹ Специальные авторские пометы в издании басен И. А. Крылова 1825 года свидетельствуют о том, что он считал басню оригинальной. В автографе она носила название «Свинья и дуб», т. е. такое же, как и у Васильева (см.: И. А. Крылов, Полн. собр. соч., Ред., вступ. статья и примеч. В. В. Каллаша, т. VI, Пгр., 1918, стр. 417). Аналогичные изменения смысла заимствованного сюжета встречались и у Лессинга (ср. его раннюю стихотворную басню «Tanzbäg» с одноименной басней Х.-Ф. Геллерта).

³⁰ «Новый Санкт-Петербургский вестник», 1786, ч. II, стр. 226—228.

³¹ «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. III, стр. 321—322.

³² Замечания о баснях. «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. II, стр. 254.

словам той же статьи, «есть баснотворец, исполненный смысла, которого назвать можно немецким Эзопом. Геллерт и Гагедорн суть его совместники в искании сей чести. Немецкие писатели еще сохраняют несколько простых нравов... Они предаются приятностям спокойной жизни и возводят стихотворство на трон самой природы».³³

Здесь было неверным не только безоговорочное объединение Лессинга с другими немецкими баснописцами, но и все другие общие слова, сказанные по поводу современной немецкой литературы. Такое «умягченное» восприятие Лессинга было естественным для русского сентиментализма. По-другому, очевидно, судил о Лессинге московский издатель А. Г. Решетников, поместивший в своем журнале «Проходные часы» перевод сатирической басни «Волк при смерти».³⁴

К творчеству Лессинга обратился или во всяком случае мог обратиться неизвестный автор язвительной и грубоватой прозаической басни «Соловей и ворона», присланной в «Московский журнал». Этот автор протестовал против подражательности отечественной поэзии. Он заканчивал басню восклицанием: «Безграмотные русские стихотворцы! и вы поете, но — — —».³⁵ Басня очень близка по своему смыслу и композиции басне Лессинга «Обезьяна и лисица» (книга первая), которая имеет подобную же публицистическую концовку: «Писатели моей страны, надо ли говорить еще яснее?».³⁶ Карамзин напечатал басню анонима с осуждающим примечанием, приняв ее, видимо, отчасти и на свой счет.

Басни Лессинга продолжали переводиться и в начале XIX века. Чувствительная притча «Дамон и Теодор», исключенная самим автором из собрания сочинений, попала под заглавием «Образец дружбы» в «Избранные нравоучительные повести», изданные в 1815 году.³⁷ «Вестник Европы» за следующий год напечатал басню А. Е. Измайлова «Волк и лисица» — стихотворное переложение все того же «Волка при смерти».³⁸

Вообще же связь русских баснописцев XVIII и начала XIX века с Лессингом невелика. В некоторых случаях трудно установить, восходит ли сюжет к Лессингу, к Эзопу, к какому-нибудь другому источнику или же совпадение мотивов случайно. Хорошим примером может служить басня «Олень и заяц», помещенная в «Утренних часах» И. Г. Рахманинова и П. А. Озерова.³⁹ Она перекликается и со стихотворной басней Лессинга

³³ Там же, стр. 252—253.

³⁴ «Проходные часы», 1793, ч. II, декабрь, стр. 475.

³⁵ «Московский журнал», 1791, ч. III, кн. 2, стр. 197—198.

³⁶ Г.-Э. Лессинг, Избр. произв., М., 1953, стр. 4 (перев. Н. Н. Кузнецовой).

³⁷ Избранные нравоучительные повести. Перевод из лучших немецких и французских писателей, М., 1815, ч. 4, стр. 84—87.

³⁸ «Вестник Европы», 1816, ч. 90, № 22, стр. 94—95.

³⁹ «Утренние часы», 1788, ч. III, стр. 62—64.

«Олень и лиса». и с басней «Молодой олень с отцом своим» из Эзоповского сборника Летранжа,⁴⁰ но в равной степени далека от обоих источников. Басня юного И. Петина «Осел и лев на звериной ловле», напечатанная в журнале воспитанников Университетского благородного пансиона, также могла быть связана и с Лессингом, и с античными источниками.⁴¹

Наконец, в 1816 году появилось собрание басен Лессинга в переводе В. Папышева, подводившее своего рода итог полувековому знакомству русского читателя с этой стороной творчества великого просветителя.⁴² Сведений о личности Папышева не сохранилось, но по выбору басен видно, что переводчик понимал их художественную ценность и догадывался об их общественно значимости. Среди двадцати пяти басен сборника можно было встретить не только уже переводившиеся — такие, как «Обезьяна и лисица», «Ворон и лисица», басни, в которых затрагивались актуальные для русского общества темы, но и самую острополитическую басню Лессинга «Дар волшебниц» («Das Geschenk der Feien», книга третья), направленную против мелочного полицейского надзора, одинаково характерного для Пруссии и для Российской империи. В переведенных Папышевым баснях «Сова и кладкопатель» (книга первая), «Ласточка» (книга третья) поднята тема тягостного положения поэта и ученого в обществе, чуждом высоких духовных интересов. Переводы Папышева очень неравноценны — это, вероятно, свидетельствует о молодости переводчика или о том, что книга издавалась без его непосредственного участия.

Значительно реже, чем басни, переводились на русский язык анакреонтические стихотворения Лессинга, хотя, казалось бы, этот жанр был распространен в России не менее, чем в Германии. Возможно, здесь мы снова сталкиваемся с теми случаями, когда Лессинга трудно узнать. Подобным же образом обстоит, по-видимому, дело и с его эпиграммами, растворившимися (если только они действительно туда проникли) в море русской эпиграмматической поэзии. Из вполне достоверных переводов поэтического наследия Лессинга укажем на прозаические переводы песен «Пчела» и «Смерть» в ежемесячном издании «Новости»,⁴³ на перевод стихотворения «Три царства природы» («Die drei Reiche der Natur»), сделанный А. Х. Востоковым в первые годы XIX века, и на

---

⁴⁰ См.: Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Р. Летранжа, вновь изданные; на российский язык переведены... С. Волчковым. СПб., 1815, № 118.

⁴¹ Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1800, кн. 1, стр. 59—61. — Ср. басни Лессинга на этот же сюжет (книга вторая, № 7, 8).

⁴² Избранные басни Г. Е. Лессинга. С немецкого перевел Василий Папышев. СПб., 1816, 23 стр., 8 д. л.

⁴³ «Новости», 1799, кн. IV (август), стр. 337—338, 340—342.

переданную хорошим русским стихом «Песнь лени» («Lob der Faulheit»), напечатанную много позже — в «Благонамеренном» за 1825 год.⁴⁴ Мотивы, близкие шутливому стихотворению Лессинга «Турки»,⁴⁵ встречаются в русской песенной традиции вплоть до настоящего времени, но конкретная их история не изучена.

Европейская театральная слава, пришедшая к Лессингу в последней трети века, не миновала и России. В 1783 году в Петербурге был издан перевод брошюры И.-Ф. Иерусалема, содержащей довольно резкие возражения на печально известную книжку Фридриха II о немецкой литературе.⁴⁶ В противоположность прусскому монарху, презиравшему немецких писателей и немецкий язык, автор брошюры доказывал, каких высоких результатов достигла новейшая немецкая литература. Одно из первых мест в ней он отводил Лессингу. Написанная вскоре после смерти писателя, эта брошюра давала одну из самых ранних итоговых оценок его творчества. Отсюда русские читатели могли узнать о том, что «самое величайшее достоинство и честь в немецком феатре имеет Лессинг. Его драммы суть, по рассуждению знатоков, остроумнейшая разборчивость феатра, которые и сам Волтер, ежели бы он читать их мог, в некоторых местах конечно бы читал с движением; а его Minna von Barnhelm (Минна фон Барнхельм, или Солдатское счастье) и трагедии Miss Sara Sampson и Aemilia Gallotti (Эмилия Галлотти) даже на парижском и лондонском феатрах заслужили бы первое место».⁴⁷

⁴⁴ «Благонамеренный», 1825, ч. XXV, № 2, стр. 149.

⁴⁵ В подлиннике это стихотворение звучит так:

DIE TÜRKEN

Die Türken haben schöne Töchter
Und diese scharfe Keuschheitswächter;
Wer will, kann mehr als eine frein:
Ich möchte schon ein Türke sein.

Wie wollt' ich mich der Lieb ergeben!
Wie wollt' ich liebend ruhig leben,
Und — — — doch sie trinken keinen Wein;
Nein, nein, ich mag kein Türke sein.

Ср. стихи «Когда б я был Фет-Али-шах», которые цитирует В. Г. Белинский в одной из рецензий 1839 года (Полн. собр. соч., т. III, М., 1953, стр. 165), а также студенческую песенку «В гареме нежится султан».

⁴⁶ Иерусалемово творение о немецком языке и учености, возражающее сочинение е. в. короля прусского «О немецких словесных науках и их недостатках...», переведено... Андреем Мейером. СПб. 1783. — Автор брошюры — брауншвейгский проповедник и теолог (отец того юноши, который послужил прототипом Вертера Гете).

⁴⁷ Иерусалемово творение... стр. 21—22. — Первая постановка пьесы Лессинга во Франции состоялась в 1764 году («Мисс Сара Сампсон») (см.: Ch. Joret. Des rapports intellectuels et littéraires de la France avec l'Allemagne avant 1789. Paris, 1884, p. 41); в Англии — в 1786 году («Минна фон Барнхельм» в Геймаркетском театре) (см.: W. T. o d t. Lessing in England, 1767—1850. Heidelberg, 1912, S. 9).

К этому времени русские театралы и читатели были знакомы не только с комедией «Молодой ученый». В 1779 году появилось два новых перевода — ранней, тоже одноактной, комедии «Клад» («Der Schatz») и «Минны фон Барнхельм», заглавием которой стала вторая половина ее немецкого титула — «Солдатское счастье».

Комедия «Клад» (точнее «Сокровище»), написанная Лессингом вскоре после «Молодого ученого», в 1750 году, являлась в свою очередь переработкой одной из комедий Плавта. Неизвестный русский переводчик внес в нее довольно значительные изменения, направленные к тому, чтобы превратить ее в комедию из русской жизни.⁴⁸ Имена героев были либо совсем заменены русскими значащими именами (Леандр — Любим, Маскарилль — Урвил, Рапс — Хват), либо переделаны для удобства русского произношения. «Склонение» доходит до того, что одного из персонажей переводчик заставляет воскликнуть: «Дай руку, честной мой друг! Таковы-то старинные русские люди!».⁴⁹ Особенно большой переделке подвергся рассказ Хвата о дальних странах в явлении 9; в другом месте упоминаемые в подлиннике экзотические индийские товары переводчик заменяет китайскими, более привычными в русском быту, и т. п. Перевод комедии отличается от подлинника еще и то, что переводчик словно стремился лучше приспособить ее для сцены: реплики в переводе не так многословны, диалоги проходят живее, действие приобретает некоторую динамичность, не свойственную ранним Лессинговым пьесам.

«Клад» был рекомендован читателям редакцией «Санкт-Петербургского вестника»,⁵⁰ отмечен в «Драматическом словаре»,⁵¹ выдержал второе издание в 1788 году⁵² и мог быть довольно хорошо известен любителям театра. Сюжет комедии, особенно после его «обрусения», также оказывался вполне в духе времени — история «слабовольного, недурного по существу юноши, который легко попадает под чужие влияния».⁵³

Переводчик «Солдатского счастья» подписался инициалами И. З.⁵⁴ Предполагают, что это был И. С. Захаров, переведивший

---

⁴⁸ Клад. Комедия в одном действии г. Лессинга, переведена вольно с немецкого. СПб., 1779, 60 стр., 8 д. л.

⁴⁹ Там же, стр. 13.

⁵⁰ «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. III, май, стр. 376—380 (перепечатка явления 2).

⁵¹ Драматической словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов... М., 1787, стр. 69.

⁵² Клад. Комедия в одном действии г. Лессинга. Перевод с немецкого. М., 1788, 72 стр., 8 д. л. (расхождений с текстом первого издания нет).

⁵³ В. В. Сиповский. Из истории русской комедии XVIII века, стр. 210—211 (слова относятся к герою комедии Лукина «Мот, любовью испорченный»).

⁵⁴ Солдатское счастье. Комедия в пяти действиях г. Лессинга. Преложил с немецкого на российские нравы И. З. «М.», 1779, 92 стр., 8 д. л.

также Геснера, английских и французских поэтов. Его имя часто встречается на титульных листах книг, изданных Новиковым.

Эта комедия также была «склонена на российские нравы», но если в предыдущих случаях подобные переделки мало изменяли смысл пьес, то здесь работа переводчика коснулась более глубоких слоев. Обязательные условия «склонения» были, конечно, соблюдены. Герои получили русские имена: майор Тельхейм стал майором Добросердом, Минна превратилась в ярославскую помещицу Евгению Честкину, а граф Брухзаль — в графа Честкина; вахмистр Пауль Вернер стал Твердовым; слуги Франциска и Юст получили обыкновенные русские «простонародные» имена — Марфа и Андрей. Одному лишь французскому дворянину Рикко де ла Марлиньеру переводчик сохранил имя. Саксония, родина Минны, сменилась соответственно Ярославской губернией; в одной из реплик служанки Дрезден стал Тверью. Несколько изменилось и общественное положение действующих лиц. Минна—Евгения стала владелицей крепостных душ, ее бойкая камеристка превратилась в сенную девку. Честный вахмистр Твердов владеет уже не мызой (Bauerngut), а «деревнишкой» с характерным названием Пустодомка.

Все эти перемены заставляют предполагать, что переводчик внес какие-то изменения и в психологию героев. Наиболее заметно изменен по сравнению с подлинником характер Вернера—Твердова. У Лессинга это — наемный солдат (фигура, невозможная в России). Хотя он и обладает понятиями чести, справедливости и предан своему майору, его профессия отнюдь не вызывает у Лессинга симпатии. В переводе же Твердов — доблестный служака, преданный не только майору, но и царю. В первом явлении пятого действия в уста Вернера вложено восклицание, которое должно было, по замыслу Лессинга, вызывать юмористическую реакцию. Обрадованный перспективой поступить в армию грузинского царя Ираклия II, он восклицает: «Juchhe! Es lebe der Prinz Heraklius!». В переводе возглас звучит вполне серьезно: «Ура! Да здравствует наш государь!». ⁵⁵ Заметим кстати, что тема, действительно относящаяся к российским делам, в переводе выпущена — диалог Юста и Вернера об Ираклии и его войне против турок (действие I, явление 12).

Может быть, самой большой смелостью переводчика было то, что местом действия комедии стал Петербург. Любопытны детали, воссоздающие колорит жизни русской столицы. Хозяин гостиницы спрашивает Минну—Евгению: «Ищите вы чего у двора или в сенате?» (действие II, явление 2). У Лессинга Франциска жалуется на ночной шум Берлина: «Разве можно спать в этих проклятых

---

⁵⁵ Восклицание, странное для «екатерининской эпохи». Может быть, переводчик хотел таким способом избежать слишком прямого намека на современность.

больших городах? Кареты, ночные сторожа, барабаны, кошки, капралы — все это не перестает грохотать, кричать, носиться, мяукать, браниться...» (действие II, явление 1).⁵⁶ Сенная девка Марфа рисует несколько иной звуковой пейзаж, не такой иронический, но знакомый каждому петербургскому жителю: «Кареты, будто шнырки, шлюпки, кошки, собаки, пьяные не перестают греметь, кричать, петь песни, мяукать, лаять и браниться» (разрядка моя, — Р. Д.).

Пронырливый и жадный хозяин гостиницы, в обязанности которого входил полицейский надзор за постояльцами, был оставлен переводчиком почти таким, каким его создал Лессинг, — очевидно, эта фигура была далеко не экзотической и в русской столице. Характерным явлением петербургской жизни оставался и французский авантюрист Рикко де ла Марлиньер. В переводе он коверкает русский язык с такой же самоуверенностью, как в подлиннике — немецкий.

Фигура Телльхейма—Добросерда оказалась в переводе несколько более выдвинутой вперед за счет героини — это можно уловить даже в выборе заглавия пьесы. Действительно, переводчица привлекала не столько любовь Минны—Евгении, сколько благородство офицера, его патриотизм.⁵⁷ Слова майора, осуждающие войну как профессию (действие II, явление 7), даже несколько расширены в переводе по сравнению с оригиналом. Высказывания и поступки Добросерда могли свидетельствовать не только о личной порядочности отставного майора (как это было у Лессинга, которому оставалось совершенно чуждым какое бы то ни было преклонение перед прусской армией), но и о некотором типичном благородстве представителя русской армии суворовских времен.

Комедия «Солдатское счастье» была поставлена «на публичном театре» в Москве в первой половине 1780-х годов.⁵⁸ Вероятно, и перевод и его издание были сделаны именно с этой практической целью: в тексте второго действия оставлено место для даты, которой хозяин гостиницы должен пометить свой полицейский рапорт. Возможно, что после премьеры пьеса была запрещена цензурой, как это произошло затем с переводом «Мисс Сары Сампсон». Впрочем, комедия претерпела цензурные мытарства и на родине Лессинга.⁵⁹

⁵⁶ Г.-Э. Лессинг, Избр. произв., стр. 35 (перев. А. А. Ариан).

⁵⁷ О необычности образа «благородного война» в долессинговой драматургии см.: E. Schmidt. Lessing, Bd. I. Berlin, 1884, SS. 459—460.

⁵⁸ Т. е. между 1779 (год издания перевода) и 1787 годами (год издания «Драмматического словаря»); автор словаря указал, что комедия «некогда представлена была на публичном театре» (стр. 120).

⁵⁹ После выхода в свет комедии (весна 1767) на нее был наложен цензурный запрет, снятый лишь в сентябре того же года; премьеры «Минны фон Барнхельм» — 30 сентября 1767 года в Гамбурге с Экгофом в роли Телльхейма.

Перевод более раннего произведения Лессинга — бюргерской трагедии «Мисс Сара Сампсон» — появился, очевидно, в середине 80-х годов. Самым подробным и достоверным сообщением об этом событии остается текст «Драмматического словаря», так как перевод неизвестен. Автор словаря записал: «Мис-Сара Самсон <так>. Трагедия в пяти действиях, переведена с аглинского подлинника <!> на немецкой; а потом на российской язык перевел В. Левшин. Сия трагедия была играна только два раза на Московском театре; пиеса наполнена чрезвычайно жестокостию, а особливо в роле Марвуд, которую на Московском театре актриса гж. Калиграф представляла, и приобрела похвалу от публики рукоплесканием беспрестанным».⁶⁰

По всей вероятности, автор словаря не видел перевода, а был лишь очевидцем театральной постановки. Будучи не очень образованным человеком (хотя и страстным театралом),⁶¹ он, по-видимому, даже не связывал эту трагедию с именем Лессинга. Вместе с тем постановка трагедии на московской сцене была крупным событием, заставившим автора словаря отметить некоторые ее подробности. Образ Марвуд, «демонической женщины», должен был произвести на русскую публику гораздо большее впечатление, чем другие герои пьесы — возлюбленные Сара и Меллефонт, добродетельный сер Вильям Сампсон, слуги, проливающие слезы на каждом шагу, — персонажи, в общем ставшие привычными для зрителя. Талантливая игра Н. Ф. Калиграфовой еще усилила впечатление от этого образа. По мнению Г. М. Фридендера, составитель «Драмматического словаря» отрицательно отнесся к пьесе.⁶² Однако посвященные трагедии строки словаря едва ли свидетельствуют об этом. Слова «чрезвычайная жестокость» относятся здесь скорее к особенностям жанра, чем к эмоциям зрителя.⁶³

Возможно, что именно образ Марвуд, ненаказанной злодейки, послужил поводом для цензурного запрещения трагедии. Позднее, в 90-х годах, пьеса снова появилась на сцене — в другом варианте, как о том свидетельствовал «Московский журнал» Карамзина. «Только жаль, — писал Карамзин, — что из нее выкинуты мно-

---

⁶⁰ Драмматической словарь, стр. 80—81. Премьера трагедии — в 1785 году (см.: О. Чайнова. Театр Маддокса в Москве, 1776—1805. М., 1927, стр. 243).

⁶¹ Об авторе словаря см.: П. Н. Берков. «Драмматической словарь» 1787 года. В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков. М.—Л., 1959, стр. 52—65. — П. Н. Берков предполагает, что им был московский типограф А. Н. Анненков. По версии Б. М. Эйхенбаума (в кн.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 768), это мог быть знаменитый актер И. А. Дмитревский.

⁶² См.: Г. Фридендер. Готхольд-Эфраим Лессинг. Л.—М., 1958, стр. 112.

⁶³ Словарь В. И. Даля дает для слова «жестокий» значения «суровый», «неодолимо грозный» и т. п.; ср. «жестокий романс».

гие сцены, весьма нужные; а всего хуже то, что некоторые места прибавлены и совсем не в Лессинговом духе».⁶⁴ В 1801 году, после снятия траура по смерти Павла I, трагедия была возобновлена в Петербурге, причем роль Марвуд исполняла та же актриса.⁶⁵

Переводчиком трагедии был В. А. Левшин, литературную деятельность которого В. Б. Шкловский назвал когда-то «инкубационным периодом русского романтизма».⁶⁶ Для Левшина вообще был характерным интерес к современной немецкой литературе, к немецким народным книгам. В 80-х годах, кроме трагедии Лессинга, он переводил идиллии и поэмы Геснера, издал в своем переводе интереснейшую «Библиотеку немецких романов».

В марте 1772 года в Брауншвейге состоялась успешная премьера знаменитой «Эмилии Галотти». На русскую сцену трагедия попала с опозданием, уже после смерти своего автора, но здесь она появилась в двух переводах, сделанных почти в одно время.

Первый из них, помеченный инициалом А., был издан столичным типографом Брейткопфом в 1784 году и, очевидно, быстро попал на сцену.⁶⁷ Во всяком случае, через три года «Драмматической словарь» сообщал, что трагедия «часто представляется на Московском театре к удовольствию публики, которую всегда приемлется благосклонно. Роль Эмилии играющая Московского театра актриса гж. Ульяна Синявская показывает дарование свое к удовольствию зрителей».⁶⁸ По одним источникам, перевод был сделан В. А. Петиним,⁶⁹ по другим — за инициалом А. скрывался Гаврило Апухтин, переводчик Стерна.⁷⁰

Вскоре в Москве появился другой перевод трагедии, принадлежавший перу молодого Н. М. Карамзина. Хотя перевод был закончен раньше (как это видно из предисловия к нему), он увидел свет в 1788 году.⁷¹ В 90-е годы трагедию ставили мало, затем она была возобновлена в Петербурге в 1831 году и стала надолго одной из ценнейших пьес русского трагедийного репертуара.

Ситуация, изображенная в «Эмилии Галотти», была настолько остра и своеобразна, что «склонение» трагедии на российские

---

⁶⁴ «Московский журнал», 1791, ч. IV, кн. 2 (ноябрь), стр. 244. — Обещанный подробный анализ трагедии в журнале не появился.

⁶⁵ См.: П. Н. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 156.

⁶⁶ В. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 159.

⁶⁷ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях господина Лессинга, переведена с немецкого госп. А. СПб., 1784, 162 стр., 8 д. л.

⁶⁸ Драмматической словарь, стр. 53—54. У. Синявская — младшая сестра известной актрисы М. С. Синявской.

⁶⁹ См.: Г. Фрилендер. Лессинг. Очерк творчества. М., 1957, стр. 234.

⁷⁰ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, стр. 247.

⁷¹ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом. Перевод с немецкого. М., 1788, 142 стр., 8 д. л.

нравы представляло, очевидно, не только чисто литературные неудобства, но и политическую опасность для переводчика. Трагедия должна была, несомненно, восприниматься в России как отражение накала общественных страстей, все больше охватывавшего Европу. К чести первого переводчика «Эмилии Галотти» надо сказать, что он в меру своих сил стремился сохранить гражданский пафос трагедии. Карамзин же, — разумеется, гораздо более талантливый переводчик — ставил перед собой иные задачи.

В предисловии к своему переводу Карамзин прямо указывал на то, что необходимо было изменить впечатление, полученное публикой от предыдущего перевода трагедии. Действительно, первый переводчик допустил фактические ошибки, которые Карамзин исправил (например, принц был назван герцогом). Однако главное состояло не в этих поправках. Карамзин не только исправлял промахи своего предшественника, но и истолковывал всю трагедию по-своему. Особенно это становится заметным в самые напряженные моменты действия — в монологах пятого акта. Несколькими архаическим словоупотреблением первого переводчика кажется более подходящим для Лессинговой гражданской патетики. Язык Карамзина правильной, ближе к разговорному («этот» вместо «сей» и пр.), но и лексика его мягче, «трогательнее» — герои по сравнению и с подлинником и с первым переводом как будто понижают голос. Замечание И. А. Кряжимской, что Лессинг и Шиллер выглядят в оценках Карамзина чувствительнее, чем на самом деле,⁷² можно вполне отнести и к карамзинскому переводу «Эмилии Галотти». Примечательно, что мысль перевести эту трагедию подал Карамзину, по-видимому, А. А. Петров, желая отвлечь внимание своего друга от Шекспира.⁷³

Сравним перевод части предсмертного монолога Эмилии (действие V, явление 7), сделанный Карамзиным, с переводом этого отрывка у его предшественника и с оригиналом.

«... Gewalt! Gewalt! wer kann der Gewalt nicht trotzen? Was Gewalt heisst ist nichts! Verführung ist die wahre Gewalt! — Ich habe Blut, mein Vater; so jugendliches, so warmes Blut als eine. Auch meine Sinne sind Sinne. Ich stehe für nichts. Ich bin für nichts gut».

Перевод 1784 года

«... Сила! сила! кто не устоит противу силы? Сила ничто: соблазн есть настоящая сила. — Я человек, молода и такова, как и прочные,

Перевод Карамзина

«... Сила! кто не может устоять против силы? Сила ничего: соблазн есть подлинная сила... Я еще молода, родитель мой! имею такие же

⁷² См.: И. А. Кряжимская. Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале». В кн.: XVIII век, сб. 3, М.—Л., 1958, стр. 270—275.

⁷³ См.: В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 99.

имею чувства, другим подобные. чувства, как и прочие женщины. Я не могу навсегда ручаться, ни Я ни за что не ручаюсь». за что не отвечаю».

Обращает на себя внимание и то, что подлинник звучит не совсем так, как его русские переводы.⁷⁴ Краткие, отрывистые фразы производят впечатление страстных выкриков. Лексика обоих переводов спокойнее, а перевод Карамзина превращается почти в риторическое рассуждение. И все же более ранний перевод, при всей его неточности, ближе к подлиннику по своему общему тону.

Об отношении Карамзина к Лессингу и первому переводчику «Эмилии Галотти» можно судить по упоминавшемуся обращению «К читателю», которое было предпослано его переводу: «Переводив сию трагедию для представления на театре, спешил я перевести ее поскорее и оттого не мог перевести исправно. После заметил я, что было переведено дурно, и решился перевод мой выправить и напечатать, чтобы некоторым образом загладить проступок свой перед теми людьми, которые, зная истинные красоты драмы, любят Лессинговы творения и сожалели, что переводчик Эмилии Галотти не чувствовал многих красот сей трагедии, а потому и не показал их в своем переводе. Вам и посвящаю перевод мой — вам, умеющим ценить драматические сочинения и никогда не сравнивающим гишпанских фарсов с драмами Лессинга, — вам, видящим в первых одни острые шутки, а в последних произведения философа, проникшего взором своим в глубины сердца человеческого. — Москва, 1788, января 13».⁷⁵

Более развернутая характеристика трагедии Лессинга была опубликована Карамзиным в первой части «Московского журнала» в связи с постановкой, осуществленной театром Меддокса. Здесь еще яснее видно, что именно привлекало русского писателя в творчестве Лессинга. Это — глубокий психологизм его зрелых произведений, знание «глубин сердца человеческого».⁷⁶ Остальное, то, что относилось к области идеологии, не ускользнуло, конечно, от внимания Карамзина, но отступило для него на второй план. Карамзин писал, в частности: «Не много найдется драм, которые составляли бы такое гармоническое целое, как сия трагедия, — в которых бы все приключения так натурально

⁷⁴ Помещенный в современных «Избранных произведениях Лессинга» перевод М. М. Бамдаса хотя и более точен, но тоже не передает всей экспрессии подлинника (Г.-Э. Лессинг, Избр. произв., стр. 176). Е. Г. Ковалевская (Иноязычная лексика в произведениях Н. М. Карамзина. В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, стр. 233), сопоставляя этот перевод с переводом Карамзина, отдает предпочтение последнему.

⁷⁵ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом. Перевод с немецкого, стр. 3.

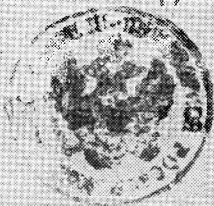
⁷⁶ См. также указанную работу И. А. Кряжимской.

ЭМИЛИЯ ГАЛОТТИ,
ТРАГЕДІЯ

въ
ПЯТИ
ДѢЙСТВІЯХЪ,

сочиненная

Г. Лессингомъ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова,
1782.

«Эмилия Галотти» Лессинга. Перевод Н. М. Карамзина.
Титульный лист.

связаны и все характеры так искусно изображены были, как в Эмилии Галотти. Главное действие возмутительно, но не менее того естественно.⁷⁷ ... Что принадлежит до характеров, то не знаю, в каком наиболее удивляться искусству автору. . . — все, все показывает, что автор наблюдал человечество не два дни и наблюдал так, как немногие наблюдать удобны; что натура дала ему живое чувство истины, которое и автора, и человека делает великим . . . Диалог же всегда так натурален, что и актер и зритель может забыть — один, что он на театре, а другой, что он в театре».⁷⁸

Из всех персонажей Карамзин выделил Одоардо и особенно восхищался мастерски показанной эволюцией его чувств. Привлекла его внимание и Орсина (дальнейшее развитие характера Марвуд). Такому выбору способствовала, по-видимому, игра крупных актеров, исполнявших эти роли, — В. П. Померанцева и М. С. Синявской. Сама Эмилия (У. Синявская) получилась, вероятно, бледнее.

Карамзина увлекла динамика, неуклонное нарастание напряжения чувств героев и зрителей, что действительно было исключительно важным завоеванием Лессинга, продолжавшего шекспировские традиции. Карамзин хорошо понял подлинную, говоря современным языком, диалектическую сложность характеров в этой пьесе, столь отличавшую ее от рядовых вещей тогдашнего театрального репертуара. О коварном и беспринципном Маринелли он сказал, что «роля злодея Яго едва ли труднее сей».⁷⁹ Особенно ценна заслуга Карамзина, очень точно определившего сущность характера принца: «сладострастной, слабой, но притом добродушной принц, могущий согласиться на великое злодеяние, когда то способствует удовлетворению его страсти, но всегда достойной нашего сожаления».⁸⁰ Надо полагать, что глубоко понять персонажей Лессинга Карамзину помог Шекспир, которым он непосредственно перед тем занимался под влиянием Гердера и Ленца.⁸¹ По свидетельству М. П. Погодина, еще знавшего, возможно, современников этих событий, «Эмилия Галотти» была очень популярна в Москве 1780-х годов.⁸²

Смелость переводчиков Лессинга вызвала недовольство сторонников традиционного классического театра. Но спор велся,

---

⁷⁷ Мысль, близкая суждению автора «Драмматического словаря» о «Мисс Саре Сампсон».

⁷⁸ «Московский журнал», 1791, ч. I, кн. 1 (январь), стр. 63—73.

⁷⁹ Там же, стр. 78.

⁸⁰ Там же, стр. 71.

⁸¹ См. Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексева. М.—Л., 1965, стр. 70—75 (глава написана П. Р. Заборовым).

⁸² См.: М. Погодин. Ник. Мих. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, М., 1866, ч. 1, стр. 173; см. также: М. Н. Розанов. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901, стр. 488—492.

конечно, не только о правилах и «единствах», здесь был и сложный узел общественных проблем, который едва ли можно теперь разобрать до конца. И не о Лессинге прежде всего шла речь — особенное возмущение вызывали «чудообразные игрища» Шекспира, но именно трагедия Лессинга в переводе Карамзина подала, как нам кажется, повод для резких выступлений «Зрителя» и «Санкт-Петербургского Меркурия» против «англицких и немецких трагиков», которые «позволили себе писать в трагедии всякую смесь...; однако просвещенный вкус никогда не одобрял сих толико странных перемен в явлениях».⁸³

Соиздатель «Санкт-Петербургского Меркурия» А. И. Клушин непосредственно задел Лессинга в большом и принципиально важном примечании к своему переводу восемнадцатого философского письма Вольтера, где говорится о Шекспире. Немецкие драмы, построенные, как он справедливо считает, в традициях шекспировского театра, Клушин аттестует «безобразными выродками литературы», потому что в них «нет никаких правил», смешан плач и смех, «эпизоды затмевают самое действие» и в общем «все обезображивает вкус и правила». В пример приводятся «Мисс Сара Сампсон» и «Эмилия Галотти», а также «Разбойники» Шиллера и «Ненависть к людям и раскаяние» Коцебу, только что переведенные в России. «И есть люди, которые предпочитают немецкие драмы французским, — возмущается Клушин. — Что думать о сих знатоках? Или что они не знают правил театральных, как и того, что значит самая драма; или слепое имеют пристрастие к немчизне».⁸⁴

Клушин несомненно недооценивал ни Лессинга, ни Шиллера, не говоря уже о Шекспире. Однако в заключительных словах своего примечания он осуждал и вообще «пристрастие к немчизне». В глазах деятеля передовых общественных взглядов, каким был тогда Клушин, такое «пристрастие» означало враждебное отношение к Франции революционных лет. Возможно, что это примечание было выпадом против общественных и литературных позиций Карамзина.⁸⁵

Путешествуя по Германии в 1789 году, Карамзин не однажды вспоминал Лессинга. В Берлине он познакомился с Ф. Николаи, в котором видел «друга Лессингова и Мендельсонова» («Письма русского путешественника», письмо от 1 июля).⁸⁶ Несколько дней

---

⁸³ <А. И. Клушин (?)>. Театр. Трагедия. «Зритель», ежемесячное изд. 1792 года, ч. III, сентябрь, стр. 28.

⁸⁴ «Санкт-Петербургский Меркурий И. Крылова и А. Клушина», 1793, ч. 1, стр. 67; см. также: Шекспир и русская культура, стр. 101.

⁸⁵ О симпатиях Клушина к французской революции и враждебных взаимоотношениях с Карамзиным см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 477—478, 484.

⁸⁶ Н. М. Карамзин, Избр. соч. в двух томах, т. 1, М.—Л., 1964, стр. 123.

спустя он посетил театр, где с успехом ставилась та же драма Коцебу, против которой выступал Клушин. По этому поводу Карамзин высказал интересную мысль, что «у немцев не было бы таких актеров, если бы не было у них Лессинга, Гете, Шиллера и других драматических авторов, которые с такою живостию представляют в драмах своих человека, каков он есть...».⁸⁷ Влияние Лессинга на немецкую театральную культуру было очевидным для современников. В Мангейме Карамзин подробно осмотрел копию знаменитой скульптурной группы Лаокоон, занимающей так много места в эстетических наблюдениях Лессинга. Правда, суждения Карамзина больше напоминают концепцию де Фонтена, французского переводчика Вергилия, чем взгляды Лессинга,⁸⁸ но во всяком случае молодого русского литератора волновало то же произведение искусства. 6 августа Карамзин записывает свое впечатление от посещения страсбургской церкви св. Фомы. Здесь он увидел мраморное надгробие работы недавно умершего французского скульптора Ж.-Б. Пигаля. Ваятель изобразил смерть в виде скелета, и это неприятно удивило Карамзина. Вопросы о том, как древние изображали смерть (тем самым и вопроса, как ее следует изображать), Лессинг касался в «Лаокооне» и специально в полемическом трактате 1769 года. Он доказывал, что в античном искусстве смерть олицетворялась в образе юного гения с опущенным факелом. Именно такую фигуру хотел бы видеть вместо скелета и Карамзин.⁸⁹ Впрочем, это желание могло быть продиктовано не только любовью к античности или чтением Лессинга, но и художественным вкусом будущего главы русского сентиментализма.

Из русских переводов драматургии Лессинга не все увидели свет. Известен до сих пор полностью не опубликованный перевод его ранней одноактной трагедии «Филотас», который был сделан около 1806 года талантливым писателем и переводчиком А. П. Бенитцким (1780—1809).⁹⁰ Герой пьесы — древнегреческий юноша, жертвующий собой ради отечества, — образ, становившийся все более актуальным для русского общества.

Такая же судьба постигла, возможно, и другие переводы из Лессинга. Кажется странным молчание современников о «Натане

---

⁸⁷ Там же, стр. 129.

⁸⁸ См.: В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника», стр. 343—345.

⁸⁹ Н. М. Карамзин. Избр. соч. в двух томах, т. 1, стр. 204. — Ср. эту же мысль в стихотворении Шиллера «Боги Греции» (1788).

⁹⁰ Авторизованная копия рукописи находится в библиотеке Ленинградского университета; отрывки опубликованы в работе: В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815). «Уч. зап. Куйбыш. пед. инст.», вып. 25, 1959, стр. 258—260; см. также: Г. Фридлендер. Лессинг. Очерк творчества, стр. 234; И. А. Кубасов. Ал. Петр. Бенитцкий. СПб., 1900.

Мудром», одним из самых значительных созданий Лессинга, в то время как переводились более мелкие его произведения. В Англии и Франции «Натан» был переведен в 1780-х годах.⁹¹ Не исключено, что подобные попытки предпринимались и русскими литераторами.

Критические выступления Лессинга, его работы по истории и теории литературы и других искусств были издавна известны в России XVIII века, но их переводы начали появляться лишь в начале XIX столетия. «Письма о новейшей немецкой литературе» упоминаются в периодическом издании «Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете» 1774 года, правда, это — ссылка на 152-е письмо, которое считается ныне не принадлежащим Лессингу.⁹² Ссылка помещена в примечании к трактату «Повествование человеческого разума» в переводе (с немецкого?) А. А. Нартова, переводчика «Молодого ученого».

Более развернута ссылка на этот же источник в немецком предисловии к народной книге «О чернокожнике Фаусте». Перевод книги и предисловия вошел в «Библиотеку немецких романов» В. А. Левшина. Здесь речь шла непосредственно о Лессинге, и не только как об авторе «Писем», но и как об авторе первой немецкой литературной обработки сюжета о докторе Фаусте. Вообще это предисловие сообщало русскому читателю любопытные сведения о немецкой литературе (Лессинг, Гете, Мюллер-живописец): «Некоторые из первых наших голов старались вывести оную (т. е. «сказку» о Фаусте, — Р. Д.) на театре, на котором она с непамятных времен в весьма неправильном виде находилась. Лессингов доктор Фауст был первый; явления оного находятся в письмах о литературе;⁹³ Живописец Миллер свое напечатал расположение,⁹⁴ но Гетенсов Фауст еще рукописный, романц и некоторые другие песни в оном от господина камергера фон*** в Венмаре <так!> положены на музыку.⁹⁵ И так ни один из сих докторов Фаустов не окончен и обществу не предложен. «Мы по-

---

⁹¹ См.: Н. Kinkel. Lessings Dramen in Frankreich. Inaug.-Diss. Darmstadt, 1908, S. 90; W. Todt. Lessing in England, SS. 6—8. — «Натан Мудрый» назван в числе самых значительных произведений новой литературы в статье В. А. Жуковского «О поэзии древних и новых» («Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 3, стр. 204).

⁹² «Опыт трудов Вольного российского собрания...», ч. 2, стр. 254. — Атрибуцию отдельных частей «Писем» см.: Lessing. Gesammelte Werke in 10 Bdn. Hrsg. von P. Rilla, Bd. 5. Berlin, 1954—1958, S. 570.

⁹³ В семнадцатом письме (февраль, 1759 г.).

⁹⁴ Фридрих Мюллер (1749—1825), один из «бурных гениев», друг Гете, напечатал отрывки драмы о Фаусте в 1776 и 1778 годах.

⁹⁵ Фрагмент «Фауста» Гете увидел свет в 1790 году. Написанный в 1770—1775 годах так называемый «Прафауст» был опубликован лишь в 1887 году.

смотрим, говорил один из сих сочинителей, которого черт возьмет!».⁹⁶

Из брошюры Иерусалема русский читатель мог узнать о «Лаокооне». Сочинение этого эстетического трактата, по словам перевода, «и самый первейший изыскатель древностей в прицветствующем Риме вменил бы себе в славу».⁹⁷ Лессинг был упомянут и в анонимной статье «О народном просвещении в Европе», напечатанной в петербургском журнале «Растущий виноград».⁹⁸ Его имя встречалось в «Вивлиофике журналов».⁹⁹ Лессинга называли среди тех, кому была обязана расцветом современная немецкая словесность.

Приведем заметку из «Московских ведомостей» от 13 марта 1781 года (№ 21, стр. 167). Описанный в ней факт подробно пересказан немецкими биографами и исследователями Лессинга Данцелем и Гурауэром¹⁰⁰ и поэтому хорошо известен позднейшему лессинговедению, в том числе и Чернышевскому. Между тем издатель «Московских ведомостей» Н. И. Новиков поместил эту заметку вскоре после смерти Лессинга, опираясь, очевидно, на сообщения немецких газет или своих корреспондентов, бывших свидетелями этого события. Следовательно, она может рассматриваться не только как свежий пересказ события, важного для истории немецкой литературы и театра, но и как русский некролог великого немецкого просветителя.

«Из Берлина от 27 февраля.

Здесьняя Деббелинская компания актеров¹⁰¹ за долг свой почла 24 числа сего месяца изъявить на театре своим чувствами благодарности и глубокой печали о смерти господина Лессинга, славного стихотворца, от которого немецкий театр имеет толь много превосходных пьес.¹⁰² Как скоро в сей вечер открыт был занавес, тотчас представился собравшимся в великом числе зрителям неожиданный вид театра, превратившегося в украшенный со вкусом катафалк, в середине которого виден был монумент с изображением сего стихотворца, а по обеим сторонам оного стояли все актеры и актрисы, одетые в траурное платье. Ни один из них не играл выученной роли: но все изъявляли печальным видом истинное чувствование своих сердец. Печальная музыка, сочинение славного здесьнего капельмейстера господина Бенда,¹⁰³ прервала сию торжественную тишину, после чего девица Деббелин высту-

⁹⁶ Библиотека немецких романов. Переведена с берлинского 1778 года издания Всл. Авшнм, ч. 1. М., 1780, стр. 95—96.

⁹⁷ Иерусалемово творение... стр. 42.

⁹⁸ «Растущий виноград», 1785, октябрь, стр. 50.

⁹⁹ «Вивлиофика журналов», 1787, июль, стр. 22.

¹⁰⁰ См.: Th. W. Danzel, G. E. Guhrauer. Cotthold Ephraim Lessing, sein Leben und seine Werke, Bd. 2, T. 2. Leipzig, 1854, SS. 317—318.

¹⁰¹ Т. е. труппа К.-Т. Деббелина (Doebbelin, 1727—1793), крупного актера и театрального деятеля, основателя постоянного театра в Берлине. Деббелин ставил пьесы Лессинга и раньше и, очевидно, был связан с ним длительное время.

¹⁰² Лессинг умер вечером 15 февраля 1781 г.

¹⁰³ Франц Бенда (Benda, 1709—1786) берлинский капельмейстер и музыкант, представитель большой семьи музыкантов и композиторов.

пила и сказала стихотворческую речь столь бесподобно хорошо, что с нею вместе проливали слезы не только многие из бывших в театре красавиц, но и самые мушны.¹⁰⁴ По окончании речи представлена была Лессингова трагедия, называемая Эмилия Галотти, причем игравшие оную актеры были все в трауре, но все друг пред другом старались показать наилучшею игрою, сколь дорог был для них Лессинг и сколь священны будут для них труды сего мужа даже и по смерти его».

Эти сведения не могли, конечно, дать сколько-нибудь основательного представления о критическом наследии Лессинга, о его позиции в литературной борьбе. В журнале посредственного литератора и переводчика Ф. О. Туманского «Лекарство от скуки и забот» имя Лессинга стояло рядом с именем Х.-А. Клотца, того псевдоученого «антиквар», которого Лессинг беспощадно высмеял в конце 60-х годов.¹⁰⁵ Русский или иностранный автор статьи хвалил при этом «мирные нравы» немецких писателей.¹⁰⁶

Среди подобных беглых или ошибочных замечаний выделяются слова Карамзина, которыми он сопровождал в «Московском журнале» спор «о суждении книг», возникший между В. Подшиваловым и Ф. Туманским.¹⁰⁷ На реплику обиженного Туманского, что критикам следует поступать по принципу «не судите, да не судимы будете», Карамзин возразил: «Но неужели вы хотите, чтобы совсем не было критики? Что была немецкая литература за тридцать лет перед сим и что она теперь? И не строгая ли критика произвела отчасти то, что немцы начали так хорошо писать?».¹⁰⁸ В другом месте он высказал решительное несогласие с Туманским, утверждавшим, что «охота к суждению трудов чуждых была всегда пищею мелких умов». «Лессинг, Мендельзон судили книги; но можно ли назвать их мелкими умами?» — спрашивал Карамзин оппонента.¹⁰⁹ Формирование основ русской литературной критики происходило, таким образом, не без влияния авторитета Лессинга.

Первый на русском языке отрывок из «Лаокоона» появился в журнале «Лицей» за 1806 год. Это был частичный перевод глав XX и XXI, очень близкий к подлиннику.¹¹⁰ Переводу был предпослан тезис, передававший основную мысль Лессинга довольно верно: «Поэт не должен изображать телесную красоту: но он

---

¹⁰⁴ Каролина Максимилиана Деббелин (1758—1828) — дочь К.-Т. Деббелина, популярная актриса. Текст произнесенного ею стихотворения см.: Th. W. Danzel, G. E. Guhrauer, Gotthold Ephraim Lessing, S. 317.

¹⁰⁵ См. «Briefe, antiquarischen Inhalts» (1768—1769).

¹⁰⁶ «Лекарство от скуки и забот», 1787, ч. II, стр. 135.

¹⁰⁷ Об этом споре см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 519.

¹⁰⁸ «Московский журнал», 1792, ч. V, кн. 2, стр. 278.

¹⁰⁹ Там же, стр. 281.

¹¹⁰ О пределах поэзии в отношении к телесной красоте (Отрывок из Лессингова Лаокоона). С нем. Влад. Бриммер. «Лицей», 1806, ч. 1, кн. 3, стр. 15—26.

может превратить ее в прелесть; ибо прелесть есть красота в движении». ¹¹¹

В 1816 году был переведен и опубликован в «Вестнике Европы» отрывок из письма Лессинга к Николаи, касающийся сущности трагедии. ¹¹² Первый перевод из «Гамбургской драматургии» был сделан значительно позднее — С. П. Шевыревым и напечатан в «Молве». ¹¹³ Попадали в русскую печать и биографические сведения о Лессинге, и суждения о нем иностранных писателей и критиков. ¹¹⁴ Наконец, в 1840-х годах «Отечественные записки» опубликовали биографию Лессинга, составленную по немецким источникам. ¹¹⁵

* * *

В истории раннего восприятия Лессинга в России можно различить, таким образом, примерно, три периода. В 60-х и 70-х годах XVIII века происходило первоначальное знакомство русской читающей публики с творчеством Лессинга, при этом преимущественное внимание уделялось Лессингу-баснописцу. В следующем двадцатилетии все большее значение для русского читателя и зрителя начали приобретать его драмы. И лишь к концу века и особенно в последующие годы Лессинг становится в глазах русского читателя тем, кем он собственно и был, — могучим реформатором немецкой литературы. ¹¹⁶ Разумеется, и этот его образ создавался не сразу. Но по мере формирования принципов русского реалистического искусства черты этого образа проступали все явственней, пока не нашли своего завершения в труде Н. Г. Чернышевского, ¹¹⁷ который стал не только первой работой русского лессинговедения, но и впервые поднял вопрос о принципиальном сходстве идеологической борьбы, которую вел Лессинг, с проблемами, которые решали русские революционные демократы.

---

¹¹¹ Там же, стр. 15.

¹¹² О трагедии (Сокращ. из Лессинга). «Вестник Европы», 1816, ч. 86, № 5, стр. 34—40 (пер. Г. Сокольского). — Примечание на стр. 34: «Лессинг был преобразователем немецкого театра. Весьма полезно знать мысли сего знаменитого писателя».

¹¹³ Об умеренности огня в актере (Из Драматургии Лессинга). «Молва», 1833, ч. 5, № 58, стр. 230—232.

¹¹⁴ Например: Нечто о Лессинге. «Северный вестник», 1804, ч. 1, № 3, стр. 343—345.

¹¹⁵ «Отечественные записки», 1840, т. XIII, № 11, отд. II, стр. 25—38.

¹¹⁶ См.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 287.

¹¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Лессинг, его время, жизнь и деятельность (1856). Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 5—221. — В работе Чернышевского немало замечаний о сходстве произведений Лессинга с явлениями русской литературы (стр. 126, 150 и сл.).

Р. М. Горохова

ДРАМАТУРГИЯ ГОЛЬДОНИ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Великий итальянский драматург Карло Гольдони (1707—1793), создатель реалистической комедии, сыграл большую роль в развитии всего западноевропейского театра. В обширном и разнообразном творчестве Гольдони отражались важные социальные сдвиги в Италии XVIII века и воплотились многие гуманистические и демократические идеи эпохи Просвещения. Убежденный сторонник воспитательной роли театра, Гольдони своими произведениями осуждал феодальные пережитки, боролся с предрассудками и воспитывал гражданское сознание народа. В своих комедиях Гольдони практически разрабатывал основные положения просветительской поэтики драматического искусства, которая позднее была теоретически изложена Дидро в его программе новой мещанской драмы.

Усвоив лучшие традиции национального и французского театра, Гольдони создал два драматургических жанра — комедию нравов из буржуазно-дворянской жизни на литературном итальянском языке и подлинно реалистическую комедию из народного быта на венецианском диалекте, где на сцену впервые вышли представители всех слоев итальянского народа.

Огромное литературное наследие Гольдони, включающее около трехсот произведений, в своей совокупности явилось настоящей энциклопедией итальянской жизни, особенно родной автору Венеции середины XVIII столетия.

Произведения Гольдони завоевали признание и восхищение его современников на родине и за ее пределами. В XVIII веке наибольшей популярностью за рубежом пользовались его комедии нравов, не носившие узко-национального характера и затрагивавшие вопросы и темы, интересовавшие все европейские народы в ту эпоху.

В России произведения Гольдони также были довольно широко известны при его жизни; они читались в оригинале и на французском языке, переводились, печатались и с успехом шли на сцене

в постановке иностранных и русских трупп. В XVIII веке на русский язык были переведены десятки комедий и оперных либретто итальянского драматурга. Помимо переводов, известно также несколько русских переделок и подражаний комедиям Гольдони. Произведения такого рода обычно печатались анонимно или же под именем русского автора, поэтому они наиболее трудны для выявления, и несомненно некоторые из них до сих пор остаются нераскрытыми.

В нашем литературоведении творчеству Гольдони посвящено немало работ,¹ однако совершенно недостаточно изучены переводы его произведений и постановки в дореволюционной России, особенно в России XVIII века. В 1933 году в предисловии к первому тому пьес Гольдони на русском языке А. К. Дживелегов писал: «Если я хорошо считаю, до сих пор переведено всего двенадцать комедий Гольдони»,² — и называл при этом только один перевод XVIII века — комедию «Благотельный грубиян». Отсутствие исследований на эту тему почувствовалось и на юбилейном конгрессе в Венеции, посвященном Гольдони (28 сентября—1 октября 1957 года). Н. Манджини в докладе «О произведениях Гольдони за пределами Италии» привел лишь отрывочные сведения о переводах в России и указал только пять переводов XVIII века.³ На том же конгрессе Ст. Мокульский в своем докладе «Гольдони и судьба его произведений в СССР» говорил уже о двенадцати переводах и постановках XVIII века, но назвал только восемь из них.⁴ В статье Е. Стронской «Гольдони на рус-

---

¹ См. например: В. М. Фриче. К. Гольдони. Общественное значение его комедий. «Голос минувшего», 1913, № IV, стр. 5—44; А. В. Амфиатов. Карло Гольдони. Критико-биографический очерк. В кн.: Карло Гольдони. Комедии, т. 1. Пгр., 1922, стр. 7—107; A. Amfiteatrov. Goldoni e la commedia russa. «Rivista d'Italia», 1928, VI; А. К. Дживелегов. Карло Гольдони и его комедии. В кн.: Карло Гольдони. Комедии. М., 1949, стр. 705—724. С. С. Мокульский. 1) В спорах о Гольдони. В кн.: О Театре. М., 1963; 2) Карло Гольдони. Там же; Б. Г. Рейзов. 1) Карло Гольдони. 1707—1793. М.—Л., 1957; 2) Вступительная статья в кн.: Карло Гольдони. Комедии, т. 1. М.—Л., 1959; 3) Итальянская литература XVIII века. Л., 1966 (гл. 5, Карло Гольдони); и др. — Библиография русских работ о Гольдони см.: Т. В. Дзюба. Карло Гольдони. Библиографический указатель. М., 1959.

² Карло Гольдони. Комедии, т. 1. М.—Л., 1933, стр. 7.

³ См.: N. Mangini. Sulla fortuna del Goldoni fuori d'Italia. In.: Studi Goldoniani. Atti del Convegno internazionale di studi Goldoniani promosso dal Comune di Venezia, dall'Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, e dalla Fondazione Giorgio Cini. (Venezia, 28 sett.—1 ott. 1957). A cura di V. Branca e N. Mangini, vv. 1—2. Venezia—Roma, 1960, v. 2, p. 306.

⁴ См.: S. Mokulski. Goldoni e la sua fortuna nell'URSS, Ibid., pp. 339—349. — К 250-летию со дня рождения Гольдони было завершено издание 40-томного собрания сочинений итальянского драматурга, под редакцией крупнейшего исследователя его литературного наследия — Джузеппе Ортолани (Opere complete di Carlo Goldoni, edite dal Municipio di Venezia nel II centenario dalla nascita. Vv. 1—40. Venezia, 1907—1957). В обширных комментариях этого издания приведены данные о переводах и постановках

ской и советской сцене»⁵ XVIII века уделено несколько страниц, но сведения, приведенные ею здесь, также далеки от полноты. Библиография Т. Дзюбы при всех своих достоинствах не учитывает, однако, многих переводов XVIII века и содержит некоторые неточности.

Задача настоящей статьи — привести все выявленные и уточненные сведения о переводах, изданиях и постановках произведений Гольдони в России XVIII века и по возможности дать оценку русским переводам и переделкам пьес итальянского драматурга. В статье неизбежно окажутся пробелы, тем более что некоторые издания утеряны или недоступны, а указания, разбросанные в литературе XVIII века и более позднего времени, зачастую противоречивы и просто ошибочны. Не удалось учесть (за исключением нескольких случаев) и возможные свидетельства по данному вопросу в мемуарной и эпистолярной литературе.

* * *

Еще задолго до того, как в России начали переводить комедии Гольдони, русские зрители познакомились с его произведениями в музыкальном театре.

В XVIII веке, со времен царствования Анны Иоанновны, итальянская музыка пользовалась большим успехом у русской знати, и на придворной службе почти постоянно находились итальянские музыканты, певцы, композиторы, либреттисты и целые оперные труппы.⁶ В 50-е годы появилась в России и опера-буффа, уже завоевавшая в Европе большую популярность.

Несмотря на то что итальянская комическая опера XVIII века была целиком построена на музыке (речитатив, арии и ансамбли), ее либретто, как правило на бытовой сюжет с демократической

произведений Гольдони в различных странах, но сведений о России там очень мало.

⁵ В кн.: Карло Гольдони. Комедии, т. 2. М.—Л., 1959 (ниже в ссылках: Стронская. Гольдони).

⁶ Об итальянской музыке в России XVIII века см., например: Я. Штели н. 1) Краткое известие о театральных в России представлениях от начала их до 1768 года. «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. 4 (перепечатано в сборнике «Музыкальная старина», СПб., 1907, вып. IV; ниже в ссылках: Штели н. Краткое известие); 2) Музыка и балет в России XVIII века. Л. 1935; Н. Ф. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. II. М.—Л., 1929; Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, 2 т. М., 1952—1953. R.-A. Mooser. 1) Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIII siècle. Essai d'un répertoire alphabétique et chronologique. 2-me éd. Genève, 1955 (1-e éd.—1945) (ниже в ссылках: Mooser. Opéras); 2) Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle, I—III. Genève (1948—1951) (ниже в ссылках: Mooser. Annales).

тенденцией, всегда играли большую роль в спектакле. Крупнейшие мастера оперы-буффа — Б. Галуппи, Дж. Паизиелло, Н. Пиччинни и другие — зачастую создавали свои произведения на либретто Гольдони. Этот род драматургии занимал значительное место в его творчестве и составил более ста интермедий и «комических драмм». Большинство из них (а некоторые и по несколько раз) были положены на музыку. Именно с музыкальными спектаклями и проникают сначала, правда обычно анонимно, произведения Гольдони в Россию.

Сведения о знакомстве в России с одним из ранних произведений Гольдони восходят еще к 1731 году, когда в Москву, ко двору Анны Иоанновны прибыла первая итальянская оперная труппа во главе с Томмазо Ристори.⁷ Среди ее спектаклей была и музыкальная интермедия на текст Гольдони — «Пеларина» (*La Pelarina*, 1729), представленная 13 мая 1731 года в Кремлевском дворце. Придворным императрицы, вероятно, осталось неизвестным имя либреттиста.⁸

После этого эпизода прошло много лет, прежде чем в России вновь появились произведения Гольдони. Большая роль в этом принадлежала оперному театру Локателли.

Итальянская труппа оперы-буффа, возглавляемая антрепренером Джованни Баттиста Локателли, которого Елизавета Петровна пожелала «принять в здешнюю императорскую службу»,⁹ приехала в Петербург в 1757 году. 3 декабря труппа начала свои спектакли в Императорском театре у Летнего сада музыкальной пасторалью «Убежище богов» на текст самого Локателли,¹⁰ и в течение 1758 года, согласно договору, обычно давала представления

---

⁷ Подробно об этой итальянской труппе см.: Mooser. *Annales*, t. I, pp. 35—84.

⁸ В Дрезденском архиве хранится корреспонденция саксонского посла Ле Форта при русском дворе, в которой, между прочим, сообщается об исполнении «Пеларины», но имени Гольдони там не упоминается (см.: Mooser. *Annales*, t. I, p. 372). Атрибуция текста этой интермедии (как и многих либретто опер, исполнявшихся в России XVIII века) принадлежит Р.-А. Мозеру.

⁹ Штелин. Краткое известие, стр. 164. — О деятельности Дж. Б. Локателли и его оперной труппы в России см.: Mooser. *Annales*, t. I, pp. 265—305.

¹⁰ В связи с повторением спектакля в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 5 декабря 1757 года было помещено следующее объявление: «Сего декабря 8 дня на большом театре близ Летняго дворца представлена будет для публики новоприбывшим сюда комическия оперы директором Локателлием, сочиненная на италианском языке драматическая пьеса, называемая «Убежище богов», с которые перевод на российский язык продается в Академической книжной лавке без переплету по 12 копеек; а каким образом пропуск имеет быть зрителям, о том от него Локателлия объявится особливым печатным листом». Несомненно, что объявление в газете и перевод пасторали были сделаны по инициативе Локателли.

один раз в неделю для императрицы и ее придворных «безденежно, а два раза в неделю на том же театре за деньги для публики».¹¹ Комическая опера в исполнении первоклассных артистов быстро завоевала любовь императорского двора и петербургских театралов — «год от году опера буффа чаще представляема была для публики».¹² Репертуар труппы Локателли состоял из новых и самых популярных итальянских комических опер (в добавление к операм обычно давались балеты). Вероятно, сведения о некоторых постановках до нас не дошли, но собранные Р.-А. Мозером данные отражают преобладание в репертуаре опер на либретто Гольдони. Так, в первый год пребывания итальянской труппы в Петербурге (1758 г.) было представлено девять опер, из них шесть — на тексты «комических драмм» Гольдони:¹³ «Аптекарь» (*Lo spreziale*), музыка В. Паллавичини и Д. Фискьетти; «Возвращение из Лондона» (*La ritornata di Londra*, в русских источниках известна под названием «Девуца, из Лондона возвратившаяся»), музыка Д. Фискьетти; «Небрежный» (*Il negligente*), музыка Дж. П. М. Рутини;¹⁴ «Лунный мир» (*Il mondo della luna*), музыка Б. Галуппи; «Сельский философ» (*Il filosofo di campagna*), музыка Б. Галуппи, и «Мыза» (*La cascina*), музыка Дж. Сколари.

К этим спектаклям были подготовлены и отпечатаны либретто на французском языке, более распространенном при дворе и среди образованных кругов общества.¹⁵ Французский прозаический перевод печатался параллельно с итальянским оригиналом, но имя Гольдони в этих изданиях не упоминалось. На русский язык в 1758 году либретто, вероятно, не переводились.¹⁶

¹¹ Ш т е л и н. Краткое известие, стр. 164.

¹² Там же.

¹³ См.: *Mooser. Annales*, t. I, pp. 296—300. — О репертуаре труппы Локателли известно по тем либретто, которые были напечатаны в связи с постановками опер, из сообщений в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях», из записей в «Камерфурьерском журнале» и по некоторым другим источникам.

¹⁴ Эту оперу Рутини написал в Петербурге для труппы Локателли (см.: *Mooser. Annales*, t. I, p. 297).

¹⁵ Время постановки этих опер указано на титульных листах либретто, а для «Возвращения из Лондона» устанавливается и точная дата первого (придворного) спектакля — 4 февраля 1758 года по записи в «Камерфурьерском журнале». Французский перевод либретто оперы «Лунный мир» обнаружить не удалось, хотя Мозер указывает, что он хранится в ленинградской Библиотеке АН СССР (*Mooser. Annales*, t. I, p. 297). Библиографические данные русских изданий либретто Гольдони (переводов и оригинальных текстов) приведены в конце статьи.

¹⁶ Правда, Мозер указывает, что в 1758 году были изданы русские переводы «Мызы» и «Лунного мира» и что они хранятся в Ленинграде (см.: *Mooser. Opéras*, pp. 28, 87), однако такие издания не обнаружены, и они не зарегистрированы в каких-либо других справочниках. Должно быть, Мозер допустил ошибку и указал русский перевод вместо французского. В издании «*Annales*» он приводит данные именно о французском переводе этих либретто (t. I, стр. 297—298). Позднее «комические драммы» «Аптекарь» и «Сельский философ» были переведены и напечатаны в Москве (см. ниже).

Целый год оперные спектакли шли в Петербурге с большим успехом, «и зрителей... всегда много бывало», поэтому энергичный антрепренер Локателли решил, «что в Москве, яко многлюднейшем городе оных еще больше будет; и тако с дозволения двора в исходе 1758 года он и поехал туда, дабы к новому 1759 году приготовить тамошний большой оперный дом».¹⁷ Локателли дополнительно выписал из Италии талантливых певцов, музыкантов и танцоров, организовал вторую оперно-балетную труппу, и начал свою деятельность в Москве. На открытии оперного театра у «Красных прудов», 29 января 1759 года, была представлена комическая опера Б. Галуппи на текст Гольдони «Сердечный магнит» (*La calamita de' suoi*).¹⁸ Летом того же года были показаны еще две оперы Галуппи на либретто Гольдони: «Граф Карамелли» (*Il conte Caramella*, известна в России также под заглавием «Граф Карамелла, или Ночной барабан»)¹⁹ и «Обращенный мир» (*Il mondo alla roversa*, т. е. «Мир наизнанку»),²⁰ точная дата постановки которой неизвестна. В связи со спектаклями в Москве²¹ либретто «драмм увеселительных на музыке» были переведены уже на русский язык и напечатаны с параллельным итальянским текстом, но опять без ссылки на Гольдони.

Все три перевода, заказанные одновременно разным лицам, сделаны по принципу подстрочника, имена персонажей транслитерированы с итальянского, а рядом указаны исполнители ролей. Художественных задач переводчики, очевидно, пред собой не

---

¹⁷ Ш т е л и н. Краткое известие, стр. 165.

¹⁸ См.: Mooser. *Annales*, t. I, p. 272; И. З. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. — Сборник общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891, стр. 573.

¹⁹ «Московские ведомости» от 13 июля 1759 года извещали о спектакле под таким названием, намеченном на 16 июля. Гольдони занимал сюжет этого произведения из прозаической комедии Ф. Детуша «*Le tambour nocturne ou Le mari devin*», которая ставилась в Петербурге в том же 1759 году под названием «Привидение с барабаном» (см.: *Драмматический словарь*. СПб., 1787, стр. 109—110) в переводе А. Нартова, изданном в 1764 году. — Ср. примеч ²⁴

²⁰ Сюжет «комической драммы» Гольдони «*Il mondo alla roversa o sia Le donne che comandano*» («Мир наизнанку, или Правление женщин») представляет собой вариацию на тему о господстве женщин в государстве. Вбунтовавшиеся женщины одержали победу, и мужчины находятся у них в подчинении, но у Гольдони эта тема соединена с изображением специфического явления итальянской действительности XVIII века — чичисбеизма (см. комментарий к произведению в издании: *Tutte le opere di Carlo Goldoni a cura di Giuseppe Ortolani*, 14 vv. Milano—Verona. Mondadori, t. X (1956)). Итальянский текст московского издания значительно отличается от канонического, и здесь все последовательно переведено в сугубо лирический план, и женщины боятся потерять уже не свое господство и независимость в государстве, а любовь своих мужей.

²¹ Помимо указанных трех опер на либретто Гольдони, из репертуара 1759 года известны еще две: «*Il pazzo glorioso*» и «*Didone abbandonata*» (см.: Mooser. *Annales*, t. I, pp. 303—305).

ставили — рифмованная проза и стихи оригинала переданы в общем тяжеловесной, а зачастую неуклюжей прозой. Сравнительно лучше, хотя, впрочем, тоже далеко не всегда удачно, оказался выполнен перевод либретто «Сердечный магнит», принадлежавший студенту Егору Булатницкому.^{21а} Здесь чувствуется хорошее знание итальянского языка, некоторая переводческая уверенность, отсутствие буквализма. Перевод «Обращенного мира» является просто посредственным подстрочником. Больше всего не повезло «Графу Карамелли». Переводчик — «учащийся при Императорском Московском Лейбгвардии конного полку квартирмейстер» Александр Карин слабо знал итальянский язык и допустил множество смысловых ошибок. Он мало заботился о ясности русского текста, и нередко из-под его пера выходили невразумительные фразы. Представление о переводе можно получить с первых строк комедии — хора поселян, который звучит следующим образом:

Для нас гораздо приятней
Сего винограду тихие нравы,
Хотя в поте лица
Работая, проводим малу жизнь.

Параллельный итальянский текст дает однако нечто совсем иное:

Son per noi più saporiti
Di quest'uve i dolci umori,
Poichè sparsi abbiam sudori
Le lor viti a coltivar.

Для нас еще приятней
Сего винограда сладостный сок,
Потому что мы в поте лица трудились,
Выращивая его лозы.

Реплика «Vieni, o cara, . . . al mio seno» («Приди, дорогая, ко мне на грудь») переведена словами: «Взойди дражайшая во внутренность мою» (стр. 96—97), и т. п.

Первые русские переводы «комических драмм» Гольдони, как бы ни были они малоудачны, выполняли свою роль — знакомили русских зрителей, не знавших итальянского языка, с содержанием опер — интригой и характерами действующих лиц. Инициатором этих русских переводов был, вероятно, сам Локателли, заинтересованный в привлечении в театр более широких кругов слушателей.

В Москве антреприза Локателли далеко не имела того успеха, как в Петербурге. Сначала опера вызвала большой интерес, но уже в феврале Локателли писал «своим приятелям в С.-Петербург, что он, издержав знатную сумму денег на приведение в порядок театра и на выписывание людей, в рассуждении малого числа зрителей не имеет почти надежды возвратить употреблен-

---

^{21а} Егор Булатницкий (ум. в 1767 году) является также составителем первой итальянской грамматики на русском языке, напечатанной в том же 1759 году, а затем переизданной в 1774 году (Новая итальянская грамматика собрана из разных авторов и переведена на российский язык Московского имп. Университета студентом Егором Булатницким. М., 1759).

ный им свой капитал, для чего и просил правительство дозволить ему давать маскарады» за плату.²² Несмотря на старания Локателли и на субсидии императрицы, дела оперы шли все хуже, сборы падали, спектакли ставились все реже. За следующий, 1760 год имеется только одно объявление в «Московских ведомостях» о постановке 26 апреля какой-то интермедии. В начале 1761 года Локателли вынужден был прекратить свою деятельность в Москве, объявил себя банкротом и вернулся в Петербург, где другая его труппа продолжала выступления с большим успехом.

В 1759 году, когда Локателли был занят преимущественно в Москве, репертуар петербургской труппы содержал только четыре новых спектакля, три из них — на либретто Гольдони: опера Б. Галуппи «Аркадия на Brente» (*Arcadia in Brenta*), музыкальная интермедия В. Л. Чампи «Сказка о трех горбунах» (*Favola dei tre gobbi*)²³ и уже представленная ранее в Москве опера «Граф Карамелли».²⁴

26 января 1759 года в «С.-Петербургских ведомостях» сообщалось: «Сего месяца 29 числа в Императорском оперном доме у Летнего саду представлена быть имеет комическая опера, называемая „Аркадия ин Brenta“, или „Собрание при реке Brente“ с двумя балетами... Ежели кто желает иметь ноты сей оперы и балетов, то оные получить может за прежнюю цену. С зрителей брано будет по рублю».²⁵ Предложение нот «за прежнюю цену» свидетельствует, что такая продажа была обычным явлением. Никаких сведений о переводе либретто этих спектаклей у нас нет. Очевидно, когда такие либретто бывали изданы, они продавались, так же как и ноты, всем желающим «зрителям».²⁶ При дворе, если опера шла в день какого-либо праздника, либретто раздавались за обедом.²⁷

²² Я. Штелин. Краткое известие, стр. 165.

²³ Известна также под названием «*Tre gobbi innamorati*» (см.: Моосег. *Opéras*, pp. 144—145). 2 июня 1759 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщалось о намеренном на 5 июня спектакле «Трое горбатых». Позднее итальянский композитор Кавос (приехавший в Петербург в 1798 году и проживший там 42 года) написал русскую оперу «Три брата горбуны» — вероятно, также на основе произведения Гольдони. В 1795—1796 годах в петербургском Деревянном театре ставился балет «Три горбуна»; см.: Архив дирекции имп. театров. вып. I, Отд. III, СПб., 1892, стр. 231 (Ниже в ссылках: Архив дир. имп. театров).

²⁴ Объявление о публичном спектакле 10 сентября помещено в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 7 сентября 1759 года. Н. Финдейзен называет оперу просто «Ночной барабанщик» (см. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. II. М.—Л., 1929, стр. 114).

²⁵ Желая привлечь больше публики, с сентября 1759 года Локателли снизил цены в партере до 50 копеек на спектакли, шедшие в третий раз (см.: «Санкт-Петербургские ведомости» от 7 сентября 1759 года).

²⁶ Ср. примеч.¹⁰.

²⁷ Я. Штелин упоминает о таком обычае, говоря о спектаклях 1762 и 1765 годов, но, должно быть, это относилось и к более раннему периоду

1760 год был особенно трудным для Локателли в Москве, поэтому он не мог уделять большого внимания петербургской труппе.²⁸ Репертуар этого года неизвестен за исключением одной пасторали Ф. Цопписа на текст Метастазियो «La Galatea».²⁹ В 1761 году в Петербурге было поставлено несколько новых опер, из которых известны четыре: опера Глюка на либретто Метастазियो «Китайки» (Le Cinesi) и три комических оперы на либретто Гольдони: «Беседа» (La conversazione), музыка Дж. Скотари;³⁰ «Бертольдо при дворе» (Bertoldo in corte), музыка В. Чампи,³¹ и «Купанья в Абано» (I bagni d'Abano), музыка Б. Галуппи.³²

Либретто этих опер, по-видимому, не были переведены. Очевидно, в Петербурге было достаточно зрителей, понимавших итальянский язык³³ или просто довольствовавшихся музыкальной стороной спектаклей, которая, как известно, была на очень высоком уровне.

В конце 1761 года в связи со смертью императрицы Елизаветы всякие спектакли в России были прекращены и петербургская оперная труппа Локателли также распалась.

Деятельность труппы Локателли явилась поистине замечательной страницей в музыкальной жизни России середины XVIII века. За короткий период петербургская и московская публика познакомилась не только с широко известными в Европе шедеврами мастеров оперы-буффа, но в какой-то мере, хотя и

(см.: Я. Штелин. Музыка и балет в России XVIII века. Л., 1935, стр. 123, 131). Во всяком случае, либретто итальянских музыкальных постановок при дворе переводились и печатались еще во времена Анны Иоанновны.

²⁸ В 1759 году петербургская труппа давала уже по три платных спектакля, вслед за придворной премьерой (см.: примеч. 25).

²⁹ См.: Moore. Annales, t. I, p. 301.

³⁰ Придворный спектакль этой оперы давался 23 февраля 1761 г. (см.: Moore. Annales, t. I, p. 303).

³¹ 13 апреля 1761 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявлено: «На святой неделе на итальянском оперном театре представлена будет новая опера, называемая „Бертольд при королевском дворе“». Эта опера в переработке Ж. Фавар и Э. Р. Дуни была поставлена также французской оперной труппой в Петербурге 15 декабря 1765 года под названием «Le sargise amoureux ou Ninette à la cour» (см.: С. Порошин. Записки, служащие к истории его императорского высочества... Павла Петровича. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 550. Ниже в ссылках: Порошин. Записки).

³² 2 октября 1761 г. «Санкт-Петербургские ведомости» извещали: «В будущей понедельник, то есть 8 числа сего месяца... представлена быть имеет новая комическая опера, называемая „Баня“».

³³ При дворе итальянскому языку уделялось немало внимания. Об этом свидетельствует и запись С. Порошина: «17 декабря 1765 г. Во время одевания, забавляясь, его Высочество (11-летний будущий император Павел Петрович, — Р. Г.) изволил по книге петь разные арии из итальянских Метастазиевых опер» (см.: Порошин. Записки, стр. 551). Об увлечении русской знати итальянской музыкой и языком еще в царствование Анны Иоанновны см.: Я. Штелин. Музыка и балет в России XVIII века, стр. 83 и сл.

анонимно, также и с творчеством Гольдони-либреттиста. Из репертуара труппы нам известны 24 оперы, причем 14 — на тексты Гольдони. Половина этих либретто была издана в России в переводе на русский или французский языки.

В первые годы царствования Екатерины II при императорском дворе существовала только *Opera-seria*, но она, очевидно, ставила и комические спектакли. В 1763 году в Петербурге для императрицы и ее приближенных исполнялись две интермедии, музыка к которым была написана придворным итальянским композитором Винченцо Манфредини. Текст одной интермедии — «Воспитанница» (*La pupilla*) — принадлежит Гольдони;³⁴ о второй — «Притворная больная» (*La finta ammalata*) — Мозер также высказал предположение, что ее либретто написано по одноименной комедии Гольдони.³⁵

За последующее десятилетие, довольно скудное итальянскими спектаклями, известна только одна опера, либретто которой связано с произведением Гольдони, — «*Le sarpise amoureux ou Ninette à la cour*»³⁶ в исполнении французской оперной труппы.³⁷

В 1774 году в Москве давала спектакли итальянская опера-буффа Т. Николини, но из ее репертуара известна лишь опера Галуппи «Сельский философ».³⁸ На этот раз к спектаклю был издан русский перевод либретто (с параллельным итальянским текстом) и на книжке указан псевдоним Гольдони — «Полиссен Феджей».³⁹

Анонимный переводчик, по-видимому, неплохо знал итальянский язык, хотя и допустил некоторые ошибки. Перевод стихо-

³⁴ Интермедия «*La pupilla*» впервые была исполнена в Венеции в 1734 году с музыкой неизвестного автора. См.: Mooser. *Annales*, t. II, p. 28—29.

³⁵ См.: Mooser, *Opéras*, p. 56. Ср.: Mooser. *Annales*, t. II, p. 29.

³⁶ См. примеч. ³¹. В 1767 году на придворном московском театре итальянская труппа показала комическую оперу Б. Галуппи «Хитрая надзирательница» (*La governante astuta*) на либретто Дж. Б. Локателли, которое было переведено и напечатано в Москве. Мозер ошибочно считает, что под этим названием шла опера Галуппи на текст Гольдони «Остроумная служанка» (*La cameriera spiritosa*). Об этом см.: Mooser. *Opéras*, p. 25. В действительности между либретто Гольдони и Локателли нет ничего общего.

³⁷ По поводу спектаклей французской комической оперы, приехавшей в Петербург в 1764 году, Я. Штелин пишет: «...двор с удовольствием смотрел их игру и слушал пение. Они имели тем больший успех, что эти новые французские зингшпили были сочинены более в итальянском, чем французском вкусе, а исполнялись на французском языке, более употребительном при дворе, чем итальянский» (Я. Штелин. Музыка и балет в России XVIII века, стр. 130).

³⁸ Мозер предполагает, что в репертуаре труппы могла быть также опера Н. Пиччинини на либретто Гольдони «Добродетельная девушка» (*La buona figliuola*). Об этом см.: Mooser. *Annales*, t. II, pp. 119, 124

³⁹ К этому времени вышли первые русские переводы комедий Гольдони.

творного либретто сделан прозой и написан хорошим языком. Правда, малоудачны оказались некоторые песенки-загадки служанки Лезбины, полные пикантных намеков.

Переводу предпослано «содержание», кратко излагающее либретто, но там все оказалось перепутано. «Содержание» написано несомненно другим лицом, не знавшим итальянского языка, так как в тексте появились изменения, которые нельзя объяснить ошибками наборщиков. Так, фраза Лезбины: «Послушайте, добрый господин, песенки в похвалу бывают редки», — явная перedelка из фразы: «Послушайте, добрый господин, песенку в похвалу редьки».⁴⁰ После такого «исpravления» сама песенка-загадка звучит в устах девушки уже совсем нескромно.

Возможно, путаница в «содержании» возникла в связи с тем, что в списке действующих лиц исчезло одно из главных — Евгения. Вероятно, по той же причине ее имя было выброшено из текста первого действия, а ее реплики переданы другой девушке. В результате в общем удачно сделанный перевод, к сожалению, потерял свое значение как самостоятельное произведение для чтения.

Вероятно, к 1777 году относится исполнение интермедии Паизиелло на текст Гольдони «Кафе» (*La bottega del caffè*) в доме графа Г. Орлова.⁴¹

26 декабря 1777 года немецкая оперная труппа представила в Петербурге итальянскую оперу Н. Пиччинни на либретто Гольдони «Критическая ночь» (*Die Nacht*, в оригинале — *La notte critica*),⁴² а 4 января 1778 года та же труппа показала другое произведение Пиччинни на либретто Гольдони — знаменитую оперу-буффа «Добродетельная девушка» (*Das gute Mädchen*, в оригинале — *La buona figliuola*).⁴³ В России, как и в других

⁴⁰ В итальянском тексте Лезбина предлагает послушать песенку о редиске (*ravanello*, мужск. р.), а в русском — о редьке:

Пока я молода,
то хороша и приятна,
нежна и вкусна,
а как состарюсь,
то меня бросают,
уже я тогда не гожусь,
и никого не прельщаю.
(действие I, явление 2).

⁴¹ Мозер отмечает, что ни в одном русском источнике эта постановка не упоминается. Е. Фаустини-Фазини (*E. Faustini-Fasini. Opere teatrali e cantati di G. Paisiello. Bari, 1940, p. 87*) датирует постановку 19 декабря 1781 года, но в то же время указывает, что спектакль был дан в связи с рождением великого князя Александра Павловича. На этом основании Мозер относит спектакль к 12 декабря 1777 года [см.: *Mooser*. 1) *Annales*, t. II, p. 210; 2) *Opéras*, pp. 22—23].

⁴² См.: «Санкт-Петербургские ведомости» от 22 декабря 1777 года; *Mooser Opéras*, p. 92.

⁴³ См.: «Санкт-Петербургские ведомости» от 2 января 1778 года; *Mooser Opéras*, p. 23. — Финдейзен приводит обе оперы Пиччинни как анонимные (см.: Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России,

странах, эта опера пользовалась большим успехом. В следующем, 1779 году она шла в Петербурге уже в исполнении новой частной итальянской оперы-буффа Маттеи-Ореча,⁴⁴ а летом 1782 года была поставлена на русском языке под названием «Добрая девка»⁴⁵ в Кусковском театре князя Шереметева с 14-летней Парашей Жемчуговой в главной роли.⁴⁶ Перевод либретто для этой постановки был выполнен постановщиком спектакля И. Дмитриевским⁴⁷ и напечатан в том же году.

Сопоставление перевода Дмитриевского с подлинником обнаруживает значительные расхождения. Это уже не рабский подстрочник, как в предыдущих переводах либретто, а переладка, приспособленная для постановки оперы на русском языке. Определение переводчиком своего труда как «подражания» довольно близко к истине. При сохранении сюжета, основных положений и даже многих частных в произведение внесены и значительные изменения, например иными оказались взаимоотношения некоторых персонажей: маркиз влюблен уже не в свою садовницу, а в воспитанницу своей тетки, маркиза превратилась из сестры в тетку, а жених ее совсем исчез, и т. д. Прозаический текст русского либретто чередуется со стихотворными куплетами (в оригинале — стихи и рифмованная проза). В этом издании имя Гольдони снова не упоминается.

В 1779 году⁴⁸ итальянская труппа показала в Петербурге оперу-буффа «Молодая графиня» (*La contessina*), текст которой был написан придворным либреттистом М. Кольтеллини на основе «комической драммы» Гольдони того же названия. В связи с постановкой оперы в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 января было помещено курьезное объявление: «Завтра, то

т. II. М.—Л., 1929, стр. 114—115). Возможно, эту оперу уже ставила в Москве итальянская труппа в 1774 году (см.: примеч. ³⁸).

⁴⁴ «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 мая 1779 года сообщали о спектакле, назначенном на 20 мая. Об учреждении новой итальянской оперы в Петербурге см.: *Mooserg. Annales*, t. II, pp. 214—216.

⁴⁵ В. И. Морков (Исторический очерк русской оперы с самого ее начала по 1862 год. СПб., 1862, стр. 33) упоминает о какой-то опере «Добрая девка», «сочинение Матинского, музыка Фомина».

⁴⁶ Труппа князя Шереметева ставила эту оперу и в последующие годы. См.: П. Маринчик. Недопетая песня. Л.—М., 1965.

⁴⁷ Иван Афанасьевич Дмитриевский (1736—1821) один из основателей русского театра, актер и драматург, ставил также и другие итальянские оперы, либретто которых сам переводил (см.: П. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 142; В. Всеволодский-Гернгросс. Иван Афанасьевич Дмитриевский. М.—Л., 1945).

⁴⁸ Также в 1779 году в Петербурге была поставлена опера Дж. Сартини на либретто Т. Гранди «Деревенская ревность» (*Le gelosie villane*). В объявлении «Санкт-Петербургских ведомостей» от 24 сентября сказано, что автором оперы якобы является Карло Гольдони. Таким образом, едва ли не первое появление имени Гольдони на страницах газеты оказалось ошибочным. Ошибку повторяют многие русские издания; на нее указал Мозер [см.: *Mooserg.* 1) *Annales*, t. II, p. 236; 2) *Opéras*, p. 60].

есть 23 генваря, будет на театре сухопутного шляхетного кадетского корпуса представлена опера г. Буфа <I>, называемая la Contessina, в следующую субботу и воскресенье во 2 и 3 раз». ⁴⁹

24 сентября 1783 года в Петербурге открывался новый Каменный, или Большой театр. Для этого события Дж. Паизиелло, находившийся на службе при дворе Екатерины II, ⁵⁰ подготовил музыкальное представление «Лунный мир» (la festa giocosa «Il mondo della luna»), явившееся переделкой его собственной оперы на либретто Гольдони, но первоначально названной «Il credulo deluso» («Разочарованный доверчивый»). ⁵¹ В связи с постановкой было издано итальянское либретто спектакля.

Из опер, написанных итальянскими композиторами в России в 80-е годы, известны две на либретто Гольдони: «Двое спорят, третий в выигрыше» («Fra i due litiganti il terzo gode»), музыка Дж. Сартти ⁵² и «Любовь ремесленника» («L'amore artigiano»), музыка К. Канноббио, которая ставилась в Петербурге в 1785 году, и тогда же было издано ее либретто на итальянском языке. ⁵³

Вероятно, также в 80-е годы в России исполнялась опера Э. Р. Дуни на либретто Гольдони «Остров дураков». Точных сведений о постановке у нас нет, но, должно быть, опера шла на русском языке. «Драмматический словарь» сообщает нам следующее: «„Остров дураков“. Комическая опера в двух действиях, парадирована из Голдониева театра; музыка известного лучшего музыканта г. Дуни. Переведена с французского языка Васильем Левшиным 1787 года». ⁵⁴ Не ясно, был ли напечатан этот перевод, и обнаружить его не удалось. ⁵⁵ Известно, что французское ли-

---

⁴⁹ На либретто Гольдони «La contessina» было написано несколько опер. Композитор оперы, представленной в Петербурге, не установлен. Мозер колеблется между Ф. Л. Гассманом и Дж. Астаритой [см.: Моосег. 1) Opéras, p. 33; 2) Annales, t. II, pp. 228—229].

⁵⁰ О деятельности Дж. Паизиелло в России см.: Моосег. Annales, t. II, pp. 191—362.

⁵¹ См. там же, стр. 269, 342, 350—351. — Мозер сообщает также о постановке этого произведения в Москве на русском языке 8 сентября 1796 года (см.: Моосег. Opéras, pp. 87—88).

⁵² Предполагается, что опера ставилась в 1785 году в Петербурге, но точных сведений об этом нет (см.: Моосег. Opéras, p. 59).

⁵³ Мозер высказал сомнение в том, что музыка написана К. Канноббио (см.: Annales, t. II, p. 432). Однако в предисловии к петербургскому изданию либретто указано, что опера является первым опытом композитора в вокальном жанре, но что в нее включены итальянские народные песни и один французский речетатив из оперы Люлли.

⁵⁴ Драмматический словарь, стр. 103.

⁵⁵ Указания В. Всеволодского-Гернгросса относительно издания перевода основаны на приведенной записи в «Драмматическом словаре» (В. Всеволодский-Гернгросс. Алфавитный указатель пьес, представленных, а также изданных в России в XVII и XVIII вв. В статье: Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв. Сборник Историко-Театральной Секции, т. I, статья 8. Пгр., 1918, стр. 43; ниже в ссылаках: Все в. - Герн. Указатель).

бретто оперы написано по произведению Гольдони «Архифанфано — король дураков» (*Archifanfano, re dei matti*).⁵⁶

В конце XVIII века, 19 мая 1796 года, в Петербурге придворной итальянской труппой была показана комическая опера В. Мартин-и-Солера «Ворчун — доброе сердце», (*Il burbero di buon cuore*)⁵⁷ на либретто Л. да Понте, написанное по комедии Гольдони «Благодетельный грубиян», которая уже ранее была переведена на русский язык, шла на сцене, а в 1796 году снова ставилась в Петербурге французской труппой.⁵⁸

В том же 1796 году либретто оперы было переведено И. Виеном.⁵⁹ Вероятно, готовилась русская постановка оперы, но сведений о ее исполнении не обнаружено, хотя и сохранилась рукописная партитура оперы.⁶⁰

В 1799 году для торжеств по случаю бракосочетания дочери Павла I Дж. Сартти написал вокальную композицию «Эпиталама» и оперу «Эней в Лациуме» на либретто Ф. Моретти, которая была исполнена итальянскими артистами 15 октября в Гатчинском театре. Возможно Моретти написал свое либретто в подражание трагикомедии Гольдони «*Enea nel Lazio*» (1760).⁶¹ Текст итальянского либретто с изложением его на французском языке был издан в Петербурге в том же 1799 году. В 1800—1801 годах опера представлялась еще несколько раз на сценах Гатчинского и петербургского Каменного театров.⁶²

---

⁵⁶ *L'isle des foux. Comédie en deux actes mêlée d'ariettes, parodie de L'Archifanfano de Goldoni par Messieurs... et Anseume. La musique est de Monsieur Duny. Avignon, 1765.* — В 1793 году в Калуге было опубликовано оперное либретто В. А. Левшина «Король на охоте» (Опера комическая в трех действиях. Положена на музыку И. Ф. Керцелием. Калуга, 1793). Мозер высказал предположение, что либретто написано по одноименной комической мелодраме Гольдони «*Il re alla caccia*» (см.: Моосер. *Opéras*, р. 76). Однако, по-видимому, Левшин взял за основу своего произведения французскую пьесу Ш. Колле «Выезд на охоту Генриха IV», напечатанную анонимно на русском языке в Петербурге, в 1787 году, и значительно переработал ее начало, сохранив почти полностью текст последнего действия. В. И. Морков (Исторический очерк русской оперы с самого ее начала по 1862 год. СПб., 1862, стр. 33) упоминает об опере «Король на охоте. Соч. Левшина, музыка Булана».

⁵⁷ В репертуарных списках «Архива дирекции имп. театров» опера означена «Бурберо» (стр. 214).

⁵⁸ См. ниже.

⁵⁹ Иван Иванович Виен (ум. в 1805 г.) — доктор медицины, редактор «Записок русских врачей» и переводчик нескольких итальянских либретто. В «Архиве дирекции имп. театров» (стр. 151) упоминается о расписке Виена в получении денег за перевод либретто «Ворчун — доброе сердце». Мозер пишет, что этот перевод был издан в 1796 году, но, вероятно, он повторяет ошибочные сведения В. Всеволодского-Гернгросса (см.: Всеволодский-Гернгросс. *Указатель*, стр. 17; Моосер. *Opéras*, р. 24).

⁶⁰ См.: Архив дир. имп. театров, стр. 151.

⁶¹ См.: Моосер. *Annales*, t. III, р. 721.

⁶² См.: Архив дир. имп. театров, стр. 220. — Упомянем также, что в 1798 году в петербургском Каменном театре ставились балеты под на-

В заключение обзора музыкальных спектаклей и переводов либретто следует упомянуть еще об одном произведении, связанном с оперой. В 1789 году в Москве вышел перевод «комической мелодраммы» Гольдони «Аптекарь» (*Lo speziale*), выполненный студентом Ф. Розановым.⁶³ В издании указано, что опера «Аптекарь» представлялась в Петербурге в 1758 году, но это сообщение носило чисто информационный характер, так как перевод был подготовлен явно незадолго до его публикации (учитывая возраст переводчика). Очевидно, Розанов решил перевести «Аптекаря» как самостоятельное, независимое от партитуры, драматическое произведение,⁶⁴ при этом труд его явился, по-видимому, первым русским переводом произведения Гольдони в более строгом смысле слова. Здесь нет никакого «склонения на русские нравы», все сохранено: итальянские имена, реалии, место действия (хотя в переводе оно не отмечено специально). Правда, и ситуация в пьесе такова, что ее невозможно перенести в русскую действительность XVIII века. События происходят в доме аптекаря Семпрония, который хочет жениться на своей богатой воспитаннице. Возлюбленный воспитанницы и его друзья решают обмануть Семпрония, используя его пристрастие к заграничным новостям и слепую веру в газеты. Молодые люди, переодетые турками, приходят к аптекарю и приглашают его в Турцию; Семпроний соглашается ехать с ними и на радостях отдает им в жены свою дочь и воспитанницу.

Розанов хорошо знал итальянский язык и несомненно был наделен литературными способностями. Перевод выполнен в соответствии с оригиналом частично прозой, частично стихами, хотя размер стихов не соблюдается. Вообще переводчик свободно обращается с текстом, но делает это с чувством меры и сохраняет тональность оригинала.⁶⁵ В наиболее комичных сценах Розанов часто находит остроумные эквиваленты непереводаемым выражениям и игре слов. Перевод получился удачным и мог служить занимательным чтением для русских любителей словесности. К сожалению, и в этом издании имя Гольдони снова не указано.

Причина, побудившая Розанова приняться за перевод именно этой, в общем малопримечательной, пьесы, неизвестна. Возможно,

званием «Своенравная трактирщица» и «Обманчивая трактирщица». Должно быть, речь шла об одном и том же балете, и возможно он был написан на сюжет комедии Гольдони «Трактирщица» (*La locandiera*); см.: Архив дир. имп. театров, стр. 228, 230.

⁶³ Фома Филимонович Розанов (1767—1810) — писатель и переводчик.

⁶⁴ По сравнению с итальянским либретто, напечатанным в 1758 году в Петербурге, в переводе имеются некоторые дополнения, свидетельствующие о том, что он осуществлен по более полному тексту.

⁶⁵ Едва ли не единственным принципиальным нарушением этой тональности является фраза переводчика: «Ведь торговать — наука лгать» (действии 1, явление 2), невозможная для Гольдони при его уважении к людям, занимающимся торговлей, которые, по его убеждению, являлись едва ли не самыми полезными гражданами общества.

здесь сыграла роль ассоциация с комедией «Мещанин во дворянстве», откуда Гольдони заимствовал тему турецкой сцены.⁶⁶

Таким образом, благодаря музыкальному театру жизнерадостные и остроумные «комические драммы» Гольдони были довольно широко представлены в России. Только по дошедшим до нас сведениям, ставилось более двух десятков опер на его либретто, причем многие из них издавались на итальянском, французском и русском языках. Несмотря на посредственность отдельных русских переводов, в общем они давали возможность русским зрителям познакомиться с некоторыми сторонами творчества Гольдони. Правда, само имя Гольдони, так тесно связанное с расцветом итальянской оперы-буффа, в русских изданиях того времени обычно не упоминалось.⁶⁷

* * *

Несмотря на то что в России были представлены десятки опер на либретто Гольдони, а сами либретто иногда переводились на русский язык и печатались, комедии Гольдони до 70-х годов, по-видимому, не привлекали внимания русских театральных деятелей. Только когда до России дошел слух об успехе комедии Гольдони «Благодетельный грубиян», поставленной в Париже на французском языке, русские переводчики заинтересовались его творчеством. Первой комедией, переведенной на русский язык в 1772 году, и явился «Благодетельный грубиян». Вслед за ним в 1773 и 1774 годах были напечатаны переводы комедий «Домашние несогласия» и «Лжец», а в 90-е годы еще три перевода: «Забавный случай», «Истинный друг» и «Слуга двух господ».

Помимо названных, было переведено еще несколько комедий Гольдони, но они остались ненапечатанными, хотя некоторые из них, вероятно, ставились на сцене.

Большая заслуга в переводе пьес Гольдони принадлежит Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг,⁶⁸ особенно когда с 1775 года заведование Собранием по повелению Екатерины II было передано новому директору Академии наук — С. Г. Домашневу. Хотя управление Домашнева в общем неблагоприятно отразилось на деятельности Собрания,⁶⁹ однако при нем обращалось особое внимание на перевод пьес для театра, и только

---

⁶⁶ Перевод комедии Мольера вышел в России в 1788 году.

⁶⁷ За исключением изданий: «Il mondo della luna» и «Сельский философ».

⁶⁸ См.: В. П. Семеновников в Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913. (Ниже в ссылках: Семеновников в Собрание).

⁶⁹ См.: там же, стр. 12.

в 1779—1780 годы было переведено 27 комедий и одна комическая опера. Эти пьесы в рукописи отдавались в театр и некоторые исполнялись на сцене.⁷⁰ В списке пьес, отданных в театр, Семенников перечисляет 28 названий, из них 16 приведено анонимно, в числе других 12 указаны комедии Корнеля, Бомарше, Мариво, Геллерта и Гольдони, причем названы пять комедий Гольдони: «Светский человек», «Тщеславные женщины» и «Хитрая вдова» (перевод Я. Княжнина с итальянского языка), «Слуга двух господ» (перевод Поморского с французского языка) и «Странный случай» (с немецкого языка).⁷¹ До нас дошли сведения о постановках двух последних комедий, а напечатан был лишь «Странный случай». Семенников пишет, что в Собрании был только один переводчик с итальянского языка — Я. Б. Княжнин,⁷² но это явно не соответствует действительности. Упомянутый Семенниковым в числе переводчиков Иосиф Гандини, должно быть, также владел итальянским, а переведенная им комедия «Послушная дочь» скорее всего является комедией Гольдони «La figlia ubbidiente». Не исключено, что и указанная там же комедия «Соперники» восходила к какой-то пьесе Гольдони.⁷³ Кроме того, в списке анонимных пьес числится «Сын расточительный», который, по всей вероятности, является комедией Гольдони «Il prodigo» и переведен П. Фрейбергом с итальянского языка. Комедией Гольдони мог быть и перевод З. А. Крыжановского — «Обманутый опекун».⁷⁴ Ни одна из этих пьес, отданных в театр, не сохранилась.

П. Арапов приводит также сведения о постановке 20 января 1796 года в Петербурге на Эрмитажном театре комедии А. Копьева «Бабы сплетни».⁷⁵ Название это наводит на мысль о пьесе Гольдони с таким же заглавием (*I pettegolezzi delle donne*).

Как уже говорилось, первой на русский язык была переведена предпоследняя комедия Гольдони, написанная на французском

⁷⁰ См.: там же, стр. 13.

⁷¹ См.: там же, стр. 80—85.

⁷² См.: там же, стр. 16.

⁷³ Сохранилась еще одна расписка Гандини в получении денег за перевод третьей, неизвестной пьесы в том же 1779 году (см.: Семенников. Собрание, стр. 80).

⁷⁴ Комедии с точно таким заглавием у Гольдони нет, но некоторые названия очень близки, а по смыслу и многие его произведения подходят под такое заглавие. О том, что Крыжановский знал итальянский язык, свидетельствует его перевод «театрального зрелища» Дж. Бригонци «Храм общие радости», изданный в Петербурге в 1780 году.

⁷⁵ См.: П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 121. — В 1776 году в Петербурге шла также кукольная комедия Вейсе «Бабы сплетни» (см.: «Санкт-Петербургские ведомости», 19 января, 1776, № 6).

языке в 1771 году и тогда же поставленная в Париже, — «Благодетельный грубиян» (*Le bourgu bienfaisant*, в переводах — «Ворчун-благодетель», «Благодетельный брюзга», «Дядюшка-горячка»).

Комедия эта, «замеченная в лучших на Парижском театре»,⁷⁶ сразу же стала известна в России, была переведена Михаилом Храповицким⁷⁷ и уже в 1772 году напечатана в Петербурге.⁷⁸ Перевод Храповицкого принадлежит к наиболее удачным для того времени русским переводам пьес Гольдони.

Согласно принятой в XVIII веке переводческой практике, действие перенесено в Россию, имена персонажей заменены русскими, типичными для театра того времени: Прелеста и Миловидов, Мягкосердов, Прямыков и т. п.⁷⁹ Но заменив имена, форму обращения действующих лиц друг к другу и некоторые национальные реалии (например, денежные единицы), в остальном Храповицкий бережно относится к тексту Гольдони и точно следует за подлинником. Однако точность не сковывает переводчика — он сумел передать естественность и живость диалогов, остроту характеров. И при совершенно несущественных изменениях перевод очень органично превратился в русскую пьесу: она воспринимается как оригинальное, хорошо написанное произведение.

Такое удачное «преложение» объясняется, помимо таланта переводчика, также и характером самой пьесы. Действие комедии происходит во Франции, но ничего специфически французского в ней нет. Это уже традиционная для Гольдони комедия нравов, где героем является своенравный и ворчливый, но добродушный дядюшка. Все персонажи благородны — начиная с самого дядюшки и кончая слугой. Дядюшка гневается только по недоразумению, и когда все разъясняется, то даже разорившийся его племянник (оказывается, что он разорился не по ветрености, а из-за чрезмерной любви к своей жене) получает прощение и помощь, а его племянница — согласие на брак и приданое.

Подобная «благородная» комедия, выдержанная в стиле мольеровской школы, была совершенно во вкусе эпохи, и «Благодетельный грубиян» пользовался большей популярностью в России, так же как и во многих европейских странах. По свидетельству

---

⁷⁶ Драматический словарь, стр. 25.

⁷⁷ Михаил Васильевич Храповицкий (1758—1819) — русский поэт и переводчик, перевел пьесу Гольдони в четырнадцатилетнем возрасте. (см. о нем: Раут на 1852 год. М., 1852, стр. 204—252; П. Р. Заборов. Незданная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года». В кн.: XVII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 429—434).

⁷⁸ «Благодетельный грубиян», комедия, игранная на Парижском театре, сочинения г. Гольдони, переведена с французского Михаилом Храповицким. <Тип. Акад. наук>, СПб., 1772.

⁷⁹ Только главное действующее лицо — сам дядюшка — вдруг лаконично назван Германом. По-видимому, переводчик не нашел для него ничего подходящего и взял имя, по написанию близкое к оригиналу: *monsieur Géronte*.

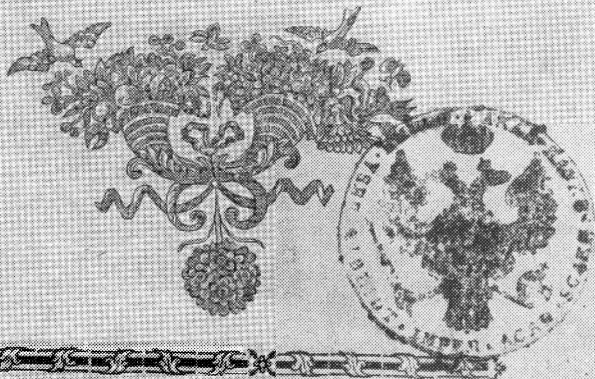
БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ
ГРУБІАНЪ,

КОМЕДІЯ

игранная на Парижскомъ театрѣ,
сочиненія

Г. ГОЛЬДОНИ;

переведена съ Французскаго
МИХАЙЛОМЪ ХРАПОВИЦКИМЪ.

ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГѢ

1772 года.

«Ворчун-благодетель» Гольдони. Перевод М. В. Храповицкого.
Титульный лист.

автора «Драмматического словаря», эта комедия «на нашем языке на российских театрах часто была представляема».⁸⁰ Впервые «сия комедия была представлена на французском языке во время знаменитого торжествования мира на Ходынке в Москве в 1775 г.»⁸¹ в постановке французской труппы, а затем еще несколько раз в Петербурге в 90-е годы.⁸²

Впоследствии Гольдони перевел свою комедию (с незначительными изменениями) на итальянский язык (*Il burbero benefico*) и напечатал ее в 1789 году. На либретто по этой комедии Винчен-том Мартин-и-Солером была написана опера «*Il burbero di buon cuore*» («Ворчун — доброе сердце»), а 19 мая 1796 года она исполнялась итальянской оперной труппой в петербургском Каменном театре.⁸³

На следующий год после появления «Благодетельного грубияна» Обществом, старающимся о напечатании книг, был издан анонимный перевод комедии Гольдони «Домашние несогласия» (*I puntigli domestici*, 1752).⁸⁴ Принципы «склонения на русские нравы»⁸⁵ в переводе этой комедии нашли свое последовательное приложение. Перенеся действие пьесы в Россию и заменив имена, переводчик принялся и все остальное приводить в соответствие с русской действительностью. Но оказалось, что эта комедия трудно поддается подобному приспособлению. Перевод ее может служить примером того, что может получиться в результате «склонения на свои обычаи» подобных пьес.

В издании указано на «небольшие по нашим обычаям отмены», однако таких «отмен» оказалось довольно много, и, проводя их,

---

⁸⁰ Драмматический словарь, стр. 25. — Сохранились сведения о русских постановках «Благодетельного грубияна» в Москве в 1782, 1785, 1788 и 1802 годах (см.: О. Чаянова. Театр Маддокса в Москве. 1776—1805. М., 1927, стр. 230). О постановке этой комедии в театре Меддокса в 1781 году имеется свидетельство А. Болотова: «Услышав, что в тот день будет театр, успел еще побывать в оном и полюбоваться игрою славного актера г. Померанцова. Представляли в сей день комедию «Благодетельного грубияна» и оперу «Несчастье от кареты». (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. 3. СПб., 1872, стр. 928).

⁸¹ Драмматический словарь, стр. 25.

⁸² В Деревянном театре 17 сентября 1796 г. и в Каменном театре 6 мая и 15 июня 1799 г. (см.: Архив дир. имп. театров, стр. 181, 259, 268—269).

⁸³ См. выше.

⁸⁴ Домашние несогласия. Забавное зрелище в пяти действиях. Перевод из Голдониева феатра с небольшими по нашим обычаям отменами. Изданием Общества, старающегося о напечатании книг. (Тип. Акад. наук), СПб., 1773.

⁸⁵ О принципах перевода XVIII века в России см., например: П. Н. Берков в. Владимир Игнатьевич Лукин. М.—Л., 1950; И. З. Серман. Русская литература XVIII в. и перевод. В кн.: Мастерство перевода. 1962. М., 1963, стр. 337—372; А. Д. Оришин. Из истории борьбы за национальный русский театр и драматургию в XVIII веке. «Уч. зап. Львовск. унив.», 1953, т. XXIV, Лит.-крит. сб., вып. 2, стр. 101—120.

переводчику, по-видимому, пришлось преодолевать немалые затруднения, так как в оригинале существуют сцены и положения, невозможные для русской действительности.

Действие комедии построено на взаимоотношении слуг с господами. Гольдони показывает, как дурные слуги могут внести раздор в семью. Слуги поссорились и хотят выжить друг друга из дома. С этой целью они используют упрямство и обидчивость своих господ, передают сплетни, восстанавливают хозяев друг против друга. И тут сразу возникает сложная проблема для переводчика. У Гольдони действие происходит в Неаполе; хозяева (граф и его невестка-графиня с сыном и дочерью) живут в одном доме, но на разных половинах, слуги у каждого свои, естественно, — вольнонаемные. Для русской действительности XVIII века такое положение не характерно, поэтому в переводе слуги уже крепостные (и подразумевается, что они принадлежат одному хозяину, так как имущество не разделено). Итальянских аристократов переводчик считал более удобным превратить в русских помещиков, проживающих «на Москве». В результате переводчику пришлось придать этим господам новые черты характера, перевести их речь в другую стилистическую тональность (в общем в переводе язык господ не отличается от языка слуг, особенно в сценах ссор). Чтобы придать достоверность событиям и убедительно показать социальную принадлежность действующих лиц, переводчик вносит в текст много дополнительных подробностей. Так, в сцене, где адвокат рекомендует графине потребовать у деверя отчет в управлении общим имуществом, в русском переводе текст увеличился в несколько раз. Отставной регистратор (вместо адвоката) советует госпоже Осминой подать на деверя несколько челобитных с целым списком обид, в том числе и за разорение деревень. Остроумна замена в сцене, когда обиженная графиня хочет вынести из общей комнаты портрет своей матери (который, правда, написан по заказу графа). В переводе госпожа Осмина говорит: «Я велю канапей из сей комнаты вынести... хотя бы он [деверь] и сам его заказал, но все-таки крышка моя».

Особые трудности встретил переводчик в сценах, связанных со слугами. Их отношения с господами, вопросы об их увольнении и многие сложные ситуации заставляют его подыскивать решение, приемлемое для русской действительности и согласованное с крепостным положением русских слуг. В I действии (явление 5) друг графа уговаривает его слегка наказать своего слугу за непослушание невестке, чтобы ее уважить: «Можно бы уволить его на один день». В русском тексте он предлагает: «На одни сутки нельзя ль его в конюшню сослать», и далее продолжается разговор в том же духе о способах наказания слуг. Там, где граф говорит, что более не будет терпеть у себя в доме служанку, господин Осминин заявляет: «Не оставаться более етой девки здесь; я ее сошлю в деревню». В оригинале сын графини грозит переломать

руки слуге, если дядя его не уволит; и слуга говорит графу, что лучше уйдет от него, чем подвергаться такой опасности. В этой ситуации русский слуга обращается к барину с неожиданной просьбой — во избежание такой беды... отпустить его на волю. Такая просьба совершенно не удивляет русского барина, и он пропускает ее мимо ушей (и естественно — потому что так у Гольдони реагирует граф на слова своего слуги).

Любопытно передан диалог графини со служанкой. Графиня велит прислать к ней двух слуг, служанка отвечает, что сейчас время обеда и, должно быть, все ушли. Графиня просит все-таки найти кого-нибудь. По-русски этот разговор передан следующим образом:

Г-жа Осминина. Поди кликни человека, другого.

Мавра. Теперь сударыня... чаю, никому недосуг... Иные снег с кровли сметают... иные двор чистят.

Г-жа Осминина. В холостой кто нинаест да лежит.

(действие III, явление 3)

Затем Мавра возвращается и говорит: «Я, сударыня, не нашла никого, кроме поваренка, который на голубятне сидел и голубей гонял, кидая себе в рот моченый горох...» (в оригинале: «Я нашла конюха»).

Для усиления русского колорита в I действии (явление 2) вместо ничего не значащего восклицания служанки переводчик даже ввел реплику: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Как мы видим, переводчик со всей серьезностью подошел к решению своей задачи. Но задача была очень сложной, поэтому в пьесе оказались существенные противоречия. Хитрые и дерзкие, острые на язык неаполитанские слуги, которые не очень-то боятся своих хозяев, естественно, и в переводе сохранили значительную долю своей дерзости, что плохо вяжется с их крепостным положением. Есть в русском тексте и произвольные добавления переводчика, не вызванные необходимостью. Например, после слов сына Осмининой: «Я дожидаться не могу того времени, чтоб получить в свои руки имение мое» (в оригинале — «свою долю»), переводчик добавляет: «я тебе признаюсь, у меня потихоньку от матушки должок накопился» (действие II, явление 5).

В результате всех преобразований и дополнений комедия приобрела совсем иной вид и утратила свою основную тенденцию. Гольдони, ценивший в человеке прежде всего моральные достоинства и деловые качества, не отдававший предпочтения господам, а тем более аристократам, в данной комедии ставит задачу вне-социального плана — он хочет внушить читателям, как важно сохранять мир в семье, и осуждает недобросовестных слуг, которые становятся причиной семейного раздора. Поэтому здесь господа являются жертвой дурных слуг и должны вызывать со-

чувствие а слуги — осуждение. Но переводчика вовсе не заботила эта установка Гольдони: господа у него хуже слуг — стоит только послушать их ругань и споры о дележе. И хотя переводчик явно на стороне слуг, все же они не могут заслужить симпатий, так как сохраняют те отрицательные качества, которыми их наделил Гольдони.

Свой замысел Гольдони подчеркнул в финале комедии — друг дома говорит: «Теперь, когда недруги [слуги] изгнаны из дома, больше не будет ссор и в семье воцарится мир, небо благословит ее, а люди будут ее уважать». Закономерно, что переводчику такой конец показался совершенно излишним, поэтому он заменил эту тираду словами: «Теперь пойдем на свадьбу, где и я с радостью плясать стану».

Таким образом, «небольшие отмены» переводчика оказались столь значительными, что этот перевод скорее можно назвать переделкой. Переводчик, очевидно, неплохо знал итальянский язык, и в тексте почти нет смысловых ошибок. Все отступления в переводе явно преднамеренны и связаны с теми задачами, которые разрешал переводчик, «склоняя» пьесу на русский лад. Перенос действия в другую национальную и социальную среду, переводчику пришлось пользоваться и другими стилистическими элементами в языке персонажей комедии, поэтому он даже не ставил перед собой цели передать особенности языка оригинала, тем более что большинство действующих лиц этой комедии Гольдони говорят на диалекте. Правда, переводчик пытался передать остроту и образность языка слуг и подыскивал русские эквиваленты, но ему это не вполне удалось. Отметим также, что переводчик разделил три акта оригинала на пять.

Сведений о постановке этой комедии на русской сцене в XVIII веке не обнаружено, но о ее популярности свидетельствует переиздание в «Русском феатре» (1786, ч. 12).

Комедия «Лжец» (*Il bugiardo*, 1750) в анонимном переводе вышла в 1774 году.⁸⁶ В русских печатных источниках она часто смешивается с комедией Корнеля того же названия («Лгун»), переведенной Я. Княжнинным. Между тем данные «Архива дирекции императорских театров» и архивные документы Собрания,

⁸⁶ Лжец, забавное зрелище. Вольный перевод из Голдония. Тип. Акад. наук, СПб., 1774. — Переиздан в «Русском феатре» в 1786 году (ч. 12). В. Всеволодский-Гернгросс пишет, что перевод сделан неким Янковичем (см.: Всев.-Герн. Указатель, стр. 32); то же указание имеется и в рукописной картотеке Н. Н. Бахтина (ИРЛИ), но выяснить источник этих сведений не удалось. Имя К. Янковича связано также с переводом комедии Гольдони «Торговцы» (*I mercatanti*), изданным в Лейпциге в 1787 году. Соликов отмечает, что перевод «Торговцев» был сделан на иллирийский язык (В. С. Соликов. Опыт российской библиографии, чч. 1—5. СПб., 1904—1906, № 5645). В библиотеках Москвы и Ленинграда этого издания нет.

старающегося о переводе иностранных книг, использованные Семеновниковым, позволяют точно разграничить переводы этих двух пьес.

Комедия Корнеля была переведена Я. Княжниним по заданию Собрания в начале 70-х годов. В расписке Княжнина от 19 октября 1783 года указано, что он получил деньги в зачет за перевод разных произведений, в том числе и комедии «„Лжец“, переведенной прозой».

Имя автора комедии не обозначено, но в другой расписке Княжнина — от 24 марта 1776 года — отмечено, что из сочинений Корнеля им переведена одна комедия прозой. Никаких других комедий в числе переведенных Княжниним до 1776 года нигде не упоминается и, очевидно, речь идет о той же пьесе, т. е. о «Лгуне» Корнеля.⁸⁷ Этот перевод был отдан в театр и в печати не появился.⁸⁸ Постановка комедии Корнеля состоялась 18 мая 1796 года в петербургском Каменном театре. В спектакле особо отличился Андрей Каратыгин в центральной роли Ветрана (Доранта), за что и получил прибавку к жалованию. Этот факт П. Арапов ошибочно связывает с комедией Гольдони.⁸⁹ Предположение, что А. Каратыгин играл в пьесе итальянского драматурга,⁹⁰ неосновательно, так как актер был «выпущен на службу» из театрального училища только 16 августа 1794 года,⁹¹ когда комедия Гольдони уже не ставилась в Петербурге (во всяком случае, свидетельства о ее постановке в те годы не обнаружено).

В «Драматическом словаре» (1787 г.) о спектаклях комедии Гольдони говорится уже в прошедшем времени: «представление сей комедии приносило удовольствие любящим театр».⁹²

Переводчик «Лжеца» Гольдони, так же как и «Домашних несогласий», остается неустановленным.⁹³ Можно лишь с достаточными основаниями предположить, что обе эти комедии переведены одним лицом и по заданию Собрания, старающегося о переводе.

---

⁸⁷ К тому же, если бы в первом случае речь шла о прозаической комедии Гольдони, то не было бы смысла подчеркивать, что перевод сделан прозой.

⁸⁸ См.: Семеновников. Собрание, стр. 61, 81—82. — Рукописный экземпляр этого перевода со списком действующих лиц и исполнителей хранится в Театральной библиотеке им. Луначарского (Ленинград). Список этот приведен в «Архиве дирекции имп. театров» (стр. 159—160), а оттуда заимствован Всеволодским-Гернгроссом (Всев.-Герн. Указатель, стр. 32), но уже почему-то отнесен к пьесе Гольдони. Впрочем, почти все данные о комедии Гольдони, приведенные Всеволодским-Гернгроссом ошибочны.

⁸⁹ См.: П. Арапов. Летопись русского театра, стр. 132.

⁹⁰ См. также: Стронская. Гольдони, стр. 666—667.

⁹¹ См.: Архив дир. имп. театров, стр. 31. — Там же перечислены основные роли А. Каратыгина, но комедия Гольдони, естественно, не упоминается.

⁹² Драматический словарь, стр. 72.

⁹³ Предположение Е. Стронской о том, что переводчиком этих комедий является Я. Княжнин, ничем документально не подтверждается (см.: Стронская. Гольдони, стр. 663).

Переводы эти были изданы один за другим в 1773 и 1774 годах Обществом, старающимся о напечатании книг Н. Новикова,⁹⁴ а в 1786 году вышли вместе в «Русском феатре» (ч. 12). Помимо этих внешних обстоятельств, переводы двух комедий связаны между собой очень сходными принципами обработки текста, начиная с того, что обе пьесы в подзаголовке названы «забавным зрелищем» и разделены на пять действий (вместо трех в оригинале).

В издании перевод комедии Гольдони довольно точно назван «вольным». Действительно, это очень свободный перевод, и следует лишь прибавить, что в комедию были внесены изменения и дополнения, сходные с теми «отменами по нашим обычаям», о которых упоминалось в издании «Домашних несогласий». В общем, нигде не отступая от оригинала по существу, довольно добросовестно следуя за ним в изложении событий, сохраняя последовательность и содержание диалогов и монологов, переводчик все же свободно обращается с текстом, часто даже сокращая фразы; он передает основное содержание реплик и попутно сообщает им русский колорит

Разумеется, действие комедии перенесено в Россию, а имена действующих лиц русифицированы по тому же принципу фонетической близости к оригиналу, что и в «Домашних несогласиях». Так, традиционные, повторяющиеся в обеих комедиях Гольдони имена переданы одинаково: Баланцони — Баланцов, Панталоне — Пантелей (в данном случае почтенные персонажи обеих пьес получили только имена, без фамилий), Флориндо — Флоров, Бригелла — Патап, Арлекин — слуга Фалалей, служанки Кораллина и Коломбина — Мавра.

Из текста комедии тщательно изгнаны все детали, не соответствующие русской действительности, и старательно заменены подходящими русскими реалиями. Если некоторые сцены оригинала, не совсем обычные для России, нельзя было выбросить без ущерба для развития действия, то переводчик вводил добавления и пояснения. Так, сцена серенады, перенесенная с венецианского канала на Неву, для русского быта оказывалась несколько экзотичной. Правда, переводчик постарался приблизить картину к петербургской действительности, и в начале пьесы читаем: «Феатр представляет берег Невы; на реке шлюпка или рябик виден с музыкою; они играют на рожках». И хотя роговая музыка на Неве в ту эпоху была явлением довольно привычным,⁹⁵ все же серенада для

---

⁹⁴ О связи Общества Н. Новикова с Собранием старающимся о переводе см.: Семеновников. Собрание, стр. 19—20.

⁹⁵ По свидетельству Я. Штелина «В Петербурге же эта [роговая] музыка очень часто исполнялась на шлюпках, и тогда в знойный вечер звуки ее, далеко доносившиеся с Невы, приобретали своеобразную прелесть» (Я. Штелин. Музыка и балет в России XVIII века, стр. 102). По поводу этой сцены в «Драмматическом словаре» сказано: «Театр представляет сере-

возлюбленной не свойственна русским обычаям. Поэтому в переводе появилась реплика дядьки, недоумевающего по поводу такой странной и дорогостоящей прихоти влюбленного Флорова. Во втором действии, где Беатриче и служанка выходят из дому в масках, у русских девушек «на голове флеровые большие и частые капоры», совсем скрывающие лица. При их виде слуга Фалалей изумляется: «Я думал, право, что барыни покинули носить фаты». На это Леон поясняет ему (и зрителям): «Ето не фаты, а капоры от солнца» (стр. 46). Когда же Беатриче снимает маску, Беатриче-Дидима «закидает капор».

«Склоняя» комедию, переводчик вводит в текст колоритные дополнения, речь действующих лиц изобилует русскими речениями, поговорками, характерными для русской жизни понятиями. Только ради «колорита» в начале комедии появился ничем не оправданный «замасленный тулуп». Пантелей расписывает сыну его невесту в чисто русских красках: «Девица изрядная.. да и умна, и собою добра; великая, дородная и как кровь с молоком» (стр. 101. У Гольдони: «Чудесная девушка, . . . а к твою счастью, еще и красивая и умница»). В сцене обморока Беатриче-Дидимы русская служанка дополнительно произносит характерную фразу: «Хотя бы мама скорее в верх пришла, а огурцы и рыжики она б и завтра солить могла». У Гольдони в той же сцене при виде бесчувственной Беатриче Флориндо тоже падает в обморок; а русскому Флорову оказывается «также стошнилось», и в тексте появились соответствующие рекомендации служанки. Вместо посыльного с венецианскими кружевами появился «садовый ученик», который с цветами «бежал сюда верст с десятков», за что и хочет получить «на кашу» (так как просить «на водку» ему еще рано).⁹⁶

Появились дополнения и другого характера, например рассуждения ассесора Баланцова о торговле, где затрагиваются злободневные вопросы русской жизни — о взятках, о причинах растущей дороговизны и т. д. В ответ ему купец Пантелей замечает: «Нам ли людей переделатъ, сударь? Да и кнутом-то секали, да не переделывали ж» (стр. 62—66).

Переводчик внимательно следит, чтобы все нововведенные элементы органически входили в комедию, а в необходимых случаях подгоняет к ним и другие факты. Так, превратив доктора в ассесора, он вынужден был превратить ученика доктора в сына его друга. Но несмотря на тщательность русского автора, и в эту комедию, в результате изменений все же вкралась одна существенная неувязка. У Гольдони отец не виделся с сыном 20 лет — с тех

наду на реке с приятною музыкою и поют песню, известную всем „Владычица души моей“» (стр. 72). Эта городская русская песня была вставлена в текст вместо серенады.

⁹⁶ Говоря о сходстве переводческих приемов и используемых элементов, отметим реплику Фалалея в первом действии: «Ниже горошина в рот не попала», которая напоминает поваренка из «Домашних несогласий».

пор, как тот мальчиком был отправлен к родственнику. В русском же варианте прошло лишь десять лет со времени отъезда уже взрослого сына. Поэтому сцена встречи отца с сыном-лжецом, где они не могут узнать друг друга, в русском тексте вызывает недоумение.

Очевидно, главной задачей переводчика было сделать комедию русской и добиться, чтобы язык действующих лиц свидетельствовал об их русской принадлежности. К тому же в пьесе действуют горожане, поэтому все говорят на языке, сходном в стилистическом отношении. Текст этого перевода-переделки, как и в предыдущей комедии, оказался довольно тяжеловесным.

Но несмотря на все изменения и недостатки, в русской пьесе были переданы характеры основных персонажей итальянской комедии и увлекательное развитие событий, определяемых главным образом неистощимой фантазией и находчивостью лгуна. Постановка комедии «Лжец» пользовалась успехом у петербургских зрителей и, по словам современника, «приносила удовольствие любящим театр».⁹⁷

Комедия «Забавный случай» (*Un curioso accidente*, 1760) была переведена с немецкого языка драматургом и либреттисгом, автором популярной комической оперы «Гостиный двор» — М. Матинским в 1779 и напечатана в 1796 году.⁹⁸ Ни автор, ни переводчик в издании не указаны.⁹⁹ Еще до опубликования перевода рукопись была отдана в театр для постановки. Имеются сведения о десяти спектаклях этой комедии в 1795—1800 годах на сценах Деревянного и Каменного петербургских театров.¹⁰⁰ В пьесе играли популярнейшие актеры того времени: Е. и С. Сандуновы, А. Крутицкий, С. Рахманов, В. Рыкалов и др.¹⁰¹

Перевод этой комедии выполнен также в традициях времени, но метод приспособления пьесы для русской публики оказался малоудачным. Правда, следует оговорить, что, не имея возможности сравнить текст с немецким переводом-посредником, мы не можем и уточнить, какие изменения уже были в немецком, а какие появились в русском варианте. Помимо перенесения действия

⁹⁷ Драматический словарь, стр. 72.

⁹⁸ Поскорей пока не проведали, или Странной случай. Комедия в трех действиях, переделанная с немецкого. СПб., 1796.

⁹⁹ Имя переводчика установил Семенников по расписке Матинского (от 6 сентября 1779 года), получившего 35 рублей за перевод этой комедии (см.: Семенников. Собрание, стр. 82).

¹⁰⁰ См.: Архив дир. имп. театров, стр. 166—167. — В начале XIX века (1804—1805 годы) комедия ставилась в Москве. См.: О. Чаянова. Театр Маддокса в Москве. 1776—1805, стр. 238.

¹⁰¹ На рукописном экземпляре перевода, хранящемся в ленинградской Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского, обозначены актеры, занятые в спектакле. Текст рукописи озаглавлен «Поскорей, пока не проведали, или Отменной случай» и значительно отличается от печатной редакции.

в Россию, замены имен и некоторых мелких деталей, в общем, на первый взгляд, никаких принципиальных изменений не сделано. (Для «преложения» данной комедии они и не требовались). Сюжет развивается в соответствии с оригиналом, реплики следуют в том же порядке,¹⁰² и даже их содержание, как правило, сохранено, но тем не менее комедия совершенно изменилась, потому что в ней было изменено главное — тональность. Необходимо иметь в виду, что в этой комедии Гольдони изобразил голландцев, которых он чрезвычайно уважал и считал образцом трудолюбия, честности, образованности и уравновешенности. Умных и хорошо воспитанных голландских девушек Гольдони часто противопоставлял своим соотечественникам.¹⁰³ В соответствии с этими представлениями Гольдони и создавал своих персонажей. Но в русском варианте все оказалось настолько огрубленным и по тону и по содержанию, что характеры действующих лиц совершенно изменились. (Уже одно имя Влюбира настораживает). Так дочь купца Филиберта Джаннина — простая, искренняя и скромная девушка — в переводе превратилась в развязную, энергичную и грубую девку Милену. Она постоянно хохочет (чего не делает Джаннина). Как преобразился Филиберт-Постан, можно видеть по реплике в первом действии (явление 5):

Филиберт. Я ведь немножко философ. Мне кажется, что он болен скорее духом, нежели телом. А чтобы сказать еще яснее, по-моему, он влюблен.

Постан. Так я тебе скажу: хотя я называюсь простаком, однако конторная моя философия дает мне знать, что молодой господчик влюбился.

В 6 явлении первого действия обстоятельное и спокойное рассуждение Филиберта о возможности брака между офицером-постояльцем и дочерью соседа в переводе получило следующую интерпретацию: «Я заставлю упрямого Гроблона [соседа] плясать по моей дудке; он будет тестем, а после дедушкой внукам, хотя бы он треснул с досады».

У Гольдони комедия кончается сценой прощения Филибертом тайно пожившихся дочери и офицера, в русском же варианте в финале выведены все действующие лица, а самодур Гроблон неожиданно выступает благородным миротворцем. Все решают, что следует уладить дело «поскорей, пока не проведали» и повторяют эту фразу кстати и некстати (Дочь Гроблона спрашивает отца: «Когда ж я скажу: поскорей, пока не проведали?»). Эта нововведенная фраза и стала первой частью заглавия перевода, а от Гольдони в пьесе осталась разве что занимательная канва событий.

Таким образом, приходится заключить, что опыт перевода комедии Матинским с немецкого языка получился неудачным, причем неизвестно, насколько эта неудача зависела от немецкого ва-

¹⁰² Хотя сцены в комедии были перераспределены.

¹⁰³ См.: Б. Г. Реизов. Карло Гольдони. 1707—1793, стр. 70, 77—79.

рианта. В русской редакции комедия оказалась очень далекой от оригинала, и не приходится сожалеть, что имя Гольдони не было указано в издании перевода.

Комедия «Слуга двух господ» (*Il servitore di due padroni*, 1749, опубликована в 1753 году) неоднократно привлекала внимание русских театральных деятелей, и в XVIII веке она переводилась на русский язык по крайней мере дважды, а ее постановки в различных театрах пользовались большим успехом. В «Драмматическом словаре» сообщается, что эта комедия переведена с французского языка и «часто представляется на Санктпетбургском придворном театре, также и в Москве к удовольствию публики». ¹⁰⁴ Имя автора, переводчика и французский источник «Словарь» не дает. Семенников уточняет, что с французского языка комедия была переведена М. Поморским по заданию Собрания, старающегося о переводе. ¹⁰⁵

В «Архиве дирекции императорских театров» приведены сведения о более поздних постановках комедии в петербургском Деревянном театре в 1789 и 1795 годах, ¹⁰⁶ причем неизвестно, о чьем переводе идет речь, а указание, что пьеса «является вольным переводом из гольдониева театра» предполагает уже другой перевод. Здесь же сообщается, что в мае 1800 года «цензурованный экземпляр этой пьесы был прислан в Дирекцию от цензора Клушина». Вероятно, здесь собраны сведения, относящиеся к различным переводам, в том числе и к переводу Левшина. Известно, что в новом переводе В. А. Левшина комедия была поставлена на сцене театра князя Щербатова в июне 1795 года, а затем напечатана в 1796 году. ¹⁰⁷ Из переводов XVIII века до нас дошел только печатный перевод Левшина. По своим художественным достоинствам этот перевод является лучшим русским переводом пьес Гольдони в XVIII веке. Несмотря на некоторые сокращения, а также изменения, обусловленные принятым в те годы «склонением на русские обычаи», перевод Левшина может служить образцом бережного обращения талантливого литератора с текстом подлинника.

Левшин сохранил для русского читателя и зрителя яркий талант Гольдони, его неистощимую изобретательность в разработке сюжета, его образы и даже живой, полнокровный язык. Но спе-

¹⁰⁴ Драмматический словарь, стр. 131.

¹⁰⁵ См.: Семенников. Собрание, стр. 83. — Сохранилась расписка Поморского от 24 июля 1780 года в получении 30 рублей за перевод этой пьесы.

¹⁰⁶ Архив дир. имп. театров, стр. 171.

¹⁰⁷ Слуга двух господ. Комедия в трех действиях. Вольной перевод из Гольдониева театра. Представлена в первый раз на домовом театре е. с. князь Владимира Ивановича Щербатова, 1795 году, июля 16 дня. В кн.: В. А. Левшин, Труды... ч. I, М., 1796, стр. 81—189.

цифический образ Труффальдино на русской сцене неизбежно должен был претерпеть изменения. Пьеса, возникшая на основе сценария, написанного Гольдони в традициях комедии дель арте, специально для одаренного венецианского комика Сакки, предоставляла актеру широкие возможности для показа своего комедийного искусства, всевозможных сценических трюков, а сама партия Труффальдино — главная в пьесе — насыщена комическими элементами и словесной казуистикой. В своих мемуарах Гольдони писал, что несмотря на огромный успех в Венеции, Сакки не был удовлетворен пьесой, так как она основана на чистом комизме и недостаточно чувствительна.¹⁰⁸

Очевидно, Левшин также считал, что обилие комических деталей в роли Труффальдино заслоняет лирическую линию в пьесе и часто тормозит развитие действия. Даже если Левшин и не читал мемуары Гольдони (вышедшие в Париже в 1787 году на французском языке), то, сокращая отдельные сцены, он как бы исправлял некоторые «недостатки» комедии, указанные самим Гольдони. Приходилось также учитывать, что слуга Труффальдино в таком виде, как он задуман у Гольдони, весьма дерзкий даже для итальянской сцены, показался бы русским зрителям слишком неестественным. Все это Левшин понимал и в переводе Труффальдино-Востряков уже не является таким доминирующим персонажем комедии, как в оригинале. Оставаясь ловким и находчивым слугой, он в значительной мере лишился блеска своего итальянского собрата. Сам Востряков в конце признает, что взялся за невозможное дело — служить двум господам, тогда как Труффальдино не сдает позиций и хвастает, что справлялся с делом, пока сам не открылся. Впрочем, знаменитая сцена обеда у Левшина получилась еще комичнее, так как Востряков «в первый раз с роду» исполняет «должность дворецкого».

Но Востряков уже не только смешит зрителей, он произносит и сентенции в защиту честного простолюдина.

Больше всего сокращений сделано в последней сцене, где распутываются недоразумения и выясняется истина. Опущены и некоторые реплики, не относящиеся к основному действию комедии. (Например, в 14-м явлении второго действия пропущено несколько фраз Панталоне о военных кампаниях, в которых он бывал). Сокращения Левшина хорошо продуманы и нигде не затрагивают существенных сторон комедии, а некоторые сцены благодаря лаконизму приобрели большую динамичность.

В связи с перенесением действия в Россию, помимо необходимой замены имен и географических названий (сам Труффальдино Батонье из Бергамской долины стал Филатом Востряковым, тверским уроженцем), некоторые изменения произошли и в характеристике отдельных персонажей.

¹⁰⁸ К. Гольдони. Мемуары, т. I. М.—Л., 1933, стр. 450.

О Беатриче Бригелла говорит: «Умная девушка, смелая! Одевалась по-мужски, ездила верхом!». Такая характеристика для русской девушки вовсе не являлась похвальной. Поэтому Бригелла-Оладьев произносит только половину реплики: «Умная, достойная девица!». Левшину пришлось привести в соответствие с русской действительностью и некоторые эпизоды. Необычное для русских обычаев намерение отметить помолвку в трактире у Оладьева требовало исправления, и Панталоне-Пудовиков, заказывая обед, добавляет: «Я знаю, что ты доброй повар: пожалуй, приготовь по-своему блюда два-три и пришли к обеду; я человек вдовой». К тому же, если Панталоне просит приготовить «такое, знаете с сочком», то Пудовиков требует по-русски: «чтоб посочнее, да пожирнее» (действие I, явление 1). В сцене ссоры Панталоне-Пудовикова с Сильвио-Миленом Панталоне, защищаясь, выхватывает пистолет, а Пудовиков хватает безмен (действие II, явление 3).

В тексте можно отметить, пожалуй, только одну неувязку, которой не сумел избежать переводчик. Милен-Сильвио — сын Подбиралова, вышедшего в чиновники из приказных, говорит: «Я умею защитить мое право, пока еще у меня в руках шпага», поскольку шпага была у Сильвио — сына благородного доктора Ламбарди (действие I, явление 3).

Отвлеченные дворянские понятия чести и кровной вражды не волновали Гольдони. Его герои руководствовались чувством и здравым смыслом. Беатриче знает, что ее возлюбленный Флориндо косвенно виновен в убийстве ее брата, но это не мешает ей любить его и разыскивать повсюду. Она надеется на деньги, которые помогут замять дело. Оказывается, Левшин не мог преподнести русским зрителям подобную ситуацию, не повредив репутации Беатриче-Розаны. И он постарался облегчить нравственное положение Розаны: она объясняет, что ее Миловидов несомненно оклеветан по недоразумению. А в письме на имя Розаны кое-что соответственно изменено и прибавлено, что «о невинности господина Миловидова никто больше не сомневается». По тем же моральным соображениям Левшин выбросил и «безнравственный» эпизод, где отец Клариче, желая отвалить другого претендента на руку дочери, сообщает отцу этого претендента — доктору, что дочь оставалась наедине с женихом (действие II, явление 1). Поэтому и сцена в русском варианте заканчивается иначе: в оригинале доктор отказывается от своих претензий, а в переводе он продолжает требовать отдать Клариче за своего сына.

Любопытно дополнение Левшина в сцене, где Труффальдино получает для своего хозяина кошелек с золотом.

У Гольдони он реагирует на это простой репликой: «Пойду-ка спрячу деньги» (в сундук хозяина). Востряков же по этому случаю произносит целый монолог о честности простого человека: «Мудрено, что он, меня почти не зная, поверил кошелек с сотнею червонных (смотрит в кошелек). Все золото! ведь это тьма де-

нег... Ныне и не холоп на это соблазнится. Да почему же нашему брату не лъзя быть честну? Дóлжно быть проворну, можно по нужде и обманывать, но вором быть... пусть это останется правом просвещенных людей, а я положу деньги в барский баул».

Следует особо остановиться на художественных достоинствах перевода Левшина. За исключением некоторых изменений и сокращений, продиктованных отмеченными выше причинами, Левшин добросовестно переводит текст, но эта верность оригиналу не связывает переводчика: русские диалоги звучат легко и естественно.

Даже теперь, спустя полтора столетия этот перевод во многом не устарел и читается с удовольствием. Если сравнить переводы Левшина и Дживелегова,¹⁰⁹ то оказывается, что первый часто не уступает последнему в точности и художественности, а местами даже превосходит его. Приведем несколько примеров:

Перевод Дживелегова

Панталоне. Ну вот вам кошелек со ста дукатами, отдайте ему, когда он вернется, у меня дела. До свидания.

(действие I, явление 16).

Перевод Левшина

Пудовиков. Хорошо! Вот кошелек; вручи ему, когда он возвратится, в нем сто червонных. Мне ждать некогда; у меня много дел. Прощай.

У Дживелегова фраза излишне торопливая, а у Левшина она, видимо, тщательно продумана, умело расчленена, мысль изложена с обстоятельностью, необходимой в подобном серьезном деле. И вообще реплика, обращенная к слуге, звучит гораздо более естественно во всех ее элементах. Чувствуется хорошее видение Левшиным сценического действия.

Панталоне. Полно, дочка, не надо, чтобы видели твои слезы.

Клариче. Что делать, если у меня сердце разрывается...

(действие I, явление 18).

Пудовиков. Э! Анюта, обо три слезы; не показывай огорчения.

Анюта. Но что мне делать, когда сердце мое разрывается?

Если в реплике Панталоне-Пудовикова переводы примерно равноценны, то реплика Анюты у Левшина несомненно удачнее.

Сильвио. Я охотнее увидел бы вашу кровь, нежели вашу неверность.

Клариче. Неблагодарный, мыслимо ли, чтобы моя смерть не стоила вам ни единого вдоха?

(действие II, явления 6 и 7).

Милен. Мне приятнее видеть тебя мертву, нежели неверну.

Анюта. Неблагодарный! Возможно ли, чтобы видимая смерть моя не извлекла у тебя вдоха?

Несмотря на устаревший специфический оборот и здесь мы предпочтем перевод Левшина, без излишнего буквализма, но точно передающий смысл и настроение подлинника.

¹⁰⁹ Перевод Дживелегова «Слуга двух хозяев» опубликован в 1933 г. (Карло Гольдони. Комедии, т. 1. Л.—М., 1933) и перепечатан в 1959 году (Карло Гольдони. Комедии, т. 1. Л.—М., 1959).

Интересно отметить, что перевод именно этой, столь специфической комедии Гольдони, потребовавшей едва ли не самых значительных изменений при «склонении на русские обычаи» по сравнению с комедиями, переведенными ранее, оказался наиболее близким к оригиналу. В талантливом переводе Левшина сохранено главное — дух комедии, ее настроение. С этим переводом до русских читателей и зрителей была донесена частица подлинного Гольдони.

После перевода Левшина в 1805 году появилась уже совершенно вольная переделка «Слуги двух господ» Лифанова,¹¹⁰ сокращенная до одного акта. Труффальдино здесь отошел вовсе на задний план, и главное внимание уделено любовной интриге. Комедия совсем утратила свои характерные черты. Вероятно, Лифанов воспользовался не оригиналом, а переводом — русским или иностранным. Эта пьеса-переделка также ставилась на русской сцене.¹¹¹

Комедия «Истинный друг» (*Il vero amico*, 1750) принадлежала к числу любимых произведений самого Гольдони. Она сыграла значительную роль в истории европейской драматургии, послужив источником пьесы Дидро «Побочный сын» (*Le fils naturel*, 1757), которая имела большое значение для становления «буржуазной драмы».

Наряду с «Памелой» комедия «Истинный друг» (точнее, ее лирическая часть) в значительной мере отвечала эстетическим требованиям нарождавшейся сентиментальной драмы. Не случайно Дидро взял ее за основу для написания «Побочного сына», хотя он и отрицал зависимость своей драмы от комедии Гольдони.¹¹²

Знаменательно для эпохи, что прежде чем была переведена пьеса Гольдони, русские переводчики обратились к драме Дидро.

Несмотря на то что прогрессивные теоретические декларации Дидро о новом драматическом искусстве не нашли убедительного

---

¹¹⁰ К. Гольдони. Слуга двух господ. Комедия в одном действии. СПб., 1805. (В конце посвящения переводчик: Евграф Лифанов).

¹¹¹ См.: Стронская Я. Гольдони, стр. 668.

¹¹² В ответ на упреки во французской печати Дидро обрушился на Гольдони, утверждая, что сам итальянский драматург ничего стоящего не создал, а своего Оттавио в «Истинном друге» списал с мольеровского Скупого. В предисловии к новому изданию «Истинного друга» (1765 г.) Гольдони смиренно выражал сожаление, что заслужил гнев уважаемого им Дидро, безо всякой вины со своей стороны. Гольдони даже пытался, вопреки очевидности, отвести от Дидро обвинения в плагиате (см.: *Opere complete di Carlo Goldoni edite dal Municipio di Venezia*, т. V. 1909, р. 303). Полемика сторонников и противников Дидро (библиографию литературы см. там же, стр. 409—410) привлекла внимание публики во всей Европе к комедии Гольдони, она переводилась на многие языки, ей подражали в XVIII и начале XIX века.

художественного воплощения в «Побочном сыне», интерес к драме Дидро в России был велик. Этот интерес в значительной мере объяснялся популярностью автора в России как просветителя-энциклопедиста. Начиная с 1764 года в XVIII веке «Побочный сын» издавался несколько раз в различных переводах. Разумеется, эти переводы не давали русским читателям никакого представления о комедии Гольдони: хотя в пьесах «Истинный друг» и «Побочный сын» разрешались сходные нравственные задачи, драма Дидро была уже далека от своего источника. Характеры действующих лиц были значительно изменены, а некоторые персонажи заменены новыми (так, вместо комической фигуры скупца Оттавио появился благородный отец, претерпевший ряд невероятных приключений по пути из Америки). Создавая мещанскую драму, Дидро, естественно, изгнал из пьесы все комические элементы и уснастил ее длиннейшими монологами, излагающими положения буржуазной морали здравого смысла.¹¹³

В связи с переводом драмы Дидро обнаружилось в России и принципиальные противники поэтики Гольдони, ломавшего всякие условности в драматическом искусстве и смешивавшего в своих комедиях чувствительное и смешное. В 1788 году вышел новый перевод «Побочного сына»,¹¹⁴ в большом предисловии к которому переводчик И. Яковлев защищает драму Дидро и критикует комедию Гольдони. Любопытно, что переводчик явно не уяснил себе новых эстетических задач Дидро и рассматривает пьесы обоих драматургов с консервативных позиций приверженца классицистического театра и его канонов. Яковлев подробно передает версию Дидро о создании драмы, с героями которой тот будто бы был лично знаком, и гневно отвергает обвинения его французских недругов в заимствовании у Гольдони: «французы обвиняли г. Дидерота, будто бы он взял содержание ее из итальянской комедии театра г. Голдони под именем (Il vero amico) „Истинный друг“. Я читал эту комедию. И естьли расположение сих двух сочинений сходствует между собою, то уже характеры всех особ в сей драме помещенных совершенно с оными различны». Изложив достоинства драмы Дидро, переводчик обращается к пьесе Гольдони и, нарочито искажая факты, утверждает: «В голдониевой же комедии, истинного друга выключая Флоринда, который другу своему Лелию жертвует склонностию своею, однакож не могу сказать, сильной страстью (!) к Розавре, прочие все комических характеров в италианском вкусе».

---

¹¹³ По поводу драмы Дидро Дж. Морлей замечает: «Не часто случается, чтоб переделка превратила блестящее произведение в нечто столь же бесцветное и безвкусное» (Дидро и энциклопедисты, пер. Неведомского. М., 1882, стр. 218).

¹¹⁴ Побочный сын, или Испытания добродетели. Драма в пяти действиях. Переведена с французского языка И. Яковлевым. М., 1788. — Иван Яковлев (1729—1809), актер, написал несколько мелких пьес.

Далее объявив, что «сия драма [Дидро] мне нравится и меня восхищает», переводчик продолжает: «Кроме изображения высоких добродетелей, естественных чувствований нашего сердца и приятности слога, г. Дидерот нравится мне и строгим наблюдением театральные правила. Признаюсь, что не наблюдение единства места, вошедшее из италийского театра в великое ныне употребление в наши театральные сочинения, а при том и многие весьма вольные и не пристойные выражения мне весьма неприятны».

Отмечая «пагубное» влияние италийского театра на русские пьесы, которые в «великое употребление» ввели «ненаблюдение единства места», Яковлев несомненно имел в виду в первую очередь того же Гольдони, так как в последней трети XVIII века произведения других италийских драматургов в России почти не переводились.

Самым неудачным, по мнению критика, у Гольдони получился скупец Оттавио. Приводя его как пример нелепого и неестественного персонажа, Яковлев в доказательство своей оценки знакомит читателей с одним из монологов Оттавио (в оригинале и в переводе) и между прочим пишет: «Октавий, отец Розавры, человек скупой; но скупой, какого стихотворцу только представить можно: он прибирает с пола затоптанные лоскутки бумаги, всякие кончики ниток, чтобы сохранить их к употреблению».

Этот образ скупца, показавшийся переводчику таким противоестественным, спустя несколько десятилетий возродился, хотя и преображенный, под пером Пушкина и Гоголя. Скупой рыцарь Пушкина произносит над своим сундуком монолог, очень похожий на монолог Оттавио. Плюшкин у Гоголя так же, как и Оттавио, одет в старый, фантастически засаленный халат, спорит со слугами по поводу припасов, экономит свечи во время подписания купчей (у Гольдони — брачного контракта), не дает своей дочери приданого, жалуется на прожорливость и вороватость слуг, советует не верить злым языкам, будто он богат и, наконец, подбирает с полу всякую дрянь. А лоскутку бумаги, на котором пишется купчая (контракт), оба писатели уделяют особое внимание. Но Плюшкин решительно превзошел в скупости казалась бы непревзойденного Оттавио; к тому же нелепость скупости Плюшкина усугубляется ее бессмысленностью, так как вокруг гибнут его несметные богатства.¹¹⁵

---

¹¹⁵ Вопросу о прототипах скупого рыцаря и Плюшкина посвящена большая литература. Еще в 1901 году П. Рождественский в своей статье «Скупой рыцарь, Плюшкин и Оттавио в комедии Гольдони „Верный друг“» («Курьер», 1901, № 281) убедительно выявил элементы сходства в этих образах. Работа Рождественского осталась неизвестной Г. Чудакову, который в 1908 году писал о возможных прототипах Плюшкина, но не учел главного — Оттавио (и вообще, говоря о знакомстве Гоголя с западно-европейской литературой, никак не упоминает Гольдони; см.: Г. И. Чудаков. Отношение Н. В. Гоголя к западно-европейским литературам. Киев, 1908). По-видимому, пропустил работу Рождественского (как и работу А. Лапчинского на ту же тему: За-

К самой комедии Гольдони в конце века обратился П. Титов. В 1795 году появилась его пьеса «Истинный друг, подражание Голдонию».¹¹⁶ Сравнение этого «подражания» с оригиналом показывает, что Титов просто перевел комедию Гольдони, сделав некоторые незначительные изменения (за исключением совершенно другой развязки), в связи с перенесением действия пьесы в Россию. Несколько изменена обстановка (все живут в одном доме), сделаны небольшие сокращения, в частности, в роли Оттавио (в его препирательствах со слугами); но в остальном, несмотря на свободное обращение с текстом, — это добросовестный перевод, выполненный на высоко художественном уровне. Титов сохранил настроение подлинника, и характеры действующих лиц за исключением Эраста (Лелио), несколько облагороженного в связи с замыслом Титова, который обнаружился в финале пьесы.

В своей комедии Гольдони хотел изобразить настоящий триумф добродетели, человека, который преодолевает чувство любви во имя дружбы. Флориндо, наделенный всеми достоинствами, влюблен в невесту своего друга Розауру, и она отвечает ему взаимностью. А для ее жениха Лелио главное в браке — это приданое невесты. Когда он узнает, что у Розауры нет приданого, он с готовностью уступает ее своему другу, который вовсе не думает о приданом. Казалось бы, все устраивается к лучшему, но вдруг оказывается, что Розаура — все-таки богатая невеста. Тогда Флориндо считает себя обязанным возвратить невесту, а главное — ее приданое, другу. Он жертвует своим чувством и чувством девушки во имя своеобразно понимаемого долга чести и дружбы к Лелио, который вовсе не достоин таких жертв. И Лелио доказывает это, снова изменив свое решение, и безо всяких угрызений совести, мало заботясь о чувствах своей невесты и друга, прини-

---

метка о «Скупом рыцаре» Пушкина. М., 1924) и М. Розанов, который, подводя итог исследованиям о прототипах пушкинского героя, должно быть, самостоятельно обнаружил сходство между монологами Оттавио и скупого рыцаря. (М. Розанов. Пушкин и Гольдони. К вопросу о прототипах «Скупого рыцаря» В сб.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, Л., 1930). Но Розанов упустил из виду одну существенную деталь. Высказывая вполне реальное предположение, что Пушкин мог читать комедию Гольдони в подлиннике, Розанов забывает о достаточно вероятном источнике — о переводе Титова (1795 г.), где этот монолог передан полностью. Что касается Гоголя, то для него, вероятно, было бы недостаточно перевода Титова, так как у Плюшкина есть черточки, сходные с Оттавио, которые были выпущены Титовым при переводе (в частности, у Титова не указано, что Оттавио-Архип ходит в халате, он не пишет договор о приданом на клочке бумаге, подобранном на полу, и в такой важный момент ему не до свечи, сгорающей на сквозняке). Как бы полемизируя с критиком комедии Гольдони Яковлевым, Гоголь пишет в авторской «исповеди», что он в своей поэме «Мертвые души» «множество смешных явлений... намерен был перемешать с трогательными», а в заключение описания Плюшкина говорит: «И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может статься с человеком».

¹¹⁶ Истинный друг. Комедия в трех действиях. Подражание Голдонию «Il vero amico» Павла Титова. СПб., 1795.

мает жертву. Гольдони показывает, каких мучений стоит Флориндо отказаться от своего счастья и, прибегнув к обману, убедить любимую девушку выйти замуж за Лелио. Все же он выдерживает испытание, и Розаура преклоняется перед его добродетелью. Долг торжествует.

Но оказывается, что современники Гольдони не хотели мириться с таким исходом событий. Даже Дидро с его установками на торжество долга над чувством любви видел, что у Гольдони это торжество достается герою слишком дорогой ценой, поэтому он существенно подправил характеры действующих лиц и ситуацию. Его Розалия (Розаура) в достаточной мере легкомысленна, ее любовь к Дорвалю (Флориндо) — просто новое увлечение, а Клервиль (Лелио) стал гораздо благороднее. Он глубоко любит Розалию, а не ее приданое. В таких условиях борьба героя со своим чувством несколько облегчена и морально обоснованна. Поэтому и развязка у Дидро (по Гольдони) вполне оправданна. А чтобы страдания Дорвиля не слишком огорчили читателя или зрителя, Дидро под занавес сообщает, что Дорваль — брат Розалии. Все приведено в порядок. У Гольдини же трагедия Флориндо компенсируется только сознанием выполненного долга.

Несмотря на большой успех «Истинного друга» у современников Гольдони, они все же критиковали комедию, как отмечает сам автор, за «чрезмерный героизм» и «невероятную силу дружбы». «Я сам слышал, — писал Гольдони, — как некоторые... сочувствуя любви Флориндо, хотели, чтобы он женился на Розауре, ибо казалось им, что его сильное чувство, сдерживаемое дружбой, достойно вознаграждения».¹¹⁷ И отвечая на критику, Гольдони пояснял, что он хотел показать не рядовую, обычную добродетель, доступную многим людям, а добродетель редкую, возвышенную, достойную подражания.

Титов также не захотел примириться с развязкой, данной у Гольдони. Справедливость требовала, чтобы любящие соединились. Титов так и сделал. Но для этого понадобилось опять же несколько подправить характер Эраста (Лелио), сделать его более благородным, способным также на некоторые жертвы во имя дружбы, т. е. достойным другом Милона (Флориндо). Действие пьесы развивается по Гольдони до заключительной сцены, где выясняется, что Евгения (Розаура) все же богата. Милон готов отказаться от Евгении, но Эраст, тоже как истинный друг, не меняет своего решения, не принимает жертвы Милона, который и

---

¹¹⁷ Предисловие Гольдони к первому изданию комедии в 1753 году (уже после ее постановки на сцене). Цит. по изданию: *Opere complete di C. Goldoni...*, t. V, p. 387. — В первоначальном варианте, при постановке, судьба Флориндо была еще более плачевной — он даже женится на молодой сестре Лелио, чтобы сделать невозможным какие бы то ни было колебания.

женится на Евгении.¹¹⁸ Таким образом, у Титова торжествует любовь, справедливость и тоже дружба, но уже дружба обоюдная. Возьмем на себя смелость сказать, что, изменив замысел Гольдони, Титов вовсе не испортил его комедию, а может быть сделал ее, как это ни парадоксально звучит, — более гольдониевской, так как для Гольдони всегда было свойственно снисхождение к слабостям людей, а не показ героических характеров.

«Истинный друг» Титова — один из лучших переводов комедий Гольдони в XVIII веке — пользовался большим успехом у русских зрителей. Первая его постановка состоялась в конце 1794 года, в петербургском Деревянном театре, и за 1795—96 годы пьеса была показана шесть раз.¹¹⁹ Но особенно часто она ставилась позднее, в начале XIX века, когда «Истинный друг» и «Памела» Гольдони стали наиболее созвучными новому литературному направлению в России.¹²⁰

Еще до появления перевода Титова, в 1783 году была опубликована анонимная комедия «Действие любви».¹²¹ Комедия эта удивляет искусственностью отдельных ситуаций и отсутствием логики во взаимоотношениях некоторых действующих лиц. Подобные недостатки характерны при неудачных переделках, особенно при попытках как можно дальше отойти от взятого за основу чужого произведения, сделать его неузнаваемым. Разумеется, они могут быть следствием и просто творческой беспомощности автора, но в данной пьесе анализ некоторых сцен, а главное — выявление случайных и логически неоправданных элементов приводит к выводу, что источником ее послужила комедия Гольдони «Истинный друг». Очевидно русский автор пытался, отталкиваясь от этой комедии, создать совершенно другую пьесу, и ставил перед собой иные задачи, чем Гольдони. Однако он остался в плену у Гольдони. Русская комедия очень далека от итальянского ориги-

---

¹¹⁸ Комедия «Истинный друг» — одна из самых «литературных» у Гольдони. Основная тема — борьба между чувством любви и дружбы — традиционна в литературе, а непосредственным источником для Гольдони явился сценарий комедии «La force de l'amitié» Луиджи Риккони, который в свою очередь заимствовал сюжет из комедии dell'arte XVIII века Фламиньо Скала. Любопытно, что у Риккони комедия кончалась именно свадьбой влюбленных (т. е. как у Титова), а у Скала — так же, как у Гольдони (см. комментарий к комедии в издании: *Opere complete di C. Goldoni...*, t. V, pp. 407—408).

¹¹⁹ См. Архив дир. имп. театров, стр. 158.

¹²⁰ См.: Стронская Я. Гольдони, стр. 667. — В конце 60-х годов XIX века А. Н. Островский перевел три комедии Гольдони, и среди них «Истинного друга», но этот перевод до нас не дошел. О переводе «Il vero amico» см. дневниковую запись Островского 14 июля 1867 года: А. Н. Островский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1952, стр. 268; см. также комментарий К. Н. Державина к т. XI указанного издания, стр. 370.

¹²¹ Действие любви. Комедия в трех действиях. М., 1783. П. Н. Берков высказал предположение, что источником этой пьесы послужила французская комедия Саблие (Sablier) «Effets de l'amour et du jeu» (см.: П. Н. Берков. Драматический словарь 1787 года. В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 63).

нала, но во многих местах отдельными деталями она к нему привязана — отсюда и главные ее недостатки.

В русской пьесе ситуация совсем иная, даже заглавие как бы противопоставлено итальянскому. «Полководец» и офицер находятся на постое в доме некоего Клеона. Офицер помолвлен с дочерью хозяина Софьей, но их любовь наталкивается на произвол начальника-«полководца», которому Софья также приглянулась и который для достижения своей цели готов на все, вплоть до уничтожения своего соперника, причем оказывается, что он может сделать это вполне безнаказанно. «Полководец» действительно уже отправляет офицера на казнь, но поняв тщетность своих притязаний к Софье и тронутый ее верностью офицеру, он соглашается освободить своего подчиненного, и влюбленные соединяются.

Таким образом, между итальянской и русской комедиями нет ничего общего по существу. К тому же русская комедия гораздо короче, действие в ней одноплановое, второстепенные персонажи отсутствуют. Тем не менее рудименты комедии Гольдони обнаруживаются очень отчетливо именно потому, что они являются как бы чужеродными в ткани пьесы. Рассмотрим наиболее яркие из таких эпизодов. «Действие любви» начинается также, как «Истинный друг», приказанием готовиться к отъезду. Офицер Леандр, очевидно исполняющий должность адъютанта при «полководце», отвечает своему начальнику: «Кажется все, сударь, сделал и повозки все готовы, только ожидаю вашего повеления». Между тем выясняется, что «полководец» твердо намерен остаться в доме, так как «вчера увидел сидящую у окошка» Софью, влюбился в нее и тотчас отложил отъезд. И читателю непонятно, зачем он велел готовиться к отъезду.

Далее проскальзывает гольдониевская характеристика отца Софьи: Леандр утверждает, что его будущий тесть очень скуп, однако в дальнейшем поведение Клеона и его образ мыслей показывает, что он сравнительно равнодушен к деньгам. Затем довольно неудачно привлечен эпизод с письмом: у Гольдони он играет важную композиционную роль, а здесь — совершенно лишней. Но самым большим диссонансом в пьесе звучит мотив дружбы. С первых строк читателю ясны отношения «полководца» и офицера. Однако русский автор счел необходимым ввести обращение «друг мой» к подчиненному, и в дальнейшем настойчиво декларирует их дружбу, хотя она ничем не подтверждается и просто противоречит тому, что мы узнаем по ходу действия.

Должно быть, не случайно Леандр целый месяц держит в секрете от «друга» свою помолвку с Софьей. «Полководец» Полидор узнает эту тайну на следующий день после того, как увидел «сидящую у окошка» Софью, и тем не менее он намерен добиться ее благосклонности, ни на минуту не усомнившись в благовидности своих намерений. Очень своеобразна реакция Полидора на «ко-

варство» Леандра, оказавшегося его счастливым соперником: «Не сон ли я вижу? Не обманываюсь ли я? Как, Леандр, Леандр! Сей друг, которого всегда я знаки дружбы видел, который, одним словом, несказанно обязал меня! Леандр! увы! Он сам стал ныне соперник и злодей почтения преисполненному к нему другу! Нет, пойду, поспешу в том удостовериться. (Уходит)». ¹²² Этот «почтения преисполненный» друг как бы даже огорчен тем, что намерен совершить подлость по отношению к человеку, который его «несказанно обязал» (впрочем, читатель не знает, чем обязал его Леандр).

После неудачного объяснения с Софьей Полидор снова сетует: «Леандр! Леандр, которого до сего я другом почитал, который, одним словом ... Леандр, увы! Он сам соперник ныне мой! ... Почто то от меня было скрыто? Несчастной! Я б тебе движение сердца моего не открыл и конечно б не потерял тебя теперь! Увы! Теперь не знаю, что делать начинать» (Действие II, явление 7).

Прежде всего видим, как трудно автору развивать искусственно притянутый мотив дружбы; он повторяется и беспомощно обрывает выражением «одним словом». И вообще весьма странные сетования: чтобы сохранить дружбу, достаточно отказаться от недостойного замысла разлучить любящих. Но Полидор предпочитает употребить свою власть.

Софья, трезво оценившая положение, просит Леандра не мстить Полидору, так как он его командир. «Того довольно к свершению нашего несчастья», — говорит она. Так и случается. Полидор отправляет Леандра на казнь, а сам пытается добиться любви Софьи, обещая за эти помиловать ее жениха.

Потерпев неудачу, Полидор раскаивается, велит снять кандалы с Леандра и говорит: «Будьте благополучны и наслаждайтесь тем удовольствием, которого я вас лишить не мог». Софья прощает его и благодарит «за дарование свободы обожаемому человеку», а Леандр умилен «благородным» поступком начальника, обнимает его и даже уверяет, что своим благополучием обязан именно ему — своему любезному другу Полидору. Автору русской пьесы хотелось дать благополучный конец, но такой неуместный здесь мотив благородства и дружбы не что иное, как использование основной идеи «Истинного друга».

Несмотря на все неувязки, явившиеся отголоском произведения Гольдони, несмотря на невысокие художественные достоинства

---

¹²² Сравним этот заключительный монолог первого действия с соответствующим монологом в комедии Гольдони. Приводим его в переводе П. Титова: «Но, о Боже! Неужели Милон ... удался от меня мысль эта! Я знаю моего друга и не могу иметь в нем ни малого сомнения; уверен, что он меня любит, и что прежде лишится жизни, нежели будет в состоянии изменить мне. [Уходит]». В «Действии любви», несмотря на переделку в соответствии с новой ситуацией, контуры этого монолога видны в реплике Полидора — и тем яснее, чем более странным оказывается ее содержание.

русской комедии, все же она заслуживает внимания тем, что в ней отражен произвол начальства, имеющего фактически безграничную власть над подчиненными, и полное бесправие последних. Правда, мы не знаем, насколько сознательно автор ставил перед собой обличительную цель, а критическая направленность в изображении произвола несколько блекнет из-за странного использования мотива дружбы. Но, должно быть, и в таком виде комедия могла прозвучать обличением нравов Екатерининской эпохи. Вероятно, чтобы не навлечь на себя гнева, в конце пьесы автор счел необходимым воздать хвалу императрице (если только это сделал сам автор). В заключительную реплику Леандра врывается фраза, которая на фоне описанных безнаказанных действий «полководца» звучит резким диссонансом: «[к Клеону] . . . Ты найдешь во мне усердствующего к сохранению старости твоей почтительного сына, который не престанет прославлять время счастливого царства Всеавгустейшей монархини и щедрой матери сердец наших, озаряющей оком своим все места правосудия». Однако эта тирада, пожалуй, только придала пьесе некоторую историчность, указав точно время действия и лишний раз подчеркнув, что декларации Екатерины II о правосудии находятся в вопиющем противоречии с действительностью.

* * *

В России XVIII века критические статьи о Гольдони и его творчестве очень малочисленны. Несмотря на то что комедии Гольдони переводились, печатались и ставились на сцене, нам неизвестны отзывы об этих постановках или рецензии на издания переводов. Кроме приведенного выше предисловия к переводу драмы Дидро «Побочный сын», где И. Яковлев высказывал свое отрицательное отношение к комедии «Истинный друг», известна еще одна рецензия Карамзина, помещенная в его «Московском журнале» за 1791 год. Эта небольшая статья посвящена «Мемуарам» Гольдони, вышедшим в Париже в 1787 году на французском языке.¹²³ Тон и содержание рецензии свидетельствуют о том, что читателям журнала было достаточно хорошо знакомо творчество итальянского драматурга. Автор не дает никакой характеристики Гольдони, даже не называет его имени и начинает рецензию словами: «Книга весьма занимательна. Самые малейшие обстоятельства умеет Гольдони описывать приятнейшим образом». Карамзин подчеркивает художественные достоинства «Мемуаров»

---

¹²³ (Рец.) *Mémoires de Goldoni, pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son Théâtre*. 3 vol. à Paris. То есть: Гольдониевы записки, заключающие в себе историю его жизни и театра. «Московский журнал», 1791, ч. II, кн. 2, май, стр. 203—204. — Рецензия перепечатана в книге: Н. М. Карамзин, Избр. соч. т. 2, М.—Л., 1964, стр. 96—97.

и прямодушные автора, повествующего о своей сложной и чрезвычайно богатой событиями жизни. В рецензии упоминается только одна пьеса — «Благодетельный грубиян» — в связи с тем что Гольдони написал ее по-французски и гордился ее успехом у французов. Собственно, оценка творчества Гольдони содержится в одной лишь фразе: «Нельзя не удивляться его творческой плодовитости, скорости, с которой он сочинял — правда, иногда и не так хорошо! — и трудным обстоятельствам, в которые он входил. Во время авторской жизни своей сочинил он двести театральных пьес!». Но оговариваясь, таким образом, что не все произведения Гольдони достаточно хороши в художественном отношении, Карамзин высоко ценит его творчество и рекомендует драматургам учиться у Гольдони находить сюжеты своих произведений в самой жизни: «Описание того, как он сочинял и что подавало ему повод к сочинению пьес, может быть полезно для нового театрального Автора». Несомненно, что рецензия такого типа могла быть написана на книгу, известную в оригинале довольно широкому кругу русских читателей.¹²⁴

В начале XIX века в «Драматическом вестнике» появилась статья А. Е. Измайлова «О Гольдони, славном итальянском писателе», как бы подводящая итог жизни и творчества драматурга.¹²⁵ На четырех страницах даны краткие био-библиографические сведения о Гольдони и его произведениях, данных на итальянском и французском языках. Коротко, но довольно отчетливо сказано о театральной реформе Гольдони и что он «помощию своих комедий мало по малу... ввел настоящий вкус хорошего и благовоспи-

¹²⁴ В XVIII веке «Мемуары» не были переведены на русский язык. В настоящей статье не затрагивался вопрос о распространении в России XVIII века произведений Гольдони в оригинале и во французском переводе. Однако не подлежит сомнению, что итальянские и французские издания комедий Гольдони занимали почетное место в библиотеках русских любителей изящной словесности, а знакомство с его творениями зачастую входило в программу домашнего образования. Об этом свидетельствует и запись в детском дневнике Андрея Ивановича Тургенева (1784—1803), сделанная 11 августа 1796 года: «В понедельник, проснувшись, первая мысль была обыкновенная. Почитав комедий Голдония, пошел учиться. Отучившись и отобедавши, пошел в малой дом и читал там Голдония. Отучившись после обеда, ходил по двору и был у матушки в спальню. Немного погода лег спать. На постеле читал Голдония...» (ИРЛИ, архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 2669, л. 2 об; см. также: лл. 1 об., 2, 3 об.). Не рассматривался в данной статье также и вопрос о влиянии Гольдони на творчество русских драматургов XVIII века (за исключением анализа русской комедии «Действие любви»). На эту тему существует едва ли не единственная статья Б. Г. Рензова «К вопросу о западных параллелях „Недоросля“» (в кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, стр. 157—164). А, вероятно, Яковлев имел основания «сетовать» на «вошедшее из итальянского театра в великое ныне употребление в наши театральные сочинения» некоторых нововведений (см. стр. 341).

¹²⁵ «Драматический вестник», 1808, ч. III, № 69, стр. 109—112. См. также заметку о Гольдони в журнале Я. А. Галинковского «Корифей или Ключ литературы», СПб., (1803?), ч. III (Талия), стр. 89—90.

танного общества; разнообразные предметы, на которые он писал, простирались на все состояния людей, и потому-то он заслуживал всеобщее уважение и удивление. Слава о Гольдони не в одном его отечестве заключалась: Германия, Англия, Португалия, Франция не редко требовали от него новых произведений для своих итальянских театров». Но Измайлов не упомянул о русских переводах.

В начале XIX века в связи с изменением литературных ориентаций, произведения Гольдони редко переводились и ставились на русской сцене. По существу можно говорить лишь о нескольких переделках, в которых от Гольдони почти ничего не осталось.¹²⁶ Вероятно, не случайно в предисловии-посвящении к единственному настоящему переводу комедии Гольдони в начале XIX века — «Памеле» —¹²⁷ переводчик Алексей Левшин писал: «Драматические сочинения Карла Гольдони, прославленного на итальянском театре, не были еще переведены на отечественный наш язык». Оказывается, А. Левшин не знал даже о переводе его однофамильцем В. А. Левшиным комедии Гольдони «Слуга двух господ».

Новый интерес к драматургии Гольдони возникает в России с начала 60-х годов XIX века в связи с общим интересом к Италии и ее литературе. В 60-е и 70-е годы на русский язык переводится несколько комедий Гольдони, но только с 80-х годов они снова начинают ставиться на русской сцене.¹²⁸

Приложение

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОЛЬДОНИ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Carlo Goldoni. Il mondo della luna, festa giocosa teatrale, da rappresentarsi nel nuovo Imperial Teatro di Pietra di S. Pietroburgo all'occasione del suo primo aprimento per celebrare l'annuo festivo giorno dell'incorona-

¹²⁶ В частности, В. А. Каратыгин перевел искаженную немецкую переделку комедии «Трактирщица», которая ставилась в 30-е годы в Петербурге под названием «Мирандолина, или Седина в бороду, а бес в ребро».

¹²⁷ Помелла. Комедия в трех действиях. Сочинение Карла Гольдони. Перевод с итальянского Алексея Левшина. М., 1812

¹²⁸ См.: Стронская Я. Гольдони, 668—672. — Публикуя в 1872 году свой перевод комедии Гольдони, А. Н. Островский писал: «Я перевел „Кюфеню“ для того, чтобы познакомить нашу публику с самым известным итальянским драматургом в одном из лучших его произведений ... тип Дон Марцио показывает, что Гольдони был большой художник в рисовке характеров» (А. Н. Островский. Драматические переводы. СПб., 1872, стр. IV).

nazione di S. M. I. Caterina II. . . , posta in musica dal Sigr Giovanni Paisiello, maestro di cappella di S. M. I. ed ispettore dell'opere e dell'orchestra. In Pietroburgo, 1783, nella stamperia di Breitkopf. 54 c.

Имя автора указано на авантитуле.

Сокращенный вариант произведения Гольдони.

ГБЛ, ГПБ.¹

2. *L'amore artigiano*, opera comica del Sgr Goldoni, da rappresentarsi nel Imperial Teatro di St.Pietroburgo, l'anno 1785, posta in musica dal Sgr Carlo Cannobbio, compositore della musica dei balli e primo violino in actual servizio di sua Maesta Imperatrice di tutte le Russie. In St.Pietroburgo nella stamperia di Breitkopf. <1785>. 82 p.

Сокращенный вариант либретто Гольдони.

ГБЛ, ГПБ.

НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ ФРАНЦУЗСКИМ ПЕРЕВОДОМ

1. *La cascina*, dramma giocoso per musica, da rappresentarsi nel Teatro del Giardino di Corte nell'autunno dell'anno 1758. — *La ferme*, opéra comique mis en musique, pour représenter au Théâtre du jardin de la Cour, l'automne 1758. A St. Pétersbourg. <1758>. 151 c.

На обороте титульного листа: La musica è del Sig. Giuseppe Scolari.
ГПБ.

2. *Il filosofo di campagna*, dramma giocoso per musica. Da rappresentarsi nel Teatro del Giardino di Corte per il giorno 5 settembre nell'anno 1758. St. Petersburg. <1758>.

На обороте титульного листа: La musica è del celebre maestro Sig. Baldassare Galuppi detto Buranello.²

3. *Il negligente*, dramma giocoso per musica, da rappresentarsi nel Teatro del Giardino di Corte nella primavera dell'anno 1758, a S. Petersburg. Impressa nella stamperia del Nobil Corpo dei Cadetti. — *Le negligent*, opéra comique mis en musique, pour représenter au Théâtre du Jardin de la Cour, le printemps de l'année 1758, à S. Pétersbourg. Imprimé au noble Corps des Cadets. <СПб., 1758>. 99 c.

На обороте титульного листа: La musica è del Sig. Gio. Placido Rutini Fiorentino.

ГПБ.

4. *La ritornata di Londra*, dramma giocoso per musica, da rappresentarsi al Teatro del Giardino Imperiale. Nel carnevale dell'anno 1758. *Le retour de Londres*, opéra comique mis en musique. Pour représenter au Théâtre du Jardin Impérial. Dans le carnaval de l'année 1758. Imprimé dans l'imprimerie du noble Corps des Cadets. <СПб., 1758>. 205 c.

Музыка Д. Фискьетти.

ГПБ.

5. *Lo speciale*, dramma giocoso per musica. Da rappresentarsi nel Teatro del Giardino di Corte. Il carnevale dell'anno 1758. — *L'apoticair*, opéra comique mis en musique. Pour représenter au Théâtre du jardin de la Cour. Impressa nella stamperia Imperiale di St.Petersbourg. <1758>. 113 c.

Музыка Д. Фискьетти и В. Паллавичини.

ГПБ.

¹ Места хранения приводимых изданий даны в сокращении: БАН — Библиотека Академии наук СССР; ГБЛ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина; ГПБ — Государственная ордена Трудового Красного знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² Данные об этом издании приведены по книге: Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. II. М.—Л., 1929, стр. XXX, примеч. 161.

НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ ПЕРЕВОДОМ

1. Il conte Caramella, dramma comico per musica. Da rappresentarsi nel Teatro di Mosca nell'estate dell'anno 1759. — Г р а ф К а р а м е л л и, драма комическая на музыке. Для представления на Московском театре летом 1759 года. Переводил учащейся при Имп. Московском университете лейб-гвардии конного полку квартирмейстер Александр Карин. М. Печатана при Московском Имп. университете. <1759>. 115 с.
Музыка Б. Галуппи.
ГБЛ, ГПБ.
2. Il mondo alla roverscia, dramma giocoso per musica. Da rappresentarsi all'apertura del nuovo teatro privilegiato dell'Imperial città di Mosca nel carnevale dell'anno 1759. — О б р а щ е н н ы й м и р, драма увеселительная с музыкою, представляется на привилегированном публичном Новом театре столичного города Москвы в 1759 году. <М.>. Печатана при Московском Имп. университете. <1759>. 103 с.
Музыка Б. Галуппи.
ГБЛ, БАН, ГПБ.
3. La calamita de' cuori, dramma giocoso per musica. Da rappresentarsi nel nuovo teatro di Mosca. L'anno 1759. — С е р д е ч н о й м а г н и т, драма увеселительная с музыкою, представляется на Новом Московском театре. Переведена с италийского языка студентом Егором Булатнищим. <М.>. Печатана при Московском Императорском университете <1759>. 99 с.
Музыка Б. Галуппи.
ГПБ.
4. Il filosofo di campagna, dramma giocoso per musica di Polisseno Fegejo Pastor Arcade. Rappresentato nel teatro in Mosca nel anno 1774. La musica è di nuova composizione del rinomato signor Baldassar Galuppi, detto il Buranello, direttore della musica di cappella di sua Maestà Imperiale e della Ducal cappella di San. Marco in Venezia. Tradotto in russo e stampato presso l'università Imperiale di Mosca. — С е л ь с к о й ф и л о с о ф, опера комическая на музыке, сочинена г. Полиссеном Феджеем, членом Академии Аркадской, представлена на Московском театре 1774 года. Музыка славного г. Балтазара Галуппия, именуемого Буранелло, директора музыки и капелмейстера двора ея имп. величества и герцогской капелли святого Марка в Венеции. Переведена и напечатана при Имп. Московском университете. <М., 1774>. 103 с.
ГБЛ, БАН, ГПБ.

В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

1. Благодетельный грубиян, комедия, игранная на Парижском театре, сочинения г. Гольдони; переведена с французского Михайлом Храповицким. В Санктпетербурге, <тип. Акад. наук>, 1772 года. 142 с.
Оригинальное заглавие: Le bougu bienfaisant.
БАН, ГПБ.
2. Домашние несогласия. Забавное зрелище в пяти действиях. Перевод из Голдониева феатра с небольшими по нашим обычаям отменами. Иждивением общества, старающегося о напечатании книг. В Санктпетербурге, <тип. Акад. наук>, 1773 года. 154 с.
Оригинальное заглавие: I puntigli domestici.
ГБЛ, БАН, ГПБ.
3. Лжец, забавное зрелище. Вольный перевод из Голдония. В Санктпетербурге, <тип. Акад. наук>, 1774 года. 143 с.
Оригинальное заглавие: Il bugiardo.
ГБЛ, БАН, ГПБ.

4. **Добрая девка**, комическая опера в трех действиях, музыка г. Пичини. Сочинена, подражая италянкой «И. А. Дмитревским». Первой раз представлена на Кусковском театре собственными его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева певичами и певчими июля 2 дня, 1782 года. Печатана в Москве 1782 года. 78 с.
Оригинальное заглавие: *La buona figliuola*.
ГБЛ, БАН, ГПБ.
5. **Аптекарь**, комическая опера в трех действиях, представленная на придворном театре в Санктпетербурге 1758 года. Переведена с итальянского с «тудентом» Фокою Розоновым. Москва, в Университетской типографии, у В. Окрокова, 1789. 125 с.
Оригинальное заглавие: *Lo speziale*.
ГБЛ, БАН, ГПБ.
6. **Истинный друг**. Комедия в трех действиях. Подражание Голдонию «*Il vero amico*» Павла Титова. В Санктпетербурге, с дозволения Управы Благочиния, 1795 года. 172 с.
БАН, ГПБ.
7. **Поскорей пока не проведали, или Странной случай**. Комедия в трех действиях, переделанная с немецкого «М. Матинским». В Санктпетербурге, с дозволения Управы Благочиния, «тип. В. Плавильщикова», 1796 года. 155 с.
Оригинальное заглавие: *Un curioso accidente*.
ГБЛ, БАН, ГПБ.
8. **Слуга двух господ**. Комедия в трех действиях. Вольной перевод из Голдониева театра. Представлена в первой раз на домовом театре е. с. князь Владимира Ивановича Щербатова, 1795 году, июля 16 дня. — В кн.: Труды Василия Левшина, ч. I, М., 1796, стр. 81—189.
Оригинальное заглавие: *Il servitore di due padroni*.
БАН, ГПБ.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Первый русский перевод из «Зрителя» (№ 139). 1720-е годы.
Архив Академии наук СССР (стр. 15).
- Перевод В. К. Третьяковского из «Зрителя» (№ 139). Автограф.
Архив Академии наук СССР (стр. 16).
- «Микромегас» Вольтера. «Ежемесячные сочинения», январь 1756 года
(стр. 125).
- «Кандид» Вольтера. Анонимный перевод 1770-х годов. Первый лист.
Музей И. С. Тургенева, Орел (стр. 202).
- «История Карла XII» Вольтера. Анонимный перевод 1746 года. Список второй половины XVIII века. Титульный лист.
Библиотека Академии наук СССР (стр. 203).
- Трактат Ж.-Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Перевод П. С. Потемкина. Титульный лист (стр. 217).
- «Эмилия Галотти» Лессинга. Перевод Н. М. Карамзина. Титульный лист (стр. 299).
- «Ворчун-благодетель» Гольдони. Перевод М. В. Храповицкого. Титульный лист (стр. 325).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблесимов А. А.** 220
Автономов Н. П. 4, 48
Аддисон Дж. 4, 6, 7, 9, 12, 18, 20—26, 28, 32, 33, 35, 37, 49—52, 54, 69, 71, 72, 84, 100, 102, 104—106, 153
Александр I 230, 235, 317
Александренко В. Н. 12, 41, 112
Алексеев М. П. 3, 41, 55, 58, 111, 112, 168, 169, 199, 285, 300
Алексеев-Попов В. С. 211, 237
Алексей Петрович 250, 251
Альтшуллер М. Г. 74, 76
Амфитеатров А. В. 308
Анакреонт 112, 134, 197
Анастасевич В. Г. 233
Андреев П. 99, 218
Анна Иоанновна 309, 310, 315
Анненков А. Н. 295
Анненский Н. И. 99
Антонин Пий 78
Апостол Д. П. 12
Апостол П. Д. 12
Апухтин Г. П. 296
Арапов П. Н. 161, 164, 296, 318, 323, 330
Аргамасова Ф. И. 158
Аржанс Ж.-Б., Ле Буайе де 132, 133
Ариан А. А. 294
Ариосто Л. 112, 134
Аристотель 124
Артемьев А. И. 196
Астарита Дж. 319
Афанасьев А. Н. 5, 47, 58

Баджел Ю. 21, 104—106
Бамдас М. М. 298
Бантыш-Каменский Н. Н. 92
Баранов Д. О. 207
Барр, Ж.-Ф. Февр, кавалер де ля 187

Барро Ж. де 22
Барсов А. А. 172
Бартелеми Ж.-Ж. 266
Батюшков К. Н. 162
Бахмутский В. Я. 154
Бахтин И. И. 175, 194
Бахтин Н. Н. 329
Башилов С. С. 182, 183, 216
Бекетов П. П. 198, 199
Беккариа Ч. 231, 232
Белинский В. Г. 291, 306
Бенда Ф. 304
Бенитский А. П. 149, 302
Березина В. Г. 39, 129
Беркли Дж. 32, 104
Берков П. Н. 4, 7, 19, 23, 25, 29, 34, 35, 39, 40, 51, 58, 60, 62, 63, 66—68, 111, 122, 123, 129, 132, 133, 135, 142, 148, 150, 173, 196, 199, 229, 243, 283, 285, 295, 301, 305, 326, 344
Беркова К. Н. 111
Бертье Г.-Ф. 154
Бехтеев Ф. Д. 116
Бецкой И. И. 111, 229
Благодаров Я. И. 102
Блекстон В. 57, 63
Блулов Д. Н. 205
Бобров С. С. 96
Боброва Л. Е. 199
Богданов А. 14
Богданович И. Ф. 145—152, 162, 192, 196, 207, 218, 239, 265
Богданович П. И. 69, 70, 102, 182, 184, 187, 220, 278, 288
Боккаччо Дж. 112
Болотов А. Т. 326
Болтин Д. С. 219
Болтина Е. Ф. 154—156
Бомарше П.-О. Карон де 135, 190, 323

- Бомон Э. де 188
 Бонд В. 11, 26, 31, 106
 Бонне Ш. 227
 Борд Ш. 221, 224, 225
 Боске М. А. 71
 Бочарников К. 183
 Бочкарев В. А. 302
 Брайко Г. Л. 68, 286
 Брейткопф 296, 350
 Бриммер В. К. 305
 Брянецв А. М. 65, 94
 Буало Н. 112, 126, 171
 Буасси Л. 120
 Булан (Бюлан) Ж. 320
 Булатницкий Е. 313, 351
 Булгаков А. С. 55
 Булич Н. Н. 47
 Бурдин С. М. 123
 Бутурлина В. А. 157
 Бучневич В. Е. 70
 Бьельке г-жа 245
 Бюффон Ж.-Л. 77
 Бюшинг А. Ф. 68

 Варанс Л.-Е., баронесса де 244
 Васильев В. 288
 Вахрамеев И. А. 206, 207
 Вацуро В. Э. 201
 Великий С. И. 56, 103
 Вельяшев-Воынецв И. А. 189
 Вергилий (Виргилий) 46, 94, 99, 134, 173, 197, 302
 Веревкин М. И. 103
 Веселовский Алексей Н. 12
 Виен И. И. 320
 Виланд К. М. 7, 283
 Виноградов И. И. 177, 178, 216
 Воейков А. Ф. 161
 Волков А. А. 135
 Волков Ф. Г. 141, 162
 Волчков С. С. 285, 290
 Вольней К.-Ф. 270
 Вольтер (Вольтер) Ф.-М. 7, 36, 77, 110—205, 216, 218, 220, 225, 230, 239, 240, 243, 250, 254, 266, 291, 301
 Вольф Х. 194
 Воронцов А. Р. 111, 123, 126, 265
 Воронцов Е. 182
 Воронцов М. Л. 113, 116
 Воронцов М. С. 110, 113, 116, 126, 222, 246, 265
 Воронцов Р. Л. 248, 249
 Воронцов С. Р. 265, 271
 Востоков А. X. 290
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 168, 284, 318—320, 329, 330
 Вяземский П. А. 158, 200, 274
 Вышеславцев М. М. 98

 Гагедорн (Хагедорн) Ф. 289
 Галинковский Я. А. 71, 348
 Галлер А. 4, 69, 102
 Галуппи Б. 310—316, 350, 351
 Гальен де Сальморан Т.-А. 197
 Гамильтон В. 70
 Гандини И. 323
 Гассман Ф. Л. 319
 Геллерт Х. Ф. 69, 73, 74, 93, 98, 283, 288, 289, 323
 Гельвещий К.-А. 148, 237, 238, 241, 242, 246, 249, 257, 271, 280
 Геннади Г. Н. 149, 154
 Генрих IV 121, 199
 Генрих VIII 101
 Гердер И. Г. 300
 Герцен А. И. 266, 281
 Геснер С. 293, 296
 Гете И.-В. 291, 302, 303
 Гибер Ж.-А.-И. 175, 176
 Глебов С. И. 152, 174, 175
 Глебов Ф. И. 215
 Глинка С. Н. 216
 Глинка Ф. Н. 216
 Глюк К. В. 315
 Гоббс Дж. 228
 Гоголь Н. В. 213, 341, 342
 Голдсмит (Голдшмит) О. 26, 63, 68, 71, 75, 99, 103, 104
 Голенищев-Кутузов И. Л. 182, 183, 185, 207
 Голицын А. И. 169, 200
 Голицын А. М. 186
 Голицын Д. В. 244, 245
 Голицына Е. М. 94
 Голицына Н. П. 244
 Головкин А. А. 222
 Голомбиевский А. 230
 Гольбах П. 238
 Гольдони (Голдони) К. 172, 307—352
 Гомер 112, 194, 278
 Гондолиан 219
 Горащий 112, 134, 265
 Гордон Л. С. 118, 278
 Горчаков Д. П. 178, 187
 Готшед И. К. 12, 18
 Гравело Ю.-Ф. 230
 Гранди Т. 318
 Грассгоф X. 3, 113
 Грей Т. 71
 Греч Н. И. 56, 230
 Гримм Ф.-М. 143, 195, 221, 224, 243
 Грот Я. К. 114, 230
 Гуковский Г. А. 37, 61, 130, 136, 170, 182, 201, 213, 225, 270, 296
 Гурауэр Г. Э. 304, 305
 Гурьев Д. А. 235

- Даламбер Ж. Ле Рон 77, 188, 222
 Даль В. И. 295
 Дамилавиль Э.-Н. 187
 Данилов С. С. 168
 Данкур Ф. 150
 Данте 112
 Дантон Ж.-Ж. 264
 Данцель Т. В. 304, 305
 Дашков Д. В. 161
 Дашкова Е. Р. 5, 57—59, 92, 110,
 111, 148, 222, 246
 Деббелин К. М. 304, 305
 Деббелин К. Т. 304
 Дедейан Ш. 145, 208, 266
 Декарт Р. 228
 Делакруа И.-В. 220, 243
 Дельсталь Е. Н. 218
 Денон В. 196
 Державин Г. Р. 220, 265
 Державин К. Н. 111, 119, 138, 143,
 166, 167, 180, 344
 Десницкий А. 71
 Дегуш Ф. 135, 283, 312
 Дживелегов А. К. 308, 338
 Джонсон С. 6, 7, 10, 26, 29, 30, 33,
 38, 42, 43, 56, 60, 64, 71, 72, 79,
 98, 99, 104, 105
 Дзюба Т. В. 308, 309
 Дидро (Дидерот) Д. 143, 152—154,
 165, 195, 201, 222, 249, 307,
 339, 340, 341, 343, 347
 Дмитриевский И. А. 36, 43, 89, 139,
 162, 164, 189, 295, 318, 352
 Дмитриев И. И. 71, 75, 98, 149,
 264, 265, 271, 272
 Дмитриев М. А. 149, 190
 Дмитриев-Мамонов А. И. 76, 79
 Дмитриев-Мамонов М. А. 249
 Добролюбов Н. А. 59
 Додсли Р. 30, 56, 103
 Долгоруков В. Д. 264
 Домашнев С. Г. 40, 90, 147, 170,
 173, 224, 322
 Дора К.-Ж. 196
 Достоевский Ф. М. 247, 266, 281
 Дризен Н. В. 157
 Дубровский А. Л. 165—167, 207
 Дуни Э. Р. 315, 319
 Дюлоран А.-Ж. 278
 Дюмон А. 272
 Дюфрени Ш. 150
 Евгений (Болховитинов) 43, 201,
 220, 233
 Еврипид 112
 Екатерина II 39, 46, 49—51, 55—58,
 69, 79, 110, 133, 134, 136, 140,
 151, 157, 175, 189, 207, 215, 216,
 221, 222, 229—233, 235—237,
 239, 240, 243, 245, 246, 250, 256,
 269, 285, 316, 319, 322, 347, 350
 Екатерина Павловна 218
 Елагин И. П. 283, 284
 Елизавета Петровна 17, 31, 60, 185,
 315
 Елистратова А. А. 9
 Ельчанинов Б. Е. 135, 144, 145, 149,
 152, 249
 Емелях Л. И. 204
 Есипов А. 94
 Ефимьев Д. В. 204, 205
 Ефремов П. А. 43, 141
 Жемчугова (Шереметева) П. И. 318
 Жихарев С. П. 162, 204, 295
 Жоли де Флери Г.-Ф. 154
 Жуковский В. А. 215, 247, 303
 Заборов П. Р. 4, 65, 75, 300, 324
 Загорский Ф. 98, 99
 Западов А. В. 63
 Захаров И. С. 292
 Захарьин П. М. 278
 Золотницкий В. Т. 41, 90, 285
 Зорич С. Г. 175
 Иван VI Антонович 185
 Иевлев В. Т. 167—169
 Иерусалем И. Ф. 291, 304
 Измайлов А. Е. 198, 200, 289, 348,
 349
 Измайлов В. В. 220
 Ильин Н. И. 164
 Ильинский Л. К. 201
 Ингер А. Г. 10
 Ираклий II 293
 Исаев М. М. 231
 Кавос К. А. 314
 Кавчинский М. 10, 11, 18
 Каган Л. В. 180
 Калас Д. 187, 188
 Калас Ж. 187, 188
 Калас П. 187, 188
 Каллиграф И. И. 164
 Каллиграфова (Каллиграф) Н. Ф. 295
 Каллаш В. В. 288
 Камоенс Л. 170
 Канноббио К. 319, 350
 Кантемир А. Д. 3, 12, 32, 112—114
 Каплинский В. Я. 282
 Карабанов П. М. 159—162, 207
 Карамзин Н. М. 67, 70, 75, 99, 103,
 148, 149, 168, 199, 206, 218, 234,
 256, 263—277, 280, 289, 295—
 302, 305, 347

- Каратыгин А. В. 330
 Каратыгин В. А. 349
 Каратыгин П. П. 165
 Карин А. 313, 351
 Карин Ф. Г. 166, 201
 Карл II 99
 Карл XII 112, 113
 Картавов П. А. 112, 204
 Картер Э. 33, 105
 Карцев Ф. И. 204
 Катон 218
 Кашин Н. П. 184
 Квирини Дж. 114, 115
 Керцелли И. Ф. 320
 Кино Ф. 134
 Кириченко-Остромов К. 100
 Клепиков С. А. 13, 14
 Клоотс А. 262
 Клотц Х. А. 305
 Клушин А. И. 284, 301, 302, 335
 Княжнин Я. Б. 163, 172, 173, 182, 323, 329, 330
 Князькова Г. П. 150
 Кобеко Д. Ф. 56, 111
 Ковалевская Е. Г. 298
 Ковалевский Н. 281
 Коган Л. А. 190
 Коган Ю. Я. 204, 229
 Козельский Я. П. 220, 228, 229, 238, 241, 242
 Козницкий Г. В. 34, 47, 87
 Козловский П. Б. 71
 Козловский Ф. А. 134, 162
 Колле Ш. 320
 Кольбер (Колберт) Ж.-Б. 33, 34, 88
 Кольтеллини М. 318
 Колюпанов Н. П. 4
 Кондратьев А. А. 76
 Копьев А. 323
 Корнель П. 112, 126, 129—131, 133, 134, 137, 147, 171, 172, 323, 329, 330
 Коровин Г. М. 114
 Костин М. 93
 Костров Е. И. 175—177, 201
 Коцебу А. 301, 302
 Кочубей В. П. 232
 Кошелев А. И. 4
 Краснополюский И. 220
 Кребильон П. 119, 120, 168
 Крестова Л. В. 111
 Кропотов И. И. 135
 Крутицкий А. М. 333
 Крыжановский Э. А. 323
 Крыжицкий Г. 219
 Крылов И. А. 159, 161, 208, 265, 278, 288, 301
 Кряжмская И. А. 297, 298
 Кубасов И. А. 302
 Кубачева В. Н. 6
 Кувабара Т. 209
 Кузнецова Н. Н. 289
 Кулябко Е. С. 117
 Кутина Л. Л. 123
 Кутузов А. М. 65, 248
 Лабзин А. Ф. 98
 Лабомель Л.-А. 118, 119
 Лазинский Ф. 92
 Лазурский В. Ф. 4, 13, 21, 52, 55
 Ламартин А. 209
 Ланжевен Л. 117
 Ланкло Н. де 197
 Ланской Д. 188
 Лапчинский А. 341
 Лафинов И. 151
 Лафонтен Ж. 265
 Лебег-Дюпрель (Лебег-Депрель) А.-Г. 218, 219, 221, 243
 Лебедев В. И. 35, 88
 Левек П.-Ш. 269
 Ле Форт 310
 Левин Ю. Д. 182
 Левинсон-Лессинг В. Ф. 196
 Леви-Стросс К. 211, 256
 Левицкий Н. Е. 182, 184
 Левченко Ф. 175
 Левшин А. 349
 Левшин В. А. 295, 296, 303, 304, 319, 320, 335—339, 349, 352
 Лейбниц Г. В. 178, 240
 Лемьер А.-М. 168
 Ленин В. И. 8, 216
 Ленц Я. 300
 Лепехин П. И. 60, 95
 Лермонтов М. Ю. 277
 Лесаж А.-Р. 112
 Лессинг Г.-Э. 282—306
 Летранж Р. 285, 290
 Ливанова Т. Н. 309
 Лигон Р. 33, 73
 Лилло Дж. 153, 283
 Литтлтон Дж. 70
 Лифанов Е. 339
 Лихачев Н. П. 13, 14
 Локателли Дж. Б. 310—316
 Локк Дж. 9, 10, 36, 63, 70, 72, 194, 227
 Ломоносов М. В. 24, 35, 114—117, 122, 123, 170, 189, 194, 218, 223, 224
 Лонгинов М. Н. 144
 Лопухин И. В. 247
 Лотман Ю. М. 65, 179, 211, 249, 267, 271, 278
 Лужков А. И. 218
 Лужны Р. 5, 24, 35, 41, 84
 Лукан 170

- Лукин В. И. 134, 145, 149, 151, 249, 283, 284, 292, 326
 Львов Н. А. 205
 Львов П. Ю. 71
 Люблинский В. С. 111
 Людвиг-Евгений Вюртембергский 230
 Людовик XIV (Лудвиг, Лудовик) 12—17, 33, 55, 80—82, 88
 Людовик XVI 233
 Люлли Ж.-Б. 319
 Мабли Г. 247, 257, 259, 261, 267
 Майков В. И. 162—164, 182, 219, 247
 Майков Л. Н. 34, 59, 112, 162, 164
 Макаров М. Н. 201
 Макогоненко Г. П. 64—66, 152, 158, 248, 255, 256
 Максимович-Амбодик Н. М. 229
 Макферсон Дж. 71
 Маленин А. И. 201
 Малиновский А. Ф. 221
 Малышев В. И. 13
 Мальборо (Мальборуг) Дж. Ч. 83
 Мальзерб К.-Г. 218, 219, 275
 Манджини Н. 308
 Манфредини В. 316
 Марат Ж.-П. 264
 Мариво П. 150, 323
 Маринчик П. 318
 Мария Федоровна 230
 Марк Аврелий 78
 Маркс К. 8
 Мармонтель Ж.-Ф. 230
 Мартин-и-Солер В. 320, 326
 Мартынов И. И. 219, 263
 Маслов В. И. 71
 Матинский М. 333, 334, 352
 Маттеи М. 318
 Медведев В. 218
 Меддокс (Маддокс) М. Е. 164, 295, 298, 326, 333
 Мейер А. 291
 Мендельсон (Мендельзон) М. 301, 305
 Ментенон Ф. д'Обинье 42, 86, 91
 Меншиков А. Д. 12
 Мерсье (Мерсье) Л.-С. 4, 69, 72, 74, 99, 102, 270, 271
 Метастазιο П. А. Д. 112, 315
 Мещерский В. Ф. 171
 Миллер Г. Ф. 18, 19, 25, 26, 29, 31, 33, 34, 122
 Мильберг Э. 11, 18
 Мильтон Дж. 46, 112, 170
 Милютин В. А. 4, 25, 26
 Мирабо О.-Г. 222
 Могилянский А. П. 163
 Модзалевский Л. Б. 111
 Мозер Р.-А. 309—311, 314—320
 Мокульский С. С. 168, 308
 Молан Л. 114
 Молчанов П. С. 94
 Мольер Ж.-Б. 116, 134, 141, 150, 171, 322
 Монброн Фужре де 132, 133
 Монтезь М. 112
 Монтескье Ш. 77, 112, 225, 228, 231—233, 236, 241, 247, 250, 260
 Мор Т. 268
 Моретти Ф. 320
 Морков В. И. 318, 320
 Морлей Дж. 340
 Москотильников С. А. 200
 Мур Э. 153
 Мэкензи Г. 74, 75, 105
 Мюллер Ф. 303
 Наполеон Бонапарт 274
 Нартов А. А. 87, 283, 284, 303, 312
 Нахимов А. Н. 99
 Неведомский В. Н. 340
 Незеленов А. И. 50, 64, 66
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 201, 205
 Неплюев Н. 189
 Неустроев А. Н. 4, 34, 59, 84, 282
 Нечаев В. Н. 169
 Нечкина М. В. 111
 Нивель де ля Шоссе П.-К. 112, 135
 Никифоров Л. А. 13
 Николай Ф. 301, 306
 Николев Н. П. 139, 166
 Николини Т. 316
 Новиков Н. И. 41, 53, 61—67, 70, 144, 152, 166, 168, 246—249, 254, 268, 287, 293, 304, 331
 Ноннот Кл.-Ф. 154
 Ньютон И. 32, 112, 113, 194
 Овидий 112
 Огиевский Д. М., 176
 Озеров В. А. 265
 Озеров П. А. 289
 Олар А. 273
 Олешев А. В. 76
 Опочинин И. М. 180
 Ореча А. 318
 Оришин А. Д. 326
 Орлов В. Г. 222
 Орлов В. Н. 201
 Орлов Г. Г. 158, 229, 230, 317
 Орлов Ф. Г. 158
 Ортолани Дж. 308, 312
 Осипов Н. П. 99
 Оссиан 71, 74, 99
 Островский А. Н. 344, 349
 Ошерович Б. С. 231

- Павел I 56, 230, 296, 320
 Паизиелло Дж. 310, 317, 319, 350
 Палицын А. 218
 Паллавичини В. 311, 350
 Папышев В. 288, 290
 Паскаль Б. 112
 Пастухов П. И. 40, 89, 90
 Пекарский П. П. 14, 31, 34, 47, 122
 Пельский П. А. 220, 278
 Пермский М. 40—43, 90, 91
 Персиц М. М. 204
 Петерсон О. П. 284
 Петин В. А. 296
 Петин И. А. 290
 Петр I 3, 12—17, 36, 60, 80—82,
 116, 117, 121, 216, 233, 234, 269,
 270, 272
 Петр III 34, 215
 Петрарка Ф. 112
 Петров А. А. 67, 95, 103, 248, 297
 Петров П. И. 60, 95
 Петровский Н. М. 61
 Пигаль Ж.-Б. 195, 302
 Питт В. 96, 107
 Пиччинни Н. 310, 316, 317, 352
 Плавт 292
 Платон 134
 Погодин М. П. 75, 281, 300
 Подшивалов В. С. 70—72, 74, 288,
 305
 Полевой П. Н. 282
 Поленов В. А. 60, 95
 Поленов Д. 222
 Полетика М. И. 216
 Полонская И. М. 191, 193
 Полторацкий С. Д. 204
 Полуниин Ф. А. 182
 Полянский Н. Н. 188
 Померанцев В. П. 164, 300, 326
 Поморский М. 323, 335
 Понте Л. да 320
 Поп (Попе, Попий) А. 63, 65, 94
 101, 106, 240
 Попов М. И. 182, 183
 Попова М. Н. 117
 Поповский Н. Н. 224
 Порошин С. А. 29, 34, 87, 157, 224,
 230, 315
 Португалов М. В. 206
 Потемкин П. С. 164, 165, 215, 217,
 218, 246, 247
 Потемкин С. П. 165
 Прево д'Экзиль А.-Ф. 112
 Превратухина Р. К. 151
 Привалова Е. П. 67
 Прийма Ф. Я. 112, 117
 Проzorовский А. А. 168, 169
 Протасов А. П. 144, 186
 Пумпянский Л. В. 17
 Пушкин А. С. 140, 169, 200, 235,
 251, 265, 266, 280, 341, 342
 Пушников Н. 135
 Пфэффель Г. К. 285
 Пыпин А. Н. 204
 Радишев А. Н. 126, 142, 172, 173,
 179, 221, 233—235, 237, 240, 241,
 257—263, 267, 268
 Радовский М. И. 32
 Разумовский К. Г. 224
 Рак В. Д. 52
 Расин Ж. 112, 116, 126, 129—131,
 133, 134, 136, 137, 139, 168, 171,
 265
 Рахманинов И. Г. 102, 174, 175,
 191—194, 207, 289
 Рахманов С. Е. 333
 Резанов В. И. 215
 Рейзов Б. Г. 308, 334, 348
 Рейналь (Реналь) Г.-Т. 73, 74, 143,
 165, 195, 224
 Рейхель И.-Г. 147, 220, 221, 239
 Репинский Г. К. 231
 Рёрс Г. 208, 209
 Решетников А. Г. 289
 Ржевский А. А. 59, 149
 Рижский И. С. 221
 Риккобони Л. 344
 Ристори Т. 310
 Ричардсон (Рихардзон) С. 68, 266
 Робертсон В. 57, 58
 Робеспьер М. 262, 271—273
 Рогожин В. Н. 282
 Рождественский П. 341
 Розанов М. Н. 208, 209, 300, 342
 Розанов (Розонов) Ф. Ф. 321, 352
 Рознотовский Е. В. 187, 188
 Розов Н. Н. 201
 Роллан Р. 209
 Ролли П. 112
 Рубан В. Г. 61
 Рулин П. И. 141
 Румянцев И. Ф. 62, 284, 285
 Румянцев С. П. 111
 Руссо Ж.-Б. 112
 Руссо Ж.-Ж. 75, 77, 147, 148, 165,
 186, 208—281
 Рутини Дж. П. М. 311, 350
 Рыкалов В. Ф. 333
 Рюпельмонд М.-М.-Э. 113
 Саблие Ш. 344
 Савин А. 98
 Сайтов В. И. 166
 Салтыков Б. М. 111
 Салтыков П. С. 136
 Самойлов А. А. 193
 Санд (Занд) Ж. 281

- Сандунов С. Н. 333
 Сандунова Е. С. 333
 Санковский В. Д. 41, 140
 Санти Ф. 60, 95
 Сартти Дж. 318—320
 Свербеев Д. Н. 226
 Светов А. Б. 179
 Светов В. П. 59, 94
 Свиньи́на Е. П. 98
 Свистунов П. С. 141, 142, 207
 Свифт Дж. 38, 52, 57, 63, 69, 102, 129
 Семенников В. П. 55, 57, 59, 61, 62, 65, 69, 76, 157, 172, 189, 322, 323, 330, 331, 333, 335
 Сенека 38, 112, 246
 Сен-Пьер, Ш.-И. аббат де 176, 218
 Сент-Обен Г. 196
 Сервантес М. 112
 Серво Р. 244
 Серман И. Э. 14, 116, 131, 141, 147, 180, 223, 224, 239, 326
 Сивков К. В. 74
 Сигал Н. А. 154
 Силий Италик 170
 Симони П. К. 199
 Симонс Дж.-С.-Г. 29, 33, 42, 43, 56
 Симонс Э.-Дж. 5, 25, 33, 55, 63, 84
 Сипявская М. С. 296, 300
 Сипявская У. С. 296, 300
 Сиповский В. В. 111, 272, 283, 292, 297, 302,
 Сирано де Бержерак С. 150
 Сирвен П.-П. 187
 Сичкарев Л. И. 43—46, 55, 100, 101
 Скала Ф. 344
 Сколари Дж. 311, 315, 350
 Слак Т. 43
 Словцов П. А. 263
 Смирдин А. Ф. 35
 Смирнов Н. 73—75
 Смит А. 58
 Смоллет Т. 63
 Соколов А. Н. 171
 Соколова Н. В. 117
 Сокольский Г. 306
 Сократ 218
 Солнцев В. Ф. 4, 47—49, 51, 54, 55, 61, 84
 Сопиков В. С. 282, 329
 Софокл (Сафокл) 197
 Сохацкий П. А. 70, 71
 Сперанский М. М. 263
 Спиридов М. Г. 183, 186
 Срезневский В. И. 251
 Срезневский И. И. 206
 Сталь Ж. де 251
 Станкевич А. И. 159
 Степанов Н. Л. 263
 Стерн Л. 63, 68, 71, 296
 Стиль Р. 4, 7, 9—14, 18, 21—28, 33, 35, 49—52, 71, 84, 98, 104—106
 Стороженский Н. 70
 Стороженко Н. И. 111
 Страхов П. И. 216, 247
 Стремоухов И. В. 204, 205
 Стронская Е. Б. 308, 309, 330, 339, 344, 349
 Сулла 262
 Сумароков А. П. 36, 37, 89, 114, 127—140, 156, 162, 170, 209, 220, 223, 225—228, 249, 250, 251, 283, 284
 Сумароков П. П. 76, 78
 Сухомлинов М. И. 57
 Таганцев Н. С. 231
 Тассо Т. 112, 134, 170
 Татаринцев А. 233
 Татищев И. И. 74, 99
 Тейльс И. А. 62, 284, 285
 Тимофеев С. П. 66
 Тит 78
 Титов П. Н. 342—344, 346, 352
 Тихонравов Н. С. 169
 Толстой Л. Н. 213, 275, 277, 278, 281
 Томашевский Б. В. 265
 Томсон Дж. 71, 153, 154
 Тредиаковский В. К. 14, 16, 17, 23, 36, 81, 131, 132, 170, 171, 223
 Трефолов Л. Н. 180
 Тронская М. А. 285
 Тук В. 56
 Гуманский Ф. О. 69, 159, 305
 Гургенев А. И. 348
 Гургенев И. П. 248
 Гургенев И. С. 202, 206
 Гургенев Н. И. 272
 Турковский П. Е. 190
 Тучков С. 220
 Тьебо Д. 264
 Фавар Ж. 315
 Фаустини-Фазини Е. 317
 Федр 287
 Филдинг Г. 57, 63, 68
 Финдейзен Н. Ф. 309, 314, 317, 350
 Фискьетти Д. 311, 350
 Фишер А. 43
 Фома Аквинский 124
 Фонвизин Д. И. 152, 157—159, 162, 183, 205, 249—252, 254—257, 266, 277, 283, 284
 Фонтен де (Дефонтен) аббат 302
 Фонтенель Б. 31, 32
 Формей Ж.-Л.-С. 221

- Фредерика-Доротея 230
 Фрейберг П. 323
 Фрерон Э.-К. 143
 Фридлендер Г. М. 282, 295, 296, 302
 Фридрих II 34, 116, 176, 187, 197,
 264, 286, 291
 Фриче В. М. 308
 Харламов Е. С. 101, 152
 Хвостов А. С. 158
 Хвостов И. М. 201
 Хемницер И. И. 139, 140, 198, 199,
 201
 Херасков М. М. 40, 42, 61, 147, 170,
 206
 Хлюстин Н. 71, 72, 99
 Хованский П. В. 157
 Хоксуорт (Гавковорт) Дж. 7, 10, 65,
 66, 70, 72, 79, 94, 103, 104
 Хольберг Л. 283
 Хом (Гом) Г. лорд Кеймс (Каймес)
 76
 Храповицкий М. В. 324, 325, 351
 Цицерон 81, 83, 112
 Цоппис Ф. 315
 Чампи В. Л. 314, 315
 Чатам лорд 243
 Чайнова О. Э. 164, 295, 326, 333
 Чебышев А. А. 139
 Черкасов И. И. 34, 87
 Черепнин Л. В. 204
 Чернышев И. Г. 154
 Чернышева Т. П. 6, 41, 42
 Чернышевский Н. Г. 280—282, 304,
 306
 Честерфилд (Честерфильд) Ф.-Д.-С.
 64, 68, 93, 104, 107
 Чудаков Г. И. 341
 Чуди Т.-А. 117, 118, 120, 121
 Чулков М. Д. 61, 296
 Шаликов П. И. 71
 Шамрай Д. Д. 37, 129, 189
 Шафтсбери А.-Э. 241
 Шевырев С. П. 306
 Шекспир В. 21, 55, 153, 168, 172,
 297, 300, 301
 Шереметев П. Б. 318, 352
 Шеридан Р.-Б. 55
 Шерлок В. 22
 Шиллер Ф. 247, 284, 297, 301, 302
 Шипов Г. И. 187
 Шкловский В. Б. 296
 Шмидтова Э. 210
 Шмурло Е. Ф. 117, 233
 Шоме А.-Ж. 154
 Штелин Я. 309—312, 314—316, 331
 Штранге М. М. 182, 188, 190, 222
 Шувалов А. П. 111
 Шувалов И. И. 110, 111, 114, 116,
 117, 122
 Шумахер И.-Д. 14
 Шумигорский Е. С. 47, 230
 Щербатов В. И. 335, 352
 Щербатов М. М. 236—239
 Эзоп (Езоп) 287, 289
 Эйхенбаум Б. М. 295
 Экгоф Г. К. 294
 Экушар-Лебрен П.-Д. 197, 198
 Элиашберг Ф. 251
 Эмин Н. Ф. 280
 Эмин Ф. А. 61, 141, 189
 Энгельман Б. Е. 249
 Энгельс Ф. 7, 8
 Юдин М. 215
 Юм Д. 143
 Юнг Э. 63, 65, 71, 74—76
 Языков Д. Д. 111
 Яковлев И. И. 340—342, 347, 348
 Янкович К. 329

Addison J. см. Аддисон Дж.
 Alexeev M. P. см. Алексеев М. П.
 Anderson M. S. 13
 Amfiteatrov A. см. Амфитеатров А. В.
 Anseume 320

Bachman A. 145
 Bates W. 33
 Beattie J. 105
 Berkeley G. см. Беркли
 Besterman Th. 111
 Bissel B. 33
 Bland H. 106

Blassneck M. 11, 12
 Bond R. P. 10
 Bond W. см. Бонд В.
 Boss V. 112
 Bouvy E. 156
 Breitkopf 350
 Bruce H. L. 156
 Budgeell E. см. Баджел Ю.

Cannobio C. см. Каннобио К.
 Carcassonne E. 192
 Carter E. см. Картер Э.
 Chalmers A. 86

Chapman J. W. 214
Chesterfield F. см. Честерфилд Ф.
Crossley J. 11
Cullen W. 105

Danzel Th. W. см. Данцель Т. В.
Davis R. M. 153
Dédeyan Ch. см. Дедейан Ш.
Delacroix I.-V. см. Делакруа И.-В.
Deloffre F. 150
Deschanel Em. 143
Desnoiresterres G. 132, 154, 195
Draper J. M. 52
Duncombe W. 107
Dunlop A. 106

Ehrard M. 112
Ellwood Ch. A. 46

Faramund L. E. 12
Faustini-Fasini E. см. Фаустини-Фа-
зини Е.
Fordyce J. 104
François A. 120

Galuppi B. см. Галуппи Б.
Grasshof H. см. Грасгоф Х.
Grimm F.-M. см. Гримм Ф.-М.
Grove H. 106
Guhrauer G. E. см. Гурауэр Г. Э.

Hammond B. 46
Hammond J. L. 46
Harder H.-B. 147
Haumant E. 111
Hawkesworth J. см. Хоксуорт Дж.
Heinrich J. 28
Henry 105
Hughes J. 105, 106

Jakoby K. 12
Johnson S. см. Джонсон С.
Joret Ch. 291

Kawczyński M. см. Кавчинский М.
Kinkel H. 303
Korff H. A. 156

Legras J. 266
Lenel S. 119
Lessing G. E. см. Лессинг Г. Э.
Lion H. 153
Lowenstein R. 137
Lozinskij G. 113

MacConnel A. 257
MacDonald W. L. 9
MacKee K. N. 138

Mackenzie H. см. Мэкензи Г.
MacLean K. 9
Mangini N. см. Манджини Н.
Masmonteil E. 188
Meister J.-H. 143, 195
Milberg E. см. Мильберг Э.
Miller E. E. 12
Mokulski S. см. Мокульский С. С.
Mølberg H. 154
Moldenhauer G. 156
Montgomery 106
Moore E. 107
Mooser R.-A. см. Мозер Р.-А.

Nisard Ch. 118
Nixon E. 188

Orieux J. 195
Ortolani G. см. Ортолани Дж.

Paisiello G. см. Паизиелло Дж.
Parnell Th. 106
Patouillet J. 134
Pingaud L. 111
Pitt W. см. Питт В.
Pope A. см. Поп А.
Price L. M. 33, 73

Quéraud J.-M. 197

Ratermanis J.-B. 150
Reinaud L. 11
Rilla P. 303
Röhrs H. см. Рёрс Г.
Rousseau J. J. см. Руссо Ж.-Ж.
Rutini G. P. M. см. Рутини Дж.
П. М.

Schmidt E. 294
Scolari G. см. Сколари Дж.
Simmons E. J. см. Симмонс Э. Дж.
Spence J. 105
Steele R. см. Стиль Р.
Strömberg K. R. G. 156
Szymdtowa Z. см. Шмидтова Э.
Smurlo E. см. Шмурло Е. Ф.

Taphanel A. 118
Todt W. 291, 303
Torrey N.-L. 154
Tumins V. A. 111

Voltaire F.-M. см. Вольтер Ф.-М.

Warton J. 104
Weed K. K. 10
Witkowski T. 257
Wotton W. 104

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>Ю. Д. Левин.</i> Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века	3
П р и л о ж е н и е I. Неопубликованные переводы «Зрителя» № 139	80
П р и л о ж е н и е II. Материалы к библиографии английской журналистики в русских переводах XVIII века	84
<i>П. Р. Заборов.</i> Вольтер в русских переводах XVIII века	110
П р и л о ж е н и е I. Из русской стихотворной вольтерианы	194
П р и л о ж е н и е II. К истории русского «рукописного Вольтера»	200
<i>Ю. М. Лотман.</i> Руссо и русская культура XVIII века	208
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> Лессинг в русской литературе XVIII века	282
<i>Р. М. Горохова.</i> Драматургия Гольдони в России XVIII века	307
П р и л о ж е н и е. Библиографический указатель произведений Гольдони, опубликованных в России в XVIII веке	349
Список иллюстраций	353
Именной указатель	354

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ
Из истории
международных связей
русской литературы

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *Р. Е. Зендель*
Корректоры *Р. Г. Гершинская, А. И. Кац и Л. Я. Комм*

Сдано в набор 7/II 1967 г. Подписано к печати 5/VI 1967 г.
РИСО АН СССР № 74 = 139В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Бум. л. 11³/₈. Печ. л. 22³/₄ = 22,75 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
28.33. Изд. № 3156. Тип. вак. № 66. М-18171. Тираж 3800.
Бумага типографская № 1. Цена 1 р. 98 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12